Ст.В-1381

Александръ Миклашевскій.

Обмѣнъ

и

экономическая политика.

Юрьевъ-Дерптъ.
Типографія К. Маттисена.
1904.

Bst. B- 1381

Александръ Миклашевскій.

Обмѣнъ

и

экономическая политика.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
8437

Юрьевъ-Дерптъ.
Типографія К. Маттисена.
1904.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета печатать разрѣшается.

Деканъ Е. Пассекъ.

Юрьевъ, 17 ноября 1904 г.

№ 460.

Est-B
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
2926

Отъ автора.

Издавая въ свѣтъ настоящій трудъ, я предвижу, что въ нашей научной литературѣ онъ вызоветъ не мало возраженій. Мнѣ и самому пришлось по многимъ вопросамъ не соглашаться съ товарищами по научной работѣ въ русской экономической литературѣ. Я просилъ бы моихъ критиковъ помнить, что появленіе этой книги вызвано искреннимъ стремленіемъ приблизиться къ истинному пониманію одного изъ сложнѣйшихъ вопросовъ экономіи. Быть можетъ, тотъ путь, которымъ я шелъ, окажется ошибочнымъ; въ моемъ трудѣ будетъ найдено много несовершенствъ, но только ошибаясь мы всѣ идемъ къ цѣли, которая насъ объединяетъ. Въ конечномъ результатѣ: vincit veritas.

Второй томъ моего труда я разсчитываю посвятить исторіи аграрно-промышленной политики въ Россіи съ момента освобожденія крестьянъ.

Александръ Миклашевскій.

Юрьевъ-Дерптъ, 1904 г.

Оглавленіе.

Глава I-я. **Литературный обзоръ вмѣсто введенія. Торговля и торговая политика** . . . . . Стр. 1—56.

Глава II-я. **Обмѣнъ и принципъ сравнительныхъ издержекъ.** I. Субъективная трудовая цѣнность и абсолютная трудовая стоимость. § 1. Общія замѣчанія. § 2. Идея дифференціальной производительности труда. § 3. Въ царствѣ Утопіи. II. Четыре основные принципа теоріи обмѣна. § 1. Международный обмѣнъ и равенство прибыли. § 2. Абстрактныя разсужденія изъ взятыхъ предположеній. Что слѣдуетъ понимать подъ эквивалентной формой цѣнности. . . . . Стр. 56—128.

Глава III-я. **Производительность труда, какъ теоретическій постулатъ въ экономіи.** § 1. Общее понятіе о рынкѣ. § 2. Производительность труда, какъ сила созидающая и разрушающая. Два народника и два неомарксиста. § 3. Идея товарнаго фетишизма и теорія накопленія въ истолкованіи русскихъ народниковъ и неомарксистовъ. § 4. Производительность труда и схоластика въ экономіи . . . . . Стр. 129—229.

Глава IV-я. **Дифференціальный принципъ и его значеніе.** § 1. Двѣ исходныя точки зрѣнія. § 2. Истолкованіе дифференціальнаго принципа. § 3. Трудъ, какъ затрата энергіи, и необходимое содержаніе. Возможенъ ли замаскированный возвратъ къ Смиту-Мальтусу: Бухъ, Бернштейнъ, Штольцманъ. § 4. Необходимое содержаніе и прибавочный продуктъ . . . . . Стр. 230—331.

Глава V-я. **Дифференціальная прибыль и ея отношеніе къ цѣнѣ.** § 1. Двѣ самыя неудачныя главы въ сочиненіяхъ Рикардо и Маркса. § 2. Роковая ошибка Карла Маркса. § 3. Законъ паденія прибыли въ трудахъ Смита, Рикардо, Мальтуса и Маркса. § 4. Теорія преобладанія. . . . Стр. 332—447.

Глава VI-я. **Экономическая политика и ея руководящее начало.** Стр. 448—474.

Приложеніе, исправленія и опечатки. . . . . Стр. 475—492.

Глава 1-я.

Литературный обзоръ вмѣсто введенія. Торговля и торговая политика.

1.

При изученіи исторіи экономическихъ ученій можно идти весьма различными путями. Особымъ предпочтеніемъ съ общимъ торжествомъ историческаго направленія въ наукѣ и съ возникновеніемъ такъ называемаго экономическаго матеріализма сталъ пользоваться тотъ методъ изслѣдованія, при которомъ экономическія ученія разсматриваются въ непосредственной связи съ реальной жизненной обстановкой, окружавшей автора и дававшей ему матеріалъ для наблюденій. Въ наше время противъ правомѣрности такого метода изслѣдованія возражать не приходится. Извѣстная среда, какъ людская, такъ и природная, среда внѣшняго міра вещей, даетъ намъ тѣ знанія и тѣ общіе интересы, подъ угломъ зрѣнія которыхъ теоретики часто и построяютъ свои взгляды.

Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы прежній, старый, если можно такъ выразиться, методъ изслѣдованія потерялъ всякое значеніе при предположеніи, конечно, что имъ пользуются осторожно. На исторію экономическихъ ученій, также какъ и на исторію всѣхъ другихъ научныхъ взглядовъ, можно вѣдь смотрѣть, какъ на исторію послѣдовательнаго раскрытія истины, познанія вещей и отношеній въ доступныхъ намъ предѣлахъ. Мы должны изучать міръ экономическихъ явленій, какъ и всякихъ другихъ явленій общественной жизни и природы, не только въ процессѣ ихъ измѣнчиваго теченія, но и такъ какъ они есть, со стороны ихъ наблюдаемыхъ или постигаемыхъ свойствъ и закономѣрныхъ отношеній къ другимъ явленіямъ.

Марксъ“ [1]), „новѣйшая политическая экономія начинается только съ того времени, когда теоретическое изслѣдованіе переходитъ отъ процесса обращенія къ процессу производства“. Доля истины въ этомъ замѣчаніи имѣется, но неправды еще больше. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что никогда не было такого теченія экономической мысли, которое исключительно сосредоточивалось бы на изученіи процесса обращенія. О меркантилистахъ, родоначальникахъ экономической науки, этого сказать совершенно невозможно. Въ области изслѣдованія вопросовъ обращенія меркантилисты были въ большинствѣ случаевъ реалистами эмпириками, которыми въ значительной мѣрѣ мы остаемся и понынѣ именно благодаря отчасти тому обстоятельству, которое Марксъ отмѣчаетъ въ выше приведенной цитатѣ. Цѣлый рядъ писателей, не одинъ только Марксъ, которымъ политическая экономія обязана своимъ существованіемъ, дѣйствительно, съ особымъ предпочтеніемъ занимались одною областью изслѣдованія: производствомъ или вѣрнѣе тѣмъ отдѣломъ его, который именуется, скажемъ, употребляя довольно нелѣпый, какъ увидимъ ниже, терминъ „производствомъ цѣнностей“.

На этой почвѣ создалось своеобразное ученіе о цѣнности, прямымъ выводомъ изъ котораго и было ученіе о торговлѣ и непроизводительномъ капиталѣ вообще [2]). Въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ о торговлѣ сталъ разсматриваться и другой насущный вопросъ: что лучше для народа, оставаться ли въ первобытныхъ формахъ аграрнаго государства или, напротивъ, не слѣдуетъ ли всѣми мѣрами стремиться къ переходу къ государству торгово-промышленному? Другими словами, возникъ вопросъ о торговой политикѣ и ожесточенная борьба интересовъ въ этой области стала искать поддержки въ теоретической мысли, которая, открывая законы экономическихъ явленій, должна была начертать и правила торговой политики.

Не скрою, что довольно тягостно излагать работу мысли по двумъ этимъ вопросамъ. Она какъ бы старательно избѣгала вопросовъ теоріи обращенія, слишкомъ часто забывая, что пропорціи, въ которыхъ распредѣляется продуктъ труда между разными классами зависитъ не только отъ процессовъ производства, но и отъ обмѣна и *въ особенности распредѣленія.*

Вся схоластика, которой, признаю это, такъ опутана во многихъ отношеніяхъ современная политическая экономія и которая такъ устра-

---

1) см. Капиталъ, т. III, рус. пер., Спб. стр. 270.

2) Подъ непроизводительнымъ капиталомъ — я понимаю здѣсь капиталъ обращенія. Къ его многообразнымъ формамъ мы вернемся ниже.

шаетъ многихъ, исчезнетъ, если мы будемъ чаще вспоминать „золотыя слова“ Рикардо въ одномъ изъ его писемъ къ Мальтусу. Къ сожалѣнію Рикардо и самъ не всегда слѣдовалъ своему завѣту, а его послѣдователи перетолковали по своему слова своего учителя, какъ мы это не разъ увидимъ въ послѣдующемъ изслѣдованіи. Если бы эти слова были болѣе глубоко поняты послѣдующими теоретиками, то, быть можетъ, изслѣдованіе обращенія и распредѣленія было бы произведено съ большей глубиной и представители науки въ концѣ 18-го и въ 19-мъ вѣкѣ не относились бы съ такимъ пренебреженіемъ къ теоретическимъ взглядамъ и экономической политикѣ своихъ предшественниковъ-меркантилистовъ 17-го и начала 18-го вѣка, а ученіе о цѣнности не приняло бы того схоластическаго и безполезнаго вида. Вотъ что писалъ Рикардо: „политическая экономія, думаете вы (т. е. Мальтусъ), есть изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства. Мнѣ кажется, что эту науку скорѣе слѣдовало бы назвать изслѣдованіемъ законовъ, которые опредѣляютъ раздѣлъ продукта промышленности между тѣми классами, которые содѣйствуютъ его созданію. Нельзя создать никакого закона относительно количества, но изрядно точный законъ можетъ быть установленъ относительно пропорцій. Я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что первый способъ изслѣдованія тщетенъ и обманчивъ, а послѣдній представляетъ истинный предметъ науки[3]).

Въ письмѣ къ Маккулоху онъ выражается еще своеобразнѣе. „Какъ бы тамъ ни было, но великіе вопросы о рентѣ, заработной платѣ и прибыли должны быть объясняемы пропорціями, согласно которымъ совокупный продуктъ распредѣляется между землевладѣльцами, рабочими и капиталистами и которыя по существу не связаны съ ученіемъ о цѣнности“.

Читатель увидитъ ниже, что эти мѣста дадутъ намъ основаніе совершенно иначе истолковать ученіе о рентѣ Рикардо.

Анализъ теоріи обмѣна въ настоящей части нашего изслѣдованія покажетъ намъ, что Рикардо и самъ не слѣдовалъ по пути, которой онъ такъ правильно намѣчалъ. Не разъ придется намъ задуматься и во второй части нашего изслѣдованія, гдѣ мы должны будемъ, во все оружіи фактовъ, даваемыхъ торговою политикой главнѣйшихъ европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ, затронуть вопросъ, для котораго уже собрано не мало матеріаловъ

3) см. Letters to Malthus, изд. Бонара 1887 г., стр. 175—6. См. Letters to Macculloch, изд. Голэндера, 1895 г. стр. 72.

и который настоятельно требуетъ отвѣта, а именно, что даетъ намъ наше познаніе относительно тѣхъ связей, которыя существуютъ въ предѣлахъ народнаго хозяйства между „Preis und Machtverhältnisse“, какъ выражаются нѣмцы. Другими словами, намъ придется позаботиться тогда, на почвѣ фактовъ, о выясненіи значенія тѣхъ экономико-соціальныхъ силъ, которыя въ каждую своеобразную эпоху опредѣляютъ пропорціи въ классовыхъ доходахъ и служатъ дѣйствующими причинами при опредѣленіи руководящихъ началъ въ смѣнахъ торговой политики.

Въ настоящей части нашего изслѣдованія мы пойдемъ, однако, совершенно теоретическимъ путемъ. Мы начнемъ съ литературнаго обзора, который намъ поможетъ разобраться въ теоріи обмѣна, которая была построена физіократами и классиками. Этотъ обзоръ не претендуетъ на новизну, не даетъ изученія какихъ нибудь новыхъ писателей; онъ даже, если хотите, одностороненъ, ибо я останавливаюсь только на нѣкоторыхъ изъ писателей, которые занимались этими вопросами.

Изъ всего послѣдующаго изслѣдованія читатель, какъ мнѣ кажется, убѣдится, что теорія обмѣна классиковъ была въ значительной мѣрѣ начертана подъ давленіемъ нуждъ экономической политики. Я избираю для своего литературнаго обзора изображеніе одного изъ самыхъ слабыхъ ученій классической школы о торговомъ о капиталѣ, ибо анализируя это ученіе, мнѣ особенно удобно будетъ подчеркнуть: I. возникновеніе идеи объ эквивалентности обмѣна; какъ эта идея не выдерживалась послѣдовательно даже у ея выдающихся творцевъ, какой выводъ для торговой политики былъ сдѣланъ изъ этой идеи вообще и для политики доходовъ въ частности и 2. какую роль играетъ въ нашей капиталистической системѣ капиталъ обращенія вообще, откуда онъ получаетъ свою прибыль и какое значеніе имѣетъ тенденція стремящаяся держать доходы, въ особенности заработную плату и прибыль, на приблизительно одномъ болѣе или менѣе равномъ уровнѣ. Какъ увидитъ читатель изъ слѣдующей главы ученіе о международной торговлѣ много поможетъ намъ для перестройки всей теоріи обмѣна.

Я не намѣренъ писать здѣсь исторію меркантильной доктрины и останавливаться на той борьбѣ экономическихъ силъ, на всей той компликаціи территоріальныхъ и государственныхъ условій, которые вызвали литературное появленіе этой школы. Къ сожалѣнію, исторія этой шлолы изучена еще весьма слабо[4]). Любопытно было бы прослѣдить какъ и почему эта школа изъ простой системы торговой прибыли съ

4) Какое многообразіе торговыхъ, аграрныхъ, торгово-промышленныхъ теченій представляетъ собой меркантилизмъ въ этомъ читатель можетъ убѣдиться

девизомъ: „продавать иностранцамъ свои избытки и ежегодно больше, чѣмъ мы потребляемъ ихъ товаровъ въ деньгахъ или по цѣнности“ обратилась въ систему торговопромышленнаго протекціонизма съ рѣзкой мощью сосредоточившаго свои силы національнаго и государственнаго интереса. Какъ я уже сказалъ я не могу останавливаться на изученіи идей этой школы. Моя задача ограничивается выдающимися теоретиками 19 вѣка. Лишь для яркости нашего послѣдующаго обзора я остановлюсь на небольшомъ трактатѣ Мелона „Политическій опытъ о торговлѣ“ напечатанный въ 1734 году, чтобы показать, что доктрина меркантилизма въ своемъ конечномъ развитіи къ моменту перехода торговаго капитализма въ промышленный уже ставитъ такіе вопросы, которые теоретическая доктрина 19-го вѣка, вѣрнѣе его начала, старается опровергнуть, но далеко не съ большимъ успѣхомъ.

Мелонъ[5]) не говоритъ намъ, что такое торговый капиталъ, не раз-

изъ блѣдной, не богатой идеями, но тщательно выполненной книги: Ulisse Gobbi. La concorenza estera e gli antichi economisti Italiani, Milano, 1884 г. Гобби противополагаетъ меркантилизмъ такъ называемой имъ „sistema annonario“, задача которой, по его характеристикѣ, сводилась къ защитѣ національныхъ потребителей противъ конкуренціи иностранныхъ же потребителей; „эта система, пишетъ онъ, имѣла свою научную базу въ аристотелевской теоріи, согласно которой государство должно имѣть собственныя средства къ существованію и не пріобрѣтать ихъ путемъ торговли. Земледѣльческое производство удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ страны, но такъ какъ оно подвержено колебаніямъ отъ года къ году, то необходимо въ годы урожаевъ заботиться о годахъ неурожая: не слѣдуетъ продавать хлѣбъ, когда его уродится больше потребностей, но держать про запасъ“.

Я не настаиваю и не вижу особой пользы въ такихъ рѣзкихъ теоретическихъ подраздѣленіяхъ. Въ нихъ справедливо только то, что возникновеніе капиталистическаго хозяйства — всегда влечетъ на собой главную заботу: „реализацію появившагося прибавочнаго продукта“ и исканіе поля приложенія капитала для извлеченія прибыли.

Шмоллеръ правъ, когда онъ пишетъ: „хотя индивидуумъ и его семья производитъ, торгуетъ и потребляетъ, но только большія соціальныя группы создаютъ своей совмѣстной духовной и практической дѣятельностью тѣ внутреннія и внѣшнія хозяйственныя учрежденія, на которыхъ покоится хозяйственная и въ особенности торговая политика разныхъ временъ. Чувство и сознаніе солидарности хозяйственныхъ интересовъ во внѣ и внутри неизбѣжно и немедленно сводится къ внѣшнему проявленію эгоизма этого общественнаго союза. Торговая политика всѣхъ временъ получаетъ свой импульсъ отъ этого эгоизма“. См. Шмоллеръ „Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung: städtische, territoriale und staatliche Wirtschaftspolitik, (Umrisse, стр. 56—57), а также нашу послѣднюю главу.

5) Economistes-Financiers, ed. Daire, 1843 г., p. 707—832. Мы избираемъ этого писателя въ нашемъ введеніи именно потому, что онъ какъ бы сводитъ во едино доктрину меркантилизма умѣреннаго типа и съ нѣкоторыми сопоставленіями изъ другихъ писателей той же школы намъ не трудно будетъ указать одно изъ своеобразныхъ теченій этой школы.

суждаетъ о функціяхъ этого капитала, какъ это часто дѣлается теперь. Онъ реалистъ-эмпирикъ. Для него торговля — съ одной стороны необходимое явленіе экономической жизни, съ другой стороны, жестокая борьба, результаты которой оцѣниваются имъ, однако, совсѣмъ иначе, чѣмъ это дѣлала послѣдующая экономическая теорія.

„Предположите, говоритъ онъ, что земля состоитъ изъ трехъ острововъ. Каждый островъ имѣетъ одинаковую территорію и равное число жителей; одинъ изъ этихъ острововъ производитъ рожь, другой — ленъ, третій — напитки. Одинаковое количество жителей занято трудомъ, и урожай достаточенъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ трехъ острововъ. Изъ такого положенія вещей неизбѣжно вытекаетъ необходимость торговли. Каждый островъ, сохраняя для себя необходимое, остатокъ будетъ вымѣнивать на продукты другого острова. Потребности и обмѣны будутъ одинаковы и, какъ результатъ, балансъ торговли будетъ равенъ. Но, спрашиваетъ Мелонъ, что произойдетъ въ политикѣ и торговлѣ, если одинъ изъ острововъ будетъ настолько обработанъ, что въ состояніи будетъ доставлять себѣ собственнымъ трудомъ всѣ предметы, производимые на другихъ островахъ, и еще нѣкоторый избытокъ продуктовъ, въ которыхъ нуждаются другіе острова?“

„Если эти острова хорошо понимаютъ свои интересы и если они нуждаются въ хлѣбѣ, то они принудятъ островъ, производящій этотъ продуктъ создавать достаточное количество хлѣба и получать въ обмѣнъ предметы, производство которыхъ будетъ воспрещено этому острову; разъ подчинившись такимъ условіямъ, островъ, производящій хлѣбъ, не будетъ въ состояніи сбросить съ себя этого ига безъ возстанія, которое окончится для него полной потерей свободы, если островъ этотъ будетъ недостаточно силенъ. Наоборотъ, если островъ будетъ достаточно могущественъ, чтобы отстоять свою самостоятельность, то онъ подчинитъ себѣ всѣ остальные острова.“

„Первая обязанность подданныхъ повиноваться той верховной власти, подъ властью которой провидѣнію было угодно дать имъ жизнь. Но подданнымъ должно быть дозводено обсуждать то, что исходитъ отъ этой власти. Они поймутъ тогда, что кажущаюся несправедливость часто является государственной справедливостью, законной и даже необходимой, по соображеніямъ, которыя законодатель долженъ былъ держать въ секретѣ“. Необходимо, поэтому, искать основаній, по которымъ должна совершаться разумная торговая политика.

„Для того, чтобы быть могущественнымъ, островъ долженъ

обладать: во-первыхъ, многочисленнымъ населеніемъ, чего онъ можетъ достигнуть только тогда, если научится производить всѣ продукты, въ особенности предметы обработывающей промышленности, съ меньшими издержками производства, чѣмъ въ другихъ странахъ; во-вторыхъ, если онъ будетъ производить и болѣе хлѣба, и болѣе всѣхъ продуктовъ сравнительно съ собственными потребностями и, въ третьихъ, если у этого острова будетъ достаточно денегъ, наличность которыхъ даетъ возможность собственнику реализовать то, что онъ имѣетъ, для пріобрѣтенія недостающаго".

„Торговля, продолжаетъ Мелонъ, есть всегда обмѣнъ излишняго на необходимое, недостающее. Торговля процвѣтаетъ только тогда, когда каждый извлекаетъ наибольшія выгоды изъ того, что ему принадлежитъ: изъ земель, домовъ, рентъ, государственныхъ бумагъ. Излишнее безъ промѣна на необходимое теряетъ цѣну. Имѣя всѣ три указанныя выше преимущества, островъ, производящій хлѣбъ, скоро разрушитъ равенство баланса торговли, достигнетъ высшей степени могущества и „дастъ законы обмѣна" подчиненнымъ островамъ. Онъ будетъ поддерживать торговлю съ островами, которыхъ ему ничего бояться, и постарается уничтожить торговлю тѣхъ, соперничество которыхъ ему внушаетъ опасеніе. Такимъ образомъ, его спокойствіе будетъ равно его могуществу и этому нельзя удивляться: таково естественное и первоначальное право націй".

„Хлѣбъ, по мнѣнію Мелона, составляетъ основу торговли, такъ какъ онъ необходимъ для поддержанія жизни. Ошибочно думаютъ, что тѣ страны богаты, которые изобилуютъ рудниками золота и серебра. Владѣльцы рудниковъ, только тогда могутъ ихъ разрабатывать, когда владѣлецъ хлѣба дастъ возможность кормить рабочихъ . . . Не тотъ народъ богатъ также, у котораго много торговцевъ. Торговцы — это vendeurs de tous, faiseurs de rien".

Работники, ремесленники — вотъ что необходимо имѣть странѣ, ибо государство становится великимъ только числомъ работниковъ, которые умножаются во всякой профессіи смотря по свойствамъ страны, наклонностямъ людей и прибылямъ" [6]).

„Свобода въ политическомъ отношеніи, продолжаетъ Мелонъ, не заключается въ правѣ каждаго дѣлать все, что ему угодно, а только то, что не противорѣчитъ общему благу. Точно также и свобода торговли не должна заключаться въ неразумномъ произволѣ торговцевъ посылать и получать всякаго рода товары, а только тѣ

6) l. c. p. 708, 711, 739.

изъ нихъ, которыхъ ввозъ и вывозъ можетъ доставить гражданамъ возможность обмѣнивать избытки на необходимое, которое имъ не достаетъ“ [7]).

„Самая важная и наиболѣе извѣстная изъ всѣхъ истинъ это та, что торговля нуждается только въ свободѣ и покровительствѣ. *Если свобода имѣетъ какія нибудь ограниченія въ торговлѣ хлѣбомъ, эти ограниченія должны быть распространены и на всѣ другія товары*“ [8]).

„Правило относительно ввоза и вывоза должно быть такое: слѣдуетъ поощрять ввозъ и вывозъ не только силой оружія и освобожденіемъ отъ налоговъ, но и денежнымъ интересомъ (преміями и пошлинами) —, который освобождаетъ торговцевъ отъ всякаго риска. Это правило слѣдуетъ прилагать соотвѣтственно обстоятельствамъ въ зависимости отъ изобилія или недостатка того или другаго товара“ [9]).

„При этомъ, однако, слѣдуетъ лучше всего запрещать ввозъ сырыхъ матеріаловъ, чтобы дать возможность работать мануфактурамъ. Продукты пищеваго довольствія можно съ пользой удерживать у себя и получать; продукты ручнаго труда хорошо вывозить и разрѣшать ихъ привозъ только въ крайнемъ случаѣ.“ [10]).

Мелонъ полагаетъ, что цѣны на продукты не должны быть ни слишкомъ высоки, ни чрезмѣрно низки. Слѣдуетъ, по его мнѣнію помнить, что „богатство работника заключается только въ обезпеченности нахожденія работы, которая даетъ ему возможность кормить себя и свою семью“. При такихъ условіяхъ при всякихъ цѣнахъ заработная плата будетъ давать ему эту возможность. Только тогда, когда страна будетъ имѣть достаточное количество солдатъ для своей защиты, когда изчерпался запасъ въ странѣ земель для обработки, когда въ мануфактурахъ будетъ масса рабочихъ, только тогда можно думать объ организаціи колоній и о выселеніи народа въ нихъ“ [11]).

„Слѣдуетъ твердо помнить, что всѣ издержки производства товара для торговца оплачиваются потребителемъ“.

Какъ мы видимъ ученіе Мелона представляетъ довольно цѣльную систему теоріи торговли и торговой политики. Правда, не безъ труда

---

7) l. c. p. 756.

8) l. c. p. 716.

9) l. c. p. 755.

10) l. c. p. 750.

11) l. c. p. 801, 773 и 774. Любопытно отмѣтить, что Мелонъ является защитникомъ рабства въ колоніяхъ и по простымъ соображеніямъ: „Les colonies sont necessaires à la nation et les esclaves sont necessaires aux colonies“.

можно формулировать взгляды этого писателя. Онъ излагаетъ ихъ нѣсколько неуклюже и не въ систематическомъ порядкѣ. Для насъ это ученіе можетъ казаться банальностью. Для времени Мелона сочиненіе это имѣло большое значеніе и оказало не малое вліяніе даже внѣ предѣловъ Франціи. Если бы мы писали исторію меркантильной доктрины, мы могли бы безъ труда доказать, что система Мелона представляетъ собою любопытный обращикъ компромиса, который въ это время началъ вырабатываться между представителями аграрнаго и промышленнаго интереса. Стоитъ только заглянуть въ выше отмѣченный трудъ Гобби [12]), чтобы убѣдиться, на примѣрѣ Италіи, что меркантилисты въ качествѣ предшественниковъ имѣли представителей такъ называемой имъ „sistema annonario“ или выражаясь словами Шербюлье „s. pourvoyeur“ и нѣсколько позднѣе представителей аграрнаго протекціонизма, которые настаивали на необходимости прежде всего заботиться о средствахъ пропитанія и были яростными противниками вывоза хлѣбовъ. У Мелона уже является идея о „солидарности протежируемыхъ интересовъ“. Онъ склоненъ настаивать съ особой энергіей на необходимости вывоза мануфактуръ, на запрещеніи ввоза ихъ пошлинами, но готовъ допустить вывозъ хлѣба, когда его слишкомъ много. Ему представляется по отношенію къ хлѣбу наиболѣе раціональной система англичанъ: преміи на вывозъ хлѣба при его дешевизнѣ и преміи на ввозъ при его дороговизнѣ.

Было бы большой исторической несправедливостью утверждать, какъ это часто дѣлаютъ, что всѣ меркантилисты, какъ защитники, главнымъ образомъ, промышленнаго интереса, были сторонниками низкихъ цѣнъ на хлѣбъ по той причинѣ, что это даетъ возможность работникамъ платить болѣе дешевую заработную плату и, такимъ образомъ, легче конкурировать съ иностранцами. Мелонъ, какъ видимъ, и въ этомъ отношеніи держится нѣкотораго компромиса. Гобби утверждаетъ, что большинство изученныхъ имъ италіанскихъ меркантилистовъ настаиваетъ на относительной дешевизнѣ средствъ къ существованію, какъ на необходимыхъ условіяхъ многочисленнаго населенія и развитія производительной силы труда. Но несомнѣнно, что съ аргументовъ низкой заработной платы, какъ основѣ экономической политики и лучшемъ условіи для соперничества съ заграницей, мы встрѣчаемся у многихъ меркантилистовъ.

12) См. Gobbi, l. c., p. 75—89 и 110—118. Наиболѣе выдающимся италіанскимъ представителемъ этой системы былъ Segni въ его „Trattate sopra la carestia et la fame (1602). Представителями аграрнаго протекціонизма были въ Италіи Pascoli, Бандини и многіе другіе въ разныхъ странахъ.

Съ замѣчательною откровенностью высказывается по этому предмету одинъ, къ сожалѣнію, мало извѣстный у насъ англійскій меркантилистъ Джи. Въ главѣ 23-й своего труда онъ говоритъ о средствахъ, при помощи которыхъ можно поднять торговлю и устранить бѣдность. Примѣромъ наиболѣе удачной политики для него служатъ голландцы. „Голландцы, пишетъ онъ, заботятся о томъ, чтобы держать на низкой цѣнѣ всѣ продукты, которые можно употреблять въ мануфактурахъ и налагаютъ большіе налоги на продукты, безъ которыхъ абсолютно нельзя обойтись, напр. средства къ существованію, отопленіе . . . Они убѣждены, что голодъ и жажда заставятъ народъ работать, чтобы удовлетворить этимъ потребностямъ . . Таже политика, по его словамъ, господствуетъ во Франціи и въ Гамбургѣ . . . . .“ „Министры мудрой Елизаветы поняли выгоды, которыя получитъ нація, если будетъ устранено безпутство простаго народа, если его будутъ употреблять для полезныхъ работъ и въ мануфактурахъ, которые увеличатъ наше могущество, расширятъ торговлю и дадутъ намъ возможность поставлять иностранцамъ шерстяныя матеріи и другіе продукты. Вырвать народъ изъ бездѣлья и пріучить къ труду это значитъ уничтожить порокъ въ его сердцѣ и воспитать въ добродѣтели.“ „Наши мануфактуристы, продолжаетъ онъ, часто замѣчали, что, когда хлѣбъ дешевъ, они едва въ состояніи были находитъ ткачей и другихъ ремесленниковъ. Ремесленники, которые зарабатывали достаточно въ два или три дня, чтобы существовать въ теченіи цѣлой недѣли, всегда желали остальные дни проводить въ пьянствѣ и бездѣльи; совершенно противоположное замѣчалось, когда хлѣбъ былъ достаточно дорогъ: работники были принуждены работать цѣлую недѣлю. Мануфактуристы имѣли работниковъ, сколько хотѣли, а привычка къ труду такъ упрачивалась у нихъ, что они зарабатывали достаточно не только для того, чтобы существовать, но и для того, чтобы одѣваться и пріобрѣтать предметы, полезные для жизни“.

Джи является защитникомъ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. „До введенія этихъ пошлинъ, полагаетъ онъ, хлѣбъ былъ дешевъ и фермеры неохотно занимались посѣвами. Это пренебреженіе земледѣліемъ и посѣвами вызывало то, что мы имѣли неурожай каждыя два — четыре года и были принуждены покупать хлѣбъ у иностранцевъ. Взиманіе пошлинъ поощрило нашихъ фермеровъ къ обработкѣ земель и наши сосѣди, когда у нихъ обнаруживается неурожай, а это бываетъ каждые три-четыре года, обращаются къ намъ. Эти неурожаи у иностранцевъ происходятъ отъ ихъ неумѣнія хозяиничать. Они думаютъ, что нельзя позволять перевозить хлѣбъ изъ одного прихода

въ другой или изъ одного округа въ другой. Поэтому ихъ фермеры не сѣютъ болѣе того, сколько надѣются продать. Отсюда, когда получается неурожай, они принуждены обращаться къ иностранцамъ“ [13]).

Изъ сказаннаго видно, что до физіократовъ и Смита среди представителей меркантильной доктрины уже сложилось довольно своеобразное представленіе о торговой политикѣ, которое, примѣнясь къ условіямъ нашей дѣйствительности можно было бы формулировать такъ:

1) борьба націй за свои интересы законна и необходима; она всегда оканчивается побѣдой надъ слабѣйшимъ и его экономической эксплуатаціей; 2) въ этой борьбѣ побѣда остается за тѣмъ, кто экономически и *политически* [14]) сильнѣе т. е. за тѣмъ, кто производитъ самонасущнѣйшіе предметы напр. хлѣбъ, кто производитъ продукты съ наименьшими издержками, съ наибольшею производительностью труда; 3) обмѣнъ націй не совершается какъ размѣнъ равноцѣнностей; болѣе сильная страна опредѣляетъ условія обмѣна; 4) всѣ протежируемые интересы солидарны; интересъ всѣхъ промышленниковъ въ томъ, чтобы заработная плата не была высока.

2.

Я уже сказалъ, что мой литературный обзоръ будетъ краткимъ и одностороннимъ. Я остановлюсь только на ученіяхъ о торговомъ капиталѣ и торгово-экономической политикѣ Кене, Смита, Рикардо, Фурье, Маркса и загляну въ статьи издателей словаря экономическихъ наукъ, въ которомъ нѣмецкая наука попыталась сказать свое обобщающее для 19-го вѣка слово о торговомъ капиталѣ въ экономической системѣ.

Кене для меня интересенъ, какъ первый крупный проводникъ идеи эквивалентности товарнаго обмѣна и типичнѣйшій представитель аграрнаго капитализма. Смитъ и Рикардо, какъ представители „физіократическаго промышленнаго капитализма“ [15]), продолжавшіе развитіе

---

13) Читуемъ сочин. Gee по французскому переводу „Considerations sur le commerce et la navigation de la Grande Bretagne, Amsterdam MDCCL, гл. 23, comment on pourroit miex regler et employer les pauvres; conclusion, стр. 56, 57, 215 и passim.

14) Особенно сильно подчеркивается значеніе политическаго могущества въ трудахъ Forbonnais и Steuart'a, но мы не считаемъ нужнымъ на этомъ останавливаться. „Чистый доходъ“, даваемый торговлей и мануфактурами, лучшее орудіе государства, власти — твердитъ постоянно Стюартъ.

15) Эта характеристика будетъ объяснена впослѣдствіи. Аргументаціей истинныхъ аграріевъ — защитниковъ ренты — Мальтуса и Родбертуса мы много воспользуемся ниже при общей перестройкѣ теоріи обмѣна.

идеи эквивалентности товарнаго обмѣна Кене и нашедшіе для измѣренія цѣнности товара реальное объективное начало. Смитъ интересенъ намъ, какъ первый крупный теоретикъ въ области торговаго капитала. Въ ученіяхъ Рикардо мы должны будемъ обратить вниманіе на его теорію международной торговли, въ которой впервые идея эквивалентности товарнаго обмѣна терпитъ крушеніе. Фурье намъ интересенъ, какъ наиболѣе яркій представитель ненависти къ торговому капиталу, которому онъ придаетъ важнѣйшее значеніе въ нашей капиталистической системѣ. Марксъ намъ важенъ, какъ продолжатель Рикардо, въ трудахъ котораго идея эквивалентности товарнаго обмѣна окончательно разцвѣла и померкла, который болѣе (но не вполнѣ), чѣмъ какой либо другой писатель отдѣлался отъ идей физіократическаго капитализма, какъ писатель, который наиболѣе ярко представилъ основные принципы капиталистической торговой политики. Нѣмецкіе экономисты понадобятся намъ только для того, чтобы показать при помощи какихъ аргументовъ „безплодная“, съ точки зрѣнія физіократовъ и ихъ продолжателей, торговля была отнесена къ производству.

Любопытно отмѣтить, что творецъ идеи „чистаго продукта“ первый опредѣленно поставилъ проблему обращенія и нашелъ къ ней ключъ, которымъ многіе упорно желаютъ пользоваться и до нашихъ дней. Обмѣнъ, полагалъ Кене, есть размѣнъ равноцѣнностей. Производство заключается въ умноженіи чистаго продукта; торговля и капиталъ, который въ ней употребляется, не производятъ ничего.

Ознакомиться съ аргументаціей Кене мы можемъ лучше всего въ его отвѣтѣ на мемуаръ г-на М. Х. о пользѣ промышленности, торговли и о непроизводительности такъ называемаго безплоднаго класса и въ блестящемъ первомъ діалогѣ о „торговлѣ“, въ которомъ Кене пытается очень казуистически разбить всѣ доводы своего довольно наивнаго противника [16]).

1. „Торговля необходима, полагаетъ Кене, но отсюда не слѣдуетъ, что она производительна. Торговля—это обмѣнъ продуктовъ, которые уже существуютъ, созданы и обладаютъ присущею имъ цѣнностью до обмѣна. При томъ необходимомъ предположеніи, что купцы и продавцы одинаково внимательно относятся къ своимъ интересамъ, мы должны неизбѣжно признать слѣдующее положеніе: покупки и продажи уравновѣшиваются съ обѣихъ сторонъ такимъ образомъ, что ихъ обоюдное дѣйствіе приводитъ къ обмѣну цѣнности

16) См. Библіотека экономистовъ. вып. VI, пер. Горбунова.

на равноцѣнность [17]). Всемірное уравновѣшеніе цѣнъ создаетъ такой ихъ уровень, при которомъ націи ровно ничего не теряютъ ни отъ обмѣна, ни отъ неравенства цѣнъ [18]).

2. Обращеніе товара между земледѣльцемъ и ремесленникомъ не дѣлаетъ торговлю производительной. Сырой матеріалъ, добываемый изъ земли, не *получаетъ своей продажной цѣнности отъ употребленія, которое дѣлаетъ изъ него ремесленникъ*. Такое явленіе можетъ быть только дѣломъ временнымъ. Съ увеличеніемъ запроса ремесленниковъ на опредѣленный матеріалъ земледѣльцы стали бы расширять культуру этихъ продуктовъ и въ результатѣ употребленіе земли распредѣлилось бы между разнообразными выгодными культурами, не увеличивая общей массы добываемаго продукта [19]). Слѣдуетъ, по мнѣнію Кене, всегда помнить, что въ конечномъ результатѣ ремесленный классъ можетъ продавать свои произведенія лишь въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ произведеніямъ земледѣльческаго класса.

3. Необходимо отличать *выгоды торговцевъ отъ выгодъ торговли* [20]). Купецъ является иностранцемъ въ своемъ отечествѣ какъ тогда, когда онъ ведетъ торговлю съ своими согражданами, такъ и тогда, когда онъ торгуетъ съ заграницей. Торговцы ввозятъ, вывозятъ и наживаются по очереди за счетъ каждой націи. Ихъ барышъ всегда пріобрѣтается за счетъ тѣхъ продавцовъ, которые получили бы полностью цѣну, уплачиваемую покупателями, если бы не было посредствующихъ расходовъ на торговца. Торговая прибыль берется, слѣдовательно, по очереди съ каждой изъ торгующихъ націй и имъ выгодно, чтобы она была возможно меньше. Торговая прибыль сводится *къ сбереженію, которое продавецъ изъ первыхъ рукъ и покупатель-потребитель дѣлаютъ на расходахъ*, вызываемыхъ дѣятельностью и существованіемъ купцовъ—перепродавцовъ. Только полная свобода конкурренціи между торговцами заставляетъ ихъ довольствоваться минимальнымъ барышемъ. При наличности такой свободы прибыль, которую однѣ страны уплачиваютъ торговцамъ другихъ странъ, естественнымъ образомъ уравновѣшивается той прибылью, которую послѣдніе уплачиваютъ первымъ [21]). Слѣдуетъ, по этому, всегда помнить, что интересы торговцевъ противоположны интересамъ націй: торговцы желаютъ возможно увеличить свою при-

17) Отв. на мемуаръ стр. 137.
18) Торговля, стр. 174.
19) Отв. на мем. стр. 141, 143, 147.
20) Торговля, стр. 221, 169, 184.
21) Ib., стр. 150, 151, 187.

быль, нація должна желать низведенія прибыли торговцевъ до наименьшаго предѣла [22]). Таковы три главные аргумента Кене. Онъ такъ увѣренъ въ непроизводительности торговаго капитала, что даже считаетъ невозможнымъ для него возврать къ производству . . . На вопросъ М. Х., не возвращаются ли торговые барыши обратно къ производительному труду, когда торговцы перестаютъ заниматься своимъ дѣломъ и передаютъ нажитое наслѣдникамъ, Кене отвѣчаетъ [23]): „развѣ владѣльцы этихъ богатствъ займутся земледѣліемъ? Нѣтъ, они слишкомъ богаты, чтобы обременять себя заботами по веденію земледѣлія и лишать себя удовольствій и развлеченій городской жизни. Быть можетъ, они купятъ землю. Это правдоподобно, но такимъ поступкомъ они не увеличатъ ни количества земель, ни количества собственниковъ, такъ какъ земли которыя продаются, мѣняютъ только собственниковъ, но не свое пространство и мѣстоположеніе. Пріобрѣтутъ они разнаго рода обязательства или ренты? Можетъ быть, но въ такомъ случаѣ они обратятъ свои богатства въ ложные доходы, которые не обогащаютъ націи, а ведутъ только къ тому, что занимающіе деньги впадаютъ въ долги, совершенно ихъ раззоряющіе“ [24]).

Изъ сказаннаго видно, что Кене выставляетъ по существу дѣла слѣдующіе аргументы: а) обмѣнъ, какъ въ предѣлахъ страны, такъ и внѣ ея всегда обмѣнъ равноцѣнностей; торговля не создаетъ странѣ никакого богатства; б) всякій хозяйственный организмъ самодовлѣетъ въ себѣ, никакихъ внѣшнихъ рынковъ ему не требуется: земледѣліе и фабрикація, при наличности соотвѣтствующихъ природныхъ условій, дадутъ стройную картину взаимно зависимаго обмѣна, причемъ размѣръ фабрикаціи будетъ опредѣляться размѣрами земледѣлія.

Но значеніе всѣхъ этихъ выводовъ и необходимость полной свободы торговли Кене признаетъ только для идеальнаго, абстрактнаго порядка вещей. Въ дѣйствительности же онъ является защитникомъ особой системы сельскаго хозяйства и отнюдь не представителемъ аграрнаго интереса т. е. „ренты“. Физіократы съ полнымъ правомъ противополагали свою систему системѣ Кольбера. Послѣдняя была системой промышленнаго капитализма, физіократы, и Кене въ

22) Ib., стр. 180.

23) Ib., стр. 183.

24) Въ статьѣ „Fermiers“, см. Physiocrates, Ed. E. Daire, 1846, стр. 246 Кене пишетъ: le commerce interieur est necessaire pour procurer les besoins, pour entretenir le luxe, et pour faciliter la consommation, mais il contribue peu à la force et la prosperité de l'Etat“.

особенности, хотѣли замѣнить ее системой „аграрнаго капитализма“. Въ статьяхъ „Фермеры и Зерновыя хлѣба“ Кене выступаетъ, какъ своекорыстнѣйшій изъ деревенскихъ капиталистовъ. Въ своихъ болѣе позднихъ по времени примѣчаніяхъ къ экономической таблицѣ принциповъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ Мирабо, онъ становится нѣсколько мягче.

„Для того, чтобы извлечь пользу изъ земли, необходимо, чтобы сельскія работы помимо заработной платы доставляли чистый продуктъ, такъ какъ лишь чистый продуктъ даетъ средства къ существованію другимъ общественнымъ классамъ . . Этого нельзя ожидать отъ бѣдныхъ людей, обрабатывающихъ землю съ помощью рукъ своихъ или несовершенныхъ орудій. Они могутъ только раздобыть себѣ средства къ существованію . . Богатымъ людямъ — вотъ кому слѣдуетъ предоставить культуру земли и торговлю ея продуктами“. „Управленіе земледѣліемъ и торговля его продуктами является въ земледѣльческой націи основаніемъ для министерства финансовъ и всѣхъ прочихъ частей администраціи“ [25]).

Онъ безконечное число разъ возвращается къ доказательству мысли, что только крупные фермеры съ значительными средствами могутъ надлежащимъ образомъ обрабатывать земли и доставлять значительный чистый доходъ, который можетъ захватить государство своимъ налогомъ или отдать землевладѣльцамъ. Но онъ ревностно оберегаетъ прибыль этихъ фермеровъ, на которую онъ, также какъ и Тюрго, смотритъ, какъ на необходимое возстановленіе издержекъ производства.

„Мануфактуры и торговля, пишетъ онъ, поддерживаемыя безпорядочностью роскоши, сосредоточиваютъ людей и богатства въ городахъ, не даютъ возможности улучшать имѣнія, опустошаютъ деревни, вызываютъ презрѣніе къ земледѣлію, увеличиваютъ до чрезвычайной степени издержки частныхъ лицъ, вредятъ сохраненію семей, препятствуютъ размноженію людей и ослабляютъ государство“ [26]).

Онъ твердо убѣжденъ, что только увеличеніе дохода (т. е. прибыли) въ земледѣліи создаетъ населеніе, а это населеніе своимъ ростомъ даетъ возможность создавать тотъ „чистый доходъ“, который даетъ средства къ существованію, жизни, роскоши всѣхъ другихъ классовъ.

---

25) См. прим. къ принципу XXVI l. c. стр. 110—111. Вотъ почему онъ такъ старательно доказываетъ пользу единаго налога: онъ падаетъ на ренту, на землевладѣльца, а не на фермера.

26) См. ст. „Fermiers“, ed Daire, p. 246 и passim.

Для него населеніе не является источникомъ богатства. „Не слѣдуетъ никогда забывать, пишетъ онъ, что состояніе благосостоянія, къ которому мы можемъ стремиться, гораздо менѣе результатъ работъ земледѣльца, чѣмъ результатъ богатствъ, которые онъ можетъ затратить на культуру земель. Удобреніе даетъ обильныя жатвы, животные даютъ удобреніе, деньги даютъ животныхъ и людей, которые ими управляютъ".

На мелкихъ крестьянъ онъ смотритъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. „Крестьяне, полагаетъ онъ, питаются плохимъ хлѣбомъ изъ плохой ржи, которую они воздѣлываютъ сами и которая вызываетъ мало капитальныхъ затратъ, не даютъ никакой выгоды государству. Весь чистый доходъ поглощается содержаніемъ людей и воловъ". Крестьянъ онъ охотно отправляетъ служить въ милиціи для защиты государства, дѣтей богатыхъ фермеровъ онъ хочетъ освободить отъ этой обязанности.

Для крупнаго фермера онъ хочетъ создать легкій сбытъ на мѣстѣ и заграницу[27]). Для этого онъ хотѣлъ бы, чтобы владѣльцы чистаго дохода жили въ деревняхъ. Только, поэтому, онъ иногда желаетъ, чтобы работникъ крупнаго фермера, но не крестьянинъ, получалъ хорошую заработную плату. „Такой крестьянинъ — работникъ полезенъ въ деревни, по мнѣнію Кене, только настолько, поскольку онъ производитъ и зарабатываетъ своимъ трудомъ и поскольку его потребленіе въ хорошихъ продуктахъ и хорошихъ одеждахъ содѣйствуетъ поддержанію цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ и дохода земель, увеличиваетъ число и доходы фабрикантовъ и ремесленниковъ, которые всѣ, въ совокупности, *могутъ платить королю пропорціонально своимъ продуктамъ и доходамъ*".

Эта боязнь за сокращеніе населенія или за собственное самопропитаніе безъ созданія „чистаго продукта" станетъ еще болѣе понятной, если мы покажемъ, отчего Кене стоитъ такъ энергично за высокія хлѣбныя цѣны.

„Когда стремятся дешевизной хлѣба поощрить обитателей городовъ, рабочихъ въ мануфактурахъ и ремесленниковъ, тѣмъ самимъ разоряютъ деревни, которыя являются настоящимъ источникомъ богатства государствъ. И эта цѣль плохо достигается. Хлѣбъ не является единственнымъ источникомъ пищи людей, а именно земледѣліе,

---

27) См. статью „Grains", l. c. 272, 273, 276, 285, 287, 296, 299 и passim. Кене требуетъ даже запрещеніе ввоза хлѣба, пока цѣна держится на 18-ти ливрахъ за сетье.

если оно находится подъ соотвѣтствующимъ покровительствомъ, доставляетъ и другія средства продовольствія[28]). „Вовсе не хорошія или дурныя жатвы опредѣляютъ цѣны хлѣба, а хорошій сбытъ его. Свобода или принужденіе въ торговлѣ хлѣбомъ — вотъ что опредѣляетъ его цѣнность. Когда хотятъ ограничить или стѣснить торговлю хлѣбомъ въ періоды хорошихъ жатвъ, этимъ уменьшаютъ доходъ собственниковъ земли, порождаютъ лѣность и дерзость среди прислуги и работниковъ, которые должны содѣйствовать земледѣлію, обезлюдиваютъ деревни.“ „Большое неудобство, говоритъ Кене, пріучать народъ покупать хлѣбъ по слишкомъ низкимъ цѣнамъ. Онъ становится менѣе трудолюбивымъ, онъ кормится хлѣбомъ съ малыми издержками, становится лѣнивымъ и дерзкимъ. Землевладѣльцы находятъ тогда съ трудомъ работниковъ и прислугу; имъ особенно трудно подыскивать рабочій персоналъ въ годы изобилія. Важно, чтобы простонародіе зарабатывало достаточно и чтобы потребности заставляли его зарабатывать больше. Въ предшествовавшемъ столѣтіи, когда хлѣбъ продавался значительно дороже, народъ старался зарабатывать больше, онъ долженъ былъ быть болѣе трудолюбивъ, а потому и благосостояніе его было больше“[29]).

Кене желаетъ такимъ образомъ отдать ренту — чистый продуктъ — государству и правящей аристократіи. Въ деревнѣ же насадить крупное фермерское хозяйство и заставить работника за достаточную плату много и напряженно работать.

---

28) l. c. p. 238, 240.

29) см. Grains, l. c., стр. 302. Въ примѣчаніи къ XX принципу Кене такъ появляетъ свои взгляды по этому предмету. „Чтобы оправдать притѣсненія деревенскихъ жителей сборщики податей выставили принципъ, по которому крестьяне должны быть бѣдными для того, чтобы не облѣниться. Спѣсивые буржуа охотно усвоили этотъ варварскій принципъ, потому что не достаточно обращаютъ вниманія на другіе болѣе вѣрные принципы въ родѣ того напр., что человѣкъ неимѣющій возможность дѣлать сбереженія, работаетъ для того, чтобы не умереть съ голода и что, въ общемъ, всякій человѣкъ, имѣющій возможность сберегать, трудолюбивъ, такъ какъ всякій человѣкъ стремится къ богатству. Истинная причина лѣности забитаго крестьянина заключаеся въ слишкомъ низкой заработной платѣ и недостаткѣ занятій въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ препятствія для торговли сырьемъ обезцѣнили съѣстные продукты и гдѣ еще и другіе причиня разорили земледѣліе. Притѣсненія, низкая цѣна съѣстныхъ припасовъ, заработокъ недостаточный для побужденія къ работѣ — вотъ что дѣлаетъ ихъ браконьерами, бродягами и ворами. Принудительная бѣдность не является, такимъ образомъ, средствомъ сдѣлать крестьянъ болѣе трудолюбивыми. Лишь обезпеченная собственность и спокойное пользованіе своимъ заработкомъ могутъ ободрить ихъ и сдѣлать трудолюбивыми.

3.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, при помощи какихъ аргументовъ теоріи обмѣна Смитъ и Рикардо старались доказать, — первый — исходя изъ ученія о *неизмѣнной реальной цѣнности хлѣба,* второй — полагая, что хлѣбъ *основная предѣльная цѣнность,* необходимость господства благородной системы естественной свободы покупать на дешевомъ рынкѣ и продавать на дорогомъ, ввозить и вывозить товары, системы, которая также связываетъ народы въ одно цѣлое, какъ внутренняя торговля провинціи одного государства[30]). Съ этой стороной теоріи обмѣна этихъ двухъ крупнѣйшихъ физіократическихъ теоретиковъ промышленнаго капитализма мы встрѣтимся въ другомъ мѣстѣ. Теперь намъ важно извлечь только то, что является основой ихъ общей теоріи торговли.

Нельзя не признать, что ученіе о торговлѣ самая слабая часть труда Смита. По сравненію съ его предшественниками, однако, нельзя не отмѣтить двѣ важныя его заслуги. Онъ прежде всего рѣшительно заявляетъ, что внутренняя торговля важнѣе внѣшней и, во вторыхъ, выпукло выставляетъ на видъ и полезныя стороны внѣшней торговли.

Внѣшняя торговля, по его мнѣнію, важна по слѣдующимъ тремъ основаніямъ. „Вовсе не главная, а напротивъ самая не важная сторона внѣшней торговли заключается въ привлеченіи благородныхъ металловъ. Внѣшняя торговля важна тѣмъ, что даетъ странѣ возможность сбывать *избытокъ* произведеній ея годичнаго продукта труда и земли. Она даетъ цѣнность избыткамъ страны, давая возможность обмѣнивать ихъ на что нибудь другое, что служитъ для удовлетворенія потребностей и увеличиваетъ наслажденія. Во вторыхъ, внѣшняя торговля, расширяя рынокъ сбыта, способствуетъ развитію раздѣленія труда въ отдѣльныхъ промыслахъ и тѣмъ самимъ способствуетъ развитію производительной силы труда, увеличиваетъ реальный доходъ и богатство страны". Третьей основой выгодности международнаго обмѣна являются, согласно Смиту, естественныя или искуственныя преимущества

30) Тогда же намъ станетъ понятно, насколько справедлива гипотеза Ricca-Salerno и нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ, согласно которой протекціонизмъ и косвенные налоги, удорожающіе издержки производства, служатъ средствомъ пониженія стоимости необходимаго содержанія рабочихъ въ первичныя стадіи капиталистическаго развитія, свободная же торговля является такимъ же средствомъ пониженія необходимаго содержанія въ болѣе развитыя стадіи того-же капиталистическаго хозяйства. См. Ricca-Salerno. Protezionismo e libero scambio nei paesi vecchi e nei nuovi. Bibliot. Econ. IV serie, —I—. parte II, 1895.

страны въ производствѣ продуктовъ. Съ этими положеніями Смита мы будемъ имѣть дѣло впослѣдствіи не разъ. Обыкновенно, обращаютъ вниманіе, главнымъ образомъ, на первое положеніе Смита и говорятъ, что онъ опровергъ заблужденіе Кене и его сподвижниковъ, будто торговля и фабрикація занятія непроизводительныя. Какъ человѣкъ, не склонный изъ за теоретическаго взгляда ломать дѣйствительность, Смитъ въ этомъ вопросѣ очень неопредѣленъ, онъ боится какъ бы дать опредѣленный отвѣтъ и все ученіе его въ высокой степени неудовлетворительно. По вопросу о торговлѣ и ея видахъ мы находимъ у него слѣдующую аргументацію.

1. Прежде всего онъ высказываетъ мысль[31]), что капиталъ каждаго общества можетъ употребляться четырьмя различными способами: на добываніе сырья отъ земли, на мануфактурную дѣятельность, т. е., выражаясь нашими терминами, на фабрикацію всякаго рода, на оптовую и розничную торговлю. Каждый изъ этихъ четырехъ способовъ употребленія капитала равно необходимъ или для существованія и расширенія другихъ трехъ употребленій капитала, или вообще для общаго удобства всего общества.

2. Смитъ постоянно колеблется въ вопросѣ о томъ, что понимать подъ производительнымъ трудомъ. Иногда онъ понимаетъ подъ нимъ трудъ, воплощающійся въ прочныхъ матеріальныхъ предметахъ и увеличивающій богатство страны чрезъ умноженіе ихъ, иногда производительнымъ трудомъ онъ называетъ трудъ, производящій матеріальныя цѣнности, иногда трудъ, пріобрѣтающій матеріальную прибыль. Одно мѣсто изъ аргументаціи Смита противъ непроизводительности труда ремесленниковъ, чрезвычайно характерное, къ сожалѣнію, рѣдко обращало на себя вниманіе. Допустивъ, что земледѣлецъ производитъ болѣе, чѣмъ мануфактуристъ, онъ пишетъ[32]): „если защитники физіократической системы утверждаютъ, что потребленіе ремесленниковъ, мануфактуристовъ и купцовъ равно цѣнности того, что они производятъ, то они, вѣроятно, понимаютъ подъ этимъ не болѣе того, что ихъ доходъ или фондъ, предназначенный для ихъ потребленія, равенъ этой цѣнности. Но если бы они выразились болѣе осторожно и только утверждали, что доходъ этого класса (т. е. всѣхъ вышеуказанныхъ классовъ, вѣрнѣе сказать) равенъ цѣнности того, что они произвели, то у читателя легко возникло бы соображеніе: вѣдь то,

31) См. Wealth of Nations, изданіе Никольсона, книга II, глава 5, стр. 147—154.

32) См. l. c. стр. 281, глава 9, книга IV.

что естественно будетъ сбережено изъ этого дохода, должно неизбѣжно болѣе или менѣе увеличить богатство страны."

Два обстоятельства обращаютъ на себя вниманіе въ приведенной цитатѣ. Во-первыхъ, Смитъ относитъ торговую дѣятельность къ производству, чего, конечно, не сдѣлалъ бы ни одинъ физіократъ. Во вторыхъ, Смитъ подъ производствомъ вовсе не понимаетъ простое умноженіе продукта, какъ физіократы, а напротивъ видитъ, что оно можетъ выражаться также въ приростѣ цѣнности. Физіократы полагали, что приростъ цѣнности этотъ будетъ абсолютно равенъ потребленію непроизводительнаго класса, которое необходимо для совершенія всѣхъ работъ фабрикаціи. Смитъ не рѣшается рѣзко ихъ опровергать, но робко и скромно замѣчаетъ намъ: *всего они не съѣдятъ изъ того, что произведутъ; останется что-нибудь и будетъ сбережено, а въ сбереженіи для Смита первое основаніе для накопленія богатства.* Какая скромная формула первичной стадіи капиталистическаго накопленія! За счетъ этого маленькаго избытка долженъ былъ разцвѣсти буржуазный строй! Всѣмъ понятно, кромѣ того, полагаетъ Смитъ, что увеличеніе производительной силы труда зависитъ, съ одной стороны, отъ развитія способностей рабочаго, съ другой — отъ усовершенствованныхъ машинъ. Трудъ ремесленниковъ и др. допускаетъ большее упрощеніе и подраздѣленіе, возможность примѣненія усовершенствованныхъ машинъ. Онъ будетъ поэтому, съ теченіемъ времени производительнѣе, а потому и возможность сбереженій за счетъ потребленія больше. Другими словами, въ этомъ случаѣ Смитъ утверждаетъ, что всѣ эти классы, включая и торговцевъ, производятъ, а съ усовершенствованіемъ производства, въ особенности, будутъ производить больше своего потребленія: доля произведенной ими цѣнности не будетъ потреблена и увеличитъ богатство народа.

3. Третій аргументъ Смита очень туманенъ, но онъ служитъ для него важнымъ цѣлямъ. Во-первыхъ, онъ даетъ ему возможность классифицировать промыслы по ихъ значенію и, во вторыхъ, указать порядокъ ихъ историческаго развитія. Не всѣ виды употребленія капитала *приводятъ въ движеніе,* полагаетъ Смитъ, одинаковое количество производительнаго труда. Болѣе всего производительнаго труда приводитъ въ движеніе земледѣліе, затѣмъ слѣдуетъ фабрикація и только третье мѣсто принадлежитъ торговлѣ. По естественному ходу вещей въ томъ же порядкѣ должна была бы развиваться и хозяйственная жизнь страны [33]).

33) Ср. книгу III, глава 2, стр. 157 и l. c. стр. 153.

Но что же такое означаютъ слова: „давать движеніе производительному труду?“ Понимаетъ ли Смитъ подъ этимъ количество лицъ, которое находитъ приложеніе въ той или другой промышленности? И да, и нѣтъ. Смитъ не вырѣшилъ себѣ этого вопроса и разсуждаетъ такъ: „Капиталъ розничнаго торговца возстановляетъ съ прибылью капиталъ оптовщика (merchant), у котораго онъ покупаетъ товары и даетъ тѣмъ возможность продолжать послѣднему его дѣло. Розничный торговецъ представляетъ собой единственнаго производительнаго работника, котораго онъ непосредственно и употребляетъ. Въ его прибыли заключается вся та цѣнность, которая добавляется чрезъ его работу (employment) къ годичному продукту земли и труда общества. Капиталъ оптоваго торговца возстанавливаетъ съ прибылью капиталы земледѣльцевъ и мануфактуристовъ и даетъ этимъ послѣднимъ возможность продолжать ихъ дѣло. Главнымъ образомъ, только эта услуга съ его стороны *косвенно* содѣйствуетъ поддержкѣ производительнаго труда въ обществѣ и увеличенію цѣнности его годичнаго продукта. Капиталъ оптоваго торговца употребляетъ, кромѣ того, матросовъ и возчиковъ, а это увеличиваетъ цѣну этихъ благъ на цѣнность не только прибылей оптовщика, но и на заработныя платы его рабочихъ. Вотъ въ чемъ заключается тотъ производительный трудъ, который онъ приводитъ въ движеніе, и та цѣнность, которую онъ добавляетъ къ годичному продукту“.

Аргументація довольно запутанная, противопоставленіе розничнаго и оптоваго торговца построено на недомолвкѣ. Смитъ говоритъ, что розничный торговецъ возстанавливаетъ капиталъ только оптовщика, между тѣмъ какъ оптовщикъ возстанавливаетъ капиталъ настоящихъ производителей. Все зависитъ отъ того, съ кѣмъ розничный торговецъ имѣетъ дѣло, стоитъ ли онъ въ непосредственной связи съ производителемъ или нѣтъ. Если да, онъ также косвенно возстановляетъ капиталъ производителей; если даже онъ дѣйствуетъ чрезъ оптовщика, его роль та же, и только схоластическая тонкость можетъ признавать противоположное. По количеству рабочихъ розничный торговецъ можетъ ихъ занимать больше. Правда, не только для перевозки товаровъ, но для процесса ихъ продажи. Поэтому заключительный выводъ Смита, будто оптовый торговецъ занимаетъ большее количество производительныхъ работниковъ и больше добавляетъ къ годичному продукту не доказано. Почему онъ считаетъ производительными работниками возчиковъ и не считаетъ таковыми продавцовъ? Далѣе, столь же туманно и неясно это выраженіе: „главная заслуга оптоваго торговца въ косвенномъ поддержаніи производительнаго

труда", а между тѣмъ на немъ построено чрезвычайно важное различіе между видами оптовой торговли, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіями меркантильной школы.

Разные виды оптовой торговли, по мнѣнію Смита, оказываютъ неодинаковую поддержку и поощреніе (support, encouragement) производительному труду.

А. Внутренняя торговля возстанавливаетъ два капитала. Отсылая изъ мѣста своего жительства нѣкоторое количество цѣнныхъ предметовъ, торговецъ внутренняго рынка привозитъ обратно, по крайней мѣрѣ, на равную же цѣнность другихъ предметовъ. Если эти предметы произведены промышленностью въ предѣлахъ страны, то торговецъ возстановляетъ два капитала, которые были затрачены въ ней на поддержаніе производительнаго труда. Такъ, напр. шотландская мануфактура ввозится торговцемъ въ Англію, тотъ же торговецъ отправляетъ хлѣбъ изъ Англіи въ Шотландію. Торговецъ одновременно поощряетъ и мануфактуры, и земледѣліе своей страны.

Б. Иностранная торговля, если ввозятся продукты для потребленія за счетъ вывоза собственныхъ произведеній, также возстанавливаетъ два капитала, но только одинъ изъ нихъ употребляется на поддержку и поощреніе промышленности внутри страны т. е. какъ поясняетъ Смитъ даетъ прибыль (revenu), содержаніе и занятіе большему количеству работниковъ. Иностранная торговля чужими товарами даетъ только торговую прибыль. Поэтому иностранная торговля даетъ лишь половину того поощренія труду, какое даетъ внутренняя. Если же принятъ во вниманіе еще и то обстоятельтство, что въ иностранной торговлѣ капиталъ обращается медленнѣе, то поощреніе окажется еще менѣе. Капиталъ во внутренней торговлѣ въ теченіе года можетъ сдѣлать 24 оборота, тотъ же капиталъ во внѣшней торговлѣ не обернется и одного раза.

В. Капиталъ, затраченный на перевозочную торговлю совершенно отказывается поощрять производительный трудъ своей страны. Онъ поддерживаетъ трудъ другихъ странъ и только въ размѣрѣ своей прибыли увеличиваетъ годичный продуктъ земли и труда страны. Этотъ видъ торговли можетъ возникнуть только тогда, когда страна имѣетъ избытокъ въ капиталѣ. Естественный процессъ развитія помѣщенія капитала въ торговлѣ зависитъ отъ ея выгодности для страны. Сначала развивается внутренняя торговля. Международная торговля становится необходимостью, когда въ странѣ появляются излишки, которые можно вывезти для пріобрѣтенія того, на что есть спросъ въ странѣ. Перевозочная торговля свидѣтельсвуетъ объ избыткѣ ка-

питаловъ въ странѣ: она — естественное послѣдствіе и симптомъ національнаго богатства [34]).

Что же можно сказать относительно этой теоріи?

Прежде всего она исторически невѣрна. Естественнымъ ходомъ вещей вовсе не является тотъ, который мы представляемъ себѣ, исходя изъ какихъ бы то ни было теоретическихъ допущеній, а тотъ который произошелъ въ дѣйствительности благодаря тому или другому комплексу наличныхъ причинъ „особыхъ причинъ", какъ выражается и самъ Смитъ [1]). Историки доказали намъ, что происхожденіе торговли—фактъ какъ бы междуплеменной, что она возникаетъ впервые въ видѣ своего рода международной торговли, и первыми купцами являются главы племенъ, князья и, вообще, народная аристократія. Возникновеніе торговли связано съ военными походами, грабежами и опасностями. Только большія мѣстныя различія по цѣнности двигали первоначально торговлю. Точно также и перевозочная торговля въ своихъ наиболѣе элементарныхъ формахъ возникла гораздо ранѣе сколько-нибудь развитой торговли въ предѣлахъ болѣе или менѣе замкнутой хозяйственной организаціи. Классификація Смита относительно значенія разныхъ видовъ торговли можетъ быть объяснена исторически. Онъ жилъ въ то время, когда международная торговля имѣла еще сравнительно весьма малое развитіе, и, несмотря на это, теоретики меркантилизма придавали ей чрезмѣрное значеніе. Даже къ концу 18-го вѣка внутренняя торговля такихъ странъ, какъ Англія, Голландія и Франція по суммѣ цѣнностей значительно превосходила ихъ внѣшнюю торговлю и ограничивалась, главнымъ образомъ, торговлей благородными металлами, дорогими матеріями, пряностями, разными предметами роскоши и искусства. Смитъ цѣлесообразно подчеркнулъ значеніе внутренней торговли, но не предвидѣлъ будущаго развитія международной и причинъ, благодаря которымъ она развивается несмотря на кажущуюся маловыгодность ея для народа: вѣдь, она, по его мнѣнію, даетъ только половину поощренія національному труду сравнительно съ внутренней торговлей, а между тѣмъ

---

34) см. также, гл. II., кн. 4-ю. Смитъ здѣсь указываетъ, что при равныхъ или почти равныхъ прибыляхъ торговецъ предчитаетъ внутреннюю торговлю (предъ внѣшней) для внутренняго потребленія по слѣдующимъ основаніямъ: а) онъ не упускаетъ изъ виду свой капиталъ, лучше знаетъ свойства и состояніе своихъ согражданъ, знаетъ законы и. т. п. „Внутренній рынокъ — представляетъ собою какъ средоточіе, вокругъ котораго обращаются капиталы страны и къ которому они постоянно тяготѣютъ, хотя *особыя причины* могутъ иногда отдѣлять ихъ отъ него и направлять къ болѣе отдаленнымъ помѣщеніямъ".

начало развитія капитализма всегда совпадаетъ съ стремленіемъ развивать международную торговлю.

Во вторыхъ, Смитъ довольно туманно опредѣляетъ выгоды торговли вообще. Онъ ясно видитъ, что слѣдуетъ различать выгоды торговли для народа отъ выгодъ торговцевъ, но его воззрѣнія относительно раздѣла выгодъ между народами совершенно ошибочны. „Такъ какъ, полагаетъ онъ, обмѣниваемые товары предполагаются равными по цѣнности, то два капитала, употребленные въ торговлѣ, въ большинствѣ случаевъ будутъ также равны или почти равны и оба капитала, какъ употребляемыя на производство домашнихъ произведеній, дадутъ доходъ и содержаніе для распредѣленія между жителями равныя или почти равныя“ [35]). Здѣсь сразу три ошибки бросаются въ глаза, во первыхъ, Смитъ не доказалъ нигдѣ, что цѣнности эти будутъ вполнѣ равны, во вторыхъ, если капиталы обращенія и равны, то отсюда еще не слѣдуетъ, что столь же равны и производительные капиталы, которымъ они даютъ движеніе, въ третьихъ невѣрно и то, что доходъ и содержаніе должны быть равны. Если въ одной странѣ большая доля производительнаго капитала затрачивается въ видѣ основнаго капитала, то въ ней прибыль можетъ быть больше, содержаніе рабочихъ меньше и наоборотъ.

Въ третьихъ, Смитъ, разъясняя, какое экономическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что торговый капиталъ косвенно поддерживаетъ производительный трудъ, ссылается на слѣдующій аргументъ. Онъ думаетъ, что богатство, а по сколько отъ него зависитъ и могущество страны, требуетъ поддержки „своего производительнаго труда.“ Смитъ видитъ, что иностранная торговля можетъ иногда давать большую прибыль, но всегда предпочитаетъ внутреннюю торговлю своими произведеніями, которая, хотя и даетъ возможность получать меньшую прибыль, но и выручаетъ содержаніе рабочихъ. Смитъ стоитъ всегда за высшую производительность труда, но и за ростъ *валоваго дохода* т. е. содержанія рабочихъ [36]). Этотъ аргументъ Рикардо, защитникъ *чистаго дохода,* истолковалъ совсѣмъ иначе.

---

35) См. кн. IV, глава 3-я, стр. 199—200.

36) Указаніе Маркса, и въ особенности его учениковъ, будто Смитъ постоянно говоритъ только о реализаціи чистой прибыли и заработной платы, не достаточно справедливо. Востановленіе постояннаго и оборотнаго капитала Смитъ считаетъ такой необходимостью, о которой и трактовать не стоитъ. „Какую бы часть капитала человѣкъ не употреблялъ, много разъ пишетъ онъ, онъ всегда ожидаетъ, что онъ возстановится ему съ прибылью (to be replaced to him with profit) см. l. c. книга II, глава III, стр. 136.

Онъ даже допускаетъ, что внутренняя торговля можетъ содержать „большее количество рабочихъ“, но требуетъ, чтобы ясно различалось „могущество страны“ отъ „благосостоянія населенія“. Способность платить налоги и содержать разные виды непроизводительныхъ работниковъ, по его мнѣнію, зависитъ только „отъ чистаго, а не отъ валоваго дохода“, а потому развитіе иностранной торговли можетъ вѣрнѣе увеличить „могущество страны“ [37]).

Впрочемъ, въ другомъ примѣчаніи тутъ же рядомъ Рикардо признаетъ, что утвержденіе, будто плата рабочихъ совпадаетъ съ ихъ необходимымъ содержаніемъ, слишкомъ абсолютно выражено. Если она выше этого необходимаго содержанія, рабочій получаетъ часть чистаго продукта страны; эта часть можетъ быть сбережена издержана или дать возможность содѣйствовать охранѣ страны.

4. Въ-четвертыхъ, Смитъ совершенно не доказываетъ, что всякая внутренняя торговля совершаетъ возмѣщеніе двухъ производительныхъ капиталовъ. Данный торговый капиталъ можетъ обращать только одинъ видъ товара, напр. хлѣбъ, т. е., по терминологіи Смита, оказывать поощреніе одному виду производительнаго труда и послѣ этой единичной операціи реализовать свою прибыль въ деньгахъ; точно также иностранный торговецъ можетъ сосредоточиться только на вывозѣ продуктовъ своей страны, и не на ввозѣ продуктовъ извнѣ. Онъ, очевидно, не будетъ давать поощренія иноземному производительному труду.

Рикардо въ своей полемикѣ противъ этого положенія Смита справедливо указываетъ на то обстоятельство, что существованія двухъ иностранныхъ капиталовъ обращенія можетъ быть выгоднѣе для страны и можетъ давать такое же содержаніе производительному труду. Онъ даетъ такой примѣръ предположимъ, что Шотландія затрачивала на производство льна 1000 ф. и вымѣнивала его на шелкъ Англіи, на который Англія также затрачивала 1000 ф. Капиталъ

---

37) см. Рикардо. Основанія, гл. о чистомъ и валовомъ доходѣ. Обыкновенно съ легкой руки Гельда ссылаются на это мѣсто для доказательства „буржуазныхъ симпатій“ Рикардо. Это грубая ошибка. Рикардо въ примѣчаніи говоритъ, что онъ вовсе не желаетъ игнорировать „счастія столь многочисленныхъ существъ“ т. е. рабочихъ. Онъ только убѣжденъ въ томъ, что ихъ плата равна ихъ содержанію, а потому они и не въ состояніи платить налоги, за счетъ которыхъ поддерживаются арміи, флоты и вообще все могущество страны. Это убѣжденіе, конечно, было грубой ошибкой, ибо арміи содержатся и за счетъ необходимой заработной платы, и отнимаютъ у рабочаго класса трудовыя силы безъ надлежащаго вознагражденія ихъ.

обращенія былъ одинъ въ 1000 ф. Впослѣдствіи Шотландія убѣдилась, что пріобрѣтетъ больше шелка за свой ленъ, торгуя съ Франціей, Англія точно также пришла къ выводу, что пріобрѣтетъ больше льна за свой шелкъ, торгуя съ Германіей. Торговля внутренняго потребленія смѣнится торговлей внѣшняго потребленія. Два капитала обращенія войдутъ въ оборотъ вмѣсто одного, но производительные капиталы Англіи и Шотландіи будутъ давать тоже самое занятіе труду и вознаграждаться лучше. Аргументъ Рикардо предполагаетъ, однако, совершенно иной законъ въ международномъ обмѣнѣ, къ которому мы вернемся ниже [38]).

5. Въ-пятыхъ, Смитъ относитъ торговлю къ производству, но эта классификація, какъ мы уже показали, основывается на чрезвычайно расплывчатомъ опредѣленіи производительнаго труда. Подъ производствомъ, безъ ущерба для здраваго смысла, мы можемъ несомнѣнно понимать только созданіе тѣлъ товаровъ, если можно такъ выразиться. Торговля только обращаетъ эти тѣла, но, конечно, не создаетъ ихъ.

Важно въ ученіи о торговлѣ выяснить два вопроса: а) за чей счетъ создается или иначе выручается торговая прибыль, за счетъ производителя или потребителя? и в) обращеніе товара увеличиваетъ ли его цѣнность или нѣтъ? Смитъ этихъ вопросовъ не рѣшаетъ и потому въ сущности не даетъ намъ никакой теоріи торговой прибыли. Она остается непонятымъ сфинксомъ.

Его теорія въ этомъ отношеніи столь же неопредѣленна, какъ и теорія физіократовъ.

4.

Ученіе Смита о торговлѣ не могло удовлетворить никого. Теорія Рикардо представилась, поэтому, для многихъ настоящимъ открытіемъ и кажется таковымъ до нашихъ дней. Англійскій комментаторъ Рикардо Гоннеръ [39]) пишетъ: „до Рикардо все было, какъ въ туманѣ, послѣ него явилась возможность разсматривать международную цѣнность, какъ частный случай общей проблемы цѣнности. Это стало

38) см. ту же главу. Мы нѣсколько истолковываемъ мысль Рикардо. Въ приводимомъ мѣстѣ онъ очень неясно различаетъ обособленное существованіе капиталовъ обращенія и производства. Я отнюдь не хочу, приводя это возраженіе, сказать, что признаю правильность закона международной торговли Рикардо. Какъ увидитъ читатель, я постараюсь доказать, что законы обмѣна едины для внутренняго и внѣшняго обмѣна.

39) См. его изданіе „ „Principles“ 1891 г., introd. essay, p. LVII.

возможнымъ, ибо причины различія въ законахъ, регулирующихъ международныя и внутреннія цѣнности, были опредѣлены. Законъ сравнительныхъ издержекъ *былъ великимъ, если не самимъ великимъ открытіемъ, сдѣланнымъ Рикардо.*"

Мнѣ кажется, что Гоннеръ совершенно ошибочно, вполнѣ соотвѣтственно съ сложившейся ученой рутиной, оцѣниваетъ значеніе этого открытія Рикардо. Во второй главѣ мы ближе подойдемъ къ анализу этого закона „сравнительныхъ издержекъ", истолкуемъ его совершенно иначе и постараемся показать, что законъ международныхъ цѣнностей, какъ частный случай общаго ученія о цѣнности не имѣетъ никакого значенія. Я постараюсь тамъ показать, что намъ нужна не теорія цѣнности съ ея казцистической схоластикой, а теорія обмѣна, которая можетъ и должна быть единой.

Поразительна судьба этого ученія. Хотя оно и считается многими, въ особенности англичанами, великимъ открытіемъ, но оно менѣе всего извѣстно, менѣе всего прилагается въ разсужденіяхъ къ практической жизни, а присяжные ученые старательно избѣгаютъ излагать его въ своихъ учебникахъ и не безъ причинъ.

Какъ я уже сказалъ мы вернемся къ этой теоріи ниже. Она намъ понадобится при полной перестройкѣ теоріи обмѣна классиковъ, но достаточно заглянуть въ ея содержаніе и сдѣлать изъ нея тѣ непосредственныя выводы, которыя напрашиваются сами собой, чтобы убѣдиться, что въ этой теоріи *Рикардо наталкивается на нелѣпость закона эквивалентности товарнаго обмѣна и ищетъ въ доходахъ какого то регулятора для процесса образованія цѣнъ.* Другими словами, обмѣнъ и распредѣленіе, соціальная и техническая структура хозяйствъ обмѣнивающихся сторонъ становится факторомъ опредѣляющимъ пропорціи обмѣна. Какъ увидимъ во второй главѣ на почвѣ этого закона сравнительныхъ издержекъ мы постараемся доказать, что ученіе о стоимости производства, внесшее столько путаницы въ экономію, должно быть замѣнено ученіемъ о *„дифференціальной производительности труда".* Но не будемъ забѣгать впередъ и сперва заглянемъ въ самую теорію Рикардо и сдѣлаемъ кое какіе выводы.

О внутренней торговлѣ Рикардо почти ничего не говоритъ. Мы находимъ, однако, у него очень характерное мѣсто, гдѣ онъ цитируетъ Сэя и въ то же время возражаетъ ему[40]). Сэй пишетъ: „торговля даетъ намъ возможность получать товаръ тамъ, гдѣ его

40) Principles, l. c. стр. 249.

можно найти и доставлять его туда, гдѣ онъ будетъ потребленъ; торговля, слѣдовательно, даетъ намъ возможность увеличить цѣнность товара на всю разницу его цѣны въ первомъ мѣстѣ съ цѣною во второмъ".

Совершенно вѣрно, отвѣчаетъ Рикардо, но какъ же придается товару эта добавочная цѣнность? Присоединеніемъ къ издержкамъ производства, во-первыхъ, издержекъ доставки, во-вторыхъ прибыли на капиталъ, затраченный торговцемъ. Товаръ становится болѣе цѣннымъ въ данномъ случаѣ только по тѣмъ же причинамъ, вслѣдствіе которыхъ и всякій другой товаръ становится болѣе цѣннымъ, а именно вслѣдствіе увеличенія количества, затраченнаго на производство и доставку его труда до момента, когда онъ купленъ потребителемъ. На это не слѣдуетъ указывать, какъ на одну изъ выгодъ торговли. Если разсмотрѣть предметъ болѣе внимательно, то окажется, что всѣ выгоды торговли сводятся къ тому, что она даетъ возможность пріобрѣтать намъ предметы не болѣе цѣнные, но болѣе полезные".

И въ другомъ мѣстѣ: Сэ пишетъ: „въ торговлѣ между отдѣльными лицами одной и той же страны единственный выигрышъ представляетъ произведенная цѣнность потребленія". . . я не вижу различія проводимаго между прибылями внутренней и внѣшней торговли. Задача всякой торговли увеличивать *„произведенія"* [41]), отвѣчаетъ Рикардо.

Мысль Рикардо ясна. Въ предѣлахъ страны торговля заключается въ размѣнѣ разнополезныхъ равноцѣнностей. Этотъ общій законъ не имѣетъ приложенія къ международному обмѣну. „Реальная или трудовая цѣна предметовъ" опредѣляется здѣсь на нѣсколько иныхъ началахъ [42]).

Ученіе Рикардо о международной торговлѣ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Никакое расширеніе международной торговли не увеличиваетъ *непосредственно* сумму цѣнностей въ странѣ, хотя и весьма содѣйствуетъ увеличенію массы продуктовъ, а тѣмъ самымъ и количеству наслажденій [43]).

2. Тотъ законъ, который регулируетъ относительную цѣнность товаровъ въ предѣлахъ страны, не прилагается къ относительной цѣнности товаровъ, которыми обмѣниваются двѣ или нѣсколько странъ. Здѣсь

41) l. c. стр. 304.

42) l. c. стр. 117.

43) l. c. гл. VII, p. 108.

значеніе имѣетъ законъ сравнительныхъ издержекъ производства товаровъ, которыми торгуютъ обмѣнивающіяся страны [44]).

3. Подъ сравнительными издержками производства слѣдуетъ разумѣть существующее въ обмѣнивающихся странахъ различіе въ издержкахъ производства различныхъ предметовъ. Если эти различія въ издержкахъ производства одни и тѣ же для всѣхъ продуктовъ безъ исключенія, то международная торговля возникнуть не можетъ.

4. Деньги изъ золота и серебра дѣйствіемъ торговаго соперничества распредѣляются по всему свѣту въ такихъ пропорціяхъ между разными странами, которыя бы соотвѣтствовали натуральному обмѣну, какой имѣлъ бы мѣсто, если бы этихъ металловъ не существовало и если бы международная торговля была простымъ размѣномъ товара на товаръ [45]). Но отсюда не слѣдуетъ, что во всѣхъ странахъ деньги имѣютъ одинаковую цѣнность. Кромѣ обыкновенныхъ колебаній въ цѣнности денегъ и тѣхъ, которые общи всему торговому міру, существуютъ еще и такія частныя колебанія, которымъ деньги подвергаются въ отдѣльныхъ странахъ, въ зависимости отъ относительной величины обложенія, отъ преимуществъ климата, естественной производительности и другихъ условій. Цѣнность денегъ въ разныхъ странахъ, главнымъ образомъ, регулируется разстояніемъ отъ рудниковъ, которые доставляютъ благородный металлъ. Однако, по мѣрѣ роста исскуствъ и усовершенствованій въ обществѣ, а также отъ превосходства отдѣльныхъ странъ въ мануфактурахъ, хотя разстояніе и входитъ по прежнему въ счетъ, но цѣнность благородныхъ металловъ будетъ, главнымъ образомъ, опредѣляться превосходствомъ въ этихъ мануфактурахъ.

5. Причина, которая побуждаетъ Рикардо признать существованіе особаго закона для международныхъ цѣнностей, сводится къ

---

44) l. c. p. 113. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, пишетъ Кернсъ, что подъ „издержками производства“ читатель долженъ понимать „дѣйствительныя трудности производства“, насколько они измѣряются пожертвованіями, которыя требуются производствомъ“. Онъ вполнѣ правильно отмѣчаетъ одну особенность изложенія этой теоріи Рикардо и Миллемъ. Хотя послѣдній и видоизмѣнилъ Рикардіанское представленіе издержекъ на издержки въ „прибыляхъ и въ платахъ“, но и онъ, и Рикардо „при изложеніи теоріи международной торговли принимаютъ во вниманіе всегда одно пожертвованіе — трудъ“. „Это опущеніе, полагаетъ Кернсъ, не вредитъ серьезно разсужденіямъ, такъ какъ трудъ и капиталъ являются оба пожертвованіями и потому посколько аргументы приложимы къ одному, они въ значительнѣйшей части приложимы и къ другому.“ см. Some Leading Principles, изд. 1874, p. 372.

45) l. c. p. 117.

тому, что уровень прибыли въ предѣлахъ разныхъ странъ можетъ быть различенъ въ силу разныхъ причинъ, а между тѣмъ передвиженіе капитала изъ страны въ страну не совершается съ такой легкостью, какъ въ предѣлахъ одной и той же страны.

6. Уровень прибыли никогда не возрастаетъ вслѣдствіе лучшаго распредѣленія труда, механическихъ изобрѣтеній, устройства дорогъ и каналовъ или какъ результатъ какихъ бы то ни было способовъ сокращенія труда какъ въ производствѣ, такъ и въ перевозкѣ товаровъ. Уровень прибыли не возрастаетъ также вслѣдствіе расширенія рынка.

7. Прибыль возрастаетъ единственно въ силу пониженію заработной платы. Если благодаря расширенію внѣшней торговли или вслѣдствіе механическихъ улучшеній, пища и другіе предметы потребленія рабочихъ могутъ быть доставляемы по болѣе низкой цѣнѣ, то прибыль возрастетъ [46]).

Возьмемъ примѣръ, который поможетъ намъ сдѣлать эту теорію болѣе удобопонятной.

Предположимъ, что Франція и Англія обмѣниваются двумя товарами: виномъ и углемъ. Франція производитъ въ 100 дней труда 100 бочекъ вина; то же количество вина производится въ Англіи въ 150 дней труда.

Франція, далѣе, въ 200 дней труда производитъ 500 пудовъ угля, то же количество угля въ Англіи производится въ 100 дней.

Если каждая изъ названныхъ націй будетъ производить оба товара въ предѣлахъ собственной страны, то Франція произведетъ свой уголь и свое вино, а именно 100 бочекъ вина и 500 пудовъ угля, въ 300 дней, Англія то же количество вина и угля въ 250 дней. Причина этого различія въ томъ, что во Франціи издержки производства вина ниже, но за то издержки производства угля значительно выше. Франція имѣетъ рѣшительное преимущество предъ Англіей въ производствѣ вина, Англія еще большее преимущество въ производствѣ угля. Если признать, что одинъ день труда овеществляется въ каждой

---

46) Отказываться отъ какихъ либо улучшеній въ производствѣ ради интересовъ землевладѣльцевъ или другихъ классовъ нелѣпо. „Если выгоды землевладѣльца имѣютъ достаточную важность для того, чтобы удержать насъ отъ усвоенія всѣхъ тѣхъ благодѣяній, которые послѣдовали бы отъ ввоза хлѣба по дешевой цѣнѣ, то они должны насъ заставить отречься отъ всякихъ улучшеній въ земледѣліи и въ хозяйственныхъ орудіяхъ, ибо неменѣе достовѣрно то, что всѣ эти улучшенія, дѣлая хлѣбъ дешевле, понижая ренту и податную способность землевладѣльца, наносятъ ему такой же ущербъ, какъ и ввозъ хлѣба. - См. сочиненія Рикардо р. пер. Зибера, стр. 428.

странѣ въ нѣкоторой величинѣ X цѣнности, то отсюда вытечетъ, что Франція создаетъ 300 X цѣнностей, Англія 250 X. Другими словами, одно и то же количество продукта, благодаря различіямъ въ производительности труда или, что то же, разнымъ количествамъ труда, затраченнаго на производство одного и того же количества продукта, будетъ представляться странамъ, какъ величины неравной цѣнности.

Предположимъ, далѣе, что это ненормальное положеніе замѣчено, и каждая изъ разсматриваемыхъ странъ сосредоточилась на производствѣ товаровъ, въ которыхъ она имѣетъ наибольшее преимущество. Франція стала производить вино и въ 200 дней произвела 200 бочекъ вина; 100 бочекъ она по прежнему желаетъ оставить для себя, остальное согласна промѣнять на уголь. Точно также Англія въ 200 дней своего труда произвела 1,000 пудовъ угля, 500 для себя и 500 для промѣна.

Постигнувъ, что, размѣнявшись своими продуктами, обѣ страны удовлетворятъ своимъ прежнимъ потребностямъ, Франція и Англія такъ и поступаютъ. Тогда за свои 100 бочекъ вина Франція пріобрѣтетъ 500 пудовъ угля, Англія за 500 пудовъ угля пріобрѣтаетъ также 100 бочекъ вина, другими словами, преобразовавъ свое національное производство въ соотвѣтствіи съ сравнительными издержками, Франція съэкономитъ 100 дней своего труда, Англія — 50. Мы разсуждаемъ согласно со схемой Рикардо и теперь должны спросить, можемъ ли мы сдѣлать тѣ же выводы, какіе сдѣлалъ Рикардо, излагая свою теорію въ вышеприведенныхъ положеніяхъ?

По первому впечатлѣнію можетъ показаться, что Рикардо безусловно правъ. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что 100 дней труда каждой страны съ возникновеніемъ обмѣна дадутъ ей, согласно съ предположеніями Рикардо, совершенно разное, сравнительно съ прежнимъ, количество продуктовъ.

Второе предположеніе также какъ бы подтверждается. Такъ, если согласно нашему прежнему предположенію одинъ день труда воплощается въ нѣкоторомъ x цѣнности, то сумма созданныхъ каждой страною цѣнностей будетъ теперь 200 x, т. е. сумма цѣнностей не только не повысилась, но, дѣйствительно, понизилась; весьма сильно во Франціи съ 300 x до 200 x, слабѣе въ Англіи съ 250 x до 200 x.

Поверхностное разсужденіе могло бы даже сдѣлать и еще одинъ выводъ. При взятыхъ предположеніяхъ (т. е. предполагая пока, что продукты производятся трудомъ безъ участія капитала), обмѣнъ совершается какъ бы въ точномъ соотвѣтствіи съ трудовою цѣнностью.

Продуктъ ста дней Франціи обмѣнивается на продуктъ ста дней Англіи. Этотъ то возможный поверхностный выводъ (почему мы его такъ называемъ, увидимъ тотчасъ) и побуждаетъ насъ ближе присмотрѣться къ схемѣ Рикардо и поискать, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь противорѣчиваго. Что же спрашивается произошло съ возникновеніемъ международнаго обмѣна?

Во второй главѣ мы ближе подойдемъ ко всѣмъ особенностямъ этой теоріи пока же обратимъ вниманіе на нѣкоторые ея главнѣйшіе выводы изъ перваго пункта.

Первое положеніе формулировано въ высокой степени неудачно, но характерно для всей системы Рикардо. Это положеніе, во первыхъ, содержитъ въ себѣ недомолвку, во вторыхъ — неправильность и, въ третьихъ — неполноту.

Недомолвка заключается въ томъ, что Рикардо утверждаетъ, будто международная торговля не увеличиваетъ непосредственно цѣнностей и не разъясняетъ, что означаетъ это слово „непосредственно". Только внимательно вчитываясь въ текстъ и сопоставляя его съ главой „о цѣнности и богатствѣ" можно понять предположительно, что имѣетъ Рикардо въ виду. Здѣсь впервые мы встрѣчаемся у Рикардо съ представленіемъ объ „абсолютной трудовой цѣнности" всего національнаго продукта. Мысль Рикардо такова. Общая масса національнаго продукта стоитъ опредѣленное количество труда. Необходимость затратить этотъ трудъ опредѣляетъ цѣнность всего продукта. Возникновеніе международной торговли не измѣняетъ дѣла. Часть національнаго продукта, который стоилъ опредѣленной массы труда, отчуждается для пріобрѣтенія другихъ полезныхъ благъ и ничего больше. Представленіе націи о трудности производства не видоизмѣняется. Цѣнность національнаго продукта не увеличивается. Правильнѣе Рикардо долженъ былъ бы сказать остается безъ видоизмѣненія. Дальнѣйшее разсужденіе таково и оно было сдѣлано Миллемъ и другими теоретиками. Цѣнности не увеличиваются, но полученіе большаго количества полезныхъ вещей (средства существованія, орудія, матеріалы) даетъ возможность увеличить количество содержимаго труда, а этотъ новый трудъ создаетъ новыя цѣнности, т. е. посредственно можетъ и произойти увеличеніе цѣнностей. Первый параграфъ второй главы покажетъ, что въ этой недомолвкѣ заключается крупная теоретическая ошибка и выяснитъ причины, почему до настоящаго времени это представленіе о трудовой цѣнности національнаго продукта такъ старательно удерживается многими теоретиками.

Неправильность заключается въ томъ, что при принятомъ законѣ сравнительныхъ издержекъ это „объективное представленіе“ націи о цѣнности національнаго продукта, чрезъ посредство обмѣна, должно кореннымъ образомъ видоизмѣнится и слѣдовало бы сказать, что международная торговля не только „не можетъ увеличивать“ цѣнностей, а, напротивъ, „понижаетъ ихъ“. Поставивъ въ основу своего обмѣна принципъ сравнительныхъ издержекъ, страна получаетъ облегченіе въ своемъ производствѣ на всю сумму своихъ преимуществъ и таковыхъ же другой страны, съ которой она ведетъ обмѣнъ. Она естественно должна видоизмѣнить свое объективное представленіе о трудности производства т. е. о цѣнности въ смыслѣ ея пониженія, а не увеличенія. Эта фраза Рикардо „не происходитъ непосредственнаго увеличенія цѣнностей“ обнаруживаетъ, его смутное чувство, что возможно, если не увеличеніе, то „видоизмѣненіе цѣнностей“, другими словами, что вся проблема вертится вовсе не на одной только почвѣ представленія *объ абсолютной, но о мѣновой цѣнности.*

Рикардо забываетъ, что процессъ уравненія международнаго обмѣна на началахъ хотя бы развитаго впослѣдствіи Миллемъ закона уравненія взаимнаго спроса вызываетъ крупныя послѣдствія.

Рикардо игнорируетъ, во-первыхъ, колоссальную пертурбацію въ отношеніяхъ или пропорціяхъ обмѣна, которая происходила послѣ возникновенія международной торговли. Когда Франція производила оба продукта, одинъ день ея труда воплощался въ одной бочкѣ вина и $2^1/_2$ пудахъ угля, т. е. отношеніе цѣнностей угля и вина было $1:{}^5/_2$, теперь оно стало 1:5. Въ Англіи 5 пудовъ угля равнялись $^2/_3$ бочки; теперь 5 пудовъ угля = одной бочкѣ вина, т. е. отношеніе, по цѣнности, вина къ углю было ранѣе $1:{}^{15}/_2$, теперь 1:5. Это обстоятельство, не можетъ не отразиться на потребленіи страны, а при принадлежности избытковъ производства классамъ, не могущимъ и нежелающимъ потребить ихъ непосредственно и въ предѣлахъ страны, и на самой реализаціи этихъ избытковъ.

Во-вторыхъ, равенство цѣнностей французскаго вина и англійскаго угля, произведенныхъ ста днями труда этихъ націй, произошло только по той причинѣ, что Франція выиграла сто дней, Англія — пятьдесятъ. Этотъ неравный выигрышъ далъ возможность уравнять въ качествѣ производителей цѣнности англійскій трудъ съ французскимъ, которые, какъ это видно изъ взятаго примѣра, по производительности неравны. Такое положеніе, очевидно, недопустимо. Конкурренція должна какъ-нибудь согласовать или, что то же, болѣе правильно раздѣлить эти выгоды. Тутъ возможны разныя предположенія и они имѣютъ боль-

шое значеніе для истолкованія самаго значенія международной торговли. Остановимся пока на одномъ изъ нихъ.

Предположимъ, прежде всего, что конкурренція такъ согласуетъ выгоды международной торговли, что каждая изъ обмѣнивающихся націй выиграетъ равное количество дней. Франція производила оба продукта въ 300 дней, пусть она ограничитъ свои выгоды освобожденіемъ 25 дней. Англія производила ихъ въ 250 дней, пусть она сдѣлаетъ то же самое. При такомъ предположеніи отношенія должны сложиться такъ. Франція сосредоточится на производствѣ вина, сто дней употребитъ для изготовленія этого продукта для собственнаго потребленія, 175 для англійскаго экспорта. Англія 100 дней будетъ готовить уголь для себя, 125 дней для французскаго экспорта.

Тогда имѣемъ:

Франція $100 + 175 = 275$ дней, выгода въ дняхъ — 25.

Англія $100 + 125 = 225$ дней, выгода въ дняхъ — 25, или, что то же, по исчисленію въ продуктахъ:

100 бочекъ плюсъ 175 бочекъ будутъ произведены Франціей и 500 пудовъ плюсъ 625 пудовъ угля будутъ добыты Англіей.

Согласно нашимъ предположеніямъ, обѣ страны должны размѣняться тѣмъ углемъ и виномъ, который они произвели сверхъ своихъ потребностей въ каждомъ изъ этихъ продуктовъ. Что же отсюда будетъ слѣдовать?

Во-первыхъ, при такихъ предположеніяхъ 175 дней француза будутъ равны 125 днямъ англичанина, или одинъ день француза будетъ приравненъ $^5/_7$ днямъ англичанина; во-вторыхъ, 175 бочекъ вина будутъ равны 625 пудамъ угля или одна бочка $^{25}/_7$ или $3\,^1/_7$ пудамъ угля. Другими словами: ранѣе принятое нами отношеніе по цѣнности между углемъ и виномъ какъ 1:5 при такомъ болѣе естественномъ раздѣлѣ выгодъ существовать не можетъ. Обмѣнъ будетъ совершаться такъ, что страна, въ которой трудъ болѣе производителенъ, согласиться считать только долю своего труда за цѣлый день труда другой. При большей производительности труда она, слѣдовательно, и не согласится давать за бочку вина 5 пудовъ угля, а только $3\,^1/_7$ пуда.

Не трудно видѣть, что результаты подобнаго обмѣна не могутъ не быть всегда таковы, что обмѣнъ не будетъ эквивалентенъ: *за одинъ день труда болѣе производительной страны менѣе развитая экономически страна будетъ платить большимъ количествомъ труда.*

У Маркса есть одно замѣчательное мѣсто, въ которомъ онъ пишетъ: „но еще сильнѣе измѣняется въ своемъ международномъ

примѣненіи законъ цѣнности вслѣдствіи того, что на міровомъ рынкѣ болѣе производительный національный трудъ считается также и за болѣе интенсивный всегда, когда болѣе производительная нація не вынуждается конкуренціей понижать продажную цѣну своего товара до его цѣнности . . . Различныя количества товаровъ одного и того же рода, которыя въ различныхъ странахъ производятся въ одинаковое рабочее время имѣютъ, слѣдовательно, неравную международную цѣнность, выраженную въ различныхъ цѣнахъ“ [47]).

Но можетъ ли конкуренція вызвать такое явленіе, чтобы въ международномъ обмѣнѣ продажная цѣна товара болѣе производительной страны упала до его цѣнности и что значитъ это выраженіе, какую силу здѣсь обнаруживаетъ конкуренція? Не предполагаетъ ли Марксъ здѣсь возможность того поверхностнаго вывода, на который мы указали выше, когда сто дней англичанина шло въ обмѣнѣ за сто дней француза?

Пусть раньше сто дней болѣе производительнаго труда шло за полторасто дней менѣе производительнаго. Если конкуренція уравняетъ обмѣнъ и сто дней будетъ идти за сто дней, то подъ вліяніемъ международнаго обмѣна произойдетъ крупное видоизмѣненіе „абсолютныхъ трудовыхъ цѣнностей“. Если этотъ обмѣнъ характеризуетъ весь національный международный оборотъ товарами, то для первой страны всѣ цѣнности понизятся на 50 %, для второй повысятся на 50 %. Но если таково вліяніе конкуренціи по отношенію къ труду большей производительности, то, спрашивается не можетъ ли на такихъ же началахъ „болѣе интенсивный“ трудъ приравняться подъ вліяніемъ конкуренціи „къ менѣе интенсивному“? Вѣдь, тогда и самое приравниваніе разныхъ видовъ труда одного къ другому можетъ обратиться въ фикцію, даже при допущеніи методологической правильности такого приравниванія, что конечно сомнительно.

---

47) См. TI. перев. Струве, стр. 464—465. Во второмъ изданіи нѣмецкаго текста это мѣсто читается такъ: „Auf dem Weltmarkt zählt nicht nur der intensivere Arbeitstag als Arbeitstag von grösserer Stundenzahl, sondern der productivere nationale Arbeitstag zählt als intensiver, so oft die productivere Nation nicht durch die Konkurenz gezwungen wird den Verkaufpreis der Waare auf ihren Wert zu sinken. Der intensivere und productivere nationale Arbeitstag stellt sich also im Ganzen auf dem Weltmarkt in höheren Geldausdruck dar als der minder intensive oder productive nationale Arbeitstag; was von dem Arbeitstag, gilt von jedem seiner aliquoten Teile. Der absolute Geldpreis der Arbeit kann also bei einer Nation höher stehn als bei der andern, obgleich der relative Arbeitslohn d. h. der Arbeitslohn verglichen mit dem vom Arbeiter producirten Mehrwert oder seinem ganzen Wertproduct oder der Nahrungsmittel niedriger steht“.

Механическая эквивалентность 100 дней 100 днямъ показываетъ только, что страна меньшей производительности можетъ захватить при извѣстныхъ обстоятельствахъ одинъ день труда большей производительности, но не показываетъ, какимъ образомъ это можетъ произойти, не выясняетъ, какое отношеніе такая разная производительность имѣетъ къ вопросу о цѣнности или цѣнѣ предметовъ.

Припомнимъ, что пресловутое открытіе третьяго тома Капитала Маркса, построенное для объясненія теоріи обмѣна внутренняго и внѣшняго рынка, согласно которому продукты капиталовъ „высшаго органическаго состава“ продаются выше трудовой цѣнности продуктовъ нисшаго органическаго состава, по существу дѣла, является подтвержденіемъ только того правила закона сравнительныхъ издержекъ, что трудъ болѣе производительный обмѣнивается на большее количество труда менѣе производительнаго. Въ таблицахъ Маркса, которыя мы разберемъ въ главѣ пятой, 40 единицъ перемѣннаго капитала продаютъ на 26 единицъ выше трудовой цѣнности, 70 единицъ перемѣннаго капитала низшаго органическаго состава продаютъ на 26 единицъ ниже трудовой цѣнности т. е., другими словами, 40 дней какъ бы приравниваются къ 70 днямъ. Если это такъ, то является вопросъ, подвинулъ ли Марксъ сколько нибудь рѣшеніе вопроса или же „великое открытіе Рикардо“ уже рѣшило всѣ вопросы и наука не подвинулась ни на шагъ впередъ? Наконецъ, не лежитъ ли тотъ же законъ сравнительныхъ издержекъ въ основѣ закона ренты, не представляетъ ли законъ международной цѣнности Рикардо только видоизмѣненіе или поправку къ этому закону? Всѣ эти вопросы будутъ разрѣшены ниже.

Неполнота закона Рикардо бросается въ глаза. Онъ не приложимъ для объясненія цѣны товаровъ, производство которыхъ не можетъ быть ни съ какими издержками организовано въ предѣлахъ данной страны. На это обстоятельство обратилъ вниманіе Кернсъ, который, какъ извѣстно, построилъ на этомъ основаніи свою теорію трехъ промышленныхъ монополій. Задолго до него на это обстоятельство указывалъ Мальтусъ [48]).

---

48) см. Malthus. Principes d'Econ. Pol., изд. Daire, 1846, стр. 354. Cairnes. Some Leading Principles, изд. 1874, стр. 419 и слѣд. Промышленная монополія, пишетъ Кернсъ, можетъ существовать при разныхъ условіяхъ, обусловливая и соотвѣтствующее различіе въ вытекающихъ изъ нея результатахъ. Она можетъ существовать, во первыхъ, въ абсолютной формѣ, когда индивидъ или нація обладаютъ исключительной возможностью производить опредѣленныя блага, или, во-вторыхъ она можетъ быть условной, вытекая изъ обладанія спеціальными вы-

5.

Шарль Фурье [49]) смотритъ на торговлю, какъ на конечное зло развитія цивилизаціи на четвертой ея стадіи. Полное развитіе торговли ведетъ къ паденію (declin) [50]); стадія развитія, основанная на господствѣ торговыхъ, коммерческихъ началъ, неизбѣжно должна проникнуться противорѣчащими ей началами и перейти въ слѣдующую высшую стадію цивилизаціи.

Въ своей „Tableau progressif du Mouvement civilisé“ — Фурье говоритъ, что цивилизація представляетъ собой ничто иное, какъ градацію и деградацію. Въ ходѣ историческаго движенія вообще обнаруживаются двѣ стадіи: а) вибрація восходящая, въ продолженіи двухъ фазъ которой обнаруживается постепенное ослабленіе личной или прямой зависимости (dimunution des servitudes personelles ou directes) и б) двѣ стадіи вибраціи нисходящей, когда все болѣе увеличивается зависимость общая или косвенная (servitudes collectives ou indirectes).

Вотъ какую картину развитія цивилизаціи даетъ Фурье въ окончительномъ видѣ: въ „теоріи четырехъ движеній“ она оканчивается торговымъ феодализмомъ, въ „новымъ мірѣ“ — промышленнымъ.

Дѣтство или первая фаза.

Вибрація восход.

Простой зародышъ (germe). Моногамія или исключительный бракъ.
Сложный „ Патріархальный или дворянскій феодализмъ.
Высшая степень развитія (pivot). Гражданскія права жены.
Протововѣсъ (contre-poids). Федерація крупныхъ вассаловъ.
Настроеніе (ton). Рыцарскія иллюзіи.

годами въ производствѣ, которыхъ нѣтъ у другихъ, таковы напр. особенности климата, почвы и т. п., которыя, хотя и не препятствуютъ производству благъ, но требуютъ при наличности худшихъ условій большихъ издержекъ. Въ третьихъ монополія можетъ быть односторонна или взаимна, когда каждая изъ странъ или имѣетъ свою монополію по отношенію къ одному какому либо товару, или она принадлежитъ обоимъ вмѣстѣ по отношенію къ разнымъ предметамъ ихъ обмѣна.“ Сила взаимнаго спроса надъ цѣнностью будетъ больше или меньше соотвѣтственно той формѣ, которую въ каждомъ данномъ случаѣ принимаетъ монополія.“

49) см. его Oeuvres complètes, Paris, MDCCXLI, Théorie des Quatres Mouvements et des Destinées generales, т. I, p. 331 и слѣд. Le Nouveau Monde industrielle, IV., 3 изд. стр. 387.

50) Всегда такъ бываетъ, полагаетъ Фурье: „une societé peut tomber en declin par effet des progrès sociaux“, ib. p. 133.

Вибрація восход.

Юношество или 2-я фаза.

Зародышъ простой. Коммунальныя привеллегіи.
» сложный. Развитіе наукъ и искуствъ.
Pivot. Освобожденіе промышленниковъ.
Contrepoids. Представительное правленіе.
Ton. Иллюзіи по части свободы.

Вибрація нисходящая.

Высшій апогей.

Зародышъ. Морское искуство, экспериментальная химія.
Характеры. Deboisements. Фискальныя займы.

Мужество или 3-я фаза.

Зародышъ простой. Меркантильный и фискальный духъ.
» сложный. Акціонерныя компаніи.
Pivot. Морская монополія.
Contre-poids. Анархія торговли.
Ton. Экономическія иллюзіи.

Старость или 4-я фаза.

Зародышъ простой. Городскіе ломбарды.
» сложный. Maitrises en nombres fixes (синдикаты).
Pivot. Промышленный феодализмъ.
Contre-poids. Fermier de monopole féodale.
Ton. Иллюзіи по части ассоціацій

По предположенію Фурье мы въ настоящій моментъ послѣдовательно достигаемъ четвертой фазы. Она закончится тѣмъ, что какая нибудь изъ наиболѣе удобно расположенныхъ для торговли странъ, вѣрнѣе островъ, получитъ полное преобладаніе и распространитъ свою монополію на какую нибудь часть свѣта. Такимъ образомъ островной побѣдитель будетъ прежде всего континентализированъ. Пользуясь своей монополіей сконцентрировавшіяся и немногочисленныя предпріятія (maitreses en nombres fixes) начнутъ исключать отъ участія въ торговлѣ претендентовъ, имѣющихъ наиболѣе правъ и закроютъ условный (accès conditionnel) доступъ къ труду. Изъ этихъ компаній зародится обширная феодальная коалиція, которая захватитъ вскорѣ всю промышленную и финансовую систему и положитъ начало возникновенію торговаго феодализма[51]). Когда

51) Историческая миссія этого торговаго феодализма объединитъ весь міръ. Континентъ покоритъ островъ и на шестой стадіи наступитъ гарантизмъ, общественная конкуренція, которая подчинитъ коммерсантовъ производителямъ.

онъ возникнетъ явится рядъ философовъ, которые возбудятъ по этому предмету безконечный рядъ споровъ; они будутъ восхвалять недостатки этой стадіи развитія и продавать цѣлые потоки отпечатанныхъ ими томовъ книгъ, въ которыхъ они будутъ восхвалять этотъ порядокъ и находить въ немъ: „perfectionnement de la perfectibilité“. Они не будутъ видѣть, что механизмъ торговли организованъ въ полной противоположности со здравымъ смысломъ, что онъ подчиняетъ соціальное тѣло классу непроизводительныхъ и паразитическихъ посредниковъ т. е. торговцамъ. Всѣ основные классы: собственники, земледѣльцы, мануфактуристы и даже само правительство подпадутъ въ подчиненіе случайному классу торговцевъ, который долженъ былъ бы находиться у нихъ въ подчиненіи, какъ ихъ низшій, какъ ихъ смѣняемый и отвѣтственный коммисіонный агентъ. На этой стадіи развитія торговецъ управляетъ; онъ затрудняетъ по своему произволу всѣ условія, пружины обращенія.

Въ древности, продолжаетъ Фурье, торговля по справедливости презиралась и только съ возникновеніемъ меркантильнаго духа и въ его апогеѣ при торговомъ феодализмѣ — ей стали пѣть хвалебные гимны, между тѣмъ какъ она губитъ современное общество слѣдующими пятью способами:

Spoliation du corps social: par la Banqueroute
„ par l'Accaparement
„ par l'Agiotage
„ par la Déperdition
„ par l'Usure.

Фурье замѣчаетъ, что это еще не всѣ пороки и несчастія, порождаемыя господствомъ торговаго класса. Разберемся же въ каждомъ изъ этихъ способовъ, ибо, изучивъ въ дальнѣйшемъ, общій вопросъ о значеніи рынка, намъ придется относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ пороковъ трактовать довольно подробно.

А. Банкротство — наиболѣе характерная особенность коммерческаго строя. Банкротство или крушеніе дѣла хуже грабежа на большой дорогѣ. Возможность существованія этого явленія была слѣдствіемъ того, что торговцамъ предоставили полную свободу, не требуя отъ нихъ никакой гарантіи въ благоразуміи, честности и платежной способности. Въ настоящее время извращеніе дошло до того, что говорятъ о „честномъ и нечестномъ“ банкротствѣ. Между тѣмъ одинъ банкротъ, прощалыга и чаще всего еврей, въ состояніи дезорганизовать цѣлый кругъ торговли и увлечь въ преступленіе честныхъ

торговцевъ: laisser aux commerçauts une entière liberté sans engager de garantie sur leur malversations — это значитъ губить общество. Банкротство всегда падаетъ на общество, ибо торговецъ и совершаетъ банкротство только для поправленія своего положенія.

Сословіе торговцевъ является, кромѣ того, депозитаріемъ части общественнаго достоянія; каждый изъ нихъ пользуется долей этого достоянія, чтобы направить его на рискованную спекуляцію, которая не имѣетъ другого закона, кромѣ индивидуальнаго каприза торговца. Отсюда должны происходить промахи (bevues) и банкротства, благодаря которымъ производители и депозитаріи капиталовъ несутъ потери на сумасбродныхъ предпріятіяхъ, созданныхъ по указаніямъ торговцевъ и на организацію которыхъ производители не дали бы иначе согласія. Имѣется одно средство устранить это явленіе: надо подчинить торговцевъ такой гарантіи, чтобы каждый торговецъ и общество предпринимателей могли рисковать и терять только то, чѣмъ они дѣйствительно владѣютъ. Эта гарантія сдѣлаетъ: „le corps commercial assureur de lui même et le corps social assuré contre le commerce".

Б. Второй способъ разоренія общества — барышничество. Подъ барышничествомъ Фурье понимаетъ накопленіе, образованіе, скрытіе или уничтоженіе запасовъ съ тою цѣлью, чтобы возвысить со временемъ цѣну. Барышничество и ажіотажъ, говоритъ онъ, это то, что современные ученые называютъ — „la perfection de la perfectibilité". Барышничество приводитъ къ удвоенію стоимости сыраго матеріала, къ разоренію мануфактуръ и къ наживѣ всякихъ „tripotiers" за счетъ потребителей. Должно быть признано, полагаетъ Фурье, что человѣкъ, снабженный въ изобиліи товаромъ, котораго онъ не является ни производителемъ, ни потребителемъ, можетъ разсматриваться только, какъ условный держатель товара, а не какъ абсолютный собственникъ. Онъ долженъ подчиниться благу массы, а не портить (entraver) общія отношенія своими гибельными маневрами. Уничтожить барышничество можно только объявленіемъ товара „внѣ торговли" (hors de commerec) и назначеніемъ ему цѣны. Итакъ, часть общественнаго капитала, какъ вытекаетъ изъ этихъ словъ Фурье, непроизводительно назначается на образованіе запасовъ.

В. Ажіотажъ — братъ барышничества. Онъ разоряетъ соціальное тѣло, отвращая капиталы отъ производительнаго труда и направляя его въ „tripotage" повышенія и пониженія цѣнъ, которая доставляетъ чудовищныя выгоды наиболѣе ловкимъ игрокамъ. Ажіотажъ по своему произволу направляетъ промышленный механизмъ; онъ отдаетъ Имперіи на произволъ паразитическаго класса, который не

будучи ни собственникомъ, ни мануфактуристомъ, а держась исключительно за свой портфель и имѣя возможность изо дня въ день мѣнять свое отечество, заинтересованъ въ томъ, чтобы дезорганизовать всякую страну и перепутать (bouleverser) каждую отрасль промышленности. Ажіотажъ — якобинецъ промышленности, ажіотеры — это клубисты; они становятся посредниками между правительствомъ и народомъ: обманываютъ ихъ обоихъ. Мало того, ажіотеры убиваютъ своихъ соперниковъ по очереди, въ розницу (en detail). Поглощая и сосредотачивая въ своихъ рукахъ капиталы, ажіотажъ принуждаетъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ получать капиталы по чрезмѣрной цѣнѣ. Полезныя предпріятія этихъ классовъ, которыя доставляютъ доходъ только медленнымъ и труднымъ путемъ, подвергаются презрѣнію сравнительно съ легкой игрой ажіотажа, которая поглащаетъ большую часть звонкой и незвонкой монеты страны. Ажіотажъ ведетъ прямой дорогой къ ростовщичеству.

Собственники въ четвертую фазу развитія цивилизаціи должны сдѣлаться рабами торговли, которую, замѣчаетъ Фурье, „я мало отличаю отъ ажіотажа, ибо всѣ болѣе или менѣе богатые торговцы вовлечены въ путы (trèmes) ажіотажа и барышничества, несмотря на всѣ ихъ вопли противъ этихъ явленій, тайными создателями и соучастниками которыхъ они являются.

Такимъ образомъ Фурье находитъ новый видъ непроизводительнаго капитала: капиталъ спекулятивный и родственныя ему виды денежныхъ, заемныхъ капиталовъ во всякихъ видахъ.

Г. Коммерческій паразитизмъ (Déperdition et Usure) выражается въ огромномъ количествѣ торговыхъ агентовъ и торговыхъ капиталовъ всякаго вида. Онъ разоряетъ соціальное тѣло троякимъ образомъ. Во первыхъ, отвлекая отъ другихъ производительныхъ занятій людей: всякому хочется заниматься легкимъ дѣломъ торговли; во вторыхъ, чрезъ безнравственность и безпорядокъ, порождаемый ожесточенной борьбою безконечнаго числа торговцевъ, которыхъ коварство часто производитъ для многихъ препоны равныя запрещенію всякой конкуренціи, въ третьихъ, торговля ведетъ къ безплодной растратѣ капиталовъ и доходовъ. Торговецъ не только рабъ своего интереса и зависти, но и гордости. Одни изъ торговцевъ разоряются изъ за пустой славы веденія громадныхъ дѣлъ, другія, чтобы погубить (ecraser) своихъ противниковъ.

Консидеранъ[52]) истолковываетъ слова своего учителя въ жесто-

52) см. Victor Considerant. Destinée sociale, Paris, т. I, MDCCCXXXV, 2 ch.

чайшемъ обвинительномъ актѣ, который онъ формулируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Для него торговый капиталъ — высшій представитель той „анархической конкуренціи“, которая составляетъ главное зло нашей экономической системы.

1. Торговля господствуетъ надъ потребленіемъ и производствомъ вмѣсто того, чтобы имъ служить.

2. Она разоряетъ общество своими чрезмѣрными выгодами, а отчасти также чрезмѣрнымъ количествомъ агентовъ, которыхъ она отвлекаетъ отъ производительной дѣятельности. Около $^1/_4$ всѣхъ промышленниковъ заняты торговлей.

3. Она обогащается поддѣлкой товаровъ.

4. Накопляя чрезмѣрное количество товаровъ, естественно и искуственно, она приводитъ къ порчѣ и уничтоженію ихъ за недостаткомъ сбыта.

5. Она приноситъ громадныя потери, распредѣляя товары по множеству магазиновъ и производя множество совершенно излишнихъ перевозокъ.

6. Она прилагаетъ къ торговлѣ капиталы не въ должной соразмѣрности и отвлекаетъ ихъ отъ производства.

7. Она спекулируетъ сверхъ состоянія и вызываетъ банкротства.

8. Она закупаетъ товары по слишкомъ низкой цѣнѣ, а продаетъ слишкомъ дорого.

Предъ нами, такимъ образомъ, обвинительный актъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Само собою разумѣется, что не всякое обвиненіе можетъ быть признано убѣдительнымъ. Что же мы узнали отъ Фурье и чего онъ намъ не сказалъ? Мы узнали отъ него только то, что виды непроизводительнаго капитала многочисленны, но не узнали указываетъ ли онъ намъ всѣ эти виды или только нѣкоторые; мы видѣли, что число торговыхъ посредниковъ можетъ быть чрезмѣрно, но не узнали, подтверждается ли этотъ фактъ дѣйствительностью. Фурье утверждаетъ, что торговецъ, какъ владыка рынка, господствуетъ надъ производителями и потребителями, но не объясняетъ почему и какъ это произошло; наконецъ самого основанія подраздѣленій капитала на производительный и непроизводительный мы у него не находимъ. Какъ увидимъ, Фурье положилъ начало ученію о господствѣ непро-

---

„Vices généraux des nos procédés commerciaux, concurrence anarchique“, p. 73 и слѣд. Напомнимъ, что въ настоящей статьѣ мы разбираемъ только общую теорію торговли, многіе частности будутъ разсмотрѣны впослѣдствіи.

изводительнаго капитала, которое живо и до нашихъ дней. Посмотримъ же, что думаетъ по всѣмъ этимъ вопросамъ Карлъ Марксъ.

6.

Теорія торговаго капитала Карла Маркса, великаго защитника идеи труда и рабочаго сословія, примыкаетъ ко взглядамъ Рикардо. Она построена на той же „идеѣ эквивалентности обмѣна", которая также какъ и у Рикардо въ процессѣ послѣдовательнаго усложненія теоретическаго анализа мало по малу терпитъ крушеніе. Моя задача въ послѣдующемъ изложеніи будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ критикѣ системы Рикардо и Маркса; поэтому въ настоящемъ литературномъ обзорѣ я постараюсь только намѣтить особенности ученія Маркса о торговомъ капиталѣ и политикѣ; подчеркну одну любопытную страницу его полемики съ Д. С. Миллемъ, которая укажетъ отчасти путь, по которому мы будемъ идти, проясняя его экскурсами въ труды Мальтуса и Родбертуса.

Марксъ[53]) рѣзко и опредѣленно отмѣчаетъ, что торговый капиталъ въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ играетъ подчиненную роль. „Въ разныя историческія эпохи, пишетъ онъ, роль торговаго капитала различна . . . *Она обусловливается самой природой производящаго общества* . . . Въ предшествовавшія стадіи развитія торговый капиталъ присваиваетъ себѣ значительную часть прибавочнаго продукта, частью, какъ посредствующій факторъ между общинами, производство которыхъ направлено, главнымъ образомъ, на потребительныя цѣнности и для экономической организаціи которыхъ продажа части продукта, вступающаго въ обращеніе, и вообще продажа продукта по его цѣнности имѣетъ второстепенное значеніе; частью вслѣдствіе того что въ такихъ первоначальныхъ способахъ производства владѣльцы прибавочнаго продукта, съ которыми имѣетъ дѣло торговецъ, рабовладѣлецъ, феодалъ, государство (напр. восточные деспоты) представляютъ богатство, *желавшее наслажденій,* которому купецъ даетъ возможность воспользоваться . . . *На первыхъ стадіяхъ капиталистическаго развитія торговля господствуетъ надъ промышленностью, въ современномъ обществѣ наоборотъ.* Торговля, само собою разумѣется, болѣе или менѣе воздѣйствуетъ на тѣ общества, между которыми она ведется. Она все болѣе и болѣе подчиняетъ производство „мѣновой цѣнности", дѣлая наслажденія и средства къ су-

53) см. т. III, гл. 17, р. пер. стр. 264—265, 227. Къ анализу всѣхъ противорѣчій въ ученіи о торговомъ капиталѣ мы вернемся въ гл. 3-й.

ществованію болѣе зависящими отъ продажи, чѣмъ отъ непосредственнаго потребленія продукта. Торговля разрушаетъ этимъ старыя отношенія, умножаетъ денежное обращеніе, она захватываетъ не только избытки производства, но мало по малу пожираетъ его цѣликомъ и ставитъ въ зависимость отъ себя цѣлыя отрасли производства. *Все же* это разлагающее вліяніе сильно зависитъ отъ природы производящаго общества".

„Современный торговый капиталъ есть только одна изъ формъ капитала въ процессѣ его собственнаго воспроизводства; эта форма капитала непосредственно возникающая изъ обращенія". Для него норма прибыли есть величина данная, съ одной стороны количествомъ прибыли, производимымъ промышленнымъ капиталомъ, а съ другой относительной величиной всего торговаго капитала, его количественнаго отношенія къ суммѣ капитала, затраченнаго на процессъ производства и обращенія" [54]).

---

54) Потребная величина капитала обращенія опредѣляется такъ: „Торговый капиталъ стоитъ въ нѣкоторомъ количественномъ отношеніи къ капиталу, затраченному на процессъ производства . . . Абсолютная величина необходимаго торговаго капитала и быстрота его обращенія находятся въ обратномъ отношеніи, но относительная величина его, или доля участія въ валовомъ капиталѣ, опредѣляется при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ абсолютною его величиною. Если весь общественный капиталъ равенъ 10,000, то въ томъ случаѣ, если купеческій капиталъ составляетъ одну десятую часть его, онъ будетъ равенъ 1000. Если весь капиталъ 100, то одна десятая его равна 10. Абсолютная величина его различна, хотя относительная и неизмѣняется, различна сообразно величинѣ всего капитала, Эта относительная величина опредѣляется опять таки оборотомъ. При быстромъ оборотѣ абсолютная величина его напр. 1000 въ первомъ случаѣ и 100 во второмъ, а относительная его величина будетъ одна десятая. При оборотѣ болѣе медленномъ абсолютная его величина скажемъ будетъ 2000 въ первомъ и 200 во второмъ случаѣ, относительная величина его возросла съ одной десятой до одной пятой". И еще: „число оборотовъ купеческаго капитала въ разныхъ отрасляхъ торговли вліяетъ *непосредственно* на торговую цѣну товаровъ. Высота торговой надбавки къ цѣнѣ, соотвѣтственная часть торговой прибыли даннаго капитала, падающей на цѣну производства единичнаго товара, находится въ обратномъ отношеніи къ числу оборотовъ или быстротѣ оборотовъ купеческихъ капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ предпріятій. Если купеческій капиталъ оборачивается пять разъ въ годъ, то къ товарному капиталу одинаковой цѣнности онъ дѣлаетъ только $^1/_5$ часть той надбавки къ цѣнѣ, которую дѣлаетъ другой купеческій капиталъ къ товарному капиталу той же цѣнности, но который можетъ обернуться только разъ въ годъ . . . Итакъ, самая процентная норма прибыли повышаетъ продажную цѣну товаровъ въ различныхъ отрасляхъ торговли, въ зависимости отъ времени оборотовъ этихъ капиталовъ на крайне различный процентъ по отношенію къ цѣнности этихъ товаровъ" (т. III, р. пер., стр. 246—248).

Промышленный капиталъ, со всѣми многообразными подчиненными его формами, имѣетъ свою историческую миссію. „Истиннымъ предѣломъ капиталистическаго производства является самъ капиталъ. Этотъ предѣлъ заключается въ томъ, что капиталъ и его *цѣнностное возстановленіе* (Selbstverwertung) являются исходнымъ и конечнымъ пунктомъ, мотивомъ и цѣлью, что производство является только производствомъ для капитала, а не наоборотъ, что средства производства служатъ простымъ средствомъ для постоянно развивающагося процесса жизни общества производителей". „Лишь постолько, посколько капиталистъ представляетъ олицетворенный капиталъ онъ имѣетъ историческое значеніе и историческое право на существованіе . . . . " При данной величинѣ прибавочной цѣнности, величина накопленія, очевидно, зависитъ отъ дѣленія прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ. Такое раздѣленіе актъ воли капиталиста . . . . „Но по столько же побудительнымъ мотивомъ его дѣйствій служитъ не потребительная цѣнность и потребленіе, а мѣновая цѣнность и ея увеличеніе. Какъ фанатикъ возрастанія цѣнности, онъ безпощадно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства и къ созданію матеріальныхъ условій производства, которыя однѣ только и могутъ составить реальное основаніе болѣе высокой общественной, формы, основнымъ принципомъ признающей полное и свободное развитіе каждаго индивудуума . . . "

„Кромѣ того, развитіе капиталистическаго производства дѣлаетъ необходимымъ постоянное увеличеніе капитала, вложеннаго въ промышленное предпріятіе, а конкуренція повелительно диктуетъ каждому индивидуальному капиталисту законы, присущіе капиталистическому способу производства, какъ внѣшніе принудительные законы. Оно постоянно принуждаетъ расширять свой капиталъ, чтобы его сохранить, увеличивать же его онъ можетъ только посредствомъ прогресивнаго накопленія. Накопляйте, накопляйте. Вотъ Моисей и пророки. Промышленность доставляетъ матеріалъ, который бережливость накопляетъ". Поэтому сберегайте, сберегайте т. е. превращайте возможно большую долю прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта въ капиталъ. Накопленіе для накопленія, производство для производства — въ этой формулѣ классическая школа выразила историческое призваніе буржуазнаго періода. Она ни на минуту не обольщалась насчетъ мучительности родовъ богатства, но что пользы въ жалобахъ на историческую необходимость?" [55])

55) т. I., гл. 22, пер. Струве, стр. 494—497.

Этотъ анализъ главнаго принципа капиталистическаго производства ведетъ къ двумъ основнымъ положеніямъ по отношенію къ торговому капиталу и торговой политикѣ.

„Торговый капиталъ, повторяетъ безконечное число Марксъ, не создаетъ ни цѣнности, ни прибавочной цѣнности т. е. не создать непосредственно“, онъ только присваиваетъ часть прибавочной цѣнности промышленнаго капиталиста. Онъ можетъ увеличить прибавочную цѣнность только чрезъ увеличеніе производительности труда.

Торговый капиталъ увеличиваетъ производительность труда только двумя способами[56]). Онъ, во-первыхъ, беретъ на себя функцію обращенія и потому увеличиваетъ производительность труда на всѣ тѣ выгоды, которыя вообще приноситъ всякое раздѣленіе труда; при такомъ положеніи вещей требуется меньшій капиталъ обращенія, онъ обращается скорѣе и дѣлаетъ работу для разныхъ отраслей промышленности. Во-вторыхъ, тотъ же капиталъ косвенно создаетъ болѣе благопріятныя условія для увеличенія и реализаціи прибавочной цѣнности: онъ увеличиваетъ время работоспособности производительнаго капитала, повышаетъ самый размѣръ этого капитала; расширяя рынокъ и раздѣленіе труда, способствуетъ образованію крупнаго производства, а, слѣдовательно, и большей производительности промышленнаго капитала; сокращая время обращенія, повышаетъ отношеніе прибавочной цѣнности къ затраченному капиталу, а потому и норму прибыли. Изъ этихъ положеній вытекалъ вполнѣ естественный выводъ, который Марксъ и сдѣлалъ. „Если образованіе прибавочной цѣнности не можетъ быть объяснено ни тѣмъ, что продавцы продаютъ свои товары выше ихъ цѣнности, ни тѣмъ, что покупатели, покупаютъ ихъ ниже этой цѣнности, если торговый капиталъ, „существуя въ надлежащей пропорціи“ къ производительному капиталу и правильно выполняя свою функцію, можетъ увеличить прибавочную цѣнность только чрезъ прямое или косвенное увеличеніе производительности труда, то, очевидно, торговая прибыль представляетъ часть произведенной рабочимъ цѣнности и прибыли капиталиста-производителя; „если при продажѣ товара реализуется прибавочная цѣнность, то только потому, что она уже находилась въ немъ“ и „то, *что относится до внѣшней торговли, относится и до внутренней*“.

Отношеніе Маркса къ вопросу о свободной торговлѣ и къ протекціонизму сказывается съ поразительной ясностью въ его из-

56) Т. III. р. пер. стр. 220, 221 и passim.

вѣстной рѣчи 9-го января 1849 г. въ Брюсселѣ [57]). „Свободная торговля, говорятъ фритредеры, увеличиваетъ, производительныя силы страны. Если промышленность возрастаетъ, если богатство, производительныя силы, если словомъ производительный капиталъ увеличиваетъ спросъ на трудъ, то цѣна труда, а, слѣдовательно, и заработная плата повышаются. Возрастаніе капитала является наиболѣе благопріятнымъ для рабочаго. Съ этимъ, продолжаетъ Марксъ, необходимо согласиться. Если капиталъ останется неподвижнымъ, то промышленность не только останется неподвижной, а станетъ падать и въ этомъ случаѣ рабочій окажется первой жертвой паденія. Онъ пойдетъ ко дну раньше капиталиста. Ну, а въ томъ случаѣ, когда капиталъ возрастетъ т. е. какъ сказано въ лучшемъ случаѣ для рабочихъ, какова будетъ ихъ судьба? Они все равно пойдутъ ко дну. Ростъ производительнаго капитала заключается въ концентраціи и накопленіи капиталовъ. Централизація капиталовъ влечетъ за собой большее раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ. Большее раздѣленіе труда дѣлаетъ ненужной ловкость рабочаго, ставя въ замѣнъ особой ловкости трудъ, который всякимъ можетъ быть выполненъ, оно увеличиваетъ конкуренцію между рабочими. Чѣмъ больше ростетъ производительность труда, тѣмъ болѣе это обстоятельство принуждаетъ производить на рынокъ, потребности котораго неизвѣстны, отсюда кризисы, ихъ ускореніе и большее развитіе пролетаріата.... Но въ общемъ въ настоящее время протекціонизмъ консервативенъ, тогда какъ свободная торговля дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ. Она растворяетъ (zersetzt) прежнія національности и доводитъ до послѣднихъ предѣловъ противорѣчіе между буржуазіей и пролетаріатомъ. Словомъ, система свободной торговли ускоряетъ соціальную революцію и только въ этомъ революціонномъ смыслѣ я подаю голосъ за свободную торговлю".

Система Маркса является окончательнымъ завершеніемъ ученій школы Рикардо, *завершеніемъ, принявшимъ историческую и соціальную форму*. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ неоднократно придется возвращаться къ аргументаціи Маркса, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какіе сложные вопросы его историческая теорія торговаго капитала ставитъ для нашего послѣдующаго изслѣдованія. Мы должны будемъ рѣшить слѣдующіе вопросы: I. дѣйствительно ли накопленіе составляетъ такой важный и основной принципъ капиталистическаго хозяйства и, если да, то какое вліяніе оно оказываетъ,

57) см. Das Elend der Philosophie, 3 изд., Anh. II: Rede über die Frage des Freihandels, стр. 178, 188.

непосредственно и чрезъ вызываемую имъ конкуренцію, на процессъ образованія цѣнъ и доходовъ? 2. дѣйствительно ли торговый капиталъ занимаетъ въ капиталистической системѣ такое подчиненное положеніе, можно ли признать его прибыль величиной данной, исчисляемой такъ механически, какъ это дѣлаетъ Марксъ? 3. не приводитъ ли общее положеніе, что торговый капиталъ не создаетъ ни цѣнности, ни прибавочной цѣнности къ схоластикѣ, на почвѣ которой не трудно усомниться въ правильности всего ученія о цѣнности? 4. только ли тѣми двумя способами торговый капиталъ увеличиваетъ производительность труда, которые указаны Марксомъ? 5. какое отношеніе имѣютъ издержки производства, обмѣнъ и распредѣленіе для выясненія вопроса о томъ, что такое производительность труда? 6. имѣемъ ли мы право давать какую нибудь классификацію капиталовъ, какъ образующихъ или необразующихъ цѣнность? 7. Можемъ ли мы считать какой либо изъ общественныхъ доходовъ — ренту, прибыль или заработную плату — показателемъ производительности труда? Нужна ли политика доходовъ или только политика производства? Всѣ эти вопросы будутъ подвергнуты ниже изслѣдованію, но въ нашемъ литературномъ обзорѣ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на другую сторону предстоящей задачи въ связи съ теоріей обращенія.

Нигдѣ, быть можетъ, такъ рѣзко и опредѣленно Марксъ не противоставляетъ себя и свою доктрину ученіямъ предшественниковъ, какъ на тѣхъ немногихъ страницахъ, гдѣ онъ осыпаетъ бранью Д. С. Милля [58]).

Онъ смѣется надъ элементарностью анализа меркантилистовъ, „которые выводили излишекъ цѣны продуктовъ надъ издержками ихъ производства изъ обмѣна т. е. „изъ продажи ихъ выше цѣнности“, но положеніе Милля: „причина прибыли состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе; прибыль возникаетъ не изъ „случайностей“ обмѣна, но вытекаетъ изъ производительной силы труда; общая прибыль страны всегда опредѣляется производительной силой труда независимо отъ того, происходитъ ли въ ней обмѣнъ или нѣтъ“ — вызываетъ въ его душѣ бурю негодованія.

Извѣстный родоначальникъ русскаго марксизма Н. И. Зиберъ, излагая работу Ланге о Миллѣ пишетъ: „утвержденіе Милля, что прибыль будетъ одинаковая, все равно высоки или низки цѣны, представляетъ одну изъ самыхъ колоссальныхъ и нелѣпыхъ несо-

58) т. I. гл. 14, пер. Струве, стр. 427—428.

образностей, какую можетъ только высказать ученый . . . Для вознагражденія за капиталистическое воздержаніе (т. е. прибыль): 1) рабочій долженъ продавать свою рабочую силу, а съ нею и самого себя, капиталисту и давать потреблять себя; 2) рабочій долженъ продавать свою рабочую силу ниже цѣнности ея продукта; 3) капиталистъ долженъ быть въ состояніи продавать продуктъ этой работы за сумму, соотвѣтствующую цѣнности послѣдняго".

Зиберъ думаетъ, что онъ вѣрно понялъ своего учителя. Онъ жестоко ошибается; чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ открыть первый и третій томы „Капитала". Въ первомъ томѣ Марксъ пишетъ: „поскольку, слѣдовательно, обращеніе товара обусловливаетъ лишь измѣненіе формы цѣнности его, оно обусловливаетъ, если процессъ происходитъ въ чистомъ видѣ, обмѣнъ эквивалентовъ. И самая вульгарная экономія, въ силу этого, какъ ни мало она догадывается, что такое цѣнность, каждый разъ когда она на свой ладъ стремится изучать это явленіе въ чистомъ видѣ, предполагаетъ, что спросъ и предложеніе взаимно уравновѣшиваются т. е. что дѣйствіе ихъ прекращается. Если, такимъ образомъ, по отношенію къ потребительной цѣнности оба участника обмѣна могутъ выигрывать, то по отношенію къ мѣновой цѣнности они выигрывать не могутъ. Здѣсь наоборотъ можно сказать: „гдѣ есть равенство, тамъ нѣтъ прибыли". Товары правда иногда могутъ продаваться по цѣнамъ отклоняющимся отъ ихъ цѣнности, но это отклоненіе является нарушеніемъ закона обмѣна товаровъ. *Въ своемъ чистомъ видѣ обмѣнъ товаровъ есть обмѣнъ эквивалентовъ и, слѣдовательно, не составляетъ средства обогащаться приращеніемъ цѣнности".* Въ третьемъ томѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, оказалось, что обмѣнъ почти никогда не происходитъ „въ чистомъ видѣ" и товары продаются и ниже, и выше своей цѣнности, а самое „понятіе цѣнности" пріобрѣтаетъ и абсолютное, и относительное значеніе! Зиберъ не замѣтилъ въ чемъ собственно негодованіе его учителя. Марксъ отлично зналъ, что Милль, вѣрный ученикъ Рикардо, ставилъ прибыль въ зависимость отъ „продажной стоимости труда" и что въ указанномъ мѣстѣ онъ только для облегченія пониманія проблемы исчисляетъ прибыль не на весь затраченный капиталъ, а на заработную плату. Только для простоты Милль принимаетъ всю сумму затраченнаго капитала равной заработной платѣ. Здѣсь Марксъ только несправедливъ по отношенію къ своему противнику.

---

59) См. Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій, т. II. Возраженіе на экономическое ученіе Д. С. Милля, стр. 452.

TRÜ Raamatukogu

Марксъ, также какъ и Милль, объясняетъ происхожденіе прибыли не изъ обмѣна товаровъ, но онъ, во-первыхъ, категорически отрицаетъ, что причина прибыли лежитъ въ производительности труда, во-вторыхъ, указываетъ, что прибыль не можетъ возникнуть вслѣдствіе того, что продолжительность существованія продуктовъ труда болѣе, чѣмъ продолжительность самаго процесса труда[60]).

Марксъ негодуетъ, ибо ему представляется, что вся классическая школа убѣждена въ томъ, что „и естественныя, и общественныя исторически развившіяся производительныя силы труда являются производительными силами капитала, который ими распоряжается, какъ своими".

Мы увидимъ насколько правъ Марксъ, устанавливая свое противоположное міровозрѣніе впослѣдствіи. Но допустимъ, что мы будемъ понимать формулу Милля въ томъ же смыслѣ, какъ понимаетъ производительность труда самъ Марксъ. Будемъ понимать ее буквально: „трудъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе" и сопоставимъ ее съ формулой Маркса: „трудъ производитъ всегда цѣнность и прибавочную цѣнность". Какая изъ этихъ двухъ формулъ болѣе способна дать намъ желанный отвѣтъ при построеніи теоріи обмѣна, которая можетъ лучше разъяснить намъ процессъ образованія доходовъ разныхъ классовъ и ихъ подраздѣленій?

Марксъ говоритъ: „производительность труда не причина бытія прибавочной цѣнности, а только причина, опредѣляющая величину ея". Но гдѣ же истинная реальная причина прибыли? Не лежитъ ли она въ соціальномъ господствѣ надъ представителями труда? Если бы это было такъ, то прибыль можно было бы всецѣло объяснять условіями продажи труда и обѣ формулы могли бы имѣть совершенно равное значеніе. Задача теоріи обмѣна, однако, гораздо сложнѣе и шире. Она должна показать, какъ происходитъ и распредѣляется прибавочная цѣнность между разными общественными классами и вѣрна ли самая формула, что „трудъ производитъ всегда больше своего необходимаго содержанія или же прибавочную цѣнность? Къ чему сведется утвержденіе о соціальномъ господствѣ, какъ о причинѣ прибыли, если трудъ не всегда производитъ больше своего необходимаго содержанія

60) т. I, пер. Даніелсона стр. 451. Съ точки зрѣнія Милля, пишетъ Марксъ, булочникъ, товаръ котораго просуществуетъ одинъ день, не могъ бы извлечь изъ своихъ рабочихъ такую же прибыль, какую извлекаетъ машиностроительный заводчикъ, товаръ котораго можетъ просуществовать лѣтъ двадцать, а то и болѣе. Конечно, совершенно вѣрно, что если бы гнѣздо не просуществовало дольше времени, которое требуется птицѣ, чтобы его свить, то птицамъ пришлось бы обходиться безъ гнѣздъ"

или не всегда производитъ прибавочную цѣнность? Можетъ ли трудъ получать больше своего необходимаго содержанія или больше цѣнности, которою завладѣваетъ онъ или не онъ, а капиталистъ, безъ наличности съ его (т. е. работника) стороны прибавочнаго труда только благодаря своеобразнымъ наличнымъ условіямъ обмѣна и распредѣленія? Вотъ вопросы, которые будутъ подлежать нашему изслѣдованію. Мы увидимъ тогда, которая изъ этихъ формулъ пригоднѣе для объясненія условій обмѣна; какъ первая изъ нихъ лежала въ основѣ ученій Мальтуса и Родбертуса и какъ вторая, впервые установленная Рикардо, была окончательно подхвачена Марксомъ и доведена до абсурда. Какъ увидитъ читатель для этого намъ придется совершенно разстаться съ представленіемъ „объ абсолютной и мѣновой цѣнности“ и ближе, чѣмъ это было дѣлаемо до сихъ поръ подойти къ изученію вліяній обмѣна и распредѣленія на процессъ образованія доходовъ[61]).

7.

Намъ надо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ выдающихся представителяхъ нѣмецкой университетской науки и посмотрѣть, какъ она рѣшила вопросъ о торговлѣ. Въ своемъ стремленіи избѣгать слишкомъ рѣзкихъ выводовъ изъ теоретическихъ положеній, въ своемъ желаніи стоять ближе къ реальнымъ фактамъ дѣйствительности, эта наука, въ лицѣ многихъ изъ лучшихъ своихъ представителей, совершенно запуталась въ пониманіи обмѣна и торговли, а потому и тщетно билась надъ опредѣленіемъ различія между торговлей и спекуляціей.

Въ лицѣ своихъ представителей она признала, что обращеніе товара есть необходимая стадія процесса производства въ его цѣломъ, а потому „торговля есть ничто иное, какъ особый родъ производства“.

61) Идя такимъ путемъ, мы только постараемся приблизиться къ выполненію задачи, которую себѣ ставили и Марксъ, и всѣ его ученики. Припомнимъ, какъ Энгельсъ опредѣляетъ, что такое политическая экономія. Въ одномъ мѣстѣ своего труда противъ Дюринга онъ пишетъ: „политическая экономія въ широкомъ смыслѣ этого слова есть наука о законахъ, которые опредѣляютъ производство и обмѣнъ матеріальныхъ средствъ существованія въ человѣческомъ обществѣ“ и въ другомъ „политическая экономія — наука объ условіяхъ и формахъ, при которыхъ различныя человѣческія общества производили и обмѣнивались и при которыхъ *соотвѣтственно* (dem gemäss) всякій разъ продукты распредѣлялись“. Тутъ же Энгельсъ замѣчаетъ, что „распредѣленіе“ не есть пассивный результатъ производства и обмѣна: оно дѣйствуетъ одинаково сильно и на производство, и на обмѣнъ“. Удалось ли намъ въ своей теоріи обмѣна изслѣдовать всѣ эти перекрещивающіяся вліянія — это читатель увидитъ ниже. Umwälzung der Wissenschaft, 3 изд., стр. 149, 153.

Признать первое положеніе можно, но сдѣлать изъ него указанный выводъ есть полнѣйшая нелѣпость. Изъ этой нелѣпости можно, въ качествѣ вывода, вывести еще и другое положеніе: „какъ всякое производство, и торговля создаетъ цѣнности“. Этотъ-то способъ разсужденія окончательно отвратилъ всѣхъ отъ изслѣдованія вопросовъ о значеніи обмѣна при образованіи цѣнностей. Казалось, что школьная логика уже принесла здѣсь свои послѣдніе плоды, а утѣшительный выводъ, который дѣлался изъ этихъ положеній, что всѣ споры о торговомъ капиталѣ, какъ о непроизводительномъ, нелѣпы, представляютъ вредное наслѣдіе старой, абстрактной науки, давалъ еще больше увѣренности въ томъ, что истина открыта. Чтобы не быть голословнымъ, вотъ образчики того, что пишетъ эта наука въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей — индуктивистовъ.

Рошеръ пишетъ: „если производство оканчивается только въ тотъ моментъ, когда продуктъ готовъ для своей послѣдней цѣли — потребленія, то и торговля является заключительнымъ звеномъ въ цѣпи производительной дѣятельности“. Другіе нѣмецкіе экономисты осторожнѣе. Они ясно различаютъ торговлю, какъ обращеніе благъ, отъ производства, какъ изготовленія тѣлъ товаровъ, но, въ конечномъ результатѣ, незамѣтно для самихъ себя возвращаются вспять къ своему духовному отцу — Рошеру.

Такъ поступаетъ Матайя въ словарѣ государственныхъ наукъ Конрада и другихъ, и Лексисъ въ учебникѣ Шенберга[62]).

Матайя пишетъ: „до тѣхъ поръ, пока всѣ предположенія относительно перехода благъ въ фактическое распоряженіе потребителя не осуществились, нельзя говорить о законченномъ процессѣ производительной дѣятельности“ и далѣе: „торговля есть хозяйственная дѣятельность, которая, въ видѣ промысла, закупаетъ, промѣниваетъ и отчуждаетъ товары... Часто повторявшееся прежде ученіе, что торговля хозяйственно непроизводительна, ибо она не создаетъ новыхъ благъ, а только обращаетъ уже существующія, уже давно опровергнуто (??) съ той поры, когда стали понимать, что для удовлетворенія человѣческихъ потребностей не только требуется физическое изготовленіе полезныхъ предметовъ, но и „доступность“ послѣднихъ. Эту доступность надо понимать не только въ мѣстномъ (örtlich), но и въ правовомъ и хозяйственномъ отношеніи: блага должны фактически перейти въ руки потребителя“.

---

62) См. статьи подъ заголовкомъ „Handel“, въ отмѣченныхъ въ текстѣ изданіяхъ.

Лексисъ также подъ производствомъ понимаетъ произведеніе (изготовленіе) хозяйственныхъ благъ и подъ торговлей передачу ихъ изъ рукъ въ руки, но въ то же время пишетъ: „поскольку торговая дѣятельность производитъ объективно полезный результатъ, выражающійся въ томъ, что блага испытываютъ перемѣщеніе, возвышающее ихъ полезность и дѣлающее ихъ доступными потребителю въ большемъ изобиліи или съ большимъ удобствомъ, она несомнѣнно также хозяйственно производителъна. Если предприниматель въ рудномъ дѣлѣ, при помощи своихъ рабочихъ и машинъ, поднимающій уголь на поверхность изъ глубинъ рудника, является производительнымъ, то таковымъ же долженъ быть признанъ и торговецъ, который за свой счетъ и расходъ вызываетъ то, что уголь изъ шахты идетъ въ его городской складъ, а оттуда въ кладовыя потребителя.“

Полное выраженіе свое эта точка зрѣнія получаетъ въ публичныхъ лекціяхъ извѣстнаго знатока биржеваго дѣла и автора примѣчательной исторіи торговаго дома Фуггеровъ, изданныхъ подъ общимъ заголовкомъ: „Торговля, ея хозяйственное значеніе, національныя обязанности и отношеніе къ государству“ [63]).

Эренбергъ даетъ простое рѣшеніе вопроса. Всѣ роды производительной дѣятельности, полагаетъ онъ, постепенно обособились въ процессѣ развитія экономической жизни, и если на практикѣ намъ бываетъ трудно провести между ними разграничительную черту, то этому нѣтъ надобности удивляться. Нѣтъ ни одного экономическаго опредѣленія, которое такъ же точно прилагалось бы къ дѣйствительности, какъ могутъ совпадать двѣ равныя геометрическія фигуры; но, если исходить изъ представленія о современномъ народномъ хозяйствѣ, какъ о цѣломъ, то мы неизбѣжно должны признать существованіе четырехъ родовъ производства: добывающаго производства, обрабатывающаго производства, торговли и спекуляціи. Отсюда слѣдуетъ, какъ для всего народнаго хозяйства, такъ и для любой его отрасли, что, въ первыхъ, ни одинъ атомъ любого блага въ производительной дѣятельности не можетъ быть употребленъ, если нѣкоторое его количество не пріобрѣтено при помощи добывающаго производства, во-вторыхъ, произведенія добывающей промышленности, поскольку они не потребляются непосредственно, получаютъ пригодное для удовлетворенія потребностей качество только чрезъ посредство обрабатывающаго производства, въ третьихъ, что передача благъ къ тому мѣсту, гдѣ въ нихъ имѣется потребность, есть задача торговли, и въ

63) См. Der Handel, Jena 1897, стр. 32—41.

четвертыхъ, что обезпеченіе во времени непрерывности снабженія благами составляетъ задачу спекуляціи.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ безъ труда даетъ теорію торговли и спекуляціи. „Торговля, по его мнѣнію, есть тотъ родъ производства, который имѣетъ задачей преодолѣвать мѣстный недостатокъ природы въ хозяйственныхъ благахъ“, а потому мѣстная цѣнность (Ortswert) блага опредѣляется, съ одной стороны, въ зависимости отъ средняго количества труда, потребнаго для производства, съ другой стороны, въ зависимости отъ потребности всего общества въ такихъ трудовыхъ усиліяхъ“.

О единствѣ экономической политики представителей исторической школы, какъ увидимъ въ заключительной главѣ, говорить невозможно: они всѣ бредутъ розно.

Глава 2-я.

Обмѣнъ и принципъ сравнительныхъ издержекъ.

I. Субъективная трудовая цѣнность и абсолютная трудовая стоимость.

§ 1. Общія замѣчанія.

Конецъ 19-го и начало 20-го вѣка застаетъ политическую экономію въ состояніи невообразимаго хаоса. Главнѣйшія положенія „старой британской экономіи“ подверглись разрушительной критикѣ и, что всего важнѣе, основная база теоріи классическихъ экономистовъ — теорія трудовой цѣнности — несомнѣнно оказалась ошибкой [1]).

Вся стройность и логичность прежнихъ теоретическихъ построеній разрушена и иногда представляется, что самое существованіе политической экономіи, какъ теоретической науки, болѣе недопустимо. На смѣну ей, какъ полагаютъ, должна придти или чуждая всякой теоретической схоластики экономическая исторія, или политическая экономія должна обратиться какъ бы въ особый и сравнительно маловажный отдѣлъ „соціальной психологіи“.

Съ теоріей цѣнности у классическихъ экономистовъ связывалась наиболѣе важная сторона экономіи. Она давала опредѣленныя положенія относительно анализа обмѣна и процесса образованія доходовъ.

Карлъ Марксъ съ особымъ одобреніемъ цитируетъ Аристотеля, который высказалъ мысль, что „обмѣнъ не можетъ быть безъ равенства, а равенство безъ соизмѣримости“. Постигнуть тайну

---

1) Dass die Theorie des Arbeitskostenwertes die hässlichsten Blössen zeigt, какъ выражается Штольцманъ см. Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre, B. 1896, стр. 74.

эквивалентности товаровъ въ обмѣнѣ Аристотель, по мнѣнію Маркса, не могъ вслѣдствіе отсутствія у него „понятія цѣнности".

„Домъ, пишетъ Марксъ, представляетъ относительно матраца нѣчто равное, посколько онъ представляетъ нѣчто равное, что есть дѣйствительно равнаго въ нихъ обоихъ. И это есть человѣческій трудъ . . . Но что въ формѣ цѣнности товаровъ всякіе виды труда выражаются, какъ одинаковый и потому равноцѣнный человѣческій трудъ, этого Аристотель не могъ усмотрѣть изъ самой формы цѣнности, такъ какъ греческое общество покоилось на рабскомъ трудѣ, а потому естественнымъ основаніемъ его было неравенство людей и ихъ рабочей силы. Тайна выраженія цѣнности, равенство и равноцѣнность всѣхъ видовъ человѣческаго труда, потому что и посколько они представляютъ человѣческій трудъ вообще, эта тайна могла быть разгадана только тогда, когда идея человѣческаго равенства уже получила прочность народнаго предразсудка . . . Блестящій геній Аристотеля сказывается именно въ томъ, что въ выраженіи цѣнности товаровъ онъ усмотрѣлъ отношеніе равенства" [2]).

Какъ сильно разочаровались многіе изслѣдователи въ возможности найдти въ трудѣ вѣрный маштабъ для соизмѣренія цѣнностей показываютъ многіе попытки, какъ въ западной, такъ и въ нашей литературѣ искать въ деньгахъ, и только въ нихъ, такой маштабъ. При этомъ цѣнность денегъ разсматривается, какъ совершенно особая проблема.

Въ трудѣ одного изъ интересныхъ въ русской литературѣ изслѣдователей экономической системы Маркса г. Франка мы читаемъ [3]): „дѣйствительное научное разрѣшеніе проблемы мѣновой цѣнности будетъ возможно только тогда, когда мы будемъ имѣть обоснованную на историческихъ фактахъ и на теоретическомъ соціально-психологическомъ анализѣ теорію происхожденія и цѣнности денегъ, которая конкретно выясняетъ процессъ объективаціи коллективной цѣнности изъ индивидуальныхъ субъективныхъ оцѣнокъ". г. Франкъ защитникъ теоріи предѣльной полезности.

Другой писатель — объективистъ — г. Бухъ [4]) прямо утверждаетъ,

---

2) Капиталъ, т. I, пер. Струве, стр. 23—24.

3) Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе, Спб., 1900 г., стр. 360.

4) Основные элементы политической экономіи, Спб. 1902 г., стр. 201. Въ изслѣдованіи проф. Мануилова — см. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы, М. 1901 г. стр. 25—26 — хорошо показано, на примѣрѣ Визера, какъ тщетно бьются надъ разрѣшеніемъ вопроса о цѣнности денегъ представители австрійской школы. Правовѣрнѣйшій изъ марксистовъ Каутскій пишетъ: „кто требуетъ отъ

что цѣнность золота, этого міроваго соизмѣрителя цѣнностей, „опредѣляется исключительно закономъ спроса и предложенія“.

Мнѣ представляется, что тотъ путь, по которому намъ рекомендуетъ идти г. Франкъ, совершенно неосуществимъ, да и ошибоченъ по самому существу. Положеніе г. Буха болѣе чѣмъ опасно въ теоретическомъ отношеніи. Явленіе цѣнности или вѣрнѣе цѣны связано со всѣмъ характеромъ нашего современнаго соціальнаго быта и прошлое намъ не помощникъ въ нашихъ изысканіяхъ, посколько мы живемъ въ новыхъ и отличныхъ отъ прежняго быта условіяхъ. Я не стану отрицать, что изученіе прошлаго имѣетъ громадное значеніе, но мнѣ представляется, что теоретическое изученіе настоящаго, которое находится предъ нами во всей его реальности, можетъ намъ дать больше матеріала и для сужденія о прошломъ, о которомъ всѣ наши сужденія такъ или иначе, но всегда будутъ покоиться въ значительной мѣрѣ на догадкахъ современнаго человѣка о прошломъ, а не на реальныхъ данныхъ. Да, развѣ для теоріи цѣнности денегъ мы можемъ найдти другія соціально-психологическія условія, чѣмъ для теоріи цѣнности товаровъ? Вѣдь, деньги, по существу, такой же товаръ, какъ и всѣ другіе продукты труда. Исторія происхожденія денегъ уже давно это показала. И самъ г. Франкъ не идетъ по указываемой имъ дорогѣ. Онъ пытается на почвѣ современности выяснить законъ цѣнности и навязываетъ свою точку зрѣнія изслѣдователямъ исторіи и теоріи денегъ.

Если теоретическій анализъ можетъ имѣть какое либо значеніе, то только тогда, когда онъ дастъ намъ и для денегъ, и для всѣхъ

теоріи цѣнности, чтобы она давала въ руки средство измѣрять цѣнность каждаго единичнаго товара, тотъ, конечно, долженъ быть сильно разочарованъ третьимъ томомъ Капитала и видѣть въ немъ банкротство марксистской теоріи цѣнности. Но мы можемъ предоставить Прудонистамъ, Родбертузіанцамъ и другимъ подобнымъ приверженцамъ конституированія цѣнности искать мѣрила, которымъ имъ важно измѣрять цѣнность всякаго товара; мы же, марксисты, ищемъ въ понятіи цѣнности только ключъ къ механизму капиталистическаго способа производства, а какъ таковой, даже по признанію Бернштейна, она дѣйствуетъ отлично. Но таковой эта теорія цѣнности можетъ быть только тогда, если она, и логически вытекающія изъ нея понятія, представляетъ отображеніе реальныхъ, совмѣстно съ товарнымъ производствомъ развившихся общественныхъ отношеній, а не только фикцію или чисто умственное построеніе .. Neue Zeit, № 29, 1899 г. ст. Kautsky. Bernstein über dte Werttheorie und die Klassen. Ниже мы покажемъ, что трудовая теорія цѣнности является только первичнымъ методологическимъ пріемомъ для познанія всей сложности общественныхъ отношеній, результатомъ которыхъ является представленіе о цѣнѣ.

другихъ цѣнныхъ продуктовъ, какія нибудь прочныя и единыя основанія. Допустивъ, какъ это дѣлаетъ г. Бухъ, что цѣнность денегъ зависитъ отъ спроса и предложенія, мы становимся на ту наклонную плоскость, съ которой не трудно дойти и до утвержденія, что цѣнность всѣхъ товаровъ исключительно опредѣляется спросомъ и предложеніемъ.

Какъ увидитъ читатель изъ всего послѣдующаго изслѣдованія, я постараюсь доказать, что политическая экономія совершенно не нуждается въ построеніе какой нибудь законченной, стройной, какъ математическій законъ, теоріи абсолютной или мѣновой цѣнности. Я попытаюсь также доказать, что старую идею трудовой эквивалентности обмѣна давно пора отвергнуть, а равно и не искать въ трудѣ единственнаго творца и мѣрила цѣнности. Положеніе Рикардо, которымъ онъ заканчиваетъ свой знаменитый трактатъ о началахъ политической экономіи и налоговъ: „потребительная цѣнность не можетъ быть измѣрена никакимъ извѣстнымъ маштабомъ: она оцѣнивается различно разными лицами“ — остается въ полной силѣ и можетъ быть даже расширено: для опредѣленія абсолютной цѣнности, а также и для открытія единаго измѣрительнаго маштаба для мѣновой цѣнности, наука до сихъ поръ, не смотря на милліоны теорій, сдѣлала очень мало, да врядъ ли и сдѣлаетъ что либо, если будетъ идти по старому пути. Классики вѣрили, что они открыли „законъ цѣнности“; не пора ли намъ убѣдиться, что они дали намъ въ своемъ анализѣ только своеобразную „рабочую гипотезу“, какъ выражаются естествоиспытатели, которая намъ много объясняетъ, но которую они не довели до конца, вообразили, что они открыли нѣчто реальное, незыблемое, вѣчное, тогда какъ на ихъ обязанности было продолжить анализъ и *всецѣло остановиться на той сложной связи, которая существуетъ между процессомъ образованія цѣнъ и доходовъ*. Во всемъ нижеслѣдующемъ анализѣ я буду стремиться доказать, что существованіе политической экономіи и ея дальнѣйшее развитіе станетъ возможнымъ, когда мы отрѣшимся отъ желанія создать теорію цѣнности, а обратимся только къ анализу производства въ тѣсной связи съ теоріей обмѣна и распредѣленія [5]).

---

5) Каутскій въ статьѣ „Bernstein über die Werttheorie und die Classen (Neue Zeit, 17 Jahrg., II. B., № 29, стр. 70) пишетъ: „цѣнность есть фундаментъ товарнаго производства. Невозможно пріобрѣсти полную ясность въ развивающихся изъ нея общественныхъ отношеніяхъ и функціяхъ, пока не дано о цѣнности яснаго представленія. Безъ теоріи цѣнности всякая экономическая теорія есть только эмпирическое блужденіе (Tasten) по поверхности явленій“. На это возраженіе

Попытки найдти „архимедову точку для цѣнности“ и ихъ безплодность мнѣ, какъ кажется, удастся, стоя на почвѣ изученія писателей классической школы, объяснить особенностями политики обмѣна и распредѣленія разныхъ общественныхъ классовъ, представителями которыхъ были эти писатели. Я могъ бы тоже сдѣлать и по отношенію къ ученію о цѣнности австрійской школы, которая нашла эту архимедову точку цѣнности въ предѣльной полезности благъ, но я сознательно ограничиваю свою задачу и оставляю теорію австрійской школы совершенно въ сторонѣ, ибо вижу въ ней только схоластику, возрожденіе которой такъ характерно для нашего времени и которой безъ того слишкомъ много въ политической экономіи. Я поставилъ своей задачей, оставаясь на почвѣ классической экономіи, доказать, что стремленіе создать какую либо абсолютную теорію цѣнности для объективной политической экономіи совершенно не нужно и врядъ ли кто либо можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я не останавливаюсь при такой точкѣ зрѣнія на критикѣ теоріи предѣльной полезности. Я воспользуюсь ученіями этой школы лишь въ той мѣрѣ, въ какой мнѣ это будетъ нужно для моихъ цѣлей.

Мнѣ кажется, что путь, по которому я собираюсь идти болѣе плодотворенъ, ибо онъ даетъ мнѣ возможность переработать всю теорію доходовъ классической школы. Чтобы вступить на этотъ путь, я долженъ прежде всего постараться доказать, что ложныя идеи субъективной трудовой цѣнности и абсолютной трудовой стоимости слѣдуетъ замѣнить идеей *„дифференціальной производительности труда“*; что такая замѣна не только не можетъ послужить во вредъ представителямъ труда, но она безусловно необходима при современномъ состояніи нашихъ экономическихъ знаній. Въ настоящей главѣ я только намѣчу значеніе этой идеи дифференціальной производительности труда и ея отношеніе къ принципу сравнительныхъ издержекъ. Впослѣдствіи намъ придется не мало трактовать объ этомъ дифференціальномъ принципѣ. Что сохраненіе въ преобразованномъ видѣ такъ называемой „британской догматики“ чрезвычайно важно для интересовъ труда, это ясно видно изъ того факта, что представители соціальной идеи, даже тогда, когда они переходятъ въ лагерь сторонниковъ „предѣльной полезности“, тщательно стараются сохранить трудовую идею цѣнности. Въ русской литературѣ попытка

Бернштейнъ съ полнымъ правомъ отвѣчаетъ (ст. Arbeitswert oder Nutzwert, № 7, ib. № 44, стр. 554): „Die Sicherheit, die dadurch erlangt wird, dass man incommesurabile Dinge zusammenwirft, noch Niemand vor dem Stolpern bewahrt hat“.

сохранить эту идею была сдѣлана г. Франкомъ и г. Туганъ-Барановскимъ; на анализѣ ихъ теорій мнѣ чрезвычайно легко будетъ показывать, какъ полезна и необходима эта замѣна субъективной трудовой цѣнности и абсолютной трудовой стоимости идеей дифференціальной производительности труда, которая ранѣе всего была понята Родбертусомъ, показавшимъ съ неумолимой ясностью, что трудовая идея не есть идея цѣнности, а обмѣна и распредѣленія.

Попробуемъ же изложить эти попытки и посмотрѣть, что можетъ дать намъ ихъ анализъ [6]).

---

6) Чтобы читателю было ясно послѣдующее изложеніе напомнимъ ему, какое своеобразное значеніе терминъ „издержекъ производства“ или какъ выражаются иначе „стоимости производства“ пріобрѣлъ въ работахъ тѣхъ теоретиковъ, которыя склонны искать архимедовой точки для цѣнности т. е. для представителей классической экономіи и нѣкоторыхъ теоретиковъ предѣльной полезности. Въ капитальномъ изслѣдованіи американскаго бюро труда объ издержкахъ производства былъ съ необыкновенной ясностью поставленъ на чисто эмпирическую почву вопросъ объ издержкахъ производства. Коммиссія этого бюро, изучавшая этотъ вопросъ въ Америкѣ и Европѣ по цѣлой массѣ промысловъ, поставила своей задачей изучить „тѣ издержки, которыя универсальны, положительны и абсолютно необходимы т. е. общи всѣмъ производителямъ, и которыя необходимо соединить (bring in order), чтобы получить готовый продуктъ“. При изученіи этихъ „теоретическихъ элементовъ“ издержекъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить ниже, она натолкнулась на тѣ многообразныя значенія, которыя имѣетъ этотъ терминъ и попыталась опредѣлить его главнѣйшія значенія. Я приведу ниже съ нѣкоторыми пополненіями тѣ четыре основныя значенія, которыя она усмотрѣла въ литературѣ.

Терминъ издержекъ (cost of production) производства можетъ означать: 1. сумму затратъ нервной и мускульной энергіи труда, затраченной для полученія даннаго продукта (объективный трудовой масштабъ) или сумму непріятныхъ и вызывающихъ усталость напряженій человѣческаго труда (fatigue or irksomeness of labour-субъективный трудовой маштабъ). 2. разрушеніе объективныхъ или матеріальныхъ благъ или нѣкоторыхъ единицъ ихъ, которыя необходимо затратить для созданіе другихъ матеріальныхъ благъ: потребленіе опредѣленной суммы единицъ нервной и мускульной энергіи человѣческаго труда, употребленіе опредѣленной сумму единицъ земли и капитала для полученія опредѣленнаго количества единицъ готоваго продукта. 3. пожертвованіе (sacrifice) той или другой полезности, возможности или цѣнности. Такъ кузнецъ можетъ зарабатыватъ, какъ земледѣльческій рабочій, 1 дол. и 50 цен., тогда какъ всякій другой рабочій въ округѣ не можетъ получать больше 1 д. 25 цент. Имѣя возможность на собственной кузницѣ получать 2 дол., кузнецъ остается при своемъ дѣлѣ. Онъ будетъ оцѣнивать издержки производства своего труда по цѣнности лучшаго изъ возможныхъ употребленій своего труда т. е. 1 д. 50 цен. Въ этомъ смыслѣ, *поясняетъ проф. Гиддингсъ*, которому принадлежитъ это толкованіе въ трудахъ коммиссіи, мы всегда употребляемъ выраженіе издержки въ разсужденіяхъ о международной торговлѣ. Такъ нація, имѣющая возможность производить желѣзо по 11 дол. за тонну, можетъ ввозить ее по 13 дол. за тонну и просто потому, что трудъ и капиталъ, который производитъ

§ 2. Идея дифференціальной производительности труда.

Между этими писателями много общаго. Оба они изъ рьяныхъ марксистовъ-объективистовъ перешли въ лагерь идеалистовъ, оба стремятся примирить объективизмъ съ субъективизмомъ, положительную науку съ метафизикой, оба настойчиво критикуютъ Маркса, отрицаютъ значеніе трудовой цѣнности для капиталистическаго хозяйства и вѣруютъ въ нее, какъ въ великую народнохозяйственную идею будущаго. Имъ представляется, что стремленіе ихъ соединить теорію предѣльной полезности съ теоріей трудовой цѣнности не только имѣетъ важное научное, но и глубокое „соціологическое значеніе", имѣетъ цѣлью сохранить „соціальную идею въ экономіи", отказаться, какъ говоритъ г. Франкъ, отъ значительной узости взглядовъ школы Бема, „при которой широкіе соціологическіе вопросы затемняются мелочными фактами, изъ за деревьевъ теряется изъ виду лѣсъ".

„Исходя изъ индивида и необходимости правильнаго балансированія его потребностей, силъ и средствъ для ихъ удовлетворенія, полагая, что „чувство цѣнности есть психологическій регуляторъ отношенія къ предметамъ природы, заставляющій дорожить и ставить въ особенно близкое положеніе къ себѣ тѣ предметы, которые необходимы для сохраненія жизни и изъ за которыхъ ведется борьба, допуская, что чувство цѣнности есть психологическое состояніе и присуще, какъ человѣку, такъ и животнымъ, г. Франкъ [7]) говоритъ намъ, слѣдуя за школой Менгера и Бемъ-Баверка, что „цѣнность есть зна-

---

тонну желѣза за 11 дол., можетъ быть болѣе производительнымъ при производствѣ хлѣба или хлопка, чтобы купить тонну съ половиной или двѣ тонны за 13 долларовъ". 4. издержки могутъ означать также сумму всѣхъ цѣнъ, платимыхъ за трудъ, матеріалы и пожертвованія, необходимыя для обезпеченія производства. „Въ послѣднемъ смыслѣ издержки не всегда причина цѣнности или цѣны т. е. цѣна продукта не всегда необходимо опредѣляется издержками производства въ цѣнахъ труда и матеріаловъ. Наоборотъ, цѣна „конечнаго продукта" можетъ опредѣлять, сколько заплатитъ производитель за матеріалы и трудъ". Излюбленная мысль теоретиковъ предѣльной полезности заключается въ томъ, что предѣльная цѣнность опредѣляетъ цѣнность издержекъ. На этой же почвѣ построена масса теорій, согласно которымъ предѣльная цѣнность и предѣльная производительность совпадаютъ, т. е. другими словами на мѣсто предѣльныхъ издержекъ уже ставится предѣльная производительность.

Какъ видитъ читатель, терминъ издержекъ вноситъ не мало путаницы въ экономическую науку и необходимо разобраться въ ней. Ср. Sixth Annual Report on Cost of production, Washington, 1891 г., стр. 8 и слѣд.

7) см. l. c. въ особенности гл. 5 и 6-ю (Теорія субъективной цѣнности; трудовая цѣнность, какъ субъективная цѣнность общественнаго дохода).

ченіе, которое имѣютъ для насъ опредѣленныя блага или группы благъ, благодаря тому, что мы сознаемъ зависимость удовлетворенія нашихъ потребностей отъ обладанія ими".

Г. Туганъ-Барановскій принимаетъ это старое — престарое опредѣленіе понятія цѣнности и только формулируетъ его другими словами: „цѣнность есть хозяйственное значеніе даннаго предмета"; съ этого момента пути этихъ двухъ писателей немного, но расходятся.

Отъ г. Франка въ процессѣ дальнѣйшаго развитія его взгляда мы узнаемъ слѣдующее. „Хозяйственная цѣнность, по его мнѣнію, есть основное свойство благъ, вытекающее изъ психологической стороны хозяйства и относящееся не только къ общественному, но и ко всякому даже чисто индивидуальному хозяйству и независимое отъ исторической формы общественнаго хозяйства"; „она совершенно независима отъ обмѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ не вытекаетъ изъ однихъ лишь отношеній частей общественнаго хозяйства другъ къ другу или изъ особенной исторической формы этихъ отношеній". На ряду съ постоянно повторяющимся констатированіемъ наличности „факта чувства цѣнности", какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, мы узнаемъ отъ г. Франка, что природа „несомнѣнно факторъ производства въ такой же мѣрѣ, какъ и человѣкъ, что природа способна производить безъ содѣйствія человѣка, человѣкъ безъ содѣйствія природы никогда", что „дѣятельность первобытнаго человѣка сводится къ захвату производимыхъ природою цѣнностей".

Это нисколько, однако, не мѣшаетъ ему утверждать, что цѣнность есть выраженіе зависимости человѣка отъ природы, откуда ясно, казалось бы слѣдуетъ, что до человѣка и цѣнностей не было.

„Но, продолжаетъ онъ, имѣется „моментъ", который приводитъ къ преодолѣнію зависимости человѣка отъ природы. Моментъ этотъ заключается въ цѣлесообразной человѣческой дѣятельности. „Вопросъ совсѣмъ не идетъ о томъ есть ли трудъ „единственный" факторъ производства или нѣтъ. Понятіе производства предполагаетъ лишь, что результатъ опредѣляется *направленіемъ человѣческой дѣятельности,* хотя бы въ созданіи продукта принимали участіе и другіе факторы, если только ихъ дѣятельность опредѣляется волею человѣка. „Какіе бы факторы ни участвовали въ производствѣ благъ, въ конечномъ счетѣ ихъ созданіе опредѣляется направленіемъ его собственной дѣятельности т. е. затратой его труда".

„Трудъ для человѣка является единственнымъ универсальнымъ средствомъ производства, а потому и мѣриломъ субъективной цѣнности, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ; въ другомъ: „трудъ, какъ

общее условіе созданія благъ, становится общимъ мѣриломъ ихъ субъективной цѣнности". „Субъективная цѣнность продукта или что тоже, по мнѣнію г. Франка, субъективная цѣнность всего дохода изолированнаго хозяйства совпадаетъ съ трудовой цѣнностью т. е. является результатомъ оцѣнки благъ пропорціонально затраченному на нихъ труду."

Ранѣе, до него, полагаетъ г. Франкъ „говорили исключительно объ объективной роли труда въ производствѣ, прибѣгали, можно сказать, къ признанію *особой, скрытой, метафизической способности труда,* отличающей его отъ всѣхъ другихъ факторовъ производства, создавать цѣнность, которая разсматривалась какъ *объективный, матеріальный фактъ* внѣшняго міра." По его мнѣнію „трудъ не есть самъ по себѣ источникъ субъективной цѣнности; эта цѣнность есть ни что иное, какъ извѣстное психологическое состояніе, а послѣднее связано непосредственно съ удовлетвореніемъ нашихъ потребностей." „Трудовая цѣнность не есть матеріальный, а только психологическій фактъ."

Придя къ такому поразительному выводу, г. Франку уже не трудно придать своей теоріи соціальную окраску. „Хотя субъектомъ цѣнности, говоритъ онъ, можетъ быть только индивидуумъ, но содержаніе психической жизни индивидуумовъ, — содержаніе ихъ интересовъ и потребностей и т. п. совпадаетъ между собою и это единство (?)" „въ извѣстномъ смыслѣ" олицетворяется въ видѣ общества, какъ единаго независимаго отъ индивидуумовъ субъекта, этой суммы индивидуальныхъ психическихъ процессовъ". Если взять общественное хозяйство, какъ цѣлое, то любой соціальной группѣ или всему обществу, которое мы можемъ себѣ представить, какъ нѣкоторое единство воль и потребностей, а, слѣдовательно съ единствомъ оцѣнки благъ всѣхъ его членовъ или по просту обществу, какъ субъекту оцѣнки, весь его годичный продуктъ или доходъ создается производствомъ т. е. стоитъ въ зависимости отъ затраты труда."

„А если это такъ, заключаетъ г. Франкъ свою теорію, то общественный характеръ цѣнности лежитъ не въ томъ, что объективная мѣновая цѣнность продуктовъ отражаетъ на себѣ реальный учетъ общественнаго труда, затраченнаго на нихъ; онъ заключается въ томъ, что возможна „общественная оцѣнка продуктовъ" т. е. оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія интересовъ всего общества; эта оцѣнка столь же мало матеріальный фактъ внѣшняго міра, какъ и оцѣнка индивидуальная; она не оказываетъ сама по себѣ никакого вліянія *на реальный ходъ хозяйственныхъ явленій, не опредѣляетъ*

ни процесса общественнаго производства, ни процесса распредѣленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть и фикція: она реальный психологическій фактъ, который при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда обществу дана возможность сознательно воздѣйствовать на хозяйственныя отношенія его членовъ, пріобрѣтаетъ и практическое значеніе". Пока же мы получаемъ такой утѣшительный результатъ: „становясь на точку зрѣнія общества, мы должны иначе оцѣнивать продукты, чѣмъ съ точки зрѣнія индивидуальной. И эта общественная субъективная цѣнность есть *необходимо* трудовая цѣнность. Съ общественной точки зрѣнія всѣ блага, входящія въ составъ общественнаго дохода, суть продукты общественнаго или, какъ говоритъ Марксъ, общественно необходимаго труда, такъ какъ для общества удовлетвореніе его потребностей стоитъ въ зависимости отъ затраты этого труда".

„Для г. Туганъ-Барановскаго"[b]) трудовая цѣнность — идеалъ, великая народнохозяйственная идея будущаго для того періода, когда исчезнетъ право собственности на орудія производства и общество представитъ изъ себя экономически организованное цѣлое. Она будетъ тогда, по его мнѣнію, не психологическимъ фактомъ, какъ изображаетъ ее г. Франкъ, а реальнымъ фактомъ. Съ его точки зрѣнія абсолютною стоимостью является самъ человѣкъ, а, слѣдовательно и его трудъ, безъ котораго мы не можемъ себѣ представить хозяйства . . . Чтобы доказать правильность этого положенія Туганъ-Барановскій считаетъ необходимымъ истолковать категорію стоимости. Подъ стоимостью какого либо предмета, говоритъ онъ, слѣдуетъ разумѣть хозяйственную затрату, совершенную для пріобрѣтенія (?) этого предмета. Подъ трудовою стоимостью нужно понимать трудъ, затраченный на производство хозяйственнаго предмета.

По его мнѣнію, "единственной, абсолютной субстанціей стоимости" является человѣческій трудъ, потому что „субъектомъ хозяйства въ человѣческомъ хозяйствѣ является человѣкъ, а не лошадь; — наша собственная работа есть трата силъ нашего организма, *затрата* насъ самихъ, свою работу мы *чувствуемъ*, какъ усиліе или какъ положительное страданіе, а работа лошади не есть затрата нашего организма и столь же мало ощущается нами, какъ паденіе воды, двигающей мельничныя колеса. Въ обществѣ лошадей единственной стоимостью была бы работа лошадей, а человѣческій трудъ не былъ

---

8) см. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи, Спб., 1903, стр. 360 и слѣд.

бы стоимостью. Точно также и въ обществѣ людей единственною абсолютною стоимостью можно считать человѣческій трудъ и ничего больше". Трудовая цѣнность есть ничто иное, какъ хозяйственный идеалъ для осуществленія котораго требуется упраздненіе капиталистическаго способа производства. Когда человѣкъ перестанетъ быть средствомъ въ рукахъ одного человѣка, а станетъ цѣлью самъ по себѣ, тогда абсолютная стоимость станетъ „регуляторомъ и цѣнности", и это вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ нижеслѣдующихъ соображеній объ отношеніяхъ между „стоимостью и цѣнностью". Во всякомъ случаѣ ясно, пишетъ онъ, что хозяйственная дѣятельность человѣка заключена между полюсами наслажденія и страданія. Положительнымъ полюсомъ хозяйственнаго процесса является наслажденіе и польза, доставляемыя намъ потребленіемъ хозяйственныхъ продуктовъ, отрицательнымъ — страданіе и затрата силъ нашего организма, неизбѣжно сопровождающія хозяйственный трудъ. Экономическая категорія цѣнности располагается на первомъ, положительномъ полюсѣ, экономическая категорія стоимости на другомъ отрицательномъ полюсѣ. Соотвѣтственно этому, *основной хозяйственный принципъ* требуетъ не только возможнаго увеличенія наслажденій, но и возможнаго уменьшенія страданій, достиженія наибольшаго удовлетворенія нашихъ потребностей съ наименьшей затратой силъ. „Хозяйственный принципъ требуетъ пріостановить трудъ на самомъ томъ пунктѣ, не раньше и не позже, гдѣ непріятныя ощущенія процесса работы или ущербъ для нашего организма отъ самой работы какъ разъ равны пріятнымъ ощущеніямъ отъ трудоваго продукта или пользѣ отъ послѣдняго для нашего организма". Если называть цѣнностью положительные элементы хозяйства, а стоимостью отрицательныя, то единственной абсолютной стоимостью можно признать человѣческій трудъ, ибо только *въ трудѣ заложенъ элементъ страданія,* которое хозяйство стремится свести къ минимуму и самая „производительность труда есть отношеніе произведеннаго продукта къ труду, затраченному на его производство". Въ то же время онъ дѣлаетъ одно интересное замѣчаніе. Онъ признаетъ, что существуютъ даровыя блага. Эти блага „могутъ обладать цѣнностью и требовать къ себѣ хозяйственнаго отношенія, не обладая абсолютной стоимостью . . . Относительной стоимостью является всякая цѣнность, разсматриваемая не какъ цѣль, а какъ средство для пріобрѣтенія другой цѣнности. „При выраженіи стоимости одного продукта, а слѣдовательно, и даровыхъ благъ, понятіе стоимости г. Туганъ-Барановскій уже разсматриваетъ не какъ самостоятельную экономическую категорію, противоположную категоріи

цѣнности, а какъ производную категорію цѣнности. Относительная стоимость т. е. стоимость, выражаемая въ продуктахъ, а не въ человѣческой рабочей силѣ, есть ни что иное, какъ таже категорія цѣнности, разсматриваемая не какъ цѣль, а какъ средство".

По моему мнѣнію, не трудно показать логическія противорѣчія въ этихъ двухъ попыткахъ примирить догму предѣльной *полезности съ догмой трудовой цѣнности.* Примемся же за анализъ, какъ исходной точки зрѣнія этихъ писателей, такъ и всего построенія ихъ по существу.

А. Исходная точка зрѣнія, объединяющая обоихъ авторовъ, не нова и не оригинальна. Попытки найдти законъ цѣнности внѣ обмѣна и внѣ наличныхъ соціальныхъ условій издавна встрѣчались въ экономической литературѣ. Элементарная идея, что субъектомъ хозяйства является человѣкъ, неизбѣжно влекла къ тому опредѣленію цѣнности, которое мы находимъ у всѣхъ писателей субъективистовъ. Ихъ формулой пользовался уже съ полной опредѣленностью Тюрго, къ которому г. Франкъ справедливо относится съ большимъ почтеніемъ [9]). Смутное сознаніе зависимости всего строя соціальной жизни отъ матеріальнаго труда также присуще безконечному числу экономическихъ писателей и въ этомъ смыслѣ идея труда и его правъ была съ особымъ успѣхомъ провозглашена на континентѣ Европы еще Сэнъ Симономъ [10]). Оба писателя, построенія которыхъ подлежатъ нашему разбору, попытались, соединивъ принципъ предѣльной полезности и труда, дать новое обоснованіе этой соціальной идеѣ въ экономіи и мнѣ предстоитъ доказать, что они скорѣе сдѣлали шагъ назадъ, чѣмъ впередъ, что объективная политическая экономія классической школы дала несравненно болѣе полезные выводы.

Разница между Тюрго и г. Франкомъ, однако, очень велика. Тюрго полагаетъ, что нѣтъ возможности выразить „цѣнность въ самой себѣ, что абсолютная цѣнность — нелѣпый фантомъ", г. Франкъ дѣлаетъ

---

9) см. Тюрго, Valeur et Monnaie, Oeuvres, ed. Daire, стр. 82. Полное изложеніе теоріи Тюрго въ моемъ сочиненіи Деньги стр. 165—178.

10) Сэнъ Симонъ пишетъ: „промышленный классъ долженъ занимать первое мѣсто, ибо онъ важнѣе всѣхъ другихъ классовъ, ибо онъ можетъ обойтись безъ всѣхъ другихъ классовъ и ни одинъ классъ не можетъ обойтись безъ него, ибо онъ существуетъ на счетъ собственныхъ силъ, на свой личный трудъ. Другіе классы должны работать для него, ибо они являются его креатурами и онъ даетъ имъ средства къ существованію. Другими словами, все создается индустріей (т. е. трудомъ), все должно дѣлаться для него. См. Catéchisme politique des Industriels, стр. 2. Oeuvres de S. S., publiés par O. Bodrignes, Paris, 1841.

великое открытіе, что трудовая цѣнность „психологическій фактъ“ и, какъ таковой, въ настоящее время не оказываетъ ни какого вліянія ни на процессъ производства, ни на процессъ распредѣленія. Это положеніе чрезвычайно характерно для всего „идеалистическаго“ построенія г. Франка и представляетъ шагъ назадъ даже по отношенію къ послѣдовательнымъ защитникамъ теорій предѣльной полезности. Г. Туганъ-Барановскій, отрицая существованіе трудовой цѣнности въ условіяхъ нашего соціальнаго быта и высказываясь энергично за принципъ предѣльной полезности, не рѣшается дойти до этого своеобразнаго вывода. Субъективизмъ г. Франка переходитъ въ экономическую метафизику такъ называемаго имъ „культурно-этическаго міровозрѣнія“.

Я понимаю послѣдовательныхъ защитниковъ субъективной теоріи предѣльной полезности, но совершенно отказываюсь понять значеніе „субъективной трудовой цѣнности“, которая придумана г. Франкомъ только съ тенденціозною цѣлью метафизическаго сохраненія соціальной идеи въ экономіи. Не трудно показать, что въ этомъ видѣ она можетъ только вредить этой идеѣ.

Школа Бема считаетъ цѣнность тѣмъ значеніемъ, которое имѣютъ внѣшнія блага для извѣстнаго круга нашихъ потребностей, но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что явленіе цѣнности для нея представляется „психологическимъ фактомъ“, а не явленіемъ реальнаго міра.

Политическая экономія не психологія, а наука о реальныхъ экономическихъ явленіяхъ, а потому и психологическіе факты, которые мы можемъ констатировать, могутъ интересовать ее только постолько, посколько они участвуютъ въ созданіи этихъ явленій или пригодны для ихъ объясненія. Явленіе цѣнности или цѣны, посколько оно фактъ, съ которымъ считается какъ индивидъ, такъ и масса другихъ человѣческихъ существъ, не можетъ не разсматриваться фактомъ внѣшняго матеріальнаго міра, какъ и все, что насъ окружаетъ и отражается въ нашемъ сознаніи, какъ свойства вещей, вызванныя къ существованію не только сознаніемъ человѣка, но и цѣлымъ комплексомъ другихъ внѣшнихъ причинъ. Всѣ такія свойства вещей являются для насъ, какъ нѣчто внѣшнее, объективное, обязательное.

Субъективныя представленія и истины, психологическіе факты только тогда могутъ имѣть какое либо значеніе, если они представляютъ собой то, что называется очевидными истинами, если они вытекаютъ изъ самой природы человѣка. Принципъ предѣльной полезности, признаваемый г. Франкомъ за великое открытіе школы Бема, безъ сомнѣнія, не является такой очевидной и неуязвимой

истиной, но все же представляетъ собою попытку, правда въ значительной мѣрѣ основанную на смѣшеніи психологіи съ экономикой, найдти объективный маштабъ для выраженія индивидуальной и общественной цѣнности предметовъ. Та цѣна, по которой на рынкѣ продается продуктъ, является для этой школы объективнымъ выраженіемъ для всѣхъ и каждаго осуществленія этого принципа предѣльной полезности. Предѣльная полезность, какъ ни трудно ее постичь[11]), но является для сторонниковъ этой школы внѣшнимъ выраженіемъ сопоставленія ряда предметовъ съ рядомъ потребностей и служитъ нормирующимъ началомъ для организаціи, какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго хозяйства. Если субъективная трудовая цѣнность есть только какое то безплодное психологическое состояніе, то, само собою разумѣется, мы не имѣемъ возможности придавать ей какое либо научное значеніе.

Какъ опасно для объективной науки исканіе этихъ „абсолютныхъ психологическихъ фактовъ“, какъ нельзя лучше обнаруживается изъ стремленій г. Франка открыть какія то особыя чувства: „чувство цѣнности, чувство зависимости и т. п.“. Само собою разумѣется, что психологія не знаетъ такихъ чувствъ. О чувствѣ цѣнности, которое г. Франкъ считаетъ присущимъ, какъ человѣку, такъ и животнымъ, мы можемъ говорить только фигурально. Каждый понимаетъ, что чувство цѣнности составляетъ сложнѣйшій продуктъ тѣхъ многообразныхъ соотношеній, которыя въ борьбѣ за существованіе устанавливаются между потребностями человѣка и окружающей его средой подъ воздѣйствіемъ присущей всѣмъ болѣе или менѣе одареннымъ разумомъ

11) Въ этомъ отношеніи я вполнѣ подписываюсь подъ слѣдующими словами проф. Ингрэма, сказанными по поводу теоріи Джевонса: „пока мы будемъ пребывать въ области метафизическихъ сущностей, называемыхъ полезностями, до тѣхъ поръ и формула эта останется непонятной и невозможной для провѣрки, ибо нельзя оцѣнить количественно духовное представленіе о конечной или всякой другой полезности. Но если мы переведемъ эту формулу на языкъ реальной жизни и станемъ измѣрять полезность предмета для даннаго лица тѣмъ количествомъ предметовъ, которое онъ согласенъ дать за полученіе полезности, тогда мы сейчасъ увидимъ, что положеніе это простой труизмъ. То, что Джевонсъ называетъ конечною полезностью есть ни что иное, какъ цѣна въ единицахъ количества и вся формула говоритъ, что при всякомъ актѣ обмѣна произведеніе количества отчуждаемыхъ предметовъ на цѣну исчисленную въ единицахъ количества — цѣна берется при посредствѣ какого либо третьяго предмета — равно соотвѣтствующему произведенію за количество получаемыхъ предметовъ, другими словами получена такая простая и очевидная истина, для открытія которой не стоило прибѣгать къ высшей математикѣ“. Ингрэмъ, Ист. п. эк., пер. Миклашевскаго, стр. 335.

существамъ способности къ сравненію разныхъ возможностей. Въ этомъ смыслѣ чувство цѣнности безъ обмѣна и возникнуть не могло, ибо сравненіе есть ничто иное, какъ актъ мѣны или возможности замѣны одного продукта другимъ.

Если бы теоретики-субъективисты могли доказать, что законъ субъективной оцѣнки на основаніи предѣльной полезности составляетъ „очевидный психологическій фактъ“, вытекающій изъ самой природы человѣка, ихъ теорія могла бы имѣть прочное научное значеніе. Но, врядъ ли кто сомнѣвается въ томъ, что они сдѣлать этого не могутъ. Психологія не знаетъ такого закона и самъ г. Франкъ признаетъ, что „какъ ни важно положеніе о зависимости высоты субъективной цѣнности отъ предѣльной полезности, какъ ни широко распространяется дѣйствіе этой зависимости, но она не есть всеобщій законъ субъективной цѣнности, а лишь важнѣйшій изъ частныхъ законовъ, управляющихъ ею“ [12]). По его личному мнѣнію, этотъ законъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе только тамъ, гдѣ какое либо благо можетъ удовлетворить цѣлый рядъ различныхъ потребностей или ихъ степеней. Наоборотъ, гдѣ родъ и интенсивность потребности, удовлетвореніе которой находится въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ, составляетъ неизмѣнное и напередъ данное, тамъ субъективная цѣнность совпадаетъ просто съ полезностью, которая въ этомъ случаѣ не можетъ имѣть степеней и не можетъ быть высшей или низшей. Если мы обладаемъ однимъ благомъ, годнымъ для удовлетворенія разныхъ потребностей, тамъ цѣнность блага опредѣляется не предѣльной, а высшей полезностью и т. п. Самый принципъ предѣльной полезности оказывается такимъ образомъ весьма уязвимымъ, шаткимъ.

Не даромъ, поэтому, теоретики предѣльной полезности при изученіи рыночной цѣны, которая является для нихъ своеобразнымъ и невѣдомо какъ совершающимся согласованіемъ разныхъ предѣльныхъ полезностей, останавливаются въ недоумѣніи предъ анализомъ ея размѣра. Она сбалансировывается, по ихъ мнѣнію, гдѣ то между наличными предѣлами, но гдѣ? Это зависитъ отъ столь разнообразныхъ причинъ, куда для нихъ теоретическимъ анализомъ проникнуть невозможно. Мы получаемъ представленіе о какой то средней предѣльной полезности, которая остается темной и неясной, пока теоретики этой школы не обращаются къ объективному фактору „ограниченности и качеству производительныхъ силъ“, который опредѣляетъ норму возможнаго количества продукта.

---

12) l. c. стр. 205.

Заслуга школы Бемъ-Баверка въ томъ и только въ томъ, что она усиленно подчеркиваетъ, значеніе потребностей человѣка въ дѣлѣ распредѣленія національнаго труда и размѣна благъ, что причины, создающія представленіе о субъективной цѣнности, являются причинами и всякой другой цѣнности, что цѣнность, какъ общее явленіе для всего человѣческаго рода, при наличности отдѣльныхъ своеобразныхъ оцѣнокъ, представляетъ, подведенное къ одному знаменателю соотношеніе потребностей и средствъ для ихъ удовлетворенія. Исторія даетъ намъ постоянныя картины этой зависимости отъ потребностей условій потребленія, производства и распредѣленія, но сознаніе этой зависимости между потребностями и наличными благами для ихъ удовлетворенія еще очень мало даетъ намъ для построенія теоріи цѣнности по той простой причинѣ, что, если потребности и толкаютъ человѣка къ пріобрѣтенію извѣстныхъ благъ, самый размѣръ удовлетворенія потребностей зависитъ отъ состоянія производительныхъ силъ.

Г. Франкъ былъ бы послѣдователенъ только тогда, если бы онъ, стоя на своей субъективной точкѣ зрѣнія, совершенно отказался отъ построенія закона цѣнности и удовлетворился констатированіемъ простаго факта, что всякій человѣкъ цѣнитъ блага по своему внутреннему пониманію и оцѣнкѣ. Это было бы просто, элементарно, но, по-крайней мѣрѣ, убѣдительно. Для произвола духа нѣтъ законовъ. Это высшій, но, правда, сомнительный идеализмъ.

Если цѣнность извѣстное психологическое состояніе, то чего ради я стану разъ и навсегда субъективно измѣрять эти цѣнности на основаніи какого то навязаннаго мнѣ психологическаго факта, выведеннаго изъ разсужденій касательно отношеній человѣка къ природѣ въ качествѣ производителя? Субъективно я буду цѣнить блага внѣ всякой зависимости отъ производственныхъ отношеній, если они не тяготѣютъ надо мною не какъ психологическій фактъ, а какъ реальное воздѣйствіе внѣшняго міра и соціальныхъ условій на меня, какъ на часть этого міра и условій. Я отлично могу признавать въ теоріи и въ своихъ субъективныхъ воздыханіяхъ, будто все, что имѣется у человѣчества, создается трудомъ, но самъ, какъ опредѣленная личность, если я имѣю желаніе и возможность получить какія нибудь внѣшнія блага, но не могу или не желаю ихъ создать собственнымъ трудомъ, могу отдать за нихъ, если эти блага даже стоютъ одинъ день труда, два-три дня труда и даже болѣе собственнаго труда или, что еще возможнѣе въ нашей капиталистической системѣ, чужаго труда, наконецъ свою жизнь, совѣсть, свое тѣло. Психологически при независимости отъ внѣшняго объективнаго фактора при современныхъ

условіяхъ „субъективная трудовая цѣнность“ есть ненужность, какъ признаетъ самъ г. Франкъ, но она ложна и потому, что для большинства затрата труда для существованія вовсе не психологическій фактъ, а реальность самаго жестокаго вида; съ наличнымъ количествомъ труда вѣчно считаются и владѣльцы средствъ производства. Сознаніе зависимости отъ природы и отъ предшествовавшихъ запасовъ капитала обще обоимъ классамъ: и пролетаріямъ, и владѣльцамъ средствъ производства. Психологически даже для будущаго эта субъективная трудовая цѣнность не можетъ получить другого наименованія, кромѣ вышеуказаннаго.

Если въ будущемъ человѣчество съ наступленіемъ царства свободы, когда человѣкъ, по выраженію Энгельса, освободится отъ господства чуждыхъ, внѣшнихъ объективныхъ силъ, будетъ въ состояніи предоставить личности полную свободу выбора изъ громадной наличности созданныхъ благъ, то и тогда не устранится пристрастіе людей къ тѣмъ или инымъ вещамъ, которыя, если даже и будутъ стоитъ одинаковыя количества труда, но какъ цѣнности, какъ вещи, удовлетворяющія потребностямъ личности, будутъ оцѣниваться ею по произволу. Царство свободы, о которомъ мечтаетъ человѣчество, должно, вѣдь, освободить его отъ матеріальной зависимости отъ вещей и людей, сдѣлать человѣка свободнѣе во всѣхъ его оцѣнкахъ и пристрастіяхъ къ матеріальнымъ вещамъ, которыя нужны ему для удовлетворенія потребностей.

Психологическій фактъ, которымъ сознательно опредѣлится выборъ личности и ея пристрастіе, въ такихъ условіяхъ можетъ не имѣть никакого отношенія къ психологическому факту трудовой цѣнности Всѣ вещи могли бы быть равны, какъ количества труда, но это одинаковое для всѣхъ условіе будетъ совершенно безразлично какъ психологическое состояніе, которое опредѣляло бы его выборъ, въ особенности, если бы общество провозгласило формулу — всякому по его потребностямъ: трудись, а тамъ бери, что знаешь.

Все это, конечно, утопія, но я хочу только показать, что разъ оторвавшись отъ анализа объективныхъ условій, опредѣляющихъ наши сужденія цѣнности, нельзя возвращаться къ нимъ и въ томъ предполагаемомъ строѣ, относительно котораго мы ничего не знаемъ, а въ частности не можемъ даже себѣ представить того отношенія къ матеріальнымъ вещамъ, того представленія о цѣнности, которое тогда сложится. Быть можетъ, оно почти совпадаетъ съ нашимъ отношеніямъ къ даровымъ благамъ, кто знаетъ? Метафизическій туманъ, которымъ покрыта теорія субъективной трудовой цѣнности

г. Франка, становится еще сильнѣе, когда намъ приходится вѣрить, будто „представленіе объ обществѣ, какъ о субъектѣ самостоятельныхъ потребностей и интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнокъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе прочныхъ и общеобязательныхъ аксіомъ культурно-правоваго міросозерцанія“, что общественная оцѣнка продуктовъ всего національнаго хозяйства возможна именно благодаря наличности такого представленія.

Не прочно же это міровоззрѣніе, если такова одна изъ его аксіомъ! Представленіе объ обществѣ, какъ о субъектѣ міровыхъ потребностей и оцѣнокъ, такая же нелѣпость, какъ и представленіе о цѣнности всего міроваго продукта. г. Франкъ не только забылъ мудрыя замѣчанія своего учителя Бема [13]), который справедливо говорилъ, что это представленіе о цѣнѣ или цѣнности національнаго или міроваго продукта не составляетъ приращенія къ истинному познанію, но онъ внесъ еще какой то фантомъ въ видѣ общества, какъ суммы индивидуальныхъ психическихъ процессовъ. Цѣнность всего національнаго продукта въ его цѣломъ представляетъ ничто иное какъ — національный продуктъ, общество въ его цѣломъ есть ничто иное, какъ сумма составляющихъ его единицъ — эти тавтологическія утвержденія не могутъ послужить ни для какихъ выводовъ. Изъ нихъ нельзя придти къ заключенію, что общество есть субъектъ оцѣнки, также какъ нельзя доказать, зависитъ ли цѣнность всего этого національнаго продукта отъ труда, отъ полезности, отъ суммы затратъ всякаго рода механической энергіи и т. п. Теорія

13) Въ нашей марксистской литературѣ это возраженіе Бема было подхвачено г. Струве и друг. какъ великое открытіе. Въ своей тенденціозной, противорѣчивой и неправедливой статьѣ о Марксѣ (см. Сборникъ Государ. Знаній т. VI, 1878 г. стр. 10—11) г. Б. Чичеринъ, духовный отецъ нашего культурно-этическаго міровоззрѣнія, уже давно сдѣлалъ это открытіе и г. Франку слѣдовало бы это знать. „Единая общественная рабочая сила ничто иное, какъ фикція, пишетъ онъ, въ дѣйствительности существуютъ только единичныя силы. Говоря объ общественной силѣ, мы не знаемъ даже о какомъ обществѣ здѣсь идетъ рѣчь. Объ отдѣльномъ государствѣ? Но обмѣнъ товаровъ существуетъ и между государствами. По этой теоріи мы должны будемъ сказать, что на всемірномъ рынкѣ цѣна товаровъ опредѣляется среднимъ рабочимъ временемъ всего человѣческаго рода, какъ единой рабочей силы. Но вѣдь это чистая нелѣпость, когда мы принимаемъ за мѣрило дѣйствительныхъ отношеній фиктивную и никому не извѣстную единицу, это означаетъ, что мы совершенно сбились съ дороги“.... Опровергать отождествленіе національнаго продукта съ національнымъ доходомъ — я не считаю нужнымъ: ошибочность его понятна для всякаго. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Родбертусъ говоритъ: Nationalproduction noch nicht einmal Nationaleinkommen, denn unsere Nationalproduction produciert Millionen Ladenhüter“.

цѣнности вовсе не стремится опредѣлить цѣнность всего міроваго продукта. Такой мы не знаемъ. Мы должны опредѣлить цѣнность каждаго реальнаго единичнаго товара и только тогда мы можемъ получить нѣкоторое представленіе о суммѣ. Міровая цѣнность такой же фантомъ, какъ и общество, какъ субъектъ міровыхъ потребностей и оцѣнокъ.

Простота прежней точки зрѣнія и ея кажущаяся элементарность во много разъ выше замысловатыхъ аксіомъ культурно-правоваго направленія. Классики держались разумнаго убѣжденія, что субъектомъ оцѣнки является индивидъ и только онъ, но соціальныя условія матеріальной и человѣческой среды не остаются безъ воздѣйствія на его индивидуальные мозги. Представленіе относительно мнимаго единства воли и потребностей, а, слѣдовательно, и о единствѣ оцѣнокъ, у всѣхъ членовъ общества отнюдь не необходимо для опредѣленія общественной точки зрѣнія на продуктъ или на доходъ общества и нисколько не облегчаетъ пониманія того, что цѣнность есть не только индивидуальное явленіе, а соціальное.

Мы знаемъ, что всякій индивидъ можетъ отождествлять себя съ цѣлымъ обществомъ или съ той или другой его соціальной группой и соотвѣтственно съ этимъ опредѣлять, какъ сложится общественная точка зрѣнія цѣлой массы такихъ же индивидуальныхъ единицъ, какъ и онъ самъ. Общественная точка зрѣнія на доходъ или на продуктъ это точка зрѣнія такой же массы индивидовъ, какъ и онъ самъ. Само же общество, какъ субъектъ оцѣнки не существуетъ. Реально не само общество, а только тѣ единицы, изъ которыхъ оно слагается.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что цѣнность явленіе индивидуальное, что она зависитъ исключительно отъ индивидуальныхъ представленій. Это представленіе столь же ошибочно, какъ и то, которое полагаетъ, что индивидъ когда либо станетъ цѣлью самъ по себѣ: исторія представляетъ собою ничто иное, какъ великій процессъ соединенія людей. Индивидуумъ долженъ существовать не только для себя, какъ самоцѣли, но и для общества, равноправную часть котораго онъ долженъ составлять. Мнѣ придется еще ниже показать, что индивидуальныя представленія о цѣнѣ неизбѣжно вступаютъ въ столкновеніе съ иными индивидуальными представленіями другихъ членовъ данной соціальной среды и эта среда, т. е. по просту вся масса живыхъ существъ ее составляющихъ, обосновываетъ свои воззрѣнія подъ воздѣйствіемъ матеріальныхъ общественно-объективныхъ факторовъ. Воззрѣнія индивида неизбѣжно будутъ стоять въ зависимости отъ того, что его окружаетъ, его сужденіе можетъ быть обусловлено, но оно будетъ

сужденіемъ живой личности и нѣтъ надобности создавать какого то искуственнаго субъекта оцѣнки, въ которомъ все приведено въ гармонію въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, въ угоду однимъ лишь метафизическимъ представленіемъ о единствѣ. Общественная рабочая сила никогда не функціонируетъ, какъ дѣятельность единаго субъекта, направляемая единой волей; рабочія силы никогда не сливаются вмѣстѣ и не всегда проявляются только какъ части качественно и количественно опредѣленной силы, какъ думаетъ г. Франкъ. Такое представленіе искуственно, а потому и безплодно. Такой гармоніи въ общественномъ трудѣ мы не знаемъ; масса его растрачивается безплодно на ненужный и вредный трудъ, печальный по результатамъ; предъ нами вѣчная борьба перекрещивающихся и борящихся на жизнь и смерть интересовъ. Было бы врядъ ли основательно изъ за такого фантома мнимой гармоніи и единства дѣлать какія бы то ни было, хотя бы и субъективныя, выводы.

Да, наконецъ для кого и для чего нуженъ этотъ „психологическій фактъ“, что весь національный продуктъ оцѣнивается обществомъ согласно затратамъ труда и какой трудъ здѣсь имѣется въ виду, трудъ ли на непосредственное производство благъ или весь общественно-необходимый трудъ, какъ полный подсчетъ всѣхъ соціальныхъ обнаруженій дѣятельности общества? Входитъ ли въ цѣнность національнаго продукта трудъ музыканта, торговца, тюремщика, учителя, вообще всѣхъ полезныхъ и безполезныхъ потребителей общественнаго дохода? Ближайшій же анализъ покажетъ намъ, что такое представленіе о субъективной трудовой цѣнности и объ абсолютной трудовой стоимости ложно и можетъ возникать у индивида, и у общества, даже при полномъ видоизмѣненіи нашихъ соціальныхъ условій, только при ошибочномъ истолкованіи реальныхъ явленій дѣйствительности. Онъ въ тоже время подтвердитъ, что сохраненіе соціальной идеи въ экономіи вполнѣ возможно на почвѣ анализа объективныхъ условій нашего существованія.

Б. Для самаго г. Франка субъективная трудовая цѣнность настолько не „очевидный психологическій фактъ“, что во многихъ мѣстахъ своего труда онъ сомнѣвается въ немъ. Какъ мы видѣли у него природа создаетъ цѣнности и онъ неоднократно отмѣчаетъ, что масса благъ достается намъ даромъ. Г. Туганъ-Барановскій полемизируетъ съ Родбертусомъ, который будто бы отождествилъ понятіе даровыхъ благъ съ понятіемъ нехозяйственныхъ, настаиваетъ на томъ, что даровыя блага существуютъ, требуютъ къ себѣ хозяйственнаго отношенія, имѣютъ цѣнность и въ тоже время утверждаетъ, что внѣ

нашихъ капиталистическихъ условій „абсолютная трудовая стоимость“ совпадаетъ съ „трудовою цѣнностью“. Оба наши автора заимствуютъ часть своей аргументаціи у Родбертуса; поэтому очень любопытно посмотрѣть, что новаго и своего они вносятъ, можетъ ли оно быть удержано, не упускаютъ ли они самаго существеннаго изъ всего, что сказалъ Родбертусъ. Будемъ разсуждать совершенно оторвавшись отъ нашихъ соціальныхъ условій, съ точки зрѣнія человѣка, какъ представителя рода, какъ сказалъ бы Родбертусъ, и внѣ всякихъ условій частной собственности. Будетъ ли трудъ абсолютною стоимостью и полагалъ ли Родбертусъ, что тогда стоимость и трудовая цѣнность совпадутъ. Конечно, онъ не думалъ ничего подобнаго.

Характерныя для всей системы Родбертуса положенія, „что съ хозяйственной точки зрѣнія благо есть непосредственный результатъ матеріальной и движущей силы человѣка, что трудъ есть первоначальная затрата и единственная первоначальная сила, но что „съ естественно-исторической точки зрѣнія матеріальное благо есть результатъ всѣхъ элементовъ участвовавшихъ въ его созданіи“ доказывается нашими авторами иначе и при помощи своеобразнаго сочетанія аргументовъ. Человѣкъ цѣнитъ блага согласно труду потому, что, *во первыхъ* — онъ субъектъ хозяйства, дѣятельностью его воли направляются результаты дѣятельности другихъ факторовъ производства; *во вторыхъ*, трудъ человѣка составляетъ затрату его самаго и только свой трудъ онъ чувствуетъ, какъ страданіе; *въ третьихъ*, такая оцѣнка является необходимымъ постулатомъ хозяйственнаго принципа, который требуетъ заботиться объ „экономіи силъ“. Другими словами, они соединяютъ три совершенно разныхъ маштаба, которые употреблялись для доказательства трудоваго начала, воедино. Для нихъ имѣетъ совершенно одинаковое значеніе субъективный маштабъ — чувство страданія, объективный маштабъ — затрата опредѣленныхъ единицъ человѣческой энергіи и въ третьихъ, самое общее начало хозяйственной жизни, законъ экономіи силъ и руководящее направленіе воли субъекта хозяйства. Весь вопросъ въ томъ, насколько основательно такое смѣшеніе: не представляются ли два первыхъ начала сомнительными — не даетъ ли третье начало право утверждать, что два первыхъ принципа не имѣютъ самостоятельнаго и рѣшающаго значенія и что выводъ, котораго они достигаютъ чрезъ смѣшеніе принциповъ, совершенно ошибоченъ?

а) Первый маштабъ, которымъ пользуются наши авторы, характеренъ для нихъ, какъ для защитниковъ предѣльной полезности и сторонниковъ субъективаго метода въ экономіи. Онъ былъ пущенъ

въ ходъ еще А. Смитомъ въ его извѣстномъ положеніи, что „трудъ для работника представляетъ всегда одинаковую цѣнность и что работникъ при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и настроенія (spirits), при обыкновенной степени ловкости и умѣнія всегда долженъ пожертвовать одной и тою же долею своего досуга, свободы и благополучія". У Родбертуса онъ сохраняется только въ одной фразѣ, имѣющей уже гораздо болѣе объективное значеніе: „трудъ есть грабежъ свободы работника". Это мѣсто Смита безконечное число разъ перетолковывалось разными писателями; г. Франкъ полагаетъ, что это мѣсто является „аллегоріей, которая должна характеризовать степень значенія труда для рабочаго, опредѣлить степень, въ которой рабочій дорожитъ своимъ трудомъ". По справедливому замѣчанію Ингрэма, эта мысль служитъ хорошимъ примѣромъ того, какъ метафизическій способъ мышленія способенъ затемнить самыя простыя экономическія идеи и при ближайшемъ же разсмотрѣніи оказывается лишенной смысла. Если, дѣйствительно, разъ и навсегда всякая затрата труда чувствуется мною, какъ одинаковое страданіе, если значеніе этого страданія для меня всегда одинаково, то значеніе этого принципа лишено опредѣленнаго смысла. Если возможенъ предполагаемый г. Туганъ-Барановскимъ общественный строй, когда организованное проведеніе хозяйственнаго принципа сведется къ тому, что трудъ каждаго человѣка будетъ останавливаться, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда изъ удовольствія онъ становится страданіемъ, то очевидно этотъ субъективный маштабъ „чувство страданія" не будетъ имѣть значенія. Для этого строя онъ будетъ непригоденъ и обратится въ „простую трату опредѣленнаго количества времени", какъ и полагалъ Родбертусъ. Какъ психологическій маштабъ онъ, однако, совершенно непригоденъ. Внутреннее самочувствіе человѣка при всякомъ трудѣ совершенно неуловимо, неопредѣлимо и опредѣляется безконечнымъ количествомъ условій. Одинъ и тотъ же трудъ для одного можетъ казаться удовольствіемъ, для другого тяжкимъ страданіемъ. Мы не имѣемъ никакой возможности для всѣхъ и каждаго установить тотъ моментъ, когда трудъ изъ удовольствія переходитъ въ страданіе. Ни теперь, ни для любаго будущаго, установленіе такого маштаба невозможно даже какъ нѣкоторая средняя величина для всѣхъ, а тѣмъ болѣе примѣнительно къ отдѣльнымъ индивидуальностямъ и родамъ труда. Въ разное время, подъ вліяніемъ многообразныхъ обстоятельствъ, одинъ и тотъ же трудъ можетъ казаться рабочему, то труднѣе, то легче. Наконецъ, утвержденіе, что мы чувствуемъ — трудъ, какъ страданіе, только по отношенію къ самимъ себѣ, въ высокой сте-

пени проблематично. Трудъ животныхъ вызываетъ въ насъ также психическія ощущенія страданій животныхъ. Далѣе, какое приложеніе этотъ маштабъ можетъ имѣть для оцѣнки индивидуальнаго продукта, который и въ будущемъ, и теперь является сложнымъ результатомъ всего общественнаго производства и обращенія? Соизмѣримость страданій и наслажденій, психологически вообще безконечно трудная и неясная, становится здѣсь абсолютно невозможной. Психологическій маштабъ страданія, слѣдовательно, опять таки долженъ прилагаться ко всему процессу общественнаго производства, къ послѣднему результату въ видѣ готоваго національнаго продукта, а тогда это чувство страданія принимаетъ такое абстрактное значеніе, что ему врядъ-ли возможно придавать какое нибудь реальное значеніе [14]).

Для современныхъ общественныхъ условій мы хорошо знаемъ, что трудовыя страданія имѣютъ значеніе въ дѣлѣ опредѣленія цѣнности продуктовъ, не отъ самооцѣнки работникомъ этихъ страданій, какъ внутренняго самочувствія, не отъ оцѣнки этихъ страданій работникомъ въ извѣстныхъ количествахъ продукта, получаемыхъ имъ въ обмѣнъ за свои трудовыя страданія, а отъ нѣкоторыхъ объективныхъ условій производительности труда, общественныхъ условій его эксплуатаціи и собственной сознательной борьбы работника противъ окружающихъ его соціальныхъ и соціально-психологическихъ условій. Работникъ борется съ эксплуатаціей капиталиста и съ рабской, исторически объясняющейся, подчиненностью своихъ же собратій.

Такимъ образомъ, первый маштабъ нашихъ субъективистовъ является въ лучшемъ случаѣ психологическимъ фантомомъ, въ худшемъ же случаѣ, при приложеніи къ реальной дѣйствительности, онъ не даетъ ничего опредѣленнаго, разбивается жизнью тамъ, гдѣ трудовыя страданія рабочаго могутъ также мало ощущаться, какъ и страданія животныхъ, гдѣ психологія создала совершенно иное представленіе, что продуктъ является отнюдь не созданіемъ одного простаго рабочаго, но якобы высоко культурной дѣятельности капиталистовъ и силъ природы. Психологія Сэя и его послѣдователей представляетъ реальный психологическій фактъ многихъ представителей общественнаго класса, духовными выразителями которыхъ они являются.

---

14) Замѣчанія г. Туганъ-Барановскаго, что имѣется какой то полюсъ наслажденія и какой то полюсъ страданія, быть можетъ, красивы и образны, но не всякія образы помогаютъ намъ понимать реальныя явленія. Марксъ тысячу разъ былъ болѣе правъ, считая трудъ нормальной и неизмѣнной функціей человѣка. Трудъ для человѣка также необходимъ, какъ наслажденіе и страданіе. Наслажденіе и трудъ, чувство страданія или вѣрнѣе усталости психологически неразрывно связаны.

По своему научному значенію, какъ аргументъ въ пользу абсолютной трудовой стоимости, это положеніе г. Туганъ-Барановскаго совершенно равносильно съ аргументомъ Кернса относительно капитала. Для послѣдняго воздержаніе (abstinence) и среднее значеніе этого воздержанія опредѣляетъ норму прибыли на капиталъ. Среднія страданія при производствѣ продукта, при общественномъ характерѣ промышленной организаціи, также трудно опредѣлимы, какъ и среднее воздержаніе [15]).

б) Второе соображеніе разбираемыхъ писателей — затрата труда —, на основаніи котораго г. Франкъ приходитъ къ идеѣ о субъективной трудовой цѣнности, а г. Барановскій къ абсолютной трудовой стоимости, мы находимъ почти у всѣхъ представителей теоретической экономіи. Рикардо, Родбертусъ и Марксъ постоянно пользовались имъ для разныхъ цѣлей, будучи убѣждены, что затрата труда, какъ нѣчто объективно опредѣлимое въ расходѣ нервной и мускульной энергіи, можетъ служить, какъ наилучшая единица для соизмѣренія разныхъ качествъ и количествъ труда, для опредѣленія величинъ *товаровъ-цѣнностей,* а также и какъ основная единица стоимости. Впослѣдствіи мы еще вернемся къ вопросу, можетъ ли единица затраты труда въ нашихъ соціальныхъ условіяхъ вообще служить единицею цѣнности-товаровъ. Теперь мы остановимся на ней только какъ на единицѣ стоимости. Мы уже отмѣтили, что Родбертусъ вполнѣ понимаетъ, что съ естественно-исторической точки зрѣнія продуктъ представляетъ недѣлимый результатъ тѣхъ силъ, которыя принимали участіе въ его созданіи т. е. труда, капитала и земли. Однако, понятіе стоимости съ народнохозяйственной точки зрѣнія онъ считаетъ возможнымъ связывать только съ затратой труда. Его аргументацію мы можемъ разбить на двѣ группы [16]).

Во первыхъ, по его мнѣнію, „стоимость есть выраженіе или понятіе, необходимое для пониманія дѣйствія хозяйственнаго принципа, руководящаго человѣкомъ, который можетъ персонифицировать только

---

15) Истолкованіе этого субъективнаго маштаба, брошеннаго Смитомъ въ столь неясной формѣ см. Рикардо — Сочиненія, пер. Зибера стр. 2—4, Марксъ — Капиталъ т. I., пер. Струве, стр. I. прим. Ингрэмъ — Исторія П. Э., 2-е изд. стр. 130—131, Миклашевскій Деньги, стр. 186—189. Мануиловъ — I. с., стр. 83—84. Считаю нужнымъ напомнить, что Рикардо и Марксъ толкуютъ тираду Смита только съ своей точки зрѣнія на трудъ, какъ на затрату человѣческой энергіи, и примѣнительно къ вопросу объ опредѣленіи значенія и размѣра вознагражденія за трудъ.

16) см. Zur Erkentniss uns. Staatw. Zust., стр, 1, 2, 28, 32 и passim, Zur Beleucht. der S. Fr. стр. 104, 105, 106, 110.

себя, а не дѣйствіе силъ природы. Матеріальный трудъ человѣка, и только матеріальный, является той первоначальной силой, съ которой человѣкъ хозяйничаетъ при добываніи благъ, необходимыхъ для удовлетворенія „безграничнаго количества“ потребностей. Трудъ человѣка ограниченъ по количеству, по времени и всякая затрата въ немъ невозвратима (Unwiederbringlichkeit des Aufwandes). Капиталъ создается трудомъ, какъ и всѣ другіе блага. Участіе природы при производствѣ благъ, полагаетъ онъ, конечно является тратой, которую разъ она произведена нельзя употребить на другія блага. Сказать, однако, что природа подвержена невозвратимости затратъ — невозможно, ибо это значило бы персонифицировать природу. Въ безграничности потребностей и ограниченности силъ лежитъ основаніе управленія человѣческой рабочей силой, а также и добытаго т. е. основа хозяйства.“

Во вторыхъ, понятіе стоимости необходимо для пріобрѣтенія важнѣйшей народно-хозяйственной идеи производительности труда. Положеніе — трудъ, и только онъ, является стоимостью не означаетъ, что онъ создаетъ матерію. Хозяйство разсматриваетъ всѣ блага только постолько, посколько трудъ восполнилъ работу природы, какъ бы незначительно ни было сдѣланное для этого усиліе. Изъ наличныхъ болѣе или менѣе благопріятныхъ качественныхъ и количественныхъ отношеній продукта къ затраченному труду вытекаетъ идея производительности труда, которая есть ничто иное, какъ „дѣйствіе или плодородіе производительныхъ силъ“.

Является вопросъ, вытекаетъ ли изъ этихъ положеній, что трудъ можетъ разсматриваться нами, какъ *единая,* какъ *абсолютная* или какъ *предѣльная* стоимость? Ни одно изъ этихъ положеній, какъ мы постараемся доказать, не можетъ быть выведено изъ аргументовъ Родбертуса. Два послѣднихъ положенія Родбертусъ и самъ категорически отрицалъ. Въ настойчивомъ проведеніи перваго положенія, будто трудъ — единая стоимость, основная ошибка Родбертуса, которая повредила ясности его системы. Построенное ради практическихъ соображеній оно нерѣдко заставляло его выражаться теоретически неясно и противорѣчиво.

Слабость важнѣйшаго изъ первой группы аргументовъ Родбертуса совершенно очевидна. Чтобы теоретически понять, что единица земли является стоимостью отнюдь нѣтъ надобности „персонифицировать“ землю. Человѣкъ, какъ субъектъ хозяйства, имѣя предъ собою участки земли одинаковаго или разнаго качества, оцѣниваетъ ихъ значеніе, какъ элементъ затратъ, съ точки зрѣнія своихъ потреб-

ностей и интересовъ. Онъ отлично понимаетъ, что для полученія того или другого урожая ему нужно опредѣленное количество единицъ земли и что, если онъ посѣялъ овесъ и сдѣлалъ это неудачно, онъ не получитъ ожидавшагося урожая овса. Его поле пропало для овса, но оно пропало одновременно и для всякаго другого посѣва на опредѣленный промежутокъ времени. Изъ опыта онъ знаетъ и то, что онъ обязанъ возвращать землѣ опредѣленное количество производительной энергіи въ видѣ пара или удобренія и т. п. Одинъ изъ остроумныхъ писателей Эфферцъ справедливо пишетъ: „стоимость производства состоитъ изъ двухъ элементовъ: стоимости труда и земли. Первая — равна овеществившейся въ продуктѣ рабочей силѣ, вторая — равна заключенной въ продуктѣ величинѣ земли. Противъ существованія издержекъ въ землѣ можно было бы возразить, что земля не потребляется и послѣ производства существуетъ также, какъ и до него. Но, вѣдь, и рабочій-производитель не потребляется производствомъ и существуетъ послѣ производства также, какъ и до него. Постепенное вымираніе производителей зависитъ не отъ производства, а отъ жизни вообще. И непроизводитель умираетъ. Когда возражаютъ, что чрезмѣрная производительная работа вредитъ производителямъ, то можно отвѣтить, что она столь же вредна и землѣ. Стоимость производства напр. центнера хлѣба равна, слѣдовательно, заключенному въ немъ труду плюсъ заключенной въ немъ землѣ. Не имѣютъ стоимости только продукты, въ которыхъ нѣтъ ни труда, ни земли“ [17]). Въ этой образной формѣ Эфферцъ высказываетъ со-

17) см. его Arbeit und Boden, Berlin, 1897, стр. 109. Тотъ же Эфферцъ вооружается противъ всякихъ „персонификацій“ животныхъ, машинъ, капиталовъ и т. д. (§ 42). Дѣло идетъ вовсе не о персонификаціи, а о констатированіи реальнаго факта — производительнаго эффекта для усилій человѣка.

Какъ необходимо замѣнить элементарное ученіе о производительности труда идеей дифференціальной производительности труда въ зависимости отъ содѣйствія земли и капитала, лучше всего можно видѣть изъ того примѣра, которымъ Родбертусъ хочетъ защитить элементарную производительность труда. Вотъ его примѣръ. Человѣкъ при помощи лѣстницы досталъ фрукты. Безъ нея онъ не могъ бы этого сдѣлать. „Безъ сомнѣнія, пишетъ Родбертусъ, трудъ благодаря этому сталъ производительнѣе, ибо фрукты безъ лѣстницы совсѣмъ нельзя было достать или, быть можетъ, только съ большей потерей времени и усилій. Но поэтому и возросшій доходъ въ фруктахъ есть продуктъ болѣе производительной работы. Только въ этой болѣе производительной работѣ, а не въ результатѣ ея начала, ея первой половинѣ — принесеніе лѣстницы — лежитъ основа увеличенія дохода. Это увеличеніе есть продуктъ труда, который принесъ лѣстницу и труда, который ею распоряжался“. Не проще ли считать увеличеніе дохода совмѣстнымъ результатомъ дѣйствія этихъ двухъ производительныхъ силъ; вѣдь, такая точка

вершенно вѣрную мысль, что земля и вообще всѣ производительныя силы, посколько они ограничены въ своемъ количествѣ, качествѣ и во времени, посколько они требуютъ къ себѣ разумнаго и бережливаго отношенія, не могутъ не считаться субъектомъ хозяйства элементомъ затратъ во всѣ времена и при всякихъ соціальныхъ системахъ.

Человѣчество отлично понимаетъ, что для полученія продукта недостаточно одного труда, какъ фактора производства. Для производства необходимы и земля, и капиталъ, который опять таки представляетъ собою ничто иное, какъ овеществившееся въ извѣстной формѣ и для извѣстныхъ цѣлей соединеніе земли и труда въ продуктѣ[18]). Сколько трудъ, сколько капиталъ, сколько естественныя силы прибавили къ количеству и качеству продукта, какъ хранителя извѣстныхъ силъ и свойствъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей человѣка, этого мы исчислить не можемъ, ибо всякій продуктъ есть недѣлимый результатъ земли, труда и капитала. Правда г. Франкъ, какъ бы стремится подсказать Родбертусу новый аргументъ, утверждая, что „отъ направленія воли человѣка зависятъ результаты производства", но это соображеніе просто невѣрно, ибо результаты зависятъ не только отъ воли, но отъ наличности и того или другого дѣйствія матеріальныхъ силъ природы.

Никакого противорѣчія между естественно-исторической и народно-хозяйственной точкой зрѣнія быть не можетъ и не должно. Если для полученія продукта необходимо соединеніе трехъ наличныхъ факторовъ производства, то съ обѣихъ точекъ зрѣнія мы должны имѣть и три стоимости для одного хозяйствующаго субъекта[19]). Оба

зрѣнія не даетъ права разсуждать, что мертвому капиталу должна принадлежать часть дохода. Только изъ опасенія такого буржуазно-полезнаго толкованія Родбертусъ и твердитъ свое. См. Rodbertus, Das Kapital, изд. 1884, стр. 231 и слѣд.

18) см. Jevons. Principles of Pol. E. B. I, ch. 1. § 3. „We must regard labour, land, knowledge and capital as conjoint conditions of the whole produce, not as causes of a certain portion of produce . . . Produce is simply the aggregate effect of agregate conditions".

см. Rodbertus zur Erk. der Creditnoth, B. II, стр. 159—160. „Deshalb ist dort, wo die Arbeit durch die Natur mehr unterstüzt als anderswo, wirtschaflich betrachtet, die Arbeit nur productiver, aber nicht ein Teil des Arbeitsproduct auf Rechnung der Naturkräfte zu setzen. Denn auch auf der wenigst productiven Stufe der in wirtschaftlichen Action befindlichen Naturkräfte, von der aufwärts sich also überhaupt erst die „natürliche Productivität" *differentiert*, wirken ja schon die natürlichen Kräften mit. Und wie soll auch nur unterschieden werden, was auf diesen verschiedenen Stufen auf die natürlichen Kräfte und was auf die Arbeit kommt?"

19) Капиталъ представляетъ собою сочетаніе матеріи, созданное человѣкомъ для лучшаго достиженія своихъ цѣлей. Чѣмъ цѣлесообразнѣе произведено это

разбираемыхъ писателя признаютъ, что въ нашемъ соціальномъ строѣ, дѣйствительно, и есть эти три стоимости. Поэтому то г. Франкъ и говоритъ, что въ настоящее время мы можемъ говорить только о „субъективной трудовой стоимости“, а г. Туганъ-Барановскій торжество трудовой стоимости относитъ только къ будущему соціальному строю. Для всякаго, однако, ясно, что даже при существованіи общественной собственности для полученія единицы продукта нужно будетъ опредѣленное же количество единицъ земли и капитала. Три основныхъ вида затратъ надо будетъ производить и все на тѣхъ же или, бытъ можетъ, болѣе разумныхъ, сознательныхъ началахъ. Когда Родбертусъ говоритъ о стоимости, о возможности „персонифицировать“ только человѣка, онъ вовсе не имѣетъ въ виду человѣка, какъ единицу затраты силъ, которые надо возстановить, какъ мы возстанавливаемъ производительныя силы земли или отработавшій капиталъ. Онъ хочетъ только сказать, какъ это мы увидимъ ниже, что весь хозяйственный процессъ совершается для жизни человѣка, людей въ широкомъ смыслѣ этого слова и что, поэтому, всѣ результаты производства должны идти ему на пользу, должны быть распредѣлены въ соотвѣтствіи съ его нуждами. Человѣкъ является стоимостью потому, что все должно быть отдано ему, какъ существу для котораго совершается все въ общественномъ организмѣ. Трудъ, какъ *единая стоимость, къ которой долженъ пріурачиваться раздѣлъ добытаго общественнаго продукта,* является идеей дѣйствительно правильной и богатой послѣдствіями, трудъ, какъ единая стоимость въ смыслѣ затратъ, противорѣчитъ всему духу сочиненій Родбертуса, чего онъ, къ сожалѣнію, самъ часто не замѣчалъ.

сочетаніе, по количеству или качеству матеріи, тѣмъ производительнѣе и капиталъ. Капиталъ есть разумная агломерація въ матеріи силъ природы и производительность его можетъ быть также разнообразна по отношенію къ разнымъ продуктамъ, какъ и производительность земли. По моему мнѣнію Кларкъ правъ, разсуждая слѣдующимъ образомъ. „Умѣлый (scilled) работникъ, пишетъ онъ, конечно всегда создаетъ больше богатства, чѣмъ простой; личныя различія между людьми всегда имѣютъ значеніе при опредѣленіи ихъ соціальной силы, какъ производителей. Хорошая машина всегда будетъ производить больше, чѣмъ плохая. Такое хорошее орудіе, однако, представляетъ собою болѣе единицъ капитала и все что мы можемъ требовать отъ соперничества это то, чтобы она поддерживала тенденцію влагать равныя единицы капитала тамъ, гдѣ ихъ выручка одинакова. Это само по себѣ вызываетъ послѣдствіе, что лучшія орудія, какъ заключающія въ себѣ большее количество единицъ капитала, должны получать и большіе доходы. . . Коротко говоря, законы матеріи дѣлаютъ капиталъ производительнымъ“. См. Distribution of wealth, стр. 63, 135 и passim.

Какъ дѣйствуетъ хозяйственный принципъ въ нашемъ обществѣ, основанномъ на частной собственности и соперничествѣ, это мы еще увидимъ ниже. Разсматривая же его, какъ принципъ разумной, разсчетливой дѣятельности, общій и универсальный для всѣхъ временъ, мы не можемъ получить никакого аргумента въ пользу того, что трудъ является единой или абсолютной стоимостью. Г. Туганъ-Барановскій сдѣлалъ попытку свести хозяйственный принципъ къ психофизіологическому началу, къ стремленію получить наибольшее количество наслажденій при наименьшемъ количествѣ страданій. Путемъ такого истолкованія хозяйственнаго принципа, онъ пытается сдѣлать трудъ не только единой, но и абсолютной стоимостью, ибо только трудъ, по его мнѣнію, чувствуется, какъ страданіе. Хозяйственный принципъ, однако, отнюдь не является только психо-физіологическимъ принципомъ соизмѣренія страданій и наслажденій: онъ является принципомъ разумной цѣлесообразной дѣятельности, цѣлесообразнаго сочетанія всѣхъ наличныхъ силъ для удовлетворенія потребностей и при томъ, въ нашихъ условіяхъ, въ своеобразной общественной средѣ, не только для нуждъ человѣчества, но и для выгодъ нѣкоторыхъ группъ его[20]). Хозяйственный принципъ есть законъ *„экономіи силъ“* не только человѣка, но и всѣхъ силъ, которыя стоятъ въ его распоряженіи. У человѣка можетъ быть много свободныхъ трудовыхъ силъ, но мало земли и ограниченность ея будетъ заставлять вести борьбу за существованіе съ особыми приспособленіями. Почему не только Родбертусъ, но и другіе писатели считали трудъ удобнѣе всего считать за единую стоимость[21]), это мы еще увидимъ яснѣе впослѣдствіи, когда намъ придется разбирать вопросъ о соотношеніи этой трудовой единицы стоимости съ цѣнностью. Теперь же намъ надо обнаружить только то здоровое зерно, которое есть въ построеніи Родбертуса и которое совершенно извращено ученіемъ Туганъ-Барановскаго о трудѣ, какъ объ абсолютной стоимости.

---

20) Если Марксъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что исторія промышленности и торговли представляетъ собой исторію борьбы производительныхъ силъ противъ современныхъ условій производства, противъ современныхъ отношеній собственности . . ., то только потому, что ему чуждъ былъ евдаймонистическій взглядъ на дѣйствіе хозяйственнаго принципа. Наивысшая, сравнительно съ предшествовавшими формами хозяйствованія, производительность капиталистическаго хозяйства не создала наивысшаго балансированія страданіи и наслажденій, наилучшаго использованія производительныхъ силъ.

21) Въ особенности въ главѣ 4-й, когда мы будемъ говорить о предѣльной производительности труда.

Родбертусъ съ своей народно-хозяйственной точки зрѣнія считалъ возможнымъ признать трудъ единой стоимостью, но онъ у него никогда не функціонировалъ въ видѣ абсолютной стоимости. Поэтому онъ и не дѣлаетъ того ложнаго вывода, будто цѣнность и трудовая стоимость, которыя не совпадаютъ въ нашихъ экономическихъ условіяхъ, сольются воедино въ соціальномъ строѣ.

Какъ я уже сказалъ, для Родбертуса трудовая стоимость была тѣмъ единственнымъ маштабомъ, при посредствѣ котораго онъ хотѣлъ обосновать свою совершенно объективную, чуждую всякаго субъективизма идею производительности труда и вывести изъ нея такой же объективный принципъ для распредѣленія, какъ въ нашихъ, такъ и въ предполагаемыхъ соціальныхъ условіяхъ.

Элементарное экономическое мышленіе толкало всѣхъ писателей — объективистовъ на одну дорогу. Для всѣхъ ихъ было совершенно ясно, что съ точки зрѣнія хозяйственнаго принципа, разсматриваемаго, какъ объективное руководящее начало во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, земля, капиталъ и трудъ ограничены по количеству, качеству, пространству, во времени и т. д., но необходимо было опредѣлить основную единицу стоимости. Для земли это было сравнительно легко и всѣ писатели пользовались пространственной единицей ея при выводѣ закона ренты. Безконечно трудно было, однако, найдти такую единицу стоимости для капитала. Съ естественно-исторической точки зрѣнія Родбертусъ охотно призналъ бы капиталъ такимъ же совокупнымъ результатомъ труда и силъ природы, какъ и любую долю земледѣльческаго продукта. Но какъ найдти единицу для стоимости капитала? По своимъ матеріальнымъ обнаруженіямъ онъ столь безконечно разнообразенъ, что найдти для него такую единицу невозможно. Профессоръ Кларкъ ясно подмѣтилъ это обстоятельство. Онъ говоритъ, что капиталистъ и всякій хозяинъ вообще понимаютъ, что капиталъ ими затрачиваемый конкретенъ и матеріаленъ, хозяинъ инстинктивно думаетъ и выражается о своихъ затратахъ капитала въ формѣ абстрактнаго выраженія. Для него всякая затрата есть опредѣленная сумма денегъ или цѣна продуктовъ капитала. „Такая абстрактная формула, пишетъ онъ, обща всѣмъ сферамъ мышленія. Сила, разсматриваемая сама по себѣ, есть абстракція, но сила, заключенная въ безконечномъ рядѣ капель падающей воды въ высокой степени матеріальна и конкретна. Производительная сила, измѣряемая единицами и выраженная въ количествахъ денегъ есть абстракція, но когда эта сила воплощена въ безконечномъ рядѣ послѣдовательно смѣняющихся формъ капитала-продукта она кон-

кретна. Мы можемъ, поэтому, понимать подъ капиталомъ безконечно смѣняющійся послѣдовательный рядъ производительныхъ благъ, всегда стоющихъ опредѣленную сумму денегъ. Мы это именно и думаемъ, когда мы обозначаемъ подъ капиталомъ сумму денегъ, постоянно вложенную въ рядѣ исчезающихъ благъ“ [22]).

Эти замѣчанія проф. Кларка я привожу вовсе не для того, что бы отмѣтить его мистическую идею о постоянствѣ существованія капитала во времени, а какъ реальное свидѣтельство того, что вещественную единицу стоимости капитала мы найдти не можемъ. Для Кларка, изслѣдователя современнаго экономическаго порядка, она всегда выражается въ деньгахъ, за сумму которыхъ мы можемъ купить капиталъ въ вещахъ; для будущаго строя, гдѣ, быть можетъ, исчезнетъ наше денежное хозяйство, она будетъ выражаться въ продуктахъ, въ матеріальныхъ формахъ самаго работающаго капитала, но при многообразіи формъ и тогда для капитала нельзя будетъ найдти вещественной единицы. Это очень хорошо понялъ Родбертусъ. Онъ не видѣлъ иной возможности для опредѣленія единицъ капитала, кромѣ затраченнаго на его производства труда. Мы увидимъ впослѣдствіи, что такую единицу въ нашихъ экономическихъ условіяхъ найдти можно, что самъ Родбертусъ неоднократно измѣнялъ свой маштабъ въ болѣе цѣлесообразномъ направленіи [23]). Допустивъ возможность только трудоваго маштаба, онъ обратился при его посредствѣ къ опредѣленію идеи производительности труда, которая показываетъ, что онъ никогда не думалъ считать трудъ *абсолютной* стоимостью, всегда считалъ его *относительной* стоимостью“ [24]).

в) Если бы трудъ, прилагаясь къ благамъ внѣшней природы для приготовленія нужныхъ человѣчку продуктовъ, всегда, неизмѣнно и повсемѣстно производилъ одинаковое количество продуктовъ, мы могли бы говорить о производительности труда въ собственномъ смыслѣ слова и трудъ былъ бы, хотя и не единой, но абсолютной стоимостью. Родбертусъ очень хорошо видитъ, что ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ. Его стремленіе устранить изъ политической экономіи категорію даровыхъ благъ оправдывается тѣмъ, что онъ не говоритъ о производительности труда, какъ таковой, а о „дѣйствіи или плодородіи производительныхъ силъ“. Родбертусъ

22) см. J. B. Clark. The Distribution of Wealth, N. J., 1902 г., стр. 119—121.

23) Какъ увидимъ въ главѣ 4-й исчисленіе единицъ затраченнаго труда также невозможно, да и не нужно.

24) Ошибку г. Туганъ-Барановскаго раздѣляетъ, къ сожалѣнію, и Штольцманъ въ общемъ гораздо правильнѣе истолковывающій Родбертуса см. l. c. стр. 73.

вовсе не отрицаетъ, что природа и капиталъ работаютъ для человѣка. Онъ знаетъ, что природа можетъ сократить человѣку затраты труда, что ничтожное количество труда на хорошей землѣ создаетъ неизмѣримо большее количество продукта, чѣмъ на худой. Иногда достаточно бываетъ затратить самое ничтожное количество труда, протянуть руку за продуктомъ и уже можно получить громадное количество продукта. Одинъ человѣкъ будетъ трудиться въ потѣ лица своего цѣлый день и получитъ очень мало продукта, другой ничтожнымъ количествомъ труда получитъ массу продукта. Одинъ день труда буренія на нефтеносной землѣ дастъ человѣку массу продукта: производительность его труда будетъ громадная, однимъ словомъ, Родбертусъ получаетъ возможность устранить всякое представленіе о даровыхъ благахъ чрезъ замѣну этой элементарной идеи производительности труда идеей *дифференціальной, специфической производительности труда.*

Если бы природа и капиталъ не содѣйствовали производительности труда, трудъ былъ бы абсолютною стоимостью, другіе факторы производства мы могли бы разсматривать, какъ передаточный механизмъ для труда, который и былъ бы единственнымъ средствомъ производства ограниченнымъ въ количествѣ-качествѣ для практически неограниченнаго круга потребностей. Дѣйствіе другихъ факторовъ производства, какъ всегда равное и неизмѣнное, мы могли бы принятъ равнымъ О.

Родбертусъ понимаетъ, что въ реальной дѣйствительности въ настоящее время и въ предполагаемомъ соціальномъ строѣ ничего подобнаго быть не можетъ. Земля и капиталъ, во всей своей разнокачественности, всегда будутъ оказывать вліяніе на дифференціацію производительности труда; земля и капиталъ будутъ практически ограничены для столь же практически неограниченнаго круга потребностей.

На примѣрѣ изъ закона ренты можно отлично иллюстрировать мысль Родбертуса. Одна единица труда совершенно одинаковаго качества можетъ, какъ всѣмъ извѣстно, на разныхъ земляхъ одинаковаго протяженія дать такіе результаты:

Участки А.	Участки В.
1.1 день — 10 прод.	1.1 день — 5 прод.
2.1 „ — 6 „	2.1 „ — 2 „
3.1 „ — 5 „	3.1 „ — 5 „
Средн. произв. 1 дня — 7 прод.	Средн. произ. 1 дня — 4 прод.

Одна единица труда воплощается въ совершенно разныхъ количествахъ продукта. Средняя производительность одного дня труда въ первомъ случаѣ семь продуктовъ, во второмъ четыре продукта; единица продукта стоитъ на первыхъ участкахъ $^1/_7$, во-вторыхъ $^1/_4$ дня. Отсюда и конституировать цѣнность, какъ показываютъ всѣ замѣчанія Родбертуса по этому поводу, въ особенности его ученіе о нормальномъ рабочемъ днѣ, это вовсе не означаетъ приравнять цѣнность продукта опредѣленному количеству труда, а, напротивъ, раздѣлить неравную производительность труда на началахъ справедливости соотвѣтственно „съ нормальнымъ количествомъ и качествомъ нормально производительнаго труда“; трудовая теорія цѣнности Родбертуса, какъ великая народнохозяйственная идея будущаго, вовсе не теорія цѣнности продуктовъ, не цѣнности, которая сама собой установится подъ дѣйствіемъ наличныхъ экономическихъ и соціальныхъ силъ, какъ ихъ неизбѣжный и самопроизвольный результатъ, а скорѣе теорія справедливаго вознагражденія согласно съ принципами Сэнъ-Симонизма: „tous les priveléges de naissance seront abolis, à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres“ [25]), и при томъ такое вознагражденіе, чтобы никто не могъ воспользоваться выгодами дифференціальной производительности, поскольку она зависитъ отъ естественныхъ и общественныхъ условій въ своихъ своекорыстныхъ интересахъ. При соціальной организаціи общества по мысли Родбертуса трудъ члена общества будетъ правовой основой участія въ соціальномъ продуктѣ, а отнюдь не источникомъ цѣнности.

Въ своемъ четвертомъ письмѣ къ Кирхману Родбертусъ съ наибольшей ясностью излагаетъ свою теорію „конституированія цѣнности“. Онъ сообщаетъ намъ здѣсь, что о попыткѣ Р. Овена создать трудовой обмѣнъ онъ знаетъ очень мало и то только по неясному изложенію Рейбо. Да и задача Родбертуса была совсѣмъ иная сравнительно съ Овеномъ. Въ трудовую цѣнность Овенъ вѣрилъ, какъ въ непреложную истину; ему казалось возможнымъ и справедливымъ установить единообразную норму въ шесть пенсовъ за тру-

25) Ce nouveau droit, celui de la capacité, substitué à celui du plus fort et au privelége de la naissance, est-il conforme aux lois de la nature, à la volonté divine, à 'utilite générale? La nature, Dieu, l'utilité, on permit à l'homme d'avoir des esclaves; plus tard ils le lui ont défendu; ils lui ont donné des serfs, mais leur chaînes sont brisées; ils lui permettent encore de vivre dans l'oisiveté, des sueurs du travailleur, des larmes de l'enfance et de la viellesse; mais Saint-Simon est venu lui dire: ton oisivété est contre nature, impie, nuisible à tous et à toi-même: tu travailleras . . . pas d'Heritage. Doctrine de S.-S. (par Bazard), Paris, 3-е изд. 1831 г. стр. 39—42.

довой часъ. Овенъ — коммунистъ-уравнитель и часто слишкомъ элементарно смотритъ на явленія, которыя его окружаютъ. Все построеніе Родбертуса проникнуто идеей дифференціальныхъ различій въ производительности труда; онъ понимаетъ, что трудовая цѣнность не фактъ реальной дѣйствительности и не можетъ быть имъ. Наличность дифференціальныхъ различій по отношенію къ землѣ и труду онъ признаетъ вездѣ; къ сожалѣнію, раздѣляя общую судьбу классиковъ, онъ не всегда замѣчаетъ, что его положеніе одинаково приложимо и къ разнымъ видамъ, количествамъ и качествамъ капитала [26]).

Родбертусъ неоднократно называетъ свою конституированную цѣнность [27]) „средствомъ“ (Medium), „регуляторомъ справедливаго распредѣленія“. Онъ опредѣленно указываетъ, что задача конституированія цѣнности заключается вовсе не въ опредѣленіи цѣнности продуктовъ согласно нормальному труду мѣстнообособленныхъ индивидовъ, но согласно среднему количеству труда, которое затрачено въ данной національной отрасли промышленности на производство „общественно-необходимой массы продукта“. Онъ не желаетъ, чтобы дифференціальныя различія въ производительности служили источникомъ обогащенія отдѣльныхъ лицъ и хочетъ дифференціальный продуктъ сдѣлать источникомъ справедливаго вознагражденія трудящихся. При теперешнихъ условіяхъ, полагаетъ онъ, продуктъ болѣе богатаго рудника монопольно возвышается въ цѣнѣ до цѣны худшаго рудника. Надо конституировать цѣну руды до средней нормы: дифференціальный продуктъ пойдетъ въ пользу всей совокупности трудящихся. Заставьте индивидуальныхъ работниковъ питаться съ принадлежащихъ имъ участковъ земли собственнымъ трудомъ и вы нисколько не устраните соціальной несправедливости: сидящіе на болѣе плодородной землѣ получатъ большее вознагражденіе. Точно также и для труда разнаго исскуства, продолжительности и т. п., разъ они выражаются въ разной производительности, Родбертусъ не признаетъ справедливымъ одинаковаго вознагражденія. Для сопоставленія разныхъ видовъ труда онъ всегда рекомендуетъ имѣть въ виду идею нормальнаго дневнаго продукта (Tagewerk), подъ которымъ онъ понимаетъ: „средній продуктъ средняго рабо-

26) Auch die Fabricationsunternehmungen, пишетъ онъ, werden nirgends unter gleich günstigen Umständen betrieben und zwar kleben sehr häufig diese Umstände nicht dem fixem Kapital an, so dass der dadurch entstehende Mehrgewinn die Natur der Grunderente annehmen würde; 3 Brief, стр. 100. объ этомъ см. главу 4 и 5-ю.

27) см. Das Kapital, Berlin, изд. 1884 г. 123—160.

чаго въ опредѣленное время нормальнаго дня". Общественная власть постоянно должна, по его предположеніямъ, держать производство въ соотвѣтствіи съ потребностями и правильно распредѣлять при посредствѣ конституированной цѣнности весь дифференціальный продуктъ между всѣми членами производящаго общества. Только въ этомъ смыслѣ онъ и даетъ свою знаменитую формулу, согласно которой должна быть конституирована цѣнность, а именно $m + \frac{n}{x}$, гдѣ m среднее количество нормальнаго труда и $\frac{n}{x}$ количество того посредственнаго труда, которое дѣйствительно затрачено чрезъ употребленіе необходимыхъ орудій и матеріаловъ [28]).

Самъ Родбертусъ признаетъ практическую трудность, я сказалъ бы утопичность своего построенія; онъ настаиваетъ на ея „принципіальной справедливости". Ему важно только показать, что различія въ дифференціальной производительности труда зависятъ отъ двухъ причинъ: I. отъ различій въ содѣйствіи труду природы (и капитала) и 2. отъ особенностей самаго труда и культуры общества. Трудъ не можетъ считаться абсолютной стоимостью, пока это со-

28) Въ своемъ „Капиталѣ" Родбертусъ говоритъ ясно и опредѣлительно, что въ разныхъ отрасляхъ промышленности необходимый трудъ бываетъ разной интенсивности, ловкости, неодинаково утомителенъ, а потому и рабочій день не можетъ быть одинаковой длины. Такъ какъ работники въ одномъ и томъ же производствѣ неодинаково пригодны, неодинаковаго трудолюбія и силы, то и день труда, опредѣляемый результатами (Tagewerk) не можетъ быть равенъ. Какого нибудь опредѣленнаго маштаба или пріема для опредѣленія всѣхъ этихъ и другихъ разнообразныхъ качествъ труда Родбертусъ не даетъ: онъ только констатируетъ безусловную необходимость ради идеи справедливости принимать ихъ во вниманіе. Въ своемъ „Нормальномъ Рабочемъ Днѣ" Родбертусъ старается болѣе подробно разработать вопросъ о нормальномъ вознагражденіи за рабочій день. Государство, по его предположенію, устанавливаетъ нормальный рабочій день и нормальное количество результатовъ труда, получаемыхъ въ этотъ день (Zeitarbeitstag und Werkarbeitstag). Смотря по роду промысла, въ каждомъ изъ нихъ устанавливается длина нормальнаго рабочаго времени въ предѣлахъ отъ 6-ти до 12 часовъ; затѣмъ устанавливается нормальный продуктъ (Arbeitswerk) такого дня т. е. опредѣляется сколько продуктовъ опредѣленнаго вида можетъ произвести рабочій средняго усердія и ловкости. Это количество овеществившагося рабочаго времени представитъ собой нормальный рабочій продуктъ и будетъ нормальнымъ результатомъ рабочаго дня въ той или другой промышленности. Рабочая плата устанавливается соотвѣтственно съ такимъ нормальнымъ результатомъ нормальнаго рабочаго дня и возвышается соотвѣтственно съ общимъ повышеніемъ общественной производительности труда за вычетомъ части продукта, необходимой для покрытія разныхъ общественныхъ потребностей.

дѣйствіе природы и капитала неодинаково и индивидуальный человѣкъ не имѣетъ „преимущественныхъ“ правъ на это неравное содѣйствіе: *люди должны дѣлить то, что даетъ имъ природа,* согласно труду, который каждый поставилъ для общества. Понимая, такимъ образомъ, что трудъ не является абсолютной, а только относительной стоимостью, Родбертусъ своимъ конституированіемъ цѣнности согласно труду хочетъ отдать человѣку, какъ члену общества, то, что онъ вноситъ въ общую сокровищницу богатствъ особенностями своего труда и дать ему равную долю участія въ томъ, что дается естественными и общественными условіями [29]).

---

29) Какъ плохо до сихъ поръ понимается основная идея Родбертуса, это видно хотя бы изъ интереснаго изслѣдованія г. Касселя. Онъ пишетъ: „индивидуальнаго права на полный продуктъ труда мы не достигнемъ, если сведемъ стоимость къ средней. Это будетъ имѣть послѣдствіемъ только то, что будетъ сдѣланъ вычетъ изъ выручки болѣе производительныхъ предпріятій; напротивъ, рабочіе въ худшихъ предпріятіяхъ получатъ болѣе, чѣмъ продуктъ ихъ труда. Не трудовой доходъ не исчезнетъ, но достанется другимъ“. См. его Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, Göt., 1900, стр. 77. Но, вѣдь, это и есть именно то, къ чему стремится Родбертусъ. Въ безконечномъ количествѣ мѣстъ своихъ трудовъ Родбертусъ истолковываетъ свою излюбленную идею справедливаго вознагражденія согласно труду и вѣчно повторяетъ, что продуктъ не можетъ принадлежать цѣликомъ и непосредственно работнику, который его создалъ. Вотъ рядъ характернѣйшихъ мѣстъ. „Да, пишетъ онъ, не только непосредственно предшествовавшіе и настоящіе хозяйственные работники стоятъ въ томъ трудовомъ общеніи, которое создаетъ національный продуктъ, но также и тѣ, которые непосредственно дѣятельны въ области права и науки и именно поэтому непосредственно участвуютъ въ созданіи національнаго продукта. Поэтому, организація собственности въ обществѣ никогда не совпадаетъ съ рабочей организаціей и она никогда не можетъ принять того вида, къ которой стремится часть современныхъ рабочихъ по непониманію соціальной жизни“. (Zur Erklärung und Abhilfe der C—N., B. II., изд. Bahr, стр. 112). „Марксъ ошибается въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ онъ думаетъ, что трудовая цѣнность реализовывается сама собою въ современномъ обществѣ, тогда какъ это можетъ осуществиться только путемъ законовъ. — Я уже въ 1842 г. доказалъ, что безъ такихъ законовъ трудовая цѣнность есть невозможность. Во вторыхъ, онъ смотритъ на соціальный фактъ, что рабочій не получаетъ полной доли цѣнности своего продукта, какъ на соціальную аномалію, тогда какъ таково нормальное положеніе всякаго общества. Дѣло идетъ исключительно о слишкомъ малой долѣ. Исходя изъ этой мысли, можно было бы доказать, что коллективная собственность, къ которой стремятся соціалъ-демократы, а именно коллективная собственность отдѣльныхъ земельныхъ общинъ и производительныхъ товариществъ, — это собственность, ведущая еще къ большимъ несправедливостямъ, чѣмъ индивидуальная . . . . Вообще книга Маркса не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемика противъ существующей формы капитала, которую онъ постоянно смѣшиваетъ съ понятіемъ капитала вообще, откуда

Для него національный трудъ является единственнымъ *органомъ* національной производительности; онъ не желаетъ — физіократіи, какъ онъ выражается, а антропократіи, которая распредѣляетъ эту національную производительность согласно труду[30]). Но онъ далекъ отъ мысли, которая, какъ выводъ, повидимому такъ и напрашивается сама собой: если дифференціальная производительность труда имѣетъ такое важное значеніе, то нельзя ли связать цѣнность съ предѣльной производительностью труда? Родбертусъ, какъ увидимъ, сомнѣвается въ этомъ положеніи Рикардо.

§ 3. Въ царствѣ Утопіи.

Мы видѣли, что основная цѣль Родбертуса при построеніи идеи дифференціальной производительности труда заключается въ томъ, чтобы найдти „единственно возможный, человѣческій маштабъ“ для этически справедливаго распредѣленія добытаго обществомъ продукта. Родбертусъ, для котораго трудовая цѣнность не болѣе, какъ идеалъ справедливаго распредѣленія, противорѣчащій трудовой цѣнности, какъ производственной категоріи, пишетъ: „да, цѣнности могутъ быть конституированы согласно труду, если, само собою разумѣется, для этого осуществлены будутъ необходимыя условія: общественная власть должна держать національное производство въ соотвѣтствіи съ потребностями т. е. наличные продукты по количеству и качеству должны соотвѣтствовать потребностямъ, само національное производство должно стоять на уровнѣ высоты производительныхъ средствъ и равный трудъ долженъ получать и равное вознагражденіе соотвѣтственно состоянію производительности труда“.

Останемся же еще на одинъ послѣдній моментъ въ царствѣ утопіи, чтобы выяснить, какое значеніе имѣетъ идея дифференціальной производительности труда, какъ первый шагъ въ анализѣ экономическихъ явленій.

проистекаютъ всѣ его ошибки. Далѣе, онъ недостаточно различаетъ организмъ раздѣленія труда отъ организма собственности въ человѣческомъ обществѣ и не показываетъ, что въ ихъ субъектахъ оба никогда совпадать не могутъ, другими словами, что рабочій благодаря самой общности труда никогда не можетъ быть собственникомъ своего продукта, а только лицомъ имѣющимъ право на долю цѣнности этого продукта. Въ моихъ „Zur Erkenntniss“ я развиваю свой принципъ ренты и заработной платы, Вы найдете тамъ неопровержимое доказательство, что въ современномъ обществѣ блага не обмѣниваются согласно труду и, благодаря капиталу, не могутъ обмѣниваться“. . . см. Briefe und Socialpolitische Aufsätze, herausg. v. Dr. R. Meyer, стр. 110, 111 и passim.

30) см. Briefe, стр. 117, 216—217.

Одинъ талантливый нѣмецкій писатель Штольцманъ[31]) подвергъ суровой критикѣ все построеніе Родбертуса. Всѣ его возраженія чрезвычайно характерны и показываютъ, какъ трудно намъ отдѣлаться отъ воздѣйствія на мысль явленій, которыя насъ окружаютъ, какъ трудно бываетъ найдти истинное въ томъ, что говоритъ другой, если его мысль запутана рядомъ частностей, въ которыхъ, какъ въ пестромъ калейдоскопѣ, перемѣшивается настоящее съ мечтаніями о будущемъ, возможное съ невозможнымъ.

Штольцманъ совершенно не понялъ теоретическаго значенія всего построенія Родбертуса, полагая, что весь смыслъ его теоріи лежитъ въ желаніи конституировать для людей цѣнность, какъ ихъ представленіе о вещахъ, о значеніи ихъ въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей. Штольцманъ съумѣлъ показать — и въ этомъ его заслуга — утопичность всѣхъ предположенныхъ исчисленій согласно съ трудовой стоимостью, но не замѣтилъ, гдѣ то здоровое зерно, которое важно и при анализѣ мечтаній о будущемъ, и для правильнаго пониманія проблемъ настоящаго.

Вотъ всѣ существенныя возраженія г. Штольцмана, сведенныя въ четыре положенія:

1. Граждане соціальнаго государства Родбертуса, полагаетъ Штольцманъ, не будутъ опредѣлять цѣнности продукта изъ издержекъ, изъ стоимости, а, напротивъ, издержки на производство продуктовъ будутъ опредѣляться соотвѣтственно значенію потребностей и необходимости ихъ удовлетворенія. Распредѣлять можно только тогда, когда на лицо имѣются уже реальные предметы и *когда цѣнность ихъ опредѣлена.* Теоретики подобные Родбертусу, выводятъ цѣнность изъ стоимости, не замѣчая того, что ранѣе согласно шкалѣ потребительной цѣнности (Bedürfnissbefridigunswert) получается маштабъ, на основаніи котораго въ отдѣльныхъ производствахъ опредѣляются издержки, предстоящія сдѣлать.

2. Осуществленіе идеала трудовой цѣнности въ Родбертусовскомъ соціальномъ государствѣ выразится въ ближайшемъ будущемъ въ дракахъ передъ магазинами, ибо каждый будетъ стремиться получить тѣ продукты, которые имѣютъ большую потребительную цѣнность, чѣмъ означенная на нихъ трудовая стоимость — цѣнность. Получившіе такіе продукты стали бы затѣмъ ихъ перепродавать другимъ и, такимъ образомъ, ренты, въ которыхъ Родбертусъ видитъ все несчастіе современныхъ обществъ, не исчезли бы, а попали въ другія

31) см. l. c. стр. 73—92.

руки. „Вѣритъ ли Родбертусъ, пишетъ Штольцманъ, что его соціальнымъ гражданамъ будетъ совершенно все равно, получитъ ли кто либо изъ нихъ шампанское или бѣлое пиво, картофель или трюфели, рейнское или грюнебергское вино, хлопчато-бумажную или шерстяную матерію, бифштексъ или суповое мясо, при предположеніи, что всѣ эти продукты стоили одинаковое количество труда?“ Родбертусъ, разсуждаетъ Штольцманъ, исходитъ изъ представленія о схематически туманныхъ количествахъ предметовъ и объ ихъ уравненіи по цѣнности. Его ученіе было бы правильно, если бы у человѣка былъ только одинъ предметъ, въ которомъ онъ нуждался бы и производилъ, и если бы, къ тому же, онъ не имѣлъ разныхъ видовъ по качеству. Неравное благопріятствованіе природы, которое Родбертусъ хочетъ подарить нынѣ обездоленнымъ (Enterbten) заключается, однако, не только въ различныхъ по массѣ количествахъ, обладаемыхъ продуктовъ, но и различно оцѣниваемыхъ качествахъ благъ. Родбертусъ сильно ошибается, думая, что простое устраненіе рентъ и прибылей въ состояніи уничтожить ту „естественную прибавочную цѣнность“, которую получаютъ потому, что опредѣленныя земли, капиталы и виды труда пригодны для производства особенно разыскиваемыхъ благъ. Все построеніе Родбертуса имѣетъ существенный пробѣлъ. Если даже тотъ непосредственный матеріальный трудъ, который исполняетъ всѣ необходимыя операціи для изготовленіи готоваго блага въ послѣдней стадіи производства при наличныхъ орудіяхъ, матеріалахъ, подсобныхъ матеріалахъ и проч. можетъ представлять опредѣлимую величину при предположеніи, что эта послѣдняя стадія не даетъ на ряду съ производствомъ даннаго продукта еще другихъ какихъ либо побочныхъ продуктовъ, то совершенно не опредѣлимо $\frac{n}{x}$. Это $\frac{n}{x}$ должно представлять тотъ трудъ, который стоилъ матеріалъ и т. д. и x той части, которая была употреблена при непосредственной работѣ. Какимъ же способомъ опредѣлить x и такимъ образомъ цѣнность матеріала (Materialgüter)? На мѣсто n снова пришлось бы поставить $m_1 + \frac{n^1}{x}$, на мѣсто $n^1 — m_2 + \frac{n^2}{x}$ и такъ далѣе до темной безконечности. Задача на премію: какъ по ученію Родбертуса въ современномъ государствѣ или въ его соціальномъ государствѣ опредѣлить цѣнность яйца на основаніи затраченнаго для его производства посредственнаго и непосредственнаго труда? Мало того, въ большей части благъ совершенно невозможно исчислить количество труда, ибо въ одномъ и томъ же производительномъ про-

цессѣ работники однимъ и тѣмъ же трудомъ производятъ цѣлый рядъ продуктовъ различныхъ сортовъ. Ученіе „о соединенныхъ издержкахъ“ производства Милля и другихъ англійскихъ теоретиковъ — не пустой фантомъ, не исключеніе изъ общаго правила: оно должно быть распространено на безконечный рядъ продуктовъ.

4. Теоретически, полагаетъ, въ концѣ концовъ, Штольцманъ, нельзя возражать противъ возможности въ гипотетическомъ государствѣ Родбертуса обозначать и измѣрять изготовляемыя для раздѣла блага особою мѣрою цѣнности, единицею которой могъ бы служить средній день средняго работника. „Вся сумма національнаго продукта, которая распредѣляется единичнымъ работникамъ въ видѣ достающихся имъ отдѣльныхъ предметовъ единицы питанія (der ihnen zu gewährenden einzelnen Artikel des Nahrungseinheit) можетъ быть приравнена суммѣ выполненныхъ гражданами соціальнаго государства рабочихъ дней, но цѣнность отдѣльныхъ благъ національнаго продукта и соотвѣтственно единицъ питанія между собою должна была бы быть вычисленной и найденной сама по себѣ. Обѣ суммы національныхъ рабочихъ дней и національной цѣнности могли бы быть равны и взаимно поглощаться, но отдѣльные пункты одной и другой стороны не совпадутъ никогда“.

Штольцманъ полагаетъ, что было бы совершенно излишней, пустой игрой заводить въ соціальномъ государствѣ Родбертуса всѣ эти безчисленныя исчисленія и притомъ невозможныя. Граждане Родбертуса будутъ идти въ общественныя магазины только, какъ потребители, брать, что имъ нравится и задача національной соціалистической центральной власти въ сущности должна была бы сводиться только: а) къ правильному и достаточному производству въ соотвѣтствіи съ потребностями и б) къ установленію различныхъ для каждаго рода и качества труда вознагражденій. „Какая сила, задаетъ вопросъ Штольцманъ, будетъ опредѣлять величины этихъ вознагражденій и вообще будетъ въ состояніи удержать необходимую іерархію? Стремленіе людей возвышаться надъ другими и властвовать, естественное соперничество и борьба талантовъ — неуничтожимы въ человѣческой природѣ; они были основой и условіемъ культуры и останутся въ ней вѣчно“.

Проэктъ Родбертуса, конечно, утопія. Всѣ соціальныя планы, не выростающіе постепенно и незамѣтно изъ жизни всегда представляются намъ химерическими, хотя при этомъ мы часто забываемъ, что исторія послѣдовательно ломаетъ все старое и создаетъ новое, которое въ свое время казалось чистой невозможностью. Нелѣпо

теперь и спорить, возможно ли, чтобы какая либо организація съумѣла руководить національнымъ производствомъ, не только согласовать его съ многообразіемъ наличныхъ потребностей, но и обезпечить технической прогрессъ и культурное развитіе *свободно наростающаго населенія.* Врядъ ли кто станетъ отрицать и то, что исчисленіе трудовой стоимости въ каждомъ продуктѣ соціальнаго государства Родбертуса наложило бы на человѣчество такую массу сложнѣйшаго и невозможнаго труда, что заранѣе можно предполагать, что оно предпочло бы какую либо другую, быть можетъ, менѣе справедливую, но болѣе практичную систему распредѣленія. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ системы Родбертуса Кассель справедливо пишетъ, что вся эта масса исчисленій дѣлаетъ „право на полный продуктъ труда“ какимъ-то переутонченнымъ стремленіемъ раздѣлить все цѣлое національнаго производства на атомы, разложить производящее общество на „индивидуально содѣйствующіе факторы“ [32]). Въ соціалистической доктринѣ мы нерѣдко встрѣчаемся съ мыслью, что въ будущемъ государствѣ на ряду съ опредѣленной обязанностью труда будетъ создана возможность свободнаго и полнаго удовлетворенія своихъ потребностей, безъ такихъ мелочныхъ расчисленій чисто буржуазной справедливости, какъ предполагаетъ Родбертусъ. Во всѣ эти споры надеждъ и упованій мы входить не станемъ: возможно или невозможно проведеніе съ чисто хозяйственной точки зрѣнія принципа „полнаго права на продуктъ труда“, возможно ли установленіе особой іерархіи труда и своеобразнаго вознагражденія разныхъ видовъ труда — все это вопросы, которыя будутъ рѣшены не въ кабинетѣ, а въ борьбѣ жизни, которая разрѣшила вопросы рабства, крѣпостнаго права, поставила вопросъ о положеніи свободнаго труда и т. д. Дѣло историка подмѣтить тѣ слабые намеки, которые намъ даются современностью для сужденія о будущемъ. Утопія Родбертуса теоретически интересна вовсе не потому, что указываетъ намъ какіе либо возможные планы для ближайшаго будущаго. Онъ и самъ полагалъ возможнымъ осуществленіе своего соціальнаго государства не ранѣе, какъ чрезъ пятьсотъ лѣтъ. Въ этой неосуществимой утопіи есть нѣчто, что схва-

32) см. G. Kassel. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, Göttingen, 1900. Авторъ этого труда справедливо старается доказать, что доходъ общественнаго производства по существу составляетъ общественный результатъ и не можетъ быть приписанъ по частямъ отдѣльнымъ лицамъ. Невозможность осуществленія плана провозглашенія „полнаго права на продуктъ труда“ авторъ доказываетъ цѣлымъ рядомъ остроумныхъ соображеній, не всегда, однако, правильно толкуя Родбертуса.

чено изъ самой жизни, даетъ намъ многое для анализа прошлаго и настоящаго.

На мой взглядъ главная заслуга Родбертуса въ построенной имъ утопіи заключается въ томъ, что, констатировавъ фактъ дифференціальной производительности труда, онъ усмотрѣлъ яснѣе, чѣмъ кто либо другой, что вся исторія представляетъ ничто иное какъ своеобразный для каждой данной эпохи раздѣлъ продукта и дифференціальнаго продукта т. е. ренты, что существованіе ренты въ продуктѣ или что тоже прибавочнаго продукта есть первичный и основной моментъ въ анализѣ экономическихъ явленій. Въ своемъ соціальномъ государствѣ онъ и хочетъ въ натурѣ, въ продуктѣ раздѣлить это „неравное благопріятствованіе природы“, которое, по его мнѣнію, вызываетъ столько несчастій въ человѣческомъ обществѣ. Какъ теоретикъ современнаго строя Родбертусъ былъ часто склоненъ, подобно Рикардо, выводить цѣнность изъ стоимости, какъ теоретикъ-утопистъ онъ шелъ гораздо болѣе правильною дорогою, утверждая, что трудовая стоимость только маштабъ для распредѣленія, что найдя этотъ маштабъ мы еще не создаемъ какой либо теоріи цѣнности или цѣны. Вѣрнѣе, даже совершенно упраздняемъ наше современное представленіе о цѣнности и о трудовой цѣнности въ особенности.

Штольцманъ совершенно неправъ, полагая, что распредѣлять можно только тогда, когда мы имѣемъ дѣло уже съ готовыми цѣнностями. Людямъ важно имѣть не цѣнности, а продукты извѣстныхъ свойствъ и качествъ, именно только продукты и лишь теперешняя стадія хозяйственнаго развитія дѣлаетъ продукты сначала мѣновыми цѣнностями и уже потомъ опредѣляетъ доли участниковъ производства. Оспаривая самую возможность предполагаемой организаціи производства въ полномъ соотвѣтствіи съ потребностями, Штольцманъ стоялъ бы на твердой почвѣ. Но допустивъ возможность такой организаціи, Штольцманъ долженъ совершенно отказаться отъ нашего представленія о цѣнности. На мѣсто этого нашего представленія становится тотъ правовой для даннаго государства титулъ, на основаніи котораго отдѣльный человѣкъ получаетъ право получать то, что желаетъ.

Родбертусъ могъ бы сказать Штольцману: „я вовсе не создаю теоріи цѣнности и если пользуюсь словами „трудовая цѣнность“, то это только пережитокъ той обстановки представленій, которая меня окружала. Я вовсе не создаю теоріи цѣнности, какъ представленіе людей о потребныхъ имъ вещахъ, а теорію справедливаго вознагражденія труда изъ той массы продукта, которая произведена въ извѣ-

стныхъ техническихъ и природныхъ условіяхъ по заранѣе расчисленному предположенію о наличныхъ потребностяхъ. Если разсчеты оказались неправильными, могутъ выйдти временныя затрудненія, но гдѣ ихъ не бываетъ? Если потребное количество продуктовъ даннаго рода оказалось недостаточно сравнительно съ спросомъ, надо расширить производство этихъ предметовъ; если это невозможно, надо найдти какую либо особую формулу для ихъ распредѣленія. Противъ неизбѣжной ограниченности въ количествѣ или качествѣ, по естественнымъ ли условіямъ или по недостатку рабочихъ силъ, общество, какъ и отдѣльное лицо, ничего сдѣлать не въ состояніи. Пока же продукты опредѣленнаго качества могутъ производиться въ любомъ количествѣ, качество имѣетъ такое же значеніе, какъ и количество, а качества вещей, посколько они дарованы природой, должны быть такимъ же общимъ достояніемъ, какъ и количества. Самъ Штольцманъ видитъ, что, получивъ представленіе о дифференціальной производительности труда, общество должно дать, если невозможно исчисленіе стоимости продукта согласно труду, справедливое для него вознагражденіе. Исторія и представляетъ ничто иное какъ процессъ выработки этого вознагражденія, а въ связи съ нимъ и создаются причудливыя формы продуктовъ и ихъ своеобразныя оцѣнки".

Для всякаго ясно, что трудовая цѣнность Родбертуса нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то представленіе, которое мы связываемъ съ этими словами подъ вліяніемъ ученій классической школы и Маркса. Туганъ-Барановскій играетъ словами, когда относитъ къ будущему „господство трудовой цѣнности". Тамъ могъ бы существовать только трудовой маштабъ распредѣленія, но не представленіе о трудовой цѣнности въ нашемъ смыслѣ. Играть словами всегда опасно, если въ нихъ заключаются совершенно разныя представленія. Это тѣмъ опаснѣе въ данномъ случаѣ, ибо, разсуждая о будущемъ, мы беремся судить о представленіяхъ людей о вещахъ, не имѣя на то никакого права, кромѣ убѣжденія, что люди всегда люди. Это такъ, но рѣшится ли кто сравнить современнаго европейца съ дикаремъ и предсказать тѣ видоизмѣненія, которые въ будущемъ могутъ произойти въ человѣческомъ обществѣ, его учрежденіяхъ и въ самомъ типѣ человѣка?

Я также охотно поставилъ бы два вопроса на премію для г. Штольцмана; я хотѣлъ бы знать, какую цѣнность люди будутъ придавать брилліантамъ въ соціалистическомъ обществѣ и во сколько разъ дороже они будутъ цѣнить берлинское бѣлое пиво сравнительно съ французскимъ шампанскимъ? Постановка такихъ вопросовъ не

имѣетъ смысла. Штольцманъ конечно правъ, считая совершенно невозможнымъ разрѣшить съ точки зрѣнія Родбертуса, какова трудовая стоимость яйца, но онъ впадаетъ и самъ въ нелѣпость, когда, привыкнувъ къ извѣстной обстановкѣ, онъ начинаетъ гадать, какъ сложатся представленіе людей о вещахъ, какъ о цѣнностяхъ, когда общественный процессъ производства будетъ организованъ соотвѣтственно съ потребностями. Марксъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ неясно, но именно такъ какъ это слѣдовало сдѣлать: время, посвящаемое на производство потребныхъ вещей, будетъ зависить отъ ихъ полезности, но предвидѣть каковы будутъ представленія людей о вещахъ, о ихъ полезности мы не въ состояніи[33]). Мы можемъ только предполагать, что и тогда, какъ и теперь, представленія людей о разныхъ вещахъ будутъ разнообразны, что на ряду съ дифференціальной производительностью труда, которая всегда будетъ обусловливать то, что трудъ является только относительной, а не абсолютной стоимостью, будетъ существовать и дифференціація потребностей, но какъ разрѣшено будетъ удовлетвореніе этихъ потребностей мы знать и предвидѣть не можемъ, какъ не могъ предвидѣть среднѣвѣковый житель того состава потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія, которое мы имѣемъ въ данное время. Такимъ образомъ, и Штольцманъ, и Туганъ-Барановскій ошибаются, когда полагаютъ, что Родбертусъ видитъ въ своемъ соціальномъ государствѣ торжество „трудовой цѣнности“ въ смыслѣ совпаденія представленій о цѣнности вещей съ количествомъ заключеннаго въ нихъ труда. Родбертусъ отлично знаетъ, что его трудовая цѣнность представляетъ раздѣлъ неравной производительности и только способъ вымѣна благъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ трудовой энергіи, поставленной каждымъ индивидомъ для производства всего національнаго продукта. Онъ оставляетъ представленія людей въ сторонѣ и изъ обширнаго запаса благъ позволяетъ выбирать желаемое представителямъ труда, за вычетомъ необходимой доли на поддержаніе другихъ, кромѣ производственныхъ, необходимыхъ учрежденій соціальнаго государства, при чемъ одинъ день самаго непроизводительнаго, но необходимаго труда, будетъ получать столько же, сколько одинъ день самаго производительнаго труда. Для разныхъ видовъ и качествъ труда полу-

33) Марксъ пишетъ: „въ будущемъ обществѣ, гдѣ исчезнетъ классовое противорѣчіе, потребленіе будетъ зависить не отъ *минимума* времени производства, но время производства, которое посвящаютъ на изготовленіе различныхъ продуктовъ, будетъ зависить отъ ихъ общественной полезности“. см. Elend der Philos. 3 изд. 1895 г., стр. 38.

чится своеобразное право участія въ совокупномъ національномъ продуктѣ и формула трудовой цѣнности Маркса, согласно которой эта цѣнность прямо пропорціональна количеству труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ, обращается въ совершенно иную. Каждый получаетъ право черпать изъ общей сокровищницы національнаго продукта прямо пропорціонально количеству труда и прямо пропорціонально совокупной общественной производительности. Очевидно, представленіе Родбертуса о трудовой цѣнности и таковое же Маркса и всѣхъ теоретиковъ его школы безконечно иное и смѣшивать эти представленіе неправильно. Немудрено, что для Родбертуса сохраненіе соціальной идеи въ экономіи гораздо возможнѣе и обоснованнѣе, чѣмъ при помощи тѣхъ психологическихъ туманностей и объективныхъ ошибокъ, къ которымъ прибѣгаютъ гг. Франкъ и Туганъ-Барановскій. Эта соціальная идея не можетъ исчезнуть, разъ существуетъ въ экономіи представленіе о рентѣ, какъ о чемъ то вытекающемъ неизбѣжно даже при полномъ отсутствіи наличныхъ, капиталистическихъ соціальныхъ условій.

Этимъ я не хочу сказать, чтобы Родбертусъ правильно и окончательно понялъ и истолковалъ этотъ принципъ дифференціальной производительности труда. Нѣтъ, онъ далъ ему только первое элементарное истолкованіе и не всегда былъ послѣдователенъ. Чрезвычайно характерно, что одинъ изъ нашихъ народниковъ[34]) въ числѣ возраженій противъ осуществленія идеи Родбертуса о нормальномъ вознагражденіи за нормальный трудъ въ переживаемую нами эпоху выставляетъ по существу тоже возраженіе для настоящаго, что и Штольцманъ для будущаго. По мнѣнію Николай — она „проектъ Родбертуса“ не можетъ „разрѣшить противорѣчіе“ присущее капиталистическому хозяйству, ибо въ немъ путемъ процессовъ обмѣна сначала устанавливается цѣнность продукта, а затѣмъ уже наступаетъ ея раздѣлъ. Цѣнность продукта можетъ, несмотря на коллосальный ростъ производительности труда, въ данной отрасли промышленности, пасть такъ низко, что фабрики будутъ получать только убытки и дѣлить-то согласно труду будетъ нечего. Штольцманъ возражаетъ Родбертусу, что кромѣ неравнаго благопріятствованія природы есть еще какая то „прибавочная цѣнность“, которая получается потому, что опредѣленныя земли, капиталы и виды труда пригодны для производства особенно разыскиваемыхъ благъ. Эти возраженія, если ихъ

34) см. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства, Спб., 1903 г. стр. 351—353.

отнести къ современности, показываютъ, что указанные авторы недостаточно вдумались въ то различіе, которое Родбертусъ проводитъ между рентой, которая производится физическими условіями нашего существованія и той, которая зависитъ отъ соціальныхъ условій нашего существованія. Какъ увидимъ, самъ Родбертусъ отлично сознаетъ неполноту установленнаго имъ ученія о дифференціальной производительности труда. Мало того, у Родбертуса существуетъ даже сознаніе, что исчисленіе стоимости каждаго даннаго продукта дѣло безконечно трудное, если даже не невозможное. Онъ, поэтому, часто, въ противорѣчіе съ основной своей точкой зрѣнія, пытается вступить на болѣе практичную дорогу опредѣленія нормальнаго вознагражденія за нормальный трудъ и прибѣгаетъ къ тому маштабу, который Штольцманъ называетъ „единицей питанія“, а Мальтусъ, за нимъ Милль и безконечный рядъ другихъ теоретиковъ, называютъ „необходимымъ содержаніемъ“, величиной вѣчно подвижной и измѣняющейся. Смутно сознавая значеніе этой величины для опредѣленія дифференціальной производительности труда въ нашихъ экономическихъ условіяхъ, онъ и пытается нормированіемъ платы не „разрѣшить“, а найдти только „относительное рѣшеніе“ нашимъ соціальнымъ неурядицамъ. Этотъ маштабъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, поможетъ намъ дать совершенно иное истолкованіе идеѣ дифференціальной производительности труда, истолкованіе, пріобрѣтающее историческій характеръ и выясняющее тѣ противорѣчія, которыя отмѣчены Штольцманомъ и Николай — ономъ. Законъ ренты при помощи этого маштаба, какъ мы увидимъ, раскроется во всей своей полнотѣ и значеніи.

Такимъ образомъ, мы увидимъ тогда окончательно, что сохраненіе соціальной идеи въ экономіи достижимо вовсе не путемъ укрѣпленія въ умахъ „ложной идеи трудовой цѣнности“, а установленіемъ закона ренты во всемъ его всеобъемлющемъ значеніи для будущаго, и для настоящаго.

Какъ психологическій фактъ, какъ мы старались доказать, трудовая цѣнность не можетъ быть доказана, какъ единая и абсолютная трудовая стоимость — она противорѣчитъ всѣмъ даннымъ объективнаго анализа. Мы видѣли выше, что г. Франкъ сочувственно цитируетъ Маркса, что представленіе о трудѣ, какъ источникѣ цѣнности могло возникнуть только тогда, когда идея „человѣческаго равенства“ получила прочность народнаго предразсудка. Я готовъ всегда и вездѣ привѣтствовать эту идею гражданскаго и человѣческаго равенства, готовъ радоваться, если она дѣйствительно получила прочность народнаго предразсудка. Пусть эта великая идея крѣпнетъ и развивается,

но изъ нея вовсе не вытекаетъ чего либо такого, что было бы обязательно для экономиста — теоретика, изучающаго реальныя явленія экономической жизни. Если изъ этой идеи „равенства и равноцѣнности труда“, которая ничего не говоритъ кромѣ того, что въ нашемъ обществѣ привыкли придавать равное значеніе всѣмъ видамъ общественно-необходимаго труда, какъ одной и той же тратѣ нервной и мускульной энергіи, и не относиться къ матеріальному труду съ презрѣніемъ, столь характернымъ для былыхъ временъ, вытекло ученіе о „трудовой цѣнности продуктовъ“, которое самъ г. Франкъ не считаетъ приложимымъ для объясненія экономическихъ явленій, то, очевидно, такъ „называемое культурно-правовое міровоззрѣніе“ г. Франка смѣшиваетъ воедино двѣ несогласимыя идеи. Гражданское равенство, какъ подчиненіе всѣхъ единымъ законамъ и равное право на защиту, человѣческое равенство, какъ самоцѣльность и равнозначность всякихъ человѣческихъ существъ, какъ таковыхъ, не есть еще равенство людей, какъ активныхъ производительныхъ силъ, не есть еще равенство въ распредѣленіи неравныхъ, по самой природѣ вещей, матеріальныхъ производительныхъ силъ, не есть еще справедливый раздѣлъ добытаго продукта согласно съ „трудовой цѣнностью“. Я могу совершенно спокойно признавать, что трудъ мясника и земледѣльца одинаково почтенны и общественно-необходимы, что оба они совершенно равныя человѣческія существа, имѣютъ равное право на жизнь, счастіе и вознагражденіе изъ общественно-созданнаго національнаго продукта; но отсюда я не имѣю никакого права заключать, что цѣнности, произведенныя трудомъ одинаковыхъ качествъ и временъ, равны и — необходимо трудовыя цѣнности, если я знаю, что даже въ государствѣ съ общественной собственностью внѣшнія условія создаютъ дифференціацію въ производительности труда, а въ нашихъ экономическихъ условіяхъ, гдѣ равенство и равноцѣнность труда признаются, какъ фактъ одинаковой почтенности и необходимости всякаго труда, вознагражденіе труда совершается на своеобразныхъ началахъ, причемъ органами созданія и раздѣла продукта являются не только трудъ, но и орудія производства[35]).

Соціальную идею въ экономію нельзя сохранить игрой словъ: „равенство и равноцѣнность труда“. Она получаетъ разумное, объективное обоснованіе только на почвѣ закона ренты, который вовсе

35) Шефле много лѣтъ назадъ писалъ: „Kapitalistisch verwertete Arbeit kann daher auch nicht gesellschaftliches Wertmaas werden. Bau und Leben, 2 B., 1896 г., стр. 306.

не необходимо связанъ съ трудовою цѣнностью. Этотъ предразсудокъ мы и устранимъ въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи.

II. Четыре основные принципы теоріи обмѣна.

§ 1. Международный обмѣнъ и равенство прибыли.

Не думаю, что должна существовать одна теорія для международнаго обмѣна, другая для внутренняго. Разумныхъ основаній для построенія особой теоріи международной торговли, какъ я сейчасъ покажу, нѣтъ и быть не можетъ. Эта теорія имѣетъ въ наукѣ историческое значеніе лишь потому, что при разработкѣ ея были выдвинуты на первый планъ тѣ истины, которыя должны быть положены въ основу общей и единой теоріи обмѣна.

Теорія международной торговли, впервые данная Рикардо, получила наиболѣе полное выраженіе и развитіе въ трудахъ Д. С. Милля и Д. Э. Кернса[36]) и съ тѣхъ поръ разрабатывается, главнымъ образомъ, въ Англіи. Въ числѣ наиболѣе ревностныхъ ея защитниковъ мы можемъ отмѣтить англичанъ: Эджуорта, Бастэбля[37]), Маршала, италіанцевъ: Рикка Салерно[38]) и Лоріа, американца-Тоссига[39]) и друг. Не мало противниковъ эта теорія имѣетъ и въ самой Англіи, въ числѣ ихъ слѣдуетъ назвать Рэкскина, Маклеода, Клиффъ-Лесли, Шэдуэлля, Сайджвика, а среди континентальныхъ ученыхъ она по общему правилу не имѣетъ большаго успѣха, иногда даже совершенно отрицается при догматическомъ изложеніи предмета и постоянно, однако, выплываетъ при практической аргументаціи.

Самыя противоположныя взгляды на эту теорію держатся въ литературѣ. Проф. Ингрэмъ[40]) находитъ ученіе Рикардо о международной торговлѣ „справедливымъ и интереснымъ“, но въ тоже время замѣчаетъ, что Кернсъ слишкомъ „велерѣчиво“ говоритъ о немъ, какъ „о чемъ-то раскрывающемъ тайны“. Покойный Адольфъ

---

36) см. Д. С. Милль. Основанія П. Э. и D. E. Cairnes. Some Leading Principles, Кн. III, L. 1874.

37) см. его The Theory of International Trade, 3 изд., L. 1900. Б. подробно излагаетъ взгляды Курно, Сайджвика, Шэдуэлля и отлично показываетъ, что эти писатели не дали для теоріи чего-нибудь существенно важнаго и доказательнаго.

38) см. его Protecionismo e libero scambio nei paesi vecchi e nei nuovi, Palermo, 1895 г. и La Theoria del Salario, Palermo, 1900 г.

39) The Tariff History of Un. States, 2 изд. 1896 г.

40) см. Исторія П. Экон., р. пер. 2 изд. стр. 190.

Гольдъ [41]) относился въ этой теоріи съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и видѣлъ въ ней только „простой курьезъ“ экономической литературы, хотя, какъ это часто бываетъ со многими, никакихъ существенныхъ возраженій по существу теоріи онъ не привелъ и переносилъ нѣкоторыя изъ положеній этой теоріи и на внутренній обмѣнъ. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ также представляется, что эта теорія является одновременно и курьезомъ, и даетъ цѣлый рядъ истинъ, которыми въ исправленномъ видѣ давно слѣдуетъ воспользоваться для перестройки общей теоріи обмѣна.

Не случайно обстоятельство, что эта теорія по старому не выходитъ изъ обсужденія со страницъ англійскихъ писателей. Они всего болѣе хранятъ лучшія традиціи классической школы и разработка вопросовъ о международной торговлѣ была, и надолго еще будетъ, для нихъ вопросомъ жизни. Эта торговля создала и поддерживаетъ ихъ промышленное могущество и, разсуждая о торговлѣ, они и создали свою, ставшую впослѣдствіи міровой, „британскую теорію экономики“. Въ этой традиціи есть здоровое зерно. Въ сущности, все ученіе о международной торговлѣ Рикардо есть ничто иное, какъ ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ, о своеобразныхъ условіяхъ его производительности и раздѣла ея на рынкѣ. На континентѣ ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ пріобрѣло громадную популярность благодаря трудамъ Маркса, но, по существу, оно было уже дано Рикардо въ его ученіи о сравнительныхъ издержкахъ производства. Къ сожалѣнію, это ученіе связано съ цѣлымъ рядомъ ошибокъ и вредныхъ деталей, которымъ было придано чрезмѣрное значеніе и которые давно пора выбросить за бортъ. Немудрено, поэтому, что континентальный ученый, въ отличіе отъ своего собрата по наукѣ англичанина, смотритъ на ученіе о международной торговлѣ, какъ на простой курьезъ: все разумное въ этой теоріи онъ связываетъ съ ученіемъ объ общественномъ-необходимомъ трудѣ, а проникать въ детали англійской теоріи международной торговли онъ не желаетъ: онѣ, какъ выражается напр. Лорини [42]) „сложны и опасны“. Въ Англіи ученіе Маркса получило очень слабое распространеніе: англійскій ученый привыкъ удовлетворяться анализомъ принципа сравнительныхъ издержекъ производства, его болѣе удовлетворяетъ подвижная формула: труда производства и труда пріобрѣтенія, онъ ясно видитъ, что „детали ученія Маркса“ объ общественно-необходимомъ трудѣ еще „опаснѣе, сложнѣе и схоластичнѣе“.

41) см. Jahrbuch für Gesetzgebung, B. III. p. 179—182.

42) см. его La Moneta et il principio del costo comparativo, p. 82—84.

Въ чемъ же сущность теоріи Рикардо, должно ли ее считать чѣмъ то совершенно особымъ, какой-то спеціальной теоріей обмѣна и гдѣ тѣ истины, которыми слѣдуетъ воспользоваться при переработкѣ общаго ученія объ обмѣнѣ?

Маклеодъ[43]) справедливо возражалъ противъ обособленія ученія о международной торговлѣ въ спеціальную теорію и писалъ: „если экономія является естественной наукой и если изслѣдователь въ ея области долженъ пользоваться методами естественныхъ наукъ, то существеннымъ условіемъ самаго бытія этой науки должно быть стремленіе, чтобы всѣ явленія были сведены въ ней къ одной великой, общей теоріи". Онъ разумно видѣлъ, что теорія обмѣна должна быть едина и мы обязаны найдти въ ней единый принципъ или единыя начала, если ихъ нѣсколько, которыя объясняли бы намъ всю совокупность явленій во всемъ ихъ сложномъ существѣ и многообразіи.

Бастэбль, главный защитникъ обособленія теоріи международной торговли, слишкомъ легко раздѣлывается съ точкой зрѣнія Маклеода. „Аргументъ отъ простоты, пишетъ онъ, есть ничто иное, какъ старое схоластическое правило, будто „природа дѣйствуетъ всегда простѣйшими средствами" и не нуждается въ опроверженіи". „Защитники этихъ возраженій (т. е. тѣ, которыя требуютъ общаго начала для теоріи обмѣна) само собою несогласны въ своихъ общихъ взглядахъ на экономію, ибо нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ Рикардіанскую доктрину объ издержкахъ производства, какъ главный регуляторъ цѣнности, тогда какъ другіе или ссылаются на неопредѣленное представленіе о „спросѣ" или прибѣгаютъ къ указаніямъ на нравственныя и человѣческія соображенія".

Съ такою аргументаціей едва ли можно согласиться и она обнаруживаетъ, какъ мало Бастэбль вдумался въ общее ученіе классиковъ и въ ихъ теорію международнаго обмѣна. Безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ избѣгать теорій, которыя, ради простой идеи единства, стремятся игнорировать сложность экономическихъ явленій, ихъ зависимость отъ многообразныхъ факторовъ, но всѣ успѣхи знанія, а въ частности и политической экономіи, выросли на почвѣ стремленій свести сложное къ вліянію простѣйшихъ, могущественнѣйшихъ дѣятелей и найдти аналогію, а, если возможно, единство тамъ, гдѣ оно реально существуетъ, хотя и трудно различимо безъ болѣе глубокаго анализа. Большинство ученыхъ шло дорогою Маклеода и только по недоразумѣнію склонно было считать международную тор-

43) Бастэбль l. c. стр. 6—7, Маклеодъ, Elements of Economics, т. I. стр. 104.

говлю за исключеніе изъ общей теоріи обмѣна, тогда какъ принципы обмѣна вездѣ одни и тѣже, и только тѣ или другія стороны ихъ получаютъ то тамъ, то здѣсь болѣе сильное выраженіе. Два такихъ принципа, имѣющихъ универсальное значеніе во всякой теоріи обмѣна, были впервые ясно констатированы въ теоріи международной торговли: а) принципъ рѣдкости (или количествъ) и б) принципъ дифференціальной производительности труда, для котораго ученіе о стоимости или издержкахъ необходимо лишь для опредѣленія размѣра остаточнаго продукта т. е. основнаго источника ренты въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Тирада Бастэбля противъ „спроса и человѣческихъ соображеній“ показываетъ именно то, что забываетъ подчеркнуть этотъ писатель. Воспитанный на произведеніяхъ классической школы онъ привыкъ подъ спросомъ видѣть не нѣчто безплотное, духовное, а только духъ, вооруженный матеріей, только въ той мѣрѣ и цѣнимый экономикой, поскольку для „духовнаго“ — потребностей — у него имѣется „матеріальное“. Бастэбль забываетъ подчеркнуть, что классическая школа, кромѣ принципа издержекъ, знала еще и необходимый его коррелатъ, который она неизмѣнно ставила на ряду съ нимъ, никогда не игнорировала и который съ особенной силой былъ подчеркнуть ею въ теоріи международной торговли, а именно: *всякій обмѣнъ, прежде чѣмъ быть обмѣномъ цѣнностей, есть обмѣнъ количествъ продукта и производительныхъ силъ.*

Одинъ изъ боевыхъ и имѣвшихъ большой успѣхъ аргументовъ школы Бэмъ-Баверка противъ трудовой теоріи цѣнности заключался въ томъ, что въ теоріи Рикардо и его послѣдователей нѣтъ единства, она не покоится на какомъ нибудь единомъ общемъ принципѣ. Эта школа-де знала два закона цѣнностей: одинъ для рѣдкихъ предметовъ, другой для предметовъ увеличиваемыхъ по произволу. Нѣтъ ничего нелѣпѣе этого возраженія. Рикардо въ этомъ отношеніи пишетъ прямо: „предметы, обладающіе полезностью, заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ: рѣдкости и количества труда, необходимаго на ихъ добываніе“. Это вовсе не два раздѣльныхъ принципа, а единый принципъ, который имѣетъ значеніе для всего міра обмѣна, но сила дѣйствія того или другого принципа примѣнительно къ разнымъ товарамъ можетъ видоизмѣняться. Рикардо отказывается отъ анализа мѣновой цѣнности тѣхъ предметовъ, гдѣ первый принципъ имѣетъ преобладающее значеніе, но „рѣдкость“ есть для него столь же универсальный принципъ, какъ и затрата труда и по простой причинѣ. Ни Рикардо и ни одинъ изъ его послѣ-

дователей никогда не отрицалъ значенія количества при построеніи теоріи мѣновой цѣнности, ибо *„рѣдкость“ — есть ничто иное, какъ ограниченность въ количествѣ предметовъ данныхъ качествъ сравнительно съ спросомъ, соединеннымъ съ необходимымъ же количествомъ покупательныхъ средствъ.* И Рикардо, и Д. С. Милль, построя свою теорію международной торговли, постоянно смотрятъ на нее, какъ на обмѣнъ *количествъ продукта.* Они въ данномъ случаѣ, какъ бы благоразумно оставляютъ свою привычку сопоставлять цѣнности продуктовъ, а прежде всего сопоставляютъ ихъ количества, простыя количества или качественныя количества. Все ученіе о цѣнности денегъ Рикардо съ его количественной теоріей, все ученіе о равнозначительности спроса и предложенія, на которомъ такъ настаиваетъ Кернсъ, усиленно подчеркивая, что предложеніе есть количество продуктовъ и спросъ есть тоже ничто иное, какъ количество продуктовъ и, наконецъ, вся теорія международной монополіи показываетъ, что *количество* — этотъ объединяющій всѣ цѣнности элементъ — не только былъ принятъ классиками во вниманіе, но ему во многихъ случаяхъ даже было придано чрезмѣрное значеніе. У Рикардо мы даже иногда встрѣчаемъ замѣчаніе, что „цѣнность есть количество“ [44]), но онъ во время останавливается и не позволяетъ себѣ сдѣлать того вывода, который предлагаетъ Маклеодъ, утверждающій, что цѣнность есть ничто иное, какъ „мѣновое отношеніе количествъ“. Мальтусъ усиленно подчеркиваетъ, что монополіями, естественными или искуственными, онъ считаетъ только тѣ, гдѣ спросъ совершенно независитъ и чуждъ предложенію, доставленію того или иного количества продукта на рынокъ [45]). Однимъ словомъ, количество или рѣдкость есть такой же универсальный принципъ, какъ и затрата труда. Одна неточность въ тирадѣ Рикардо, какъ увидимъ, послужила основаніемъ для массы чисто схоластическихъ возраженій и даже повредила самому Рикардо, который вообще былъ крайне не точенъ въ своихъ выраженіяхъ. Рикардо писалъ: „несравненно большая часть тѣхъ предметовъ, которыми желаютъ обладать люди можетъ быть увеличиваема

44) см. Letters of Ricardo to Malthus, стр. 4. Бонаръ въ примѣчаніи пишетъ: „so on june 12-th Ricardo says: „quantity regulates the value of every thing“, though it is also true (he says in a speech of May 9, 1822) „that the price of every commodity is constituted by the wages of labour and the produce of stock“. Бонаръ ставитъ послѣ слова „produce“ — sic! — продуктъ капитала — количественный результатъ участія капитала въ производительномъ процессѣ. Мы увидимъ, какъ цѣнно это случайное замѣчаніе Рикардо.

45) см. On rent, въ нѣмецкомъ изданіи Лезера, стр. 46.

до такого предѣла, который почти безграниченъ, если мы *расположены* расходовать *трудъ*, необходимый на ихъ добываніе". Эту тираду мы предложили бы исправить такъ: „если мы *имѣемъ возможность* затрачивать *производительныя силы*, необходимыя на ихъ добываніе". Все ученіе о международной торговлѣ противорѣчитъ этой идеѣ, будто *только трудъ составляетъ ограниченное для неограниченнаго, такимъ же ограниченнымъ количествомъ является: земля и капиталъ*. Итакъ, первое, что даетъ намъ теорія международнаго обмѣна — это то, что *обмѣнъ есть прежде всего обмѣнъ количествъ продукта и принципъ количества, такое же универсальное начало, какъ и принципъ затратъ* труда, который такое же ограниченное количество, какъ и другія производительныя силы.

Традиція въ наукѣ имѣетъ громадное значеніе. Къ извѣстнаго рода положеніямъ научные дѣятели привыкаютъ, они принимаются за безспорное, безъ критики. Эти положенія часто бываютъ одновременно и фактами, и фантомами. Фактами потому, что они констатируютъ нѣкоторыя имѣющіяся въ дѣйствительности явленія, фантомами потому, что объясненіе этихъ фактовъ и основанія, по которымъ имъ придается чрезвычайно важное значеніе, основывается на призрачныхъ аргументахъ. Къ числу такихъ фактовъ-фантомовъ принадлежитъ и то второе основаніе, благодаря которому англійскіе экономисты классической школы настаивали на созданіи особой теоріи международной торговли. Кернсъ, съ наибольшей талантливостью изложившій англійскую теорію международной торговли, находилъ, что можетъ быть указано два факта, существованіе которыхъ оправдываетъ наличность особой теоріи предмета. „Главный фактъ, какъ выражался онъ, полагающій различіе между народами и создающій особыя условія въ промѣнѣ товаровъ", заключается въ невозможности или затруднительности эквализаціи заработныхъ платъ и прибылей подъ вліяніемъ подвижности труда и капитала. „Другой фактъ: „приспособленіе промышленныхъ операцій къ спеціальнымъ особенностямъ мѣстностей и лицъ" — онъ считалъ второстепеннымъ. Спеціальнымъ особенностямъ мѣстностей онъ еще придавалъ нѣкоторое значеніе, „личный же факторъ", по его мнѣнію не играетъ большой роли въ международной торговлѣ.

Если мы откроемъ изслѣдованіе Бастэбля о международной торговлѣ, напечатанное чрезъ тридцать лѣтъ послѣ изданія труда Кернса, то мы найдемъ здѣсь тоже основаніе — невозможность эквализаціи платъ и прибылей — въ качествѣ аргумента для обособленія теоріи международной торговли, но наличность массы новыхъ для

нашего времени фактовъ заставляетъ автора придавать этому аргументу расплывчатый, неопредѣленный характеръ. Вотъ что пишетъ Бастэбль[46]): „передвиженіе труда и капитала существуетъ; точный размѣръ заработныхъ платъ и прибылей, который вызываетъ передвиженіе этихъ производительныхъ дѣятелей изъ страны въ страну можетъ быть опредѣленъ только путемъ наблюденія и видоизмѣняется въ разное время и на разныхъ мѣстахъ, но затрудненія въ такомъ передвиженіи существуютъ; къ нимъ присоединяются еще различія въ монетѣ, въ торговопромышленномъ законодательствѣ, особенности языка и чувствованій, словомъ существованіе національнаго характера въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; существуя совершенно независимо отъ ихъ вліянія на производство, или по крайней мѣрѣ увеличивая трудность этого передвиженія, эти обстоятельства вполнѣ оправдываютъ существованіе особой теоріи международной торговли". Исходя изъ такихъ соображеній онъ пишетъ далѣе: „въ общемъ, старое и издавна установившееся названіе международная торговля удержалось и по достаточнымъ основаніямъ, ибо, хотя неподвижность производительныхъ дѣятелей и можетъ представляться недостаточнымъ основаніемъ для опредѣленія границъ между народами въ экономическомъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что политическія и экономическія границы часто совпадаютъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что оба эти вида силъ реагируютъ другъ на друга. Отсутствіе свободной и постоянной циркуляціи труда и капитала поддерживаетъ политическія различія; къ причинамъ указаннымъ выше можно еще присоединить спеціально экономическія вліянія различныхъ денежныхъ и финансовыхъ системъ. Дѣйствіе таможенныхъ преградъ также могущественное средство для обособленія націй. Съ точки зрѣнія соціальной науки вообще, мы можемъ сказать, что международная торговля есть торговля между „обществами" т. е. между различными соціальными организмами, которыя соціологія считаетъ предметомъ своего изслѣдованія".

Основная идея Кернса ясна и опредѣленна. Главный фактъ для него *„эквализація платъ и прибылей подъ вліяніемъ подвижности промышленныхъ дѣятелей и ихъ соперничества"*. Когда классики говорятъ о націи, какъ о группѣ производителей, среди которыхъ трудъ и капиталъ циркулируютъ свободно, это, по крайней мѣрѣ, понятно, хотя и не вполнѣ вѣрно, что чувствовалъ и самъ Кернсъ, раздѣливъ все національное цѣлое на рядъ такъ называемыхъ не-

46) см. l. c. стр. 10 и слѣд.

соперничествующихъ группъ, между которыми обмѣнъ идетъ на началахъ какъ бы международнаго торга [47]). Еще понятнѣе, опредѣленнѣе и вѣрнѣе представленіи о націи, какъ о единомъ политическомъ тѣлѣ съ многообразными подраздѣленіями людей, грубо и приблизительно соединяемыя нами въ тѣ или иные соціальныя классы. Классики, а въ числѣ ихъ и Кернсъ исходятъ изъ убѣжденія, что самое представленіе о международномъ обмѣнѣ должно исчезнуть, когда народы такъ сблизятся, что соперничество людей и капиталовъ будетъ повсемѣстно вырабатывать одинаковыя заработныя платы и прибыли общественнымъ классамъ въ предѣлахъ разныхъ политическихъ тѣлъ.

Когда Бастэбль говоритъ объ международномъ обмѣнѣ, какъ „объ обмѣнѣ обществъ, изученіе которыхъ предметъ соціологіи“, когда онъ начинаетъ запутанно и неопредѣленно говорить о совокупности еще какихъ то другихъ экономическихъ, финансовыхъ и политическихъ вліяній, обособляющихъ народы, приходится невольно придти въ недоумѣніе. Представленіе „объ обществѣ“ у соціологовъ — арена безконечныхъ и безрезультатныхъ споровъ и, внеся это представленіе въ экономію, мы должны были бы чуть ли не по поводу каждаго случая спорить, относится ли онъ къ общей теоріи обмѣна или къ теоріи международнаго. Основной предметъ соціологіи вовсе не изученіе (въ значительной мѣрѣ случайныхъ агломератовъ) — обществъ, а соціальныхъ классовъ, какъ основныхъ, жизненныхъ элементовъ этихъ агломератовъ. Если бы Кернсъ нѣсколько болѣе вдумался въ свою классификацію, „не соперничествующихъ группъ“, онъ вѣрнѣе замѣнилъ бы ихъ анализомъ положенія разныхъ общественныхъ классовъ съ ихъ своеобразными подраздѣленіями, съ различіями въ ихъ соціальномъ и производительномъ положеніи.

Самая неопредѣленность другихъ замѣчаній Бастэбля показываетъ, что онъ ищетъ какихъ „новыхъ аргументовъ“ для удержанія стараго ученія, какъ чего то обособленнаго. Онъ видитъ, что абсолютной невозможности передвиженія труда и капитала теперь нѣтъ, онъ

---

47) Любопытно отмѣтить, что и К. Марксъ всегда предполагаетъ наличность этого условія въ нашей промышленной системѣ. Для него подвижность капитала (но не труда!) основа всѣхъ теоретическихъ построеній, затрудненія въ этой подвижности прошлое исторіи. „Въ народномъ хозяйствѣ, основанномъ на рабствѣ, крѣпостничествѣ, цѣховой организаціи ремеслъ“, пишетъ онъ, „до тѣхъ поръ, пока средства производства, положенныя въ каждую отрасль промышленности были трудно переносимы, различныя отрасли промышленности относились одна къ другой, въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ иноземныя страны или самостоятельныя общины“ (т. III, стр. 131 р. п.).

подбираетъ аргументы, чтобы указать, что затрудненія въ этомъ движеніи людей и капиталовъ „всетаки существуютъ“, но мало подвигается впередъ.

По существу дѣла вопросъ, однако, вовсе не въ томъ. Сами творцы этой теоріи признавали, что соперничество можетъ не осуществляться вполнѣ даже въ предѣлахъ страны. Само собою разумѣется, что эти ограниченія соперничества между разными странами могутъ быть иногда еще значительнѣе. Теперь они меньше, чѣмъ были въ старину, но нынѣ, какъ въ самихъ предѣлахъ странъ, такъ и между народами, повсемѣстно нарождаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ новыя условія для ограниченія соперничества и монополизаціи рынковъ.

Разница въ степени не есть разница въ принципѣ и, потому, какъ нѣчто теоретически обособленное, анализъ международной торговли не можетъ заинтересовать современнаго экономиста. Теорія международной торговли интересна потому, что въ ней впервые былъ установленъ принципъ, который долженъ быть положенъ въ основу всякой разумной теоріи обмѣна: *„невозможность полной эквализаціи заработныхъ платъ и прибылей и не только въ силу ограниченій соперничества, но и по самой природѣ вещей въ нашей экономической машинѣ“*.

Для всей классической школы, для Родбертуса и Маркса — свободное соперничество и движеніе капиталовъ были непреоборимымъ закономъ промышленной жизни. Въ наше время характеръ экономическихъ силъ видоизмѣнился и концентрація, обособленіе и самоограниченіе промышленныхъ силъ (труда, капитала, земли) начинаетъ все болѣе и болѣе обнаруживать свое значеніе. Новый факторъ — характеръ концентраціи капитала — теперь обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Вся сила этого фактора основана на пониманіи для условій обмѣна *закона количествъ, дифференціальной производительности труда* и дифференціальныхъ условіи въ раздѣлѣ общественнаго продукта между соціальными классами разной силы, могущества, правового положенія.

Доктрина о затрудненной подвижности труда и капитала въ сферѣ международнаго оборота была тѣмъ *фантомомъ*, которымъ классическая школа объясняла реальный, констатируемый массой наличныхъ данныхъ, фактъ неравенства заработныхъ платъ и прибылей. Пора отвергнуть эту доктрину столь элементарнаго вида. Конкуренція, которой часто злоупотреблялъ и Марксъ въ объясненіи экономическихъ явленій, не въ состояніи дать разгадку этимъ неравен-

ствамъ. Они существуютъ не только въ сферѣ международнаго обмѣна. Они встрѣчаются на каждомъ шагу и въ предѣлахъ народныхъ хозяйствъ политическихъ тѣлъ. Этотъ фактъ вѣрнѣе всего доказываетъ единство въ всей теоріи обмѣна и заставляетъ искать болѣе глубокаго объясненія для этихъ неравенствъ. Громадная заслуга Клиффъ-Лесли[48]) заключается въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ указалъ на необходимость отказаться отъ этой доктрины равенства платъ и прибылей, а, слѣдовательно, и создать единую теорію обмѣна основанную на ученіи о неравенствѣ доходовъ, неравенствѣ, неизбѣжномъ по самой природѣ экономическихъ отношеній капиталистическаго хозяйства, въ которомъ не смотря на всѣ тенденціи этихъ доходовъ къ уравнительному движенію создается постоянно только своеобразная ихъ дифференціація.

Теперь очень часто ссылаются на одно изъ писемъ Рикардо къ Маккулоху, въ которомъ онъ сожалѣетъ, что недостаточно сильно подчеркнулъ роль прибыли въ дѣлѣ образованія цѣнности. Указываютъ на то, что законъ Рикардо, по которому цѣнности двухъ предметовъ въ теченіи продолжительныхъ періодовъ времени пропорціональны количествамъ труда, требуемаго на ихъ производство, вѣренъ только при предположеніи, что всѣ другія условія одинаковы т. е. что трудъ въ обоихъ случаяхъ одинаковой квалификаціи, а потому и одинаково оплачиваемый, что капиталы ему содѣйствуютъ въ равной пропорціи, что время оборота капиталовъ одинаково, что свобода передвиженія капитала изъ одной отрасли промышленности въ другую не затруднена ни соціальными, ни техническими соображеніями. Мнѣ представляется, что въ такой формѣ, какъ рѣдкое исключеніе изъ всей массы обмѣновъ, этотъ законъ имѣетъ сравнительно малое значеніе и что анализируя законъ международной торговли Рикардо

48) Клиффъ-Лесли писалъ въ 1874 г.: „различіе, которое проводитъ Д. С. Милль между внѣшней и внутренней торговлей относительно возможности перенесенія изъ одной страны въ другую капитала и перехода труда, а также эквализаціи прибылей и заработныхъ платъ, если даже въ прежнія времена и имѣло основаніе, когда внутренняя торговля была проще и лучше извѣстна, когда иностранныя государства были чѣмъ то невѣдомымъ, теперь не можетъ быть болѣе удерживаемо. И при томъ не въ томъ смыслѣ, что доктрина о равенствѣ прибылей и ученіе о зависимости сравнительныхъ цѣнъ отъ сравнительныхъ издержекъ производства, въ настоящій моментъ должна прилагаться къ обѣимъ разновидностямъ торговли, но въ томъ, что они не приложимы ни къ той, ни къ другой. Шагомъ впередъ было признаніе неприложимости этихъ ученій къ обмѣнамъ разныхъ странъ. Надо сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ: отвергнуть ихъ окончательно“. см. Клиффъ-Лесли, Essays, стр. 232.

впервые это понялъ. Создавая эту теорію онъ натолкнулся на законъ дифференціальной производительности труда и поставилъ вопросъ, какъ же происходитъ раздѣлъ этого дифференціальнаго продукта? Всѣ изслѣдователи теоріи международной торговли подхватили эту мысль Рикардо, но никто не далъ ей надлежащаго развитія. Эта мысль у лучшихъ теоретиковъ международной торговли: Милля и Бастэбля намѣчена [49]), но законовъ дифференціальнаго раздѣла продукта они не открыли и не примѣнили ихъ къ внутреннему обмѣну. Родбертусъ понялъ, что законъ Рикардо вовсе не потому неправиленъ, что реальная дѣйствительность не совпадаетъ съ теоретическими предположеніями, а потому, что вся система Рикардо игнорируетъ условія раздѣла дифференціальной производительности, какъ она была объяснена нами выше. Попробуемъ же, исходя изъ положеній Рикардо и руководствуясь его закономъ количествъ, сдѣлать нѣкоторые выводы, которые помогутъ намъ при послѣдующимъ анализѣ [50]).

---

49) *Д. С. Милль* въ свое время писалъ: „можно считать доказаннымъ дѣломъ то, что когда двѣ страны торгуютъ между собою двумя товарами, мѣновая цѣнность этихъ товаровъ относительно другъ друга приспособится къ охотѣ и положенію (inclinations and circumstances) потребителей въ той и другой странѣ такъ, что требуемыя каждой изъ этихъ странъ количества товаровъ, ввозимыхъ ею изъ другой страны, будутъ равно достаточны въ уплату другъ за друга. А охоту и положеніе потребителей нельзя подвести ни подъ какое правило, потому нельзя подвести подъ правило и того, по какой пропорціи будутъ обмѣниваться товары. Мы знаемъ, что границами колебаній тутъ служатъ: отношеніе между издержками производства этихъ товаровъ въ одной странѣ и отношеніе между издержками производства ихъ же въ другой странѣ". „Согласно взятымъ нами въ предшествовавшемъ предположеніямъ", продолжаетъ Милль, „10 ярдовъ сукна не можетъ промѣниваться болѣе, чѣмъ за 20 ярдовъ полотна и не меньше чѣмъ на 15 ярдовъ, но зато они могутъ обмѣниваться на любую цыфру, лежащую между этими двумя. Слѣдовательно, пропорціи, въ которыхъ выгоды международной торговли могутъ раздѣляться между странами, неодинаковы. Можно указать только въ *весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ* тѣ условія, отъ которыхъ болѣе глубоко (more remotely) зависитъ пропорціональная доля каждой страны".

Бастэбль вѣрно опредѣляетъ задачу теоріи международнаго обмѣна, иллюстрируя свое положеніе слѣдующимъ примѣромъ: „когда каждая страна, говоритъ онъ, производила продукты своимъ трудомъ и для себя, вся сумма производства равнялась 20х одного товара плюсъ 35у другого. Когда каждая изъ обмѣнивающихся странъ сосредотачивается на производствѣ продуктовъ, въ которыхъ она имѣетъ большее сравнительное преимущество (или даже меньшее непреимущество), общая сумма производства равняется 20х+40у т. е. получается выгода въ 5у. Условія, на которыхъ происходитъ раздѣлъ этого добавочнаго продукта 5у, — вотъ что подлежитъ изслѣдованію".

50) *По мнѣнію Родбертуса* чрезвычайно важное значеніе системы Рикардо

§ 2. Абстрактныя разсужденія изъ взятыхъ предположеній. Что слѣдуетъ понимать подъ эквивалентной формой цѣнностей?

Наблюдая за международнымъ обмѣномъ странъ, стоящихъ какъ на одной и той же, такъ и на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, индуктивная политическая экономія собрала массу матеріала, который характеризуетъ различія въ производительности труда. Ей постоянно приходится убѣждаться, что эти различія зависятъ отъ цѣлаго комплекса сложнѣйшихъ причинъ. Обыкновенно указываютъ, что слѣдующія могущественныя причины имѣютъ наибольшее вліяніе:

1. Народный характеръ и степень культурнаго развитія работника.

2. Климатъ, земля и вообще всѣ естественныя условія производительности страны, благодаря которымъ страна можетъ имѣть особыя преимущества или поставлена въ сравнительно худшее положеніе съ другими странами.

3. Характеръ организаціи системы производства, путей сообщенія и торговли, обиліе или недостатокъ капитала, характеръ его концентраціи и главнѣйшія болѣе или менѣе своеобразныя формы этого капитала.

4. Особенности всей экономической, финансовой и торговой политики.

5. Исторически нажитыя условія политической и соціальной жизни, какъ ихъ результатъ, весь характеръ дробленія на классы и мѣра ихъ политико-соціальнаго вліянія.

6. Основныя особенности въ порядкѣ установленія равновѣсія и зависимости въ положеніи и развитіи разныхъ отраслей промышленности, которыя необходимы для устойчиваго удовлетворенія потребностей человѣческихъ обществъ и ихъ классовъ.

въ исторіи политической экономіи заключается въ слѣдующемъ. „Рикардо первый сдѣлалъ попытку, исходя изъ положенія о равенствѣ цѣнности продукта съ трудовою стоимостью (Kostenarbeit), объяснить цѣлый рядъ современныхъ народнохозяйственныхъ явленій. Путемъ такого предположенія, хотя въ цѣломъ его попытка и окончилась неудачей, Рикардо первый же пришелъ къ имѣющему громадныя послѣдствія выводу, что согласно основнымъ законамъ свободнаго торговаго оборота цѣна продуктовъ совершенно не зависитъ отъ заработной платы и прибыли и что скорѣе видоизмѣненія напр. заработной платы не касаются потребителей, а предпринимателей и землевладѣльцевъ“. . . Въ тоже время Родбертусъ замѣчаетъ: „Рикардо не понялъ, что обмѣнъ есть раздѣлъ всего національнаго продукта, а потому, исходя изъ представленія о господствѣ трудовой цѣнности, онъ только съ большою послѣдовательностью вывелъ цѣлый рядъ ошибочныхъ положеній. Rodbertus, 3 Brief, стр. 241—242.

Тоссигъ и Пуансаръ даютъ массу иллюстрацій, которыя показываютъ, какъ всѣ особенности быта и историческихъ условій оказываютъ вліяніе на степень производительности труда, какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабрикаціи. По мнѣнію этихъ писателей эти особенности въ производительности труда такъ велики, что даже самое строгое протективное законодательство не въ состояніи ихъ преоборотъ въ теченіи долгихъ историческихъ періодовъ; и кто не знаетъ, каковы особенности труда и промышленности разныхъ націй, тотъ не пойметъ, полагаютъ они, всѣхъ особенностей международной борьбы за рынки.

Тамъ, гдѣ требуется, говоритъ напр. Тоссигъ, производство для милліоновъ, громадныя сооруженія и машины, постоянная рутина, строгая экономія матеріаловъ, скорѣе организація труда, чѣмъ его сбереженіе — въ такихъ отрасляхъ промышленности побѣждаетъ въ производительности труда — англичанинъ. Тамъ, гдѣ самый характеръ матеріала допускаетъ приложеніе сберегающихъ трудъ машинъ, гдѣ нужно ловко и остроумно приложить машины для достиженія какой нибудь опредѣленной цѣли, гдѣ можно постоянно идти впередъ путемъ изобрѣтательности, гдѣ многаго можно достигнуть концентраціей капитала — тамъ производительность труда достигаетъ максимума у американца. Французъ имѣетъ наибольшій перевѣсъ въ трудѣ тамъ, гдѣ требуется искуство, изящество, воображеніе и т. п.; другія націи имѣютъ — каждая свои особенности. Чѣмъ болѣе сближаются особенности націй въ дѣлѣ рутиннаго производства для массъ, тѣмъ сильнѣе среди нихъ замѣчается забота спеціализироваться и развить производительность труда въ отрасляхъ промышленности квалифицированнаго характера[51]).

51) см. Taussig. l. c., глава „Some Aspects of the Tariff Question, стр. 284—332 и прекрасный трудъ Leon Poinsard Libre Echange et Protection, Paris, 1893, passim. Тоссигъ приводитъ любопытныя примѣры, какъ, несмотря на всѣ усилія протективнаго законодательства, развить въ Америкѣ обработку льна и шелка, это не удавалось и именно потому, что производство обоихъ предметовъ не соотвѣтствуетъ особенностямъ американскаго труда. Примѣненіе машинъ при обработкѣ льна и шелка въ пряжу, повидимому, не допускается самими свойствами матеріала и американецъ не можетъ приспособиться къ выдѣлыванію тонкихъ сортовъ этой пряжи. Въ хлопковой промышленности машина дѣлаетъ все и американецъ здѣсь достигаетъ поразительныхъ результатовъ. Вообще американецъ отказывается отъ всѣхъ отраслей промышленности, гдѣ преобладаетъ „ручной трудъ“. Это сказывается въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности: въ стекляномъ дѣлѣ, въ производствѣ ножей, часовъ и многихъ другихъ предметовъ. Наблюденія за хлопчатобумажной и шерстеткацкой промышленностью изобилуютъ указаніями, что отдѣльныя націи могутъ ткать номера пряжи далеко не одинаковой тонкости.

Я не имѣю возможности, да и надобности останавливаться на массѣ относящихся сюда данныхъ. Моя задача будетъ другого характера. Я постараюсь выяснить тѣ послѣдствія, какія неизбѣжно вытекаютъ изъ признанія факта дифференціальной производительности труда, а затѣмъ и въ теоретическомъ выясненіи, что такое эта дифференціальная производительность труда примѣнительно только къ тремъ основнымъ факторамъ производства: труду, землѣ и капиталу и ихъ сочетанію въ той или другой системѣ хозяйства. Пока намъ достаточно, констатировавъ фактъ этихъ различій въ международной области, сдѣлать рядъ выводовъ, исходя изъ несоотвѣтствующаго дѣйствительности предположенія, что *различіе въ производительности зависитъ исключительно отъ труда и что количественный принципъ свободно обнаруживаетъ свое дѣйствіе.*

Вернемся же къ теоріи международной торговли Рикардо, продолжимъ нашъ анализъ и посмотримъ, правъ ли одинъ изъ энергичнѣйшихъ защитниковъ принципа сравнительныхъ издержекъ Тоссигъ, утверждающій, что всѣ главнѣйшія фазы въ исторіи промышленнаго развитія Америки и другихъ странъ можно разумно объяснить только на почвѣ этого принципа, другими словами два элементарнѣйшихъ принципа обмѣна: „принципъ количествъ и принципъ дифференціальной производительности труда“ могутъ дать теорію обмѣна и ея необходимый коррелатъ теорію дифференціальнаго раздѣла произведеннаго продукта.

Предположимъ же, по прежнему, что двѣ страны, торговлю которыхъ мы изучаемъ, обмѣниваются какъ два хозяйства, образующихъ единое цѣлое изъ всей совокупности составляющихъ ихъ мелкихъ хозяйствъ; что различія въ производительности зависятъ исключительно отъ особенностей труда. Дѣйствительность, конечно не такова. Всѣ страны затрачиваютъ на производство не только разный по производительности трудъ, но и неравныя по производительности капиталы и земли. Обмѣниваются также не народныя хозяйства, а единичныя хозяйства, изъ которыхъ они состоятъ. Единичныя хозяйства по своей производительности представляютъ безконечную цѣпь разнообразныхъ комбинацій. Мы дѣлаемъ вышеуказанныя предположенія только для упрощенія задачи, чтобы логически получить всѣ выводы, которые долженъ былъ получить, но не получилъ, Рикардо изъ взятыхъ имъ положеній.

Мы видѣли въ первой главѣ, что послѣ возникновенія международнаго обмѣна на началахъ сравнительныхъ издержекъ произошла полная пертурбація въ пропорціяхъ обмѣна. Когда Франція произ-

водила оба взятыхъ нами продукта, одинъ день ея труда воплощался въ 1-ной бочкѣ вина и въ 2,5 пудахъ угля т. е. отношеніе мѣновыхъ цѣнностей вина и угля было какъ $1:{}^{5}/_{2}$, послѣ возникновенія международнаго обмѣна 1:5. Въ Англіи 5 пудовъ угля до возникновенія обмѣна равнялись $^{2}/_{3}$ бочки вина; послѣ возникновенія международнаго обмѣна 5 пудовъ угля промѣнивались на 1 бочку вина т. е. отношеніе мѣновыхъ цѣнностей, какъ количествъ продукта, было ранѣе $1:{}^{15}/_{2}$; послѣ возникновенія обмѣна 1:5. Предположивъ болѣе справедливый раздѣлъ выгодъ, мы пришли къ выходу, что отношеніе это еще болѣе видоизмѣнилось: одинъ день труда сталъ приравниваться $^{5}/_{7}$ дня англичанина и одна бочка вина француза будетъ давать ему $3{}^{1}/_{7}$ пуда угля англичанина вмѣсто прежнихъ $2{}^{1}/_{2}$ пудовъ своего угля. При взятыхъ предположеніяхъ мы легко можемъ представить себѣ такое положеніе вещей, когда международная торговля можетъ не только понижать, какъ думалъ Рикардо, но и возвышать сумму цѣнностей въ странѣ и производить повышеніе отдѣльныхъ цѣнностей въ общей суммѣ богатства общества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ, такъ сказать, статику и динамику международнаго обмѣна при взятыхъ допущеніяхъ.

Что означаетъ, спросимъ прежде всего, отмѣченная пертурбація въ пропорціяхъ обмѣна? Ничто иное, какъ то, что торговый капиталъ сдѣлалъ трудъ каждой изъ взятыхъ нами странъ *косвенно* болѣе производительнымъ или, другими словами, онъ установилъ новую норму общественно-необходимаго труда для удовлетворенія потребностей; онъ, выражаясь словами Рикардо, указалъ каждой странѣ ту отрасль промышленности, гдѣ она имѣетъ бо́льшія преимущества и заставилъ ее руководиться принципомъ сравнительныхъ издержекъ. Благодаря этому мѣновая цѣнность продуктовъ стала зависить отъ раздѣла результатовъ производительной силы труда на рынкѣ, раздѣла, который въ данномъ случаѣ совершенъ при посредствѣ торговаго капитала чрезъ установленіе новыхъ нормъ общественно-необходимаго труда и при томъ двоякаго рода: а) въ производствѣ вина и угля, какъ отдѣльныхъ отраслей промышленности и б) въ условіяхъ промѣна одного количества труда одной промышленности на другое количество труда другой промышленности. Выводы изъ этого положенія напрашиваются сами собою.

Во первыхъ, производство каждой изъ взятыхъ нами странъ не есть еще производство опредѣленной цѣнности. Если потребности француза состояли ранѣе только въ винѣ и углѣ, то онъ долженъ былъ затратить для полученія бочки вина и $2{}^{1}/_{2}$ пудовъ угля —

два дня, теперь онъ, послѣ возникновенія обмѣна, это количество угля получитъ за меньшее количество вина, а, слѣдовательно, удовлетворитъ всѣ свои потребности меньшимъ количествомъ труда. Если онъ будетъ затрачивать тоже количество труда, онъ получитъ бо̀льшее количество продукта. Проработавъ два дня надъ виномъ, выработавъ двѣ бочки, онъ одну оставитъ для себя, другую промѣняетъ на уголь и получитъ $3\,^{4}/_{7}$ пуда угля. Рикардо и дѣлаетъ выводъ, что при такихъ предположеніяхъ мѣновыя цѣнности понизятся, богатство странъ или количество продукта, которое они могутъ употребить для удовлетворенія своихъ потребностей, увеличится. Сумма цѣнностей уменьшится, сумма богатствъ увеличится. Обмѣнъ, такимъ образомъ, вызываетъ пониженіе цѣнности, замѣняя менѣе производительный трудъ болѣе производительнымъ. Цѣнность опредѣляется здѣсь у Рикардо, не количествомъ затраченнаго на продуктъ труда, а количествомъ труда которое мы отдаемъ за продуктъ, который мы вымѣниваемъ. Бочка вина, одинъ день труда, давала намъ ранѣе $2,_{5}$ пуда угля, теперь мы дадимъ за этотъ уголь меньше вина, а, слѣдовательно, и меньше своего труда. Трудовыя издержки производства замѣняются издержками труда для пріобрѣтенія продукта.

Второй выводъ заключается въ томъ, что при наличности такихъ дифференціальныхъ различій въ производительности обмѣнъ вовсе не является обмѣномъ трудовыхъ эквивалентовъ. *Опредѣленное количество болѣе производительнаго труда приравнивается большему количеству менѣе производительнаго труда;* одинъ день француза равняются $^{5}/_{7}$ дня англичанина.

Третій выводъ еще любопытнѣе и Кернсъ, истолкователь Рикардо, констатируетъ его, какъ фактъ, но не понимаетъ всего значенія его. Мы принимаемъ въ этой теоріи за данное, что одинъ день француза благодаря различіямъ въ производительности приравнивается $^{5}/_{7}$ днямъ англичанина. Но, вѣдь, мы отлично знаемъ, что трудъ различныхъ производителей безконечно разнообразенъ въ предѣлахъ каждой изъ этихъ странъ. Слѣдовательно, эта норма промѣна является результатомъ какихъ то особыхъ процессовъ на внутреннемъ рынкѣ. Соперничество предпріятій устанавливаетъ на рынкѣ, говоритъ Кернсъ, какія то „сравнительныя цѣны, соотвѣтствующія сравнительнымъ издержкамъ производства“ и въ предѣлахъ страны. Отсюда очевидно, что, если обмѣнъ между странами совершается на основаніи этой сравнительной нормы, то для отдѣльныхъ болѣе или менѣе производительныхъ предпріятій количество отдаваемаго труда за продуктъ будетъ безконечно разнообразиться. Средній трудъ, быть можетъ,

одну бочку вина производитъ въ одинъ день, высшій по производительности, быть можетъ, въ полъ дня, низшій — въ полтора. Такимъ образомъ, мы видимъ, что теорія наталкивается здѣсь еще на новое затрудненіе. Она должна выяснить, какъ устанавливается благодаря наличности предпріятій разной производительности та норма общественно-необходимаго труда, къ которой, какъ къ затратѣ опредѣленнаго количества труда для производства даннаго товара, пріурачивается способность покупать большее или меньшее количество труда, воплотившагося въ продуктѣ другой страны, которая въ свою очередь должна выработать такую же норму общественно-необходимаго труда [52]).

Четвертый выводъ изъ этой теоріи такой. Установленіе международнаго обмѣна на началахъ сравнительныхъ издержекъ, какъ бы этотъ обмѣнъ ни былъ несправедливъ въ смыслѣ раздѣла выгодъ, влечетъ за собою освобожденіе нѣкоторой доли труда, другими словами международный обмѣнъ даетъ не только возможность пріобрѣтать товары съ меньшими общественно-необходимыми затратами труда, отдаваемаго въ обмѣнъ, но въ тоже время освобождая въ каждой изъ нихъ нѣкоторую долю труда, даетъ возможность расширять размѣры производства въ другихъ направленіяхъ т. е. даетъ возможность совершится и тому, на что неясно указывалъ Рикардо, говоря о возможности „посредственнаго увеличенія“ суммы цѣнностей. Всякое расширеніе обмѣна на началахъ новой нормы общественно-необходимаго труда, освобождая нѣкоторыя доли труда для новаго удовлетворенія потребностей, можетъ способствовать расширенію производства (ср. Марксъ, т. III, стр. 183 р. п.).

Пятый выводъ можетъ быть формулированъ такъ: высокія заработныя платы и прибыли, каковыя могутъ существовать въ предѣлахъ

---

52) Рикардо отлично понимаетъ, что слѣдуетъ выяснить понятіе общественно-необходимаго труда, но его рѣшеніе очень неопредѣленно. Онъ пишетъ: „мѣновая цѣнность всѣхъ благъ — произведеній мануфактуръ, рудниковъ или продукта земли — всегда регулируется не наименьшимъ количествомъ труда, достаточнымъ для ихъ производства при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и находящихся въ исключительномъ распоряженіи тѣхъ, кто обладаетъ особо выгодными условіями производства; она опредѣляется наибольшимъ количествомъ труда необходимо затрачиваемаго тѣми, кто не обладаетъ столь благопріятными условіями, кто продолжаетъ производить ихъ при самихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, причемъ подъ наиболѣе неблагопріятными обстоятельствами понимаются самыя неблагопріятныя изъ тѣхъ, при которыхъ требуемое количество продукта дѣлаетъ необходимымъ продолжать, заниматься производствомъ“ см. Principles, l. c. стр. 50. Это положеніе мы истолкуемъ въ гл. 4-й.

одной изъ обмѣнивающихся странъ, не могутъ составлять препятствій для развитія международной торговли. Они представляютъ собою результатъ высшей производительности труда данной націи. Высота этихъ элементовъ народнаго дохода сама по себѣ не можетъ измѣнить неравенствъ или дифференціальныхъ различій въ производительности труда двухъ странъ. И наоборотъ: низкія размѣры заработныхъ платъ и прибылей свидѣтельствуютъ о низшей производительности труда. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сдѣлать предположеніе такого рода, чтобы убѣдиться въ правильности этого вывода. Страна *А* обмѣниваетъ продуктъ *а* одинъ день ея труда на продуктъ *б* страны *Б*, который послѣдней стоитъ $1^1/_2$ дня труда. Продуктъ на рынкѣ обѣихъ странъ оцѣнивается въ 50 коп. Страна *А* за одинъ день своего труда получитъ 50 и можетъ раздѣлить его пополамъ: 25 к.: отдать работнику 25 коп. капиталисту. Страна *Б* тѣже пятьдесятъ коп. можетъ распредѣлить такъ: 25 коп. она дастъ за полтора дня работника т. е. въ день $16^2/_3$ коп., 25 капиталисту; можетъ быть и иная комбинація. Раздѣлъ 50 копѣекъ произойдетъ такъ 30 достанется работнику за полтора дня; 20 капиталисту [53]).

Какъ и почему совершится тотъ или иной раздѣлъ, это пока для насъ безразлично. Намъ важно только констатировать тотъ фактъ, что при неравной производительности, когда одинъ день обмѣнивается за большее число дней, обмѣнъ можетъ идти безостановочно, платы и прибыли держаться на разной нормѣ. Такова статика международнаго обмѣна. Рикардо не пошелъ далѣе. Перейдемъ же къ динамикѣ и посмотримъ, не натолкнемся ли мы на какія нибудь иныя силы.

Если мы взглянемъ на народнохозяйственную жизнь такъ, какъ она есть т. е. въ ея постоянномъ движеніи, то неизбѣжно замѣтимъ многообразіе въ предметахъ международнаго обмѣна разныхъ странъ, а также постоянныя видоизмѣненія въ производительности труда по отношенію къ отдѣльнымъ родамъ и видамъ товаровъ, а иногда и во многихъ крупныхъ отрасляхъ промышленности. Видоизмѣненія эти временами малозначительны, едва даютъ себя знать; временами они совершаются какъ бы по всей линіи производительной дѣятельности,

---

53) Мы предполагаемъ какъ бы полное отсутствіе основнаго капитала. Вся загадка заключается въ томъ, чтобы объяснить происхожденіе этой цѣны товара и хотя бы какого либо дохода напр. заработной платы. Въ настоящей главѣ мы получимъ сначала, исходя изъ цѣнъ, какъ извѣстнаго, нѣкоторые выводы, а впослѣдствіи объяснимъ и происхожденіе самой цѣны.

въ весьма разной степени въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности и знаменуютъ собою начало новыхъ эпохъ промышленной жизни.

По обычному способу разсужденія всѣхъ экономистовъ, мы неизбѣжно должны, кромѣ этихъ видоизмѣненій въ дифференціальной производительности, обратить вниманіе на то обстоятельство, что всегда на рынкѣ существуютъ товары двоякаго рода: одни могутъ появиться на рынкѣ въ бо̀льшемъ количествѣ только чрезъ болѣе, чѣмъ пропорціональное увеличеніе трудовыхъ издержекъ для пріобрѣтенія даннаго ихъ количества, другіе, какъ мы сказали выше, видоизмѣняя выраженіе Рикардо, подлежатъ практически почти безграничному увеличенію, если мы имѣемъ возможность затрачивать трудъ и производительныя силы, необходимыя для ихъ добыванія. Желая постигнуть динамику международнаго обмѣна на почвѣ принципа сравнительныхъ издержекъ, усложненнаго этими двумя допущеніями, мы можемъ сдѣлать цѣлый рядъ нижеслѣдующихъ предположеній, которыя выяснятъ намъ, какое вліяніе различія въ дифференціальной производительности труда могутъ оказывать на видоизмѣненіе мѣновыхъ цѣнностей и доходовъ.

Первое предположеніе. Между двумя странами происходитъ расширеніе международной торговли: одна даетъ въ обмѣнъ хлѣбъ, другая мануфактуры. Дифференціальныя различія въ производительности труда таковы, что страна, высылающая хлѣбъ, за одинъ день своего труда получаетъ только полъ дня другой страны. Назовемъ первую страну — Россіей, вторую — Англіей.

Россія за пудъ своего хлѣба, — одинъ день ея труда, — получаетъ полъ аршина сукна, — полъ дня трудъ Англіи. Денежная цѣна того и другого продукта 50 копѣекъ. Изобразивъ эти условія промѣна въ формулахъ, мы увидимъ, какъ могутъ сложиться доходы работника и капиталиста, ни малѣйшимъ образомъ не видоизмѣняя мѣновыхъ пропорцій обмѣна продуктовъ т. е. ихъ мѣновыхъ цѣнностей.

Россія 1 пудъ хлѣба произвела 1 днемъ труда Денеж. цѣна пуда 50 к.
Англія $^1/_2$ арш. сукна „ $^1/_2$ „ „ „ „ „ 50 к.
1 день Россіи равень $^1/_2$ д. Англіи.

Денежная цѣна одного дня Россіи въ 50 коп. можетъ раздѣлиться такъ: $^1/_4$ арш. сукна или 25 коп. работнику и $^1/_4$ арш. или 25 к. капиталисту или въ любыхъ пропорціяхъ, при которыхъ вознагражденіе работника и его увеличеніе будетъ уменьшать вознагражденіе или прибыль капиталиста и наоборотъ.

Денежная цѣна одного дня Англіи будетъ 100 коп. или два

пуда хлѣба; полъ пуда можетъ достаться работнику, $1^1/_2$ пуда капиталисту или раздѣлъ можетъ произойти въ любыхъ пропорціяхъ, при которыхъ всякое увеличеніе вознагражденія работника будетъ уменьшать вознагражденіе или прибыль капиталиста.

Предположимъ, что для Англіи потребовалось двойное количество хлѣба и она сама можетъ достигнуть увеличенія потребнаго количества только съ *тройнымъ* увеличеніемъ затратъ труда и производительныхъ силъ. Россія, напротивъ, можетъ доставить Англіи нужное количество хлѣба только съ *двойнымъ* увеличеніемъ затратъ т. е. доведя денежную цѣну до 100 к. Для полученія удвоеннаго количества хлѣба Англія, допустимъ, можетъ удвоить производство своихъ мануфактуръ, но только при прежней производительности труда. Что произойдетъ въ международномъ обмѣнѣ при взятыхъ предположеніяхъ?

Отвѣтъ ясенъ. Рикардо не предвидѣлъ, что такое положеніе вещей должно, чтобы не произошло никакихъ потрясеній въ этихъ народныхъ хозяйствахъ, вызвать двойное повышеніе суммы цѣнностей въ обѣихъ странахъ. Мѣновая цѣнность всего хлѣба въ Россіи возвысится вдвое и она будетъ получать вдвое большее количество мануфактуръ за прежнее количество хлѣба. Цѣнность мануфактуры для Англіи останется та же, она по прежнему полуднемъ будетъ создавать полъ аршина, но она должна будетъ расширить сумму этихъ производимыхъ ею цѣнностей для полнаго удовлетворенія своихъ потребностей также вдвое. Тоже предположеніе останется въ силѣ, если мы допустимъ, что расширенія обмѣна въ сущности не произошло.

Предположимъ, что возрастаніе стоимости хлѣба произошло въ Россіи подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ, напр. роста населенія. Цѣнность хлѣба возрастетъ въ Россіи вдвое и Англія не въ состояніи будетъ получать прежняго количества хлѣба безъ двойнаго увеличенія въ производствѣ своихъ мануфактуръ. Уменьшеніе производительности въ Россіи будетъ страшно невыгодно Англіи, но она должна будетъ подчиниться року, если другого хлѣбнаго рынка не будетъ найдено. Англія будетъ на производство полуаршина затрачивать то же количество труда, но за день труда Россіи, пудъ хлѣба, платить вдвое большимъ количествомъ труда.

Россія 1 пудъ хлѣба 2 днями труда; денж. цѣна 100 коп.
Англія $^1/_2$ арш. сукна $^1/_2$ дня труда; денежн. цѣна 50 коп.

1 пудъ хлѣба равенъ 1 арш. сукна, 2 дня Россіи 1 дню Англіи или что тоже 1 день равенъ полудню, т. е. Англія выработаетъ

однимъ днемъ труда одинъ пудъ и можетъ раздѣлить его такъ; полъ пуда по прежнему пойдетъ, какъ необходимое вознагражденіе, работнику, полъ пуда капиталисту. Повышеніе цѣны хлѣба при той же производительности труда въ мануфактурахъ понизитъ прибыль т. е. *при видоизмѣненіи въ дифференціальной производительности труда возможно пониженіе прибыли безъ возрастанія заработной платы.* По прежнему одинъ день труда Россіи обмѣнивается на $^1/_2$ дня Англіи, но мѣновая цѣнность хлѣба возросла вдвое: за одинъ пудъ хлѣба приходится давать не полъ аршина, а цѣлый аршинъ; одинъ день Россіи создаетъ не пудъ хлѣба, а только полъ пуда. Количество труда, затрачиваемаго на эти полъ пуда, возросло вдвое и полъ пуда хлѣба покупаютъ не $^1/_4$ аршина сукна, а полъ аршина. Количество затрачиваемаго труда на единицу продукта возросло въ Россіи вдвое, въ Англіи оно осталось безъ измѣненія и благодаря этому большее количество продукта болѣе производительнаго труда Англіи отдается за меньшее количество продукта менѣе производительнаго труда Россіи: за пудъ хлѣба Англія даетъ не прежнихъ своихъ полъ дня и не полъ аршина, а цѣлый день и полный аршинъ. Уменьшеніе производительности хлѣба въ Россіи сказалось уменьшеніемъ доходности мануфактуръ въ Англіи.

Второе предположеніе, легко объяснитъ намъ, что должна сдѣлать Англія, чтобы обмѣнъ не былъ такъ невыгоденъ для нея. Для этого надо только допустить, что производительность труда въ англійскихъ мануфактурахъ не осталась безъ видоизмѣненія, а также возрасла вдвое. Здѣсь возможны два случая: увеличеніе производительности всецѣло будетъ захвачено Россіей или имъ всецѣло воспользуется Англія и рядъ промежуточныхъ случаевъ между этими двумя крайними положеніями.

Первый случай:

Россія 1 пудъ хлѣба 2-мя днями денежн. цѣна 100 коп.
Англія $^1/_2$ арш. $^1/_4$ дня денеж. цѣна 25 коп.
Англія 2 арш. 1 днемъ денеж. цѣна 100 коп.

Другими словами, Англія однимъ днемъ своего труда будетъ по прежнему покупать два дня труда Россіи или одинъ пудъ хлѣба и можетъ раздѣлить его, какъ было указано выше: полъ пуда хлѣба работнику и полъ пуда капиталисту, но она должна будетъ для этого вмѣсто аршина сукна отдавать два. Возрастаніе производительности ея труда не дастъ ни малѣйшаго прироста ея доходамъ.

Само собою разумѣется, такое положеніе вещей не можетъ

быть выгоднымъ для страны съ увеличивающейся производительностью труда. Давать два аршина вмѣсто одного можетъ заставить только тяжелая необходимость; подобный обмѣнъ вполнѣ противорѣчилъ бы принципу сравнительныхъ издержекъ. Оно допустимо только тогда, если бы Россія сама могла производить на своихъ мануфактурахъ сукна съ такой же производительностью. Если же этого не могло произойти, если бы производство сукна по прежнему стоило Россіи болѣе, чѣмъ пятьдесятъ коп. за полъ аршина, то мы могли бы имѣть второй случай:

Россія 1 пудъ хлѣба 2-мя днями труда денеж. цѣна 100 коп.
Англія $^1/_2$ аршина $^1/_4$ дня денежн. цѣна 50 коп.
Англія 1 аршинъ $^1/_2$ дня денежн. цѣна 100 коп.

Два дня труда Россіи по прежнему шли бы за полъ дня Англіи. Полъ днемъ своего труда или однимъ аршиномъ Англія пріобрѣтала бы пудъ хлѣба, цѣлымъ днемъ труда она получила бы два пуда. Отдавъ два аршина она получила бы два пуда т. е. могла бы дать работнику полъ пуда и капиталисту полтора. Другими словами, увеличеніе производительности ея труда могло бы, притомъ же вознагражденіи работника, несмотря на повысившуюся стоимость хлѣба, довести прибыль до прежней высокой нормы т. е. *возрастаніе производительности труда въ одной изъ странъ могло бы вполнѣ парализовать уменьшеніе производительности труда въ другой странѣ.* Раздѣлъ полученнаго продукта между работникомъ и капиталистомъ опять таки можетъ совершаться въ любыхъ пропорціяхъ въ зависимости отъ борьбы за доходъ въ предѣлахъ страны.

При такихъ предположеніяхъ нормы общественно-необходимаго труда, которыя опредѣляются различіями въ дифференціальной производительности странъ, могутъ оставаться тѣже, два дня Россіи будетъ идти за одинъ день Англіи, но сумма цѣнностей возрастетъ неизбѣжно, въ Россіи черезъ увеличеніе трудовыхъ затратъ, въ Англіи чрезъ расширеніе производства.

Сдѣлаемъ же еще два предположенія и тогда подведемъ итоги.

Допустимъ, что дифференціальная производительность труда сохраняется, но видоизмѣняется съ обѣихъ сторонъ въ неравной степени.

Такъ, согласно нашимъ предположеніемъ, обмѣнъ Россіи и Англіи шелъ ранѣе на такихъ началахъ [54]).

54) Для большей ясности возьмемъ для Англіи не полъ аршина, а одинъ аршинъ.

Россія 1 пудъ. . . . . 1 д. тр. 50 к.
Англія 1 арш. . . . . ½ „ „ 50 „

Производительность труда Россіи возросла вдвое, Англіи въ пять разъ; тогда

Россія 1 пудъ. . . . . ½ д. тр. 25 к. т. е.
„ 2 „ . . . . . 1 „ „ 50 „
Англія 1 арш. . . . . 1/10 д. тр. 10 „ т. е.
„ 5 „ . . . . . ½ „ „ 50 „

Предполагая, что обмѣнъ идетъ между разными народными хозяйствами только этими двумя предметами, въ которыхъ они притомъ равно нуждаются, мы видѣли, что ранѣе одинъ пудъ обмѣнивался на одинъ аршинъ, теперь въ обмѣнѣ противостоятъ другіе количества: два пуда какъ бы готовы обмѣняться на пять аршинъ. Возможно ли это? Вѣдь для этого Англія должна потребить вдвое болѣе хлѣба, а Россія въ пять разъ болѣе сукна. Такое предположеніе должно было бы привести къ тому, что прежде найденныя условія въ нормѣ общественно-необходимаго труда одной страны, какъ покупателю нормы общественно необходимаго труда другой страны, должны были остаться безъ измѣненія, что, очевидно, немыслимо. Количественное нарушеніе прежнихъ пропорцій обмѣна должно, поэтому, произвести коллосальную пертурбацію цѣнъ и установленіе новыхъ нормъ общественно-необходимаго труда, какъ основаній промѣна.

Выводъ изъ этого положенія такой: при видоизмѣненіи въ неравной степени дифференціальной производительности труда установленіе пропорцій обмѣна можетъ совершиться только чрезъ количественную пертурбацію пропорцій обмѣна и обмѣнъ повлечетъ къ видоизмѣненію всѣхъ цѣнностей, а слѣдовательно, и размѣромъ доходовъ, въ зависимости отъ соотносительнаго спроса и предложенія каждой изъ обмѣнивающихся сторонъ на почвѣ новыхъ наличныхъ различій въ дифференціальной производительности труда, вызывающихъ чрезмѣрное количественное предложеніе продукта въ особенности съ той стороны, въ которой производительность увеличилась всего болѣе.

Нетрудно сдѣлать и послѣднее предположеніе. Предположимъ, что мы имѣемъ двѣ страны съ такой же производительностью труда въ мануфактурахъ, какъ Англія и они торгуютъ съ одной Россіей. Обмѣнъ Россіи съ Англіей идетъ на такихъ началахъ. За одинъ день Россіи Англія даетъ полъ дня; аршиномъ сукна она покупаетъ два пуда хлѣба, которые и дѣлитъ между своимъ работникомъ и капи-

талистомъ. Франція можетъ произвести то же сукно съ такимъ же количествомъ труда. Для нея выгоденъ будетъ, очевидно, такой же обмѣнъ, какъ обмѣнъ Англіи т. е. когда однимъ аршиномъ сукна она будетъ получать два пуда хлѣба. Желая завоевать рынокъ, она начнетъ соглашаться получать меньшее количество за свое сукно. Чтобы понять, что это будетъ означать стоитъ только взглянуть на ниже прилагаемую табличку:

1 арш. отдается 2 пуда, $^1/_2$ дня Франціи равняется 1 дню Россіи.
1 „ „ $1^1/_2$ „ $^1/_2$ „ „ „ $^3/_4$ „ „
1 „ „ 1 „ $^1/_2$ „ „ „ $^1/_2$ „ „

Другими словами, путемъ пониженія доходовъ, за счетъ ли работника или капиталиста, Франція можетъ придти къ такому положенію, что всѣ выгоды, доставляемыя ей принципомъ сравнительныхъ издержекъ, исчезнутъ и въ обмѣнѣ одинъ день Франціи, а слѣдовательно и Англіи, если она не откажется отъ обмѣна, будетъ идти за одинъ день Россіи. Трудовая эквивалентность условій обмѣна, по существу противоестественная, такъ какъ бо̀льшая производительность труда можетъ напр. зависѣть отъ большей интенсивности труда, приведетъ и къ равенству доходовъ. Работники и капиталисты всѣхъ обмѣнивающихся странъ будутъ имѣть одну цѣнность въ пятьдесятъ копѣекъ для раздѣла между собою.

Таковы логически всѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ установленнаго Рикардо принципа сравнительныхъ издержекъ. Главнѣйшіе изъ нихъ мы подведемъ воедино:

1. Производство не есть еще производство какой нибудь опредѣленной цѣнности. Изучая обмѣнъ, мы прежде всего должны понимать, что онъ представляетъ обмѣнъ однихъ качественныхъ количествъ на другія, продуктовъ на продукты и относительная ихъ мѣновая цѣнность при наличности дифференціальной производительности труда, происходятъ ли они отъ чисто естественныхъ или соціальныхъ условій, можетъ выясниться только въ процессѣ обмѣна. Принципъ издержекъ, поэтому, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ цѣнности. Понятіе стоимости необходимо только для опредѣленія высшихъ и низшихъ условій производительности труда.

2. Обмѣнъ, какъ раздѣлъ на рынкѣ неравной производительности труда, можетъ и не быть обмѣномъ трудовыхъ эквивалентовъ. Опредѣленное количество болѣе производительнаго труда можетъ приравниваться большему количеству менѣе производительнаго труда и, наоборотъ, опредѣленное количество менѣе производительнаго

труда можетъ приравниваться большему количеству болѣе производительнаго труда.

3. При наличности обмѣна основаннаго на дифференціальныхъ различіяхъ въ производительности труда и на дифференціаціи потребностей, передача одного продукта за другой или что тоже по старой терминологіи эквализація продуктовъ, какъ цѣнностей, можетъ равно совершаться, какъ чрезъ уравненіе, такъ и чрезъ дифференціацію доходовъ. Отсюда вытекаетъ, что идея эквивалентности цѣнностей дѣйствительно результатъ народнаго предразсудка и проф. Бемъ Баверкъ правъ, утверждая, что современная политическая экономія единодушна въ отрицаніи стараго схоластико-теологическаго воззрѣнія относительно эквивалентности обмѣниваемыхъ цѣнностей. Эквализація продуктовъ въ обмѣнѣ совершается чрезъ сложные процессы образованія доходовъ и двѣ равныя, какъ обмѣниваемыя количества, цѣнности могутъ создавать совершенно разныя по размѣрамъ и составу доходы т. е. ренты, прибыли и заработныя платы разной совокупной высоты и въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ всѣхъ этихъ трехъ частей, другими словами эквивалентность обмѣна не есть еще равенство доходовъ или трудовыхъ затратъ.

4. Теорія обмѣна вовсе не должна искать равенства въ мѣновомъ отношеніи товаровъ, а, напротивъ, раскрыть причины, лежащія въ самомъ товарѣ и внѣ его, которыя даютъ ему возможность въ теченіи продолжительнаго времени покупать то или другое количество товаровъ, въ которыхъ можетъ быть больше или меньше труда, больше или меньше ренты, прибыли и заработной платы. Другими словами, она должна дать анализъ нормальной цѣны и, какъ результатъ, ея способы раздѣла ея на доходы, которые для продолжительнаго періода болѣе или менѣе устойчивы, но не неизмѣнны [55]).

---

55) Весь вопросъ въ томъ, насколько наша голая схема приложима къ дѣйствительности. Для этого мы должны перейдти къ анализу теоріи производительности труда, къ ученію о рентѣ и прибыли.

Глава 3-я.

Производительность труда, какъ теоретическій постулатъ въ экономіи.

§ 1. Общее понятіе о рынкѣ.

Много лѣтъ тому назадъ Максъ Штирнеръ писалъ о свободной человѣческой критикѣ: „критика не выставляетъ никакой догмы и она не хочетъ знать ничего, кромѣ вещей. Не надо никакихъ догмъ — въ этомъ ея догма . . . И ничего не осталось кромѣ догмы свободнаго мышленія или критики . . . Если бы я былъ догматикомъ, то я выставилъ на первый планъ догму т. е. мысль, идею или принципъ и закончилъ бы свою работу, какъ систематикъ т. е. выработалъ бы систему, сплелъ бы свои мысли въ особое построеніе . . . Критика есть борьба одержимыхъ противъ одержимости, какъ таковой, противъ всякой одержимости, борьба, которая покоится на сознаніи, что вездѣ имѣется одержимость или, какъ выражается критикъ, религіозное или теологическое отношеніе . . .“

Штирнеръ правъ, что основное противорѣчіе и опасность всякой научной дѣятельности заключается въ томъ, что любая догма какъ бы заслоняетъ намъ глаза на явленія дѣйствительной жизни. Она становится намъ непонятной, такъ какъ она есть. Реальныя явленія принимаютъ причудливую форму нашего воображенія и именно потому, что мы смотримъ на нее подъ угломъ зрѣнія опредѣленной догмы. Критика разрушаетъ старый догматическій кумиръ, но она несетъ въ себѣ какъ въ зародышѣ новую догму и снова реальная жизнь принимаетъ причудливое истолкованіе въ ея свѣтѣ. Въ нашей русской жизни эта сила догматовъ — теорій сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было

---

1) см. M. Stirner. Der Einzige und sein Eigenthum, изд. Реклама, стр. 173—5.

въ Европѣ и вліяніе ихъ могло бы служить прекраснымъ подтвержденіемъ для того положенія соціолога, что при молодости общественной мысли, при отсутствіи прочныхъ старыхъ, научныхъ традицій, при рабскомъ поклоненіи авторитетамъ и при какой то боязни многоразличія во взглядахъ, не только вѣра, но и „заблужденія разума“ могутъ приводить насъ къ невѣрному истолкованію дѣйствительности и въ теченіи долгихъ періодовъ господствовать надъ общественнымъ сознаніемъ, не проясняя его и не двигая впередъ. Критика полезна даже тогда, когда она разрушаетъ, не созидая, ибо она укрѣпляетъ мысль, что всякая догма только вспомогательное средство для познанія реальныхъ явленій; очень плохо, если она становится такимъ кредо, при которомъ отсутствіе мыслей о догмѣ, искуственное заглаживаніе ея противорѣчій, вѣра въ ея полную истину спасаетъ защитниковъ этой догмы отъ всякихъ сомнѣній. Самъ Штирнеръ является еще въ большей мѣрѣ одержимымъ, чѣмъ многіе другіе, болѣе скромные, и именно потому, что создавъ догму своего Я, онъ вообразилъ, будто „не мышленіе, а его отсутствіе мыслей или его Я, безсмысленное, непостижимое, спасло его отъ одержимости“.

Какъ типическій догматикъ марксизма Каутскій въ своей полемикѣ противъ Бернштейна пишетъ[2]): „теорія цѣнности Бемъ-Баверка и теорія цѣнности Маркса взаимно исключаютъ другъ друга... Это значитъ или одна изъ этихъ теорій правильна, или другая. Для теоретика предѣльной полезности цѣнность есть отношеніе единичнаго человѣка къ вещамъ. Откуда эти вещи появляются, объ этомъ въ первую голову этотъ теоретикъ заботится мало. Цѣнность для него отношеніе, которое существуетъ издавна, независимо отъ своеобразныхъ историческихъ условій, его изслѣдованіе есть объектъ психологіи изолированнаго человѣческаго индивида. Что эта психологія часто имѣетъ сходство съ психологіей польскаго еврея изъ Ново-Зандеца, это только случайное несчастіе австрійской школы. Характеристика же марксовой теоріи цѣнности заключается въ открытіи фетишисткаго характера товара. Для Маркса цѣнность не отношеніе человѣка къ вещамъ, но скрытое подъ вещественной оболочкой отношеніе между людьми. Отношеніе по цѣнности продуктовъ труда есть общественное отношеніе, которое возникаетъ при особыхъ историческихъ условіяхъ, а именно изъ товарнаго производства т. е. изъ взаимной работы независимыхъ другъ отъ друга частныхъ производителей (Füreinander-

2) см. Neue Zeit, 17 Jg., II B. 1898—99 г., № 29 Bernstein über die Werttheorie und die Klassen, стр. 69.

arbeiten voneinander unabhängiger Privatproduzenten). Это общественное отношеніе развивается одновременно изъ общественныхъ отношеній, оно само производитъ новыя общественныя отношенія, которыя отчасти перекрещиваются и уничтожаютъ другъ друга. Оно постоянно выступаетъ какъ тенденція господствующая въ реальныхъ мѣновыхъ отношеніяхъ, *не какъ измѣримая величина,* но тѣмъ не менѣе оно является реальнымъ отношеніемъ, а отнюдь не чисто умственнымъ построеніемъ, какъ полагаетъ Бернштейнъ".

Теперь пока не мѣсто указывать, что Каутскій слишкомъ произвольно считаетъ всѣхъ теоретиковъ предѣльной полезности чистокровными индивидуалистами. Среди многихъ изъ нихъ онъ найдетъ и представителей, если можно такъ выразиться, теоретиковъ исторически-общественной предѣльной полезности. Когда мы говоримъ: индивидуалисты — субъективисты, или представители объективизма — матеріалистическаго или соціальнаго начала, мы всегда немножко злоупотребляемъ довѣрчивостью читателя. Нѣтъ ни одного почти индивидуалиста въ экономіи, который не признавалъ бы цѣлаго ряда вліяній внѣшняго, матеріальнаго и соціальнаго фактора; почти всѣ объективисты не могутъ избѣгнуть попытокъ отъ внѣшнихъ условій возвращаться къ индивиду. Правда Энгельсъ, когда то писалъ, что „вліянія внѣшняго міра отпечатлѣваются въ человѣческой головѣ, какъ чувства, мысли, стремленія, движенія воли и что если это дѣлаетъ изъ человѣка идеалиста, то какъ тогда могутъ существовать матеріалисты", но, увы, въ этихъ разсужденіяхъ было только то правильно, что все проходитъ чрезъ человѣческую голову; никто теперь не вѣритъ Энгельсу, что она простой пріемный аппаратъ; всѣ знаютъ, что голова — особый аппаратъ, дѣйствующій въ области психики такъ, что одними матеріальными воздѣйствіями мы ничего объяснить не можемъ не натолкнувшись на непознаваемое [3]). Всѣ соціальныя явленія представляютъ собой нѣчто сложное, гдѣ индивидъ функціонируетъ въ качествѣ объекта и субъекта; задача изслѣдователя вовсе не заключается въ провозглашеніи торжества какого нибудь изъ этихъ началъ, а въ выясненіи ихъ относительнаго значенія [4]).

---

3) см. Engels. L. Feuerbach, St., изд. 1895 г., стр. 23—24.

4) Въ этомъ отношеніи я вполнѣ признаю основательность замѣчанія проф. Бемъ-Баверка: „познаніе объективныхъ зависимостей безъ познанія промежуточныхъ субъективныхъ звеньевъ не представляетъ собой высшей степени познанія, ибо совершенное пониманіе достигается только чрезъ познаніе не только внѣшней, но и внутренней связи. Б.-Бав., Теорія К. Маркса, р. пер., Спб. 1897 г., стр. 122.

Пока намъ важно отмѣтить только то, что Каутскому представляется, будто имѣется только два исхода: или стать на сторону теоретиковъ школы Бемъ-Баверка, или на сторону объективистовъ марксизма. Онъ не замѣчаетъ, что можетъ быть другая дорога, которая идетъ совсѣмъ въ иную сторону. Другая дорога, на которую, какъ мнѣ кажется неизбѣжно долженъ вступить всякій, кто, не желая быть догматиковъ и стараясь возможно ближе подойти къ познанію всей сложности окружающихъ явленій, поставитъ себѣ вопросы: 1) что такое отношенія производства и кто такіе производители въ экономическомъ организмѣ, 2) вытекаетъ ли изъ общественныхъ отношеній производителей, какая либо теорія цѣнности и, въ частности, трудовая теорія цѣнности и 3) какую роль въ общественныхъ отношеніяхъ производителей играетъ обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе; возможенъ ли какой либо общественный процессъ выработки представленій о цѣнности и о связанныхъ съ нею человѣческихъ отношеніяхъ безъ выясненія этой роди обмѣна распредѣленія, и потребленія?

Много лѣтъ у насъ господствовала догма трудовой цѣнности и подъ угломъ зрѣнія этой теоріи общественная мысль привыкала разсматривать и объяснять всѣ явленія. Многимъ казалось, что трудовая цѣнность самореальнѣйшій фактъ нашей промышленной жизни и всякая попытка толкованія и отрицанія этой теоріи считалась чуть ли не измѣною наукѣ и народу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашей литературѣ столкнулись два противоположныхъ міровоззрѣнія — народниковъ и неомарксистовъ. Первые были сторонниками такъ называемаго „народнаго производства“, защитниками мелкой формы промышленности, земледѣльческаго крестьянства для настоящаго. Для будущаго эта школа указывала на необходимость „не отрекаться отъ вѣковыхъ и самыхъ коренныхъ основъ благосостоянія народа, направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обрабатывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей на почвѣ созданія крупнаго, обмірщеннаго производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники, и имѣющаго въ виду удовлетвореніе „дѣйствительныхъ потребностей“ и благосостояніе всего населенія“ [5]). Вторые видѣли въ нарождающемся промышленномъ и земледѣльческомъ капитализмѣ, въ исчезновеніи народнаго производства съ его малой производительностью и рабскимъ положеніемъ работника, необходимую стадію развитія, ведущую чрезъ развитіе и концентрацію производительныхъ силъ, къ

5) см. Николай — онъ. Очерки порефор. хозяйства, СПБ. 1893, стр. 345—346.

новымъ болѣе высокимъ формамъ соціальнаго быта, „въ царство свободы, которое вырветъ работника изъ царства необходимости". Но въ томъ и другомъ міровоззрѣніи была и общая почва: оно одинаково покоилось на догматѣ трудовой цѣнности, догматѣ, который составлялъ „святое святыхъ" этихъ школъ. Въ этомъ вопросѣ они сходились и враги трудовой теоріи были ихъ общими врагами.

Борьба мнѣній этихъ школъ неокончена и понынѣ. Безъ сомнѣнія, въ той или другой формѣ она будетъ возникать еще много разъ, пока мы живемъ въ условіяхъ современнаго экономическаго быта, пока на ряду съ аграрной и промышленной буржуазіей крупнаго и мелкаго типа, мы будемъ имѣть и аграрную, и промышленную демократію. Но нѣкоторые положительные, — я имѣю, конечно, всего болѣе въ виду теоретическіе, — результаты этой борьбы на лицо и хоть отчасти имъ слѣдуетъ подвести итогъ. Пока мнѣ хочется обратить вниманіе на одну сторону этихъ результатовъ, которая связана съ анализомъ теоріи обмѣна. Мы видѣли уже, что часть неомарксистовъ отказалась отъ трудовой теоріи цѣнности, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей свела ее почти къ абсурду и бросилась въ объятія новой догмы предѣльной полезности, совершенно отринувъ даже чисто методологическое значеніе прежней теоріи. Къ этому ихъ въ значительной мѣрѣ привелъ споръ о значеніи рынка, въ которомъ они были нападающей стороной подъ флагомъ „истиннаго пониманія непреложнаго закона трудовой цѣнности", но затѣмъ натолкнулись на такія противорѣчія въ доктринѣ и фактахъ дѣйствительной жизни, что отказъ отъ прежняго догмата былъ неизбѣженъ. Какъ увидимъ ниже, въ народнической средѣ ученіе о трудовой цѣнности всегда имѣло нѣсколько неопредѣленный, двусмысленный и, если хотите, религіозно-мистическій характеръ; тамъ, поэтому, легче оно сохраняется и понынѣ, хотя народники и были первыми изъ тѣхъ писателей, ученія которыхъ логически должны были вести къ крушенію догмата трудовой цѣнности. Я уже показалъ, что противоположная сторона въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей столь же логически должна была прибѣгнуть къ теоріи абсолютной трудовой стоимости или къ субъективной трудовой цѣнности для спасенія послѣднихъ остатковъ теоріи, въ которой она видѣла лучшее воплощеніе „соціальной идеи". Послѣдніе остатки прямолинейнаго марксизма у насъ не обновляютъ этой теоріи, а только повторяютъ старые и избитые аргументы [6]).

6) Послѣ всего сказаннаго въ второй главѣ, надѣюсь, для всякаго будетъ ясно, какъ мало можно ждать отъ теоретиковъ, пишущихъ такъ: „производство

Вопросъ о рынкѣ дебатировался съ такимъ ожесточеніемъ, что могло казаться, будто эъ этомъ вопросѣ вся суть экономическаго міровоззрѣнія. Многочисленныя цитаты изъ Маркса приводились тою и другою стороной, чтобы доказать, что великій учитель стоитъ на той, а не на другой сторонѣ. При наличности несогласимыхъ цитатъ поднимался вопль о противорѣчіи доктрины перваго и третьяго тома. Въ сущности, при ближайшемъ анализѣ оказывается, что предметъ спора не такъ многосложенъ и труденъ для разрѣшенія, какъ это иногда представлялось публикѣ созерцавшей борьбу нашихъ литературныхъ партій на этой почвѣ.

Пока мы ограничимъ нашу задачу. Мы совершенно устранимъ изъ обсужденія споръ о преимуществахъ крупнаго и мелкаго хозяйства, крупнаго и мелкаго капитализма, который у насъ получилъ своеобразное названіе „народнаго производства“. Къ этому вопросу мы вернемся во второй части нашего изслѣдованія. Теперь намъ важно оцѣнить значеніе спора о рынкѣ только для теоріи обмѣна, а впослѣдствіи и для выработки основного принципа торговой политики. Посмотримъ же къ какимъ результатамъ свелся этотъ литературный споръ о рынкѣ, который по существу былъ споромъ объ истолкованіи доктрины Маркса; что такое рынокъ и почему споръ о немъ могъ, по крайней мѣрѣ одну изъ боровшихся сторонъ, привести къ отрицательнымъ результатамъ по части одного изъ существеннѣйшихъ догматовъ доктрины? Общій кризисъ, который переживала и переживаетъ доктрина марксизма на западѣ, конечно, съигралъ не малую роль въ этомъ видоизмѣненіи взглядовъ; мы всегда идемъ на буксирѣ западной науки, но нигдѣ въ послѣднее время онъ не прини-

---

каждаго товара слагается въ наше время изъ безчисленныхъ атомовъ труда, приложеннаго цѣлыми милліонами людей; непосредственно учесть эти атомы трудъ совершенно немыслимый. Какъ учесть напр. долю труда, вложенную въ стоимость даннаго продукта рабочимъ строившимъ дорогу, по которой продуктъ былъ провезенъ, а между тѣмъ эта доля несомнѣнно входитъ въ общую трудовую стоимость продукта? Но технически-производственная теорія обмѣна даетъ возможность косвеннаго суммированія такихъ атомовъ. Отъ міровыхъ цѣнъ даннаго товара мы можемъ, внося поправки по принципамъ самой теоріи, восходить къ трудовой стоимости даннаго товара и выяснять съ возрастающей точностью ея реальную величину. Безъ рѣшенія наукою этихъ задачъ невозможенъ тотъ процессъ сознательнаго преобразованія общественныхъ формъ, который шагъ за шагомъ долженъ замѣнить стихійность современнаго капиталистическаго режима.“ И все это невозможное, становящееся какимъ то чудомъ возможнымъ, называется очерками реалистическаго міровоззрѣнія. см. ст. Богданова. Техника и обмѣнъ. Очерки реалистическаго міровоззрѣнія, Спб. 1904, стр. 343.

малъ такого своеобразнаго вида, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ споръ о рынкѣ, о „самодовлѣющемъ и не самодовлѣющемъ“ капитализмѣ, казался чуть ли не самымъ важнымъ вопросомъ жизни.

Какое же значеніе имѣетъ вопросъ о рынкѣ и не чувствовали ли тѣ систематики экономической доктрины, ученія которыхъ мы отмѣтили въ концѣ первой главы, что сложившееся дѣленіе экономіи на особые отдѣлы не цѣлесообразно и что рынокъ, съ происходящимъ на немъ обмѣномъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ, имѣетъ какую то производительную функцію?

Въ анализѣ рынка и его роли можно идти двумя путями. Мы можемъ остаться на совершенно формальной и описательной почвѣ или же, напротивъ, анализировать рынокъ, стараясь точно изучить тѣ процессы, которыя происходятъ на немъ и чрезъ его посредство, а потому и дѣлаютъ изъ него могучее орудіе нормированія всѣхъ отношеній и представленій въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства. Первый путь сравнительно легокъ.

Подъ рынкомъ въ самомъ общемъ смыслѣ публика понимаетъ спеціально приспособленное мѣсто, гдѣ встрѣчаются продавцы и покупатели самыхъ разнообразныхъ продуктовъ. Экономисты смотрятъ на рынокъ нѣсколько иначе. Если мы откроемъ сочиненія напр. Курно и Джевонса, то найдемъ такія опредѣленія. „Рынокъ, говоритъ Курно, „есть названіе даваемое множеству непосредственно конкурирующихъ предпріятій. Экономисты понимаютъ подъ рынкомъ не особое мѣсто, гдѣ совершаются и взаимно поглощаются покупки и продажи, но совокупность всей той области, въ которой стороны находятся въ такихъ условіяхъ свободнаго торга, что цѣны быстро и легко уравниваются“. Джевонсъ пишетъ: „первоначально рынокъ былъ общественнымъ мѣстомъ въ городѣ, гдѣ провизія и другіе предметы выставлялись для продажи, но слово приняло теперь болѣе общій смыслъ и означаетъ любое число лицъ, которые находятся въ тѣсныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Опредѣленіе мѣста, гдѣ сдѣлки совершаются несущественно. Подъ рынкомъ я понимаю, продолжаетъ онъ, двухъ или болѣе лицъ, торгующихъ однимъ или болѣе предметами, при чемъ запасы этихъ благъ и намѣренія сторонъ относительно обмѣна извѣстны всѣмъ. Такъ, когда мы говоримъ о денежномъ рынкѣ мы не разумѣемъ какого нибудь мѣста; это выраженіе прилагается нами ко всей суммѣ тѣхъ банкировъ, капиталистовъ и другихъ торговцевъ, которые занимаютъ или даютъ деньги въ кредитъ, которые постоянно обмѣниваются свѣдѣніями о ходѣ дѣлъ“. „Существеннымъ условіемъ существованія рынка является, по его

мнѣнію, то, чтобы *мѣновое отношеніе* между продуктами и вообще всякое мѣновое отношеніе лицъ было извѣстно всѣмъ. Рынокъ, поэтому, совершененъ только тогда, когда всѣ торговцы имѣютъ полныя свѣдѣнія относительно спроса и предложенія товаровъ и вытекающемъ изъ него мѣновомъ отношеніи. Джевонсъ находитъ, кромѣ того, нужнымъ найдти спеціальный терминъ для всей той суммы людей, совокупное вліяніе которыхъ сказывается на рынкѣ, и находитъ цѣлесообразнымъ употреблять выраженіе: „торгующее тѣло". Всякое торгующее тѣло для него: или личность, или совокупность личностей, агрегатъ ихъ, и законъ рынка, который обнаруживается по отношенію къ агрегату, долженъ зависѣть отъ выполненія его на личностяхъ [7]).

Не трудно видѣть, что опредѣленія Курно и Джевонса вовсе не представляютъ собою описанія реальнаго рынка, ни полной характеристики его значенія для народнаго хозяйства. Ихъ опредѣленія только условное обозначеніе для опредѣленныхъ цѣлей. Оба они смотрятъ на рынокъ съ точки зрѣнія производства и торга всякаго рода товаромъ въ системѣ свободнаго соперничества; для нихъ важенъ только конечный результатъ вліянія того рынка, который они называютъ совершеннымъ: *всѣмъ извѣстное мѣновое отношеніе, быстрое и легкое уравненіе цѣнъ*. Какъ и въ какихъ предѣлахъ въ дѣйствительности достигается этотъ результатъ имъ не важно: теоретически этотъ результатъ въ системѣ соперничества долженъ быть полученъ и какія послѣдствія это вызоветъ въ условіяхъ производства и распредѣленія продукта, для изслѣдователя — уже другой вопросъ.

Въ разныя историческія эпохи, въ каждое данное время и на данномъ мѣстѣ рынокъ по самому своему существу долженъ быть различенъ въ зависимости отъ слѣдующихъ условій: а. отъ рода мѣстностей, мѣстныхъ приспособленій и учрежденій, при посредствѣ которыхъ и въ которыхъ совершается торгъ; другими словами отъ характера существующихъ матеріальныхъ и экономическихъ условій концентраціи спроса и предложенія продуктовъ, отчуждаемыхъ вещей и отношеній въ извѣстный болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, б. отъ класса борящихся на рынкѣ, реальнаго знанія его представителями условій рынка, числа и экономической силы лицъ и предпріятій, которыя ведутъ торгъ, в. отъ количества, ка-

---

7) см. A. Cournot. Recherches sur les principes mathématiques de la theorie des richesses, Paris. 1838, стр. 55 (прим.) S. Jevons. The Theory of Political Economy, London, 1871, стр. 84 и слѣд.

чества и всѣхъ другихъ свойствъ того, что покупается и продается и г. отъ всей совокупности правовыхъ и экономическихъ различій, при которыхъ производится, распредѣляется и потребляется продуктъ и совершаются всякаго рода мѣновыя отношенія, какъ въ предѣлахъ даннаго политическаго цѣлаго, такъ и въ средѣ международнаго общенія разныхъ политическихъ тѣлъ, стоящихъ на разныхъ стадіяхъ экономическаго развитія (внутренній и внѣшній рынокъ).

Оставаясь по прежнему на чисто формальномъ описаніи рынка, мы безъ особыхъ затрудненій можемъ сдѣлать двѣ основныхъ группировки для формъ рынка въ предѣлахъ современныхъ народныхъ хозяйствъ, формъ, которыя развивались исторически.

Для современнаго хозяйства имѣютъ главное значеніе двѣ формы рынка: а. денежно-кредитная и б. спекулятивная. Та форма рынка, когда продуктъ обмѣнивается непосредственно на продуктъ, услуга оплачивается непосредственно услугой, имѣетъ сравнительно малое значеніе въ нашей системѣ хозяйства. Подъ денежно-кредитной формой рынка мы понимаемъ — рынокъ такого характера, когда всѣ мѣновыя отношенія, всѣ покупки и продажи совершаются при посредствѣ денежнаго эквивалента или кредита, болѣе или менѣе непосредственно связаны съ передачей и оплатой товаровъ въ опредѣленный срокъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ. При спекулятивной формѣ мы имѣемъ дѣло не столько съ мѣновыми отношеніями, сколько съ мѣновыми сдѣлками; эти сдѣлки совершаются на основаніи заранѣе выработавшихся типовъ товара, количество заключенныхъ сдѣлокъ можетъ быть безконечно больше количества реально проданныхъ и купленныхъ цѣнностей и т. п. Само собою разумѣется, что каждая изъ этихъ формъ рынка характеризуется своеобразными пріемами концентраціи спроса и предложенія и лица, принимающія участіе въ торговыхъ сдѣлкахъ по принадлежности къ соціальнымъ классамъ безконечно разнообразны.

Безъ особаго труда можно также видѣть, что во всякомъ развитомъ хозяйствѣ мы можемъ различать три вида рынка, какъ особую форму обнаруженія дѣятельности человѣка въ его мѣновыхъ отношеніяхъ. Мы постоянно говоримъ: 1) о производительномъ рынкѣ, т. е. о совокупности лицъ, хозяйствъ, предпріятій, учрежденій, изготовляющихъ всякаго рода товары, продающихъ и покупающихъ ихъ для употребленія въ производительномъ процессѣ; 2) наличность денежнаго и кредитнаго рынка т. е. совокупности денегъ и капиталовъ непосредственно употребляемыхъ или а. на обращеніе товаровъ, или б. на производительные и потребительные авансы, нуждающимся въ

нихъ и 3) потребительный рынокъ въ собственномъ смыслѣ этого слова т. е. совокупность лицъ, учрежденій, предпріятій, хозяйствъ и т. п., потребляющихъ въ процессѣ удовлетворенія многообразныхъ человѣческихъ потребностей, изготовленные для этой цѣли на производительномъ рынкѣ товары.

Какъ видимъ, у экономистовъ понятіе о рынкѣ сильно отличается отъ того, которое обыкновенно держится въ публикѣ. Послѣдняя просто, элементарно и реально понимаетъ подъ рынкомъ мѣсто, куда сбываются товары; для экономистовъ это понятіе является своеобразнымъ общимъ понятіемъ о совокупности многообразныхъ предпріятій, конкурирующихъ между собою и обмѣнивающихся другъ съ другомъ и съ цѣлымъ рядомъ другихъ предпріятій. Эти предпріятія говорятъ между собою на одномъ общемъ языкѣ, который выражается въ знакахъ цѣнъ ихъ товаровъ, въ доходахъ, которые они реализуютъ на затраченный капиталъ. Если это представленіе экономистовъ о рынкѣ вѣрно, то для всякаго ясно, что кромѣ такого формально-описательнаго и историческаго изученія рынка необходимо и болѣе глубокое, теоретическое его изученіе. Чтобы понять, что такое рынокъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, мы очевидно должны изучить тѣ общія, внутреннія и внѣшнія, условія, въ которыхъ стоятъ всѣ или болѣе или менѣе опредѣленныя группы этихъ конкурирующихъ и обмѣнивающихся предпріятій и тѣ процессы, при помощи которыхъ идетъ образованіе цѣнъ и доходовъ, этого общаго языка во ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, весь порядокъ удовлетворенія потребностей.

Какъ мы уже видѣли выше изъ нашего литературнаго обзора, съ физіократовъ и вплоть до Маркса, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія условія жизни этихъ предпріятій намѣчались довольно однохарактерно.

Долго считалось доказаннымъ, что „цѣнности создаются какъ-то до обмѣна“, что общій языкъ для опредѣленіи условій промѣна уже заранѣе готовъ для наличныхъ предпріятій, что всякое производство цѣнностей и всякое развитіе капиталистическаго хозяйства покоится „на производительности земледѣльческаго труда“. Читая Кене, Рикардо, Родбертуса, Маркса, мы постоянно замѣтимъ, что для нихъ основное кредо въ томъ, что избытокъ продукта, прибавочная цѣнность можетъ существовать только тогда, когда земледѣлецъ, какъ общее правило, производитъ большее количество продуктовъ, чѣмъ то, которые ему необходимо для собственнаго воспроизводства. Марксъ категорически утверждаетъ, что производительность земледѣльческаго труда, превосходящая личныя потребности работника,

составляетъ базисъ всякаго общества и необходимое условіе капиталистическаго производства“ [8]).

Кромѣ этого основнаго общаго условія жизни всей совокупности предпріятій, работающихъ на рынокъ и конкурирующихъ на немъ, Марксъ и его ученики съ особымъ стараніемъ, какъ мы уже видѣли отмѣчали одно основное стремленіе этихъ хозяйствъ: получить ренту и прибыль, а для этого накоплять и накоплять капиталъ, вѣчно стараясь о томъ, чтобы онъ вновь воспроизвелъ себя и вновь поступилъ въ производство. Внѣшними условіями для всѣхъ предпріятій являлись частная собственность и свобода соперничества т. е. существующій и необходимый для этого правопорядокъ.

Уже Кене выработываетъ особую таблицу-схему, которая должна показать, какъ долженъ распредѣляться прибавочный, чистый продуктъ, чтобы общественное производство шло равномѣрно, безъ потрясеній, для вящаго развитія всѣхъ своихъ производительныхъ силъ. Рикардо и Марксъ являются только вѣрными продолжателями физіократовъ, въ особенности послѣдній. Во второмъ и третьемъ томѣ Марксъ, эта историческая голова, садится, какъ и Кене, за математику и начинаетъ составлять абстрактныя схемы, при помощи которыхъ старается постичь механизмъ движенія капиталистическаго производства. Основной изъ этихъ схемъ пришлось играть большую роль въ нашихъ литературныхъ спорахъ [9]).

---

8) см. Капиталъ т. II, р. пер., стр. 295 и слѣд. Простое воспроизводство, т. III. В. II. стр. 317 и слѣд.

9) Все общественное производство, по предположенію Маркса, дѣлится на двѣ части: а) изготовленіе средствъ производств т. е. товаровъ, которые, какъ капиталъ, могутъ быть употреблены на дальнѣйшее развитіе производства, и б) средствъ потребленія т. е. товаровъ, ежегодно исчезающихъ въ процессѣ удовлетворенія потребностей. Для произведенія годичнаго валоваго продукта требуется постоянный капиталъ C, перемѣнный v и, въ результатѣ, должна быть произведена прибавочная цѣнность m.; значитъ, говоритъ Марксъ, общая цѣнность продукта равна $C+v+m$. Марксъ предполагаетъ, что норма прибавочной цѣнности равна 100% и слѣдующимъ образомъ, въ совершенно произвольно взятыхъ цыфрахъ, даетъ схему производства и потребленія въ народномъ хозяйствѣ при такъ называемой имъ системѣ простаго воспроизводства, въ которой прибавочная цѣнность потребляется въ тотъ же годъ, когда она произведена.

А) Изготовленіе средствъ производства:

Капиталъ, вложенный въ дѣло: $4000\ C + 1000\ v = 5000$ любыхъ денежныхъ знаковъ. Товарный продуктъ этого капитала $4000\ C + 1000\ v + 1000\ m = 6000$ любыхъ денежныхъ знаковъ.

Б) Изготовленіе средствъ потребленія.

Марксу представляется, что необходимо изучить механизмъ обмѣна въ закономѣрномъ видѣ т. е. представить его независимо отъ того, какъ онъ является вслѣдствіи временныхъ колебаній въ спросѣ и предложеніи товаровъ на рынкѣ. Онъ предполагаетъ, что общественное производство представляетъ гармоническое цѣлое и ему становится не труднымъ въ мертвой, гипотетической схемѣ представить характеръ размѣна всего міра товаровъ общественнаго производства и необходимыя условія его гармоническаго существованія. Для него рынокъ есть тѣ пространственныя предѣлы капиталистическаго хозяйства, гдѣ происходитъ *реализація произведенныхъ цѣнностей*. Эта гармоническая схема, однако, не закрываетъ ему глазъ на реальныя явленія. Онъ утверждаетъ, что на извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы вступаютъ въ противорѣчіе съ производственными отношеніями и тогда наступаетъ эпоха кризисовъ.

Вглядываясь въ отмѣченную схему, невольно приходится задать себѣ вопросъ, представляетъ ли она великое научное открытіе въ дѣлѣ анализа капиталистическаго хозяйства или только призрачную игру цыфрами, которая не только не помогаетъ, но скорѣе вредитъ намъ въ нашихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ? Сохранено ли въ ней предположеніе, что производительность земледѣльческаго труда составляетъ базу капиталистическаго общества и вѣрно ли это поло-

---

Капиталъ 2000 C + 500 v = 2500 л. д. з. Товарный продуктъ 2000 C + 500 v + 500 m. Раздѣливъ такъ схематически народное производство и потребленіе, Марксъ начинаетъ спокойно разсуждать, когда подобная схема удержится въ равновѣсіи. Вотъ процесъ его разсужденій полностью.

A) 500 m, перемѣнный капиталъ т. е. доходъ рабочихъ и 500 m — прибавочная цѣнность т. е. доходъ предпринимателей, должны быть потреблены, отсюда слѣдуетъ, что изъ массы 3000 потребительныхъ продуктовъ, 1000 будетъ ежегодно извлекаемы изъ обращенія ихъ производителями. B) На такое же потребленіе должны быть издержаны 1000 v и 1000 m перваго подраздѣленія, для чего они должны быть вымѣнены на остатокъ 2000 подраздѣленія Б. или на сумму ежегодно воспроизводимаго капитала въ производствѣ средствъ потребленія. Г) Согласно дальнѣйшему предположенію Маркса, 4000 C, состоящія изъ постояннаго капитала производителей средствъ производства могутъ быть употреблены въ первомъ подраздѣленіи, „находя свое освобожденіе во взаимномъ обмѣнѣ потребными орудіями производства совершенно также, какъ 500 v и 500 m во второмъ подраздѣленіи исчезли въ обмѣнѣ между рабочими и капиталистами или между единичными капиталистами 2-го под.

Отсюда онъ приходитъ къ выводу, что система можетъ держаться въ равновѣсіи только тогда, если доходъ рабочихъ (перемѣнный капиталъ) и доходъ предпринимателей (прибавочная цѣнность) производителей средствъ производства равняется суммѣ постояннаго капитала ежегодно воспроизводимаго производителями средствъ потребленія.

женіе? Мыслимъ ли тотъ теоретическій балансъ и уравновѣшеніе *заранѣе опредѣленныхъ цѣнностей,* изъ котораго она исходитъ?

Въ третьемъ параграфѣ этой главы мы дадимъ этой схемѣ окончательную оцѣнку со всѣхъ тѣхъ сторонъ, которыя отмѣчены въ началѣ настоящей главы, а впослѣдствіи полнѣе разрѣшимъ и и первый изъ поставленныхъ теперь вопросовъ. Въ настоящій моментъ намъ слѣдуетъ только затронуть отчасти послѣдній изъ поставленныхъ ранѣе вопросовъ, каково положеніе обмѣна и распредѣленія въ общественныхъ отношеніяхъ производителей? Оговариваюсь, только затронуть, ибо окончательное рѣшеніе этого вопроса станетъ возможнымъ только тогда, когда впослѣдствіи мы будемъ анализировать идею товарнаго фетишизма, законы ренты и прибыли.

Вопросъ этотъ можетъ быть поставленъ такъ: слѣдуетъ ли обмѣнъ и распредѣленіе считать частью организованнаго процесса производства или же правильнѣе ихъ считать явленіями, вытекающими изъ извѣстной формы производственныхъ отношеній, или ни то, ни другое, разсматривать ихъ, какъ самостоятельныя категоріи явленій, отношеніе которыхъ къ производительному процессу должно быть опредѣлено совершенно обособленно?

Уже въ первой главѣ мы видѣли, что начиная съ Мальтуса въ экономической наукѣ постоянно выплываетъ мысль о томъ, что обмѣнъ создаетъ цѣнности, что нѣтъ такой универсальной силы, которая могла бы создавать цѣнность, предопредѣлять ея величину до обмѣна, что цѣнности создаются въ процессѣ обмѣна, который является частью производительнаго процесса общества. Въ нѣмецкой исторической школѣ эта точка зрѣнія постоянно выплываетъ въ спорахъ о значеніи торговаго капитала. Положеніе распредѣленія т. е. доходовъ также остается весьма неопредѣленнымъ: для однихъ доходы являются регуляторами процесса образованія цѣнностей, для другихъ они необходимый составной элементъ цѣны, если не всѣ въ совокупности, то, по крайней мѣрѣ, или въ видѣ прибыли и заработной платы, или въ видѣ одной заработной платы.

Въ недавнее время одинъ американскій ученый Кларкъ постарался точнѣе опредѣлить роль обмѣна и распредѣленія. Въ его построеніяхъ по существу мало новаго, но въ цѣломъ оно представляетъ любопытный обращикъ того заколдованнаго круга, въ которомъ вращается современная экономія безъ видимой надежды его покинуть, если мы только съ упорствомъ будемъ держаться за старыя доктрины классической экономіи, которыя навязываютъ намъ представленіе о производствѣ, какъ о производствѣ цѣнностей.

Кларкъ, повидимому, разрушаетъ установившіяся подраздѣленія экономіи, фактически же только повторяетъ старое, оставляя столь же загадочнымъ анализъ рынка и совершающихся на немъ процессовъ, какъ и представители классической экономіи.

„Термины-производство, распредѣленіе, обмѣнъ и потребленіе, пишетъ онъ, употреблялись для обозначенія четырехъ основныхъ подраздѣленій экономіи. Но они являются неопредѣленными подраздѣленіями, ибо одно изъ нихъ заключаетъ въ себѣ два другихъ. Производство богатства, какъ оно совершается въ организованномъ обществѣ, есть процессъ, который включаетъ въ себя обмѣнъ и распредѣленіе. Какъ подраздѣленія научнаго характера они должны исчезнуть, ибо демаркаціонныя линіи между ними не соотвѣствуютъ дѣйствительной жизни. Эти подраздѣленія насильственны, они сдѣланы только для того, чтобы подраздѣлить на болѣе мелкія области изслѣдованіе, которое трудно постигнуть, какъ одно цѣлое. Производство, въ дѣйствительности, охватываетъ всѣ экономическія операціи за исключеніемъ потребленія. Потребленіе остается индивидуалистическимъ процессомъ въ нашемъ организованномъ обществѣ. Мы производимъ хлѣбъ (и все намъ необходимое) на кооперативныхъ началахъ, но мы ѣдимъ его каждый въ отдѣльности. Только общество во всемъ его цѣломъ является создателемъ всѣхъ наличныхъ благъ. Обмѣнъ есть типичная форма производства, какъ оно совершается посредствомъ группъ людей. Подъ обмѣномъ мы понимаемъ переходъ благъ изъ рукъ въ руки. Этотъ процессъ сводится къ подраздѣленію людей на различные группы, изъ которыхъ каждая играетъ роль въ соціальномъ производствѣ. Обмѣнъ, поэтому, опредѣляетъ форму организаціи промышленнаго общества. Это значитъ, что соціальное производство въ настоящее время окончательно завершается посредствомъ обмѣновъ. Продажа изготовленныхъ продуктовъ, такимъ образомъ, является конечнымъ актомъ соціальнаго производства. Но мало того. Производство общества, какъ цѣлое, включаетъ въ себя процессъ установленія цѣнностей. Рыночныя цѣны являются причиной групповаго распредѣленія. Нормальныя цѣны результатъ извѣстныхъ явленій распредѣленія. Вліянія, которыя возникаютъ въ распредѣленіи, пораждаютъ такія условія соціальнаго производства, въ которыхъ мѣновыя цѣнности нормальны. Гдѣ же если такъ, задаетъ Кларкъ вопросъ, въ предѣлахъ четырехъ подраздѣленій экономіи должно совершаться изученіи мѣновой цѣнности и отвѣчаетъ: „явленіе само по себѣ непосредственно связано съ обмѣномъ; ближайшей причиной является состояніе производства; конечное влія-

ніе, которое контролируетъ его, есть дѣйствіе силъ распредѣленія“ [10]). Отсюда, по его мнѣнію ясно, что распредѣленіе въ его цѣломъ, также какъ и обмѣнъ, должны быть включены въ предѣлы организованнаго процесса производства богатствъ“.

Что мѣновая цѣнность имѣетъ отношеніе къ обмѣну, производству и распредѣленію — это я готовъ признать; вся классическая школа шла аналогичнымъ путемъ, но это не спасло ее отъ множества заблужденій и неясностей. Что соціальное производство завершается путемъ обмѣновъ, что общество основано на раздѣленіи труда и на подраздѣленіи на взаимно необходимыя группы, что обмѣнъ опредѣляетъ форму промышленнаго общества, что доходы являются регуляторами въ процессѣ образованія цѣнъ — все это мы слышали много разъ, но въ такой формулировкѣ не даетъ какого либо яснаго отвѣта на вопросъ, почему обмѣнъ и распредѣленіе, въ ихъ цѣломъ, должны быть включены въ предѣлы организованнаго процесса производства, и только ли обмѣнъ и распредѣленіе?

Само собою разумѣется, что подраздѣленія наши относительно разныхъ областей экономіи искуственны, но отсюда еще не слѣдуетъ, что смѣшеніе отдѣловъ въ одну кучу приближаетъ насъ къ реальному пониманію явленій. Если мы включаемъ обмѣнъ и распредѣленіе въ предѣлы процесса производства, руководствуясь тѣмъ, что оба эти фактора содѣйствуютъ образованію цѣнностей, то сейчасъ же возникаетъ два вопроса, почему же отсюда исключено потребленіе, какимъ образомъ и почему обмѣнъ и распредѣленіе оказываютъ это вліяніе? Кларкъ считаетъ потребленіе обратной стороной производительнаго процесса и дѣломъ совершенно личнымъ, индивидуальнымъ. Послѣднее утвержденіе, конечно, ошибочно. Въ нашемъ сложномъ экономическомъ механизмѣ всякое личное дѣяніе отражается на цѣломъ рядѣ связанныхъ съ нами людей. Мое личное потребленіе, возможность или невозможность захватить для личнаго потребленія и уничтоженія опредѣленную сумму благъ, оказываетъ вліяніе на спросъ и предложеніе товаровъ, сокращаетъ или дѣлаетъ избыточнымъ ихъ запасъ, направляетъ производство въ ту или другую сторону и еще требуется доказать, вызываетъ оно или нѣтъ соотвѣтствующій отпечатокъ на процессѣ образованія цѣнностей и цѣнъ? Если это будетъ доказано, тогда и потребленіе окажется частью производительнаго

10) J. B. Clark. The Distribution of Wealth, гл. II, стр. 10—24 и passim. Проф. Маршалъ и цѣлый рядъ другихъ ученыхъ идутъ другою дорогой. Маршалъ озаглавливаетъ 6-ю книгу своего учебника: value, or distribution and exchange.

процесса и подъ понятіемъ производительнаго процесса или, какъ выражается Кларкъ, въ предѣлы его, мы одинаково включимъ: обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ нашей сложной хозяйственной системѣ мы постоянно имѣемъ дѣло и съ своеобразной категоріей производительнаго потребленія — капитала и рабочей силы, которая уже несомнѣнно является частью производственнаго процесса.

Въ реальной дѣйствительности — производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе неразрывно связаны, но должна ли ихъ слить воедино и теорія? Слить воедино легко, но задача научнаго изслѣдованія вовсе не заключается въ смѣшеніи разнороднаго, изъ котораго получается цѣлое. Необходимо выяснить, какое соотношеніе существуетъ между производствомъ и конечною его цѣлью — потребленіемъ вообще, между производствомъ и обмѣномъ — распредѣленіемъ. Научныя подраздѣленія и являются тѣмъ средствомъ, при помощи котораго мы стремимся выполнить эту задачу.

Когда мы говоримъ производство есть созданіе матеріальныхъ благъ, обмѣнъ есть передача изъ рукъ въ руки благъ, которая при нѣкоторыхъ условіяхъ обращается и въ своего рода актъ распредѣленія благъ. Распредѣленіе есть процессъ образованія доходовъ и исторически сложившіяся условія обладанія разными родами продуктовъ и имущества, потребленіе — удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, намъ все болѣе или менѣе ясно, правда, въ извѣстномъ отдаленіи отъ реальной дѣйствительности. Когда мы ближе подходимъ къ ней, то замѣчаемъ что не въ состояніи судить о производствѣ и доходахъ безъ представленія о цѣнѣ или цѣнности, безъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя ими обусловливаются. Задача науки и заключается въ томъ, чтобы подвести насъ къ познанію этой загадки, не забѣгая впередъ и не утверждая заранѣе, что производство, какъ организованный процессъ, включаетъ въ себя обмѣнъ и распредѣленіе и есть производство цѣнностей. Промежуточныя звенья, которыя сливаютъ первое положеніе со вторымъ, должны быть еще раскрыты и не могутъ быть тѣми положеніями, изъ которыхъ мы можемъ исходить, какъ изъ доказаннаго. Сказать, что производство есть „приведеніе благъ къ существованію“, какъ выражается Кларкъ, это еще не значитъ укрѣпить положеніе, что производство есть „созданіе цѣнностей“. Методологически мы должны имѣть дѣло сначала съ продуктами и имуществомъ; постараться открытъ законъ ихъ цѣны или цѣнности, не устраняя изъ анализа того вліянія, которое можетъ оказывать на процессъ образованія цѣны другія категоріи соціальнаго хозяй-

ства. Включеніе обмѣна и распредѣленія въ производственный процессъ возможно только тогда, когда мы опредѣленно и окончательно выяснимъ роль этихъ факторовъ въ процессѣ образованія цѣнъ, покажемъ, какой двусмысленный характеръ пріобрѣтаетъ понятіе „производство“ въ нашихъ экономическихъ условіяхъ.

Этотъ анализъ, быть можетъ, намъ покажетъ, что, хотя всѣ соціально-экономическія явленія нашего капиталистическаго хозяйства и являются результатомъ одного общаго факта зависимости каждаго единичнаго производительнаго цѣлаго отъ общаго соціальнаго хозяйства, обмѣнъ дѣйствуетъ на цѣнности вслѣдствіи однихъ причинъ, распредѣленіе въ силу другихъ, что „распредѣлительная цѣнность факторовъ производства“, какъ выражается напр. Норденгольцъ [11]), и мѣновая цѣнность товаровъ, имѣютъ каждая свое собственное начало и свои опредѣляющіе моменты“.

Въ нашемъ сложно организованномъ обществѣ всѣ хозяйственныя явленія связаны съ потребленіемъ, производствомъ, обращеніемъ и распредѣленіемъ благъ. Каждая изъ этихъ областей явленій подлежитъ особому изученію. Она, какъ часть, проще цѣлаго, а простое слѣдуетъ изучать ранѣе цѣлаго и сложнаго.

Кромѣ того, исходнымъ пунктомъ для теоретическаго анализа можетъ быть только безспорное, а не сомнительное. Теоретикъ имѣетъ дѣло съ наличнымъ комплексомъ соціально-экономическихъ явленій. Онъ долженъ объяснить ихъ аналитически т. е. найдти тѣ простѣйшія силы, тѣ объективныя начала, которыя въ данное время оказываютъ вліяніе на процессъ образованія цѣнностей или цѣнъ. *Если рынокъ, какъ комплексъ явленій слагающихся изъ своеобразныхъ категорій производства, потребленія, распредѣленія, обмѣна и обращенія благъ,* представляетъ то сложное, которое подлежитъ нашему изслѣдованію, то каждая изъ своеобразныхъ его категорій должна быть изучена въ отдѣльности и только тогда мы можемъ представить себѣ ясно то сложное воздѣйствіе, которое существуетъ между этими зависимыми категоріями. Исторія и историческій анализъ облегчитъ задачу изслѣдователя только тогда, если заранѣе будетъ установлено, что въ предшествовавшемъ можно найдти тѣже силы и тотъ же способъ ихъ обнаруженія и дѣйствія, какой мы констатируемъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, и для настоящаго времени.

11) см. A. Nordenholz. Allgemeine Theorie der gesellschaftlichen Production, München, 1902, стр. 144—151; сравни также H. Dietzel. Theoretische Social-ökonomik, I. B., стр. 142—144, 156—158.

Сказать, что цѣнность есть общественное отношеніе, которое развивается вмѣстѣ и изъ общественныхъ отношеній, какъ это дѣлаетъ, Каутскій, и признать, что „оно не представляетъ собою чего то измѣримаго“ не значитъ выразить какую нибудь ясную мысль. Положеніе: „цѣнность — общественное отношеніе“ говоритъ только то, что сужденіе о цѣнности продукта будетъ опредѣляться для сторонъ обмѣна на аналогичныхъ началахъ въ извѣстной общественной средѣ, но не даетъ еще понятія объ этихъ началахъ и не доказываетъ, будто это отношеніе есть отношеніе равенства и навсегда устойчиваго, а не временнаго, равновѣсія. Само собою разумѣется, что „измѣрять (?)“ это общественное отношеніе мы можемъ только тогда, когда оно становится цѣнностью продукта, матеріализуется, но намъ важно знать до измѣренія, какъ образуется эта цѣнность, которая неразрывно связана съ продуктомъ и съ нашими представленіями о немъ, каковы тѣ объективныя силы, которыя для всѣхъ и каждого, въ историческомъ процессѣ и теперь, дѣлаютъ ее конкретнымъ фактомъ, съ которымъ мы считаемся и безъ котораго наша соціальная жизнь была бы невозможностью или случайностью.

Точка зрѣнія Маркса и всѣхъ марксистовъ заключаетъ въ себѣ безконечный рядъ противорѣчій именно потому, что она заранѣе предрѣшаетъ вопросы, которые еще подлежатъ изслѣдованію.

Первый бросающійся въ глаза порокъ схемы Маркса заключается въ томъ, что схема даетъ систему устойчиваго равновѣсія въ хозяйствѣ, движущей силой котораго она считаетъ противорѣчіе. Другой недостатокъ ея въ томъ, что она исходитъ изъ представленія о сложившихся цѣнностяхъ. Она даетъ систему устойчиваго равновѣсія въ капиталистическомъ хозяйствѣ, гдѣ цѣнность (и притомъ трудовая цѣнность) является уже нормирующей основой отношеній, гдѣ обмѣнъ есть только особая форма распредѣленія продукта и гдѣ само распредѣленіе является результатомъ извѣстныхъ отношеній производства [12]). Она заранѣе утверждаетъ, что цѣнность есть общественное отношеніе производителей, что каждый производитель получаетъ такое же количество труда чрезъ обмѣнъ своихъ продуктовъ, какое вноситъ своими продуктами, что распредѣленіе дохода между производителями пропорціонально ихъ поставкѣ общественнаго труда. Производителями, такимъ образомъ, являются только реальные представители труда, а

12) Марксъ, какъ мы видѣли въ нашемъ литературномъ обзорѣ, правильно замѣчаетъ, что мы должны изучить „природу производящаго общества“. Разсматривая эту природу, мы должны постараться раскрыть, не вліяетъ ли распредѣленіе, какъ одна сторона этой „природы общества“, на самый процессъ производства.

распредѣленіе только процессъ образованія доходовъ, вытекающій изъ условій производства, а отнюдь не реальныя условія обладанія источниками производства и имуществомъ, дающія право и возможность получить опредѣленную долю дохода.

Предположенное равновѣсіе устраняетъ вопросъ о значеніи обмѣна и распредѣленія въ дѣлѣ образованія цѣнностей и цѣнъ. Трудъ признается за единую и универсальную силу, о которой знаютъ производители и при посредствѣ которой индивидуальныя представленія производителей и владѣльцевъ дохода сталкиваются съ такими же у другихъ людей, и такъ создается нѣкоторая общность въ представленіяхъ объ аналогичныхъ предметахъ. Но весь вопросъ въ томъ, былъ ли правъ Марксъ, найдя эту реальную силу *въ трудѣ?* Быть можетъ, представленіе о немъ призрачно? Быть можетъ, возникновеніе обмѣна сейчасъ же разрушаетъ это представленіе о томъ, что трудъ есть единая производительная сила, что онъ представляетъ собою нѣчто объективно измѣримое или, покрайней мѣрѣ, болѣе объективно измѣримое, чѣмъ реально существующія доходы отдѣльныхъ классовъ производителей? Въ послѣдующемъ мы увидимъ, что это не такъ и что самое представленіе о цѣнностяхъ было бы невозможно въ нашихъ сложныхъ условіяхъ, если бы обмѣнъ и распредѣленіе постоянно не содѣйствовали процессу переработки нашихъ субъективныхъ представленій подъ воздѣйствіемъ внѣшней матеріальной и соціальной среды. Оставаясь на чисто теоретической почвѣ, мы не должны заранѣе ни включать обмѣнъ и распредѣленіе въ предѣлы производственнаго процесса, ни считать обмѣнъ и распредѣленіе простымъ результатомъ производственныхъ отношеній. Только опредѣливъ тщательно всю совокупность внѣшнихъ и внутреннихъ условій, въ которыхъ стоятъ не производители, а производительныя предпріятія, другими словами, теоретически раскрывъ всѣ условія рынка, мы можемъ опредѣлить то отношеніе, которое существуетъ между производствомъ, какъ созданіемъ благъ, и производствомъ, какъ созданіемъ цѣнностей и цѣнъ.

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы видѣли, что первый шагъ, который мы дѣлаемъ при познаніи экономическихъ явленій заключается въ констатированіи дифференціальной производительности труда по чисто естественнымъ условіямъ, а слѣдовательно, и въ возможной дифференціаціи доходовъ. На ряду съ этимъ фактомъ жизнь знакомитъ насъ съ фактами дифференціаціи потребностей и съ исторически нажитой дифференціаціей въ распредѣленіи имущества. Врядъ ли кто можетъ отрицать эти банальныя и общеизвѣстныя всѣмъ по-

ложенія экономической науки. Признавъ же эти положенія за нѣчто данное, за нѣчто, исходя откуда слѣдуетъ начать наши разсужденія, мы прежде всего поймемъ, что обмѣнъ, какъ передача продуктовъ изъ рукъ въ руки есть обмѣнъ такихъ продуктовъ, которые произведены при разныхъ условіяхъ производительности труда. Если это такъ, если на рынкѣ совершается обращеніе такихъ продуктовъ, то очевидно нормальная цѣна должна какъ то сглаживать эти различія. Какъ это происходитъ это должна открыть теорія и здѣсь ей очень и очень можетъ помочь ученіе о доходахъ, которое не стоитъ ни въ какой непосредственной связи съ совершенно ложнымъ ученіемъ о товарномъ фетишизмѣ, анализъ котораго и составитъ предметъ послѣднихъ двухъ параграфовъ этой главы. Но прежде всего сдѣлаемъ экскурсъ въ область нашихъ литературныхъ споровъ.

Споръ между марксистами и народниками о рынкѣ былъ фактически такъ неясенъ въ теоретическомъ отношеніи, ибо въ основѣ его лежала теорія обмѣна, которая принималась, какъ нѣчто доказанное, и ради торжества которой всякія противорѣчія казались допустимыми. Эта теорія, провозглашавшая зависимость цѣнности исключительно отъ труда, смотрѣла на рынокъ съ слишкомъ формальной стороны и далеко не полно анализировала совокупность тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, въ которыхъ стоятъ современныя производительныя предпріятія. Другими словами, представленіе этой теоріи о рынкѣ было неправильно. Она вѣчно твердила о реализаціи трудовыхъ цѣнностей, тогда какъ таковыхъ не существуетъ и не можетъ существовать въ нашемъ капиталистическомъ механизмѣ съ его рынкомъ, какъ со средоточіемъ всѣхъ тѣхъ процессовъ, при помощи которыхъ, несмотря на всякія, хотя и всегда реально существующія, субъективныя сужденія, для всѣхъ и каждаго выясняется та цѣна, тотъ доходъ, которые нормируютъ экономическія отношенія.

§ 2. Производительность труда, какъ сила созидающая и разрушающая. Два народника и два неомарксиста.

Между В. В. и Николаемъ — ономъ, какъ писателями, существуетъ громадное различіе [13]). Оно обнаруживается во внѣшнемъ

13) см. Николай — онъ. Теорія трудовой цѣнности и нѣкоторые изъ ея критиковъ. Русское Богатство, 1902 г., № 2 и 3., въ особенности стр. 5—65 № 2-го и 35 № 3-го. Чтобы не быть голословнымъ относительно В. В., приведемъ образчики его способа изложенія мыслей Маркса (см. его Очерки теоретической экономіи, Спб. 1895). Вотъ что пишетъ В. В.: „Есть цѣнность производственная

изложеніи, въ умѣніи точно и терминологически правильно выражать свои мысли, въ знаніи основнаго для теорій этихъ писателей ученія Маркса. Вездѣ преимущества на сторонѣ Николай — она. При всемъ томъ, въ этихъ двухъ писателяхъ много общаго, какъ во взглядахъ на экономическую политику, такъ и на основные теоретическіе вопросы экономіи.

и цѣнность рыночная, мѣновая. Первая выражаетъ отношенія постоянныя, присущія обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія. . Мѣновая цѣнность есть равнодѣйствующая всѣхъ вліяній, оказавшихся въ данный моментъ на рынкѣ, главнѣйшія же изъ нихъ отношенія производства и распредѣленія продуктовъ. . . Мѣновая цѣнность должна *примирить* (!!) требованія производства и распредѣленія. Если мѣновую цѣнность считать важнѣйшимъ экономическимъ феноменомъ и достоинство теорій цѣнности измѣрять полнымъ совпаденіемъ ея формулы съ формулой цѣны въ такомъ случаѣ нужно признать, что *теорій цѣнности будетъ столько же, сколько будетъ промышленныхъ организацій* (!!). Чистый доходъ производства образуется той частью стоимости продукта, которая соотвѣтствуетъ труду т. е. труду рабочаго уже возвратившаго свое содержаніе и теперь тратящаго силу на созданіе новой цѣнности. . Эта же часть стоимости не находится ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ затратамъ капитала (!!); въ отрасляхъ промышленности, развитыхъ технически, рабочій преобразовываетъ большую массу матеріала, слѣдовательно большую стоимость сравнительно съ отсталыми сферами труда; въ другихъ высокая затрата капитала требуется по причинѣ дороговизны сырья, подлежащаго обработкѣ и т. д., число же рабочихъ занятыхъ тамъ и здѣсь не зависитъ отъ размѣровъ затраченнаго капитала. Тоже слѣдуетъ сказать о прибавочной стоимости, доставляемой ими. Отношеніе этой стоимости къ капиталу въ технически развитыхъ отрасляхъ промышленности или въ тѣхъ, гдѣ перерабатывается дорогое сырье, будетъ ниже сравнительно съ такимъ же отношеніемъ въ промыслахъ, характеризующихся противоположными условіями. . . Конкуренція уравниваетъ прибыль во всѣхъ предпріятіяхъ. . Мѣновая цѣнность продукта, дающаго высокую прибавочную стоимость, понизится сравнительно съ внутренней (трудовой), товаръ съ низкой прибавочной стоимостью увеличитъ свою мѣновую цѣнность на туже величину (см. стр. 91, 97, 101 и passim)". Читатель, знакомый съ сочиненіями Маркса, легко можетъ оцѣнить достоинства изложенія взглядовъ своего учителя г. В. В. Вся первая глава труда В. В. посвящена выясненію роли рынка, которая можетъ считаться образцемъ всякаго рода противорѣчій, не смотря на то, что авторъ старается доказать основное свое положеніе: „рынокъ не *рождаетъ*, а *выясняетъ*". Предѣла путаницы мысль автора достигаетъ въ любопытномъ утвержденіи: „мы можемъ представить себѣ такую организацію общества, при которой, даже при существованіи работы на рынокъ, мѣновыя стоимости совпадали бы съ трудовою. Для этого достаточно, чтобы добавочное вознагражденіе производителя за затрату лишнихъ сравнительно съ другими средствъ производства взяло на себя правительство, получающее нужныя для того средства путемъ общаго налога. Это выраженіе „лишнія средства производства" просто классическое, а увѣренность въ возможности путемъ передачи добавочнаго вознагражденія однимъ капиталистамъ за счетъ другихъ осуществить на практикѣ трудовую цѣнность показываетъ, на какія теоретическія жертвы готовъ идти безъ смущенія г. В. В.

Оба они до сихъ поръ остаются убѣжденными сторонниками трудовой теоріи цѣнности и вполнѣ принимаютъ ту попытку примирить ее съ дѣйствительностью, которую Марксъ сдѣлалъ въ третьемъ томѣ. В. В. излагаетъ теорію цѣнности Маркса съ массой всякаго рода собственныхъ дополненій, сильно затемняющихъ существо теоріи. Николай — онъ стремится только сохранить въ неприкосновенности доктрину Маркса.

Для обоихъ этихъ писателей, однако, трудъ или вѣрнѣе средній общественно-необходимый трудъ есть творецъ цѣнности и прибавочной цѣнности. По ихъ мнѣнію, прибавочная цѣнность, произведенная во всѣхъ отрасляхъ промышленности, имѣетъ стремленіе распредѣлиться между всѣми отдѣльными отраслями производства пропорціонально капитальнымъ затратамъ каждой изъ нихъ и это достигается установленіемъ равномѣрной нормы прибыли чрезъ продажу товара въ однихъ случаяхъ выше, въ другихъ ниже трудовой цѣнности. Соперничество капиталовъ заставляетъ производителей въ предпріятіяхъ съ низкимъ строеніемъ капитала отдать часть своей прибавочной цѣнности предпріятіямъ съ относительно болѣе высокимъ строеніемъ. Въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ одной и той же отрасли промышленности это уравненіе достигается общимъ распространеніемъ наиболѣе усовершенствованныхъ въ ней способовъ производства т. е. равномѣрностью относительныхъ затратъ на постоянный и перемѣнный капиталъ. Во всѣхъ многочисленныхъ трудахъ Николай — она и В. В. мы постоянно встрѣчаемъ указанія о продажѣ товара по общественно-необходимой цѣнности, которая то выше, то ниже индивидуальной цѣнности производителя въ силу различій въ дифференціальной производительности труда. Въ то же время всякое излишнее количество продукта, брошенное на рынокъ, для нихъ свидѣтельствуетъ, что общественно-необходимаго труда для изготовленія продукта затрачено слишкомъ много; трудъ пересталъ быть общественно-необходимымъ; результатъ обезцѣненіе продукта до какой то иной нормы общественно-необходимаго труда. Такимъ образомъ ясно прежде всего, что оба главныхъ нашихъ народника принимаютъ теорію цѣнности Маркса въ той формѣ, которая, какъ я постараюсь показать, совершенно несостоятельна и не удовлетворила никого именно своей неопредѣленностью, расплывчатостью и цѣлымъ рядомъ теоретическихъ несообразностей [14]). Вторая общая особенность этихъ писателей заключается въ увѣренности, что „капиталистическое производство, развивая въ коллосальной сте-

14) см. нашу главу 5-ю, § 2.

пени производительность труда, само себѣ роетъ могилу, уничтожая имъ же самимъ созданный *рынокъ*". Производительный трудъ является силой творческой; онъ, какъ говоритъ Николай — онъ со словъ Маркса, „создаетъ общественное отношеніе, въ которомъ имъ самимъ осуществленный трудъ, будучи однимъ изъ звеньевъ всего общественнаго труда, становится къ другимъ качественно отличнымъ отъ него родамъ труда. (?) И это то созданное общественное отношеніе, единицей мѣры котораго (?) служитъ количество труда, общественно-необходимаго для производства продукта, и есть мѣновая стоимость этого продукта т. е. мѣновое отношеніе одного издѣлія, удовлетворяющаго какую нибудь потребность человѣка къ другимъ издѣліямъ, удовлетворяющимъ его потребности. . . *Создать* человѣкъ можетъ исключительно *мѣновую стоимость*, при томъ при наличности опредѣленныхъ хозяйственно-общественныхъ отношеній" [15]).

---

15) см. l. c. Рус. Бог., № 2, стр. 67—68. Вопросы и курсивъ принадлежатъ мнѣ. Сохраняемъ терминологію автора, хотя гораздо правильные вездѣ вмѣсто слово „стоимость", имѣющаго на русскомъ языкѣ значеніе издержекъ, употреблять слово „цѣнность", такъ какъ требуется еще доказать, что мѣновая цѣнность — есть „стоимость" и далѣе какая стоимость — трудовая или другая. Я совершенно согласенъ съ г. Туганъ-Барановскимъ, что „мѣновая цѣнность есть ничто иное, какъ конкретное количество предметовъ опредѣленнаго рода отдаваемое за данный предметъ", но это то именно и показываетъ, что мѣновая цѣнность не есть „абстрактное понятіе", какъ пишетъ г. Т.-Б., а понятіе относительное, какъ писалъ еще Д. С. Милль, первое положеніе котораго въ обзорѣ теоріи цѣнности гласитъ: „цѣнность понятіе относительное, цѣнность предмета — это значитъ количество какого нибудь другаго предмета или предметовъ вообще, за которое онъ обмѣнивается". Своимъ опредѣленіемъ мѣновой цѣнности г. Т.-Б. новаго, такимъ образомъ, не даетъ. Упреки его по адресу Николай — она за неумѣлый. переводъ словъ Werth, Tausch-Werth и т. п. — стоимость, мѣновая стоимость, прибавочная стоимость — несправедливы. Этотъ переводъ характеренъ для цѣлой литературной эпохи толкованія Маркса. Самъ г. Т.-Б." подъ стоимостью хозяйственнаго предмета понимаетъ хозяйственную затрату, совершенную для пріобрѣтенія предмета, а подъ трудовой стоимостью трудъ, затраченный на производство предмета." Слово „пріобрѣтенія" въ первомъ опредѣленіи очень двусмысленно и замѣняется во второмъ опредѣленіи гораздо болѣе яснымъ; что же оно означаетъ: затрату на производство или затрату при пріобрѣтеніи напр. путемъ обмѣна? Одной единицей труда я могу произвести продуктъ а, но тѣмъ же продуктомъ а, я могу при извѣстныхъ условіяхъ купить бо́льшее количество такихъ же единицъ труда или въ непосредственномъ живомъ человѣческомъ трудѣ или въ продуктѣ, въ которомъ онъ овеществился. Такъ продуктъ а) произведенный, слѣдовательно и стоившій одинъ день труда можетъ купить б) продуктовъ другого рода, которые стоили два дня такого же труда. Марксъ въ первомъ своемъ томѣ, а за нимъ и Николай — онъ, стоя на почвѣ ученія объ общественно-необходимомъ трудѣ, недопускали возможности подобнаго случая. Продукты одного и того же средняго

По мнѣнію обоихъ указанныхъ писателей капиталистическій строй представляетъ такую „наличность хозяйственно-общественныхъ отношеній“, что трудъ, созидающій мѣновыя цѣнности, не въ состояніи найдти имъ рынка т. е. сбыта, а потому и созданныя цѣнности обращаются въ не цѣнности (non valeur), какъ сказалъ бы Кене, или обезцѣниваются. Оба эти писателя создаютъ совершенно своеобразную, чисто русскую теорію внутренняго и внѣшняго рынка. В. В. стоитъ за необходимость для капиталистической страны „найдти способы для *уничтоженія* продуктовъ внутри страны“. Николай — онъ говоритъ о необходимости *„реализаціи* ихъ на внѣшнемъ рынкѣ“ и о необычайныхъ трудностяхъ этой реализаціи для Россіи. Въ объясненіи причинъ этого „обезцѣненія цѣнностей“ наши писатели-народники расходятся и мы должны обратиться къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, памятуя только, что имъ обща одна мысль: „ростъ производительности труда является въ капиталистическомъ обществѣ разрушающей силой. Творящее начало — трудъ является при извѣстныхъ условіяхъ силой разрушающей имъ же созданное, а потому при такихъ условіяхъ: „слѣдуетъ часто менѣе производительный трудъ предпочитать болѣе производительному, менѣе технически развитую промышленность технически болѣе развитой“ [16]).

Экономическая философія г. В. В. можетъ быть вкратцѣ изображена такъ.

При капиталистическомъ направленіи промышленнаго развитія интересы благосостоянія массы населенія расходятся съ интересами

общественно-необходимаго труда должны были обмѣниваться, какъ трудовые эквиваленты т. е. издержки ихъ производства и пріобрѣтенія были совершенно равнозначущи. При такихъ условіяхъ затраты на производство и затраты на пріобрѣтеніе были вполнѣ равны и Николай — онъ имѣлъ полное право, буквально понимая Маркса, ставить вмѣсто слова „цѣнность“ — стоимость. Цѣнность и стоимость, какъ затрата средняго общественно-необходимаго труда, совпадали. Вопросъ другой, было ли это правильно, но это было своеобразное и послѣдовательное пониманіе идей Маркса, но не неточность перевода. Ср. Туганъ-Барановскій. Очерки П. Э. Спб. 1902, стр. 360.

16) г. Николай — онъ въ статьѣ „Условія развитія внутренняго рынка“, см. Рус. Богатство, 1899 г., № 5, стр. 35 отказывается отъ всякой солидарности съ г. В. В. „Что касается до утвержденія представителей такъ называемаго народничества, пишетъ онъ, будто уже реализованную прибыль предприниматели не въ состояніи потребить и не знаютъ что съ нею дѣлать, то это, конечно, такая же нелѣпость, какъ и утвержденіе ихъ противниковъ, что капиталистическое производство самодовлѣюще“. При всемъ томъ оба они остаются типичными народниками именно на основаніи тѣхъ общихъ сторонъ ихъ міровоззрѣнія, которыя уже указаны выше и будутъ еще подчеркнуты ниже.

техническаго совершенства производства. Если сохраняется форма народнаго, мелкаго производства, то, при развитіи мѣноваго хозяйства, каждый промышленникъ потребляетъ то, что получаетъ въ обмѣнъ за продуктъ своего труда и, будучи самостоятельнымъ распорядителемъ послѣдняго, соразмѣряетъ свое производство съ потребностями организма. Въ *капиталистическомъ обществѣ ни доходъ рабочаго, ни капиталиста не стоитъ въ зависимости отъ ихъ потребностей.* Меньшинство-капиталисты получаютъ *массу предметовъ*, превышающую потребительныя способности организма. Къ тому же приращеніе доходовъ капиталистовъ и ростъ ихъ потребностей происходитъ по разнымъ основаніямъ. Первое зависитъ отъ техники, экономическихъ сношеній и концентраціи производства, второе покоится на *„эластичности человѣческаго организма“*. Мелкіе и средніе промышленные дѣятели, правда, имѣютъ много неудовлетворенныхъ потребностей и легко могли бы „справиться“ съ долей національнаго продукта, составляющей ихъ чистый доходъ, но они должны воздерживаться отъ потребленія *„по коммерческимъ соображеніямъ“*. При жестокой современной конкуренціи они должны слѣдить за техническими усовершенствованіями и принимать разныя экономическія средства для удешевленія производимыхъ предметовъ. Поэтому они будутъ тратить всякую лишнюю копѣйку на расширеніе своихъ предпріятій и задача уничтоженія излишка произведенныхъ предметовъ остается, такимъ образомъ, на рукахъ той же небольшой кучки крупныхъ предпринимателей. Къ тому же цѣлый рядъ другихъ классовъ участвуетъ въ сбереженіи и это заставляетъ капиталистовъ еще болѣе расширять производство [17]).

Регулированіе производства товаровъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ совершается лучше, нежели прежде. Потрясенія или кризисы происходятъ не столько отъ *нерегулированности производства*. Ахиллесова пята капиталистической организаціи промышленности заключается въ затруднительности для владѣющихъ классовъ потребить свой доходъ; поэтому имъ необходимы: или внѣшній рынокъ, или расточеніе народнаго богатства.

Для капиталистическаго общества внѣшній рынокъ необходимъ для слѣдующихъ цѣлей: а) знакомство съ новыми предметами потребленія даетъ возможность предпринимателямъ увеличить свои расходы и часть товара, угнетающаго внутренній рынокъ, будетъ обмѣниваться на предметы иностраннаго производства, начинающіе входить

17) см. В. В. l. c., страницы будемъ отмѣчать для каждаго отдѣльнаго абзаца одновременно, стр. 119, 145, 6, 7—9 и слѣд. Ковычки принадлежатъ мнѣ.

въ кругъ потребленія владѣющаго класса; б) на внѣшній рынокъ сбываются товары, чтобы получить за нихъ деньги, золото и денежные векселя; в) если путемъ внѣшней торговли страна не можетъ получить деньги, то капиталистическая страна, пользуясь тѣмъ, что страны, съ которыми она торгуетъ, обладаютъ большими естественными богатствами и находятся на низкой ступени развитія промышленной техники, *заставляетъ ихъ производить сырье,* которое и беретъ въ обмѣнъ за свои товары. Преимущества этой операціи надъ той, когда ей приходится брать непосредственные предметы потребленія, заключается въ томъ, что послѣдніе ей завѣдомо дѣвать некуда, между тѣмъ какъ сырье она *можетъ перерабатывать въ фабрикаты и снова искать рынковъ;* г) внѣшній рынокъ, кромѣ того, даетъ возможность вывозить производительные силы т. е. капиталы и рабочихъ. Благодаря освобожденію рынка отъ рабочихъ заработная плата поднимается, доля предпринимателей уменьшается и непотребленная часть продуктовъ сокращается; д) внѣшній рынокъ и международная торговля полезны и тѣмъ, что покоятся: а) на разнообразіи естественныхъ условій и б) на различіи ступеней промышленнаго развитія. На *„первое время“* національное раздѣленіе труда можетъ быть выгодно для обѣихъ сторонъ[18]).

Но скоро страны начинаютъ отказываться отъ международнаго обмѣна. Возникаетъ протекціонизмъ, а съ нимъ вмѣстѣ и потребность развивать „средства уничтоженія продуктовъ“ въ предѣлахъ страны. Капитализмъ начинаетъ уничтожать продукты слѣдующими способами: а) содержать пауперовъ, преступниковъ, развивать благотворительность и т. п.; б) увеличивать число прислуги и людей либеральныхъ профессій; в) въ новое время „къ названнымъ средствамъ уничтоженія избыточнаго продукта“ присоединяется новое — „организація рабочихъ союзовъ съ цѣлью сокращенія рабочаго дня и возвышенія заработной платы, ведущая къ тому же результату освобожденія предпринимателей отъ избыточнаго дохода, одновременно предупреждая и излишнее производство, и увеличивая долю дохода, выпадающую трудящимся, и, наконецъ, въ этомъ самое великое открытіе г. В. В., г) милитаризмъ, который ростетъ не по злой волѣ Бисмарка и ему подобныхъ, а на основаніи полуинстинктивнаго, полусознательнаго стремленія къ нему со стороны вліятельныхъ экономическихъ элементовъ самихъ производительныхъ классовъ. Полному развитію милитаризма препятствуетъ тяжесть налоговъ и всеобщая

18) l. c. 174, 180, 181, 182 и слѣд., 190, 197.

воинская повинность, которыя дѣйствуютъ въ обратномъ направленіи, но это смягчается слѣдующими выгодными для владѣющихъ классовъ обстоятельствами: а) война и другіе процессы, требующіе сразу расходовъ, ведутся на заемныя средства и разложеніе расхода совершается на многіе годы; б) говорятъ, если бремя налоговъ возлагается, главнымъ образомъ, на трудящіеся классы, то всякое увеличеніе ихъ сокращаетъ покупательную силу, а потому и запросъ на продукты: милитаризмъ уничтожаетъ одной рукой то, что даетъ другой. Такое возраженіе кажется г. В. В. не вполнѣ вѣрнымъ: 1) сокращеніе потребленія происходитъ только тогда, когда налогомъ облагаются только „мелкіе производители и тѣ изъ крупныхъ", кои получаютъ недостаточные доходы; 2) большій или меньшій налогъ, уплачиваемый рабочимъ, отражается на высотѣ его заработной платы, а не на потребленіи; 3) введеніе прогрессивно-подоходнаго налога, въ наибольшей мѣрѣ привлекающаго средства неподлежащія расходованію на непосредственное потребленіе, создаетъ милитаризму „наибольшую цѣлесообразность", какъ предохранительному клапану противъ накопленія въ капиталистическомъ обществѣ неиспользованныхъ производительныхъ силъ.

Эта народническая философія оканчивается во истину трогательнѣйшимъ аккордомъ! По мнѣнію г. В. В. „слѣдуетъ брать въ солдаты не мелкихъ производителей, гдѣ сплошь и рядомъ хозяинъ является главнѣйшей опорой предпріятія и взятіе его въ солдаты значитъ разрушеніе мастерской; взятіе же наемнаго рабочаго почти не повліяетъ на состояніе крупной промышленности, которая всегда можетъ замѣнить одного наемника другимъ" [19]).

Теорія г. В. В. не имѣла успѣха среди русскихъ ученыхъ, но находила много поклонниковъ среди читающей публики. Ея противорѣчія бросаются въ глаза, а основная мысль несомнѣнно въ корнѣ ошибочна. Теорія, которая объясняетъ изъ одной причины: необходимости во что бы то ни стало уничтожить избыточный запасъ произведенныхъ продуктовъ — происхожденіе такихъ разнохарактерныхъ явленій, какъ милитаризмъ и рабочіе союзы, содержаніе пауперовъ, преступниковъ и прислуги, возбуждаетъ сразу большія сомнѣнія, кажется въ высокой степени наивной и не заслуживающей опроверженія. Всѣ мы отлично знаемъ, какъ непріятно капиталистамъ

19) l. c. стр. 192, 193. 4, 197—207. Пусть читатель сравнитъ это положеніе В. В. съ прямо противоположнымъ желаніемъ Ф. Кене, которое отмѣчено у насъ въ первой главѣ.

уничтоженіе продуктовъ при посредствѣ рабочихъ союзовъ и какъ много услугъ имъ оказываетъ „прислуга“. Знаемъ и то, что милитаризмъ, какъ причина, вызывающая производство и потребленіе всякихъ военныхъ матеріаловъ, выгоденъ только опредѣленному классу производителей и что, какъ явленіе, объясняемое экономическими причинами, онъ отнюдь не является средствомъ уничтоженія продуктовъ, а средствомъ сохраненія установившагося право-порядка и орудіемъ завоеванія, сохраненія и расширенія наличныхъ рынковъ сбыта и „дешеваго“ пріобрѣтенія разныхъ продуктовъ иностраннаго производства. Необходимость отрывать громадную массу силъ отъ производительнаго труда далеко не по сердцу производительной буржуазіи и по понятнымъ причинамъ: это уменьшаетъ ея доходы и она борется повсемѣстно противъ чрезмѣрнаго увеличенія тратъ „на военное дѣло“. Вѣра, что производительная буржуазія „для уничтоженія продуктовъ“ можетъ согласится на введеніе прогрессивно-подоходнаго налога, могла возникнуть только въ кабинетѣ жестокаго мочтателя. Теоретическая путаница г. В. В. сказывается на каждомъ шагу. Онъ обосновываетъ напр. выгодность внѣшняго рынка возможностью вывоза капиталовъ и рабочихъ, но не замѣчаетъ, что отъ вывоза капиталовъ заработная плата можетъ, но не должна падать, отъ вывоза рабочихъ можетъ и не возрастать. Англія вывозитъ безконечное количество капиталовъ — заработная плата ростетъ, Америка ввозитъ рабочихъ — плата не падаетъ. Въ какихъ же предѣлахъ при наличности обоихъ условій возможность уничтоженія продуктовъ будетъ на лицо и можетъ ли г. В. В. рѣшить (и стоитъ ли это дѣлать) такой вопросъ теоретически? Онъ не останавливается передъ теоретической нелѣпостью предположенія, согласно которому внѣшняя торговля въ концѣ концовъ обращается въ какую то ненужную переработку сырья только для того, чтобы найдти фабрикатамъ рынокъ, или въ операцію вымѣна денегъ.

Основная мысль г. В. В., будто капиталисты крупнаго типа не въ состояніи благодаря „малой эластичности“ своего организма потребить всю массу имѣющихся въ ихъ распоряженіи продуктовъ также наивна. Вся классическая экономія построена на вѣрномъ предположеніи почти безпредѣльности человѣческихъ потребностей. Самъ г. В. В. находитъ, что „другая причина“ (необходимость расширять и совершенствовать производство) не даетъ возможности увеличивать личное потребленіе всей массѣ среднихъ и мелкихъ капиталистовъ, наивно забывая, что такъ называемыя имъ крупныя капиталисты или крупныя производительныя единицы (напр. акціонерныя компаніи) часто бываютъ

соединеніемъ массы лицъ; да и милліардеры, какъ личности, способны развивать свое потребленіе въ самыхъ разнообразныхъ, громадныхъ предѣлахъ. Недопотребленіе со стороны владѣющихъ классовъ, если бы оно и обнаруживалось по временамъ, при особенно сильномъ развитіи производительныхъ силъ, быстро было бы покрыто развитіемъ новыхъ потребностей и сама производительная буржуазія, какъ классъ, менѣе всего склонна жаловаться на чрезмѣрную возможность удовлетворенія своихъ потребностей.

Если я привелъ теорію г. В. В., то вовсе, однако, не для того, чтобы опровергать ее по существу и въ деталяхъ. Это было сдѣлано давно и много разъ въ литературѣ.[20]). Мнѣ скорѣе хотѣлось бы отмѣтить тѣ стороны въ теоріи г. В. В., которыя дѣлали его человѣкомъ послѣдовательнымъ и въ указаніи которыхъ я вижу его историческую заслугу въ нашихъ литературныхъ спорахъ.

Истина часто получается отъ противнаго: — отъ нелѣпости мы часто переходимъ къ истинѣ. Исходя изъ нелѣпой и противорѣчивой мысли, что „въ капиталистическомъ обществѣ ни доходъ рабочаго, ни капиталиста не стоятъ въ зависимости отъ ихъ потребностей“, г. В. В. послѣдовательно пришелъ къ убѣжденію о необходимости уничтоженія, расточенія народнаго дохода т. е. поставилъ вопросъ о вліяніи потребленія на процессъ образованія мѣновыхъ цѣнностей въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ. Исходя изъ столь же нелѣпой мысли объ ограниченности потребностей капиталистическаго меньшинства, онъ наткнулся на правильную мысль, которую склоненъ былъ отрицать его учитель Марксъ, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ, совершенно также, какъ и въ предшествовавшія историческія эпохи, имѣется громадная „масса богатствъ, которая ищетъ наслажденій“, скажемъ употребляя нѣсколько метафорическое выраженіе Маркса, и это обстоятельство должно оказывать вліяніе на процессъ образованія цѣнностей; въ равной мѣрѣ, какъ и

20) Одна изъ самыхъ удачныхъ критическихъ статей по поводу теоріи В. В. принадлежитъ г. А. Мануилову. см Юридическій Вѣстникъ, Январь, 1890 г. ст. „Милитаризмъ и капитализмъ“. Какъ увидитъ читатель ниже, я не раздѣляю основной точки зрѣнія автора этой статьи: „съ тѣхъ поръ, какъ научная критика (т. е. просту Марксъ) разъяснили основные принципы современнаго режима, роль, которую играетъ личное потребленіе капиталиста, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. *Руководящимъ мотивомъ, опредѣленною цѣлью* и необходимымъ условіемъ капиталистическаго процесса производства служитъ накопленіе, а не личное потребленіе, противорѣчащее самой природѣ капиталиста“. (l. e. стр. 175—6, сравни и цитату изъ Маркса во введеніи).

то, что мы имѣемъ дѣло и съ бѣдностью, не имѣющей средствъ для удовлетворенія элементарнѣйшихъ потребностей. Другими словами, всѣми противорѣчіями и путаницей своей теоріи г. В. В (и въ этомъ его большая заслуга) поставилъ вопросъ о вліяніи личнаго потребленія людей, производящаго общества, проще: потребностей и неравенствъ распредѣленія на процессъ образованія цѣнностей и доходовъ; поставивъ такой вопросъ, признавъ *значеніе количественнаго отношенія продуктовъ къ потребностямъ*, онъ, естественно, долженъ былъ подорвать самое существо абсолютной трудовой цѣнности, самъ того не замѣчая. Этотъ важнѣйшій вопросъ о вліяніи „личнаго потребленія“ и „богатства, ищущаго наслажденій“, какъ увидимъ ниже, былъ совершенно безъ основаній устраненъ послѣдующими теоретиками изъ марксистовъ народническаго и неомарксисткаго типа и свелъ весь споръ о значеніи рынка во многихъ отношеніяхъ къ простой схоластикѣ [21]).

В. В. не могъ самъ отвѣтить на эти вопросы. Желаніе во что бы то ни стало защитить „мелкое производство“ и неизбѣжность перехода въ царство рая въ силу „антихозяйственной роли въ Россіи капитализма“ заслоняла глаза при рѣшеніи теоретическихъ вопросовъ, а о самомъ распредѣленіи и о экономической эволюціи Россіи можно было имѣть нижеслѣдующія утѣшительныя упованія!

---

21) Потребленіе — необходимое условіе производственнаго процесса, какъ цѣлаго. Безъ него самое производство теряетъ смыслъ, но изъ временныхъ и преходящихъ затрудненій по реализаціи продукта дѣлать выводъ о возможномъ, крушеніе всего производственнаго механизма нѣтъ основаній: приспособляемость живаго организма народнаго хозяйства къ разнымъ условіямъ безконечно велика. Еще въ 1895 г. я указывалъ на это въ своей книгѣ „Деньги“, (стр. 394 и слѣд.), отрицая закономѣрность и пагубность періодическаго наступленія кризисовъ и объясняя ихъ совокупностью всѣхъ условій, при которыхъ совершается производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе. Сравни Бернштейнъ. Соціальные проблемы: кризисы и способность современнаго хозяйства къ приспособленію. Въ этой прекрасной главѣ онъ пишетъ: „краткій очеркъ въ началѣ этой главы, посвященный объясненію Марксомъ и Энгельсомъ хозяйственныхъ кризисовъ, заставляетъ въ связи съ приведенными фактами признать вопросъ о кризисахъ такой проблемой, которая не поддается разрѣшенію при помощи ходкихъ боевыхъ словечекъ. Мы можемъ только установить, какіе элементы современнаго хозяйства оказываютъ вліяніе на кризисы и какія силы имъ противодѣйствуютъ. Судить апріорнымъ путемъ о конечномъ соотношеніи этихъ силъ или о характерѣ ихъ развитія — невозможно . . . Мѣстная и частичная депрессія — неизбѣжна, но общій застой при современной организаціи и широтѣ міроваго рынка, и въ особенности въ силу громаднаго размѣра производства средствъ существованія — дѣло невозможное“. Die Vorausz. des Soc., 1899, стр. 81—2.

Подъ сильнымъ, но незамѣтнымъ для него вліяніемъ Д. С. Милля, г. В. В. какъ бы хочетъ подраздѣлить экономію на два отдѣла: производство и распредѣленіе. Потребленіе для него является только извѣстнымъ результатомъ распредѣленія, а послѣднее берется имъ не какъ историческій фактъ: владѣнія и дохода, а какъ какая то туманная теорія. Зависимость рода и размѣра потребленія отъ характера производственной организаціи мало понятна ему. Предъ его глазами всегда только мечтанія о благахъ и справедливостяхъ мелкаго народнаго производства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія онъ говоритъ [22]), „что распредѣленіе продуктовъ *совершается на основаніи частныхъ правилъ или пожалуй законовъ (!!), которые еще далеко не сформулированы окончательно и не подчиняются еще какому либо объединяющему началу, почему и нѣтъ возможности регулировать распредѣленіе т. е. направлять его по извѣстному плану, но* это не мѣшаетъ ему писать, что „возложеніе всѣхъ надеждъ въ дѣлѣ экономическаго развитія Россіи на „политику“ противорѣчитъ духу основныхъ воззрѣній Маркса и будто „жизненныя силы народныхъ массъ съ одной стороны и нашей интеллигенціи съ другой *настолько еще значительны,* что процессъ экономическаго развитія можетъ продолжаться естественнымъ эволюціоннымъ путемъ взаимодѣйствія жизни и науки“, „а на такомъ пути встрѣтятся съ *равными правами* крупное общественное производство и такъ презираемыя Николай -ономъ мелкія разрозненныя производительныя единицы, встрѣтятся, конечно, не для увѣковѣченія послѣднихъ, а въ интересахъ возможнаго въ данный моментъ удовлетворенія потребностей существованія членовъ общества“.

Другой нашъ народникъ, который какъ мы уже видѣли защищаетъ народное, мелкое производство, только какъ временную стадію экономической жизни и въ будущемъ ожидаетъ исчезновенія мелкихъ разрозненныхъ производительныхъ единицъ: „ибо это было бы равно увѣковѣченію всеобщей посредственности“, идетъ нѣсколько инымъ путемъ.

Николай — онъ, какъ мы видѣли, до сихъ поръ считаетъ себя послѣдовательнымъ сторонникомъ трудовой теоріи цѣнности. Мнѣ удастся показать, какъ мнѣ кажется, что онъ былъ именно тѣмъ писателемъ, который наиболѣе всего содѣйствовалъ крушенію этой теоріи и въ борьбѣ противъ него, въ борьбѣ за возстановленіе истиннаго пониманія трудовой цѣнности и многіе изъ неомарксистовъ видо-

22) ср. l. c. стр. 34, 239—241.

измѣнили свои взгляды. И только человѣкъ, вызвавшій этотъ кризисъ, продолжаетъ считать себя сторонникомъ трудовой теоріи цѣнности. Сущность теоріи Николай -она нѣсколько видоизмѣнилась въ процессѣ полемики съ неомарксистами, но въ общихъ чертахъ съ привлеченіемъ его послѣдующихъ трудовъ, послѣ „Очерковъ", она можетъ быть изображена слѣдующимъ образомъ [23]).

Капиталистическое производство отличается слѣдующими особенностями: *Во первыхъ,* оно является производствомъ мѣновыхъ стоимостей-товаровъ. Мѣновая же стоимость не есть нѣчто „присущее товару", а является результатомъ опредѣленной формы производства. . Но разъ продукты производятся въ видѣ товара, то благопріятными условіями, какъ общественными, такъ и природными, при которыхъ совершаются работы (большей производительностью труда, болѣе плодородной почвой и проч. и проч.) можетъ пользоваться не все общество, а только тѣ владѣльцы средствъ производства, которые находятся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ для работъ, хотя все общество выдѣляетъ столько рабочихъ силъ, сколько требуется на изготовленіе всего продукта. . . Продуктъ, какъ потребительная стоимость, во всѣхъ случаяхъ одинаковъ, одинаковъ онъ и какъ мѣновая стоимость, а рабочаго времени на его производство въ одномъ случаѣ потрачено больше, въ другомъ меньше. Производитель, тратящій рабочаго времени меньше общественно-необходимаго, продаетъ свой продуктъ настолько же выше его индивидуальной стоимости. Николай — онъ безконечное число разъ отмѣчаетъ эту особенность капиталистическаго строя: *постоянное стремленіе продавать товаръ выше индивидуальной стоимости.* Въ результатѣ, по его мнѣнію, благопріятно сложившимися общественными условіями производства и обращенія пользуется не все общество, а владѣлецъ средствъ производства [24]).

---

23) см. Очерки пореформеннаго общественнаго хозяйства, Спб. 1893; Условія развитія внутренняго рынка для продукта въ крупной промышленности, Р. Богатство, Апрѣль (№ 4), августъ (№ 5 (8), 1899 г.; Теорія трудовой стоимости и нѣкоторые изъ ея критиковъ, Р. Богатство, № 2 и № 3, 1902 г.

24) см. „Очерки", стр. 104, 105, 188, 206 и passim. Особенно характерно, см. „Условія": „Въ такихъ странахъ, какъ Соед. Штаты — сельско-хозяйственные продукты могли продаваться на рынкѣ выше своей мѣстной стоимости. Поэтому возрастающее число сельскаго населенія, получая за свои продукты изъ странъ старой культуры несравненно болѣе ихъ эквивалентной стоимости, создавало огромный и расширяющійся рынокъ для продуктовъ обрабатывающей промышленности." *Слѣдовательно, послѣдняя развивалось, опираясь на развитіе сельскаго хозяйства."* (курсивъ автора).

Во вторыхъ, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства и сопровождающаго его развитія производительности труда, на удовлетвореніе общественныхъ потребностей въ продуктахъ обрабатывающей промышленности требуется неизмѣримо меньше общественныхъ рабочихъ силъ и времени. Благодаря этому освобождается масса рабочихъ силъ, ненаходящихъ приложенія. Капитализмъ доводитъ сумму заработной платы до возможно низкаго предѣла, лишаетъ земледѣльцевъ подсобныхъ промысловъ, заставляетъ полъ года напр. въ Россіи сидѣть безъ дѣла; покупательная способность общества уменьшается.

Развитіе производительныхъ силъ и уменьшеніе платежныхъ средствъ населенія вызываютъ два послѣдствія: а) такъ какъ мѣновыя цѣнности могутъ *производиться только въ продолженіе самой работы,* то по мѣрѣ развитія капиталистической формы производства, при неизмѣняющейся потребности въ продуктѣ, сумма производимыхъ мѣновыхъ цѣнностей постоянно понижается, хотя сумма потребительныхъ стоимостей или самихъ продуктовъ остается прежней и б) при отсутствіи покупательныхъ средствъ у населенія потребность въ продуктѣ понижается. Съ точки зрѣнія капитализма общество удѣлило слишкомъ много рабочаго времени и силъ на ихъ изготовленіе. Стоимость понижается. Но такое пониженіе обусловливается исключительно пониженною платежною способностью населенія, исключительно тѣмъ, что потребность въ продуктахъ опредѣляется его платежною способностью. Капиталистическое производство мало отвѣчаетъ общественнымъ хозяйственнымъ потребностямъ [25]).

Въ третьихъ, постоянно расширяющаяся производительность труда въ какой нибудь отрасли промышленности, пишетъ — онъ въ „Очеркахъ“, принуждаетъ каждаго изъ единичныхъ капиталистовъ — фабрикантовъ этой области ввести и у себя распространяющееся усовершенствованіе машинъ и техническихъ пріемовъ, подъ страхомъ промышленной смерти. Вотъ, *между прочимъ,* почему ничто не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія, что главный мотивъ капиталистическаго производства — *личное потребленіе.* . . Позднѣе — онъ пишетъ: основное *„условіе“* всякаго производства заключается въ удовлетвореніи потребительныхъ нуждъ общества. Когда производство стано-

25) см. „Очерки“, 184, 185, 188, 200, 201. Постоянно растущее количество вынужденно отчуждаемаго продукта земледѣльческаго труда для удовлетворенія потребительныхъ нуждъ отнимаетъ у крестьянъ возможность увеличивать производительность своего труда. . . Крестьянинъ, какъ производитель, тратящій несравненно болѣе средняго общественнаго труда, теряетъ на цѣнѣ продукта, вынося его на рынокъ“. . .

вится капиталистическимъ, то и оно можетъ достигнуть своей „цѣли“ — заполученія прибыли, наживы, только при изготовленіи предметовъ, необходимыхъ для личнаго потребленія или такихъ, которыя служатъ средствомъ для производства предметовъ потребленія. . . *Цѣль*, къ которой стремятся капиталисты — прибыль, нажива, но *средство* для этого — изготовленіе полезныхъ вещей, удовлетворяющихъ какую нибудь потребность. Какой нибудь продуктъ труда, товаръ, до тѣхъ поръ и имѣетъ мѣновую стоимость, пока обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ потребительною стоимостью. При этомъ по мѣрѣ сокращенія сбыта предметовъ потребленія, по мѣрѣ сокращенія внутренняго рынка вслѣдствіе уменьшенія покупательной способности, достиженіе этой цѣли — продажи продуктовъ, а стало быть и *реализація прибыли*, становится менѣе возможной. Прибыль хотя и произведена, но не можетъ быть реализована [26]).

Въ четвертыхъ, капиталистическое производства *не можетъ быть самодовлѣющимъ*. Оно по самому своему существу опирается на массовое производство для удовлетворенія потребностей болѣе многочисленныхъ классовъ населенія. Расширяющаяся роль изготовленія средствъ производства ведетъ за собою увеличеніе производительности и другого отдѣла народнаго производства, занимающагося изготовленіемъ предметовъ потребленія и именно такихъ, которые разсчитаны на обширный кругъ потребителей. Предметы роскоши, не могущіе разсчитывать на такой обширный рынокъ по большей части изготовляются не машиннымъ, а ручнымъ трудомъ. Реализація прибыли при условіи существованія рынка, „ограниченнаго фабричными рабочими и предпринимателями“, становится невозможной. Капитализмъ долженъ удовлетворять потребности болѣе многочисленнаго класса населенія, *стоящаго внѣ капиталистическаго производства*. Выходъ изъ затрудненій можетъ быть только одинъ: *внѣшній рынокъ*. Но предѣлы внѣшняго рынка ограничены, такъ что каждой націи приходится вступать въ промышленный бой. Единственнымъ оружіемъ въ такомъ состязаніи является *дешевизна товара*. Дешевизна можетъ быть достигнута только высшею производительностью и напряженностью труда рабочихъ. Чѣмъ производительнѣе, чѣмъ напряженнѣе трудъ рабочихъ данной націи, тѣмъ дешевле продуктъ изготовляемый ею: *на международномъ рынкѣ она имѣетъ возможность продавать свой продуктъ выше его индивидуальной стоимости*. Недалеко то время, когда для дѣлежа иностранныхъ рынковъ ничего не останется

---

26) см. Очерки стр. 205, „Условія“, Р. Б., № 5, стр. 33, 34, 35 и passim.

и когда каждой изъ промышленныхъ странъ придется довольствоваться собственнымъ рынкомъ. А это для капиталистическаго производства начало конца: оно при такихъ условіяхъ существовать не можетъ [27]).

Прежде чѣмъ оцѣнивать теорію Николай — она, намъ удобнѣе всего изобразить доктрину неомарксистовъ прежняго времени и для этого мы и обратимся къ г. Ильину и г. Туганъ-Барановскому. Собравъ ихъ аргументацію, которой они хотѣли окончательно уничтожить народниковъ, намъ возможно будетъ выпукло показать ошибки той и другой стороны и затѣмъ обратиться къ Марксу и указать въ его ученіяхъ истинный источникъ всѣхъ противорѣчій.

„Рынокъ, говоритъ намъ г. Ильинъ [28]), есть категорія товарнаго хозяйства, которое въ своемъ развитіи превращается въ капиталистическое хозяйство и только при этомъ послѣднемъ пріобрѣтаетъ полное господство и распространенность". Рынокъ развивается вслѣдствіе общественнаго раздѣленія труда, раздѣленіе производительныхъ работъ превращаетъ ихъ продукты взаимно въ товары, въ эквиваленты другъ друга, заставляя ихъ служить одинъ для другого рынкомъ.

Вопросъ о реализаціи *общественнаго продукта,* а не прибавочной стоимости, какъ говорили народники, въ капиталистическомъ обществѣ *не представляетъ трудности.* Ростъ капиталистическаго производства, а, слѣдовательно, и внутренняго рынка идетъ *не столько на счетъ предметовъ потребленія,* сколько *на счетъ средствъ производства.* Предметы потребленія играютъ меньшую роль въ образованіи внутренняго рынка въ сравненіи съ средствами производства.

Такимъ образомъ ростъ внутренняго рынка для капитализма *„до извѣстной степени"* независимъ отъ роста личнаго потребленія, совершаясь болѣе на счетъ производительнаго потребленія. Но было бы большой ошибкой эту независимость понимать въ смыслѣ полной оторванности производительнаго потребленія отъ личнаго: первое можетъ и должно расти быстрѣе второго (этимъ его независимость и ограничивается), но само собою разумѣется, что *„въ конечномъ счетѣ"* производительное потребленіе остается связаннымъ съ личнымъ потребленіемъ.

---

27) см. Очерки, 198—214 и passim., „Условія", 34, 47, 51, 61, 68 и passim. „Земледѣліе, по мѣрѣ капитализація промысловъ, доставляя преимущественно элементъ постояннаго капитала, средства производства, предъявляетъ относительно все меньшій и меньшій запросъ на средства существованія у обработывающей капиталистической промышленности. *Къ тому же по условіямъ производства оно стоитъ внѣ предѣловъ капитализма"* (??)

28) см. В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи, глава I, справки съ теоріей, стр. 1—29.

Развитіе производства, а, слѣдовательно, и внутренняго рынка преимущественно на счетъ *средствъ производства* кажется пародоксальнымъ и представляетъ изъ себя *несомнѣнно противорѣчіе. Это настоящее „производство для производства“, расширеніе производства безъ соотвѣтствующаго расширенія потребленія.* Но это противорѣчіе не доктрины, а дѣйствительности. Это именно то противорѣчіе, которое соотвѣтствуетъ самой природѣ капитализма и остальнымъ противорѣчіямъ этой системы хозяйства. Капитализмъ долженъ: развивать производительныя силы и исключать утилизацію этихъ техническихъ завоеваній массою населенія. г. В. В. и Н. — онъ отъ одного факта разоренія мелкихъ производителей заключаютъ къ сокращенію внутренняго рынка. При этомъ забываютъ, что освобожденіе одной части прозводителей отъ средствъ производства необходимо предполагаетъ переходъ этихъ послѣднихъ въ другія руки, превращеніе ихъ въ капиталъ; предполагаетъ, слѣдовательно, что новые владѣльцы этихъ средствъ производства производятъ въ видѣ товаровъ тѣ продукты, которые раньше шли на потребленіе самаго производителя т. е. расширяютъ внутренній рынокъ; расширяя свое производство, эти новые владѣльцы предъявляютъ спросъ рынку на новыя орудія, сырые матеріалы, средства производства и проч., а также и на предметы потребленія — обогащенія этихъ владѣльцевъ естественно предполагаетъ и ростъ ихъ потребленія. Забываютъ, что для рынка важно вовсе *не благосостояніе населеніе, а наличность у него платежныхъ средствъ.* Чѣмъ больше разоряется патріархальный крестьянинъ, тѣмъ болѣе вынужденъ онъ прибѣгать къ продажѣ своей рабочей силы, тѣмъ большую часть, хотя бы скудныхъ средствъ существованія онъ долженъ пріобрѣтать на рынкѣ. Такимъ образомъ *„съ абстрактно-теоретической точки зрѣнія“* разореніе мелкихъ производителей означаетъ *созданіе, а не сокращеніе внутренняго рынка.*

Привлеченіе внѣшняго рынка ни на волосъ не подвигаетъ вопросъ, а только отодвигаетъ, перенося на нѣсколько странъ. Необходимость внѣшняго рынка объясняется вовсе не законами реализаціи общественнаго продукта, и въ частности сверхстоимости. Необходимость искать внѣшнихъ рынковъ не доказываетъ несостоятельности капитализма, какъ думаютъ народники. Закономъ капиталистическаго производства является постоянное преобразованіе способовъ производства и безграничный ростъ размѣровъ производства. При старыхъ способахъ производства хозяйственныя единицы могли бы существовать вѣками, не измѣняясь ни по характеру, ни по величинѣ. Капи-

талистическое предпріятіе переростаетъ предѣлы общинъ, разрушаетъ замкнутость и обособленность государствъ: это обстоятельство обнаруживаетъ прогрессивную миссію капитализма, который разрушаетъ замкнутость и обособленность системъ хозяйства, а, слѣдовательно, и узость духовной и политической жизни. Націй безъ внѣшняго рынка нѣтъ и быть не можетъ: исторія приводитъ неизбѣжнымъ процессомъ развитія къ международному обмѣну.

Другая причина заключается въ необходимости сохранить *соотвѣтствіе въ пропорціональномъ развитіи* между отдѣльными частями общественнаго производства. Различныя отрасли промышленности, служащія рынкомъ другъ для друга, развиваются не равномѣрно, а обгоняютъ другъ друга и болѣе развитая ищетъ внѣшняго рынка. Это нисколько не указываетъ на невозможность для капиталистической страны реализовать сверхстоимость, какъ глубокомысленно готовъ заключить народникъ. Это указываетъ лишь на непропорціональность въ развитіи отдѣльныхъ производствъ. При другомъ распредѣленіи національнаго капитала тоже самое количество продуктовъ могло бы быть реализована внутри страны.

Рынокъ, говоритъ Туганъ-Барановскій[29]), — это узелъ, гдѣ сплетаются нити хозяйственной жизни. На рынкѣ встрѣчаются спросъ и предложеніе товаровъ. Размѣры предложенія опредѣляются количествомъ товара. Спросъ на товаръ не обладаетъ такой матеріально осязательной формой. Онъ заключаетъ въ себѣ психическій элементъ — желанія, потребности, коренящіяся въ самомъ человѣкѣ. Спросъ кажется чѣмъ то совершенно неуловимымъ и неопредѣлимымъ, подчиненнымъ совершенно инымъ законамъ, чѣмъ предложеніе. Въ выясненіи механизма спроса и предложенія заключается вся трудность анализа рынка. Основанія денежнаго обмѣна таковы же, какъ и натуральнаго. Но преобразованіе формы обмѣна существенно измѣняетъ его содержаніе. Рынокъ пріобрѣтаетъ въ капиталистическомъ денежномъ хозяйствѣ единство и цѣльность, дѣлается не только регуляторомъ, но и господиномъ промышленности.

Капиталистическое хозяйство отличается слѣдующими особенностями:

1. Актъ продажи пріобрѣтаетъ несравненно большее значеніе въ процессѣ товарнаго обмѣна, чѣмъ актъ покупки. . При современныхъ

---

29) см. М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы, 2 изд., глава I, стр. 1—33.

условіяхъ трудность заключается не въ томъ, чтобы произвести товаръ, а въ томъ чтобы его сбыть, найдти рынокъ.

2. Опредѣляющимъ моментомъ капиталистичесгаго производства является стремленіе къ реализированію наибольшей прибыли, но *ошнюдь не созданіе наибольшаго количества предметовъ потребленія.* Въ тоже время законы капиталистической конкуренціи требуютъ капитализированія значительной части прибыли, превращеніе ея въ большей или меньшей мѣрѣ въ средства производства. Поэтому *„въ извѣстномъ смыслѣ“* можно сказать, что цѣль капиталистическаго производства заключается не въ потребленіи, а въ ростѣ самаго капитала.

3. Противорѣчіе между производствомъ, какъ средствомъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей и производствомъ, какъ техническимъ моментомъ созданія капитала, какъ цѣлью въ себѣ, есть основное противорѣчіе капиталистическаго строя. Производство въ хозяйствѣ мелкихъ товаропроизводителей всегда остается средствомъ для потребленія, но никогда не становится цѣлью въ себѣ, какъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Основное противорѣчіе капитализма заключается *въ отсутствіи контроля потребленія* надъ производствомъ. Капиталистическое производство изъ средства становится цѣлью само для себя.

4. Совсѣмъ невѣрно распространенное мнѣніе, которое отчасти раздѣлялъ и самъ Марксъ, что низкій уровень народнаго потребленія и медленность повышенія этого уровня дѣлаетъ невозможной реализацію продуктовъ все расширяющагося капиталистическаго производства. *Производство само создаетъ для себя рынокъ; потребленіе* есть только одинъ моментъ капиталистическаго производства. Если бы производство было организовано планомѣрно, если *бы рынокъ обладалъ полнымъ знаніемъ спроса и властью пропорціональнаго распредѣленія производства,* свободнаго передвиженія труда и капитала, то какъ бы низко ни было потребленіе товаровъ, предложеніе товаровъ не могло бы превысить спросъ. Если бы не требовалось *находить помѣщеніе для новыхъ капиталовъ,* если бы производство не получало *усиленнаго развитія благодаря капитализированію прибыли, то пропорціональное распредѣленіе производства не представляло бы никакихъ затрудненій.* Чѣмъ ниже доля рабочаго въ произведенномъ продуктѣ, тѣмъ выше доля капиталиста и тѣмъ быстрѣе накопленіе капитала, необходимо сопровождающееся потрясеніями и кризисами. . . *„Въ извѣстномъ смыслѣ“ можно сказать, что основной причиной кризисовъ является народная бѣдность.*

5. *При пропорціональномъ распредѣленіи производствъ избы-*

точнаго продукта для реализаціи быть не можетъ; внѣшняя торговля не представляетъ чего нибудь отличнаго отъ внутренней: она является торговымъ обмѣномъ внутри капиталистическаго цѣлаго. Международное раздѣленіе и спеціализація труда въ процессѣ развитія капитализма въ разныхъ странахъ привели къ тому, что въ каждой странѣ развились въ ущербъ остальнымъ тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ эта страна наиболѣе приспособлена по своимъ природнымъ, экономическимъ или соціальнымъ условіямъ. На почвѣ внѣшней торговли развертываются всѣ противорѣчія капиталистическаго строя въ той же мѣрѣ, какъ и на почвѣ внутренняго обмѣна.

§ 3. Идея товарнаго фетишизма и теорія накопленія въ истолкованіи русскихъ народниковъ и неомарксистовъ.

Принимаясь за чисто теоретическій и догматическій анализъ нашихъ литературныхъ споровъ о рынкѣ, я очень хорошо понимаю, какъ много возраженій можно сдѣлать противъ того литературнаго пріема, который я употребилъ. Вмѣсто того, чтобы прежде всего обратиться къ первоисточнику доктринъ народниковъ и неомарксистовъ — къ Марксу, я далъ характеристику ученій этого писателя въ томъ своеобразно преобразованномъ видѣ, въ которомъ они воплотились въ ученіяхъ нашихъ борящихся литературныхъ партій [30]). Я, кромѣ того, на первое время совершенно устранилъ изъ обсужденія тотъ матеріалъ индуктивныхъ данныхъ, при помощи котораго спорящіе подкрѣпляли свои выводы и который, главнымъ образомъ, касался эволюціи народнаго хозяйства вообще, а въ частности мелкаго и крупнаго хозяйства въ земледѣліи и фабрикаціи Россіи.

Такой пріемъ, однако, имѣетъ и свое оправданіе. Въ поискахъ за фактами, представители этихъ доктринъ руководствовались опредѣленной теоріей обмѣна, распредѣленія и анализа основныхъ движущихъ силъ современнаго капиталистическаго хозяйства. Народническая доктрина господствовала у насъ безпримѣрно долгое время, почти не встрѣчая или вѣрнѣе, по условіямъ нашей литературной замкнутости, не допуская возраженій. Неомарксизмъ пронесся, какъ критическая буря, и быстро растерялъ свои боевые аргументы, преобразившись въ идеализмъ и субъективизмъ школы Бемъ-Баверка.

Обѣ доктрины, марксистская и народническая, какъ я постараюсь

30) Аппаратъ противорѣчивыхъ цитатъ изъ соч. Маркса читатель найдетъ въ § 1. четвертой главы.

доказать, были одностороннимъ развитіемъ тѣхъ двухъ теченій, которыя въ несогласованномъ видѣ проходятъ чрезъ всю доктрину ихъ учителя — Маркса. Отмѣтивъ противорѣчія учениковъ, доказавъ несогласимость этихъ двухъ крайностей, мы тѣмъ самымъ отмѣтимъ и противорѣчія ихъ учителя и облегчимъ изученіе исторіи экономической мысли въ Россіи.

Теперь вѣра въ непреложность ученій Карла Маркса въ значительной мѣрѣ пережита и въ этомъ смыслѣ споръ народниковъ и новомарксистовъ уже принесъ свои плоды. Убѣжденіе народниковъ въ невозможности реализаціи прибавочной цѣнности или прибыли, какъ они стали говорить впослѣдствіи, только при наличности вѣчно расширяющагося и платежно-способнаго рынка капиталистическихъ покупателей-производителей, стремленіе новомарксистовъ доказать возможность реализаціи общественно-произведеннаго продукта въ предѣлахъ внутренняго рынка капиталистическаго хозяйства приняло такой своеобразный характеръ потому, что въ головахъ спорящихъ держались: идея товарнаго фетишизма и теорія накопленія, въ которыхъ видѣли альфу и омегу экономической науки. Въ этихъ двухъ теоріяхъ были найдены главнѣйшія базы для обоснованія трудовой цѣнности и всѣхъ связанныхъ съ нею теоретическихъ и соціально-политическихъ выводовъ. Въ процессѣ этого спора, конечно, не безъ вліянія и того кризиса, который переживалъ марксизмъ на западѣ, рухнула и должна была рухнуть въ своемъ элементарномъ видѣ трудовая цѣнность, вопросъ о производительности труда пришлось поставить на иныхъ началахъ; совсѣмъ новыя перспективы должны были открыться при обсужденіи вопросовъ о законѣ уравненія или дифференціаціи прибыли, о томъ соотношеніи, которое существуетъ между земледѣліемъ и фабрикаціей, между соціальными классами, которые являются представителями той или другой общественно-необходимой функціи.

Но, къ сожалѣнію, даже въ настоящій моментъ въ нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ кругахъ предъ этимъ ученіемъ Маркса о товарномъ фетишизмѣ существуетъ какое то религіозное преклоненіе, которое мѣшаетъ двинуться экономическому анализу впередъ[31]).

---

31) Такъ Туганъ-Барановскій пишетъ: „въ ученіи о товарномъ фетишизмѣ Марксъ достигъ высшей точки своего научнаго творчества, той точки, гдѣ могучій полетъ философской мысли и сила научнаго воображенія пріобрѣтаютъ прямо художественную красоту. Для многихъ это великое ученіе непонятно. Находились критики, не боявшіеся заявлять объ этомъ печатно. Такихъ критиковъ остается только пожалѣть... Очерки, стр. 384.“ Напрасная жалость! Какъ увидимъ ниже, самъ Туганъ-Барановскій понимаетъ это ученіе совершенно превратно.

Мнѣ не трудно будетъ показать, что обѣ наши литературныя школы никакъ не могли справиться съ тѣми противорѣчіями, которыя имъ ставило ученіе Маркса именно потому, что ученіе о товарномъ фетишизмѣ и тѣ выводы, которыя дѣлались изъ него для теоріи распредѣленія, совершенно непригодны для анализа сложныхъ современныхъ условій нашего капиталистическаго хозяйства, а также и его эволюціи. Я постараюсь доказать, что ученіе о товарномъ фетишизмѣ и связанная съ нимъ теорія накопленія совершенно непригодны для обоснованія какой бы то ни было теоріи цѣнности, а въ особенности трудовой; изъ него совершенно не вытекаетъ, что земледѣліе является основой капиталистическаго хозяйства; при его посредствѣ нельзя и думать доказать, что производство, какъ экономическая категорія, и производственныя отношенія имѣютъ единственное значеніе въ процессѣ образованія представленій о цѣнности; стоя на почвѣ этого ученія невозможно понять, какъ объективно совершаетса процессъ образованія представленій о цѣнности, ни того отношенія, которое существуетъ между цѣнностью, прибавочной цѣнностью и прибавочнымъ трудомъ, между политикой производства и распредѣленія . . . и т. п. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Факты на лицо. Пресловутая возможность вывести трудовую цѣнность изъ идеи товарнаго фетишизма, за которую доселѣ держится Каутскій, подвергнулась большимъ сомнѣніямъ даже въ предѣлахъ русскихъ марксистовъ. г. Т-Барановскій, Струве, Франкъ, Прокоповичъ [32]), и нѣкоторые другіе марксисты отвернулись отъ трудовой цѣнности и признали, что, обмѣнивая въ современномъ капиталистическомъ обществѣ товары, мы размѣниваемъ часто не *равныя*, а *различныя* количества труда и стали искать спасенія, какъ мы уже отчасти видѣли, въ субъективизмѣ школы Бема. Представители народничества, напр. В. В. и Николай — онъ стали держаться того толкованія трудовой цѣнности, которое содержится въ третьемъ томѣ и неудовлетворило никого изъ экономистовъ, представляетъ собою какую то изломанную и неуклюжую теорію издержекъ производства [33]).

---

32) См. Струве. Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи, Жизнь, 1900 г. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса, Спб. 1901 г.

33) Многіе изъ неомарксистовъ въ первое время своего выступленія на литературномъ рынкѣ относились къ этому закону отклоненій отъ трудовой цѣнности чрезвычайно легко. Такъ г. Волгинъ, полемизируя противъ г. В. В. писалъ: „мѣновыя стоимости производятся теперь (т. е. въ системѣ капитализма) ради производства прибавочной стоимости. Это усложненіе общественныхъ отношеній произ-

Вглядываясь въ народническую доктрину у противорѣчиваго и неточнаго г. В. В. или у хорошаго знатока Маркса г. Николай — она, мы легко можемъ замѣтить, что вся она построена на постоянной мысли о возможности, и притомъ имѣющей чрезвычайно важное значеніе, продажи товара по мѣновой цѣнности, которая выше или ниже индивидуальной стоимости для даннаго производителя. Для г. В. В. это означаетъ, что рыночная цѣна какъ то примиряетъ требованія производства и распредѣленія, для Н. — она это проще объясняется условіями обмѣна при наличности дифференціальныхъ различій въ производительности труда. Вѣчныя отклоненія отъ трудовой цѣнности, однако, нимало не смущаютъ ихъ. Они не замѣчаютъ, что допустивъ существованіе раздѣла, подъ вліяніемъ ли обмѣна или распредѣленія, на рынкѣ прибавочной цѣнности, они тѣмъ самымъ подрываютъ три своихъ основныхъ принципа, будто, *во первыхъ*, на рынкѣ происходитъ не образованіе, а только реализація прибавочной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что производитель получаетъ большую сумму прибавочной цѣнности, чѣмъ онъ самъ произвелъ, если обмѣнъ даетъ ему эту возможность, то, очевидно, на рынкѣ происходитъ самое образованіе прибавочной цѣнности и надо внимательно изучить причины этого явленія, показать *въ какихъ размѣрахъ и почему ему достается чужая прибавочная цѣнность. Во вторыхъ*, все ученіе о необходимости платежно-способнаго рынка дѣлало изъ ученія объ общественно-необходимомъ трудѣ, какъ творцѣ цѣнности, какую то игру словами и фикцію. Во всякое данное время общественно-необходимый трудъ могъ обратиться въ трудъ безполезный: количественное его несоотвѣтствіе потребностямъ рынка немедленно обращало его въ трудъ общественно-безполезный, необразующій цѣнности. *Въ третьихъ*, столь же сомнительнымъ становилось и другое положеніе народниковъ, будто выгодами возрастающей производительности труда въ капиталистическомъ обществѣ пользуются исключительно владѣльцы наиболѣе производительныхъ средствъ производства. По самому характеру построенной ими теоріи, они должны были признать возможность раздѣла этой возросшей прибавочной цѣнности между разными капиталистами пропорціонально видамъ затраченнаго ими капитала и въ разрѣзъ съ законами трудовой цѣнности. Споръ объ условіяхъ

водителей вліяетъ на мѣновую цѣнность въ смыслѣ ея отклоненія отъ трудовой стоимости. Вотъ только и всего. Неужели это не ясно? Неужели это не просто?“ см. Волгинъ. Обоснованіе народничества въ трудахъ г. В. В. Спб., 1896 г. стр. 60. Увы, это очень не ясно и очень не просто, какъ увидимъ ниже.

раздѣла этой возросшей прибавочной цѣнности долженъ былъ поставить вопросъ, не учавствуютъ ли и представители труда въ этомъ раздѣлѣ возрастающей прибавочной цѣнности по мѣрѣ роста производительности труда, не болѣе ли нормально положеніе рабочаго въ высоко-производительномъ предпріятіи, чѣмъ положеніе хозяина въ ничтожномъ собственномъ, убогомъ производительномъ углу, гдѣ онъ едва вырабатываетъ свое „пропитаніе“. Пресловутое ученіе о незыблемости „желѣзнаго закона заработной платы“ въ этомъ спорѣ заколебалось, совпаденіе цѣнности труда съ стоимостью его воспроизводства возбудило сомнѣнія, а счастливое положеніе мелкаго собственника-производителя въ значительной мѣрѣ перестало манить своими картинами. Странно, что, такъ сильно подчеркивая несомнѣнный фактъ различій въ производительности труда, народническая доктрина не замѣчала, что мелкій производитель, собственникъ средствъ производства, можетъ также пользоваться выгодами и преимуществами, даруемыми ему природными и общественными условіями, хотя и въ меньшей степени, но также въ ущербъ своимъ менѣе счастливымъ соучастникамъ въ производительномъ процессѣ. Какъ бы малъ тотъ капиталъ ни былъ, какъ бы тяжело ни было положеніе того единичнаго, индивидуальнаго производителя, которому принадлежатъ средства производства, какъ бы ни былъ ничтоженъ участокъ его земли — всѣ эти обстоятельства не даютъ намъ права и возможности говорить о какомъ то внѣ — капиталистическомъ производствѣ. Ни земледѣліе, ни фабрикація, ни крупное, ни мелкое производство не стоятъ внѣ предѣловъ капиталистическаго хозяйства, той экономической политики и организаціи, которая имъ обусловливается. Это обстоятельство не могло быть поколеблено стремленіемъ народнической доктрины опредѣлять стоимость рабочей силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ расходами на ея воспроизведеніе, т. е. количествомъ потребленія и утвержденіемъ, что въ крупномъ и мелкомъ крестьянскомъ трудовомъ хозяйствѣ *вообще* не создается прибавочной цѣнности [34]).

34) Г. Пѣшехоновъ не безъ успѣха старался доказать, что мелкія крестьянскія хозяйства доводятъ до наиболѣе высокихъ предѣловъ интенсивность и производительность „своего“ труда; дневной заработокъ въ сельскомъ хозяйствѣ у нихъ выше, чѣмъ у крупныхъ крестьянъ. Но зато они проигрываютъ въ промыслахъ, отъ которыхъ они получаютъ меньше дохода за невозможностью ими заниматься. Пѣшехоновъ впервые натолкнулся на тотъ фактъ, что размѣръ дневного заработка, если хозяйственный доходъ не отдѣлять отъ промысловаго, для хозяйствъ всѣхъ группъ колеблется около одной и той же цифры. Въ этомъ г. Пѣшехоновъ видѣлъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ того констатирован-

Съ особымъ и справедливымъ успѣхомъ доказывали неомарксисты невозможность признанія наличности такихъ „внѣ-капиталистическихъ элементовъ“, анализируя международную торговлю. Они вѣрно указывали, что международная торговля является обмѣномъ внутри такъ или иначе сложившагося капиталистическаго цѣлаго, что законы обмѣна не видоизмѣняются принципіально возникновеніемъ международной торговли. Расширеніе рынка очень важно; оно несетъ съ собою цѣлый рядъ выгодъ и новыхъ условій развитія, но отсюда не слѣдуетъ, что замкнутое въ самомъ себѣ хозяйство съ ограниченнымъ рынкомъ обречено на смерть или на невозможность капиталистическаго развитія. Самое понятіе объ этихъ „необходимыхъ размѣрахъ рынка“ въ высокой степени относительно и зависитъ отъ состоянія матеріальныхъ производительныхъ силъ, какъ они дарованы природой и исторіей, своеобразно сложившей различныя отрасли промышленности въ томъ или другомъ направленіи. Неомарксисты были, однако, совершенно неправы въ томъ отношеніи, что придавали слишкомъ мимолетное значеніе этой возможности продавать на внѣшнемъ рынкѣ выше индивидуальной стоимости производителей[35]). Они игнорировали

наго похозяйственнымъ учетомъ факта, что крестьянское населеніе не получаетъ въ своемъ хозяйствѣ прибавочной цѣнности или получаетъ ее въ значительно меньшихъ размѣрахъ сравнительно съ тою, которая была исчислена подъ именемъ чистой доходности земли по способу оцѣнки работъ и продуктовъ по рыночнымъ цѣнамъ. Цитирую по трудамъ Коммиссіи по вопросу объ организаціи оцѣночныхъ работъ, Москва 1898 г., гдѣ въ немногихъ словахъ было формулировано то, что служило предметомъ безчисленныхъ доказательствъ многихъ авторовъ въ журналѣ Русское Богатство. Я уже указывалъ въ первой главѣ, что Родбертусъ былъ правъ, когда“ исходя изъ идеи дифференціальной производительности труда“, которую, всегда признавали г. народники, въ чемъ я вижу ихъ заслугу, считалъ невозможнымъ достиженіе идеала распредѣлительной справедливости путемъ мелкихъ производительныхъ товариществъ, къ числу которыхъ можно отнести и крестьянское хозяйство, которое, конечно, не можетъ существовать безъ нѣкоторой и разнообразной доли прибавочнаго продукта и безъ наемнаго труда. Если же болѣе крупныя хозяйства вырабатываютъ, кромѣ необходимаго содержанія рабочихъ, ренту и прибыль (приб. ст.), а крестьянское хозяйство — лишь даетъ необходимое и одинаковое пропитаніе, то это только доказываетъ малую производительность этого труда, какъ думалъ еще Кене. Пока мы не хотимъ, однако, поднимать вопроса о значеніи мелкаго и крупнаго хозяйства, намъ важно только констатировать фактъ, имѣющій значеніе для анализа теоріи обмѣна, что народническая доктрина доработалась до мысли, что трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ не создаетъ прибавочной стоимости и стоитъ внѣ предѣловъ капиталистическаго хозяйства.

35) Особенно рѣзко эту мысль выразилъ г. Булгаковъ: . . . въ международной торговлѣ, пишетъ онъ, происходитъ обмѣнъ *эквивалентовъ* и поэтому внѣшній рынокъ не представляетъ никакихъ спеціальныхъ удобствъ для помѣщенія

то обстоятельство, что самое существованіе международной торговли, при неизбѣжныхъ и долговременно существующихъ различіяхъ въ производительности труда, подъ вліяніемъ какъ чисто экономическихъ, такъ и соціальныхъ условій, должно оказывать важное вліяніе на самый процессъ раздѣла и образованія прибавочной цѣнности. Съ ихъ точки зрѣнія это было понятно, ибо въ первое время своего литературнаго единоборства они хотѣли во что бы то ни стало укрѣпить трудовую цѣнность и доказать, что всегда и вездѣ въ долгій срокъ товары обмѣниваются, какъ трудовые эквиваленты. Они тогда то и выдвинули ту идею о необходимости пропорціональности производства, на которой и понынѣ настаиваетъ Туганъ-Барановскій, но уже съ иными цѣлями. Раньше эта „пропорціональность производства“ была боевымъ мечемъ для укрѣпленія трудовой цѣнности противъ ученій народниковъ, которые никакъ не могли размѣстить излишнюю прибавочную цѣнность; теперь она ему годится для иныхъ цѣлей.

Настаивая на возможности количественной пропорціональности производства, неомарксисты стояли на почвѣ товарнаго фетишизма и схемъ Маркса, совершенно, однако, забывая то, что онъ говорилъ еще ранѣе въ критикѣ Прудона, что онъ затѣмъ повторилъ въ третьемъ томѣ и въ чемъ было найдено вопіющее противорѣчіе многими изъ неомарксистовъ. Дѣло обстоитъ, однако, гораздо проще. Марксъ и самъ сознавалъ, какую массу затрудненій ему ставитъ идея товарнаго фетишизма и его теорія производственныхъ отношеній. Читатель видѣлъ, что г. Ильинъ и г. Туганъ-Барановскій настаиваютъ на этой идеѣ пропорціональности. Туганъ-Барановскій, какъ мы показали во второй главѣ, построилъ на этой идеѣ свою теорію „абсолютной стоимости“ и вернулся вспять къ столь поруганному нѣкогда Прудону въ поискахъ за правильной теоріей цѣнности.

Правда, г. Туганъ-Барановскій пишетъ:“ изложеніе его весьма неясно и чтобы извлечь изъ соотвѣтствующихъ заключеній Прудона драгоцѣнное зерно, нужно самому обладать отчетливымъ пониманіемъ проблемы цѣнности. Такой глубокой мыслью Прудона мы считаемъ его опредѣленіе закона пропорціональности общественнаго производства *вмѣстѣ съ признаніемъ труда моментомъ, „устанавливающимъ въ*

прибавочной стоимости. Здѣсь подтверждается правильность первоначально принятой *нами* гипотезы, что внѣшняя торговля замѣщаетъ лишь потребительныя стоимости одного вида потребительными стоимостями другого вида, ничуть не касаясь самихъ отношеній стоимости. См. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ; Москва, 1897, стр. 180—181. Булгаковъ справедливо пишетъ „нами“, ибо Марксъ, слѣдуя за Рикардо, думалъ временами совсѣмъ иначе; см. первую главу.

идеалъ эту пропорціональность“ — отсюда трудовая цѣнность революціонная теорія будущаго“. Мнѣ кажется, что въ всѣхъ этихъ словахъ (и особенно подчеркнутыхъ нами курсивомъ) и въ попыткѣ идти за Прудономъ г. Туганъ-Барановскій обнаружилъ именно неясность въ своемъ пониманіи цѣнности.

Не думаю, чтобы въ открытіи этой „якобы“ истины была великая заслуга Прудона. Онъ и самъ говоритъ, что идея *„пропорціональности продуктовъ“* является одной изъ тѣхъ вульгарныхъ идей, которыя имѣются во всѣхъ сочиненіяхъ по политической экономіи. Самое истолкованіе этой вульгарной идеи у Прудона столь же ложно, какъ и ученіе Маркса о товарномъ фетишизмѣ. Стоитъ только сравнить оба эти замѣчательные литературные памятники, чтобы убѣдиться, что, какъ методологическіе пріемы, они почти однохарактерны и составляютъ наслѣдіе классической школы; по содержанію же Марксъ блестяще доказываетъ ложность теоріи пропорціональности для будущаго, Прудонъ ложность этой теоріи для настоящаго, а оба вмѣстѣ полную теоретическую непригодность всей теоріи въ цѣломъ. Сравнимъ же эти обѣ теоріи, оно дастъ намъ первый отвѣтъ на обоснованіе трудовой цѣнности въ ученіяхъ марксистовъ.

Прудонъ полагаетъ, что мы знаемъ цѣнность съ двухъ сторонъ [36]): цѣнность потребительную и мѣновую, но мы не знаемъ ее „dans son tout“. Еслибы мы могли пріобрѣсти эту новую идею, мы имѣли бы цѣнность „абсолютную, ея законъ абсолютный, неизмѣнный“. Трудъ, какъ свобода, геній, любовь, честолюбіе есть вещь неопредѣленная и неопредѣлимая по своей природѣ, но которая качественно опредѣляется ея предметомъ, т. е. трудъ становится реальностью при посредствѣ своего продукта. Когда говорятъ: трудъ этого человѣка стоитъ пять франковъ въ день — это значитъ: продуктъ дня труда этого человѣка стоитъ пять франковъ. Особенность труда заключается въ постоянномъ стремленіи устранить *рѣдкость и мнѣніе*, какъ конститутивные элементы цѣнности и, такимъ образомъ, трансформировать естественныя полезности или неопредѣленныя (присвоенныя или нѣтъ) въ полезности измѣримыя или соціальныя. Соотвѣтственно этому анализу цѣнность, разсматриваемая въ обществѣ, которое естественно, благодаря раздѣленію труда и обмѣну, образуютъ производители, есть отношеніе пропорціональности продуктовъ, которые составляютъ богатство. Полезность обосновываетъ цѣнность, трудъ

36) См. Proudon. Système des contradictions économiques, n. ed., t. I, De la valeur. стр. 59—103.

опредѣляетъ отношеніе. Цѣна, съ извѣстными отклоненіями, передаетъ это отношеніе. . . . Пропорція, въ которой каждый элементъ, т. е. продуктъ входитъ въ цѣлое, мы называемъ цѣнностью; *избытокъ*, который остается послѣ этой комбинаціи, есть „не цѣнность“ (non valeur) до тѣхъ поръ, пока привхожденіемъ нѣкотораго количества другихъ элементовъ онъ не скомбинируется, не размѣняется. Трудъ не становится гарантіей благосостоянія и равенства, если продуктъ каждаго индивида не пропорціоналенъ массѣ: ибо онъ не покупаетъ и не обмѣнивается никогда иначе, какъ на цѣнность равную той, которая въ немъ. Аксіома одинаково признаваемая всѣми экономистами гласитъ, что трудъ оставляетъ избытокъ въ продуктѣ. Теперь за счетъ этого избытка нѣкоторые профитируютъ, но другіе погибаютъ (dépérissent). Если продуктъ будетъ принадлежать тому, кто его произвелъ, цѣнность конституируется, — трудъ *каждаго человѣка не будетъ имѣть другой возможности, кромѣ покупки такой же цѣнности, которая заключается въ его продуктѣ и эта цѣнность будетъ пропорціональна услугамъ всѣхъ другихъ работниковъ.* Исходя изъ неравенства состояній, приходятъ къ мысли о несоизмѣримости цѣнностей. Эта основная антиномія, со всѣми ея послѣдствіями уничтожается при признаніи положенія, что трудъ есть принципъ пропорціональности цѣнностей. Изъ этого положенія и его корольяріевъ: всякій продуктъ цѣнится столько, столько онъ стоитъ и что продукты покупаются продуктами, изъ того необходимаго предположенія, что конституированная цѣнность предполагаетъ въ равной степени „полезность и продажность“, неразрывно и гармонически связанными, что цѣнность есть отношеніе по существу соціальное и что только чрезъ посредство обмѣна мы пріобрѣли понятіе полезности, вытекаетъ догма *равенства состояній.* Вездѣ, гдѣ трудъ не соціализировался, т. е. гдѣ цѣнность не опредѣлилась синтетически, не конституировалась, имѣются пертурбаціи въ обмѣнахъ, въ производствѣ, въ обращеніи, въ потребленіи. Политическая экономія есть ничто иное, какъ исторія этой великой борьбы за созданіе ассосіаціи и порядка въ обмѣнѣ“.

Идеалъ экономической политики Прудона поэтому: „производить безостановочно — съ наименьшимъ количествомъ труда на каждый продуктъ — наибольшее количество и разнообразіе цѣнностей, чтобы доставить каждому человѣку наибольшее количество физическаго, нравственнаго и умственнаго счастія, а для рода — высшее совершенство и безконечную славу.“ Такъ Прудонъ[37]).

37) „Я упрекаю соціализмъ не въ томъ, что онъ явился безъ основаній, пи-

Если читатель раскроетъ книгу Маркса о „Нищетѣ Философіи“ и затѣмъ прочтетъ изъ перваго тома Капитала главу о фетишизмѣ товара и изъ III-го главу десятую, онъ будетъ пораженъ. Марксъ, какъ онъ увидитъ, былъ жестокимъ и ѣдкимъ критикомъ Прудона какъ бы только для того, чтобы впослѣдствіи пойти почти по той же дорогѣ. Въ „Нищетѣ философіи“ Марксъ совершенно справедливо назвалъ законъ пропорціональности, которымъ такъ восхищенъ г. Барановскій, филистерской утопіей и противъ Прудона привелъ слѣдующіе уничтожающіе аргументы.

„Идея пропорціональности есть простой парафразъ того, что продукты, какъ мѣновыя цѣнности, неизбѣжно стоятъ въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу[38]). Весь міръ знаетъ (?), что когда спросъ и предложеніе уравниваются, относительная цѣнность продуктовъ точно опредѣляется заключеннымъ въ немъ трудомъ. Прудонъ ставитъ порядокъ вещей на голову. Онъ думаетъ, будто, если мы станемъ опредѣлять цѣнность продуктовъ, заключеннымъ въ немъ трудомъ, то спросъ и предложеніе неизбѣжно будутъ въ полномъ равновѣсіи, производство будетъ соотвѣтствовать потребленію, продукты будутъ постоянно обмѣниваться на продукты, рыночная цѣна будетъ выражать истинную цѣнность. „Вмѣсто того, смѣется Марксъ, чтобы сказать: погода хороша, люди пойдутъ гулять, Прудонъ хочетъ заставить людей гулять, чтобы обезпечить имъ хорошую погоду. Прудонъ долженъ былъ бы доказать, что время, потраченное на продуктъ, съ полной точностью отмѣчаетъ *степень его полезности* и, кромѣ того, его пропорціональное отношеніе къ спросу, а, слѣдовательно, и къ суммѣ общественнаго богатства.“ Отнюдь не продажа по стоимости создаетъ эту пропорціональность Прудона, а какъ разъ, наоборотъ, *колебанія въ спросѣ и предложеніи,* которыя указываютъ производителямъ тѣ *количества,* которыя они могутъ производить, чтобы получить, по крайней мѣрѣ, *возвратъ издержекъ* производства. Нѣтъ, поэтому пишетъ онъ, „конституированнаго пропорціональнаго отношенія, а есть только конституирующееся движеніе“.

„Въ „Нищетѣ философіи“ Марксъ еще чистокровный Рикар-

шетъ Прудонъ, а въ томъ, что соціалисты такъ упорно глупы. . . Потребительная и мѣновая цѣнность находятся въ вѣчной борьбѣ. Результаты этой борьбы извѣстны: войны торговли и рынковъ, переполненіе рынковъ, застой, запрещенія, убійства конкуренціи, монополія, обезцѣненіе заработныхъ платъ, законы о максимумѣ, уничтожающее неравенство состояній, нищета — все это проистекаетъ изъ антиноміи цѣнности“, тамже, стр. 69.

38) см. Das Elend der Philosophie, 3 изд. 1895 г., стр. 33—42.

діанецъ. Отмѣтивъ, что цѣнность опредѣляется *минимумомъ* времени, необходимаго для производства товара, констатировавъ, что всѣ новыя изобрѣтенія благодаря конкуренціи и закону цѣнности приводятъ къ *обезцѣненію труда,* орудій производства и самихъ предпріятій, къ продажѣ ихъ *ниже цѣнности,* Марксъ прямо заявляетъ, что господство трудовой цѣнности приводитъ вмѣсто пропорціональности къ диспропорціональности, къ противорѣчіямъ, которыя и суть законъ исторіи. Онъ рѣзко подчеркиваетъ, что „употребленіе продуктовъ зависитъ отъ соціальныхъ отношеній, въ которахъ находятся потребители, а эти отношенія сами покоятся на противорѣчіи классовъ[39]).“

Эта аргументація Маркса заслуживаетъ вниманія по своей ловкости и изворотливости. Въ своей критикѣ Марксъ какъ бы сознательно игнорируетъ то, что Прудонъ относитъ свое построеніе къ будущему, когда продуктъ труда будетъ, по Прудону, принадлежать работнику и когда установится экономическое равенство. Его аргументація отъ этого, однако, не теряетъ силы и служитъ только прекраснымъ доказательствомъ того, какъ плохо г. Туганъ-Барановскій понялъ свою излюбленную идею. Марксъ совершенно вѣрно указываетъ, — и мы отчасти это уже видѣли во второй главѣ, что провозглашеніе идеи Прудона не можетъ само по себѣ создать никакой пропорціональности въ разныхъ отрасляхъ промышленности, что трудовая цѣнность не можетъ быть моментомъ, устанавливающимъ эту пропорціональность въ идеалѣ въ обществѣ, которое построено на наличности различій въ дифференціальной производительности труда, которое имѣетъ извѣстный складъ потребностей. Марксъ категорически высказывается, что въ будущемъ обществѣ полезность предмета для общества будетъ опредѣлять то количество времени, которое будетъ затрачиваться на продуктъ, т. е. предполагаетъ организовать производство въ зависимости отъ потребностей, а не доходитъ до нелѣпой мысли механическимъ согласованіемъ (т. е. провозгласивъ право производителя на полный продуктъ его труда и предоставивъ каждому производить что и какъ угодно, въ любомъ размѣрѣ) отраслей производства организовать потребности и сбалансировать всѣ отношенія.

Г. Тугана-Барановскаго, также какъ и многихъ другихъ марксистовъ, сбиваетъ съ толку бросающееся въ глаза противорѣчіе точки зрѣнія Маркса. Считая трудовую цѣнность индивидуальнаго производителя Прудона, среднюю общественную трудовую цѣнность Род-

39) l. c. Das Elend, стр. 37. Эту мысль Марксъ повторяетъ въ Капиталѣ безконечное число разъ.

бертуса и возможность вообще видѣть въ трудовой цѣнности правильный масштабъ для распредѣленія — безсмыслицей для будущаго, Марксъ считаетъ *свою собственную трудовую цѣнность* реальнымъ фактомъ дѣйствительности, когда спросъ и предложеніе уже уравновѣсились. Современный строй, слѣдовательно, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ какую то странную *пропорціональность*, которая является результатомъ дѣйствія какихъ то силъ и сама въ себѣ содержитъ *диспропорціональность*. Это противорѣчіе г. Туганъ-Барановскій могъ бы разрѣшить не возвратомъ къ вульгарной идеѣ Прудона, а указаніемъ на то, что самая идея товарнаго фетишизма непригодна для вывода какой либо теоріи цѣнности, что производственныя отношенія, какъ взаимная работа другъ для друга, вовсе не есть еще пропорціональность производства на трудовыхъ началахъ, не есть еще отсутствіе возможности меньшимъ количествомъ одного труда покупать бо̀льшее другого.

Поистинѣ одинъ изъ самыхъ несчастныхъ параграфовъ Капитала это тотъ, который озаглавленъ: „товаръ, какъ фетишъ и тайна товарнаго фетиша.“ По своей неясности, вычурности языка, массѣ отступленій въ сторону, отвлекающихъ мысль читателя массой мѣткихъ образовъ и сравненій (напр. классическіе: религіозный міръ есть ничто иное какъ отраженіе міра дѣйствительнаго, экономисты разсуждаютъ странно: феодальныя учрежденія суть искусственныя, буржуазныя — естественныя и т. п.), онъ какъ бы спеціально написанъ для того, чтобы придать старой робинзонадѣ якобы ученый и проникновенный видъ теоріи и затемнить въ сущности совершенно ясную постановку вопроса, и при томъ не новую, и не оригинальную. Весь этотъ параграфъ является только своеобразной переработкой и перефразировкой трудовой робинзонады, изъ которой въ своихъ разсужденіяхъ исходили предшественники Маркса, которую не могъ переварить для настоящаго Прудонъ и потому отправилъ ее въ горнило будущаго, гдѣ все можно переварить.

Поступимъ же проще; изложимъ сущность этой теоріи, иллюстрируемъ ее примѣромъ, на почвѣ котораго путемъ критическихъ замѣчаній мы тотчасъ увидимъ, какую цѣну можетъ имѣть это ученіе.

Вотъ тѣ соображенія, благодаря которымъ Марксъ считаетъ возможнымъ увѣрять читателя, что *весь міръ знаетъ*, что цѣнность опредѣляется количествомъ труда, заключеннаго въ товарѣ, — при равенствѣ спроса и предложенія. По мнѣнію Маркса, сквозь случайныя и вѣчно колеблющіяся мѣновыя соотношенія между продуктами-товарами отдѣльныхъ производителей прорывается, *какъ законъ природы*,

которому онѣ подчиняются, рабочее время, которое общественно-необходимо для производства этихъ товаровъ. Товаръ, созданіе труда, становится таинственной вещью просто потому, что общественный характеръ человѣческаго труда представляется объективнымъ свойствомъ, которымъ одаренъ продуктъ этого труда, поэтому также отношеніе производителей ко всей суммѣ общественнаго труда представляется имъ общественнымъ отношеніемъ, существующимъ не между ними самими, а между продуктами. . . *Основаніемъ общественной жизни служитъ вещественное производство* и отношенія людей складываются, какъ отношенія *продуктовъ ихъ труда*. . . Равенство всѣхъ родовъ человѣческаго труда объективно выражается въ томъ, что результаты труда — продукты-товары — имѣютъ одинаковую цѣнность; опредѣленіе величины траты рабочей силы ея продолжительностью принимаетъ форму величины цѣнности продуктовъ труда, а взаимныя отношенія производителей, въ которыхъ обнаруживается общественный характеръ ихъ труда, принимаютъ форму общественнаго отношенія продуктовъ труда. Рабочее время каждаго производителя какъ бы играетъ двоякую роль: съ *одной стороны распредѣленіе его сообразно съ потребностями общества устанавливаетъ должное соотношеніе работъ къ нуждамъ*, съ *другой стороны служитъ мѣрой участія каждаго отдѣльнаго производителя въ общей работѣ*, а, *стало быть*, и его *доли въ части общественнаго продукта*. Производитель вноситъ въ общую массу богатства народа, т. е. въ массу товаровъ, свою долю; она оцѣнивается соотвѣтственно съ количествомъ затраченнаго на нее общественно-необходимаго труда[40]); онъ можетъ передачей этой доли получить любой эквивалентъ такой же оцѣнки. Мѣновая цѣнность и есть, поэтому, только общественный способъ, которымъ выражается количество труда, потраченнаго на вещь, а потому въ ней *природнаго содержанія* не больше какъ напр. „въ вексельномъ курсѣ“ — и вотъ все. .

Не трудно иллюстрировать все это разсужденіе примѣромъ, который раскроетъ его существо. Сдѣлаемъ теоретическое допущеніе, что наше общество состоитъ только изъ двухъ хозяйствъ. Оба эти хозяйства для своего существованія необходимо должны организовать „вещественное производство“ и дѣйствительно добываютъ весь нужный имъ продуктъ на началахъ раздѣленія труда, но съ

40) Въ Капиталѣ Марксъ уже отступаетъ отъ Рикардіанской точки зрѣнія. Онъ вмѣсто предѣльной производительности, предѣльнаго труда имѣетъ дѣло со средней производительностью, среднимъ общественно-необходимымъ трудомъ.

отсутствіемъ всякаго различія въ положеніи производителей и производительныхъ качествъ труда въ нашихъ хозяйствахъ. Въ самомъ дѣлѣ предположимъ, что земледѣлецъ А готовитъ однимъ днемъ своего труда 10 пудовъ хлѣба; пять пудовъ ему нужно для удовлетворенія собственныхъ потребностей въ питаніи, пять онъ можетъ отчудить для удовлетворенія своихъ потребностей въ одеждѣ. Предположимъ портной Б. готовитъ платье и однимъ днемъ своего труда онъ готовитъ двѣ пары платья, одну для себя; другую онъ можетъ отчудить для удовлетворенія своей дневной потребности въ хлѣбѣ. При такихъ условіяхъ земледѣлецъ очевидно полъ-дня своего труда, овеществленную въ пяти пудахъ хлѣба, долженъ будетъ отдать за пару платья, т. е. за полъ-дня своего же общественнаго сочлена. Оба они поступить *иначе не могутъ*, ибо въ противномъ случаѣ земледѣлецъ останется безъ платья, а портной безъ хлѣба. Производительность труда можетъ рости у нашихъ двухъ производительныхъ работниковъ-хозяевъ, пропорціонально или непропорціонально, трудъ ихъ раздробляться на множество подраздѣленій. Соотвѣтственно съ этимъ съ обѣихъ сторонъ будетъ появляться масса продуктовъ, которые при обмѣнѣ другъ на друга будутъ представлять безконечную цѣпь количественныхъ мѣновыхъ пропорцій и, если эти пропорціи будутъ безусловно соотвѣтствовать потребительнымъ желаніямъ каждаго изъ нашихъ хозяевъ, то, очевидно, какъ и въ первомъ случаѣ въ основѣ этихъ мѣновыхъ пропорцій будетъ лежать количество труда, потраченное на вещь, другими словами мѣновая цѣнность и количественныя пропорціи обмѣна будутъ соотвѣтствовать количествамъ труда. Мало того. Мы можемъ сдѣлать еще и два другихъ предположенія. Если въ одну эпоху одинъ день труда нашихъ производителей воплощался въ 10 пудахъ хлѣба, въ другое время онъ сталъ давать 20, если согласно тому же предположенію такой же день вмѣсто двухъ паръ платья сталъ давать четыре, то въ головахъ нашихъ производителей невольно должно явиться представленіе, что производительность труда выросла вдвое. При такихъ условіяхъ въ мозгахъ нашихъ производителей-хозяевъ, которые могутъ имѣть теперь по два сюртука и по десяти пудовъ хлѣба, отношеніе къ вещамъ не можетъ принять какой либо другой формы: „какъ прежнюю, такъ и всю новую массу добытаго продукта, они будутъ оцѣнивать затраченнымъ трудомъ“. Далѣе. Предположимъ вмѣстѣ съ Адамомъ Смитомъ, что появились какіе-то капиталисты, подчинившіе своей власти нашихъ производителей, которые къ тому же потребовали при этой возросшей производительности себѣ половину продуктовъ каж-

даго производителя. Работники, въ которыхъ превратились бы наши хозяева, остались бы при прежнемъ, первомъ положеніи, т. е. имъ осталось по сюртуку и по пяти пудовъ хлѣба на брата, если они произведутъ необходимый размѣнъ. У перваго капиталиста тоже будетъ десять пудовъ хлѣба, у другого два сюртука. Они размѣняются на тѣхъ же началахъ, какъ ихъ работники и будутъ жить припѣваючи. Въ отношеніяхъ обмѣна и въ представленіяхъ о цѣнности никакихъ видоизмѣненій не произойдетъ.

Обращаясь къ явленіямъ реальной дѣйствительности, *Рикардо впервые и формулировалъ выводъ изъ этой Робинзонады въ извѣстномъ законѣ, что при равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей цѣнности будутъ пропорціональны количествамъ затраченнаго на нихъ труда.* Онъ видѣлъ, что предположеніе о раздѣлѣ произведеннаго продукта между работниками и капиталистами можетъ быть замѣнено любымъ другимъ. Если работникамъ достанется одна треть продукта, капиталисты будутъ благоденствовать, и наоборотъ. Этотъ-то элементарнѣйшій разсчетъ привелъ и Маркса къ мысли, что обмѣнъ и мѣновыя пропорціи при полномъ уравненіи производства съ нуждами т. е. при равенствѣ спроса и предложенія останутся въ равновѣсіи только тогда, если производители будутъ обмѣнивать свои продукты въ соотвѣтствіи съ трудовымъ принципомъ; у нихъ и не образуется никакой иной объективной идеи о цѣнности кромѣ трудовой, если они соберутся подумать о ней. Вотъ искомая разгадка пресловутой пропорціональности, нелѣпость которой легко показать слѣдующими соображеніями, которыя докажутъ, что это исходное предположеніе могло быть *первымъ, необходимымъ, элементарнымъ методологическимъ пріемомъ,* но еще не могло раскрывать существа явленій обмѣна.

Во первыхъ, вся эта Робинзонада построена нами спеціально для того, чтобы удовлетворить и Прудона, и Маркса. Послѣдній смѣется надъ Прудономъ за то, что разростаніемъ производительности онъ объясняетъ многообразіе продуктовъ, дешевизну продуктовъ необходимости и дороговизну предметовъ роскоши. Марксъ начинаетъ исторію съ противорѣчія классовъ, съ принадлежности доли продукта капиталисту и старается показать, что весь характеръ потребленія обусловливается этимъ противорѣчіемъ классовъ. Наша схема пригодна, какъ видѣлъ читатель, для разсужденій въ томъ и другомъ направленіи. Только чтобы не усложнять этой схемы, мы игнорируемъ участіе въ производствѣ капитала [41]).

41) Само собою разумѣется, что общественный продуктъ въ нашемъ сложно

Первое, что бросается въ глаза въ этой схемѣ, заключается въ томъ, что она построена на предположеніи, будто трудъ единая производительная сила, и при томъ равно производительная въ земледѣліи и въ фабрикаціи. При такомъ предположеніи нельзя и думать утверждать, что производительность земледѣльческаго труда основа капиталистическаго общества. Впослѣдствіе и самъ Карлъ Марксъ отвернулся отъ предположенія, что земледѣліе основа капиталистическаго общества. Онъ сталъ даже утверждать, что промышленная прибыль опредѣляетъ земледѣльческую.

Возможность размѣна продуктовъ, произведенныхъ на началахъ раздѣленія труда, обусловливается тѣмъ, что трудъ, какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабрикаціи создаетъ одинаково прибавочный продуктъ, за счетъ котораго и содержится все общество.

Взятое предположеніе легко намъ можетъ показать, отчего у нашихъ хозяевъ могла бы сложиться въ головѣ трудовая цѣнность. Такъ какъ предположеніе наше основано на единствѣ производительной силы и ея равенствѣ, то, естественно, что всѣ хозяева поставлены въ одинаковыя условія. Условія жизни индивида ничѣмъ не отличаются отъ условій жизни всѣхъ другихъ индивидовъ даннаго общества. Изъ внѣшняго міра въ голову индивидуальнаго хозяина проникаютъ одни и тѣже лучи; и въ головахъ всѣхъ они и преломляются подъ однимъ угломъ, создавая представленіе о трудовой цѣнности. Обмѣнъ служитъ для нихъ только косвеннымъ средствомъ узнать, сколько труда затрачено въ ихъ продуктѣ.

Это предположеніе, однако, слишкомъ элементарно и при приложеніи къ дѣйствительности оставляетъ безъ объясненія цѣлую массу вопросовъ, на которые бѣгло теперь же, а подробнѣе впослѣдствіе, намъ и придется дать отвѣты.

а) Оно не объясняетъ, отчего же производительность труда держится въ такой нормѣ, что даетъ возможность существованія капиталисту и работнику; отчего люди не доходятъ до нисшей производительности труда и вообще въ какомъ направленіи, подъ давленіемъ какихъ причинъ движется производительность труда? Наконецъ, возможно ли существованіе такихъ отраслей промышленности,

---

организованномъ обществѣ распредѣляется съ одной стороны на *доходы*, съ другой *на капиталъ* — на созданіе его матеріальнаго существа или поддержаніе его работоспособности (напр. удобреніе для земли) и проч. Вполнѣ достаточно проанализировать явленія во взятомъ элементарномъ видѣ, ибо дальнѣйшая схематизація только можетъ запутывать читателя.

которые не даютъ прибавочнаго продукта и какъ существуютъ въ такихъ отрасляхъ промышленники-капиталисты и ихъ работники? Этотъ вопросъ мы разрѣшимъ въ главѣ о рентѣ.

б) Предположеніе, взятое нами, не объясняетъ, какъ будетъ происходить процессъ образованія представленій о цѣнности, если одинъ изъ производителей пожелаетъ имѣть продукты особенно рѣдкаго труда, иного качества или энергіи, чѣмъ его собственный, или какъ оцѣниваются вещи просто захваченныя въ собственность, но не произведенныя трудомъ. Наличность такого вида труда и вещей должна вызвать къ жизни какіе то особые процессы оцѣнки; надобно было бы доказать возможность сопоставленія одного вида труда съ другимъ, возможность ихъ соизмѣренія и проч. Въ слѣдующей главѣ мы покажемъ, къ какимъ противорѣчіямъ приводили всѣ подобныя попытки. Тамъ мы увидимъ, что сознаніе невозможности оцѣнивать продукты чрезъ исчисленіе энергіи, затраченной на продуктъ, самая загадочность того, какъ можетъ совершаться такое исчисленіе при помощи процессовъ обмѣна, привело къ мысли вмѣсто затратъ труда сдѣлать объективнымъ началомъ, которое должно посылать изъ внѣшняго міра лучи въ голову индивидуальныхъ производителей для образованія ихъ объективныхъ представленій о цѣнности, вознагражденіе или заработную плату работника. Цѣлый рядъ писателей и до сихъ поръ пытается доказать, что намъ надобно прежде всего опредѣлить не *цѣнность продукта*, а *цѣнность труда*. Ложность этой попытки, честь обоснованія которой принадлежитъ главнѣйше Мальтусу, я покажу въ слѣдующей главѣ.

в) даже допустивъ, что цѣнность труда представляетъ величину равную и неизмѣнную для всѣхъ капиталистовъ, мы еще не имѣемъ никакого права утверждать, что при пропорціональности производства или, какъ выражается Прудонъ, при пропорціональности продуктовъ, въ реальной дѣйствительности будетъ господствовать обмѣнъ на трудовыхъ началахъ. Пропорціональность производства съ нуждами, какъ не трудно показать, можетъ быть достигнута совершенно иначе, въ разрѣзъ съ законами трудовой цѣнности. Основная ошибка Маркса и всѣхъ его послѣдователей заключается въ томъ, что изъ самой сущности общественнаго хозяйства — законъ обмѣна, даже при наиблагопріятнѣйшемъ предположеніи полнаго равенства въ производительности труда или что тоже при признаніи труда за единую и равную производительную силу, — можно вывести *только съ большими натяжками*; при констатированіи же наличности дифференціальной производительности труда или что тоже при признаніи наличности

другихъ производительныхъ силъ, какъ въ фабрикаціи, такъ и земледѣліи, трудовой законъ обмѣна становится *невозможностью*, при признаніи дифференціаціи потребностей и соціальныхъ условій раздѣла продукта онъ обращается *въ безсмыслицу*.

Эти положенія можно доказать, во первыхъ, тщательнымъ анализомъ соотношенія, которое существуетъ между производственными отношеніями и условіями распредѣленія и, во вторыхъ, разсмотрѣніемъ той роли, которую играетъ обмѣнъ въ цроцессѣ образованія представленій о цѣнности.

Какъ мы видѣли Марксъ открылъ тайну товара — фетиша [42]), исходя изъ слѣдующихъ предположеній. Онъ предполагаетъ, что нужды общества такъ распредѣлили единую производительную силу общества — трудъ — по различнымъ отраслямъ производства, что спросъ и предложеніе всѣхъ товаровъ уравнялись. При такомъ положеніи рабочее время каждаго отдѣльнаго производителя служитъ мѣрою его участія въ общей работѣ, а, стало быть, и въ долѣ продукта. Основаніемъ общественной жизни людей служитъ производство и отношенія людей складываются, какъ отношенія продуктовъ ихъ труда.

Изъ этихъ разсужденій ясно, что подъ отношеніями производства Марксъ понимаетъ, прежде всего, тѣ отношенія, которыя возникаютъ между производителями въ силу общественнаго раздѣленія труда. Это мѣновыя отношенія производителей. До извѣстной степени это какъ бы дѣйствительно то, что разумѣютъ подъ товарнымъ фетишизмомъ Прудонъ и Туганъ-Барановскій; установившаяся въ процессѣ обмѣна пропорціональность въ производствѣ, во внѣ выражающаяся въ пропорціональности продуктовъ.

Но у Маркса понятіе производственныхъ отношеній гораздо шире и глубже такого поверхностнаго каталлактизма, въ который, восхищаясь идеей товарнаго фетишизмя, впадаетъ г. Т.-Барановскій. Производственныя отношенія это не только внѣшнія отношенія производителей, но и внутреннія условія жизни самихъ предпріятій, въ которыхъ производителями изготавливаются продукты. Наряду съ ними существуютъ еще особыя условія распредѣленія, которыя также имѣютъ двойственнный характеръ.

---

42) Быть можетъ подъ вліяніемъ Сенъ-Симонистовъ Марксъ прибѣгнулъ къ этому термину. Базаръ (см. Exposition, l. c., стр. 422) такъ характеризуетъ фетишизмъ: „le fétichisme, dans lequel l'homme deifie la nature dans chacune de ses productions, de ses formes, dans chacun de ses accidents, sans établir aucun lien général entre lui et le milieu dans lequel il vit, ou entre les êtres nombreux qu'il distingue dans ce milieu."

Съ особою опредѣленностью, но въ довольно тяжелой формѣ характеристику производственныхъ отношеній даетъ Марксъ въ третьемъ томѣ.

„Каждому специфическому, историческому способу производства, по его мнѣнію, соотвѣтствуютъ извѣстныя производственныя отношенія — отношенія, въ которыя люди входятъ въ ихъ общественномъ жизненномъ процессѣ, въ созданіи ихъ общественной жизни. Эти производственныя отношенія имѣютъ специфическій, историческій и преходящій характеръ. Отношенія распредѣленія по существу тождественны съ этими производственными отношеніями, являются обратной стороною послѣднихъ и раздѣляютъ съ ними ихъ преходящій характеръ." „Во всякомъ случаѣ, пишетъ Марксъ, можно сказать, что капиталъ и земельная собственность, которую тотъ же капиталъ включаетъ въ себя, какъ свою противоположность, уже *предполагаетъ* распредѣленіе: экспропріацію работника отъ необходимыхъ условій труда, концентрацію этихъ условій въ рукахъ меньшинства индивидовъ, невозможность обладать земельною собственностью для другихъ индивидовъ. . . . Но это распредѣленіе кореннымъ образомъ отличается отъ того, что понимаютъ подъ условіями распредѣленія, когда послѣднимъ, противополагая ихъ производственнымъ отношеніямъ, придаютъ историческій характеръ." „Подъ послѣдними понимаютъ различныя права на долю продукта, которая поступаетъ для „индивидуальнаго потребленія". Первыя являются, наоборотъ, основой особыхъ общественныхъ функцій, выпадающихъ въ предѣлахъ самого производственнаго отношенія на обязанность опредѣленныхъ дѣятелей въ противоположность непосредственнымъ производителямъ. Они придаютъ производственнымъ условіямъ и ихъ представителямъ специфически общественное свойство. Они опредѣляютъ весь характеръ и все движеніе производства" [43]).

Подъ производственными отношеніями Марксъ, какъ видимъ, понималъ нѣчто въ высшей степени сложное. Это, во первыхъ, мѣновыя отношенія производителей или вѣрнѣе производительныхъ предпріятій, вызванныя общественнымъ раздѣленіемъ труда и для каждаго даннаго времени слагающіяся въ извѣстную пропорціональность разныхъ

43) т. III. Kapital, 2. Band, глава 51-я. Въ цитатѣ отмѣченной выше имѣется нѣкоторая неточность. Слѣдовало бы сказать „употребленія", а не индивидуальнаго потребленія, ибо съ доходомъ, какъ много разъ говоритъ Марксъ, капиталистъ можетъ распорядиться, какъ хочетъ: потребить лично или въ производительномъ процессѣ т. е. капитализировать.

производственныхъ предпріятій, изъ которыхъ каждое бросаетъ на рынокъ товары, но, въ конечномъ результатѣ, онѣ размѣниваются и размѣщаются, какъ кому слѣдуетъ, въ потребленіи или въ производствѣ, во вторыхъ, это тотъ порядокъ соподчиненія, который создается въ производительномъ предпріятіи между владѣльцемъ условій производства и рабочимъ, между разными видами послѣднихъ, тѣ фактическія и правовыя отношенія, которыя возникаютъ между ними въ самомъ техническомъ выполненіи работы, отношенія техническаго соподчиненія и наемнаго труда. Тѣже производственныя отношенія по существу, по его мнѣнію, идентичны съ условіями распредѣленія, причемъ и среди нихъ онъ различаетъ два вида. Одни условія распредѣленія являются *результатомъ, послѣдствіемъ* производственныхъ отношеній. Это процессъ образованія доходовъ, который совершается чрезъ процессы обмѣна произведеннаго продукта согласно его трудовой цѣнности. Это распредѣленіе предполагаетъ существованіе извѣстной цѣнности, которая затѣмъ дѣлится на доходы.

Подъ условіями распредѣленія Марксъ, кромѣ того, понимаетъ имущественныя отношенія т. е. права на орудія производства и весь связанный съ ними соціально-юридическій строй, который опредѣляетъ отношеніе между трудомъ и капиталомъ, положеніе каждаго отдѣльнаго индивида въ классовой организаціи, въ индивидуальномъ предпріятіи. Эти имущественныя отношенія, вызывающія противорѣчія классовъ, направляютъ и весь ходъ общественнаго производства чрезъ опредѣленіе качества и количества потребительныхъ нуждъ. Въ предѣлахъ тѣхъ же производственныхъ отношеній за счетъ общественно добытаго продукта совершается выполненіе разнообразныхъ общественныхъ функцій, которыя имѣютъ не маловажное значеніе въ дѣлѣ увеличенія общей производительности труда, и существуютъ праздные потребители.

Является теперь вопросъ, имѣлъ ли Марксъ право при такомъ широкомъ толкованіи производственныхъ отношеній, включающихъ въ себя всѣ общественныя отношенія производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія, считать трудовую цѣнность неизбѣжнымъ закономъ жизни общества? Его пониманіе производственныхъ отношеній совершенно смѣшиваетъ воедино чисто экономическія категоріи производства, обмѣна и распредѣленія, потребленія съ соціально-юридическими, а между тѣмъ мѣновая цѣнность обусловливается одними производственно-экономическими моментами, выплываетъ на сцену въ столь элементарной одеждѣ товарнаго фетишизма перваго тома и вызываетъ въ качествѣ результата процессъ образованія доходовъ?

Имѣлъ ли онъ право это распредѣленіе считатъ результатомъ процесса образованія мѣновой цѣнности, а обмѣнъ только своеобразнымъ способомъ констатированія наличныхъ отношеній? Какъ увидимъ, это очень сомнительно.

Вернувшись къ нашему элементарному примѣру, мы можемъ подумать, что, замѣнивъ отношенія непосредственныхъ производителей отношеніями непосредственныхъ производителей и капиталистовъ, мы ни мало не мѣняемъ отношеній. Капиталисты будутъ исполнять роль непосредственныхъ производителей, вносить въ обращеніе опредѣленное количество труда и извлекать изъ него тоже количество. Но такое воззрѣніе скользитъ по поверхности. Даже при признаніи наличности единой производительной силы — труда и равенства производительности, мы можемъ, при наличности извѣстныхъ имущественныхъ отношеній и данныхъ условій процесса образованія доходовъ, теоретически предвидѣть возможность достиженія пропорціональности обмѣна не на трудовыхъ началахъ при равенствѣ спроса и предложенія, даже паденіе цѣнности внѣ зависимости отъ ея нормы въ трудѣ. Достаточно будетъ разсмотрѣть только два случая, которые покажутъ, что въ нашемъ сложномъ капиталистическомъ обществѣ мѣновая цѣнность еще не даетъ теоріи распредѣленія, что послѣднее изъ результата иногда обращается въ дѣйствующую причину. Другими словами, что обмѣнъ и распредѣленіе составляютъ самостоятельныя категоріи, которыя сами по себѣ не въ состояніи опредѣлить законовъ мѣновой цѣнности, но и сами не являются результатами, а производящими причинами.

Во взятомъ примѣрѣ все наше разсужденіе построено на томъ, что наличная рабочая энергія не получаетъ полнаго вознагражденія и часть продукта поступаетъ капиталисту. Почему вознагражденіе за трудъ держится на такой нормѣ, въ силу ли экономическихъ условій воспроизведенія рабочей силы или въ силу условій соціальнаго господства, это для насъ пока безразлично. Примемъ такое положеніе за фактъ.

Допустимъ далѣе, что количество производительной силы возрастаетъ и, въ концѣ концовъ, количество этихъ силъ въ распоряженіи капиталистовъ становится безграничнымъ. Постоянно оплачивая одинаково трудъ, капиталисты, очевидно, будутъ видѣть въ прибыли мѣру производительности труда; и они будутъ правы, ибо согласно нашему предположенію трудъ вездѣ создаетъ одинаковое содержаніе и одинаковую прибыль. Съ постепеннымъ возрастаніемъ количества труда, прибыль капиталистовъ при такихъ условіяхъ все болѣе воз-

растаетъ; они могутъ удовлетворять все большему количеству своихъ потребностей. Рикардо первый, разсматривая этотъ случай, старался доказать, что при *неизмѣнности рабочаго вознагражденія никакое накопленіе прибыли* (а слѣдовательно и капитала) *не можетъ понизить нормы прибыли, а, слѣдовательно, и цѣнности.* Но здѣсь и онъ самъ, а за нимъ и Карлъ Марксъ забыли то, что они сами говорили, а потому элементарная схема товарнаго фетишизма и затуманила имъ голову. Во первыхъ, предположеніе о безграничномъ количествѣ прибыли (т. е. возможности обращать ее въ капиталъ и затрачивать на покупку единой производительной силы по одному и тому же вознагражденію) въ сущности было бы предположеніемъ о безграничномъ количествѣ производительныхъ силъ. Если бы такое предположеніе было возможно, оно заставило бы капиталистовъ потерять всякое представленіе о цѣнности продуктовъ, которые можно создать трудомъ. Безграничность производительныхъ силъ означала бы возможность удовлетворять всѣ свои потребности, сколько бы ихъ ни было, чужимъ трудомъ т. е. въ предѣлѣ такія счастливыя природныя и желѣзныя условія соціальнаго господства *породили бы полное отсутствіе представленій о цѣнности.* Очевидно, если производительныя силы цѣнятся, то только прежде всего потому, что онѣ рѣдки, ограничены въ количествѣ и это общее условіе, вытекающее изъ соотношенія потребностей индивида и всѣхъ индивидовъ, поставленныхъ въ равныя условія, къ средствамъ ихъ удовлетворенія, является необходимымъ посредствующимъ звеномъ при образованіи представленій о цѣнности. Существованіе общественныхъ отношеній на этой почвѣ только констатируетъ фактъ, который обязателенъ и для индивида внѣ всякихъ общественныхъ отношеній. Но и изъ него отнюдь не слѣдуетъ, что обмѣнъ товаровъ неизбѣжно совершается на основаніи трудовой цѣнности. Зависимость человѣка и общества отъ труда не въ состояніи окончательно устранить, какъ думаетъ Прудонъ, рѣдкости и мнѣнія, не дѣлаетъ изъ труда опредѣляющаго момента цѣнности, какъ въ высшемъ, такъ и низшемъ предѣлѣ, какъ я постараюсь объяснить.

Какъ совершенно справедливо показалъ Марксъ въ „Нищетѣ философіи“ мнѣніе и потребности прежде всего опредѣляютъ родъ производства, тѣ отрасли, въ которыя влагается трудъ. Всякая затрата труда сама по себѣ еще не создаетъ цѣнности продукта. Кромѣ того, какъ много разъ отмѣчалъ Рикардо, накопленіе прибыли въ однѣхъ рукахъ т. е. возможность распоряжаться въ условіяхъ даннаго соціальнаго господства массой производительныхъ силъ несмотря на

общую ихъ ограниченность даетъ возможность пріобрѣтать „рѣдкіе предметы“, оплачивая ихъ большею массою прибыли т. е. фактически большимъ количествомъ труда извлекать для своего употребленія меньшее количество труда. Законъ трудовой цѣнности, какъ указывалъ Рикардо, примѣнимъ только къ благамъ воспроизводимымъ трудомъ по желанію. Онъ былъ бы болѣе правъ, если бы сказалъ, что, признавъ за единую и равную производительную силу — трудъ, мы можемъ сказать, что цѣнность воспроизводимыхъ продуктовъ не можетъ быть *выше трудовой,* ибо, если она поднимется выше при наличности производительныхъ силъ-труда, конкуренція снова доведетъ ее до прежней нормы. Только въ такомъ ограниченномъ смыслѣ и можно толковать трудовую цѣнность. Это высшій возможный предѣлъ при единствѣ и равенствѣ производительной силы. При неравенствѣ въ производительности этой силы одно и то же количество труда вносило бы въ обмѣнъ разныя количества продуктовъ и элементарная ясность представленій о цѣнности должна была бы исчезнуть. *Схема товарнаго фетишизма не можетъ показать, почему цѣнность должна быть связана съ среднимъ общественно-необходимымъ трудомъ?* Далѣе, имущественныя отношенія, процессъ концентраціи производительныхъ силъ могъ бы и здѣсь *создавать пропорціональность производства вовсе не на однихъ только трудовыхъ началахъ.* Опредѣлить цѣнность въ высшемъ возможномъ предѣлѣ въ такихъ ограничительныхъ условіяхъ — это не значитъ еще создать ученіе о цѣнности и изъ сущности общественнаго хозяйства вывести ея законъ. Низшій ея предѣлъ остается совершенно неопредѣленнымъ и вотъ почему.

Во вторыхъ, при взятыхъ предположеніяхъ, какъ мы уже сказали, прибыль являлась бы мѣрою производительности труда и мѣрою возможнаго количества продукта. Припомнимъ, что Марксъ неоднократно утверждаетъ, что цѣнность обратно пропорціональна производительной силѣ труда. Какъ увидимъ во второмъ параграфѣ слѣдующей главы, это правило можно понимать и понимаютъ весьма различно. Его можно сводить къ безжизненному утвержденію, что трудъ всегда и вездѣ создаетъ одну и туже цѣнность, но что въ разное время она выражается въ различныхъ массахъ продукта или же болѣе реально усматривать въ немъ констатированіе того факта, что при увеличеніи массы продукта или при различіи въ массахъ продукта производимыхъ однимъ и тѣмъ же трудомъ и сама цѣнность всей массы добытаго продукта понижается. Во взятомъ нами примѣрѣ накопленіе прибыли, при безграничномъ количествѣ производи-

тельныхъ силъ, при одинаковомъ ихъ вознагражденіи и одинаковой производительности, совершается съ колоссальной быстротой. Прибыль служитъ здѣсь мѣрою не только производительности труда, но и мѣрою возможнаго количества продукта. Масса продукта-прибыли въ такихъ условіяхъ не должна ли дѣйствовать на цѣнность въ томъ же направленіи, какъ и безграничность производительныхъ силъ? Несомнѣнно.

Цѣнность должна видоизмѣниться въ сторону пониженія. Въ зависимости отъ размѣровъ накопленія прибыли т. е. въ мѣрѣ ограниченности производительныхъ силъ возможно было бы постепенное пониженіе цѣнности продукта ниже той, которою мы раньше назвали трудовой и въ которой одинъ коеффиціентъ былъ *а* (необходимое содержаніе рабочаго) и *в* (прибыль капиталиста) до новой, въ которой а) было бы прежнимъ содержаніемъ и в) обратилось бы въ в — 1. и т. д. Возможно было бы, слѣдовательно, пониженіе цѣнности при той же производителъности труда ниже прежней трудовой цѣнности и достиженіе пропорціональности производства при одновременной продажѣ всѣхъ продуктовъ ниже трудовой цѣнности. Такое положеніе можетъ распространиться одинаково по всей линіи товаровъ; мѣновыя отношенія останутся въ прежнемъ положеніи, но цѣнности, какъ таковыя понизятся; производительность труда, какъ она учитывается прибылью, понизится; это обстоятельство будетъ вызвано ничѣмъ инымъ какъ условіями распредѣленія, которыя при данномъ предположеніи даютъ возможность накопленія громадныхъ массъ прибыли. Отсюда постоянная боязнь многихъ буржуазныхъ послѣдователей Рикардо чрезъ накопленіе довести цѣнность до уровня необходимаго содержанія даже безъ перехода къ худшимъ землямъ т. е. до положенія когда цѣнность опредѣляется не тратой энергіи, а заработной платой.

Мы видимъ такимъ образомъ, что даже при наиболѣе простомъ предположеніи, когда общество не имѣетъ капитала, когда производительность труда одинакова, когда прибыль или, употребляя болѣе общій термииъ Родбертуса, — рента также одинакова, цѣнность могла бы зависѣть не только отъ труда, а отъ условій распредѣленія. Внося опредѣленное количество труда въ обращеніе, капиталистъ могъ бы получать тоже количество труда, но фактически продукты цѣнились бы не по трудовой цѣнности. Они не могли бы цѣниться выше трудовой, но найдти предѣлы для паденія ихъ ниже трудовой цѣнности, исходя изъ однихъ условій общественнаго хозяйства, мы не можемъ.

По внѣшней видимости всѣ эти разсужденія не выясняютъ того страннаго соотношенія, которое существуетъ между мѣновою цѣнностью и распредѣленіемъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, откуда мы знаемъ, что существуетъ какая то прибыль, рента т. е. прибавочный продуктъ? Вѣдь, капиталистъ несетъ на рынокъ весь произведенный продуктъ цѣликомъ. Распредѣленіе продукта не совершается заранѣе въ натурѣ? Къ этому вопросу мы вернемся ниже въ главѣ о рентѣ и прибыли. Какъ увидимъ тамъ, распредѣленіе можетъ быть понято только тогда, если мы взглянемъ на него, какъ на исторически сложившійся раздѣлъ производимаго продукта, который, разъ раздѣлъ только начинаетъ видоизмѣняться, не только воспроизводитъ, но и преобразуетъ мѣновую цѣнность, которая только кажущимся образомъ вытекаетъ изъ однихъ „производственныхъ“ отношеній производителей. Исходя изъ идеи товарнаго фетишизма, мы, такимъ образомъ, можемъ при предположеніи единой производительной силы — труда, вывести утвержденіе, что цѣнность воспроизводимыхъ благъ не можетъ быть *выше* какой то предѣльной, средней или еще иной трудовой стоимости, но въ какихъ предѣлахъ *ниже* — этого мы сказать не можемъ, что могутъ существовать и совершенно не трудовыя цѣнности. Отсюда ясно, что укрѣпленіе трудовой теоріи цѣнности на такихъ началахъ было бы очень плохой ея защитой. Фактически это значило бы, что мы, въ сущности, не пришли ни къ какой теоріи цѣнности.

Очень многіе изъ марксистовъ приняли то объясненіе отступленій отъ закона трудовой цѣнности, которое Марксъ далъ въ своемъ третьемъ томѣ. Ниже мы еще разберемъ эту попытку и покажемъ, что она совершенно неудовлетворительна при признаніи труда за *единую производительную силу*. Объ этомъ мы уже отчасти говорили въ предшествовавшемъ и будемъ еще достаточно говорить ниже. Пока для насъ досточно простого констатированія факта, который Марксъ призналъ самъ: въ реальномъ процессѣ обмѣна и распредѣленія товары могутъ обмѣниваться вовсе не согласно съ трудовой цѣнностью: одинъ можетъ носить въ обращеніе меньшее количество труда и фактически получать за него большее количество труда. Въ капиталистически организованномъ обществѣ законъ уравненія прибыли служитъ нормирующимъ началомъ отношеній и уравненіе прибыли несогласимо съ обмѣномъ по трудовой цѣнности. *Признаніе этихъ положеній, очевидно, сводитъ совершенно на нѣтъ идею товарнаго фетишизма.* Въ реальной дѣйствительности мѣра участія *трудомъ* въ общей работѣ не опредѣляетъ еще участія въ части общественнаго продукта, а равенство спроса и предложенія, или пре-

словутая пропорціональность производства Туганъ-Барановскаго, достижима при неизбѣжныхъ отклоненіяхъ отъ трудовой цѣнности. Фактически, слѣдовательно, стоя на почвѣ товарнаго фетишизма, никто изъ марксистовъ не имѣлъ ни малѣйшаго права говорить о реализаціи цѣнности; они могли говорить только о процессѣ образованія цѣнности при помощи рыночныхъ процессовъ, а тогда надо было неизбѣжно не считать обмѣнъ и распредѣленіе нейтральными или послѣдующими факторами, а точно и внимательно оцѣнить ихъ значеніе [44]).

Полная неприложимость ученія о товарномъ фетишизмѣ для объясненія реальныхъ фактовъ обмѣна и для вывода трудовой теоріи цѣнности была запутана и затемнѣна у народниковъ и неомарксистовъ ихъ *страннымъ* споромъ о томъ значеніи, которое имѣетъ личное потребленіе т. е. непосредственное удовлетвореніе потребностей людей даннаго общества, исчезновеніе продуктовъ въ процессѣ ихъ фактическаго потребленія и такъ называемое накопленіе т. е. производство товаровъ — потребительныхъ веществъ и средствъ для ихъ производства на невѣдомый рынокъ и для другихъ, какъ основные факторы современнаго капиталистическаго хозяйства.

Обѣ школы въ сущности восприняли ученіе Маркса о накопленіи, но наибольшія надежды на теорію накопленія возлагали у насъ нео-марксисты въ періодъ ихъ наиболѣе оживленной литературной дѣятельности подъ знаменемъ „ортодоксальнаго“ пониманія ученій Маркса.

Опираясь на теорію накопленія нео-марксисты въ первое время не только хотѣли объяснить временныя пертурбаціи или постоянно развивающіеся кризисы въ капиталистическомъ, неорганизованномъ хозяйствѣ. Они стремились укрѣпить мысль о правильности трудовой цѣнности, какъ основѣ мѣновыхъ пропорцій, показать, что реализація всей общественной цѣнности, а не только прибавочной цѣнности

---

44) Я совершенно согласенъ по этому поводу съ г. Франкомъ, который пишетъ: „такимъ образомъ изъ закона распредѣленія общественнаго труда можно вывести только очень грубую, въ научномъ смыслѣ не имѣющую почти никакого значенія теорію издержекъ производства, какъ регулирующаго принципа распредѣленія доходовъ и, слѣдовательно, мѣновой цѣнности, а никакъ не трудовую теорію мѣновой цѣнности. Въ какой мѣрѣ вообще въ современной организаціи хозяйства доходность предпріятія независима отъ его производительности т. е. отъ затраты извѣстной суммы общественно-необходимаго труда, въ той же мѣрѣ равенство доходовъ, какъ условіе правильности распредѣленія общественнаго труда независимо отъ равенства между затраченной предпріятіемъ и полученной имъ въ обмѣнъ за его продукты суммой общественно-необходимаго труда.“ l. c. стр. 138.

не можетъ встрѣтить затрудненій при наличности внутренняго рынка и при ростѣ производительныхъ силъ, который неизбѣжно сказывается въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Тотъ избытокъ прибавочной цѣнности, который такъ смущалъ народниковъ, они безъ труда помѣщали *въ капиталъ*.

Разница между народниками и нео-марксистами по истинѣ была небольшая. Одни несли эту избыточную прибавочную цѣнность на внѣшній рынокъ, другіе превращали ее въ капиталъ, въ средства производства, не замѣчая, что по существу дѣла они тщетно бьются, какъ рыба объ ледъ, только съ тѣми затрудненіями, которыя имъ ставило ученіе Маркса объ общественно-необходимомъ трудѣ или вѣрнѣе законъ количествъ въ нашемъ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Если читатель просмотритъ еще разъ изложеніе взятыхъ нами въ видѣ образчика теорій г. г. Ильина и Туганъ-Барановскаго, то онъ убѣдится, что разорвать окончательно связь между производствомъ, производительнымъ потребленіемъ и личнымъ потребленіемъ т. е. съ непосредственными потребностями людей, неомарксистамъ не удалось. Все ихъ построеніе изобилуетъ замѣчаніями, которыми всегда сильно злоупотребляютъ экономисты-теоретики, когда вопросъ неясенъ или не вырѣшенъ: „въ конечномъ счетѣ“, „до извѣстной степени“, „въ извѣстномъ смыслѣ“ производительное потребленіе остается связаннымъ съ личнымъ потребленіемъ, основное противорѣчіе капитализма заключается „якобы“ въ отсутствіи контроля потребленія надъ производствомъ, будто только „въ извѣстномъ же смыслѣ“ цѣль капиталистическаго производства не *созданіе* наибольшаго количества предметовъ потребленія, а ростъ капитала, что только „съ абстрактно-теоретической точки зрѣнія“ разореніе мелкихъ производителей есть не сокращеніе, а созданіе внутренняго рынка, но что „въ извѣстномъ же смыслѣ“ народная бѣдность есть причина кризисовъ. г. Туганъ-Барановскій въ своемъ увлеченіи идей гармонической механики капиталистическаго хозяйства при торжествѣ пропорціональности договаривается до утвержденія, что „какъ бы ни было низко *народное* потребленіе товаровъ при пропорціональности въ распредѣленіи производства предложеніе товаровъ никогда не могло бы превысить спросъ“.

Представитель народничества Николай — онъ съ полнымъ правомъ назвалъ эту теорію неомарксистовъ теоріей „самодовлѣющаго капитализма“, но онъ и самъ не замѣтилъ, что марксова идея о товарномъ фетишизмѣ была той благодатной почвой, которая благопріятствовала его оппонентамъ принять въ сущности грубую, поверхностную, механическую идею Сэ и его консортовъ, что „продукты

обмѣниваются на продукты“ и что при пропорціональности производства устанавливается ненарушимое равновѣсіе при одной вѣковѣчной, трудовой цѣнности. Представитель народничества указывалъ, что всѣ схемы неомарксистовъ — не жизнь, что они приняли предположеніе, возможное только при наличности извѣстныхъ условій, за реальный фактъ, что схема Маркса методологическій пріемъ, но онъ самъ забывалъ напомнить своимъ читателямъ, что схема Маркса была ложнымъ методологическимъ пріемомъ и по тремъ основаніямъ: во первыхъ, она исходила изъ ложнаго теоретическаго представленія о капиталистическомъ хозяйствѣ, какъ о неудержимомъ потокѣ товаровъ, для котораго личное потребленіе было только однимъ изъ моментовъ, во вторыхъ, что количественнное умноженіе продукта, и въ частности прибавочнаго продукта, въ извѣстныхъ условіяхъ обмѣна и распредѣленія, не дѣлаетъ *изъ количества* факторъ, вызывающій пертурбаціи въ самомъ процессѣ образованія представленій о цѣнности и, въ третьихъ, что трудъ — перемѣнный капиталъ, затрачиваемый на его покупку, является *единственнымъ* творящимъ началомъ цѣнности, всегда и при всѣхъ условіяхъ.

Я думаю, всякій нынѣ согласится, что утвержденія неомарксистовъ и народниковъ, будто „условіе производства — удовлетвореніе потребностей, цѣль капиталистическаго производства — прибыль, нажива“, что“ руководящій мотивъ, опредѣленная цѣль, необходимое условіе капиталистическаго хозяйства — накопленіе“ и слишкомъ абсолютны, и схоластичны. Убѣжденіе неомарксистовъ, что реализація капитала на капиталъ, средствъ производства на средства производства совершается какъ бы самоцѣльно, конечно, абсурдъ.

Цѣль капиталистическаго хозяйства и производства, также какъ и всякаго другого, удовлетвореніе потребительныхъ нуждъ *классоваго общества.* Возрастаніе капитала, накопленіе прибыли, изготовленіе и бросаніе товаровъ на рынокъ, капитализація избытковъ для полученія нетрудоваго дохода чрезъ другія руки — все это только средства для удовлетворенія текущихъ и будущихъ потребностей того же классоваго общества во всѣхъ его многообразныхъ подраздѣленіяхъ, — отъ рабочаго и мелкаго капиталиста и до крупнѣйшихъ воротилъ капиталистическаго механизма. Самовозрастаніе капитала вовсе не есть цѣль капиталистическаго производства и капиталы создаются не для самореализаціи, а для увеличенія массы потребительныхъ продуктовъ: всякая система производства — есть, какъ справедливо полагалъ и Марксъ, взаимная работа для удовлетворенія потребностей. Мы не имѣемъ никакихъ основаній изображать капиталиста

какимъ то фанатикомъ накопленія и производства мѣновыхъ цѣнностей, для котораго „личное потребленіе равносильно кражѣ изъ накопленія собственнаго капитала". Эти сильныя и образныя слова Маркса остаются только словами, которыя пугаютъ, но не объясняютъ намъ многаго въ жизни капиталистическаго общества. Они говорятъ только то, что капиталистъ долженъ сначала продать свой продуктъ, лишь затѣмъ онъ получаетъ возможность удовлетворять свои потребности. Въ этой продажѣ и лежатъ часто затрудненія, а анализъ этого процесса показываетъ, что и теорія накопленія капитала, и теорія потребленія прибавочнаго продукта и продукта вообще имѣютъ одну очень реальную сторону, которая ихъ объединяетъ.

Недопотребленіе т. е. невозможность помѣстить при наличныхъ условіяхъ обмѣна и распредѣленія все наличное, приготовленное къ продажѣ, количество продукта, въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ обращается какъ бы въ *изобиліе* продукта сравнительно съ потребностями. Накопленіе, т. е. перепроизводство при тѣхъ же условіяхъ продукта и капитала, есть только обратная сторона того же явленія. Недопотребленіе и накопленіе есть ничто иное, какъ *увеличеніе количества, уменьшеніе рѣдкости* по всей линіи товаровъ или по отдѣльнымъ ихъ отраслямъ сравнительно съ наличными потребностями. Оно и выражается одинаково въ количественныхъ пертурбаціяхъ обмѣна и въ общемъ процессѣ обезцѣненія, на который жалуются экономисты еще со временъ физіократовъ, говоря о возможности обращенія „цѣнностей въ не-цѣнности". Брошенный на рынокъ продуктъ можетъ оказаться общественно-безполезнымъ, „сдѣлаться нецѣнностью", если тамъ нѣтъ соотвѣтствующей потребности. . . Другими словами, скажемъ пользуясь терминомъ Маркса, общественно-полезный трудъ въ извѣстныхъ условіяхъ обмѣна и распредѣленія можетъ обратиться въ общественно-безполезный. Производители, будь они капиталисты или землевладѣльцы, несутъ свои продукты на рынокъ; они произвели ихъ, *соображаясь съ возможной нормой потребленія*, хотя и не при одинаковомъ давленіи собственныхъ потребностей, и теорія обмѣна должна намъ показать всѣ тѣ условія, при которыхъ они создаютъ свои продукты. Сказать, что они приходятъ въ общественныя отношенія, какъ товаро-покупатели и товаро-продавцы — это значитъ сдѣлать важное указаніе, что цѣна будетъ нормировать ихъ отношенія, но это еще не даетъ намъ никакого права заключать, что въ современномъ хозяйствѣ производство стоитъ внѣ контроля потребленія. Но какъ же совершается этотъ загадочный процессъ образованія мѣновой цѣнности?

Пока мы этого вопроса еще не имѣемъ права касаться. Для насъ достаточно укрѣпить въ мысли читателя убѣжденіе, что ученіе о товарномъ фетишизмѣ еще не даетъ основаній считать трудовую цѣнность доказанной. Она говоритъ намъ только, что продуктъ обмѣнивается на продуктъ, она не опредѣляетъ, кто является творцомъ этого продукта, возможно ли существованіе отраслей промышленности, которыя не создаютъ прибавочнаго продукта и тѣмъ не менѣе имѣютъ прибавочную цѣнность, какъ и почему прибавочный продуктъ и прибавочная цѣнность распредѣляются между разными общественными классами производителей и потребителей.

Когда въ нашей литературѣ начался кризисъ неомарксизма, одинъ изъ наиболѣе яркихъ представителей его Струве высказалъ справедливую мысль, что создавая теорію обмѣна мы прежде всего должны исходить изъ того положенія, что создается продуктъ.

Цитируя его слова, народникъ Николай — онъ возражалъ: „ни въ какомъ случаѣ — . . продуктъ не создается трудомъ. Человѣкъ создавать физическое тѣло не можетъ. Все, что онъ можетъ сдѣлать — это приспособить, затрачивая потенціальную энергію своихъ мускуловъ, мозга и т. д., къ потребностямъ своего существованія, пользуясь силами природы и свойствами даннаго тѣла. Создать человѣкъ можетъ только мѣновую цѣнность, а послѣдняя выражаетъ количество общественно-необходимаго труда, необходимаго для ея изготовленія и въ ней нѣтъ рѣшительно никакого природнаго содержанія.“

Когда Струве говорилъ о созданіи продукта, онъ, конечно, вовсе не былъ такъ наивенъ, чтобы думать, что человѣкъ создаетъ матерію. Всякому извѣстно, что человѣкъ только приспособляетъ матерію къ своимъ нуждамъ т. е. создаетъ потребительныя цѣнности и, въ этомъ смыслѣ, продуктъ. Здѣсь марксистъ-народникъ въ пылу полемики только забываетъ подлинныя слова своего учителя. Но какъ покажемъ ниже, онъ не съумѣлъ оцѣнить значеніе замѣчаній своего оппонента. Николай — онъ сильно заблуждается. Мы найдемъ въ мѣновой цѣнности и природное, и соціальное содержаніе.

Чтобы его найдти прежде всего обратимся къ изученію той схоластики, которая была порождена ученіемъ о производительномъ, матеріальномъ трудѣ, какъ источникѣ цѣнности. Устранивъ идею товарнаго фетишизма и выработавъ правильное представленіе о производительности труда, мы расчистимъ себѣ дорогу для изученія того вліянія, которое обмѣнъ и распредѣленіе, чрезъ процессъ образованія доходовъ, оказываютъ на мѣновую цѣнность.

§ 4. Производительность труда и схоластика въ экономіи.

Я вовсе не принадлежу къ тѣмъ писателямъ, которые думаютъ, что въ опредѣленіяхъ вся сила экономической науки и ея логическая стройность. Нерѣдко даже придавая наукѣ видимую систематическую стройность, они надолго задерживаютъ реальное пониманіе явленій и толкаютъ изслѣдователей на опасный путь „схоластическихъ упражненій“ при помощи одного лишь „внутренняго сознанія“. Опредѣленія экономическихъ понятій должны служить всегда только *средствомъ* для познанія, классификаціи и схематизаціи реальнаго процесса бытія и теченія явленій. Только то изъ нихъ должно быть оставлено въ наукѣ, которое даетъ намъ возможность или помогаетъ понять сложную дѣйствительность такъ, какъ она есть, во всемъ многообразіи ея различій и во всей совокупности соотношеній тѣхъ явленій, изъ которыхъ она слагается.

При истинно-научномъ составленіи опредѣленій приходится постоянно имѣть въ виду слѣдующія соображенія: во первыхъ, всякое опредѣленіе наше не должно заковывать дѣйствительность въ кандалы неподвижности и неизмѣнности и, во вторыхъ, предохранять насъ отъ схоластической казуистики, которая, къ сожалѣнію, еще процвѣтаетъ и въ экономической наукѣ, какъ вредное наслѣдіе господства метафизическихъ пріемовъ[45]), въ третьихъ быть истинны и практически полезны. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительность представляетъ собою что нибудь сложное, подвижное и постоянно видоизмѣняющееся, то и наши опредѣленія, очевидно, должны испытывать судьбу дѣйствительности. Опредѣленія будутъ какъ бы вѣчно трансформироваться, не поспѣвая дать опредѣленной формы самимъ видоизмѣняющимся процессамъ теченія явленій. Въ тоже время, если явленія многообразны, наше опредѣленіе невольно можетъ запутаться въ безконечной казуистикѣ, мы принуждены будемъ приспособлять его къ безконечному и несогласимому многообразію явленій и, въ конечномъ результатѣ, все опредѣленіе сведется на ничто.

Если мы, поэтому, хотимъ дать устойчивое опредѣленіе, такое, которое могло бы служить болѣе прочной научной базой для объясненія явленій прошлаго и настоящаго, то мы должны его построить на такихъ общихъ, простыхъ и основныхъ признакахъ, ко-

45) Совершенно вѣрно замѣтилъ Пасси, что когда опредѣленія слишкомъ кратки, то бываютъ невѣрны, потому что не принимаютъ въ соображеніе исключеній, а когда слишкомъ длинны, то запутываютъ дѣло и ни къ чему не служатъ.

торые постоянно и неизмѣнно повторялись, существуютъ и понынѣ въ измѣнчивомъ круговращеніи явленій въ ихъ многообразныхъ формахъ.

Марксъ, казалось бы одинъ изъ самыхъ историческихъ писателей, одинъ изъ лучшихъ представителей взгляда на исторію какъ на вѣчный процессъ видоизмѣненія формъ явленій, далъ намъ въ своей системѣ „Капитала“ такое опредѣленіе производительнаго труда, которое совершенно не приложимо къ нашей исторической эпохѣ, мало пригодно для пониманія экономической дѣйствительности прошлаго, породило нелѣпую и схоластическую казуистику и потому не можетъ быть удерживаемо въ наукѣ, не сбивая ее постоянно на ложный путь. Все экономическое воззрѣніе К. Маркса, какъ продолжателя традицій англійской классической школы, построено на своеобразномъ пониманіи того, что такое производительность труда и производительный трудъ — капиталъ. Ложное ученіе о товарномъ фетишизмѣ въ его системѣ было соединено неразрывными узами и съ ложнымъ ученіемъ о производительномъ трудѣ, ученіемъ, которое представляетъ собой любопытный образчикъ экономической схоластики, порожденной горькой необходимостью вдавить реальную дѣйствительность въ прокрустово ложе якобы „исторически“ правильнаго опредѣленія.

Въ политической экономіи мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ этимъ вопросомъ о производительности труда. Вопросъ о цѣнѣ связанъ съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ, пониманіе теоріи доходовъ безъ него немыслимо, вся торговая политика основана на наблюденіяхъ за производительностью труда. Однимъ словомъ, производительность труда — есть то основное теоретическое предположеніе, изъ котораго мы исходимъ во всѣхъ нашихъ построеніяхъ въ политической экономіи, а между тѣмъ оно остается въ высокой степени неяснымъ для многихъ даже опытныхъ изслѣдователей экономическихъ проблемъ. Разбирая этотъ старѣйшій изъ поднятыхъ еще физіократами и классической школой вопросовъ, экономисты часто забираются въ такія схоластическія пучины, что и выбраться изъ нихъ трудно, а безъ разрѣшенія его мы не можемъ подвинуться впередъ въ нашемъ пониманіи экономическихъ явленій: производительность труда это тотъ сфинксъ, который такъ загадоченъ потому, что естественныя, чисто экономическія и соціальныя вліянія сливаются въ немъ воедино, чтобы дать одинъ общій результатъ. Какъ же распутать заключенную въ немъ загадку, чтобы вывести экономію на болѣе правильный и надежный путь? . . Для этого необходимо разорвать ту связь, которая существуетъ между вопросомъ о цѣнности и про-

изводительнымъ трудомъ; показать, что теорія цѣнности для экономиста-объективиста имѣетъ совершенно второстепенное значеніе, что это вопросъ скорѣе психологическихъ и метафизическихъ играній мысли, а что теорія цѣны лишь средство для объясненія процесса образованія доходовъ въ извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ и для ея построенія нужно ясно представлять себѣ значеніе вопроса о производительности труда, разобраться въ его экономической и соціальной дифференціаціи. Разборъ ученія Маркса о производительномъ трудѣ въ связи съ его замѣчаніями о торговомъ капиталѣ дастъ намъ возможность распутать эту проблему.

Черезъ весь трудъ Маркса красною нитью проходятъ двѣ точки зрѣнія по этому вопросу, но въ конечномъ результатѣ побѣждаетъ та, которая менѣе всего можетъ быть признана за истинную.

Въ самомъ началѣ своего труда Марксъ высказываетъ свою точку зрѣнія въ замѣчательномъ соединеніи. „Всякій трудъ, пишетъ онъ, есть съ одной стороны расходованіе человѣческой рабочей силы въ физіологическомъ смыслѣ и въ этомъ качествѣ „одинаковаго“ человѣческаго или „абстрактнаго“ труда онъ создаетъ цѣнность товара. Съ другой стороны всякій трудъ есть расходованіе человѣческой рабочей силы въ цѣлесообразной формѣ и въ этомъ качествѣ „конкретнаго“ полезнаго труда онъ производитъ потребительныя полезности“.

Поясняя въ другомъ мѣстѣ отмѣченное выше подраздѣленіе Марксъ пишетъ: „при разсмотрѣніи процесса производства въ его цѣломъ, съ точки зрѣнія его результата, т. е. продукта, какъ предметъ труда, такъ и орудіе труда, представляются оба средствами производства, а самый трудъ производительнымъ трудомъ“ и далѣе: „процессъ труда, какъ онъ представленъ выше въ его простыхъ и абстрактныхъ моментахъ есть цѣлесообразная дѣятельность для произведенія потребительныхъ цѣнностей, присвоеніе и измѣненіе естественныхъ предметовъ сообразно человѣческимъ потребностямъ и нуждамъ, общее условіе обмѣна веществъ между человѣкомъ и природой, вѣчное условіе человѣческаго существованія, данное природой, независимое отъ какой бы то ни было формы общественной жизни, а потому и одинаково свойственное всѣмъ ея общественнымъ формамъ. Поэтому, намъ не было надобности разсматривать работника по отношенію къ другимъ работникамъ, для нашей цѣли достаточно разсмотрѣть съ одной стороны — человѣка и его трудъ, съ другой природу и ея вещества. Какъ по вкусу пшеницы, нельзя узнать, кто воздѣлывалъ ее, также мало самой процессъ труда говоритъ о томъ, при какихъ условіяхъ происходила работа: подъ жестокимъ ли

бичемъ надзирателя надъ рабами, или подъ заботливымъ взглядомъ капиталиста; исполнялъ ли ее какой нибудь Цинцинатъ, обрабатывающій свои нѣсколько югеровъ или дикарь, поражающій камнемъ животное [46]).

Уже сдѣлавъ первое свое замѣчаніе, Марксъ въ примѣчаніи торопится отмѣтить, что такое „одинако свойственное всѣмъ общественнымъ формамъ“ опредѣленіе производительнаго труда совершенно не пригодно для современнаго капиталистическаго общества, затѣмъ впослѣдствіи рѣзко и рѣшительно замѣчаетъ, что съ точки зрѣнія современнаго экономическаго порядка *производительнымъ трудомъ считается только тотъ, который создаетъ цѣнность и прибавочную цѣнность.* Во второмъ и третьемъ томѣ мы находимъ довольно интересную схоластику, которая составляетъ иллюстрацію къ данному опредѣленію производительнаго труда на почвѣ разбора капитала обращенія и его видовъ. Обратимъ же вниманіе на цѣлый рядъ интересныхъ цитатъ и посмотримъ, какая же изъ этихъ точекъ зрѣнія вѣрна; создаетъ ли трудъ потребительныя цѣнности или попросту продуктъ и прибавочный продуктъ или же онъ является образователемъ цѣнности, или быть моженъ ни одна изъ этихъ формулировокъ не можетъ быть признана вѣрной и почему?

Читатель изъ втораго тома [47]) узнаетъ, что трудъ и капиталъ, затраченные на такъ называемыя *издержки обращенія:* на торговлю, на организацію и добываніе потребнаго матеріала для денежнаго обращенія, на банковое, страховое, кредитное дѣло, на сохраненіе и перевозку товаровъ, *не производитъ полезнаго видоизмѣненія въ предметахъ* и потому непроизводителенъ. Издержки обращенія не увеличиваютъ *количества товара* и общимъ закономъ для нихъ будетъ то, что они не прибавляютъ къ товару цѣнности. Вотъ рядъ мѣстъ изъ сочиненій Маркса, которыя покажутъ намъ, что не всѣ издержки обращенія, однако, имѣютъ для Маркса одинаковое значеніе.

„*Размѣры,* которые принимаетъ обмѣнъ товаровъ въ рукахъ капиталиста, не могутъ превратить этотъ трудъ не созидающій цѣнности, но только способствующій перемѣнѣ ея формы въ такой, который созидалъ бы цѣнность.“ „Время покупки и продажи не создаютъ цѣнности“. „На торговца надо смотрѣть, какъ на машину, которая уменьшаетъ безполезную трату силы и способствуетъ освобожденію времени производства“. „Общество не пріобрѣтаетъ торговымъ трудомъ и капиталомъ ни добавочнаго продукта, ни добавочной цѣнности“ [48]). Издержки обра-

---

46) ср. т. I, гл. 5-я, р. пер. Н. — она, 135, 138, пер. Струве, стр. 132.

47) см. т. II, р. пер. Д—она; глава V и VI—я, стр. 83, 84, 86—88, 88—97, 95, 97, 98, 99, 100 и passim.

48) Здѣсь Марксъ говоритъ объ обществѣ, о томъ, что оно не пріобрѣтаетъ прибавочной цѣнности. Чаще всего онъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія индивидуальнаго капиталиста. Вотъ напр. характерная цитата: „торговый рабочій производитъ прибавочную цѣнность не непосредственно. *Но цѣна его труда опредѣ-*

щенія — счетоводство, страхованіе товаровъ, ихъ сортировка, упаковка и проч. бухгалтерія, деньги, которыя хотя и *необходимы,* но тѣмъ не менѣе образуютъ вычетъ, какъ изъ того времени, которое капиталистъ можетъ затратить производительно, такъ и изъ тѣхъ орудій, которыя дѣйствительно играютъ роль въ процессѣ производства и входятъ въ образованіе продукта и цѣнности".

Но въ томъ же второмъ томѣ есть и другія мѣста. „Издержки обращенія могутъ зависѣть отъ процессовъ производства, производительный ихъ характеръ только скрывается формой обращенія" . . и далѣе: „издержки обращенія съ общественной точки зрѣнія могутъ быть простымъ расходомъ, непроизводительной тратой живого или овеществленнаго труда, но тѣмъ самымъ могутъ быть для единичнаго капиталиста дѣйствовать, какъ созидатели цѣнности, могутъ надбавить продажную цѣнность его товара."

„Издержки эти, которыя увеличиваютъ цѣнность товара, ничего не прибавляя къ его потребительной цѣнности, съ общественной точки зрѣнія должны быть отнесены къ faux frais капиталистическаго производства, а для единичнаго капиталиста составить источникъ богатства."

„Нахожденіе на рынкѣ товарнаго капитала въ видѣ запасовъ требуетъ затраты постояннаго и перемѣннаго капитала — строенія, амбары, склады и проч.; эти издержки обращенія отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что они *„до извѣстной степени"* входятъ въ цѣнность товара, слѣдовательно товаръ отъ нихъ дорожаетъ. Поэтому затраты ихъ дѣйствуютъ въ смыслѣ уменьшенія производительной силы труда, такъ какъ для полученія опредѣленнаго дѣйствія требуется больше труда и капитала — это накладныя издержки. Цѣнность товаровъ при этомъ только *сохраняется* или *увеличивается,* такъ какъ потребительная стоимость, само издѣліе ставится въ опредѣленныя вещественныя условія, которыя требуютъ затраты капитала, подвергаются такимъ операціямъ, при которыхъ на потребительную стоимость дѣйствуетъ добавочный трудъ."

Издержки перевозки также выдѣляются въ особую группу. „Капиталъ, затраченный на перевозочную промышленность прибавляетъ цѣнность къ перевозимымъ продуктамъ, частью передачей цѣнности орудій перевозки, частью добавленіемъ цѣнности труда перевозки. *Чѣмъ меньшее* количество *труда,* мертваго или живого, требуется для перевозки товаровъ на данное разстояніе, тѣмъ *производительность труда больше.* Капиталистическій способъ производства увеличиваетъ часть общественнаго труда, овеществленнаго и живого, расходуемаго на перевозку товаровъ тѣмъ, во первыхъ, что превращаетъ большую часть продуктовъ въ товаръ, а, кромѣ того, тѣмъ, что замѣняетъ мѣстные рынки отдаленными." *Количество* продуктовъ не увеличивается вслѣдствіе ихъ перевозки. Точно также произведенныя ею видоизмѣненія ихъ естественныкъ свойствъ не суть, за извѣстными исключеніями, полезное дѣйствіе, которое имѣлось въ виду, но неизбѣжное зло. Но потребительная цѣнность предметовъ осуществляется не только потребленіемъ ихъ, а перемѣщеніе ихъ, можетъ стать необходимымъ для потребленія т. е. потребленіе обусловливается при этомъ дополнительнымъ процессомъ производства перевозочной промышленности. *Наконецъ, въ третьемъ томѣ* опять встрѣчается множество

ляется цѣнностью его рабочей силы т. е. издержками на ея производство, между тѣмъ какъ приведеніе въ дѣйствіе этой рабочей силы, напряженіе ея, проявленіе и изнашиваніе, какъ каждаго наемнаго рабочаго, не ограничивается цѣнностью ея".

разныхъ иллюстрацій самаго противорѣчиваго характера. „Во всѣхъ работахъ, которыя совершаются сообща многими лицами, связь и единство процесса непремѣнно выражается въ единой господствующей волѣ и въ функціяхъ, касающихся не части работъ, а всей мастерской, подобно управленію оркестромъ. Это трудъ производительный, который необходимъ при всякомъ сочетанномъ производствѣ“ и далѣе: „съ другой стороны имѣется и трудъ надзора, который возникаетъ при всѣхъ способахъ производства, основывающихся на противоположности между трудомъ и капиталомъ, между рабочимъ, какъ непосредственнымъ производителемъ, и владѣльцемъ средствъ производства. „Этотъ трудъ *неизбѣженъ*“ при капиталистическомъ производствѣ и „расходъ“ на него тѣмъ больше, чѣмъ больше такая противоположность. „Особыя функціи, которыя приходится совершать капиталисту и которыя приходится совершать, какъ разъ въ отличіе и въ противоположность тѣмъ, которыя совершаются рабочими, представляются въ видѣ простыхъ функцій труда. Онъ создаетъ прибавочную цѣнность не потому, что работаетъ какъ капиталистъ, но такъ какъ независимо отъ его качества, какъ капиталиста, онъ кромѣ того работаетъ. Эта *часть прибавочной цѣнности не есть, слѣдовательно, прибавочная цѣнность, но противоположность ея, эквивалентъ за совершенный трудъ.*“ Въ томъ же третьемъ томѣ для изслѣдователей теоріи обращенія Марксъ ставитъ такую задачу: „необходимо изслѣдовать перемѣнный капиталъ купца, законъ необходимаго труда въ обращеніи, какимъ образомъ трудъ купца сохраняетъ стоимость его постояннаго капитала, роль купеческаго капитала въ процессѣ воспроизводства, взятаго въ цѣломъ, наконецъ, раздвоеніе его на товарный и денежный капиталъ съ одной стороны и на товарно-торговый и денежно-торговый съ другой“ [49]).

При чтеніи этихъ цитатъ такъ и напрашивается рядъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія. Мы замѣчаемъ, что цѣлый рядъ капиталовъ и содѣйствующій имъ трудъ не являются образователями ни цѣнности, ни прибавочной цѣнности для общества, но могутъ служить основаніемъ для пріобрѣтенія прибавочной цѣнности для индивидуальныхъ капиталистовъ. Прибавочная цѣнность иногда является не связанной непосредственно съ производительнымъ трудомъ. Оказывается, что разный трудъ и капиталъ въ обращеніи то образуютъ цѣнность, то нѣтъ. Такъ, по мнѣнію Маркса, трудъ торговаго приказчика или рабочаго, не умножающій общаго количества продукта, не придающій ему особой полезности, не созидаетъ цѣнности, трудъ по образованію запасовъ и по перевозкѣ „до извѣстной степени“, какъ осторожно выражается Марксъ, входитъ въ стоимость, удорожаетъ товаръ т. е. увеличиваетъ его цѣнность. Марксъ неоднократно замѣчаетъ, что оба вида этого труда въ капиталистическомъ обществѣ одинаково общественно-необходимы и нѣмецкіе экономисты, какъ мы видѣли въ

---

49) см. т. III, пер. Д—она; глава 16 и 17-я, товарно-торговый капиталъ и торговая прибыль; т. III, гл. 23, Процентъ и предпринимательскій доходъ, въ особен. стр. 309, 310, 311, 314.

первой главѣ, опредѣлительно отвѣчаютъ, что, хотя непроизводительнымъ трудомъ и капиталомъ вообще не увеличивается количество продукта и не видоизмѣняются его вещественныя свойства, но полезность его возрастаетъ: только чрезъ работу этого труда и капитала продуктъ становится „доступнымъ потребителю“ и, пріобрѣвъ это общественное свойство, находитъ помѣщеніе на рынкѣ, становится цѣннѣе или, выражаясь словами же Маркса, „потребленіе обусловливается дополнительнымъ процессомъ торговаго обращенія“. Почему же этотъ общественно-необходимый труда не создаетъ цѣнности? Отчего, наконецъ, трудъ капиталиста получаетъ только вознагражденіе, часть получаемой имъ прибавочной цѣнности есть эквивалентъ за совершенный трудъ, почему трудъ капиталиста не создаетъ прибавочной цѣнности, не представляя, такимъ образомъ, примѣръ одновременнаго созданія и присвоенія прибавочной цѣнности? Какая разница между трудомъ руководителя и надзирателя?

Практика жизни даетъ намъ массу противорѣчивыхъ указаній по этому поводу. Иногда, издержки доставки на рынокъ вовсе не удорожаютъ продукта, а оплачиваются производителемъ изъ чистаго дохода, а не изъ цѣны. Страховая премія иногда входитъ въ издержки производства, иногда нѣтъ. Весь запутанный вопросъ о переложеніи пошлинъ и налоговъ можно во многихъ отношеніяхъ считать аналогичнымъ съ переложеніемъ издержекъ обращенія одного производителя на потребителя или на другого производителя, который, какъ потребитель, поставленъ въ особое положеніе. При такихъ условіяхъ весьма понятно сомнѣніе, когда утверждаютъ, что торговая прибыль часть производительной, почему она не можетъ составлять части дохода потребителя, который самъ, лично получаетъ доходъ, не какъ производитель?

Какъ ни безплодна вся эта казуистика, которой мѣсто не въ позитивной политической экономіи, а только развѣ въ нѣмецкой юриспруденціи стараго толка, но мы должны ею заняться, чтобы разоблачить тѣ внутреннія противорѣчія доктрины, которыя ее создали, и тѣмъ самымъ подготовить путь для болѣе правильнаго опредѣленія производительнаго труда.

Во первыхъ, Марксъ хочетъ выдѣлить и тѣмъ самымъ дать опредѣленіе производительнаго труда на основаніи трехъ совершенно несовмѣстимыхъ признаковъ: 1. умноженія продуктовъ, какъ потребительныхъ цѣнностей, 2. умноженія цѣнностей и 3. умноженія прибавочнаго продукта и прибавочной цѣнности. Онъ ясно видитъ, что количество труда, которое нужно затратить для полученія продукта

даннаго количества и качества, можетъ зависѣть отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ техническихъ и естественныхъ условій, необходимыхъ при всѣхъ формахъ производства, во вторыхъ, въ зависимости отъ наличной въ то или другое время соціальной формы „производства и обращенія“, въ частности капиталистической. Ему *какъ бы* хочется послѣдовательно провести мысль, что только этотъ технически-необходимый по самому существу вещей трудъ увеличиваетъ количество и качество потребительныхъ предметовъ, а одновременно создаетъ и цѣнности. Но въ тоже время онъ отлично понимаетъ, что такое раздѣленіе техническихъ условій отъ общественныхъ немыслимо, разъ онъ желаетъ привести *производительный трудъ* въ связь *съ цѣнностью* и прибавочною цѣнностью. Онъ, поэтому, прибѣгаетъ какъ бы къ уловкѣ, быть можетъ, незамѣтной для него самого, но очевидной для всякаго внимательнаго читателя: онъ, также какъ и всѣ его предшественники утописты, старается представить себѣ этотъ технически и общественно-необходимый трудъ при соціалистической организаціи и считаетъ образующимъ цѣнность „съ общественной точки зрѣнія“ только тотъ трудъ, который необходимъ въ этой организаціи. Теоретически точка зрѣнія въ высокой степени неясная, ибо „съ общественной точки зрѣнія“ и „съ соціалистической точки зрѣнія“ — это далеко не одно и тоже. „Съ общественной точки зрѣнія“ это значитъ съ точки зрѣнія данныхъ историческихъ условій существованія людей, „съ соціалистической точки зрѣнія“ — это значитъ съ точки зрѣнія болѣе или менѣе опредѣленной формы соціальнаго быта людей, предполагаемаго, какъ нѣчто возможное, цѣлесообразное, справедливое для наибольшей массы человѣческихъ существъ[50]). Эта неясность точки зрѣнія даетъ возможность въ случаяхъ различной казуистики смѣшивать воедино совершенно разные способы опредѣленія производительности труда съ точки зрѣнія коли-

50) Само собою разумѣется, что „марксистская“ точка зрѣнія“ — не имѣетъ какой либо особой монополіи на опредѣленіе „въ идеалѣ“ наиболѣе совершенной формы соціальнаго быта. Исканіе этой „соціальной цѣлесообразности и справедливости“ можетъ совершаться и другими теоріями: въ зависимости отъ склада такой теоріи и самое представленіе о наилучшемъ распредѣленіи труда и употребленіи производительныхъ силъ будетъ мѣняться, также и результаты труда могутъ признаваться соціально-полезными или вредными. Общественно-необходимый трудъ — это исторія, факты эмпирической дѣйствительности, соціально-необходимый трудъ — это идеальное представленіе о соціально-полезномъ трудѣ, о его соціально-полезныхъ результатахъ, которое безконечно разнообразно и будетъ постоянно видоизмѣняться у соціальныхъ теоретиковъ и реформаторовъ.

чествъ и качествъ продукта, съ точки зрѣнія цѣнности и прибавочной цѣнности.

Задача по самому существу своему неразрѣшимая. Вычислить или даже представить себѣ тотъ трудъ, который, какъ нѣчто технически и общественно-необходимое и увеличиваетъ продукты, и придаетъ имъ цѣнность, соотвѣтствующую соціально-технической производительности труда, внѣ реально наличныхъ общественныхъ и естественныхъ условій, мы не можемъ и здѣсь Маркса сбиваетъ съ пути его же „соціалистическій идеалъ". Реалистъ обращается въ идеалиста и запутывается въ схоластическихъ дебряхъ. Немудрено, что съ этой точки зрѣнія трудъ руководителя производителенъ: безъ него не обойдешься и въ соціалистическомъ обществѣ, трудъ надзирателя здѣсь будетъ почти не нуженъ, — онъ непроизводительная растрата, вызванная враждой между трудомъ и капиталомъ, торговецъ точно также только вредная, но необходимая историческая категорія. Вся эта казуистика, однако, дѣло праздное, ибо всякая исторически переживаемая человѣчествомъ фаза развитія требуетъ своеобразнаго общественнаго раздѣленія силъ и теоретически предвидѣть его мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности. Развѣ при соціалистическомъ строѣ не понадобятся и руководители, и надзиратели, и бухгалтеры, и распредѣлители, теперешніе торговые приказчики, и въ какомъ числѣ? Этого мы сказать не можемъ и вычислять *необходимый трудъ обращенія* внѣ реальныхъ потребностей, внѣ исторической обстановки — дѣло праздное и нелѣпое; разрѣшеніе такихъ задачъ столь же безполезно, какъ и постановка вопроса: сколько чрезъ 1000 лѣтъ понадобится городовыхъ? Самъ Марксъ ясно видитъ, что могутъ быть такія издержки, которыя ничего не прибавляютъ къ потребительной цѣнности и въ то же время увеличиваютъ цѣнность, и это будетъ при всѣхъ формахъ соціальнаго быта [51]).

51) Одинъ изъ русскихъ критиковъ Маркса С. Н. Прокоповичъ (см. его Къ критикѣ Маркса, стр. 33—36, 42) совершенно упускаетъ изъ виду эту невозможность раздѣленія техническихъ и общественныхъ условій, разъ мы приводимъ производительность труда въ связь съ цѣнностью. По его мнѣнію производительнымъ трудомъ и „цѣнносте-образовательной субстанціей" слѣдуетъ считать трудъ, „необходимый въ силу техническихъ условій существованія человѣка, пропорціонально его интенсивности" (?) г. Прокоповичъ упрекаетъ Маркса въ непослѣдовательности только за то, что онъ считаетъ трудъ бухгалтера непроизводительнымъ, „поскольку онъ необходимъ для организаціи производства въ общественныхъ размѣрахъ (?)" и думаетъ, что „между трудомъ бухгалтера и купца — коренная разница". Признаюсь я не понимаю всей тонкости разсужденій г. Прокоповича. Можно спорить о зна-

Сказанное равно примѣнимо и къ выдѣленію производительнаго труда на основаніи прибавочнаго продукта или прибавочной цѣнности. При выясненіи нормы прибавочнаго продукта и цѣнности, какъ увидимъ еще ниже, техническія и общественныя условія сплетаются воедино и раздѣлить мы ихъ не можемъ никакими теоретическими допущеніями ни при какомъ соціальномъ укладѣ.

Марксъ говоритъ, что требуется изслѣдовать вопросъ „о необходимомъ трудѣ въ обращеніи“, но тѣ неполные намеки, которые онъ даетъ на способъ рѣшенія этой проблемы показываютъ съ очевидностью неудовлетворительность самой постановки вопроса. При младенчествѣ экономической науки казалось, что подобные вопросы легко рѣшаются. Нашъ Порошинъ писалъ когда то для Великаго Князя Павла свой „Государственный Механизмъ“, въ которомъ хотѣлъ показать „разныя части коими движется государство, изъяснить напр. сколько надобенъ солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и какою кто долею споспѣшествуетъ общему благоденствію и что не можетъ быть никоимъ образомъ государство благополучно, когда одинъ чинъ процвѣтаетъ, а всѣ прочіи въ небреженіи“. Современемъ, быть можетъ, человѣчество и поставитъ себѣ такую задачу распредѣленія народнаго труда, но до сихъ поръ она выполнялась рынкомъ и соперничествомъ на немъ, притомъ многоразлично для разныхъ странъ и далеко не въ математической пропорціональности съ размѣрами производительнаго механизма.

Любопытно отмѣтить, что между разсчетами (ср. нашу первую главу), при помощи которыхъ Марксъ пытается опредѣлить „необходимые“ размѣры торговаго капитала и между тѣми формулами, которыя созданы классическими экономистами для опредѣленія количества потребныхъ денегъ для обращенія, существуетъ большая аналогія, вѣрнѣе почти тождество. Всѣ его замѣчанія, что торговый капиталъ долженъ составлять необходимую долю капитала страны, что онъ зависитъ отъ суммы цѣнностей, которыя надо оборотить, что быстрота оборота торговаго капитала уменьшаетъ необходимый его абсолютный размѣръ — все это не болѣе, какъ простое повтореніе избитаго и

ченіи естественно-техническихъ и общественныхъ условій существованія, но разорвать ихъ на части нельзя. Не даромъ г. Прокоповичъ договаривается до такой нелѣпости: „коммунистическая организація производства станетъ возможной тогда, когда общество перестанетъ нуждаться въ хозяйственномъ пользованіи капиталомъ и землею, тогда, когда капиталъ въ силу дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ общества потеряетъ свой „raison d'être“. „Увы, этого никогда не будетъ, пока свѣтитъ солнце и дѣйствуютъ законы логики.

банальнаго положенія о зависимости денежнаго запаса отъ суммы товарныхъ цѣнъ и быстроты обращенія. И всѣ эти разсчеты также практически и теоретически безплодны, какъ и формулы классиковъ относительно денежнаго обращенія. Что даютъ намъ всѣ эти формулы, если мы не можемъ найдти методовъ для точнаго исчисленія ни быстроты денежнаго обращенія, ни скорости торговаго оборота; если мы почти не въ состояніи съ точностью опредѣлить даже реальную величину торговаго капитала, если процессъ обращенія товаровъ такъ измѣнчивъ для отдѣльныхъ товаровъ и такъ мѣняется въ пространствѣ и времени, то какъ намъ при существующихъ условіяхъ, а только при нихъ это было бы интересно и необходимо, дойти до вычисленія какой то идеальной величины: „необходимаго труда и капитала въ обращеніи.“ Теорія здѣсь оказывается безсильной предъ сложной борьбою жизни. Она при наличныхъ методахъ познанія и при существующемъ матеріалѣ не можетъ ей дать никакой нормы, а потому только и можетъ считаться съ тѣмъ, что есть и что можетъ дать непосредственное наблюденіе[52]). Научное опредѣленіе необходимой

---

1) Данныя переписей даютъ намъ возможность получить кое какое представленіе о числѣ лицъ занятыхъ въ торговой дѣятельности. Правда, данныя разныхъ странъ несравнимы между собой, ибо основы и методы промысловой статистики не обладаютъ желательнымъ единствомъ. По даннымъ Ванъ деръ-Боргта мы имѣемъ слѣдующія цифры. Въ Германіи — въ земледѣліи, лѣсномъ хозяйствѣ, садоводствѣ, скотоводствѣ и рыболовствѣ было занято по исчисленію 1895 г. 36,18%, въ горномъ, рудниковомъ, строительномъ дѣлѣ и промышленности 36,14%, въ торговлѣ — 5,26%. Число лицъ занятыхъ торговой промышленностью съ 1882 г. увеличилось почти на 48%. Число занятыхъ въ торговомъ дѣлѣ, включая сюда банковое и страховое дѣло, въ Австріи (1890 г.) было 6,8% всего промышленно-занятаго населенія, въ Бельгіи — (1890 г.) 11,13%, въ Италіи — 1881 г. — 1,24%, въ Даніи — 1890 г. — 4%, въ Швейцаріи — 1888 г. — 7,3, въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи — 1891 г. — 3%, во Франціи — 1891 г. — 11%, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки — 1890 — 5,8%. Несмотря на трудность сравненія эти цифры поучительны и показываютъ, что довольно значительные и весьма неравные по численности пласты населенія въ разныхъ странахъ извлекаютъ средства къ существованію изъ обращенія благъ. См. Van der Borght Handel und Handelspolitik, Leipzig, 1900, стр. 21 и слѣд. Зомбартъ (см. der moderne Kapitalismus, т. II, стр. 346 и слѣд.) даетъ любопытные цифры роста торговыхъ предпріятій и числа занятыхъ въ нихъ, а также указываетъ причины этого явленія. Стоитъ проглядѣть его цифры, чтобы убѣдиться, какъ измѣнчиво число „необходимыхъ“ дѣятелей обращенія, какъ многообразны въ разныхъ мѣстахъ эти пропорціи. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такой же пестротой, какую даетъ денежная статистика разныхъ странъ, исчисляя монетный запасъ на одного жителя населенія. Научную безплодность денежныхъ формулъ я показалъ въ своемъ трудѣ „Деньги“ стр. 300 и слѣд.

нормы труда и капитала въ обращеніи не идетъ далѣе общихъ фразъ, математическаго выраженія для которыхъ мы получить не можемъ и которыя такъ же объективно безплодны и схоластичны, какъ и пресловутая предѣльная полезность австрійской школы.

Спрашивается, кромѣ того, допустивъ проблематическую возможность исчисленія средняго общественно-необходимаго труда и капитала въ обращеніи на основаніи наличныхъ и крайне скудныхъ эмпирическихъ данныхъ, разрѣшимъ ли мы наше основное затрудненіе? И въ какомъ смыслѣ? въ томъ ли, что мы вмѣстѣ съ нѣмецкой школой этотъ средній непроизводительный трудъ и капиталъ признаемъ образующимъ цѣнность или, напротивъ, эту среднюю норму труда и капитала будемъ считать минимальной суммой, на которую неизбѣжно при теперешнихъ условіяхъ сокращается производительность труда и капитала? Марксъ говоритъ намъ, что торговая прибыль составляетъ долю прибыли промышленнаго капитала; слѣдовательно, она сокращаетъ производительность труда, но въ тоже время онъ указываетъ, что въ разныхъ отрасляхъ торговли продажная цѣна товаровъ возвышается на крайне различный процентъ въ зависимости отъ быстроты оборота торговаго капитала. Значитъ, торговая прибыль при извѣстныхъ условіяхъ входитъ въ цѣну производства[53]): она дифференцируется въ зависимости отъ времени оборотовъ, также какъ и промышленная прибыль, а слѣдовательно и торговый капиталъ принимаетъ какое то участіе въ образованіи цѣнности. Мало того, на примѣрѣ международнаго торговаго капитала мы видѣли, что торговый капиталъ иногда не только не сокращаетъ производительности труда, а напротивъ увеличиваетъ ее; до возникновенія международ-

53) см. Т. III, стр. 230—231. Марксъ здѣсь прямо говоритъ о расходахъ торговца, которые должны быть возмѣщены надбавкой въ цѣнѣ. Цитируя это мѣсто Базаровъ справедливо пишетъ: „является вопросъ, какимъ образомъ купецъ сохраняетъ, сберегаетъ эту часть своего постояннаго капитала? Вопросъ этотъ поставленъ Марксомъ, но не разрѣшенъ. Не трудно убѣдиться, что данный вопросъ не только не разрѣшенъ, но и неразрѣшимъ съ точки зрѣнія Маркса. Теорія трудовой цѣнности утверждаетъ, что лишь живой человѣческій трудъ, соединяясь со средствами производства, способенъ сберегать цѣнность постоянной части капитала, лишь этотъ трудъ, кристализуясь въ цѣнности продукта, возмѣщаетъ издержки перемѣннаго капитала и не просто возмѣщаетъ ихъ, но даетъ нѣкоторый плюсъ въ видѣ прибавочной цѣнности. Въ торговлѣ, какъ оказывается, дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ; трудъ не создаетъ цѣнности, а издержки на его оплату какимъ то образомъ сами собою входятъ въ цѣнность продукта подобно постоянному капиталу, онѣ возмѣщаются въ цѣнѣ товара просто потому, что были разъ затрачены?“ См. Трудъ производительный и производящій цѣнность, стр. 43.

наго обмѣна промышленный капиталъ, какъ мы видѣли давалъ нѣкоторую норму прибавочнаго продукта. Послѣ возникновенія обмѣна трудъ въ обѣихъ странахъ сосредоточился на отрасляхъ промышленности, въ которыхъ онъ имѣетъ сравнительное преимущество, тогда появилось большее количество прибавочнаго продукта, торговый капиталъ не создалъ ничего, никакого продукта; но онъ содѣйствовалъ видоизмѣненію условій производительности труда и преобразовалъ мѣновыя отношенія, а тѣмъ самымъ и раздѣлъ добытаго доставилъ ему нѣкоторую долю. Является, поэтому, невольно вопросъ, не представляетъ ли эта доля также явленіе дифференціальное, стоящее въ зависимости отъ достигнутаго повышенія производительности труда и капитала. Но къ чему же тогда сводится вся казуистика Маркса? Выдерживаетъ ли критику то подраздѣленіе производительнаго и непроизводительнаго труда — капитала, которое онъ построяетъ, стараясь дать исторически вѣрное опредѣленіе на одномъ объединяющемъ признакѣ: производительный трудъ и капиталъ это тотъ, который производитъ цѣнность и прибавочную цѣнность?

Во вторыхъ, признакъ цѣнности, который былъ положенъ въ основу опредѣленія производительнаго труда, долженъ былъ неизбѣжно привести къ изображенной выше нелѣпой казуистикѣ. Самая сложность и неустойчивость значенія признака цѣнность уже парализовала объективное значеніе этого опредѣленія, дѣлала его практически ложнымъ, опаснымъ или безполезнымъ. Даже у классиковъ мы встрѣчаемъ понятіе цѣнность въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ; современная теорія стремилась разобраться въ нихъ и съ своей стороны прибавила еще не мало. Экономисты говорятъ: объ абсолютной и относительной цѣнности, о потребительной и мѣновой, объ объективной и субъективной цѣнности, о субъективно-имущественной цѣнности и издержковой цѣнности, о распредѣлительной цѣнности и т. д. Однимъ словомъ, значеній для этого термина наберется многое множество. Оно и понятно. Понятіе цѣнность явленіе столь же индивидуальное, какъ и соціальное. Оно представляетъ собою не только общественное выраженіе для отношеній производителей между собою, но и отношеніе индивидовъ и всего общества къ вещамъ, какъ таковымъ. Оно служитъ средствомъ для выраженія отношеній людей къ затратамъ на добываніе того или другого продукта, но въ тоже время и выраженіемъ для отношенія продукта къ индивидуальнымъ и общественнымъ потребностямъ. Цѣнность не только понимается какъ экономическое явленіе, но и какъ соціальное, какъ тотъ масштабъ, при помощи котораго совершается распредѣленіе богатствъ, продуктовъ.

Если мы начнемъ разсматривать внимательно безконечное количество созданныхъ теорій цѣнности, намъ всегда придется натолкнуться на несомнѣнный фактъ, что теоретики, по общему правилу, смотрятъ на цѣнность съ четырехъ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя въ разныхъ теоріяхъ перемѣшиваются въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Они смотрятъ на цѣнность, какъ на категорію индивидуально или соціально-психологическую, какъ на категорію экономическую или соціально-экономическую. Пытаясь опредѣлить производительность труда на основаніи этого сложнаго признака, теоретики и запутывались въ нескончаемыхъ спорахъ. Желательно, поэтому, задать себѣ вопросъ, нельзя ли выйдти изъ этого моря противорѣчій, или совершенно отказавшись отъ признака цѣнности, или же придавъ ему какое нибудь болѣе опредѣленное, хотя бы условное значеніе [54]).

Въ третьихъ, я не сталъ бы и останавливаться на одной изъ этихъ попытокъ, если бы она не была отчасти поддержана выдающимся другомъ Маркса — Фридрихомъ Энгельсомъ. Попытка эта принадлежитъ проф. Зомбарту, но не представляетъ ничего новаго, является только развитіемъ идеи Гильдебранда, который (см. П. Э. наст. и буд., пер. Щенкина, стр. 60) первый разоблачилъ недоразумѣнія Листа по вопросу о значеніи мѣновой цѣнности въ системѣ классиковъ, не соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ самого Маркса. Профессоръ Бемъ-Баверкъ подвергъ точку зрѣнія Зомбарта суровой критикѣ, но не обратилъ, по моему мнѣнію, вниманія на тѣ стороны вопроса, которыя помогутъ мнѣ точнѣе выяснить самое понятіе производительности труда [55]).

„Въ архивѣ для соціальнаго законодательства, годъ 7-й, вып. 4-й,

---

54) О безконечномъ количествѣ значеній этого термина см. R. Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises, L. 1889; терминологія о цѣнности у классиковъ см. у Мануилова и Франка l. c. Эта расплывчатость въ самомъ пониманіи термина цѣнность чрезвычайно характерно сказывается у Шмоллера. „Всякая цѣнность, пишетъ онъ, есть относительное понятіе и къ тому же очень сложное. Дѣло идетъ здѣсь объ отношеніи, въ которомъ лица и ихъ цѣли, цѣли и средства находятся другъ къ другу, объ отношеніяхъ, чувствованіяхъ и сужденіяхъ, которыя отсюда возникаютъ, объ уравновѣшенномъ порядкѣ цѣлей и средствъ, о значеніи первыхъ, о полезности, о количественныхъ отношеніяхъ, о возможности получить послѣднія. Согласно исходной точкѣ зрѣнія изъ тѣхъ же отношеній можетъ вытечь иное сужденіе о цѣнности. Цѣнность не лежитъ въ самихъ вещахъ, но въ сужденіяхъ людей и ихъ группъ, въ отношеніяхъ и культурныхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся, но людямъ всегда кажется, будто цѣнность лежитъ въ вещахъ, ибо объективный порядокъ природы и общества въ существенныхъ чертахъ опредѣляетъ ихъ сужденіе.“ См. Grundriss d. V. — L., B. II, стр. 105.

55) См. Бемъ-Баверкъ, l. c. p. пер. 107—127, апологія Зомбарта.

пишетъ Энгельсъ [56]), Зомбартъ даетъ въ общемъ *блестящее* изложеніе основныхъ положеній системы Маркса. Онъ изслѣдуетъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ цѣнность въ системѣ Маркса и приходитъ къ слѣдующему заключенію: цѣнность капиталистически произведенныхъ товаровъ не эмпирическій, а логическій фактъ. Конкретно понятіе цѣнности Маркса представляетъ ничто иное, какъ экономическое выраженіе факта общественной производительной силы труда, являющейся основой хозяйственной жизни. При капиталистической формѣ общественнаго хозяйства законъ цѣнности вліяетъ на экономическія явленія *въ послѣднемъ счетѣ* и по отношенію къ этому порядку хозяйства въ самомъ общемъ видѣ формулируется слѣдующимъ образомъ: цѣнность товаровъ представляетъ специфически историческую форму, въ которой проявляется опредѣляющее дѣйствіе производительной силы труда, *въ послѣднемъ счетѣ* господствующей надъ экономическими явленіями . . . . . Нельзя сказать, чтобы эта формулировка не была вѣрна, добавляетъ Энгельсъ, но въ тоже время, она мнѣ кажется, нуждается въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и большей точности. Кромѣ того, мнѣ кажется, что это опредѣленіе не исчерпываетъ всего значенія закона цѣнности по отношенію къ разнымъ стадіямъ экономическаго развитія общества, подчиняющимся господству этого закона".

Мы постараемся оцѣнить точку зрѣнія Зомбарта именно въ этомъ нѣсколько своеобразномъ истолкованіи Энгельса. Она кажется намъ нецѣлесообразной по слѣдующимъ соображеніямъ.

Мы уже выше видѣли, что даже въ качествѣ методологическаго пріема представленіе о трудовой цѣнности въ высшей степени недостаточно. Въ второй главѣ мы показали, что представленіе о трудовой цѣнности не можетъ быть логическимъ или субъективнымъ фактомъ нашего мышленія. Если бы даже мы и могли доказать, что законъ трудовой цѣнности логическій фактъ, то онъ не могъ бы сдѣлать понятными явленія нашей хозяйственной жизни, если заранѣе теоретикъ устанавливаетъ положеніе, что эмпирическая дѣйствительность постоянно противорѣчитъ этому факту. Это, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, чувствуетъ и Энгельсъ, и потому старается доказать, что было когда то время, когда этотъ законъ трудовой цѣнности былъ закономъ реальной жизни [57]). Недостаточ-

---

56) См. р. пер. статьи Энгельса: законъ цѣнности и уровень прибыли Новое Слово, сент. 1897, № 12, стр. 116 и слѣд.

57) Энгельсъ въ отмѣченной выше статьѣ утверждаетъ, что законъ цѣнности Маркса имѣлъ въ экономическомъ смыслѣ всеобщее дѣйствіе съ начала

ность этого построенія сказывается также и въ уже разобранныхъ нами попыткахъ доказать, что законъ трудовой цѣнности будетъ основой и фактомъ эмпирической дѣйствительности въ будущемъ соціальномъ строѣ.

Всѣ эти попытки отнести трудовую цѣнность къ прошедшему или будущему чрезвычайно характерны и отлично вскрываютъ три основныя ошибки, которыя лежатъ въ основѣ такого толкованія цѣнности.

Всѣ они построены, во первыхъ, на стремленіи доказать, что трудъ является единымъ или главнѣйшимъ началомъ въ созиданіи матеріальныхъ потребительныхъ цѣнностей, во вторыхъ, на увѣренности, что отдѣленіе экономическихъ категорій отъ соціальныхъ вполнѣ возможно и въ третьихъ, что представленіе *объ экономическомъ избыткѣ или прибавочномъ продуктѣ* возможно только при экономической фикціи о производительности труда, какъ о созданіи цѣнности. Ни одно изъ этихъ положеній не можетъ быть доказано, а потому и всякія попытки въ родѣ Зомбартовской ложны въ самомъ корнѣ. Къ I. Уже Родбертусъ отлично понималъ, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности природа опредѣляетъ условія труда. Человѣкъ съ его трудомъ только приспособляетъ ея силы и матерію къ своимъ нуждамъ, не уничтожая и не создавая ничего, вѣчно обращая только наличное количество матеріи и силъ въ качество и наоборотъ. Въ созданіи продуктовъ равно учавствуютъ земля, воздухъ, огонь, солнечная теплота, трудъ человѣка, матерія и силы, сконцентрированныя имъ въ капиталѣ и проч. Можно ли утверждать, что земля или солнечная теплота являются однимъ творящимъ и умножающимъ началомъ наличнаго у насъ матеріальнаго продукта? Утверждать что либо подобное означало бы дѣлать явный абсурдъ. Столь же нелѣпо было бы утвержденіе, что творящимъ началомъ является трудъ. Политическая экономія не можетъ не знать, что всѣ процессы количественнаго умноженія, качественнаго видоизмѣненія и простого формированія тѣснѣйшимъ образомъ связаны и разорвать ихъ на части нельзя. Человѣчество въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей неизбѣжно

развитія обмѣна, превратившаго продукты въ товары, вплоть до пятнадцатаго столѣтія т. е. господствовалъ на протяженіи періода въ пять-семь тысячъ лѣтъ. Цѣлый рядъ выдающихся представителей школы Маркса, въ частности Лавергъ, Ланде и друг., энергично протестовали противъ толкованія Зомбарта. См. Lavargue, N. Zeit XV. Jg. B. I и Landé N. Z. XI. Jg., B. I.

обращается къ тому, что называется производительными силами: къ труду, землѣ и капиталу. Чѣмъ больше сравнительно съ какимъ нибудь прежнимъ результатомъ продуктовъ даетъ трудъ, тѣмъ большую производительность мы отмѣчаемъ и, какъ справедливо говоритъ Родбертусъ, *подъ производительностью мы разумѣемъ дѣйствіе или плодородіе производительныхъ силъ.* Отсюда и выраженіе производительность труда слѣдуетъ понимать не буквально, какъ это дѣлало большинство теоретиковъ, вышедшихъ изъ школы классиковъ, не какъ производительность „труда“ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а какъ образное метафорическое выраженіе для обозначенія всей суммы затраченныхъ и разныхъ по производительности силъ: труда, земли и капитала для полученія извѣстной *массы продукта того или другого количества и качества.*

Мы съ особымъ вниманіемъ останавливались на этой богатѣйшей идеѣ Родбертуса о дифференціальной производительности труда именно потому, что она воочію обнаруживаетъ, что представленіе о цѣнности, какъ о выраженіи общественной производительности труда неясно съ самаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣнность является выраженіемъ производительности труда въ такомъ метафорическомъ смыслѣ, то какого труда: высшаго ли по своей производительности, средняго предѣльнаго или какого либо другаго? Рѣшивъ этотъ вопросъ слѣдовало бы отвѣтить основательно и на другой, какой изъ видовъ дохода, какъ извѣстная доля участія въ этой производительности, можетъ быть признанъ показателемъ производительности труда? При изученіи закона ренты мы увидимъ, какъ тщетны были всѣ попытки привязать цѣнность къ какому либо изъ этихъ видовъ производительности и тогда же разсмотримъ попытку Буха совершенно отказаться отъ изученія этой связи между цѣнностью и производительностью труда. Элементарное, фиктивное опредѣленіе общественной производительной силы труда породило только вредное противорѣчіе между ученіемъ о цѣнности и цѣнѣ, которое безконечно запутало экономическую науку и сдѣлало ее ареной всяческихъ схоластическихъ упражненій. Ошибка Зомбарта не столько въ томъ, что онъ старается, слѣдуя въ этомъ только за Рикардо, доказать, что трудъ *главнѣйшій* факторъ матеріальной производительности, а въ томъ, что, если бы даже онъ и былъ таковымъ, то это нисколько не выясняло бы намъ, какой трудъ служитъ выраженіемъ общественной производительной силы труда и къ чему мы относимъ наше такое представленіе о нормальной цѣнности: ко всему ли національному продукту въ его цѣломъ или

къ каждому отдѣльному роду и виду товара. Въ главѣ о прибыли мы еще разъ вернемся къ этому вопросу [58]).

Во вторыхъ, для всего этого построенія чрезвычайно характерно несчастное для экономіи выраженіе „въ послѣднемъ счетѣ.“ Оно всегда появляется къ услугамъ экономистовъ-теоретиковъ, когда анализъ неясенъ или не достаточенъ. Что означаетъ это выраженіе и и для чего оно введено? Много споровъ вызвало это выраженіе въ литературѣ, но спорящіе, главнымъ образомъ, указывали на три цѣли, которымъ оно можетъ служить. Многимъ представляется, что, сказавъ: „цѣнность товаровъ представляетъ специфически историческую форму, въ которой проявляется опредѣляющее дѣйствіе производительной силы труда, въ послѣднемъ счетѣ господствующей надъ всѣми экономическими отношеніями“, мы получаемъ возможность, во первыхъ установить единое, хотя бы условное понятіе цѣнности, во вторыхъ, выяснить значеніе этого явленія въ экономической жизни и въ третьихъ, какъ бы опредѣлить то соотношеніе, которое существуетъ между чисто экономическими или техническими и соціальными категоріями въ экономіи.

Не трудно показать, что такая формулировка совершенно непригодна для всѣхъ трехъ указанныхъ цѣлей.

---

58) Съ этой точки зрѣнія я только отчасти могу признать основательность возраженія г. Франка, когда онъ пишетъ: „дѣло въ томъ, что, если отвлечься, какъ того желаетъ Зомбартъ, отъ всѣхъ побочныхъ условій и предположить равными естественныя условія производства, то матеріальная культура людей главнымъ образомъ зависитъ отъ общественной производительной силы труда. . . Трудовая теорія цѣнности является попросту весьма наивной теоріей богатства, по которой, если отвлечься отъ всего прочаго, обладаніе извѣстной суммой труда для людей очень важно. Если отвлечься отъ затраты труда, какъ условія производства, то также легко доказать, что „главнымъ образомъ“ обладаніе землей опредѣляетъ матеріальную культуру людей, и что поэтому объективно важнѣйшее свойство товаровъ быть продуктами природы, откуда слѣдовало бы, таковъ логическій скачекъ, аналогичный зомбартовскому, что природа источникъ цѣнности.“ см. l. c. стр. 145. Мы уже выше показали, что при предположеніяхъ Зомбарта трудъ могъ бы быть только высшей предѣльной нормой цѣнности, но ниже она могла бы упасть. Въ первую голову цѣнность опредѣляется всегда количествомъ производительныхъ силъ. Служатъ или не служатъ они основой матеріальной культуры — это не важно. Важно то, что всѣ наши представленія о цѣнѣ и цѣнности возникаютъ только при наличности ограниченности производительныхъ силъ. Этическая идея, что человѣкъ самъ себѣ всѣмъ обязанъ, что природа дана для него, а не онъ для нея, еще ничего не даетъ намъ для построенія цѣнности, но служитъ, какъ мы видѣли, важнымъ началомъ для организаціи отношеній между людьми при раздѣлѣ дифференціальнаго продукта.

Одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ защитниковъ теоріи Маркса Лабріола прямо заявляетъ, что обмѣнъ однохарактерныхъ вещей благодаря наличности въ нихъ одинаковаго свойства дѣлаетъ ихъ цѣнностями. Обмѣнъ совершенно различныхъ вещей, напр. денегъ на землю, продуктовъ искусства на деньги, продуктовъ воображаемыхъ на деньги и т. п. создаетъ категорію „ложныхъ цѣнностей“. Продукты, не обмѣнивающіяся, онъ называетъ, не цѣнностями[59]). Само собою разумѣется, что, слѣдуя Марксу, онъ единымъ этимъ общимъ свойствомъ цѣнностей считаетъ трудъ. Условное опредѣленіе цѣнности найдено и выраженіе въ послѣднемъ счетѣ можетъ торжествовать, но торжество это болѣе чѣмъ сомнительно. Бемъ-Баверкъ и его школа справедливо усомнились въ цѣлесообразности такого условнаго опредѣленія. Не можетъ быть сомнѣнія, что при сравненіи цѣнностей такимъ общимъ свойствомъ можетъ быть не только абстрактный человѣческій трудъ, а и цѣлый рядъ другихъ общихъ свойствъ, которыми обладаютъ цѣнные предметы. Вполнѣ послѣдовательно Бемъ-Баверкъ предлагаетъ объявить такимъ общимъ свойствомъ полезность и назвать цѣнность — „застывшей потребительной полезностью“[60]).

---

59) см. Labriola, Art., La Teoria del Valore di Marx, стр. 120. Марксъ поступаетъ гораздо проще, не называя вторую категорію вещей цѣнностями.

60) Еще Тюрго (см. мои Деньги, стр. 165—170) насчитываетъ три основныхъ, общихъ свойства большинства цѣнностей: 1. полезность предмета или способность удовлетворить какой либо изъ нашихъ потребностей, 2. спеціальная полезность или особыя качества, которыми предметъ обладаетъ въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей и 3. трудность пріобрѣтенія, подъ которой онъ понимаетъ, какъ количество усилій и средствъ (трудъ и капиталъ), нужныхъ для пріобрѣтенія предмета, такъ и затрудненія, создающіяся рѣдкостью отыскиваемыхъ вещей внѣ зависимости отъ затраты усилій или что тоже ограниченностью въ количествѣ. Эти основныя общія свойства (само собой, можно насчитать и цѣлый рядъ другихъ): полезность, затрата труда и капитала, рѣдкость, какъ въ чисто конкретномъ видѣ для каждаго товара и для каждаго желающаго его имѣть лица, такъ и въ абстрактномъ видѣ для товара вообще и для человѣка, какъ представителя рода, по выраженію Родбертуса, могутъ составлять общую сущность всякаго товара. Аргументація, базирующая трудовую цѣнность на томъ, что только трудъ общая сущность товаровъ и что товары, какъ мѣновыя цѣнности, не заключаютъ въ себѣ ни атома потребительной цѣнности не болѣе, какъ одна изъ неудачныхъ метафоръ, сильныхъ выраженій, которыми любилъ щеголять Марксъ. Общія свойства товаровъ остаются ихъ общими свойствами и въ свойствахъ, какъ и во всемъ, могутъ быть степени, качественныя и количественныя различія. „Общая сущность“ нужна намъ именно въ томъ смыслѣ, какъ ее указываетъ Рикардо и только въ этомъ смыслѣ: она нужна, какъ объективное мѣрило. Мы можемъ взять любое изъ этихъ свойствъ, но только то изъ нихъ будетъ для насъ имѣть значеніе, которое

Самое раздѣленіе цѣнностей, предлагаемое Лабріолой, невольно вызываетъ улыбку и могло бы податъ поводъ зоилу сказать, что когда мѣнятся земля на землю, то она изъ „ложныхъ цѣнностей“ попадаетъ въ разрядъ „истинныхъ“. По существу дѣла для экономіи важно имѣть вовсе не какое либо условное опредѣленіе цѣнности, а доказать или возможность соизмѣримости цѣнностей на основанін какого либо общаго ихъ признака или начертать лишь общія начала процесса образованія цѣнъ и условій обмѣна. Писатели, считающія цѣнность выраженіемъ производительной силы труда, забѣгаютъ или впередъ, или уже заранѣе считаютъ, что трудъ лучшее или единственное реальное мѣрило цѣнности, что очень сомнительно даже для ограниченнаго круга продуктовъ, увеличиваемыхъ „по произволу“.

Можно было бы привести цѣлый рядъ цитатъ изъ Маркса, какъ это дѣлаетъ Диль, которые доказываютъ, что Марксъ придавалъ громадное „реальное“ значеніе закону трудовой цѣнности. Всѣ ожидали отъ третьяго тома доказательствъ, что среднія цѣны не отклоняются отъ трудовой цѣнности. Ожиданія не оправдались и теперь лишь кое кто изъ его оставшихся послѣдователей пытается ограничить смѣлыя цитаты своего учителя указаніемъ на тѣ мѣста его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ, что „законъ цѣнности господствуетъ надъ движеніемъ цѣнъ, ибо увеличеніе или уменьшеніе потребнаго для производства рабочаго времени заставляетъ понижаться или падать *производственныя* цѣны“, что „на основѣ закона цѣнности“ впервые „открыта внутренняя связь въ явленіяхъ капиталистическаго порядка“ [61]).

Я не стану отрицать справедливости того, что на почвѣ установленнаго классическимъ Рикардо закона цѣнности дѣйствительно была открыта „внутренняя связь“ или вѣрнѣе раскрыта впервые, въ грубыхъ чертахъ, тайна капиталистическаго производства „дохода“. Въ этомъ громадная историческая заслуга этой теоріи, но отсюда не слѣдуетъ, что этотъ законъ цѣнности правиленъ, что сохраненіе ученія о цѣнности и ученія о цѣнѣ, какъ двухъ какихъ то противорѣчивыхъ категорій въ экономіи, необходимо, что соціальная роль экономіи умалится, если она выброситъ за бортъ ученіе о цѣнности.

можетъ быть реальнымъ мѣриломъ, давать намъ какой нибудь объективный масштабъ для анализа экономическихъ явленій и отношеній, для сравненія мѣновыхъ цѣнностей-товаровъ.

61) см. Капиталъ B. III, 1. стр. 226, B. I, стр. 30 (по 4-му изд.), B. III, стр. 156, 157, 339, B. III, 2. стр. 188 и много другихъ. ср. напр. K. Bornberg. Die Einheitlichkeit der Marxschen Werttheorie, N. Z, 21 Jg., B. 2.

Не трудно понять, почему Энгельсъ старается поддержать формулу Зомбарта. Она отражаетъ въ себѣ всѣ традиціи классическаго періода въ экономіи, для котораго вопросъ о соотношеніи цѣнъ и доходовъ остался очень слабо выясненнымъ, и служитъ отголоскомъ того великаго спора, который Марксъ и его школа вели относительно матеріалистическаго пониманія исторіи. Оба выдающихся представителя соціалистической доктрины Родбертусъ и Марксъ впервые ясно намѣтили то различіе, которое существуетъ между „экономическими" и „соціальными категоріями", но попытка сохранить ученіе о цѣнности постоянно толкала не столько ихъ, какъ ихъ учениковъ, на ложную дорогу, раздѣлить то, что по существу недѣлимо [62]).

Внимательно вчитываясь въ произведенія Маркса, не трудно замѣтить, что для него всѣ экономическія категоріи, въ частности и цѣнность, создаются вовсе не однимъ производственнымъ процессомъ, а тѣми отношеніями, въ которыя входятъ люди во время этого процесса. Для него экономическія категоріи представляютъ только абстракціи общественныхъ производственныхъ отношеній; эти отношенія составляютъ одно цѣлое, въ которомъ все одновременно существуетъ и взаимно поддерживаетъ другъ друга. У него, на ряду съ чисто техническими производственными условіями, постоянно отмѣчаются отношенія собственности, обмѣна и распредѣленія. Онъ нерѣдко выражается очень осторожно: „соціальныя отношенія *тѣсно связаны* съ производительными силами" [63]). Въ своемъ извѣстномъ письмѣ Энгельсъ [64]) выражается именно въ духѣ этихъ умѣренныхъ цитатъ, но и въ немъ встрѣчается это несчастное выраженіе „въ послѣднемъ счетѣ". Невозможно отрицать, что производительность труда оказываетъ вліяніе на цѣны, но прежде чѣмъ говорить

---

62) Говоря объ экономическихъ категоріяхъ Марксъ, какъ увидимъ ниже, по существу имѣетъ въ виду соціальныя категоріи хозяйства, Родбертусъ говоритъ объ экономическихъ категоріяхъ an sich и объ историческихъ категоріяхъ т. е. именно о томъ, что теперь называютъ соціальными категоріями.

63) см. Въ особенности Das Elend der Philosophie, 3 изд., стр. 84—110.

64) Мы смотримъ, пишетъ Энгельсъ, на экономическія условія какъ въ послѣднемъ счетѣ обусловливающія историческое развитіе. . . . Политическое, правовое, философское, религіозное развитіе покоится на экономическомъ. Но они реагируютъ другъ на друга и на экономическій базисъ. Мы не хотимъ сказать, что экономическое положеніе причина, которая одна активна, а все остальное только пассивное дѣйствіе. Существуетъ взаимодѣйствіе на почвѣ постоянно пробивающей себѣ дорогу экономической необходимости. Письмо 1894 г. въ Der Socialist. Akademiker.

о томъ, что цѣнность есть ея выраженіе и представляетъ собою нѣчто господствующее надъ экономическими явленіями, необходимо произвести полный учетъ дѣйствующихъ силъ, изучить всѣ вліянія, которыя оказываютъ воздѣйствіе на производительность труда, тѣ силы, которыя совершенно устраняютъ исключительное господство экономическихъ производственныхъ категорій въ извѣстныхъ условіяхъ собственности, какъ бы они не сложились и исторически не произошли. Ни при историческомъ анализѣ, ни въ экономической теоріи не должно оставаться это загадочное „въ послѣднемъ счетѣ". Если историческій экономическій процессъ имѣетъ дѣло съ цѣной, она и подлежитъ изслѣдованію и ни въ какихъ экономическихъ фикціяхъ въ родѣ цѣнности она не нуждается. Создавая теорію цѣны, экономическая наука и должна дать учетъ чисто экономическихъ и соціальныхъ силъ; останавливаясь же въ догматическомъ самодовольствѣ на своей „господствующей" цѣнности она грозитъ въ послѣднемъ счетѣ обратиться въ схоластику.

Эта нераздѣлимость экономическихъ и чисто соціальныхъ условій реально выражается въ томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи только цѣна, полученная имъ за свои продукты, является выраженіемъ его конечной производительности, а общее выраженіе для всей производительности труда въ цѣнности, какъ мы уже отчасти видѣли и еще покажемъ впослѣдствіи является только фантомомъ, который безконечно запутываетъ всякій анализъ[65]).

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что мы не можемъ *теоретически* раздѣлять экономическія категоріи отъ соціальныхъ. На одномъ частномъ примѣрѣ намъ не трудно показать, насколько такое раздѣленіе важно и какъ необходимо разъединить вопросъ о производительности труда отъ вопроса о цѣнности.

Мнѣ кажется, что я буду правъ, если я формулирую различія между этими категоріями слѣдующимъ образомъ.

Когда мы говоримъ о матеріально намъ необходимомъ мірѣ вещей, какъ о нѣкоторой экономической категоріи, мы всегда имѣемъ въ виду: а. количество и качество вещей, ихъ изобиліе и рѣдкость въ зависимости отъ наличности естественныхъ и человѣческихъ производительныхъ силъ — земля, трудъ и капиталъ, б. соотношеніе этихъ производительныхъ силъ къ продуктамъ-вещамъ, какъ матеріальнымъ

---

65) Шмоллеръ, правда, по другимъ соображеніямъ, но вѣрно формулируетъ настоятельную потребность нашего времени отдѣлаться отъ теоріи цѣнности, замѣнить ее единымъ ученіемъ о цѣнѣ. см. Grundriss, B. II, стр. 105—6.

обнаруженіямъ дѣйствія этихъ силъ въ технически необходимомъ сочетаніи, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, и в. различіе въ производительности этихъ силъ: земля, труда и капитала, какъ таковыхъ, какъ дѣятелей, при посредствѣ которыхъ чрезъ руководящее направленіе труда человѣчество получаетъ матеріально полезные для него результаты.

Когда мы говоримъ о матеріальномъ мірѣ вещей, какъ объ основѣ нашего общественнаго существованія въ извѣстную эпоху т. е. разсматриваемъ этотъ міръ вещей, какъ нѣкоторую соціальную категорію, мы всегда имѣемъ въ виду: а) собственность и владѣніе, обладаніе тѣхъ или другихъ классовъ міромъ вещей и вытекающія отсюда условія умноженія, изобилія или рѣдкости производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, б) общественное сочетаніе производительныхъ силъ, отношенія между ихъ дѣйствіями и результатами въ видѣ постоянно вновь притекающихъ во времени доходовъ разныхъ общественныхъ классовъ, другими словами система общественнаго хозяйствованія производительными силами для полученія и потребленія доходовъ въ условіяхъ того или иного раздѣленія труда, соціальнаго соперничества разныхъ общественныхъ классовъ, въ своеобразныхъ для каждаго положеніяхъ существованія въ предѣлахъ разныхъ хозяйственныхъ единицъ, в) соціальныя условія образованія валового и чистаго дохода этихъ хозяйственныхъ единицъ и въ нашихъ капиталистическихъ условіяхъ, главнымъ образомъ, то соотношеніе, которое существуетъ между необходимымъ содержаніемъ — труда и капиталистовъ — къ чистому избытку т. е. той долѣ продукта, которая можетъ быть назначена на умноженіе продуктовъ или потребленіе и наконецъ г) общественная необходимость при данныхъ историческихъ условіяхъ того или иного употребленія производительныхъ силъ для полученія тѣхъ или иныхъ результатовъ т. е. соціальная полезностъ этихъ производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, общія условія ихъ потребительнаго уничтоженія.

Два указанныхъ выше теоретика Родбертусъ и Марксъ, какъ я уже сказалъ, впервые ясно намѣтили эти категоріи. Оба они написали сочиненія о Капиталѣ. Родбертусъ, однако, справедливо упрекалъ Маркса, что онъ оперируетъ съ понятіемъ капитала только, какъ съ соціальной категоріей. Отсюда въ сочиненіи Маркса дѣйствительно вытекло много неясностей и это повело къ нелѣпому спору о томъ, создаетъ ли капиталъ цѣнность и какой капиталъ. Слѣдуя по пути начертанному Родбертусомъ мы сразу очищаемъ себѣ дорогу и видимъ, что капиталъ можетъ имѣть отношеніе только къ продукту, а чрезъ его посредство и къ цѣнѣ.

Для Родбертуса капиталъ прежде всего экономическая категорія т. е. орудіе и матеріалы, и, я добавилъ бы, всѣ готовые продукты, богатство въ матеріальной формѣ, которое существуетъ и постоянно трасформируется въ другіе виды богатства или какими бы то ни было способами содѣйствуетъ этой трансформаціи. Доходъ, какъ экономическая категорія, для него тотъ продуктъ, который получается правильно чрезъ извѣстный промежутокъ времени; это потокъ вновь появляющихся продуктовъ, которые въ видѣ заработной платы, ренты и прибыли въ нашихъ условіяхъ служатъ для посредственнаго и непосредственнаго удовлетворенія потребностей [66]). При такой постановкѣ вопроса совершенно устраняется вопросъ о томъ, создаетъ ли капиталъ цѣнность. Мы имѣемъ съ одной стороны затраты въ трудѣ, землѣ и капиталѣ, чрезъ извѣстный промежутокъ времени потокъ продуктовъ, который поступаетъ въ доходъ. Правда, въ томъ же сочиненіи Родбертусъ старается доказать, что капиталъ мы не имѣемъ право считать производительной силой, что таковой является только трудъ, но мы уже видѣли, что его ученіе о производительности труда есть по существу ученіе о дифференціальной производительности труда, а въ этомъ смыслѣ не трудно показать, что капиталъ, хотя и продуктъ предшествовавшаго труда, содѣйствуетъ умноженію продуктовъ, что содѣйствіе умноженію продуктовъ разныхъ видовъ капитала можетъ быть неодинаково, что капиталы могутъ быть при затратѣ на нихъ одинаковаго труда различны по количеству и качеству, что неравенство въ содѣйствіи умноженію продуктовъ столь же присуще капиталу, какъ труду и землѣ. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ и быть не можетъ непроизводителллнаго капитала, разъ онъ выполняетъ свою функцію

66) Родбертусъ пишетъ: „Kapital und Einkommen stehen nur in einer Folgeordnung, in einem successiven Verhältnis.“ Одинъ американскій ученый (J. Fischer-Precedents for difining Capital, брош. 1904 г.), повидимому незнакомый съ сочиненіями Родбертуса, подхватываетъ его мысль и, какъ мнѣ кажется, дѣлаетъ къ ней довольно вѣрную поправку. Подъ капиталомъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ понимать: „stock of wealth existing at an instant of time, as distinguished from income, which is a flow through a period of time. The capital concept depends not on the classification of wealth, but on its relation to time . . . No finite amount can be consumed in the present, for the present is only a point, and all consumption requires time“. Дѣйствительно, экономія только запытывалась, стараясь давать классификацію предметовъ, входящахъ въ составъ капитала и дохода. Доходъ вовсе не долженъ состоять изъ предметовъ непосредственнаго потребленія хозяйствующаго субъекта. Онъ можетъ быть полученъ въ рядѣ изготовленныхъ машинъ. Процессъ превращенія дохода въ потребительныя блага уже послѣдующая экономическая стадія.

какъ производительная сила: онъ можетъ быть только болѣе или менѣе производителенъ, дѣлая трудъ болѣе или менѣе успѣшнымъ.

Подъ капиталомъ, какъ соціальной категоріей, Марксъ[67]) понимаетъ монополизированныя средства производства и обращенія для созданія и полученія дохода чрезъ продажу произведенной трудомъ *цѣнности*. Для него капиталъ опредѣленное общественное отношеніе[67]). Родбертусъ выражается проще: „Капиталъ — Privateigentumloos am Nationalproduct“[68]). Мнѣ кажется, что во всѣхъ отношеніяхъ опредѣленіе Родбертуса предпочтительнѣе. Все ученіе Маркса о капиталѣ, какъ соціальной категоріи, построено на соотношеніи капитала съ цѣнностью. Мы видѣли уже какую схоластику въ частностяхъ это порождаетъ. Мы покажемъ еще ниже, къ какимъ про-

---

67) Для Маркса: „капиталъ не есть вещь, а опредѣленное общественное отношеніе производства, которое выражается въ вещи и придаетъ этой вещи специфически общественный характеръ. Капиталъ не есть сумма матеріальныхъ благъ и произведенныхъ средствъ производства. Капиталъ это средства производства, превратившіяся въ капиталъ, которыя сами по себѣ также мало представляютъ собою капиталъ, какъ золото, серебро и деньги. Въ капиталѣ олицетворяются средства производства, монополизированныя опредѣленною частью общества, продукты и условія дѣятельности живой рабочей силы, обособившіеся именно по отношенію къ этой рабочей силѣ и которые олицетворяются благодаря этому противоположенію.“ . . Не всякая сумма денегъ или какихъ нибудь цѣнностей есть капиталъ, она становится капиталомъ только тогда, когда ея владѣлецъ можетъ жить лучше, чѣмъ простой рабочій, когда она служитъ не просто для поддержанія жизни, а для созиданія богатства, количество должно обратиться въ особое качество: олицетворенный капиталъ, цѣль котораго присвоеніе чужого труда, контроль за нимъ и продажа продуктовъ этого труда.“ см. т. III, стр. 673. Въ коммун. маниф. Марксъ пишетъ: „быть капиталистомъ — это значитъ имѣть не только личное, но и соціальное положеніе въ производствѣ. Капиталъ есть коллективный продуктъ и только соединенными усиліями многихъ лицъ, вѣрнѣе, соединеннымъ дѣйствіемъ всѣхъ членовъ общества, онъ можетъ быть приведенъ въ движеніе. Капиталъ, поэтому, не личная, а соціальная сила.“ Съ ученіемъ о торговомъ капиталѣ Маркса мы уже ознакомили читателя.

68) Родбертусъ разсуждаетъ правильнѣе Маркса и въ томъ отношеніи, что не дѣлаетъ отмѣченнаго въ предшествовавшемъ примѣчаніи подраздѣленія, которое характерно для Маркса, который является аналитикомъ крупнаго капитала, этого олицетворяемаго имъ „чудовища“ переживаемой нами эпохи. По существу дѣла, конечно безразлично, даетъ ли капиталъ возможность существованія капиталисту, какъ рабочему т. е. его необходимое содержаніе, или создаетъ богатство. Экономическая его особенность: „возможность пріобрѣтенія дохода безъ непосредственнаго труда, хотя бы въ предѣлахъ такъ называемаго „необходимаго содержанія“, не измѣняется нисколько; послѣдствія и формы дѣятельности такого капитала, какъ его предполагаетъ въ видѣ „качественнаго количества“ Марксъ, конечно, различны, но капиталъ во всякой формѣ своего проявленія остается капиталомъ.

тиворѣчіямъ приводитъ ученіе о соотношеніи перемѣннаго и постояннаго капитала къ цѣнности. Между тѣмъ, сохранивъ соотношеніе капитала во всѣхъ его видахъ только къ продукту, разсматривая его какъ элементъ содѣйствующій созданію продукта или какъ право на полученіе доли общественнаго продукта, мы соединяемъ чисто экономическую категорію и соціальную, оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о соотношеніи видовъ капитала къ цѣнности, какъ совершенно ненужный.

Для цѣлей экономическаго анализа необходимы оба эти пониманія капитала, но въ основу анализа, не желающаго забѣгать впередъ, мы должны положить то опредѣленіе, которое даетъ намъ возможность, какъ бы соединить эти двѣ категоріи: экономическую и соціальную воедино, такъ какъ онѣ соединены въ реальной дѣйствительности.

Каковы бы ни были общественныя условія, капиталъ, разъ онъ будетъ выполнять свою функцію, превратится въ опредѣленную массу продукта. Въ нашихъ капиталистическихъ условіяхъ онъ, въ какомъ бы видѣ онъ ни существовалъ, можетъ присвоить себѣ опредѣленную сумму продукта или денегъ. Какова будетъ цѣнность или цѣна этого продукта — это другой вопросъ, но доходъ его прежде всего выразится въ извѣстной долѣ продукта. Безъ затрудненій мы, поэтому, можемъ сказать, что въ нашей общественной системѣ производительнымъ (но не производящимъ) слѣдуетъ назвать всякій капиталъ, при содѣйствіи котораго можно создать или получить извѣстную долю общественнаго продукта. Въ обществѣ, гдѣ всякій продуктъ является результатомъ всей соціальной системы производства, *индивидуалистическое* представленіи о производительности капитала, какъ о созданіи продукта, неизбѣжно смѣняется представленіемъ о производительности, какъ о созданіи или пріобрѣтеніи продукта.

Съ такой точки зрѣнія совершенно перестаетъ быть загадочнымъ и отношеніе дохода капитала ко времени. Доходъ — есть постоянно притекающій потокъ новыхъ благъ; чѣмъ короче періодъ этого потока, чѣмъ болѣе продуктовъ получаетъ за этотъ промежутокъ времени капиталъ, тѣмъ онъ производительнѣе. Рыночный процентъ представляетъ собою не болѣе, какъ обобщеніе этого отношенія капитала ко времени въ продуктѣ, имѣющемъ всеобщую покупательную силу т. е. въ деньгахъ.

Тоже мы должны сказать и относительно производительности труда въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Цѣнность или цѣна продукта являются результатомъ воздѣйствій, какъ экономической, такъ и соціальной категоріи. Поэтому гораздо цѣлесообразнѣе пред-

варительно найдти такое опредѣленіе для производительности труда, которое даетъ намъ возможность имѣть въ виду обѣ эти категоріи и въ тоже время не указываетъ на исключительное значеніе которой нибудь изъ нихъ. Каковы бы ни были сочетанія этихъ двухъ категорій, всегда объективно и реально онѣ прежде всего выразятся въ наличности матеріальнаго продукта. Прежде чѣмъ существуетъ цѣнность, долженъ существовать ея матеріальный представитель, а таковымъ можетъ быть только продуктъ. Дѣйствіе матеріальныхъ производительныхъ силъ можетъ выразиться прежде всего только въ продуктѣ и потому подъ производительнымъ трудомъ въ указанномъ выше метафорическомъ смыслѣ можетъ называться только такой, который создаетъ не цѣнность, а прежде всего продуктъ. Мы можемъ сдѣлать понятными для себя явленія хозяйственной жизни не чрезъ посредство цѣнности, а только чрезъ ясное представленіе, что дѣйствіе матеріальныхъ производительныхъ силъ всегда выражается въ нѣкоторой массѣ продукта, который затѣмъ въ извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ будетъ подлежать раздѣлу между многообразными видами общественнаго труда чрезъ особые процессы образованія цѣнъ. Реаленъ только продуктъ и производительность труда есть ничто иное какъ выраженіе результатовъ его обнаруженія въ продуктѣ. Другими словами, производительность труда и цѣнность или вѣрнѣе цѣна продукта, хотя и связаны между собою, но это не есть связь причины и слѣдствія. Эта связь гораздо сложнѣе и теоретическій анализъ долженъ проникнуть глубже, чтобы ее раскрыть. Капиталистическое общество производитъ массу товаровъ, условія же образованія цѣнъ зависятъ не только отъ производственныхъ условій, но и отъ другихъ соціальныхъ условій, методологически отдѣлить которыя отъ первыхъ мы не имѣемъ права, ибо соціальныя условія также объективно существуютъ и вліяютъ, какъ и чисто техническія. Производительныя, и при томъ неравныя, силы: трудъ, земля и капиталъ *создаютъ* продуктъ, соціальныя силы его дѣлятъ и цѣна — сложный выразитель этого созданія и раздѣла продукта при неизбѣжномъ фактѣ: ограниченности продукта при постоянно наростающей массѣ потребностей классоваго общества. Общественная наука изслѣдуетъ не человѣка, а человѣка въ обществѣ и понять перваго безъ послѣдняго она не можетъ и наоборотъ.

Къ III. Такой простой отвѣтъ на жгучіе вопросы экономіи можетъ привести въ недоумѣніе. Что даетъ намъ такой отвѣтъ? Онъ, прежде всего, сводитъ воедино наши предшествовавшія разсужденія т. е. во первыхъ, констатируетъ то положеніе, что трудъ не является

абсолютною стоимостью, что производительность его находится въ зависимости не только отъ собственной его энергіи, но и отъ тѣхъ двухъ производительныхъ силъ, къ которымъ онъ прилагается т. е. отъ земли и капитала. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ правильно повторенное Марксомъ положеніе Петти, что трудъ отецъ человѣка, земля его мать. Въ главѣ о капиталѣ мы увидимъ, что самый капиталъ является не только результатомъ труда, но и „земли". Во вторыхъ, что при опредѣленіи производительности труда, земли и капитала мы не имѣемъ ни малѣйшаго права игнорировать различій или дифференціальной производительности ихъ. Въ главѣ о рентѣ мы истолкуемъ на особыхъ началахъ этотъ принципъ дифференціальной производительности.

Но что важнѣе всего такое понятіе о производительности труда даетъ намъ возможность сдѣлать яснымъ тотъ основной принципъ, который былъ положенъ еще физіократами въ основу опредѣленія производительности труда, а именно вопросъ о соціально-экономическомъ избыткѣ или о прибавочномъ продуктѣ по терминологіи Маркса.

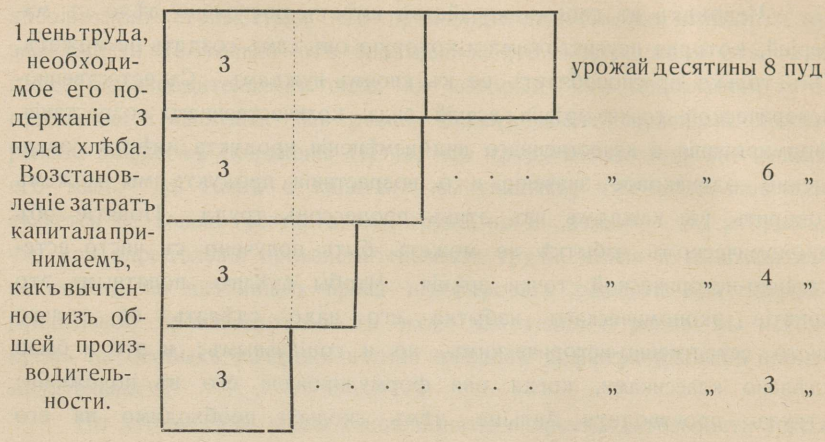
Физіократы были первыми экономистами, которые при опредѣленіи производительности труда, какъ основного теоретическаго постулата экономіи, вступили на правильный путь.

Подъ производительнымъ трудомъ, какъ мы видѣли въ первой главѣ, они всегда понимали трудъ, который, во первыхъ, воплощается въ матеріальномъ цродуктѣ и, во вторыхъ, тотъ подъ дѣйствіемъ котораго количество продукта не только воспроизводится, но и возрастаетъ при всякой затратѣ труда и капитала въ земледѣліи. Ошибка ихъ заключалась въ томъ, что, исходя изъ наблюденій за земледѣліемъ и не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ чисто экономической точки зрѣнія и стать на соціальную, они ввели въ свое опредѣленіе сомнительный признакъ „возрастанія и притомъ количественнаго". Дѣйствительно, говоря о земледѣліи, мы еще кое какъ и можемъ понять, что слѣдуетъ понимать подъ количественнымъ возрастаніемъ. Земледѣлецъ разбрасываетъ пудъ сѣмянъ и получаетъ самъ семь — восемь, корова даетъ приплодъ, лѣсъ — приростъ и т. д. Мы знаемъ теперь, что одно количественное возрастаніе не опредѣляетъ отношенія человѣка къ природѣ и что, кромѣ него, еще имѣется простое формированіе и качественное видоизмѣненіе матеріи. Наука единодушна теперь въ признаніи, что процессы количественнаго возрастанія, формированія и качественнаго видоизмѣненія равно существенно необходимы, если результатомъ этихъ процессовъ является какой либо полезный и необходимый предметъ.

Человѣкъ въ своемъ хозяйствѣ имѣетъ постоянно дѣло съ матеріей, которая неуничтожима и которую онъ самъ создать не можетъ. Онъ только приспособляетъ ее къ своимъ нуждамъ. Съ естественно-исторической точки зрѣнія всякій видъ количественнаго возрастанія, формированія и качественнаго видоизмѣненія продукта имѣетъ совершенно одинаковое значеніе и о возрастаніи продукта мы можемъ говорить въ каждомъ изъ этихъ процессовъ труда. Понятіе объ экономическомъ избыткѣ не можетъ быть получено съ чисто естественно-исторической точки зрѣнія. Чтобы сдѣлать понятнымъ это понятіе экономическаго избытка его надо сдѣлать не только чисто естественно-историческимъ, но и соціальнымъ; и это и было сдѣлано классиками, когда они формулировали его въ положеніи: „трудъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе“.

Физіократы впервые, исходя изъ наблюденій за земледѣліемъ, подмѣтили, что за удовлетвореніемъ потребностей работника въ предметахъ пропитанія остается еще избытокъ, который можетъ быть употребляемъ для удовлетворенія другихъ потребностей и другихъ классовъ. Понятіе необходимаго содержанія у нихъ совпадало съ той минимальной суммой средствъ пропитанія, которая необходима для сохраненія общества, труда, въ извѣстныхъ, данныхъ историческихъ условіяхъ. Все, что оставалось сверхъ этой нормы, они называли чистымъ продуктомъ или экономическимъ избыткомъ. Въ разработкѣ вопроса объ этомъ необходимомъ содержаніи, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, и лежала вся трудность построенія теоретической экономіи. Не забѣгая пока впередъ и ограничившись только элементарнѣйшимъ построеніемъ физіократовъ, мы покажемъ какъ важно теоретически это допущеніе. Въ самомъ дѣлѣ допустимъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя отраслями промышленности: съ земледѣліемъ, которое знаетъ количественное возрастаніе и при томъ неравное въ различныхъ условіяхъ производительности земли, и съ фабрикаціей, которая заключается только въ формированіи. При такомъ, какъ увидимъ, ложномъ и слишкомъ элементарномъ допущеніи, мы получаемъ, однако возможность получить четыре чрезвычайно важныхъ вывода, которые не измѣнятся и останутся правильными и тогда, когда мы докажемъ, что качественное видоизмѣненіе имѣетъ такое же значеніе, какъ и количественное возрастаніе.

Первый выводъ. Приведенная діаграмма иллюстрируетъ нашу мысль.

Взглянувъ на эту діаграмму всякому становится понятнымъ, что, если необходимое содержаніе составляетъ три пуда, то на первомъ участкѣ трудъ въ состояніи только содержать себя и не производитъ экономическаго избытка. Нѣтъ этого экономическаго избытка, не можетъ быть и прибавочнаго труда. Если тотъ же трудъ на другихъ участкахъ совершенно одинаковъ по своему качеству и напряженію, если большая производительность труда зависитъ исключительно отъ дѣйствія естественныхъ силъ природы, то ясно, что прибавочный продуктъ второго участка въ одинъ пудъ, третьяго въ три и четвертаго въ пять пудовъ вовсе не является результатомъ прибавочнаго труда. Другими словами, *прибавочный продуктъ вовсе еще не означаетъ собою прибавочнаго труда.* Справедлива ли такая точка зрѣнія въ соціальномъ отношеніи, это другой вопросъ, но фактъ остается фактомъ. При данномъ необходимомъ содержаніи различная производительность, зависящая отъ дѣйствія другихъ факторовъ производства, кромѣ труда, должна теоретически служить основаніемъ для утвержденія, что *созданіе прибавочнаго продукта можетъ быть независимо отъ прибавочнаго труда.* Этотъ избытокъ богатства не могъ бы быть созданъ безъ участія труда, но отсюда не слѣдуетъ, что онъ созданъ трудомъ [69]).

69) Это положеніе, однако, отнюдь не колеблетъ правильности того положенія, что прибавочный трудъ есть излишекъ всего общественнаго труда надъ трудомъ, производящимъ необходимое содержаніе производителей — рабочихъ. Такъ изъ нашей діаграммы видно, что для содержанія производителей надобно всего 12 пудовъ. Слѣдовательно съ избыткомъ было бы достаточно обрабатывать двѣ десятины и затрачивать два дня труда. Фактически же затрачивается 2 дня

Во вторыхъ, работникъ въ фабрикаціи получаетъ соотвѣтствующую часть матеріи и трудится надъ ея формированіемъ одинъ день. Необходимое его содержаніе три пуда. Въ результатѣ получается продуктъ извѣстной общественной полезности. Надъ нимъ стоитъ капиталистъ-предприниматель, который ничего не дѣлаетъ и только слѣдитъ за процессомъ обработки. Продуктъ готовъ, если онъ несетъ его на рынокъ и желаетъ получить полностью только вознагражденіе за матерію и необходимое содержаніе, то, само собою разумѣется, весь процессъ наблюденія за трудомъ ему не принесетъ ничего. Количественно онъ не создалъ новаго увеличенія матеріи. Если, однако, условія соціальнаго соперничества дадутъ ему возможность приготовить этотъ продуктъ для тѣхъ лицъ, которыя сидятъ на болѣе плодородныхъ участкахъ, онъ можетъ потребовать отъ нихъ части ихъ продукта.

Если они дадутъ ему, кромѣ необходимаго содержанія, (допустимъ, что вознагражденіе за потраченную матерію не требуется) еще нѣкоторую долю своего продукта, въ его рукахъ окажется часть экономическаго избытка. Онъ получитъ прибавочную цѣну за свой продуктъ. Онъ самъ не произвелъ этого прибавочнаго продукта. Онъ завладѣлъ частью прибавочнаго продукта въ другихъ отрасляхъ промышленности. Другими словами, работникъ получилъ свое необходимое содержаніе, онъ непосредственно не далъ капиталисту никакого прибавочнаго труда, а между тѣмъ капиталистъ получилъ прибавочную цѣну *т. е. прибавочная цѣна при взятыхъ предположеніяхъ не есть еще прибавочный трудъ.* Справедливо ли такое положеніе, это опять другой вопросъ, но фактъ остается фактомъ: при извѣстныхъ условіяхъ обмѣна, при данномъ необходимомъ содержаніи, *прибавочная цѣна не есть еще всегда прибавочный трудъ* [70]).

прибавочныхъ и производится 21 пудъ хлѣба. По естественнымъ условіямъ на послѣдней десятинѣ трудъ вырабатываетъ только свое необходимое содержаніе, на немъ нѣтъ прибавочнаго труда, но общественныя условія (существованіе ренты) заставили его работать на такомъ участкѣ.

70) Въ своемъ „Капиталѣ“ (стр. 13—15) Родбертусъ пишетъ: „то обстоятельство, что при законѣ уравненія прибыли, нормальная цѣнность не въ состояніи давать обычную прибыль на каждой изъ отдѣльныхъ стадій производства даннаго продукта, не служитъ основаніемъ для обоснованіи ренты капитала на надбавкѣ (Zuschlag) сверхъ нормальной цѣны. Я показалъ, что такая надбавка сама по себѣ не въ состояніи дать ни малѣйшей ренты. Можно только признать, что рыночная цѣна послѣдняго предпріятія, хотя и поднялась свыше нормальной цѣны, но въ первомъ предпріятіи она должна упасть.“ Если бы въ нашей литературѣ болѣе

Третій выводъ, всякую цѣну т. е. ту сумму продуктовъ, которая дается за данный предметъ, напр. во взятомъ нами случаѣ продукта фабрикаціи, мы можемъ теоретически разложить на разныя доли продукта, изъ которыхъ часть идетъ на матеріалъ, часть воплощается въ необходимомъ содержаніи, часть составляетъ экономическій избытокъ, но отсюда мы еще не имѣемъ права сдѣлать вывода, что цѣна слагается изъ доходовъ. *Изъ того, что она разлагается на доходы, какъ увидимъ ниже, не слѣдуетъ что она слагается изъ доходовъ.*

Четвертый выводъ сводится къ тому, что наше предположеніе, будто послѣдній участокъ вырабатываетъ только необходимое содержаніе, всегда можетъ быть измѣнено. Если необходимое содержаніе составляетъ только 2 пуда т. е. въ сущности должно было бы поглощать только двѣ трети дня, то 1 пудъ или $^1/_3$ дня является прибавочнымъ трудомъ. При первомъ предположеніи категорія прибавочнаго продукта зависѣла отъ чисто естественныхъ условій производства, при второмъ — она становится универсальнымъ явленіемъ на протяженіи всего народнаго хозяйства и только дифференцируется подъ вліяніемъ естественныхъ условій.

Два обстоятельства, однако, могутъ смутить читателя. Возможно ли послѣдовательное проведеніе установленнаго такъ элементарно представленія о необходимомъ содержаніи при анализѣ реальной дѣйствительности? Какъ же на практикѣ находить отношеніе между необходимымъ содержаніемъ и его внѣшнимъ результатомъ количественно умноженнымъ, только сформированнымъ или качественно измѣненнымъ продуктомъ? Возможно ли такое сравненіе безъ предста-

---

тщательно знали сочиненія Родбертуса, менѣе старались видѣть въ нихъ, исходя изъ марксистской точки зрѣнія, только массу противорѣчій, то, быть можетъ, это мѣсто не было бы встрѣчено съ такимъ несправедливымъ осужденіемъ, какъ напр. и проф. Дена (Къ ученію о цѣнности, стр. 210—212). Я не намѣренъ защищать Родбертусовское подраздѣленіе производства продуктовъ на стадіи, я уже выше показалъ, что единая трудовая цѣнность и единая прибыль не существуютъ, но сама по себѣ мысль Р. совершенно правильна; *онъ указываетъ источникъ всякой ренты въ прибавочномъ продуктѣ и цѣну объясняетъ условіями раздѣла всего общественнаго продукта.* Да, ex nihilo nihil fit, не было бы этого продукта, не могло бы быть и рентъ. Проф. Денъ пишетъ: „отсюда, казалось бы, вытекаетъ, что всякая цѣнность достаточна для доставленія всѣхъ рентъ, если трудъ достаточно производителенъ“ и ставитъ?!. Стоя на точкѣ зрѣнія Р., я отвѣтилъ бы: да, всякая цѣна, если благодаря ограниченности массы продукта сравнительно съ потребностями, эта цѣна не падаетъ до уровня заработной платы, а этого не можетъ быть по соціальнымъ условіямъ нашего существованія.

вленія о цѣнности какой нибудь изъ основныхъ единицъ затратъ: земли, труда и капитала?

На это дадутъ подробный отвѣтъ двѣ слѣдующія главы, въ которыхъ мы разберемъ попытки классиковъ и ознакомимся съ условіями раздѣла продукта и прибавочнаго продукта.

Глава 4-я.

Дифференціальный принципъ и его значеніе.

§ 1. Двѣ исходныя точки зрѣнія.

Между теоретиками-экономистами и экономистами-историками въ послѣднее время вражда еще болѣе обострилась. Старая теоретическаа доктрина, дѣйствительно, расшатана критикой до основаній и историки съ радостью отмѣчаютъ, что путь, по которому они шли и идутъ, и плодотворнѣе, и интереснѣе: онъ даетъ реальное знаніе, а не теоретическія схемы, которыя можно легко строить и которыя также быстро отходятъ въ пучины забвенія.

Не могу не согласиться, что теорія суха, абстрактна, часто безжизненна и если я рѣшаюсь въ этомъ первомъ томѣ моего изслѣдованія идти теоретическимъ путемъ, то только потому, что увѣренъ въ необходимости и возможности, стоя на почвѣ созданной теоріей классическихъ экономистовъ, дать болѣе соотвѣтствующій современному развитію экономической науки анализъ теоретическихъ основъ распредѣленія народнаго дохода. Этотъ анализъ и для историковъ имѣетъ громадное значеніе. Они накопляютъ факты, даютъ яркія картины экономическаго быта, но они не въ состояніи распутаться въ теоретическихъ основахъ распредѣленія народнаго дохода, распредѣленія народнаго дохода, на почвѣ котораго разыгривается драма міровой исторіи. Такое теоретическое выясненіе основъ распредѣленія народнаго дохода, а вовсе не построеніе догматически конструированной теоріи цѣнности было истинной задачей и всѣхъ классическихъ экономистовъ; оно важно въ двухъ отношеніяхъ.

Одного неяснаго предположенія, которое характерно для многихъ экономистовъ — историковъ, что исторія была и будетъ борьбой или

компромиссомъ борящихся классовыхъ интересовъ, въ которой и государство имѣетъ свое классовое и внѣ классовое мѣсто [1]), недостаточно для пониманія исторіи съ экономической точки зрѣнія. Только теоретическій анализъ можетъ объяснить причины, условія и средства классовой борьбы предшествовавшаго времени и указать современнымъ классамъ, за что идетъ борьба, на какой почвѣ, какими средствами и который изъ нихъ можетъ имѣть успѣхъ. Теорія, такимъ образомъ, нужна для историка, какъ средство пониманія прошедшаго, такъ и какъ орудіе для пониманія будущаго. При этомъ теорія остается теоріей. Пойдутъ ли классы по дорогѣ указываемой теоріей — это для нея безразлично. Истина не упраздняется сложной путаницей и ложью классовой борьбы, а за ложные пути исторія мститъ и только путемъ ошибокъ и страданій человѣчество выбирается на тотъ правильный путь, который могъ быть предсказанъ теоріей. Въ наше время потребность въ такомъ теоретическомъ анализѣ особенно настоятельна: предъ нашими глазами складывается совершенно новая конфигурація экономическихъ силъ и мы должны дать ей объясненіе.

Въ началѣ прошлаго вѣка аграріи Англіи т. е. въ странѣ, гдѣ выработалась впервые экономическая теорія, были разбиты. Въ теченіи 19-го вѣка почти повсемѣстно феодальная аграрная знать терпитъ пораженіе. Экономическое и политическое торжество промышленной буржуазіи, которая послѣ исторически краткаго увлеченія свободой торговаго обмѣна, съумѣла созданной ею системой протекціонизма „въ надлежащей степени“ подавить аграрный интересъ, близится, однако, къ концу. Аграрный интересъ гордо поднимаетъ голову и вопросъ о господствѣ аграрной и промышленной буржуазіи, о положеніи рабочаго класса въ этой борьбѣ требуетъ не только историческаго, но и теоретическаго анализа.

Всѣмъ хорошо извѣстенъ споръ Мальтуса и Рикардо о хлѣбныхъ законахъ. Онъ имѣлъ, можно сказать, всемірно-историческое значеніе. Въ лицѣ этихъ двухъ писателей боролись два могущественныхъ класса. Каждый изъ этихъ писателей вполнѣ открыто стоитъ за тотъ классъ, интересы котораго ему близки [2]). Изученіе спора этихъ писателей, однако, важно вовсе не только потому, что оно даетъ возможность рѣзко и выпукло выставить классовыя сим-

1) Роль государства въ экономической политикѣ и въ видоизмѣненіи условій обмѣна будетъ выяснена во второмъ томѣ нашего изслѣдованія.

2) Въ своемъ изслѣдованіи о рентѣ Мальтусъ поетъ „гимнъ“ рентѣ, которая, по его мнѣнію, „съ полнымъ правомъ можетъ быть названа источникомъ всякаго могущества и наслажденій, безъ которой не было бы ни городовъ, ни національ-

патіи того и другого писателя, а потому, что въ процессѣ ихъ классовой полемики выработалась та теорія обмѣна, которая затѣмъ нашла распространеніе, какъ величайшая истина, и нынѣ давно нуждается въ полнѣйшемъ пересмотрѣ. Всѣ слабости этой теоріи обмѣна выступаютъ во всей своей яркости, когда мы начинаемъ изучать ее, какъ одно изъ сильныхъ орудій для трансформаціи меркантильной политики и какъ ученіе о совершающемся классовомъ распредѣленіи богатствъ.

Я отлично понимаю, что самыя условія экономическаго быта, среди которыхъ велась борьба мнѣній Рикардо и Мальтуса, должны были привести къ побѣдѣ Рикардо, и на благо Англіи [3]). Но благодѣльные результаты классовой борьбы того времени, борьбы, для которой Рикардо далъ самые сильные и рѣшающіе аргументы, не освобождаютъ насъ отъ теоретическаго анализа научныхъ достоинствъ его аргументовъ и отъ выясненія самыхъ основъ распредѣленія богатствъ въ капиталистическомъ и всякомъ другомъ обществѣ.

Практическая побѣда часто кажется теоретическимъ торжествомъ; въ дѣйствительности же это торжество бываетъ самообманомъ. Жизнь, ея вѣчная классовая борьба во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ, временные, благодѣтельные, практическіе результаты этой борьбы дѣйствуютъ завлекательно; изслѣдователи принимаются за оправданіе, теоретическое и историческое, этихъ результатовъ, забывая, что „временное“ не значитъ „истинное“. Я менѣе чѣмъ кто либо склоненъ становиться на сторону защитниковъ аграрной платформы, но я долженъ признать, что старая теорія классоваго распредѣленія народнаго дохода, построенная на чисто техническомъ ученіи о „пре-

---

наго, ни морского могущества, ни искусствъ, ни учености, ни утонченной промышленности, ни роскоши, ни цивилизованной, ни культурной общественной жизни, которая не только возвышаетъ и облагораживаетъ немногихъ, но и распространяетъ свое живительное вліяніе на массы.“ Рикардо смотритъ на ренту иначе. Рента производитъ пагубное распредѣленіе общихъ фондовъ богатства общества. Землевладѣльцы „грабятъ“ мануфактуриста и заставляютъ его начинать работу или продолжать ее въ менѣе прибыльныхъ отрасляхъ промышленности. См. Malthus. Eine Untersuchung der W. und Ent. der Rente, изд. Лезера, стр. 47—48. Ricardo, Principles, l. c., стр. 299 и въ безконечномъ рядѣ другихъ мѣста ихъ трудовъ. Подробный анализъ отношеній различныхъ общественныхъ классовъ при распредѣленіи продукта мы дадимъ въ заключительной главѣ.

3) Какъ извѣстно въ періодъ съ 1760 по 1830 г. Англія пережила колоссальный подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ см. по этому предмету новое любопытное изслѣдованіе G. Steffen, Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter B. I. и II., 1904. также S. Buxton Finance and Politics, 2 v., L. 1888.

дѣльномъ“ доходѣ въ земледѣліи, на „физіократическомъ капитализмѣ“ [4]), какъ мѣтко выражается Штольцманъ, съ полнымъ основаніемъ не удовлетворяетъ болѣе экономистовъ.

Въ возраженіяхъ Мальтуса противъ Рикардо было не мало ложнаго, онъ очень часто противорѣчилъ себѣ, но было и много истиннаго, хотя, какъ это часто бываетъ, исканіе этой истины, можетъ быть, и было вызвано стремленіемъ защитить „грубѣйшій аграрный интересъ“. Чрезвычайно любопытно, какъ мы укажемъ ниже, что Родбертусъ, аграрій и соціалистъ, чрезвычайно близокъ къ Мальтусу; Марксъ же, соціалистъ и защитникъ рабочаго сословія въ капитализирующійся періодъ хозяйства, въ сущности, стоитъ на сторонѣ Рикардо, не можетъ понять и замѣтить, какъ много истиннаго сказали Мальтусъ и Родбертусъ.

Въ научныхъ кругахъ издавна укоренилось убѣжденіе, что теорія ренты, установленная впервые Андерсономъ, Мальтусомъ и Уэстомъ и исправленная Рикардо, составляетъ величайшее завоеваніе экономической науки и главнѣйшій ключъ къ пониманію теоріи обмѣна, а чрезъ нее и всего механизма распредѣленія народнаго богатства въ прошломъ и настоящемъ. Аналитическое изученіе воззрѣній всѣхъ отмѣченныхъ выше четырехъ писателей дастъ мнѣ возможность показать, что величайшая заслуга Рикардо вовсе не лежитъ въ созданіи и исправленіи теоріи ренты. Онъ повелъ этой теоріей съ ея „предѣльнымъ принципомъ“ науку на ложный путь, тогда какъ въ своемъ анализѣ международной торговли онъ прокладывалъ вѣрную и надежную дорогу болѣе разумнымъ истолкованіемъ, правда также въ высокой степени недостаточнымъ, дифференціальнаго принципа. Рикардо геніально сдѣлалъ анализъ закона ренты исходной основой всего анализа, но истолковалъ его совершенно ошибочно. Попытку перестройки всего зданія теоріи обмѣна классиковъ мы и должны начать съ изученія теоріи ренты по слѣдующимъ основаніямъ.

Начать анализъ съ теоріи ренты насъ заставляетъ отнюдь не физіократическое убѣжденіе, что въ земледѣліи, въ которомъ этотъ видъ дохода имѣетъ свою основу, создается новое количественное возрастаніе продукта, а также и не Рикардіанское утвержденіе, что прибыль, какъ необходимое вознагражденіе капитала и капиталиста, зависитъ отъ предѣла обработки въ земледѣліи. Мы видѣли, что съ экономической точки зрѣнія количественное и качественное возрастаніе продукта имѣетъ совершенно равное значеніе и тщетно было

4) См. B. Stolzmann. Die Soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre, стр. 351.

бы доказывать, что только земледѣліе знаетъ количественный приростъ, болѣе производительно и необходимо, чѣмъ другія отрасли промышленности [5]). Мы постараемся также въ послѣдующемъ показать, что процессъ образованія „минимума прибыли“ гораздо сложнѣе, чѣмъ представлялъ это себѣ Рикардо, что производство „прибыли“ покоится на тѣхъ же началахъ, какъ и ренты.

Мы должны начать съ земледѣлія потому, что, во первыхъ, оно у всѣхъ народовъ было основой, на почвѣ котораго развивался экономическій бытъ. И до настоящаго времени дѣленіе всѣхъ производительныхъ операцій человѣчества на двѣ группы: производство хлѣба, средствъ пропитанія, добываніе сырья и изготовленіе продуктовъ фабрикаціи имѣетъ первостепенное значеніе. Исторически въ земледѣліи, прежде всего, произошелъ раздѣлъ добытаго продукта на необходимое содержаніе, не только въ продуктахъ питанія, но и во всѣхъ другихъ его составныхъ элементахъ, впослѣдствіи заработную плату работника, и на доходъ собственника орудій производства, въ частности земли. Во вторыхъ, въ земледѣліи совершенно очевидны для всякаго два главныхъ экономическихъ принципа теоріи обмѣна: а) различія, качественныя и количественныя, по производительности отъ чисто естественныхъ и общественныхъ условій и б) принципъ рѣдкости производительныхъ силъ, со всѣми его соціальными послѣдствіями, сравнительно съ безграничной массой человѣческихъ потребностей. Другими словами въ земледѣліи, при анализѣ рентнаго дохода, съ наибольшею ясностью сказываются чисто естественныя и соціальныя особенности производства и распредѣленія, возможно ясное и раздѣльное

5) Старое заблужденіе объ особой производительности земли, несмотря на безконечную полемику противъ него, продолжаетъ и доселѣ повторяться въ экономической литературѣ. Въ русской литературѣ проф. Ходскій защищалъ точку зрѣнія физіократовъ и Смита о большей производительности земли. „Въ земледѣліи, по его мнѣнію, природа сама смотритъ за всѣми клапанами, она менѣе требовательна къ человѣку, болѣе мягка и снисходительна къ его невѣжеству. Въ фабрикаціи каждый шагъ опирается на громадную массу знаній и продолжительныхъ опытовъ, здѣсь приходится затратить много труда, чтобы заставить силы природы дѣйствовать въ нужномъ направленіи“; см. Земля и земледѣлецъ. Т. I, стр. 119—120. Рѣшающее возраженіе Милля, что нѣтъ рѣшительно никакой возможности опредѣлить, въ какой отрасли промышленности природа содѣйствуетъ человѣку болѣе или менѣе, что разсужденія на эту тэму также полезны, какъ толки о томъ, какой множитель болѣе содѣйствуетъ полученію даннаго множимаго, остается въ силѣ. Съ общественной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія прибавочнаго продукта мы разберемъ этотъ аргументъ въ пятой главѣ. Уважаемый ученый совершенно упускаетъ изъ виду извѣстный ему законъ уменьшающейся производительности земли.

ихъ изученіе, послѣдовательный переходъ отъ продукта и прибавочнаго продукта къ цѣнѣ и прибавочной цѣнѣ, правильное истолкованіе одной изъ важнѣйшихъ экономическихъ идей — „дифференціаціи доходовъ."

Любопытно отмѣтить, что защитникъ аграрнаго интереса — Мальтусъ при анализѣ ренты много разъ пытается вступить на правильную дорогу, исходя при своихъ построеніяхъ изъ продукта и прибавочнаго продукта, но не въ состояніи провести свою точку зрѣнія послѣдовательно, запутываясь въ чисто соціальныхъ сторонахъ этого дохода. Родбертусъ, другой могучій аграрій, идетъ по стопамъ Мальтуса, во многихъ отношеніяхъ сильной и смѣлой рукой ломаетъ техническую сторону теоріи ренты Рикардо, но въ конечномъ результатѣ самъ сбивается и идетъ по туманному пути экономической метафизики, стараясь найдти особое, исключительно экономическое начало для ренты въ самихъ естественныхъ условіяхъ сельско-хозяйственнаго производства, которое, будто бы, „не нуждается въ продуктѣ предшествовавшаго производства, какъ въ матеріалѣ, но по общему правилу впервые начинаетъ производство, и матеріаломъ въ которомъ является земля, нѣчто признаваемое всѣми за „костенлось, не имѣющее „стоимости".

Мальтусъ и Рикардо считаются творцами одной и той же теоріи ренты, а между тѣмъ въ ихъ ученіяхъ глубокое и несогласимое противорѣчіе. Распространено, какъ я уже говорилъ, даже мнѣніе, что Мальтусъ противорѣчилъ самъ себѣ, стараясь какими бы то ни было изворотами мысли защитить аграрный интересъ. Мнѣ представляется, что эта несогласимая двойственность доказательство историческаго пониманія и теоретической многосторонности Мальтуса; остается только пожалѣть, что онъ слишкомъ часто покидалъ свою болѣе правильную точку зрѣнія, чтобы отдать себя во власть Рикардо. Какъ мало понята эта замѣчательная двойственность въ ученіи Мальтуса, ясно видно изъ того, что Родбертусъ, столь близкій по духу къ Мальтусу, цитируетъ его въ своемъ опроверженіи теоріи ренты Рикардо только одинъ разъ и за чисто Рикардіанское сравненіе сельскаго хозяйства съ системой послѣдовательно ухудшающихся производственныхъ машинъ. Если бы Родбертусъ болѣе внимательно отнесся къ Мальтусу, онъ увидѣлъ бы, что его исходная точка зрѣнія имѣется уже во вполнѣ опредѣленномъ видѣ у Мальтуса; онъ начинаетъ анализъ ренты съ прибавочнаго продукта, который ее составляетъ, вѣритъ, что сельское хозяйство создаетъ всегда больше цѣнности, чѣмъ фабрикація, думаетъ, что цѣна сельскохозяйственнаго

продукта вовсе „не необходимо“ опредѣляется предѣльными издержками производства. Читая Мальтуса[6]), вполнѣ понимаешь, почему онъ былъ такъ мало понятъ и оцѣненъ. Мальтусъ — писатель наклонный къ историческому анализу и въ тоже время человѣкъ, которому чрезвычайно близки и знакомы интересы деревни. Историки нерѣдко бываютъ реакціонерами, ибо они склонны дорожить тѣмъ, что достигнуто тяжелымъ процессомъ исторіи. Соединеніе исторической складки ума съ деревенскими симпатіями должно было еще болѣе воспитать изъ Мальтуса реакціонера. Въ минуты общественныхъ преобразованій, когда совершается неизбѣжняя ломка всего стараго, такихъ людей рѣдко слушаютъ, если даже они и говорятъ правду. Другое обстоятельство, благодаря которому Мальтусъ былъ не понятъ, вытекало изъ той же исторической складки его ума. Жизнь представляется ему безконечно сложной и запутанной. Онъ часто видитъ много дѣйствующихъ причинъ и не въ состояніи распутаться въ ихъ сложномъ и совокупномъ дѣйствіи. Въ своей полемикѣ съ Рикардо Мальтусъ приводитъ значительное число всякаго рода указаній относительно движенія цѣнъ, набираетъ, также какъ и Родбертусъ, массу статистическаго матеріала. Рикардо идетъ совершенно инымъ путемъ: все замѣнено формулами и выкладками, какъ и у Маркса, и тамъ, гдѣ Мальтусъ выдвигаетъ рядъ причинъ, у Рикардо выдвигается одна существенная и всѣ остальныя устраняются изъ разсмотрѣнія, какъ не идущія къ дѣлу. Рикардо прямолинеенъ, ему нужно разбить господство аграрнаго феодализма и дать своей теоріей ренты про-

6) Я совершенно не согласенъ съ мнѣніемъ Симона Паттена, который такъ объясняетъ различіе въ исходной точкѣ анализа ренты у Мальтуса сравнительно съ Рикардо. „Какъ деревенскій житель, думаетъ Паттенъ, Мальтусъ зналъ, что человѣчество сначала не обрабатывало лучшихъ земель, не могло имѣть значительнаго капитала, ни сѣмянъ, орудій и знаній, необходимыхъ для того, чтобы земля приносила ренту . . . Въ періодъ времени съ лучшими сѣменами и орудіями, продуктъ съ лучшихъ земель возросъ свыше того, который необходимъ для содержанія работника и рента возникла. Было бы ошибкой говорить, что рента взята у работниковъ. Они никогда не имѣли ея, а потому она и не можетъ быть взята. Рента не нѣчто фиктивное, она выросла изъ увеличенія продукта подъ вліяніемъ улучшеній въ производствѣ пищи“. Паттенъ глубоко заблуждается. Отдѣленіе земельной ренты отъ прибыли въ результатѣ возросшей производительности труда — это идея Родбертуса. Мальтусъ въ своемъ изслѣдованіи о рентѣ прямо утверждаетъ, что исторія начинается необычайно высокой прибылью и заработной платой, а рента возникаетъ только тогда, когда человѣчество вынуждено перейдти къ худшимъ землямъ, къ пониженнымъ прибылямъ и платамъ. Аргументація Мальтуса, какъ увидимъ, совсѣмъ иная. См. S. Patten. Malthus and Ricardo, Publ. of Am. Econ. Ass. Vol IV, № 5, также Malthus. Bodenrente, стр. 48.

сторъ новымъ общественнымъ классамъ и въ первую голову аристократіи капитала.

„Первая и главнѣйшая изъ трехъ причинъ, создающихъ ренту (высокую цѣну на хлѣбъ), полагаетъ Мальтусъ, заключается въ томъ качествѣ почвы, благодаря которому на ней можетъ быть произведено болѣе необходимыхъ для жизни продуктовъ, чѣмъ сколько требуется на пропитаніе занятыхъ ея обработкой лицъ“ [7]). Эта причина, ея значеніе и служитъ основой всѣхъ колебаній въ теоріи Мальтуса. Онъ не умѣетъ съ ней справиться, а между тѣмъ послѣдствія, которыя онъ изъ нея выводитъ чрезвычайно важны. Такъ, возрастаніе ренты, по его мнѣнію, зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: отъ возрастанія капитала, которое понижаетъ прибыль, отъ возрастанія населенія, которое понижаетъ заработную плату, отъ успѣховъ въ обработкѣ земли или отъ такого увеличенія прилежанія работниковъ, которое даетъ возможность производить данные результаты меньшимъ количествомъ труда и, наконецъ, отъ такого возвышенія цѣны земледѣльческаго продукта подъ вліяніемъ возросшаго спроса, при которомъ безъ уменьшенія денежныхъ издержекъ обработки разница между цѣною и издержками возрастаетъ [8]).

Вся сила Рикардіанской критики была направлена противъ этого „абсолютнаго“ положенія. Онъ во всемъ своемъ трудѣ проводитъ положеніе, что рента есть всегда относительная величина, разница въ продуктахъ, полученныхъ при употребленіи двухъ одинаковыхъ количествъ труда и капитала, а цѣнность хлѣба опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на такихъ участкахъ или при помощи той части капитала, которые не платятъ ренты. „Говоря о рентѣ землевладѣльца, пишетъ онъ, мы разсматривали ее въ отношеніи къ продукту, получаемаго при помощи извѣстнаго капитала на извѣстномъ участкѣ

7) „Первая причина существованія ренты экономическаго рода. Она заключается въ томъ, что трудъ, послѣ того какъ установилось раздѣленіе занятій, воспроизводитъ болѣе, чѣмъ сколько работники нуждаются для своего содержанія и для продолженія своего труда, что трудъ воспроизводитъ столько, чтобы дать возможность существовать на результаты этого труда еще и другимъ“ — вотъ какъ формулируетъ Родбертусъ тотъ же основной принципъ ренты, см. Dritter Brief, I. c. 106. Не слѣдуетъ забывать, какъ мы указали въ предшествовавшей главѣ, что это положеніе *вовсе* не сводитъ ренты къ однимъ *естественнымъ* условіямъ производства.

8) Во всемъ нижеслѣдующемъ изложеніи будемъ цитировать по изданію Лезера: „Drei Schriften über Getreidezölle aus den Jahren 1814 und 1815, Leipzig, 1896, отмѣчая къ какой изъ статей Мальтуса относится цитата. Wesen der Bodenrente, стр. 42, 51.

земли, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мѣновую цѣнность ея; но такъ какъ одна и таже причина т. е. трудность производства увеличиваетъ мѣновую цѣнность сырого продукта и увеличиваетъ также пропорцію сырого продукта платимаго землевладѣльцу въ качествѣ ренты, то, очевидно съ увеличеніемъ трудности производства землевладѣлецъ вознаграждается вдвойнѣ. Во первыхъ, онъ получаетъ большую долю продукта, а во вторыхъ, тотъ продуктъ, которымъ онъ получаетъ плату, бо̀льшей цѣнности". Эта земля, не платящая ренты, составляетъ самый важный постулятъ его системы. Исходя изъ этого положенія Рикардо создаетъ свое ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ и о цѣнности, полагая, какъ выражается Родбертусъ, что *„нельзя естественно допустить возможности танца вверхъ и внизъ цѣнности, если хотятъ вывести принципъ такого рода, какъ рента"*.

Мальтусъ и Родбертусъ исходятъ изъ продукта и прибавочнаго продукта, изъ абсолютнаго предположенія о раздѣлѣ его на двѣ доли, ренту и необходимое содержаніе. Рикардо исходитъ изъ относительнаго положенія о различіяхъ въ массѣ продукта и изъ цѣнности. Марксъ примыкаетъ вполнѣ къ Рикардо въ своемъ ученіи объ общественно-необходимомъ трудѣ и только даетъ для него формулу, заимствованную у Родбертуса, но, какъ увидимъ истолкованную по своему.

Я говорилъ уже, что въ основѣ всей системы Рикардо лежитъ ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ. У него оно встрѣчается въ двухъ видахъ. Во первыхъ, въ теоріи ренты и въ этомъ видѣ онъ, въ сущности, распространяетъ его на всѣ роды товаровъ. Общественно-необходимый трудъ является въ этой теоріи трудомъ предѣльныхъ издержекъ или затратъ капитала и труда [9]). Во вторыхъ, въ своемъ ученіи о международной торговлѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ замѣняетъ опредѣленный принципъ предѣльныхъ издержекъ неопредѣленнымъ началомъ „сравнительныхъ издержекъ производства", наиболѣе типичную математическую формулу для котораго, правильно истолковывая мысль Рикардо, далъ Д. С. Милль. Всѣ особенности того опредѣленія общественно-необходимаго труда, которое мы встрѣчаемъ у Маркса, уже имѣются на лицо у Рикардо. Марксъ [10]) замѣ-

9) см. выше, глава 2-я, стр. 120.

10) Въ „Нищетѣ философіи" Марксъ еще всецѣло защищаетъ Рикардіанскій предѣльный принципъ; только въ „Капиталѣ" на смѣну его является средній общественно-необходимый трудъ, какъ опредѣлитель основной цѣнности, которая, какъ выражается Штамлеръ, „sich schliesslich mit elementarer Gewalt durchsetzen müsse".

няетъ предѣльный принципъ средней и предѣльный общественно-необходимый трудъ становится у него среднимъ, сохраняя, однако, всѣ особенности предѣльнаго труда Рикардо [11]) [12]).

См. его die Theorie von dem richtigen Rechte, Ber., 1902, стр. 296 и слѣд. Ту среднюю, которую Родбертусъ считаетъ возможнымъ установить путемъ законовъ Марксъ дѣлаетъ реальнымъ фактомъ экономической жизни.

11) Въ настоящемъ параграфѣ мы будемъ изучать оба эти принципа предѣльнаго и средняго общественно-необходимаго труда только примѣнительно къ закону ренты. Впослѣдствіи мы выяснимъ значеніе этихъ принциповъ для заработной платы и прибыли. На нынѣшней стадіи изслѣдованія намъ удобнѣе отвлечься отъ всѣхъ осложняющихъ условій кромѣ тѣхъ, которыя даются земледѣльческимъ производствомъ и выражаются въ качественномъ и количественномъ разнообразіи земель по производительности.

12) Чтобы не быть голословнымъ, что Марксъ замѣняетъ предѣльность, какъ дифференціальное начало, средней и что всѣ элементы Рикардіанскаго представленія объ общественно необходимомъ трудѣ у него на лицо, приводимъ рядъ выписокъ подъ тремя подраздѣленіями, которыя дадутъ полную характеристику ученія Маркса. Мы воспользуемся ими въ послѣдующемъ, не прибѣгая къ разрозненнымъ цитатамъ. Просимъ читателя пробѣжать эти выписки и держать ихъ въ памяти.

I. „Общественно-необходимое время есть такое, какое требуется для производства какой нибудь потребительной цѣнности, какого либо товара при данныхъ общественно нормальныхъ условіяхъ производства и при средней ловкости и интенсивности труда“. Т. I, р. п. Стр. 5.

„Сущность цѣнности (die Natur der Werths) товаровъ выражается вообще въ видѣ рыночной цѣны и затѣмъ въ видѣ регулирующей цѣны производства. Сущность эта опредѣляется не тѣмъ рабочимъ временемъ, которое необходимо лично данному производителю для производства даннаго количества товара или отдѣльныхъ товаровъ, но опредѣляется общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ при данныхъ среднихъ общественныхъ условіяхъ производства для изготовленія всего находящагося на рынкѣ товара даннаго рода“. Т. III., р. пер., 529.

„На рыночную цѣну надо смотрѣть съ одной стороны, какъ на среднюю стоимость товаровъ, произведенныхъ въ какой нибудь отрасли промышленности, а съ другой какъ на индивидуальную стоимость товаровъ, которые изготовлены въ среднихъ условіяхъ производства данной отрасли и которые составляютъ *значительнѣйшую* часть послѣдней“. Т. III., стр. 131.

„Индивидуальная стоимость товара можетъ стоять ниже его общественной стоимости т. е. товаръ стоитъ меньше рабочаго времени, чѣмъ *громадныя* массы того же товара произведенныя при среднихъ общественныхъ условіяхъ. Т. I., стр. 270.

„Развитіе производительныхъ силъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности не только крайне неравномѣрно, но даже совершается въ противоположныхъ направленіяхъ. Это вытекаетъ не только изъ анархіи производства и особенностей капиталистическаго производства. Производительность труда *зависитъ также отъ естественныхъ условій,* которыя зачастую становятся менѣе прибыточными сравнительно съ возрастаніемъ производительности, насколько *она обусловливается*

общественными отношеніями. Отсюда противоположное движеніе въ однихъ отрасляхъ, движеніе впередъ въ однихъ, движеніе назадъ въ другихъ".

II. Обмѣнъ товаровъ или продажа по ихъ цѣнности естественный законъ равновѣсія, опираясь на этотъ законъ должны быть объяснены отклоненія отъ него". Т. III., стр. 140.

„Въ дѣйствительности запросъ и предложеніе никогда не покрываютъ одинъ другой и, если они и покрываются, то вполнѣ случайно, такъ что съ научной точки зрѣнія такой случай надо приравнять 0 или смотрѣть на него какъ на такой, котораго никогда не бываетъ. Но почему же въ политической экономіи предполагается, что они покрываютъ другъ друга? Для того, чтобы изслѣдовать явленія въ закономѣрномъ видѣ, въ такомъ, который соотвѣтствовалъ бы теоретическому представленію о нихъ т. е. изслѣдовать независимо отъ того, какъ они представляются вслѣдствіе колебаній запроса и предложенія". ib. стр. 142.

„Первое отклоненіе происходитъ въ томъ случаѣ, когда количество товаровъ недостаточно и рыночная цѣна постоянно регулируется товарами, произведенными *при худшихъ условіяхъ,* такъ и въ томъ, когда оно слишкомъ значительно и она постоянно регулируется товарами, произведенными при *лучшихъ условіяхъ*". ib. стр. 138.

„Тоже значеніе имѣетъ колебаніе въ спросѣ и предложеніи, но если мы будемъ разсматривать явленія въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, взятый въ цѣломъ, то спросъ и предложеніе постоянно покрываются, но только *какъ среднее* изъ миновавшихъ колебаній, какъ постоянное колебаніе противоположностей". ib. стр.

III. „Чтобы товаръ продавался по своей рыночной стоимости все количество общественнаго труда, которое будетъ употреблено на изготовленіе массы этого рода товаровъ, должно соотвѣтствовать всему количеству общественныхъ въ немъ потребностей т. е. общественныхъ потребностей способныхъ платить". Т. III., стр. 144.

„Если товаръ будетъ произведенъ въ количествѣ, превышающемъ въ немъ общественную потребность, часть общественнаго рабочаго времени оказывается растраченной понапрасну и весь товаръ на рынкѣ представляетъ меньшее количество труда чѣмъ то, которое дѣйствительно въ немъ заключается". ib. стр. 140.

„Разъ товары продаются по ихъ цѣнности, то образуются различныя нормы прибыли сообразно различію органическаго состава, затраченнаго капитала. Только путемъ конкуренціи средняя норма прибыли въ разныхъ отрасляхъ промышленности становится одинаковою".

„Дифференціальная рента возникаетъ изъ превращенія добавочной прибыли въ ренту при общей регулирующей цѣнѣ производства". ib. стр. 630.

„Какъ только прибавочный трудъ, который можно выжать, овеществленъ въ товарѣ, прибавочная цѣнность произведена, но этимъ законченъ только первый актъ капиталистическаго производства. Наступаетъ продажа и она можетъ дать или частичную реализацію прибавочной цѣнности, или послѣдняя можетъ быть совсѣмъ не быть реализована, или дать даже потерю части или всего капитала. Условія непосредственнаго полученія и условія реализаціи прибавочной цѣнности не тождественны. Они не только не совпадаютъ во времени и въ пространствѣ, но представляютъ собою совершенно различныя понятія. Одна ограничивается производительными силами общества, другая соразмѣрностью разныхъ отраслей производства и потребительной способностью общества". ib. стр. 188—189.

„Торговля оказываетъ большее или меньшее воздѣйствіе на тѣ общества,

Вглядываясь въ особенности ученія объ общественно-необходимомъ трудѣ Рикардо въ первомъ и основномъ для его системы видѣ, мы сейчасъ же можемъ замѣтить, что схематически мы можемъ различить въ немъ три основныхъ начала: потребности, технико-естественныя условія производства и ихъ послѣдствія: соціальныя условія обмѣна и распредѣленія.

Процессъ разсужденія Рикардо таковъ: данная сумма общественныхъ потребностей указываетъ предѣлъ для обработки земли, опредѣляетъ технически необходимыя условія производства. Трудъ и капиталъ, затрачиваемые на этой предѣльной землѣ, общественно-необходимы, они создаютъ цѣнность единицѣ хлѣба, которая нормируетъ всѣ обмѣны и именно благодаря этому цѣнность не совпадаетъ съ издержками производства всякой данной единицы хлѣба на разныхъ земляхъ. Какъ мы видѣли въ предшествовавшемъ, Рикардо полагаетъ, что его *предѣльный принципъ* имѣетъ совершенно одинаковое приложеніе ко всѣмъ товарамъ, какъ къ средствамъ пропитанія, такъ и къ предметамъ фабрикаціи. Общественныя послѣдствія господства этого принципа въ земледѣліи могутъ быть иныя, чѣмъ въ фабрикаціи, но это не измѣняетъ самаго принципа. Спросъ на хлѣбъ, также какъ и спросъ на другіе продукты, есть *слѣдствіе* возрастанія капитала и населенія, роста общественныхъ потребностей. *Спросъ* на всѣ продукты предшествуетъ *предложенію* и, въ частности, въ земледѣліи для каждаго даннаго времени опредѣляетъ *предѣлъ обработки* т. е. даетъ норму для послѣдовательнаго перехода къ такимъ землямъ худшаго качества, которыя оплачиваютъ только заработную плату и прибыль. Предѣльный трудъ и создаетъ „цѣнность“ и рента, которую получаютъ владѣльцы лучшихъ земель, есть *созданіе не богатства* — продукта, *а „цѣнности“*, избыточной цѣны. Принципъ Мальтуса, согласно которому рента зависитъ отъ изобилія продукта слишкомъ универсаленъ; Мальтусъ устанавливаетъ въ видѣ общаго начала положеніе, истинное какъ бы при всѣхъ обстоятельствахъ, что рента увеличивается съ плодородіемъ почвы и падаетъ съ уменьшеніемъ его. Какова бы ни была природа почвы, высокая рента должна зависѣть отъ высокой цѣны. Но, если высокая цѣна дана, только тогда рента будетъ въ соотвѣтствіи съ изобиліемъ продукта,

---

между которыми она ведется; она всего болѣе подчиняетъ производство — мѣновой цѣнности вслѣдствіе того, что средства къ существованію она ставитъ въ большую зависимость отъ продажи, чѣмъ отъ непосредственнаго потребленія продуктовъ“. Т. III., стр. 264.

а не съ его рѣдкостью. Цѣнность, какъ явленіе соціальное, нормируетъ всѣ доходы соотвѣтственно раздѣлу продукта и цѣнности на участкѣ предѣльнаго качества. Другими словами ученіе *объ общественно необходимомъ трудѣ является простымъ формулированіемъ дифференціальнаго принципа съ техникоестественной точки зрѣнія.* Тамъ, гдѣ мы имѣемъ различія въ издержкахъ производства единицы хлѣба или проще дифференціальныя различія въ производительности, высшія издержки производства, предѣльныя издержки опредѣляютъ цѣнность продукта и обмѣнъ даетъ возможность владѣльцамъ лучшихъ участковъ захватывать единицей продукта, стоящей меньшее количество труда, предѣльнонеобходимое количество труда т. е. дѣлаетъ обмѣнъ неэквивалентнымъ въ ихъ пользу, при господствѣ единой цѣнности и цѣны на рынкѣ.

§ 2. Истолкованіе дифференціальнаго принципа.

Рикардо совершенно не понялъ, что только исходя изъ „универсальнаго“ принципа Мальтуса, отъ котораго совершенно напрасно старались отдѣлаться многіе изъ представителей классической школы, мы можемъ спасти объективную теорію распредѣленія отъ полнаго разрушенія. Если бы Рикардо болѣе вдумался въ одинъ „хитроумный“ аргументъ Мальтуса, то, быть можетъ, сейчасъ замѣтилъ бы, что два основныхъ вывода, которые онъ принимаетъ, какъ доказанные его теоріей, а именно что а) прибыль и предѣльная норма ея опредѣляется въ земледѣлія и б) что даже чисто техническія дифференціальныя различія въ производительности земли не оказываютъ никакого вліянія во всей своей совокупности на условія обмѣна и на дифференціацію же прибыли, совершенно ложны, а это какъ нельзя лучше и прежде всего показываетъ и ошибочность всей теоріи, въ особенности предѣльнаго принципа и его „желѣзнаго“ отношенія къ „цѣнности“ [13]).

Хитроумный аргументъ Мальтуса до сихъ поръ мало на себя обращалъ вниманія. Онъ много разъ возвращается къ доказательству той мысли, что „средства необходимости и пропитанія обладаютъ особымъ свойствомъ создавать на самихъ себя спросъ т. е. доводить число желающихъ получить эти предметы до пропорціи, въ которой они произведены. По естественнымъ законамъ, аргументируетъ Мальтусъ, невозможно, чтобы число спрашивающихъ увеличивалось,

13) Выражаемся такъ, ибо, какъ увидитъ читатель, предѣльный принципъ не примѣнимъ ни къ мѣновой цѣнности, ни — къ рентѣ, заработной платѣ и прибыли.

когда произведенное количество предметовъ необходимости уменьшается, ибо желающіе получить хлѣбъ могутъ существовать, жить только при наличности потребнаго количества [14]).

Рикардо, какъ мы видѣли чрезвычайно легко раздѣлывается съ этимъ положеніемъ. Онъ указываетъ, что спросъ на хлѣбъ вызываетъ производство его, а не производство хлѣба вызываетъ производство людей. Но при этомъ съ особой энергіей подчеркиваетъ, что при обыкновенномъ теченіи вещей спросъ вообще предшествуетъ предложенію и что никогда, замѣтьте никогда — „дешевизна и изобиліе“ не могутъ быть стимуломъ для размноженія населенія, а только „дешевая цѣнность“ и „возрастаніе капитала“.

Вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляется обоимъ писателямъ, и ихъ положенія слишкомъ абсолютны, взаимно противорѣчивы и въ тоже время не истинны.

Положеніе Мальтуса, что предложеніе хлѣба всегда вызываетъ и соотвѣтствующій спросъ на него т. е. какъ только появится хлѣбъ, такъ появятся и люди, желающіе его потребить, противорѣчитъ, во-первыхъ, самой его теоріи населенія, которая намѣчаетъ постоянно присущую человѣчеству, какъ и всему живущему, тенденцію размножаться свыше средствъ существованія, видитъ въ этомъ стремленіи *первоначальный* стимулъ къ производительной дѣятельности. Внѣшній результатъ постояннаго балансированія населенія съ произведеннымъ хлѣбомъ не можетъ быть, поэтому, объясненъ особыми свойствами самаго хлѣба: это зависитъ всецѣло отъ тенденціи людей размножаться и Рикардо правъ, утверждая, что производство людей вызываетъ производство хлѣба, а не наоборотъ. Но и Мальтусъ и Рикардо, оба не правы, предполагая, что это балансированіе производства хлѣба и населенія совершается какъ бы внезапно, въ одни и тѣже промежутки времени. Улучшенія въ производствѣ хлѣба могутъ временами идти гораздо быстрѣе, чѣмъ приростъ населенія, который держится въ теченіи столѣтій на приблизительно одинаковой нормѣ [15]). Это положеніе Мальтуса, во вторыхъ, противорѣчитъ и другому постоянному его утвержденію, что только тогда предложеніе товаровъ помѣщается на

14) l. c. Bodenrente, стр. 46—47.

15) „Исторія, справедливо говоритъ Штольцманъ, давно показала ложность этого утвержденія и каждый годъ продолжаетъ его доказывать. . . , ибо прежде чѣмъ въ силу увеличившагося дѣторожденія величина предложенія рабочей силы дѣйствительно увеличится — для этого надобно по крайней мѣрѣ 14—20 лѣтъ, хозяйственныя отношенія, въ особенности въ наше время, могутъ измѣниться по тысячѣ разныхъ основаній.“ l. c. стр. 348.

рынкѣ и *рынокъ расширяется,* когда ему противополагается соотвѣтствующее количество платежныхъ средствъ, дающихъ возможность оплачивать прежнюю или повышенную цѣну [16]).

Утвержденіе Рикардо, что спросъ предшествуетъ предложенію также слишкомъ абсолютно. Оно не соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли анализу самаго строя капиталистическаго производства, которое бросаетъ громадныя массы товаровъ на рынокъ, отыскивая имъ покупателей, лишь приблизительно зная размѣры спроса. Во вторыхъ, исторически невѣрно, будто „дешевизна и изобиліе" какъ бы не могутъ совпадать одновременно и тѣмъ давать сильный толчекъ размноженію населенія. Мы легко можемъ себѣ представить „дешевую цѣнность и изобиліе", когда страна обладаетъ поразительно плодородной землей и такихъ земель безконечная масса, а наравнѣ съ ними очень мало худшихъ и наоборотъ „дешевую цѣнность и недостатокъ", когда страна обладаетъ такимъ же плодородіемъ, но такихъ земель у нея мало и совсѣмъ нѣтъ худшихъ. Очевидно, въ первомъ случаѣ „изобиліе" будетъ толкать населеніе къ размноженію, а во второмъ недостатокъ задерживать его несмотря на одинаковую „дешевую цѣнность". Въ третьихъ, и это важнѣе всего, почему Рикардо считаетъ себя вправѣ утверждать, что только возрастаніе капитала создаетъ спросъ на трудъ, стимулирующій его размноженіе, развѣ рента, если она не потребляется непосредственно ея владѣльцами, не поступаетъ на рынокъ въ видѣ того же спроса?

Но всѣ эти разсужденія, которыя мы могли бы развить и болѣе подробно не касаются, въ сущности, главной цѣли, ради которой придумываетъ свою аргументацію Мальтусъ. Онъ хочетъ возможно прочнѣе укрѣпить положеніе, что „цѣнность необходимыхъ средствъ пропитанія не можетъ *никогда* подняться *выше* издержекъ производства и можетъ падать до уровня издержекъ производства".

Рикардо правильно отмѣчаетъ, что Мальтусъ во многихъ случаяхъ самъ говоритъ, что подъ этими „необходимыми издержками" онъ понимаетъ тѣ, которые составляютъ основу естественной цѣны, оплачивающей только заработную плату и прибыль. Но невольно является вопросъ, да такъ ли это? не думалъ ли Мальтусъ иногда чего либо иного? Не слѣдовало ли Рикардо поставить вопросъ, *о какихъ собственно Мальтусъ говоритъ издержкахъ,* о предѣльныхъ

16) Говорить о расширеніи рынка чрезъ пониженіе цѣны — это значитъ злоупотреблять терминомъ рынокъ, полагаетъ Мальтусъ. см. Essay on Population, изд. Ward and Lock, 1890 г., гл. 19, кн. III, стр. 392.

или о какихъ либо другихъ, наличныхъ при неравной производительности почвы? Почему за необходимыя издержки мы не должны принять или только заработную плату и возстановленіе другихъ затратъ, или, какъ это дѣлаетъ Смитъ, всѣ три вида соціальныхъ доходовъ: ренту, заработную плату и прибыль, или, быть можетъ, какую нибудь среднюю затрату, какъ это дѣлаетъ Марксъ[17]). Для чего намъ нужно представленіе объ этой предѣльной, неплатящей ренты землѣ, разумно ли оно теоретически, методологически, исторически?

Рикардо не замѣтилъ основы всѣхъ противорѣчій Мальтуса. Она лежитъ въ томъ, что предъ его глазами всегда его истинное „универсальное“ положеніе и его необходимое послѣдствіе, которое онъ формулируетъ такъ: „перевѣсъ въ цѣнѣ надъ издержками производства зависитъ у предметовъ необходимости и въ теченіи болѣе или менѣе продолжительныхъ промежутковъ времени находитъ свое ограниченіе въ томъ количествѣ продуктовъ, на которое оно превышаетъ то, которое необходимо для содержанія произведшихъ его работниковъ. Безъ этого избытка наличнаго количества по естественнымъ законамъ не могло бы быть никакого большаго спроса кромѣ того, который составляетъ содержаніе работниковъ.“ Другими словами, Мальтусъ находитъ то начало, которое руководитъ движеніями цѣнъ, опредѣляетъ колебанія въ издержкахъ, — въ прибавочномъ продуктѣ, который можетъ быть очень *неодинаковъ* на разныхъ земляхъ и въ тоже время сохраняетъ ложное ученіе, что издержки производства въ собственномъ смыслѣ этого слова слагаются изъ предѣльныхъ прибылей и заработныхъ платъ, которыя (т. е. заработныя платы и прибыли), какъ полагаетъ онъ согласно съ Рикардо, постоянно измѣняются въ обратномъ направленіи, причемъ ростъ заработной платы низводитъ прибыль, повидимому, далѣе предѣла, допускаемаго Рикардо; ложное ученіе, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ еще болѣе ложное, что „цѣнность труда“ никогда не измѣняется, ученіе, которое ему постоянно приходится самому опровергать въ своемъ же ученіи о цѣнѣ труда или о заработной платѣ и связи этой послѣдней съ колебаніями въ цѣнѣ хлѣба[18]).

---

17) Какъ увидимъ ниже, Марксъ въ своемъ ученіи о цѣнѣ издержекъ возстанавливаетъ старинное ученіе Галіани-Стьюарта, слагая эту цѣну изъ потребнаго при производствѣ продукта содержанія рабочихъ и стоимости потребленныхъ матеріаловъ и орудій. Это теоретически низшій предѣлъ издержекъ производства, но и неопредѣленный, ибо необходимое содержаніе и стоимость матеріала — орудій есть два x.

18) Ср. Malthus l. c. Bodenrente, стр. 45, Bemerkungen über die Wirkungen

Даже допустивъ, какъ непререкаемое положеніе, вмѣстѣ съ Рикардо, что спросъ опредѣляетъ потребное количество продуктовъ, имѣемъ ли мы право утверждать, что тѣмъ самымъ онъ опредѣляетъ и предѣльныя техническія условія производства, если мы знаемъ, что въ нашемъ обществѣ постоянно въ наличности неравныя техническія условія — неравная производительность земли и неравныя соціальныя условія — неравенство въ количествѣ прибавочнаго продукта и въ условіяхъ его отчужденія? Не будетъ ли правильнѣе сказать, что спросъ вовсе не опредѣляетъ предѣла обработки, а только *потребное количество продукта?* Какая исходная точка зрѣнія для разсужденій будетъ правильнѣе: предѣлъ обработки и предѣльная „цѣнность", замѣщающая только плату и прибыль, или потребное количество продукта, прибавочный продуктъ, прибавочная цѣна, и необходимое содержаніе?

Послѣ изслѣдованій Родбертуса и Кэри врядъ ли кто споритъ, что историческій процессъ занятія земель подъ обработку не шелъ согласно съ предположеніемъ Рикардо о постепенномъ переходѣ отъ лучшихъ земель къ худшимъ и что этотъ переходъ послѣдовательно, какъ вынужденный необходимостью увеличить предложеніе хлѣба, поднималъ цѣну до уровня послѣдне-приложеннаго труда, который давалъ только наименьшія платы рабочему и таковыя же прибыли капиталисту. Историки всѣхъ странъ давно поняли, что процессъ занятія земель совершался иначе и только догматики могли думать, что въ словахъ Рикардо заключается великая реальная истина. Предположеніе Рикардо, правда и до сихъ поръ защищаютъ, какъ методологическій пріемъ, но и въ этой формѣ оно мало пригодно и представляетъ собою одну изъ тѣхъ формальныхъ истинъ, которыя удерживаются въ наукѣ благодаря своей элементарности, хотя по существу дѣла онѣ почти ничего не объясняютъ. Что рента представляетъ разницу между доходомъ лучшихъ и худшихъ земель — это банальная, чисто формальная истина, но изъ нея отнюдь не вытекаетъ, что существуетъ предѣлъ обработки, который опредѣляетъ предѣльную цѣнность.

Этотъ методологическій пріемъ, пожалуй, намъ объяснялъ бы

---

der Getreidegesetze und eines Steigens oder Fallens der Getreidepreise auf die Landwirtschaft und den allgemeinen Wohlstand des Landes, 5, 6 и слѣд. Gründe einer Meinung über Zweckmässigkeit die Einfuhr ausländischen Getreides zu beschränken, стр. 93 и слѣд. Эти мѣста слѣдовало бы сопоставить съ указанными теоретическими положеніями Мальтуса, какъ они изложены проф. Мануиловымъ въ его соч. „Трудовая цѣнность", l. c. стр. 111—122.

явленія, если бы мы имѣли дѣло съ постояннымъ, прерывающимся только спорадически, но неизмѣннымъ и энергическимъ движеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ впередъ и впередъ. Тогда сама исторія была бы намъ какъ бы помощницей; теперь же она даетъ намъ только довольно двусмысленныя указанія, которыя заставляютъ предполагать, что существуютъ какіе то другіе факторы, кромѣ послѣдне-приложеннаго труда, которые оказываютъ вліяніе на процессъ образованія цѣнъ [19]).

Наконецъ, и само понятіе послѣдне-приложеннаго труда и капитала и предѣла обработки слишкомъ расплывчато, чтобы быть теоретической истиной, и слишкомъ безсильно, чтобы быть практически вѣрнымъ. Во-первыхъ, этотъ послѣдне-приложенный трудъ, которымъ окончательно покрывается общественная потребность въ продуктѣ, не можетъ, конечно, представлять единой величины. Въ предѣлахъ этого послѣднеприложеннаго труда должны быть, хотя бы малыя колебанія вверхъ и внизъ. Если человѣчество дойдетъ до земледѣльческой обработки песка, то и на такой землѣ послѣдне-приложенный трудъ не будетъ одинаковъ. Слѣдовательно, и послѣдне-приложенный трудъ, по всей вѣроятности, долженъ былъ бы представлять собой какую то довольно сложную среднюю. Во вторыхъ, методологически ученіе о послѣдне-приложенномъ трудѣ опасно еще и потому,

---

19) Любопытно отмѣтить, что Якобъ полагаетъ, что въ древнее время хлѣбныя цѣны были почти такого же размѣра, какъ и въ наше время. Такъ было напр. во времена Плинія. Дюро дела Малль раздѣляетъ это воззрѣніе Якоба см. ст. „Cereales“ въ Nouveau Dict. d' E. P., стр. 360 и сл. Земли въ средневѣковой Европѣ было много и было бы очень смѣло утверждать, что послѣдне-приложенный трудъ тогда опредѣлялъ цѣны. Этотъ трудъ какого нибудь несчастнаго крестьянина, какъ тогда, такъ и въ болѣе позднія эпохи, не принималъ никакого участія въ обмѣнѣ. Коллосальныя различія въ цѣнахъ по мѣстностямъ до средины нашего вѣка явленіе общеизвѣстное. Статистика хлѣбныхъ цѣнъ въ 19-мъ вѣкѣ также далеко не подверждаетъ того, что послѣдне-приложенный трудъ опредѣляетъ хлѣбныя цѣны. Цѣны шли на повышеніе въ началѣ 19 вѣка и тогда то Рикардо и создавалъ свою теорію. Онъ создавалъ ее, приспособляясь къ явленіямъ жизни и торговой политики тогдашняго времени. Конецъ 19-го вѣка былъ скорѣе періодомъ другого характера, когда болѣе производительный трудъ заокеанскихъ и восточно-европейскихъ и азіатскихъ странъ опредѣлялъ цѣны, вредилъ крупному землевладѣнію европейскихъ странъ, но только тому, которое не могло поднять своей производительности, и оставлялъ въ значительной степени жизнеспособнымъ крестьянское хозяйство. Къ тому же вся совокупность причинъ, которыя вызвали пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, еще далеко не изучена. Значительная доля вліянія была въ чисто соціальныхъ причинахъ, а не только однихъ технически-производственныхъ.

что мы не можемъ сколько нибудь точно указать того момента, когда подъ вліяніемъ перехода къ худшимъ землямъ начинается возрастаніе цѣнъ. Какое количество хлѣба должно потребовать общество, чтобы произошло замѣтное возвышеніе цѣнъ: одинъ пудъ, сто или милліоны? Даже на примѣрѣ денегъ мы видимъ, какъ медленно передается на цѣны оскудѣніе металлическихъ запасовъ. Если хлѣбныя цѣны опредѣлялись ранѣе лучшими условіями производства, то привычную или обычную для данной эпохи цѣну можетъ преобороть только значительное видоизмѣненіе въ условіяхъ производства. Предѣлъ обработки долженъ передвинуться очень сильно, въ ходъ придется пустить не одну, не двѣ, а десятки тысячъ десятинъ. Мальтусъ совершенно справедливо указываетъ, что должно произойти совершенное преобразованіе „обычной цѣны“, къ которой приспособляется всякое вознагражденіе работниковъ, въ отличіе отъ видоизмѣненія „среднихъ цѣнъ“, которыя представляются колебаніями погодными. Всѣ вышеприведенныя аргументы, однако, представляютъ только наши первыя и слабыя сомнѣнія въ цѣлосообразности „предѣльнаго принципа“, но есть и другія его разрушающія окончательно.

Когда мы говоримъ: спросъ опредѣляетъ потребное количество продуктовъ, то мысль вполнѣ мирится съ этимъ положеніемъ, разумѣя подъ нимъ скромную истину, что предложеніе продуктовъ должно покрыть весь необходимый спросъ. Но когда говорятъ, что спросъ опредѣляетъ предѣлъ обработки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣльную цѣнность, мысль чувствуетъ, что ей приходится сдѣлать какой то скачекъ, въ невѣдомую и притомъ ложную сторону. Не трудно показать, что спросъ не можетъ опредѣлять предѣла обработки самъ по себѣ и по цѣлому ряду соображеній.

А) Первая и основная ошибка Рикардо заключается въ томъ, что онъ забываетъ, что рента зависитъ отъ абсолютнаго количества продукта сравнительно со спросомъ на него, что она не только созданіе *цѣнности,* но и всегда и непремѣнно созданіе *продукта.* Рикардо въ этомъ отношеніи совершенно не опровергнулъ ни Андерсона, ни Мальтуса и другихъ. Не трудно это иллюстрировать рядомъ примѣровъ, которые покажутъ основу недоразумѣній Рикардо. Предположимъ, что обществу необходимо 130 единицъ хлѣбныхъ продуктовъ. Они производятся на четырехъ участкахъ съ такимъ плодородіемъ 50—40—30—15. Предположимъ далѣе, что плодородіе перваго, второго и третьяго участка благодаря какому нибудь усовершенствованію въ организаціи труда безъ особыхъ затратъ увеличилось на пять единицъ продуктовъ. Тогда общество будетъ имѣть тѣже 130 про-

дуктовъ. При такихъ условіяхъ мы не можемъ ожидать никакого пониженія ренты. Правда выйдетъ изъ обработки послѣдній участокъ, но фактически не произошло никакихъ новыхъ обстоятельствъ, которыя могли бы понизить цѣну продукта. Спросъ на трудъ остался тотъ же самый, нѣтъ никакихъ основаній для видоизмѣненія заработной платы и прибыли. Собственники первыхъ трехъ участковъ получатъ въ свои руки избытокъ, равнявшійся количеству продукта на послѣднемъ участкѣ, который они могутъ спокойно потребить сами или дать работу въ другихъ отрасляхъ промышленности работникамъ, сидѣвшимъ на этомъ послѣднемъ участкѣ. Предѣлъ обработки поднялся, а между тѣмъ цѣна, а съ нею и денежная рента, также какъ и рента въ продуктахъ могутъ остаться безъ измѣненія.

У Рикардо въ мысли имѣются на это два возраженія. Цѣна должна упасть до уровня издержекъ производства на новомъ предѣлѣ, но почему? Онъ какъ бы всегда предполагаетъ, что всякое улучшеніе въ производительной дѣятельности увеличитъ предложеніе продукта и, кромѣ того, оно рѣдко и возможно безъ увеличенія затратъ на первыхъ трехъ участкахъ. Первое изъ этихъ возраженій возможно только на то время, пока въ обработкѣ остается еще послѣдній участокъ, но разъ онъ устраненъ изъ обработки всякое перепроизводство устранено и снова общество имѣетъ только прежнее количество продукта. Рикардо какъ бы предполагаетъ, что худшіе участки всегда въ собственности другихъ. Но Родбертусъ справедливо и много разъ указывалъ, что во всякой странѣ и худшіе, и лучшіе участки находятся въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же владѣній и потому эти предѣльно худшіе участки могутъ легко быть устранены изъ обработки ихъ владѣльцами: явленіе, которое мы постоянно замѣчаемъ въ реальной дѣйствительности. При такомъ положеніи, при неизмѣнности заработной платы и прибыли, нѣтъ никакихъ основаній для пониженія цѣны до уровня издержекъ третьяго участка. Издержки производства на всѣхъ участкахъ всегда были неравны; если ранѣе онѣ не падали до уровня издержекъ на послѣднемъ участкѣ, давая прибыль, что заставитъ ихъ упасть до уровня издержекъ на третьемъ участкѣ? Возможность улучшеній безъ большихъ затратъ гораздо шире, чѣмъ думаетъ Рикардо. Рикардо оставляетъ насъ въ неизвѣстности, тогда какъ съ точки зрѣнія Родбертуса мы могли бы сказать, что съ возрастаніемъ прибавочнаго продукта третій участокъ, при данной цѣнѣ, даетъ и прибыль, и ренту (сравни также B)[20]).

20) Видоизмѣняемъ нѣсколько крайне неудачный послѣдній примѣръ, кото-

Безъ сомнѣнія, наше предположеніе объ отсутствіи новыхъ затратъ не можетъ быть всегда вѣрнымъ, но и это, какъ давно показалъ Андерсонъ, нисколько не измѣняетъ справедливости нашего утвержденія. Андерсонъ неоднократно повторяетъ, что рента возрастаетъ въ зависимости отъ того, какъ велика разница между плодородными и неплодородными участками вообще. Въ самой рентѣ, какъ воплощающейся всегда въ нѣкоторомъ количествѣ продуктовъ, лежитъ основаніе увеличивать эту разницу путемъ меліорацій. Наличность этихъ различій и возможность ихъ увеличенія даетъ возможность поставлять обществу необходимое количество продукта безъ повышенія цѣнъ. Очевидно, если это такъ, „цѣна“ продукта вовсе не зависитъ только отъ одной „предѣльной цѣнности“. Эта послѣдняя есть только фикція, фантомъ Рикардо.

Профессоръ Брентано прекрасно иллюстрируетъ эту мысль Андерсона слѣдующимъ примѣромъ [21]).

Предположимъ, пишетъ онъ, что мы имѣемъ равные по размѣрамъ участки А, В, В, Г, Д, но различнаго плодородія или разныхъ удобствъ по отношенію къ рынкамъ сбыта, такъ какъ оба эти обстоятельства служатъ одинаковымъ стимуломъ къ меліораціямъ. Тогда мы получаемъ слѣдующую таблицу:

рымъ заключается глава о рентѣ. Къ нему мы еще вернемся подъ буквой Б. Рикардо пишетъ здѣсь: „Имѣются улучшенія, которыя могутъ понизить относительную цѣнность продукта и денежную ренту, не понижая хлѣбной земельной ренты. Такія улучшенія не увеличиваютъ производительныхъ силъ земли, но способствуютъ полученію прежняго количества продукта ея меньшимъ трудомъ. Они болѣе относятся къ образованію капитала, прилагаемаго къ землѣ, чѣмъ къ самой ея обработкѣ (примѣры Рикардо: плугъ и молотилка, экономія въ числѣ лошадей, большія свѣденія въ ветеринаркомъ искусствѣ); землѣ посвящается меньше капитала или что одно и тоже (— замѣтьте?) труда, но для полученія продукта нужно воздѣлывать меньше земли (у Зибера грубая ошибка: сказано больше земли). Если землѣ посвящается четыре части капитала — 50, 60, 70, и 80 и каждая даетъ *одинаковую* выручку и если вслѣдствіе какого нибудь улучшенія въ образованіи (организаціи) этого капитала можно извлечь по пяти въ каждомъ, въ хлѣбной рентѣ не произойдетъ никакихъ видоизмѣненій. Но, если улучшенія были такого рода, что дали возможность сберечь весь наименѣе производительно затраченный капиталъ, хлѣбная рента немедленно падаетъ, ибо разница между капиталомъ болѣе и наименѣе производительнымъ уменьшится“. Впослѣдствіи намъ еще придется много трактовать, одно и тоже значеніе имѣетъ меньшая затрата труда или капитала, допустимо ли предположеніе одинаковой производительности разныхъ сочетаній капитала, какое значеніе имѣетъ разница въ прибавочномъ продуктѣ. см Principles, I. c. стр. 59—60.

21) L. Brentano. James Anderson, drei Schriften über Korngesetze nnd Grundrente L. 1893, введеніе, XXI. и слѣд.

Участки земли.	Издер. произв. одного цент.	Произв. уч. въ цент.	Произв. уч. стоятъ	Выручка съ уч. при цѣнѣ 2.	Рента при цѣнѣ 2
А	1	10	10	20	10
Б	1,25	7,5	9,365	15	5,635
В	1,50	5	7,5	10	2,5
Г	1,75	2,5	4,375	5	0,625
Д	2	1	2	2	—
		26	33,24	52	18,76

Затѣмъ были произведены меліораціи, напр. дренажъ на участкахъ, которые приносятъ ренту, вслѣдствіе чего потребовались большія издержки. Такъ какъ затраты были весьма значительны, то предположимъ, что несмотря на большее увеличеніе полученныхъ центнеровъ издержки производства каждаго изъ нихъ остались безъ измѣненія и только количество полученныхъ центнеровъ увеличилось на 25%. Тогда мы получимъ слѣдующую таблицу:

Участки.	Издер. произв. 1 цент.	Произв. уч. въ цент.	Произв. уч. стоятъ	Выручка съ уч. при цѣнѣ 2	Рента при цѣнѣ 2
А	1	12,50	12,50	25	12,50
Б	1,25	9,375	11,718	18,75	7,04
В	1,50	6,25	9,375	12,50	3,13
Г	1,75	3,125	5,486	6,25	0,79
Д	2	1	2	2	—
		32,25	41,04	64,50	23,46

Безъ меліорацій при возрастаніи спроса на хлѣбъ на 25%, пришлось бы обратиться къ худшимъ землямъ. Допустимъ что издержки производства центнера на каждомъ худшемъ или менѣе благопріятно расположенномъ участкѣ возрастаютъ на 25% т. е. на Е возросли до 2,25, на участкѣ Ж до 2,50, на З — 2,75, на И — 3, на К — 3,25, на Л — 3,50. При такихъ условіяхъ, чтобы поднять производство съ 26 центнеровъ до 32, цѣна должна была бы возрасти съ 2 до 3,50.

Такимъ образомъ, безъ наличности ренты, какъ различія въ абсолютной производительности и возможности его увеличенія, цѣны должны были бы возрасти. Наличность этого различія задерживаетъ ростъ цѣнъ и безъ ренты, безъ большаго избытка на лучшихъ участкахъ — болѣе высокія цѣны. Ясно, что цѣны зависятъ не только отъ предѣла обработки, и спросъ на продуктъ, какъ таковой, *не опредѣ-*

ляетъ предѣла обработки, а только количество продукта, которое можетъ быть поставлено на рынокъ. Но и это еще не рѣшаетъ вполнѣ вопроса. Какъ увидимъ ниже, спросъ въ нашей сложной экономической системѣ является одновременно и предложеніемъ, а послѣднее зависитъ отъ той доли прибавочнаго продукта общества, которая, своеобразно распредѣляясь благодаря чисто соціальнымъ условіямъ, поступаетъ на рынокъ.

Б. Рикардо безъ достаточныхъ основаній отвергаетъ, какъ слишкомъ универсальное, общее положеніе Мальтуса и Родбертуса, что какъ земельная рента, такъ и всѣ виды другихъ доходовъ, зависятъ отъ абсолютнаго количества прибавочнаго продукта и отъ возможности неравнаго его увеличенія въ разныхъ отрасляхъ промышленности и въ разныхъ предпріятіяхъ. Чтобы убѣдиться въ правильности этого положенія, возьмемъ первый примѣръ Рикардо о значеніи земельныхъ улучшеній и проанализируемъ его въ связи съ вопросомъ о томъ, чѣмъ обусловливается движеніе капитала къ землѣ и отъ земли, и какъ слагаются при этомъ интересы фермера, землевладѣльца и капиталиста вообще.

Извѣстенъ взглядъ Рикардо, что земельныя улучшенія на первое время положительно вредны для землевладѣльцевъ. Они становятся выгодными только чрезъ весьма продолжительное время, когда возрастетъ населеніе, возрастетъ спросъ на продуктъ[22]). Это утвержденіе при сравненіи съ фактами реальной дѣйствительности оказывается столь же парадоксальнымъ и невѣрнымъ, какъ утвержденіе Маркса, что увеличеніе постояннаго капитала есть противорѣчащее интересамъ капиталистовъ пониженіе прибавочной цѣнности[23]). Оба эти положенія составляютъ экономическій абсурдъ; пока займемся только положеніемъ Рикардо. Онъ иллюстрируетъ его всѣмъ извѣстнымъ

22) Рикардо не говоритъ обнаружится переходъ къ худшимъ землямъ : онъ предполагаетъ, повидимому, только возвратъ къ старымъ, временно выпавшимъ изъ обработки. Онъ очень остороженъ !

23) Любопытно отмѣтить, что защитники марксистской доктрины, напр. Лабріола понимаютъ всю невозможность и невыгодность отсутствія усовершествованій для обрабатывающей промышленности, ясно отмѣчаютъ, что уже одинъ фактъ соперничества и отсутствія единства интересовъ долженъ принуждать капиталистовъ къ увеличенію затратъ на постоянный капиталъ. Въ тоже время они безбоязненно утверждаютъ, что интересы всего класса землевладѣльцевъ побуждаютъ ихъ избѣгать улучшеній и не заботиться объ издержкахъ содержанія рабочихъ. Увы, землевладѣльцы столь же ревностно дѣлаютъ улучшенія и столь же старательно стараются понизить платы своихъ рабочихъ. ср, Labriola. La teoria del valore di C. Marx, Milano, 1899 стр. 276 : также Адамъ Смитъ, цитата въ нашей 5-й главѣ.

примѣромъ. „Предположимъ, говоритъ онъ, что послѣдовательныя части капитала даютъ 100, 90, 80 и 70 продуктовъ; пока я буду употреблять эти четыре части, моя рента будетъ 60 или разность между

70 и 100 = 30	тогда какъ продуктъ будетъ 340	100
70 и 90 = 20		90
70 и 80 = 10		80
70 и —		70
60		340.

Пока я буду расходывать, употреблять эти четыре части, рента останется безъ измѣненія, хотя продуктъ каждой изъ нихъ подвергнется одинаковому возрастанію. Если продуктъ на всѣхъ участкахъ возрастетъ на 25, рента всетаки останется 60, что составляетъ разность между

95 и 125 = 30	тогда какъ продуктъ возросъ бы до 440	125
95 и 115 = 20		115
95 и 105 = 10		105
95 и —		95
60		440.

Но при такомъ увеличеніи продукта *безъ увеличенія спроса,* не было бы мотивовъ посвящать землѣ столько капитала, одна часть его была бы извлечена и, слѣдовательно, послѣдняя часть капитала дала бы 105 вмѣсто 95 и рента упала бы до 30 или до разницы между

105 и 125 = 20	между тѣмъ продуктъ былъ бы по- прежнему въ соотвѣтствіи съ по- требностями населенія, ибо онъ былъ бы 345 квар.,	125
105 и 115 = 10		115
105 и —		105
30		345.

тогда какъ спросъ составлялъ только 340 квартеровъ“.

Во всемъ этомъ построеніи замѣчается три интереснѣйшихъ особенности. Во первыхъ, видоизмѣненіе производительности земледѣльческаго труда сейчасъ же отражается установленіемъ новаго предѣла обработки; появляется новая земля, которая, кромѣ издержекъ чисто техническихъ, даетъ или иную заработную плату или иную прибыль, иначе новый для раздѣла между этими видами доходовъ прибавочный продуктъ на послѣдней землѣ, какъ мы для краткости

будемъ выражаться. Во вторыхъ, одинаковая новая затрата капитала на всѣхъ участкахъ даетъ совершенно однообразный приростъ продукта на всѣхъ участкахъ, и въ третьихъ, всѣми движеніями капитала къ землѣ и отъ земли всецѣло управляетъ та доля прибавочнаго продукта, которая отчисляется капиталистомъ въ свою пользу въ видѣ прибыли. Въ системѣ Рикардо всѣ эти предположенія являются утвержденіями, которыя противорѣчатъ дѣйствительности и совершенно недоказаны.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ согласно съ предшествовавшимъ, что соціальныя условія предложенія труда и капитала не измѣнились, что уровень заработной платы и прибыли остался тотъ же; тогда очевидно оба эти вида дохода попрежнему будутъ вознаграждаться вполнѣ достаточно прежней нормой продукта въ 70 единицъ и если даже отпадетъ обработка послѣдняго участка рента въ продуктѣ будетъ такова:

125 — 70 = 55
115 — 70 = 45
105 — 70 = 35 т. е. 135 продуктовъ.

Количество поставляемаго продукта почти будетъ одинаково съ прежнимъ 345 кв., и Рикардо долженъ былъ показать, что измѣненія въ техническихъ условіяхъ производства немедленно должны были видоизмѣнить и соціальныя условія распредѣленія. Онъ это и дѣлаетъ, но какимъ образомъ? Онъ беретъ совершенно искусственный примѣръ равномѣрнаго возвышенія производительности на всѣхъ участкахъ и получаетъ громадное переполненіе рынка количествомъ хлѣба въ 440 квартеровъ. Но откуда онъ взялъ, что имѣется такое равномѣрное возрастаніе? Стоитъ только сдѣлать болѣе вѣроятное, соотвѣтствующее всѣмъ даннымъ агрономіи и закону уменьшающейся производительности почвы предположеніе, что затрата одинаковыхъ частей капитала на неравной по производительности почвѣ дала неравные результаты и предположеніе Рикардо становится болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ предположимъ что одинаковыя затраты дали такое увеличеніе:

Съ 100 на 125,	колич. пр.	I уч.	= 125	т. е. на	25	рента	125 — 75	= 55
„ 90 „ 105,	„	II „	= 105	„	15	„	105 — 75	= 30
„ 80 „ 90,	„	III „	= 90	„	10	„	90 — 75	= 15
„ 70 „ 75,	„	IV „	= 75	„	5	„	75 — 75	= 0
			приростъ пр. 55				рента въ пр. 90.	

Въ нашемъ примѣрѣ количество продуктовъ возросло всего до 395, рента въ продуктахъ съ 60 до 90, добавочное количество продукта сверхъ общественной въ немъ потребности возросло до 55 вмѣсто 100. Какимъ же образомъ сложатся здѣсь цѣны, какъ установится предѣлъ обработки, если первые три участка могутъ поставить только 320 пр., какъ отразится видоизмѣненіе цѣнъ на денежной рентѣ нашихъ землевладѣльцевъ, которые получили совершенно неравный приростъ въ продуктахъ? Сложатся ли въ томъ и другомъ случаѣ цѣны хлѣба въ точной обратной пропорціональности съ количествомъ хлѣба, которое будетъ вынесено на рынокъ, не будемъ ли мы имѣть дѣло, въ первомъ случаѣ Рикардо, съ пониженіемъ ренты, а во второмъ, въ нашемъ, съ повышеніемъ денежной ренты, хотя бы для владѣльца перваго участка? Хотя, какъ мы видѣли въ предшествовавшемъ, Рикардо и говоритъ иногда, что „цѣнность есть количество“, но само по себѣ такое утвержденіе противорѣчитъ всему духу его ученія и жизнь постоянно цодтверждаетъ намъ фактами, что *строгой пропорціональности между количествомъ бросаемыхъ на рынокъ товаровъ, и ихъ цѣной, нѣтъ и быть не можетъ* [24]). Количество только одно изъ орудій, при посредствѣ котораго совершаются въ системѣ свободнаго соперничества видоизмѣненія въ процессахъ образованія цѣнъ; причины лежатъ гдѣ то глубже.

Насколько ненадежны всѣ эти математическія выкладки для доказательства мысли Рикардо, ясно видно, если мы видоизмѣнимъ его примѣръ такъ. Допустимъ производительность перваго участка возрасла на 40, втораго на 20, третьяго на 10, на послѣднемъ приложеніе новой доли капитала было безполезно: здѣсь увеличеніе продукта недостижимо. Тогда имѣемъ

	Количество продукта			
I участкоъ ранѣе	100	послѣ	140
II „	„	90	„	110
III „	„	80	„	90
IV „	„	70	„	70.

Первые три участка даютъ ровно прежнее количество продукта, пре-

24) Касперовъ въ своемъ изслѣдованіи „цѣны на пшеницу“ пришелъ къ такому выводу: „привлеченіе новыхъ земель къ удовлетворенію потребностей не всегда прямо понижаетъ уровень цѣнъ, такъ какъ оно встрѣчается съ постояннымъ ростомъ населенія и его потребностей . . . . прибавка за 10 лѣтъ (съ 1884 г.) 135 милліоновъ пудовъ очевидно не въ силахъ одолѣть значеніе роста населенія и вызвать пониженіе цѣнъ l. c. стр. 119—120.

дѣлъ обработки поднялся, послѣдній участокъ долженъ быть оставленъ, но гдѣ основанія для видоизмѣненія цѣнъ, почему новый предѣлъ будетъ обязательно опредѣлять цѣнность продукта? Изучая законъ ренты, мы имѣемъ дѣло съ одинаковыми затратами труда и неравными результатами въ продуктахъ, не отвѣтитъ ли намъ на вопросъ объ этомъ процессѣ образованія цѣнъ анализъ движенія капитала къ землѣ и отъ земли въ связи съ вопросомъ о прибавочномъ продуктѣ, и притомъ неравномъ въ разныхъ земледѣльческихъ предпріятіяхъ?

Вернемся для этого нѣсколько назадъ, возьмемъ примѣръ, который соотвѣтствуетъ теоріи ренты Мальтуса и посмотримъ нельзя ли, послѣдовательно исходя изъ него, окончательно отвергнуть значеніе предѣльнаго принципа съ его предѣльной цѣнностью и истолковать самый дифференціальный принципъ иначе.

В. Мы видѣли въ предшествовавшемъ, что особенность теоріи ренты Мальтуса заключается въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ, рента зависитъ отъ размѣра прибавочнаго продукта или что тоже отъ уменьшенія той доли общественнаго продукта, которая идетъ на заработную плату и прибыль и, во вторыхъ, онъ указываетъ, что цѣна хлѣба, какъ и предметовъ фабрикаціи можетъ падать до уровня издержекъ производства, но какихъ это онъ ясно не отмѣчаетъ. Рикардо противопоставляетъ этимъ положеніямъ свои, которыя формулируетъ такъ: 1. естественная или необходимая цѣна никогда не измѣняется, пока не потребуется иного количества труда и капитала, необходимаго для производства. 2. только рыночная цѣна, превышающая эту естественную цѣну, поощряетъ производство хлѣба и 3. мануфактуристы и фермеры не имѣютъ никакого интереса въ ростѣ естественной цѣны ихъ произведеній. Оба эти класса получаютъ выгоду только тогда, когда рыночная цѣна превышаетъ естественную, но эти выгоды только временны: повышенныя прибыли при такой рыночной цѣнѣ привлекаютъ къ производству новые капиталы и цѣна падаетъ до естественной цѣны т. е. до цѣны предѣльныхъ издержекъ. Говорить, что естественная цѣна поощряетъ производство хлѣба — это значитъ высказывать нелѣпую мысль, что увеличеніе труда и капитала, которое необходимо для производства хлѣба, одно можетъ поощрять производство.

Рикардо, такимъ образомъ, также знаетъ *абсолютную* ренту[25]). Она представляется ему въ видѣ рыночной цѣны, двигающей произ-

25) Т. е. ренту свыше предѣльныхъ, издержекъ и прибылей. Объ абсолютной и монопольной рентѣ Маркса мы будемъ говорить еще ниже.

водство и толкающей населеніе къ размноженію, а капиталъ къ усиленной дѣятельности. Увы, все это построеніе представляетъ собою несообразность. При такихъ условіяхъ, разъ человѣчество дошло бы до предѣла обработки, всякое возрастаніе населенія должно было бы остановиться. Прибыль достигла бы минимума, никакого новаго спроса на трудъ быть бы не могло. Ради чего, во имя какихъ интересовъ капиталисты стали бы увеличивать производство? Они скорѣе должны были бы ограничиться относительно высокимъ предѣломъ обработки, который давалъ бы имъ весьма изрядную прибыль и населеніе должно было замереть въ числѣ на опредѣленной массѣ, именно въ тѣхъ размѣрахъ, которые желательно имѣть капиталистамъ [26]). Жизнь показываетъ намъ, что населеніе размножается; оно имѣетъ, слѣдовательно, особыя къ тому основанія, кромѣ спроса на трудъ со стороны капитала. Не очевидно ли, что не одна рыночная цѣна управляетъ развитіемъ земледѣльческаго производства? Если бы Рикардо болѣе вдумался въ эти вопросы, онъ понялъ бы, прежде всего, что рента, притомъ неравная на разныхъ участкахъ, вотъ источникъ для возрастанія спроса на трудъ и что онъ долженъ былъ сначала, — и это было бы исторически правильнѣе, исходить изъ предположенія, что земледѣльческое производство даетъ основу для размноженія человѣчества, что рента и прибыль еще не разъединены, подумать наконецъ, не можетъ ли естественная цѣна поощрять земледѣльческое производство, когда землевладѣлецъ и фермеръ разныя лица. Тогда онъ понялъ бы, что цѣна издержекъ можетъ совершенно и не опредѣляться одними техническими условіями и при томъ предѣльными, на что безконечное число разъ во всѣхъ своихъ трудахъ указывалъ такъ настойчиво Мальтусъ. Неравная производительность земли или что тоже неравное количество прибавочнаго продукта, сверхъ необходимыхъ издержекъ на обработку — вотъ обстоятельство, которое онъ совершенно упустилъ изъ виду.

Возьмемъ два примѣра, которые прежде всего покажутъ намъ, при какихъ условіяхъ „естественная цѣна“ можетъ поощрять развитіе земледѣльческаго производства. Въ первомъ изъ нихъ соединимъ фермера и землевладѣльца въ одно лицо, во второмъ разъединимъ ихъ.

---

26) Рикардо забываетъ къ тому же, что при существованіи на предѣльныхъ земляхъ только двухъ видовъ доходовъ (приб. и плата) для землевладѣльца, необрабатывающаго самостоятельно своего участка, собственность была бы *ius nudum*.

Фермеръ и земледѣлецъ одно лицо.

Участки.	Цѣна хлѣба.	Количество продукта.	Техническія издержки произ.	Прибавочный продуктъ, какъ доля кап. или раб. a) или b)		Рента въ прод. a) или b)	
I.	1 руб.	10	1 продуктъ	3	1	6	8
II.	1 „	8	1 „	3	1	4	6
III.	1 „	6	1 „	3	1	2	4
IV.	1 „	4	1 „	3	1	—	2
V.	1 „	2	1 „	—	1	—	—

или прибавочный продуктъ и рента въ обоихъ случаяхъ вмѣстѣ

I. Приб. пр. + рента.	II. Приб. пр. + рента.
1. 3 + 6 = 9	1. 1 + 8 = 9
2. 3 + 4 = 7	2. 1 + 6 = 7
3. 3 + 2 = 5	3. 1 + 4 = 5
4. 3 + 0 = 3	4. 1 + 2 = 3
5. 1 + 0 = 1	5. 1 + 0 = 1
25	25.

Одинъ взглядъ на эту таблицу показываетъ, что Мальтусъ былъ правъ: *всякое пониженіе прибавочнаго продукта, въ видѣ ли пониженія доли рабочаго или прибыли, безъ всякаго видоизмѣненія цѣны выгодно для земледѣльцевъ*[27]). Оно оставляетъ владѣльцевъ болѣе плодородныхъ участковъ при ихъ прежней рентѣ и продуктахъ, и въ деньгахъ, все далѣе и далѣе подвигаетъ обработку. Весь тяжелый и кровавый процессъ средневѣкового быта съ его крѣпостнымъ строемъ былъ направленъ къ пониженію прибавочнаго продукта, который доставался работнику. Это давало возможность постепенному росту населенія безъ всякаго особеннаго повышенія цѣны. До тѣхъ поръ, пока земля была собственность феодала, вовсе не было надобности въ повышеніи рыночной цѣны для привлеченія людей къ земледѣлію. Пониженіемъ доли прибавочнаго продукта можно было обезпечить интересы сильнѣйшихъ и развивать обработку все далѣе и далѣе. Денежная рента развивается въ Европѣ вообще медленно, но предположеніе о послѣдовательномъ пониженіи прибавочнаго про-

27) Относительно возможности движенія прибыли и заработной платы внѣ зависимости отъ предѣла обработки и не въ прямой пропорціональности съ движеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ мы будемъ еще много говорить ниже.

дукта при постепенномъ закрѣпощеніи населенія, при искусственномъ окрѣпленіи его въ предѣлахъ опредѣленныхъ мѣстностей, весьма вѣроятно и оно, быть можетъ, давало возможность феодалу, когда появились благопріятныя условія для сбыта продукта, бросать хлѣбъ на рынокъ безъ ущерба для своихъ интересовъ, но и *безъ повышенія цѣнъ при переходѣ къ землямъ худшаго качества.* Такимъ образомъ, на ренту могла здѣсь оказывать вліяніе *не рыночная цѣна,* а *„естественная цѣна“* въ духѣ Рикардо; устойчивая болѣе или менѣе цѣна, чрезъ возможность пониженія прибавочнаго продукта, могла давать стимулѣ и обработкѣ, и размноженію населенія. И чѣмъ плодороднѣе были участки феодала, чѣмъ сильнѣе была его власть, тѣмъ рента его могла быть выше. Не думаемъ, однако, чтобы въ это время существовала предѣльная естественная цѣна: всѣ эти разсужденія намъ нужны только для доказательства того, что не всегда рыночная цѣна Рикардо опредѣляетъ движеніе хлѣбнаго производства. Для насъ это только отрицательный аргументъ, который мы дополнимъ столь же отрицательнымъ и при предположеніи, что фермеръ и земледѣлецъ разныя лица т. е. возьмемъ тѣ условія, въ которыхъ постоянно разсуждаетъ Рикардо.

Фермеръ и землевладѣлецъ разныя лица.

Участокъ.	Цѣна продукта.	Количество продукта.	Издержки въ продуктѣ.	Прибыль	Рента въ деньгахъ.	Рен. + Пр.
1	$1^1/_2$ руб.	10	1	$1^1/_2$	12	$13^1/_2$
2	„	8	„	„	9	$10^1/_2$
3	„	6	„	„	6	$7^1/_2$
4	„	4	„	„	3	$4^1/_2$
5	„	2	„	„	—	$1^1/_2$

Дифференціація прибыли и ренты при цѣнѣ $1^1/_2$ за продуктъ.

Участки.	Рента.	Дифференціація ренты.	Прибыль.	Дифференціація прибыли.
1	$10^1/_2$	$2^1/_2$	$3^1/_2$	$^1/_2$
2	$7^1/_2$	„	3	„
3	5	„	$2^1/_2$	„
4	$2^1/_2$	„	2	„
5	—	„	$1^1/_2$	„

Мы видѣли уже нѣсколько разъ, что если рента и прибыль соединены въ рукахъ одного владѣльца, то естественная цѣна можетъ

поощрять развитіе сельскохозяйственнаго производства. Мы видѣли также, что сельскохозяйственныя улучшенія при одной и той же цѣнѣ, или даже при нѣкоторомъ ея пониженіи могутъ быть въ интересахъ землевладѣльца[28]). Но что будетъ, если землевладѣлецъ и фермеръ будутъ разными лицами? Если капиталъ для приведенія производительныхъ силъ земли въ движеніе будетъ въ другихъ рукахъ? Рикардо дѣлаетъ, поистинѣ, элементарный выводъ: капиталъ при пониженіи прибыли не потечетъ въ земледѣліе. Приведенная выше таблица объяснитъ намъ, въ чемъ ошибка Рикардо.

Предположимъ, что естественная цѣна дошла до $1^1/_2$ рубля; количество продукта, издержки, прибыль и рента изображены въ первой части нашей таблицы согласно съ предположеніями Рикардо. Мы опускаемъ въ данномъ случаѣ долю общественнаго продукта, которая идетъ на заработную плату, такъ какъ намъ нужно изобразить только ту основную причину, которая можетъ привлечь капиталъ въ земледѣліе даже при всякомъ дальнѣйшемъ пониженіи предѣла обработки т. е. при ростѣ не рыночной, а естественной цѣны. Отвѣтъ даетъ вторая часть таблицы. Рикардо предполагаетъ, что землевладѣлецъ не можетъ или не хочетъ приводить въ движеніе производительныя силы своей земельной собственности. Онъ или не имѣетъ капитала, или желаетъ только пользоваться своимъ правомъ владѣнія производительной силой лучшаго качества. Для этого имѣется весьма легкій исходъ. Рента должна быть на болѣе продуктивныхъ участкахъ дифференціально раздѣлена. Вторая часть таблицы и изображаетъ этотъ раздѣлъ прибавочнаго продукта между двумя классами: владѣльцами производительныхъ силъ и капиталистами. Дифференціація ренты въ зависимости отъ производительности участковъ будетъ $2^1/_2$, дифференціація прибыли $^1/_2$. Часть своего прибавочнаго продукта рентьеръ долженъ будетъ уступить капиталисту и естественная цѣна одного предѣла обработки будетъ давать ему возможность спокойно пользоваться своимъ правомъ. Но вѣдь Рикардо предполагаетъ, могутъ мнѣ возразить, что прибыль должна быть однообразной, единой? Но

28) Въ процессѣ спора съ Мальтусомъ Рикардо оставилъ совершенно безъ вниманія одно чисто жизненное возраженіе аграрія — Мальтуса. „Полагаютъ, пишетъ послѣдній, что значительное количество новыхъ капиталовъ, которое въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ было привлечено къ землѣ, въ значительной своей части было пріобрѣтено въ земледѣльческой же отрасли промышленности и не было перенесено изъ торговли и промышленности“. Рикардо забываетъ, что капитализація всегда совершается не только изъ прибыли, но въ той же мѣрѣ и изъ ренты. См. Bodenrente, l. c. 54.

что заставляетъ принять его предположеніе? Оно допустимо только тогда, если не возможны взятыя нами два предположенія, а отрицать ихъ вѣроятность трудно. Допустивъ существованіе прибыли на своей предѣльной землѣ, Рикардо придалъ своему дифференціальному принципу соціальный характеръ т. е. призналъ, что всякая рента, въ частности прибыль, зависитъ прежде всего отъ *ограниченности производительныхъ силъ*. Логически онъ, поэтому, далъ полное право сдѣлать и послѣдующія предположенія, которыя говорятъ о дифференціаціи этого универсальнаго начала. Мы знаемъ, что землевладѣльцы или не имѣютъ часто капитала, или не имѣютъ умѣнія или охоты пользоваться своей землей, что болѣе крупныя сочетанія капитала, болѣе цѣлесообразные виды этого капитала съ ихъ разнообразіемъ въ производительности — не могутъ не оказывать вліянія на дифференціацію дохода чрезъ увеличеніе прибавочнаго продукта, а если это такъ, то есть всѣ основанія предполагать, что соціальныя условія, подобныя указаннымъ и иныя, дадутъ капиталу возможность дифференцировать свою прибыль, обезпечивать свое существованіе даже при переходѣ къ худшимъ землямъ.[29]). Постоянный опытъ жизни показываетъ, что борьба собственности земельной и капитала на этой почвѣ идетъ бепрерывно и капиталъ умѣетъ захватывать часть бо̀льшей производительности земли. Во вторыхъ, если капиталъ, какъ производительная сила, ограниченъ въ количествѣ, если эта ограниченность сказывается въ неравной степени по отношенію къ

29) Не слѣдуетъ забывать, что борьба противъ хлѣбныхъ законовъ въ Англіи была борьбою не только противъ ренты, но и противъ фермерской прибыли, которая своей дифференціаціей привязывала капиталъ къ землѣ. Для промышленности выгодно было вытолкнуть этотъ капиталъ на новую арену дѣятельности, вызвать противорѣчіе въ интересахъ этихъ классовъ, сдѣлать его для нихъ вполнѣ яснымъ. Кобденъ на митингѣ въ 1853 г. (9 янв.) въ Эльсбюри (Aylesbury) говорилъ: „если фермеры не могутъ вести своего дѣла, то это зависитъ отъ того, что они платятъ слишкомъ высокую ренту сравнительно съ получаемымъ продуктомъ. Я не говорю, что въ многихъ случаяхъ рента землевладѣльца можетъ и не быть чрезмѣрна, въ особенности, если земля обрабатывается до полной степени ея производительности. Но я утверждаю, что обработку нельзя вести безъ достаточнаго капитала, что потребный капиталъ не можетъ затрачиваться безъ соотвѣтствующаго обезпеченія, или безъ наличности особыхъ правъ у фермера. . . Мы желаемъ свести землевладѣльца и фермера другъ съ другомъ, сопоставить обоихъ въ ихъ различномъ качествѣ, какъ покупателей и продавцовъ; пусть они разговариваютъ тогда также, какъ и другіе промышленники и *не позволяютъ себѣ этой комедіи единодушія* землевладѣльцевъ и фермеровъ, кричащихъ о покровительствѣ, утверждающихъ, что они плывутъ въ томъ же челнѣ, когда въ дѣйствительности они плывутъ въ двухъ челнахъ и въ прямо противоположномъ направленіи“.

разнымъ видамъ капитала, а условія сочетанія его и въ обрабатывающей промышленности неизбѣжно даютъ ему не единую, равную, а также дифференціальную прибыль, то это положеніе должно имѣть одинаковое значеніе и въ фабрикаціи, и въ землѣдѣліи. Мы уже говорили въ второй главѣ, что предположеніе о равенствѣ прибылей такая же нелѣпость, какъ и предположеніе о равенствѣ заработныхъ платъ; въ слѣдующей главѣ мы постараемся это доказать, анализируя теорію органическаго строенія капитала Карла Маркса. Тогда мы окончательно убѣдимся, что опредѣленіе ренты Рикардо, какъ платы за пользованіе первоначальными и неистощимыми силами земли, представляетъ для современной экономической науки устарѣлый архаизмъ, что представленіе о послѣдней долѣ капитала, которая служитъ единой нормой для всѣхъ видовъ прибыли вообще, не можетъ быть найдено въ земледѣліи, что въ системѣ Рикардо эта „letzte Kapitalteilchen“, по выраженію Тюнена [30]), представляетъ совершенный х, что для нее надо искать новыхъ основаній въ работѣ разныхъ видовъ капитала, въ общихъ условіяхъ образованія избыточнаго дохода. Тогда намъ придется убѣдиться, что правильное экономическое опредѣленіе ренты должно имѣть болѣе общій характеръ и гласить — для земли и капитала — : *„рента есть плата за пользованіе устойчивыми преимуществами неравныхъ по качеству и результатамъ производительныхъ силъ, которыя по соціальнымъ или техническимъ основаніямъ имѣются въ ограниченномъ количествѣ“*. Земельная рента, какъ справедливо выражается Марксъ, это не болѣе, какъ особый видъ „добавочной прибыли“. Теперь же временно оставивъ этотъ вопросъ, мы займемся послѣднимъ возраженіемъ противъ теоріи ренты Рикардо. Во всѣхъ разобранныхъ случаяхъ мы имѣли дѣло съ предѣломъ обработки и предѣльной естественной цѣнностью. Настало время рѣшить вопросъ, могутъ ли хлѣбныя цѣны падать ниже этихъ предѣльныхъ издержекъ или подниматься выше ихъ. Останавливаетъ ли предѣльный принципъ „танецъ цѣнности“, нужно ли для экономической науки это понятіе „цѣнности“ или его слѣдуетъ выбросить изъ науки прочь и ограничиться ученіемъ просто о нормальной, при данныхъ условіяхъ, рыночной цѣнѣ?

---

30) Тюненъ, какъ извѣстно, говорилъ: „Der Werth der Arbeit des zuletzt angestellten Arbeiters ist auch der Lohn derselben, . . . der Lohn aber des zuletzt angestellten Arbeiters muss normierend für alle Arbeiter von *gleicher* Geschicklichkeit und Tüchtigkeit sein; denn für gleiche Leistungen kann nicht ungleicher Lohn gezahlt werden, см. Der isolirte Staat, R, 1830, стр. 182—3. Намъ надо найдти и для капитала „это послѣднее приложеніе“.

Г. „Совершенно ясно, пишетъ Мальтусъ, что, если бы человѣческія средства пропитанія, составляющія главнѣйшую долю произведеній земли, не обладали свойствомъ вызывать спросъ, въ томъ же отношеніи, какъ увеличивается ихъ количество, то возросшее количество продукта должно было бы привести къ пониженію его мѣновой цѣнности. Какъ бы ни было изобильно количество произведеній земли, населеніе могло бы оставаться безъ измѣненія. Болѣе обильное количество продукта безъ соотвѣтственнаго спроса и соединенное съ большимъ доходомъ въ хлѣбѣ работника, которое при такихъ условіяхъ было бы неизбѣжно, могло бы довести цѣны продуктовъ земли, какъ это бываетъ и съ предметами фабрикаціи, до издержекъ производства“ [31]).

Мы видѣли уже, что аргументація Мальтуса и возраженія Рикардо по этому предмету не могутъ быть признаны удовлетворительными. Рикардо безъ труда разрушаетъ аргументацію Мальтуса относительно „особыхъ свойствъ земледѣльческаго продукта“ и настаиваетъ, что предѣльныя издержки какъ общій принципъ для всѣхъ товаровъ, опредѣляютъ „цѣнность“. Ему, однако, слѣдовало бы поставить вопросъ, *всегда ли условія реализаціи и потребленія неравнаго прибавочнаго продукта даютъ возможность дѣйствовать его принципу*. Его предѣльный принципъ, какъ мы видѣли, является своеобразнымъ ученіемъ объ общественно-необходимомъ трудѣ, какъ опредѣлителѣ цѣнности, и основой его дифференціальнаго принципа. Нѣкоторые писатели напр. Кассель считаютъ дифференціальный принципъ только „послѣдствіемъ общаго принципа хозяйственности“. „Принципъ хозяйственности требуетъ, пишетъ Кассель [32]), приспособленія общественнаго труда къ общественнымъ потребностямъ и при томъ такое, чтобы не производилось ничего, чего нельзя сбыть по полнымъ издержкамъ производства. Въ силу этого принципа общество должно, чтобы имѣть руководящее начало, какъ для производства, такъ и для распредѣленія, за каждый продуктъ, за каждую отдѣльную полезность требовать по крайней мѣрѣ цѣну издержекъ. Поэтому, продолжаетъ онъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ издержки неравны, высшія издержки должны быть руководящими для образованія цѣнъ“. Кассель повторяетъ въ буквальномъ смыслѣ аргументацію Рикардо, но вѣрна ли она?

„Поэтому“ Касселя, однако, болѣе чѣмъ сомнительно. При-

31) См. Malthus, Bodenrente. l. c. 43.

32) G. Cassel. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, Gött., 1900, стр. 75—76.

помнимъ, что въ системѣ Рикардо двѣ особенности: предѣльная цѣнность — это, во-первыхъ, высшія издержки въ трудѣ и капиталѣ, какъ основныхъ факторовъ производства, и во-вторыхъ, средняя, предѣльная заработная плата и прибыль. Безъ всякаго сомнѣнія, хозяйственный принципъ требуетъ, чтобы издержки были, по крайней мѣрѣ, покрыты; онъ требуетъ даже того, чтобы они были болѣе, чѣмъ покрыты: всякій стремится получить за свой товаръ возможно больше, но вопросъ въ томъ, возможно ли получить больше, какъ получается прибыль и опредѣляется ея предѣльная или иная норма при наличности, кромѣ предѣльныхъ, безконечной цѣпи высшихъ, среднихъ и низшихъ издержекъ, а слѣдовательно и рентъ. Не устанавливаются ли подъ вліяніемъ рентъ и особыя предѣльныя прибыли, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но не на предѣльныхъ земляхъ?

Никто иной, какъ Карлъ Марксъ, какъ это видно изъ выписокъ въ предшествовавшемъ параграфѣ, усомнился въ правильности построенія Рикардо. Пока мы еще не имѣемъ права касаться въ полномъ объемѣ ученій этого писателя. Мы изучаемъ дифференціальный принципъ только примѣнительно къ земельной рентѣ и имѣемъ двѣ противорѣчивыя точки зрѣнія. Рикардіанская говоритъ намъ: высшія издержки въ трудѣ и капиталѣ — предѣльная цѣнность, Марксъ — среднія издержки общественно-необходимаго труда — нормальная общественно-необходимая цѣнность или иначе, предѣльный трудъ, если мы элиминируемъ для упрощенія — капиталъ, наименьшая производительность, средній трудъ — средняя производительность. Если однимъ днемъ средняго труда производится пять пудовъ хлѣба и вырабатывается пять желѣзныхъ вещей — они должны быть эквивалентны. Цѣна пяти пудовъ хлѣба пять вещей желѣза и наоборотъ.

Въ защиту своей точки зрѣнія Марксъ приводитъ своеобразныя соображенія. Среднія условія производительности во всякой отрасли промышленности характерны для значительнѣйшаго числа предпріятій; громадная масса товаровъ производится при среднихъ условіяхъ и даетъ, слѣдовательно, средніе результаты. Въ тоже время онъ отмѣчаетъ, что рыночная цѣна можетъ, въ случаѣ недостачи, регулироваться худшими условіями; при значительномъ количествѣ продукта лучшими. Мнѣ кажется, соображенія Маркса весьма интересны, но возникаетъ и цѣлый рядъ недоумѣній. Во первыхъ, допустивъ вѣроятность того, что среднія условія производства имѣютъ доминирующее значеніе, а предѣльныя условія Рикардо только рѣдкое исключеніе, по своей незначительности не могущее нормировать цѣнность, возникаетъ вопросъ что же это за среднія условія и средняя производительность? Ма-

тематика и здѣсь приходитъ намъ на помощь. Мы имѣемъ разное количество участковъ, на которыхъ *одинъ день труда* производитъ разное количество продуктовъ, а именно:

2	участка	даютъ по	10	продуктовъ	=	20	5 участ. по	10 пр.	= 50
8	„		8	„	=	64	8 „	8 „	= 64
20	„		6	„	=	120	30 „	3½ „	= 105
4	„		5	„	=	20	2 „	2½ „	= 5
34 уч.					=	224	40		224

Что же намъ считать за среднюю производительность нашего средняго труда? Средняя относительнаго вѣса дастъ въ первомъ случаѣ 6,5, во второмъ 5,6. Или мы просто должны принять среднюю по количеству предпріятій т. е. въ первомъ случаѣ 6, во второмъ 3½? Для владѣльца пяти желѣзныхъ вещей — вопросъ глубокой важности, какое количество хлѣба онъ получитъ. Очевидно въ утвержденіи, что среднія цѣны совпадаютъ съ трудовой цѣнностью, какъ бы заранѣе предполагается, что средняя по своему характеру модальна т. е. относится только къ *наибольшему* числу случаевъ, другими словами это утвержденіе требуетъ признанія дифференціаціи доходовъ, какъ постояннаго явленія, притомъ дифференціаціи восходящей и нисходящей[33]). Разбирая ученіе о цѣнѣ производства Маркса въ § 2 слѣдующей главы, мы увидимъ, что эта средняя въ земледѣліи ниже трудовой цѣнности по его предположеніямъ: этимъ дифференцировка еще болѣе увеличивается.

33) Какъ увидимъ ниже, понятіе средней производительности, средняго общественнаго труда, средней платы нуждается въ значительномъ разъясненіи. Любопытно отмѣтить, что неопредѣленность этого понятія „средней“ ранѣе всего была подмѣчена по отношенію къ заработной платѣ. Разсуждая о среднемъ объемѣ необходимыхъ средствъ существованія, о которомъ Марксъ говорилъ, какъ о величинѣ данной для опредѣленной страны и опредѣленнаго времени, Бернштейнъ пишетъ: „это утвержденіе нуждается въ существенныхъ ограниченіяхъ, да и вообще понятіе средней величины является однимъ изъ наиболѣе опасныхъ научныхъ средствъ, съ которыми необходимо обращаться съ крайней осторожностью. По отчету англійскаго статистика Гиффена въ Королевской комиссіи о трудѣ 1892 года заработная недѣльная плата взрослаго рабочаго въ Соединенномъ Королевствѣ достигаетъ въ среднемъ 24 шил. 7 пен. Спеціальная же таблица, на основаніи которой получена эта средняя, заключаетъ въ себѣ слѣдующія различія:

Изъ 7,300,000 взрослыхъ рабочихъ недѣльную плату получали:

менѣе 10 шил.	14.600	рабочихъ или	0,2 %
отъ 10—15 „	182.500	„	2,5 „
„ 15—20 „	1.525.700	„	20,9 „

Во вторыхъ, по соображеніямъ, которыя я постараюсь разъяснить ниже, я допускаю, что не „абсолютная цѣнность“, этотъ нелѣпый миѳъ, несуществующій въ экономической дѣйствительности и ненужный для экономиста-объективиста, а рыночная цѣна, т. е. обычная для даннаго времени, близка именно къ средней производительности, а не къ предѣльной. Признавъ это положеніе, какъ пока недоказанное предположеніе, близко согласующееся съ положеніями классиковъ, мы должны придти къ категорическому отрицанію, что прибыль опредѣляется на предѣльной землѣ, а, слѣдовательно, и предѣльная цѣнность не останавливаетъ „танца цѣнности“. Если прибыль вырабатывается на участкахъ средней производительности и, при томъ, эта средняя производительность характерна для наибольшей массы предпріятій, то сейчасъ же является вопросъ, какимъ же образомъ могутъ обрабатываться предѣльныя по производительности земли, не приносящія не только ренты, но и минимальную прибыль въ продуктахъ. Тутъ вѣроятны три возможности: 1) или средняя производительность представляетъ тогда, согласно предположеніямъ Рикардо, истинный предѣлъ обработки и участки минимальной прибыли совсѣмъ не могутъ обрабатываться, 2) или какія либо чисто соціальныя условія заставляютъ нѣкоторыхъ производителей ограничиваться этимъ минимумомъ прибыли не смотря на то, что существуетъ и высшая прибыль. Эти участки обрабатываются, другими словами,

---

отъ 20—25	„	2.584.200	рабочихъ или	35,4 %
„ 25—30	„	1.722.600	„	23,6 „
„ 30—35	„	817.600	„	11,2 „
„ 35—40	„	321.400	„	4,4 „
болѣе 40	„	131.400	„	1,8 „
		7.300.000		100 „

Можно оставить въ сторонѣ крайніе пункты таблицы, но достаточно просмотрѣть средніе члены, чтобы видѣть къ какимъ ошибочнымъ заключеніямъ можетъ повести понятіе средней величины необходимыхъ средствъ къ существованію. Эта средняя очень различна для разныхъ слоевъ рабочаго класса. Даже въ предѣлахъ одной и той же страны мы встрѣчаемся съ различіями въ зависимости отъ профессіи и мѣстности... Въ наше время несомнѣнно существуютъ для заработной платы уравнительные факторы. Но одновременно съ ними существуютъ силы, вызывающія все новыя и новыя дифференціаціи; напр. профессіональные союзы имѣютъ два слоя — подобно тому, какъ каждый профессіональный союзъ, какъ бы онъ ни назывался, скрываетъ въ себѣ двѣ тенденціи: нивеллирующую и дифференцирующую, онъ стремится къ нивеллированію, а также и къ возможной эксплуатаціи преимуществъ своего положенія.“ См. Бернштейнъ. Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма. Спб. 1902, стр. 95—97.

внѣ предѣловъ капиталистическаго дѣйствія экономическаго принципа [34]) 3) или же за счетъ какого либо другого прибавочнаго продукта, наличнаго въ обществѣ, участки средней производительности продаютъ выше своей трудовой цѣнности; предѣльные же участки, хотя и ниже своей трудовой цѣнности, но съ нѣкоторымъ повышеніемъ сравнительно съ цѣною средней производительности. Такъ, напримѣръ, если участки средней производительности и среднимъ трудомъ вырабатываютъ прибавочный продуктъ, который можетъ пойдти на прибыль въ размѣрѣ пяти продуктовъ и трудовая цѣнность должна была бы опредѣлиться въ 45 коп., а на предѣльныхъ участкахъ въ размѣрѣ трехъ продуктовъ и цѣна должна была бы быть 50, то исходъ бы могъ быть такой: цѣна могла бы подняться до 48 коп. Другими словами, вполнѣ согласно съ предположеніями Маркса, худшіе участки начали бы оказывать свое воздѣйствіе: средняя прибыль и предѣльная стали бы явленіями дифференціальными. Поднялась бы предѣльная прибыль и участки пускались бы въ ходъ, но одновременно поднялась бы и средняя прибыль т. е. безъ всякаго образованія ренты, чрезъ новую дифференціацію прибыли, обработка могла бы совершаться, но исчезло бы и представленіе о предѣльной цѣнности Рикардо, и о нормальной цѣнности Маркса. Соотвѣтствіе средней цѣны съ трудовой

34) Любопытно, что въ спорѣ Каутскаго и Гертца объ аграрномъ вопросѣ этотъ пунктъ былъ особенно подчеркнутъ. Каутскій пишетъ: „иначе считаетъ тотъ крестьянинъ, который хотя и продаетъ сельско-хозяйственные продукты, но наемными рабочими или вовсе не пользуется или, — если и пользуется ими, то въ небольшой степени, — крестьянинъ, который является не капиталистомъ, а простымъ товаро-производителемъ. Онъ рабочій, онъ живетъ доходомъ не отъ своего владѣнія, а отъ своей работы и его образъ жизни такой же, какъ и наемнаго рабочаго. Ему нужна земля, какъ средство для того, чтобы съ помощью работы поддерживать свое существованіе, а не для полученія прибыли и земельной ренты; если выручка за продукты даетъ ему, кромѣ возмѣщенія расходовъ, еще заработную плату онъ можетъ существовать. Онъ можетъ отказаться отъ прибыли и земельной ренты". Гертцъ, выражая согласіе съ этими словами своего оппонента пишетъ: „изъ приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ, что мелкое производство обладаетъ высокой способностью къ конкуренціи съ крупнымъ. Эта способность растетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе затрачиваемый капиталъ и выше обычный процентъ, стало быть, чѣмъ большіе проценты должно приносить капиталистическое предпріятіе, тогда какъ мелкое не нуждается въ нихъ. . . При этомъ ни чрезмѣрная работа, ни потребленіе ниже нормы не составляютъ *необходимаго* условія". Я не склоненъ, однако, вмѣстѣ съ Гертцомъ идеализировать эту форму хозяйства. Врядъ ли Г. доказалъ, что, хотя чрезмѣрная работа и низкое вознагражденіе труда и не составляетъ необходимое, но обычное условіе. См. Гертцъ. Аграрный вопросъ, М. 1900, стр. 6.

цѣнностью исчезло бы и мы имѣли бы представленіе съ рыночною цѣною дифференцировавшихся прибылей.

Но допустивъ такое воздѣйствіе низшихъ условій техническаго характера на соціальныя условія образованія цѣнъ, мы неизбѣжно должны допустить и дѣйствіе высшихъ техническихъ условій въ обратномъ направленіи: „признать Марксово воздѣйствіе лучшихъ условій". Другими словами признать невозможность равенства прибыли, а ея неизбѣжное различіе или что тоже дифференціацію, начиная съ высшаго и кончая предѣльнымъ участкомъ при одной наличности неравенствъ въ производительности земли, безъ всякаго допущенія о неравенствахъ въ такъ называемомъ органическомъ строеніи капитала, о неравной производительности „въ продуктахъ" разныхъ видовъ и сочетаній капитала. Ниже приведенная таблица разъясняетъ намъ наши соображенія.

	Цѣна прод.	Общее колич. приб. прод.	Приб. и рента въ продукт.	Прибыль и рента въ деньгахъ.	Приб. и рента въ % при призн. затр. капит. и стоим. земли за 100.
1-й уч. Выс. пр.	50	12	5 7	2 р. 50 3 р. 50	2,5 3,5
2-й „ „ „	50	10	4 6	2 „ — 3 „ —	2,0 3,0
3-й „ средн. пр.	50	3	3 —	1 „ 50	1,5 —

Пониженіе цѣны до 45 к.

	Цѣна прод.	Общ. к. прибав. прод.	Сумма выруч. отъ продажи приб. пр.	Приб. и рента въ деньг. при невозможности пониженія ренты.	Приб. и рента въ деньг. при невозможности пониженія прибыли.
1-й уч. Выс. пр.	45	12	5 р. 40	1 р. 90 3 р. 50	2 р. 50 2 р. 90
2-й „ „ „	45	10	4 „ 50	1 „ 50 3 „ —	2 „ — 2 „ 50
3-й „ средн. пр.	45	3	1 „ 35	1 „ 35 —	1 „ 50 —

т. е. прибыль и рента въ процентахъ на 100 въ обѣихъ случаяхъ:

I. Прибыль	рента.	II. Прибыль	рента.
1,9	3,5	2,5	2,9
1,5	3,0	2,0	2,5
1,35	—	1,5	—

Какъ показываетъ эта таблица, во всемъ ея цѣломъ, процессъ пониженія цѣны можетъ совершаться чрезъ пониженіе или ренты, или прибыли, въ зависимости отъ тѣхъ соціальныхъ условій, въ которыхъ стоитъ классъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ. Это можетъ выразиться или въ томъ количествѣ продуктовъ, который каждый

изъ этихъ классовъ получаетъ для реализаціи по той или другой цѣнѣ, или въ томъ или другомъ денежномъ доходѣ, который капиталистъ-фермеръ заплатитъ землевладѣльцу и получитъ возможность оставить для себя въ видѣ прибыли. Пониженіе цѣны будетъ достигаться или чрезъ иную дифференціацію прибыли съ пониженіемъ средней прибыли или чрезъ иную дифференціацію ренты съ прежней прибылью. Цѣна падетъ до новыхъ издержекъ производства, разумѣя подъ ними возможность выручать тотъ или иной прибавочный продуктъ или его цѣну наравнѣ съ возстановленіемъ техническихъ издержекъ, и при томъ не предѣльныхъ, а стоящихъ въ связи съ производительностью лучшихъ участковъ.

Весь вопросъ, однако, въ томъ, что же можетъ заставить капиталистовъ и рентьеровъ понижать свои доходы? Собственный интересъ и рядъ общественныхъ условій, подробный анализъ которыхъ мы должны отложить до пятой главы (§ 4).

Что собственный интересъ долженъ ихъ заставить поступать такъ — это показать не трудно. Для удовлетворенія своихъ потребностей въ другихъ продуктахъ, кромѣ хлѣба, эти классы должны отдать другимъ производителямъ часть своей доли прибавочнаго продукта въ хлѣбѣ. Чѣмъ болѣе размѣръ ихъ прибавочнаго продукта, чѣмъ сильнѣе ихъ желанія и необходимость удовлетворять иныя потребности, тѣмъ неизбѣжнѣе они должны будутъ понижать цѣну своего продукта или иначе платить дороже представителямъ другихъ отраслей промышленности и этотъ процессъ пониженія цѣны будетъ тѣмъ неизбѣжнѣе потому, что интересы болѣе богатыхъ прибавочнымъ продуктомъ, при наличности дифференціаціи въ доходахъ, будутъ страдать далеко не въ равной степени сравнительно съ интересами болѣе бѣдныхъ прибавочнымъ продуктомъ. Мнѣ кажется, что Штольцманъ высказалъ одно изъ самыхъ мѣткихъ возраженій противъ теоріи Рикардо, что не спросъ самъ по себѣ опредѣляетъ предѣлъ обработки. Спросъ, какъ таковой, въ нашей хозяйственной системѣ, одновременно долженъ быть предложеніемъ, стоитъ въ прямой зависимости отъ той доли прибавочнаго продукта, которая можетъ быть брошена на рынокъ для покупки въ широкомъ смыслѣ этого слова. Этимъ я вовсе не хочу отрицать существованія въ каждую данную эпоху извѣстнаго предѣла обработки, а только пытаюсь доказать, что не только продавцы съ послѣдняго участка опредѣляютъ цѣну хлѣба, что цѣна хлѣба зависитъ отъ условій производства на болѣе продуктивныхъ земляхъ, отъ соціальныхъ условій производства прибавочнаго продукта и по той причинѣ, что самый предѣлъ обработки

зависитъ не только отъ техническихъ условій, но и отъ дѣйствія соціальныхъ силъ, опредѣляющихъ на почвѣ извѣстной производительности, характерной для данной эпохи, раздѣлъ долей соціально-созданнаго прибавочнаго продукта [35]).

---

35) Такимъ образомъ, пишетъ Штольцманъ, мы приходимъ къ выводу, что Рикардо, также какъ и другіе теоретики производительности, должны признать, что производительность опредѣляетъ спросъ, что Рикардо не имѣлъ ни малѣйшаго права считать этотъ спросъ, его возрастаніе и паденіе, достаточной послѣдней причиной для объясненія цѣны хлѣба и земельной ренты. Тѣмъ болѣе, поэтому, необходимо подчеркивать, что „спросъ“ въ той экономической системѣ долженъ играть рѣшительную роль, гдѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій его нельзя считать механическимъ выраженіемъ однихъ различій въ данныхъ количествахъ продукта, вызваныхъ естественными условіями производства, гдѣ этотъ спросъ стоитъ въ своемъ относительномъ количествѣ въ зависимости отъ отношеній соціальной организаціи, распредѣленія и раздѣла долей продукта. Если спросъ прежде всего опредѣляется въ зависимости отъ размѣра данныхъ величинъ въ „необходимомъ содержаніи“ (Nahrungseinheiten), которыя обусловливаются различіемъ соціальныхъ силъ, если своеобразныя условія соціальной организаціи, промысловыя и сословныя различія опредѣляютъ, сколько труда и рабочихъ могутъ найдти занятіе, сколько разумно можетъ быть затрачено капитала, то ясно само собою, что въ зависимости отъ измѣняющагося спроса на трудъ и капиталъ, въ зависимости отъ количества и размѣра соціальныхъ долей продукта каждаго класса будутъ необходимы совершенно иныя доли сырого продукта; въ зависимости отъ этого земледѣльцы будутъ вообще производить и имѣть возможность продавать. Продажа опредѣленнаго количества сырья есть единственное средство, при помощи котораго можетъ произойти реализація ренты. Общая выручка отъ продажной цѣны зависитъ, кромѣ высоты цѣны хлѣба за шеффель, въ частности отъ дѣйствительно возможнаго количества сбыта, а не отъ чисто академической величины теоретически возможнаго наибольшаго по естественнымъ условіямъ результата производства. Теоретически возможно, но для нашихъ современныхъ государствъ съ ихъ развитымъ раздѣленіемъ труда и обобществленнымъ производствомъ, это чистый случай, если когда нибудь совпадаетъ эта теоретически фантастическая величина съ реальнымъ спросомъ дѣйствительности. . . Допустимъ ли выводъ, что, такъ какъ теперь производится опредѣленное количество средствъ пропитанія, это количество и этотъ объемъ производства получаетъ свои предѣлы отъ одной естественной производительности? Не является ли та „стѣна“, тотъ „предѣлъ“, который диктуетъ непреоборимые законы бѣдствія, быть можетъ, хотя отчасти только соціальнаго, не экономическаго характера? Не лежитъ ли, быть можетъ, въ различіи между современнымъ объемомъ производства, который обусловленъ соціальнымъ раздѣломъ долей продукта, и тѣмъ размѣромъ, который сдѣлается возможнымъ при нашей высокой культурѣ и наукѣ при другомъ регулированіи отношеній раздѣла продукта и соперничества, наша вся надежда на будущее, осуществленіе всѣхъ соціальныхъ реформъ и высокихъ требованій практическаго христіанства? См. l. c. стр. 355—6 и 46. Къ теоріи Штольцмана мы еще вернемся въ слѣдующемъ параграфѣ.

Въ нашей сложной экономической машинѣ такъ называемый предѣльный фермеръ можетъ вести обработку, выручая или большую, или меньшую прибыль сравнительно съ допущеніями Рикардо, ибо предположеніе о единой средней прибыли по самому своему существу при наличности однихъ различій въ физической производительности земли и неравенствѣ въ положеніи соціальныхъ классовъ ни на чемъ не основано: прибыль также, какъ и всѣ другіе доходы, представляетъ собою явленіе дифференціальное; дифференціація эта зависитъ не только отъ низщихъ, высшихъ или среднихъ техническихъ условій, но и отъ дифференціаціи силъ различныхъ общественныхъ классовъ при общемъ предположеніи, что законъ рѣдкости производительныхъ силъ не даетъ возможности цѣнѣ падать до уровня заработной платы. Возможно, поэтому, и возрастаніе цѣны *свыше обычныхъ издержекъ*, если другіе отрасли промышленности настолько производительны, что могутъ отдать земледѣльцу знзительную массу своего прибавочнаго продукта. Это, впрочемъ, сознавалъ и самъ Марксъ, создавая свою теорію абсолютной и монопольной ренты.

Не будемъ останавливаться на подробномъ анализѣ этихъ двухъ рентъ. Источникъ происхожденія ихъ, по Марксу, оказывается одинъ и тотъ же и уже не связанъ съ различіями въ производительности почвы. „Землевладѣніе оказывается препятствіемъ, которое не допускаетъ никакой новой затраты на земляхъ до сихъ поръ не воздѣланныхъ или не сданныхъ въ аренду безъ того, чтобы не взыскать дань т. е. не потребовать ренту, избытокъ сравнительно съ цѣною производства“ [36]).

Абсолютная рента, согласно этому ученію, имѣетъ мѣсто тогда когда подъ обработку земельная собственность не допускаетъ всѣхъ наличныхъ участковъ. Цѣна производства земледѣльческихъ продуктовъ благодаря тому, что органическій составъ капитала въ земледѣліи ниже средняго, стоитъ ниже ихъ трудовой цѣнности. Ограниченіе, вызываемое земельной собственностью, не поднимаетъ цѣну выше цѣнности, но лишь настолько, что и худшіе участки получаютъ ренту. Получая больше прибавочной цѣнности въ силу большаго употребленія живого труда, землевладѣлецъ продаетъ съ уступкой противъ трудовой цѣнности, но выше цѣны производства. Когда цѣна производства начинаетъ превышать и трудовую цѣнность, земельная собственность получаетъ возможность установить монопольную цѣну. Эта моно-

36) т. III, 2-я часть, нѣм. изд. 1894, стр. 295—7, р. пер. 628 и слѣд.

польная цѣна, по мнѣнію Маркса, не зависитъ уже ни отъ цѣны производства, ни отъ цѣнности, а отъ потребностей или платежной силы покупателей и „разсмотрѣніе и изученіе ее относится къ ученію о конкуренціи, гдѣ и изслѣдуется реальное движеніе рыночной цѣны".

Ученіе объ этихъ двухъ рентахъ представляетъ собою окончательное крушеніе всякихъ попытокъ задержать „танецъ цѣнности". Здѣсь чисто соціальныя условія, соотношеніе спроса и предложенія, опредѣляютъ цѣну и она, по мѣткому замѣчанію г. Франка [37]), становится чѣмъ то самодовлѣющимъ, не имѣющимъ отношенія ни къ какой другой цѣнѣ". Марксъ отсылаетъ читателя къ анализу рыночной цѣны и онъ правъ: все его построеніе пришло къ абсурду. Цѣна земледѣльческаго продукта становится независимой отъ цѣнности, дѣлается столь же „ирраціональной категоріей", какъ и цѣна труда и земли".

Не думаю, что тѣ писатели правы, которые утверждаютъ, якобы „абсолютной ренты въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ Марксъ, не существуетъ, будто ея обосновка, поскольку она сдѣлана Карломъ Марксомъ въ III-мъ томѣ Капитала, противорѣчитъ всему третьему тому", будто „при капиталистическихъ условіяхъ она существовать не можетъ" [38]). Въ третьемъ томѣ Марксъ съ полнымъ основаніемъ

---

37) см. l. c. Теорія цѣн. М., стр. 90—95.

38) См. Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, Спб., 1903 г., стр. 125. Теорія абсолютной и монопольной ренты, по моему мнѣнію, служитъ блестящимъ подтвержденіемъ того, что Мальтусъ былъ правъ, построяя свою теорію, исходя изъ „абсолютнаго начала". Хорошій знатокъ аграрныхъ отношеній проф. Брентано справедливо пишетъ: „въ настоящее время основой нашего хозяйства на мѣсто сословныхъ различій сдѣлалось правовое равенство. Но, подобно тому какъ въ средніе вѣка привиллегированные могли выжимать изъ несвободныхъ ренту даже съ самыхъ худшихъ участковъ, такъ и теперь владѣлецъ земли можетъ дѣлать тоже самое съ „маленькимъ человѣкомъ" вслѣдствіе неравенства хозяйственныхъ силъ при заключеніи договора ренты. Ибо, хотя земля и не можетъ дать монополіи для эксплуатаціи неуничтожимыхъ, естественныхъ силъ, какъ полагалъ Рикардо, но она даетъ монополію для самостоятельнаго и независимаго употребленія своей рабочей силы. Отсюда слѣдуетъ, что рента есть цѣна платимая не за предоставленіе естественныхъ и неразрушимыхъ силъ земли, но за ненарушимое употребленіе клочка земли. Она платится, гдѣ въ наличной землѣ ощущается недостатокъ, за всякую землю, даже за худшую. Размѣръ ренты, въ то время, когда хозяйственная жизнь основывалась на сословныхъ различіяхъ, опредѣлялся правовыми свойствами, какъ получателей, такъ и плательщиковъ ренты. Гдѣ правовое равенство стало основой жизни, размѣръ ренты, съ одной стороны, опредѣляется различіями въ качествѣ земли, отчего бы оно ни зависѣло, *отъ естественныхъ условій* или *человѣческихъ усилій*,

отказывается отъ дифференціальнаго принципа въ его элементарномъ технико-естественномъ истолкованіи. Онъ и самъ начинаетъ понимать, что дифференціальный принципъ вовсе не представляетъ собою исключительно принципъ различій въ производительности, оцѣниваемой по ея предѣльной величинѣ, а нѣчто гораздо болѣе сложное, въ особенности если мы желаемъ сдѣлать его принципомъ не какого нибудь даннаго періода времени, а истолковать, какъ нѣчто универсальное, въ разныя историческія эпохи обнаруживающееся то слабѣе, то сильнѣе тою или другою изъ своихъ сторонъ. Мы уже много разъ говорили, что этотъ принципъ слѣдуетъ формулировать такъ: дифференціальный принципъ: во первыхъ *принципъ общихъ различій въ естественной и соціальной производительности, во вторыхъ, универсальный принципъ рѣдкости производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, который своеобразно дифференцируется по отношенію къ каждой изъ нихъ, и въ третьихъ, принципъ условій соціальнаго раздѣла избытка надъ необходимымъ содержаніемъ, гдѣ и какъ бы этотъ избытокъ не созидался, въ силу естественныхъ или общественныхъ условій* (прибавочный трудъ и прибавочная цѣна!) *производства и обмѣна.*

Не найдя ни въ предѣльномъ принципѣ, ни въ среднемъ какую нибудь прочную опору для цѣнности[39]), мы теперь должны показать, что и ни одинъ изъ общественныхъ доходовъ не можетъ служить выраженіемъ производительности общественнаго труда.

съ другой стороны качествами ищущихъ землю, а именно настоятельностью потребности въ ней для приложенія своего капитала, или своей рабочей силы. l. c Drei Schriften, Einleitung, стр. XXXV и слѣд. Всякому извѣстно, что земельныя спекуляціи по продажѣ земли и сдачѣ ея по клочкамъ въ аренду одинъ изъ богатыхъ источниковъ для захвата ренты прибылью.

39) Читатель видитъ, что я вполнѣ признаю общій выводъ Штольцмана: „Ricardo hat in dem von ihm aufgestellten Typus der letzt bebauten schlechtesten Ländereigen, welche keine Grundrente liefern, eine höchst anschauliche und handlige „Eselsbrücke“ geliefert. . . Aber dieser Satz enthält Nichts weiter als eine höchst triviale und sehr mechanische Wahrheit, er ist nur das rohe Resultat anderweitiger, viel tiefer liegender Ursachen, er ist kein Grundgesetz der natürlichen Werthbildung, es ist mit ihm genau so viel und so wenig anzufangen, wie mit dem Fundamentalsatze der Grenznutzenlehre, wonach Grenznutzen und Grenzkosten den Werth „bestimmen“. l. c. стр. 357.

Ср. для Рикардо въ особ. Principles, l. c. главы: 2, 22, 23, 24, 32.

§ 3. Трудъ, какъ затрата энергіи, и необходимое содержаніе. Возможенъ ли замаскированный возвратъ къ Смиту — Мальтусу: Бухъ, Бернштейнъ, Штольцманъ.

Высказавъ мысль, что трудъ, какъ затрата энергіи человѣка, какъ единая основная сила, создающая его господство надъ матеріальной природой, творитъ цѣнности, дополнивъ это ученіе своеобразнымъ представленіемъ объ общественно-необходимомъ трудѣ, отчасти Рикардо, но въ особенности Марксъ поставили для самихъ себя и для всѣхъ послѣдующихъ теоретиковъ безконечное число излишнихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ. Трудовая цѣнность обратилась у Маркса въ самое неудачное дополненіе къ его философіи классовыхъ противорѣчій; послѣднія представляютъ живую реальность, теорія цѣнности сдѣлалась какимъ то закономъ противорѣчія дѣйствительности и „танецъ цѣнности“ воистину принялъ какой то „фахчическій“ характеръ[40]).

Теоретически, чистая имманентная цѣнность товара должна была быть прямо пропорціональна количеству заключеннаго въ немъ труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ. Дѣйствительность съ ея природными и общественными условіями извращала эту формулу до неузнаваемости. Оставляя въ сторонѣ уже разобранный нами аргументъ относительно такъ называемаго товарнаго фетишизма, мы можемъ сказать, что все зданіе Марксовой трудовой цѣнности покоилось на двухъ основныхъ положеніяхъ: 1. общая сущность, заключенная въ большинствѣ продуктовъ-товаровъ, есть кристализировавшійся въ нихъ необходимый и прибавочный трудъ и 2. мѣра цѣнности можетъ быть только въ этой общей сущности т. е. въ трудѣ, а мѣрой послѣдняго является потраченное рабочее время, причемъ въ разнокачественныхъ количествахъ труда обнаруживаемыхъ въ каждое данное время скрывается все таже единая субстанція: трата мускульной и нервной энергіи, благодаря чему конкретныя разнокачественныя количества труда могутъ быть сведены по той или другой формулѣ къ единству — къ затратѣ „абстрактнаго“ человѣческаго труда[41]).

---

40) По справедливому замѣчанію Лоріа „цѣнность“ обратилась въ какой то метафизическій нуменъ, о которомъ теоретики считаютъ себя въ правѣ говорить все, что имъ угодно. см. A. Лоріа. Marx e la sua dottrina, стр. 108, Milano, 1902. [Къ точкѣ зрѣнія Рикардо мы вернемся еще въ § 1 и § 3 слѣдующей главы, гдѣ мы особенно подчеркнемъ различіе между нимъ и Марксомъ.]

41) Я оставляю пока совершенно въ сторонѣ извѣстный аргументъ проф.

Затѣмъ начиналось послѣдовательное разрушеніе этихъ положеній. Эта общая субстанція творила цѣнности только тогда, когда она оказывалась общественно необходимой т. е. совпадала, съ предѣльными у Рикардо, и со средними, нормальными технико-трудовыми общественными условіями у Маркса и, что особенно важно, не только имѣла другую общую всѣмъ продуктамъ субстанцію: полезность, но удовлетворяла опредѣленной и измѣнчивой „суммѣ“ человѣческихъ потребностей. Потребности, отъ которыхъ абстрактная теорія стремилась отдѣлаться, какъ особая вторая субстанція, обезцѣнивали временами ранѣе общественно-необходимый трудъ, а возрастающая сумма этихъ потребностей заставляла общественно-необходимый трудъ обращаться къ худшимъ факторамъ производства. Наличность разнообразныхъ производительныхъ условій при данной массѣ потребностей придавала цѣнность абстрактному труду, лишь сравнивая его съ среднимъ для даннаго общества трудомъ по его искусству, напряженности и качеству и, кромѣ того, цѣнность не всегда становилась *обратно пропорціональной производительной силѣ*: трудъ, какъ въ международномъ обмѣнѣ, такъ и въ предѣлахъ страны, обладающій исключительной производительной силой, начиналъ дѣйствовать, какъ болѣе интенсивный и создавалъ въ равные промежутки времени большія цѣнности, чѣмъ средній общественно-необходимый трудъ того же рода [42]), другими словами ростъ производительности въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ не сопровождаться прямо пропорціональнымъ паденіемъ цѣнности. „Танецъ цѣнности“ при взятыхъ скромныхъ предположеніяхъ теоретически прекращался только при совпаденіи технико-трудовыхъ условій съ общественными потребностями и съ правильнымъ распредѣленіемъ всего общественнаго труда [43]). „Wertkon-

---

Бемъ-Баверка, согласно которому сведеніе разныхъ качествъ труда къ единству уже разрушаетъ само по себѣ абсолютное значеніе трудовой цѣнности. „Въ вопросахъ теоріи, пишетъ Бемъ (см. Kapitalzins, пер. изд., стр. 439 и сл.) напр. въ вопросѣ о принципѣ цѣнности дѣло идетъ вовсе не о томъ, что люди склонны принимать, а только о томъ, что существуетъ въ дѣйствительности. Для теоріи продуктъ одного дня скульптора и остается продуктомъ одного дня и, если продуктъ одного дня труда равенъ по цѣнности другому продукту, который является результатомъ пятидневнаго труда, то здѣсь мы имѣемъ, какія допущенія мы бы ни дѣлали, съ очевиднымъ исключеніемъ, согласно которому мѣновая цѣнность благъ опредѣляется по количеству матеріализовавшейся въ немъ силы.“ Пока мы допустимъ, что трудовая цѣнность ограничена заранѣе такимъ относительнымъ значеніемъ въ духѣ Рикардо и Маркса.

42) см. Марксъ, т. I., р. пер. Даніельсона. стр. 271 и 488.

43) Недурныя замѣчанія по вопросу объ общественно-необходимомъ трудѣ

stanz“ опредѣленной массы человѣческой энергіи колебалась во всѣ стороны.

Другими словами абсолютное начало, „общая сущность“ сводилось постепенно къ своему „относительному значенію“ въ зависимости отъ всей совокупности нѣкотораго количества внѣшнихъ технико-естественныхъ и общественныхъ условій. Какъ бы украдкой и незамѣтно „цѣнность въ себѣ“ обращалась въ „мѣновую цѣнность“, въ „сравнительную цѣнность“, „соціальную цѣнность“, переходъ отъ которой къ рыночной цѣнѣ былъ уже не труденъ, даже просто неизбѣженъ. Разъ споткнувшись на краю пропасти, приходилось въ нее упасть, а между тѣмъ назойливые вопросы и сомнѣнія, какъ мы уже отчасти видѣли при анализѣ закона ренты и увидимъ еще сейчасъ, становились еще ярче и сильнѣе и, говоря словями Диля, становилось очевидно: „какъ ложенъ былъ путь, при которомъ для изслѣдованія цѣнности создавалось искусственное раздѣленіе сферы производства и обращенія“. „Объ эти сферы тѣснѣйшимъ образомъ соединены другъ съ другомъ. Нельзя взять гипотезу цѣнности изъ одной, первой изъ этихъ сферъ, при помощи которой затѣмъ провѣрять дѣйствительность; надо исходить изъ фактической реальной цѣны, чтобы объяснить скрывающуюся за ней законосообразность“ [44]).

Поразительна иногда бываетъ судьба философскихъ системъ. Марксъ. человѣкъ, который былъ всегда врагомъ метафизическихъ бредней, который былъ болѣе чѣмъ кто бы то ни было историкомъ, смотрѣлъ на исторію, какъ на вѣчно измѣняющійся процессъ, всѣ явленія оцѣнивалъ съ относительной точки зрѣнія, далъ самъ поводъ для своихъ учениковъ искать предвѣчнаго начала цѣнности. И это желаніе до сихъ поръ еще не умерло; до сихъ поръ многіе его ученики стремятся найдти это „абсолютное начало“, не понимая, что

см. у Франка, l. c. стр. 113—120. Какъ могъ видѣть читатель изъ моего анализа ренты и какъ обнаружится еще ниже я отнюдь не примыкаю къ выводу г. Франка, „что теорія общественно-необходимаго труда, какъ источника цѣнности, сводится сама собою къ теоріи, ставящей высоту цѣнности въ зависимости отъ состоянія потребностей“. Я очень далекъ отъ такого „субъективнаго“ взгляда. Я останусь на объективной почвѣ!

44) см. K. Diehl. Ueber das Verhältnis von Wert und Preis im ökonomischen System von K. Marx, Jena, 1898, стр. 31, 33. Диль мѣтко замѣчаетъ: „es gibt keinen permanenten Wert der Waren, von dem die thatsächlichen Preise nur Abweichungen darstellen. Die Productionskosten bilden wohl das Mindestmass dessen, was der bei der Konkurenz beteiligte Produzent bei Verkauf seiner Producte zu erlangen *sucht*, aber nicht das Mass für den Durchschnittspreis“.

главная заслуга ихъ учителя заключается именно въ его ошибкахъ, въ стремленіи вновь соединить процессъ производства и обращенія, открыть законъ, „мѣновой цѣнности“, годный для объясненія условій распредѣленія. Даже Бернштейнъ не чуждъ этого взгляда, какъ это видно изъ его отмѣченныхъ ниже статей его въ журналѣ „Новое Время“ [45]) и въ предисловіи къ книгѣ г. Буха.

На книгѣ г. Буха [46]) мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Этотъ писатель попытался возстановить абсолютное значеніе трудовой цѣнности. Я не намѣренъ, впрочемъ, останавливаться на детальной критикѣ формулы-гипотезы г. Буха, на неправильность которой и произвольный характеръ указали автору, какъ Бернштейнъ, такъ и другіе [47]). Для меня гораздо важнѣе будетъ отмѣтить тотъ отрицательный критическій путь который привелъ г. Буха къ его формулѣ и къ вытекающему изъ нея конечному выводу, который является замаскированнымъ возстановленіемъ двусторонней формулы цѣнности Смита-Мальтуса. Надѣюсь, что при помощи такого анализа этой теоріи мнѣ удастся отвергнуть всякія попытки укрѣпить абсолютную трудовую стоимость, выяснить путемъ надлежаго противопоставленія съ ученіями Бернштейна и Штольцмана нашу собственную теорію и показать то соотношеніе, которое существуетъ между „цѣнностью“ и „необходимымъ содержаніемъ“.

Какъ я уже сказалъ, г. Бернштейнъ не признаетъ самой формулы Буха и ея основаній правильными, указываетъ разныя противорѣчія этого писателя въ деталяхъ, вычисленіяхъ, пробѣлы въ систематичности изложенія и проч., но дѣлаетъ автору большой компли-

---

45) см. его статьи въ отвѣтъ на критическія замѣчанія Каутскаго: a) Arbeits oder Nutzwert, N. Z. 17 Jahrg., II. B, № 44 и 18 Jg., № 12 и 13 „Zur Theorie des Arbeitswerts“, рус. пер. въ отмѣч. сборникѣ.

46) См. Левъ Бухъ. Основные элементы политической экономіи: интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ, Спб. 1902.

47) напр. Lexis см. ниже. Современныя попытки вернуться къ двусторонней формулѣ измѣренія цѣнности и ихъ анализъ покажутъ, какъ мнѣ кажется, съ достаточной ясностью, какъ неправъ былъ проф. Мануиловъ, полагая, что „ученіе Смита и Мальтуса о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности, явилось отраженіемъ переходнаго періода въ исторіи капиталистическаго хозяйства, когда старыя начала продолжали играть выдающуюся роль въ жизни страны“. Особенно невѣрно это по отношенію Мальтусу, который, по моему мнѣнію, несмотря на всѣ свои противорѣчія, и отчасти даже именно благодаря имъ, былъ гораздо болѣе внимательнымъ наблюдателемъ и аналитикомъ вновь слагавшагося строя экономической жизни. То, что Рикардо представлялъ себѣ, какъ механическую схему, Мальтусъ постигалъ какъ реальность, какъ жизнь во всѣхъ ея противорѣчіяхъ.

ментъ, считая принципъ, положенный въ ея основаніе „неотразимымъ". „Если можно было бы, пишетъ Бернштейнъ, найдти мѣру, при помощи которой можно было бы вычислить степени интенсивности работы, то этимъ была бы устранена трудность опредѣленія трудовой цѣнности продуктовъ". „Правда", со скорбью замѣчаетъ онъ далѣе, эта цѣнность не дала бы никакого матеріала для сужденія о качествѣ, годности и потребительномъ значеніи продуктовъ. Но дѣло въ томъ, что эти послѣднія свойства товаровъ вообще относятся не къ трудовой цѣнности, а къ рыночной или мѣновой цѣнности. Какъ намѣренъ Бухъ опредѣлить послѣднюю, объ этомъ въ предлагаемомъ томѣ его сочиненія ничего не говорится". Бернштейнъ предполагаетъ, что онъ станетъ въ этомъ пунктѣ на сторону теоретиковъ предѣльной полезности, что будто бы „ясно видно изъ того, что формулированное имъ понятіе предѣльной интенсивности труда въ дѣйствительности является „физіологическимъ" въ противоположность „психологическому" понятію названной школы".

Мнѣ представляется, что Бернштейнъ совершенно ошибается и принципъ, изъ котораго исходитъ авторъ, весьма шатокъ. Несогласенъ и съ тѣмъ, что г. Бухъ не говоритъ ничего о мѣновой цѣнности. Склонится ли г. Бухъ къ предѣльной полезности или нѣтъ, я не знаю, но примѣнительно къ золоту его теорія цѣнности очень неутѣшительна и гласитъ, что „цѣнность золота опредѣляется исключительно закономъ спроса и предложенія". Посмотримъ же, какимъ путемъ идетъ г. Бухъ, куда онъ его приводитъ и гдѣ онъ ближе всего къ истинѣ, въ чемъ его основная ошибка, оставляя въ сторонѣ всѣ спорныя детали.

Г. Бухъ пишетъ: „цѣнность товаровъ вовсе не имѣетъ никакого отношенія къ процессу обмѣна товаровъ". „Мы безусловно протестуемъ, говоритъ онъ, противъ смѣшенія двухъ совершенно различныхъ понятій: о стоимости вообще, какъ о количествѣ, овеществленнаго въ товарѣ абстрактнаго человѣческаго труда, и о мѣновой цѣнности, какъ о пропорціи, въ которой потребительныя стоимости одного рода обмѣниваются на потребительныя стоимости другого рода. Теорія о мѣновой стоимости товаровъ (т. е. по принятой нами терминологіи о ихъ цѣнности), непосредственно связанная съ рѣшеніемъ вопроса о товарныхъ цѣнахъ, можетъ быть предметомъ обсужденія не ранѣе, какъ создана и обоснована теорія о стоимости товаровъ вообще, въ виду того, что послѣдняя составляетъ фундаментъ первой" [48]).

48) l. c. стр. 191, 175

Никакихъ новыхъ аргументовъ[49]) въ пользу того утвержденія, что только трудъ является, „стоимостеобразовательнымъ“, г. Бухъ не приводитъ и, слѣдуя за Марксомъ въ этомъ пунктѣ, онъ въ тоже время, яростно нападаетъ на вторую часть формулы цѣнности послѣдняго, которая гласитъ, что она „обратно пропорціональна производительной силѣ труда“.

„Процессъ труда, по его мнѣнію, заключается въ превращеніи потенціальной энергіи принятой пищи и вдыхаемаго кислорода въ механическую работу[50]); слѣдовательно, чтобы опредѣлить величину стоимости товара т. е. количество абстрактнаго труда, овеществившагося въ немъ, требуется узнать: 1. количество энергіи, превращенной рабочимъ въ единицу времени, въ механическую работу и 2. количество рабочаго времени, затраченнаго имъ на производство даннаго товара. Затѣмъ очевидно, чѣмъ больше превращено рабочимъ энергіи въ механическую работу въ единицу времени и чѣмъ больше употреблено имъ рабочаго времени на производство даннаго товара, тѣмъ будетъ больше и величина стоимости послѣдняго или говоря математическимъ языкомъ величина стоимости товаровъ прямо пропорціональна интенсивности и продолжительности труда, затраченнаго на ихъ производство“ [51]).

Какъ указываетъ иногда и самъ авторъ, Марксъ, говоря о рабочемъ времени, какъ мѣрилѣ для опредѣленія количества труда, само собою разумѣется, желалъ принять во вниманіе не только одно голое время, но и количество и качество энергіи, обнаруженное работникомъ при производствѣ даннаго продукта. Длинная и скучная полемика противъ якобы неточностей Маркса въ этомъ отношеніи могла бы быть опущенной. Недомолвки и противорѣчія встрѣчаются у каждаго писателя, не исключая отсюда и г. Буха. Но не въ этомъ

49) Ср. наши предшествовавшія замѣчанія объ „абсолютной трудовой стоимости“.

50) Авторъ имѣетъ, замѣтимъ кстати, въ виду только „механическій“ трудъ и оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о сведеніи духовной работы на механическую. Lexis по этому поводу справедливо пишетъ: „Die geistige Arbeit — zu der wir hier auch die einfache Anpassung der Aufmerksamkeit rechnen — ist mit der mechanischen inkommensurabel und passt nicht in die Gleichung von Erhaltung von Kraft . . . Man wird sich daher mit der allgemeinen Fassung begnügen müssen, dass die menschliche Arbeit — gleichviel ob körperliche oder geistige — eine Anstrengung ist und nur fortgesetzt werden kann mittelst einer genügenden Ernährung des Organismus und der Befriedigung gewisser anderer Bedürfnisse, deren Natur und Umfang von dem jeweiligen Kulturzustande abhängt“. Ueber einen neuen Versuch einer Arbeits- und Werttheorie.

51) l. c. 167 и для всего послѣдующаго § VIII-й.

дѣло. Это вопросъ болѣе или менѣе второстепенный. Вся суть въ томъ, что для г. Буха „очевидное“, для другихъ представляется совершенно ложнымъ и недоказательнымъ: интенсивность труда, какъ сумма затраченной энергіи, вовсе не опредѣляетъ еще цѣнности продукта.

Во первыхъ, исчисленіе интенсивности труда, если бы оно даже было возможнымъ, само по себѣ не можетъ устранить различій во внѣшней производительности труда, а, слѣдовательно, и представленія о томъ, что равная энергія воплощается въ неравныхъ количествахъ продукта или что разное количество энергіи воплощается въ равныхъ количествахъ продукта. Для производства одного и того же продукта А. можетъ быть истрачено одновременно и пять, и десять единицъ энергіи и одна и таже энергія въ пять единицъ можетъ создавать въ одномъ случаѣ А. продуктовъ, въ другомъ 2 А. Какова же будетъ стоимость продукта и какое благодаря этому „общество“ составитъ себѣ представленіе о цѣнности продукта? Выбросить вторую часть формулы Маркса легко; можно смѣло, но не доказательно утверждать, что „производительная сила труда, обусловленная вліяніемъ „природныхъ силъ“, такъ и „технико-производительная сила труда“ не играетъ никакой роли въ опредѣленіи стоимости и что весь „трагизмъ“, какъ выражается г. Бухъ, положенія заключается въ томъ, что „эти факторы вліяютъ на товарныя цѣны“ . . , но это не значитъ подвинуть рѣшеніе вопроса. Какое значеніе можетъ имѣть абсолютная стоимость, никому не нужная, если самореальнѣйшія товарныя цѣны стоятъ въ зависимости отъ этихъ факторовъ? г. Бухъ обходитъ трудности вопроса, разсматривая только условія однообразнаго видоизмѣненія производительной силы, вовсе не считаясь съ фактомъ постоянныхъ различій въ производительности именно благодаря наличности этихъ факторовъ, которыя не даютъ права говорить объ абсолютной стоимости въ зависимости только отъ труда при всѣхъ условіяхъ, капиталистическихъ или соціалистическихъ, общественной жизни. Мы уже ранѣе видѣли, что утвержденіе — трудъ единая творческая сила для человѣка — обнаруживаетъ только нашу склонность смотрѣть на все въ мірѣ, какъ на орудіе для удовлетворенія нашихъ потребностей и не болѣе. Такъ мы не рѣшаемъ вопроса, ни о цѣнности, ни о стоимости, но можемъ строить на этой почвѣ всякія теоріи распредѣленія. „Относительная“ формула объ общественно-необходимомъ трудѣ съ его различіями въ производительности, какъ ее даетъ Марксъ, хотя и не рѣшаетъ вопроса о цѣнности, но она во много разъ предпочтительнѣе „абсолютной формулы“ Буха, физіологическія выкладки

котораго столь же неясны, какъ и психологическія умствованія сторонниковъ предѣльной полезности.

Во вторыхъ, важно не только количество затраченной энергіи, но и ея качество. Далѣе, одинъ и тотъ же результатъ можетъ быть полученъ при разной затратѣ энергіи. Одинъ производитель для изготовленія продукта А. будетъ работать всѣми своими мышцами и нервами, истратитъ максимальную энергію, другой создастъ его съ минимумомъ затратъ, какъ бы незамѣтно для себя; одинъ создастъ продуктъ А высокихъ качествъ, другой тотъ же продуктъ низкихъ качествъ съ одинаковой интенсивностью труда [52]).

Въ третьихъ какое значеніе имѣетъ это исчисленіе абсолютной стоимости, какъ затраты энергіи, если произведенный продуктъ не нуженъ потребляющему обществу: „абсолютная стоимость“ обратится, очевидно, въ „абсолютную растрату“ и невольно возникнетъ

---

52) Самъ г. Бухъ показываетъ, какъ невозможно и не выполнимо это стремленіе найдти способъ исчисленія затраченной на продуктъ энергіи. Онъ говоритъ, что интенсивность труда измѣряется количествомъ механической работы въ единицу времени, и всѣ условія, вліяющія на интенсивность труда, раздѣляетъ на четыре категоріи: 1) климатическія и почвенныя условія; 2) условія наслѣдственности; 3) условія, находящіяся въ зависимости отъ экономическаго положенія рабочихъ классовъ: воспитаніе, образованіе, жилище, одежда и вообще образъ жизни; 4) условія, находящіяся въ зависимости отъ способовъ эксплуатаціи труда: длина рабочаго дня и проч.“. Возможно ли подсчитать при такихъ условіяхъ эту сумму энергіи! Авторъ говоритъ, что понятіе о производительной силѣ труда слишкомъ обще и неопредѣленно, а его понятіе объ интенсивности и продолжительности труда развѣ яснѣе? Развѣ онъ нашелъ масштабъ для сравненія разныхъ видовъ энергіи?

Мы уже отмѣтили, что Каутскій отказался дѣлать подобныя исчисленія, Возражая проф. Бему, одинъ изъ новѣйшихъ писателей Гильфердингъ пытается доказать, что „высота цѣнности только *теоретически* измѣримая величина“, что не слѣдуетъ смѣшивать теоретическую и *практическую* измѣримость. „Я могу, пишетъ онъ, изъ опыта установить конкретную затрату труда (??) на производство опредѣленнаго блага. Насколько этотъ конкретный трудъ будетъ общественно-необходимымъ, насколько онъ, поэтому, будетъ образующимъ цѣнность, я былъ бы въ состояніи опредѣлить только тогда, *если бы я могъ высчитать среднюю степень производительности и интенсивности труда вообще, а также и количество потребнаго продукта этого рода*. Это значило бы, однако, требовать отъ единичнаго лица то, что совершаетъ общество. Ибо счетчикомъ, который можетъ вычислить цѣну, является общество, а средствомъ для этого является — конкуренція“. Авторъ ошибается въ томъ, что онъ можетъ вычислить даже въ единичномъ случаѣ все количество потраченнаго труда; такое же какъ вышеуказанное „теоретическое измѣреніе“ — есть просто отказъ отъ всякаго измѣренія, а конкуренція можетъ обнаруживать свою силу только чрезъ доходы. См. Marx-Studien B. I, Wien, 1904 г., стр. 21—2.

старый вопросъ, да развѣ трудъ уже такъ неизбѣжно, и всегда бываетъ стоимостеобразовательнымъ? Вѣдь, для общества важенъ не столько трудъ, какъ его результаты и притомъ желательные. По внѣшнимъ результатамъ мы можемъ вѣрнѣе и объективнѣе судить о работникѣ, какъ о творцѣ. Много труда и плохіе результаты несчастіе для производящаго общества и гибель въ условіяхъ обмѣна и общественной жизни.

Въ четвертыхъ, что всего важнѣе самъ авторъ губитъ все свое построеніе. „Оставаясь на почвѣ фактовъ, опредѣляющихъ величину стоимости товаровъ и строго воздерживаясь отъ всякихъ поползновеній преждевременно затрагивать вопросъ о товарныхъ цѣнахъ, въ зависимости отъ ихъ стоимости, мы должны замѣтить, пишетъ авторъ, что каждый трудъ, который прилагается къ производству товаровъ, *долженъ* считаться стоимости-образовательнымъ въ независимости отъ степени его интенсивности“. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо брать въ разсчетъ трудъ „дѣйствительной“, а „не средней интенсивности“. „Для того, чтобы отыскать величину средне-интенсивнаго труда и опредѣлить сколько рабочій, обладающій этимъ талисманомъ, производитъ механической работы въ единицу времени, для этого надо взять рабочихъ всего міра и сдѣлать цѣлый рядъ сложнѣйшихъ вычисленій“.. Авторъ признаетъ, что эта „невозможная статистика“ также еще ничего не дастъ, такъ какъ работа всегда совершается при помощи какихъ либо орудій, достоинство которыхъ „безконечно разнообразно и вмѣстѣ съ тѣмъ несоизмѣримо“. „Не будетъ, *пожалуй*, безполезно добавить, продолжаетъ авторъ, что не менѣе безнадежны должны оказаться попытки опредѣленія величины средней интенсивности и косвеннымъ путемъ, напр. посредствомъ динамометра. Трудъ рабочихъ, занятыхъ въ различныхъ производствахъ неодинаковъ по своимъ проявленіямъ: въ одномъ требуется мускульная сила, въ другомъ вниманіе и ловкость, въ третьемъ острое зрѣніе и проч. Между тѣмъ *достовѣрно извѣстно*, что пока еще никто не изобрѣлъ инструмента для вычисленія интенсивности всѣхъ профессіональныхъ напряженій и для выраженія ихъ въ одной всеобщей формулѣ, допускающей выводъ о средне-интенсивномъ трудѣ“. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что представленіе о „среднемъ нормальномъ общественно-необходимомъ времени“ безплодно и безполезно для теоріи цѣнности.

Это „дополненіе“ дѣйствительно не безполезно. Авторъ самъ отлично доказалъ, что вся его попытка идти по старой дорогѣ слишкомъ ненадежна. Исчислять сумму той трудовой энергіи, которая

воплощена въ товарахъ человѣчество никогда не возмется, да это ему и совершенно ненужно и невозможно, а, слѣдовательно, и пора оставить старую дорогу искать закона „абсолютной стоимости". Онъ приводитъ къ собственной гибели творцовъ такихъ теорій. Жизнь знаетъ нѣчто болѣе реальное, чѣмъ исчисленіе трудовой энергіи: заработную плату работника и результаты его труда[53]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ первой части своей работы, авторъ пытается заставить насъ вѣрить, что „всякій трудъ стоимостеобразователенъ", но не доказываетъ этого положенія и къ тому же отлично убѣждаетъ насъ, и въ этомъ его главная заслуга, что исчисленіе абстрактнаго труда, овеществившагося въ продуктѣ, невозможно. Авторъ находитъ исходъ въ гипотезѣ „предѣльной интенсивности труда", которая, конечно, также неисчислима какъ и средняя интенсивность[54]), и мы послѣдуемъ за нимъ, чтобы внимательно оцѣнить его конечный выводъ, который намъ очень и очень будетъ полезенъ.

Уже при одномъ прочтеніи формулы-гипотезы автора бросается въ глаза, что авторъ оставляетъ свой абсолютный, физіологическій методъ и благополучно возвращается, какъ бы самъ того не замѣчая, въ русло покинутыхъ общественныхъ отношеній. При ближайшемъ же анализѣ вся гипотеза немедленно рушится.

Предѣльная интенсивность труда, при помощи которой авторъ стремится замѣнить, какъ бы безсознательно, предѣльную производительность труда Рикардо, зависитъ согласно автору отъ двухъ условій: 1. отъ потребленія рабочимъ всего продукта своего труда и 2. отъ примѣненія къ процессу труда нормальнаго рабочаго времени, повидимому, въ предѣлахъ восьми часовъ. По мнѣнію автора дневная интенсивность труда прямо пропорціональна величинамъ показывающимъ долю рабочаго въ производимыхъ стоимостяхъ и обратно пропорціональна величинамъ изображающимъ длину рабочаго дня. Напр.

---

53) Цѣлый рядъ англійскикъ теоретиковъ мало по малу приходятъ къ убѣжденію, что трудъ слѣдуетъ измѣрять тѣмъ, что онъ производитъ. см. Smart, Studies in Economics; Hill Burton Political and Social Economy, p. 30. Буртонъ пишетъ: „трудъ нельзя измѣрять временемъ, а тѣмъ, что онъ производитъ".

54) Всѣ аргументы противъ исчисленія „средней интенсивности", приведенные г. Бухомъ, конечно, равно примѣнимы и къ предѣльной, какими бы способами мы къ исчисленію ея не подходили. Требуется всегда поставить вопросъ, имѣемъ ли мы со средней, предѣльной интенсивностью, производительностью труда и тому подобными величинами, какъ явленіями типическими или только это не болѣе, какъ статистическіе абстракты.

Продолжительность раб. дня	Доля рабочаго	Дневная интенсивность труда
8 часовъ	1 (т. е. весь продуктъ)	1 (предѣльная
9 „	1 „	0,888 „
12 „	1 „	0,666 „
9 „	0,3939 „	0,3554 „
12 „	0,3939 „	0,2626 „
12 „	0,3866 „	0,2577 „
и т. д.		

Исчисленія получаются изъ пропорцій: $x : 1 = 8 : 9$; $x = 0{,}8888$; $x : 1 = 8 : 12$; $x = 0{,}6666$; $x : 1 = (0{,}3939. \ldots . 8) : (1. 9), = 03554$; $x : 1 = (0{,}393.98) : (1.12)$; $x = 0{,}2666$ и т. д.

Исходя изъ такой элементарной математической формулы, г. Бухъ безъ особаго труда разрѣшаетъ всѣ затрудненія капиталистической теоріи цѣнности. „Въ ранній періодъ развитія, до общественнаго раздѣленія труда, пишетъ онъ, человѣкъ производилъ предметы потребленія исключительно для удовлетворенія своихъ потребностей, тогда потребитель и производитель сливался въ одной личности. Въ переходную эпоху, съ возникновеніемъ общественнаго раздѣленія труда, производитель, будучи еще самостоятельнымъ хозяиномъ, обмѣнивалъ свои продукты непосредственно на продукты другихъ самостоятельныхъ работниковъ. При такихъ условіяхъ обмѣнъ продуктовъ являлся неизбѣжнымъ регуляторомъ экономической жизни, при его посредствѣ осуществлялась *единственная цѣль той эпохи, которая требовала охраненія самостоятельности хозяина-работника* отъ эксплуатаціи его другими людьми. Каждый хозяинъ-работникъ при общественномъ раздѣленіи труда могъ благодаря обмѣну продуктовъ получать въ свое пользованіе, какъ потребитель именно то количество чужого труда въ продуктахъ, стоимость которыхъ *приблизительно* соотвѣтствовала стоимости его собственныхъ продуктовъ, даваемыхъ въ обмѣнъ на первые. (Авторъ дѣлаетъ ссылку на Смита). При капиталистическомъ производствѣ обмѣнъ перестаетъ служить элементомъ, связывающимъ во-едино интересы производителя и потребителя, мѣсто его въ соотношеніи интересовъ занимаетъ другой факторъ: купля-продажа, которая отличается отъ обмѣна. *Обмѣнъ* предполагаетъ непремѣнно замѣну одного продукта другимъ, обладающимъ одинаковой съ нимъ стоимостью, *купля-продажа,* какъ порожденіе экономическаго строя, сущность котораго заключается въ эксплуатаціи производителя капиталомъ, предполагаетъ, напротивъ, выгоду для капитала при совершеніи этой сдѣлки: купить дешево, продать дорого. Эта эксплуа-

тація капиталомъ совершается *какъ въ сферѣ производства, такъ и въ сферѣ обращенія* товара на рынкѣ. Въ первоначальную и переходную эпоху, поэтому, трудъ пріобрѣтенія равнялся труду производства или говоря иначе *цѣнность* продукта равнялась его *стоимости*.

При капиталистическомъ производствѣ рабочій поставленъ въ совершенно иныя условія: для производства даннаго продукта всегда требуется меньшее количество труда по сравненію съ тѣмъ, который необходимъ для пріобрѣтенія того же самаго продукта въ собственность и потому цѣнность товара *всегда должна быть выше ихъ стоимости*. Поэтому и цѣнность есть понятіе о количествѣ труда, необходимаго для присвоенія или для пріобрѣтенія товаровъ данной стоимости. Величина цѣнности товаровъ находится, слѣдовательно, въ зависимости отъ величины доли рабочихъ въ производимыхъ ими стоимостяхъ и обратно . . . или иначе, „относительная величина цѣнности товаровъ прямо пропорціональна величинамъ ихъ стоимостей и обратно пропорціональна величинамъ долей въ производимыхъ стоимостяхъ, получаемыхъ рабочими въ формѣ заработной платы“ [55])[56]).

Я съ большой охотой и энергіей готовъ, вмѣстѣ съ г. Бухомъ, защищать восьмичасовый рабочій день. Г. Бухъ совершенно правъ, показывая во многихъ мѣстахъ своего труда, какъ несправедливы отношенія, истощающія чрезмѣрнымъ трудомъ рабочаго. Не могу не присоединиться къ нему и въ томъ, что „физіологія, къ сожалѣнію, не можетъ при данномъ состояніи науки, категорически отвѣтить на

---

55) Бухъ, l. c. стр. 191—196. Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

56) Разбирая въ общемъ правильно ученіе Мальтуса о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности, профессоръ Мануиловъ совершенно не оцѣнилъ по достоинству одинъ изъ курьезнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ аргументовъ Мальтуса въ пользу своего ученія. Мальтусъ пишетъ: „мнѣ кажется что я съ успѣхомъ доказалъ, что качество мѣрила цѣнностей не указываетъ на общую способность покупать, обладаемую даннымъ товаромъ, но его способность покупать, благодаря всѣмъ присущимъ ему внутреннимъ свойствамъ, подъ которыми понимаются всѣ причины, какого бы рода онѣ ни были, которыя содѣйствуютъ ограниченію его предложенія сравнительно съ спросомъ“. „Трудъ, непосредственный и въ видѣ накопленнаго запаса его въ капиталѣ, не является единственнымъ элементомъ, на которомъ основывается и при помощи котораго измѣряется относительная цѣнность товаровъ, обмѣниваемыхъ въ томъ или другомъ мѣстѣ или въ то или другое время“. Мальтусъ настойчиво старается укрѣпить мысль, что „количество труда, котораго стоило производство вещи, охватываетъ только одно это обстоятельство, напротивъ, количество труда, которое покупается вещью охватываетъ всѣ обстоятельства, вліяющія на цѣнность“. „Если два товара покупаютъ одинаковое количество одного и того же труда, они равны по цѣнности“. См. Principes, пер. M. Monjean, изд. 1846 г., Sect. IV и V, стр. 77, 87, 98 и друг.

вопросъ, какой длины рабочій день слѣдуетъ признать нормальнымъ". Я также убѣжденъ, что улучшеніе въ положеніи рабочаго класса „можетъ" увеличить „въ извѣстныхъ предѣлахъ" интенсивность труда рабочаго, но всѣ эти правильныя мысли по существу дѣла не имѣютъ никакого опредѣленнаго отношенія къ вопросу о цѣнности: имъ здѣсь нѣтъ мѣста. Любопытно то, что ни самъ г. Бухъ, ни его апологетъ и разрушительный критикъ Бернштейнъ не замѣчаютъ, что „якобы" великое открытіе г. Буха представляетъ маленькое и не существенное видоизмѣненіе формулы Адама Смита-Мальтуса, которая была высказана и особенно развита послѣднимъ почти сто лѣтъ тому назадъ. Если я останавливаюсь на ней, то только потому, что четыре особенности этого построенія повторяются въ литературѣ безконечное число разъ и должны быть разъяснены. Наличность этихъ теорій воочію показываетъ, какъ ложны попытки возродить абсолютную трудовую стоимость, что труды Рикардо пропали для современныхъ изслѣдователей какъ бы безрезультатно, благодаря недостаточности его пониманія Мальтуса, благодаря той неопредѣленности, съ которой онъ высказался относительно *причинъ* существованія прибыли на предѣльной землѣ.

Особенности этой теоріи, которая будетъ подлежать нашему анализу въ послѣдующемъ параграфѣ таковы; 1. капиталистическому строю предшествуетъ какой то экономическій строй, когда трудовая цѣнность была реальнымъ фактомъ жизни. 2. для капиталистическаго строя важны два масштаба для опредѣленія цѣнности: труда производства и пріобрѣтенія. 3. Обмѣнъ и купля-продажа не одно и тоже; эксплуатація рабочаго совершается не только въ сферѣ производства, но и обращенія. Онъ эксплуатируется не только какъ производитель, но и какъ потребитель, и 4. цѣнность зависитъ отъ нормы эксплуатаціи рабочаго; она при капиталистическомъ строѣ „должна быть" выше стоимости и заработная плата имѣетъ „главнѣйшее опредѣляющее значеніе для цѣнности".

Бернштейнъ[57]) видитъ главную заслугу г. Буха именно въ томъ, что она дѣлаетъ „главнымъ опредѣлителемъ цѣнности заработную плату". Онъ въ своихъ трудахъ безконечное число разъ цитуетъ пресловутое мѣсто изъ К. Маркса[58]), въ которомъ этотъ писатель

57) Bernstein, N. Z., l. c. 18 Jg. I. B. стр. 401—403.

58) Kapital, B. I, 2 Aufl., стр. 186. Вотъ это пресловутое мѣсто: „трудъ, являющійся по отношенію къ среднему общественному труду, какъ трудъ болѣе сложный, трудъ болѣе высокаго качества есть ничто иное какъ проявленіе рабочей

будто бы придаетъ заработной платѣ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о цѣнности.

силы, которая требовала большихъ издержекъ на обученіе и воспитаніе и которая поэтому имѣетъ болѣе высокую мѣновую стоимость, чѣмъ простая рабочая сила. Но если цѣнность этой силы выше, то она проявляется и (aber) въ трудѣ также болѣе высокаго качества и воплощается поэтому (daher) въ теченіе одного и того же времени въ цѣнностяхъ, имѣющихъ большую величину.“ Это мѣсто является отголоскомъ воззрѣній Смита и Рикардо, которые всегда полагали, что при посредствѣ торга устанавливается извѣстное отношеніе между различными видами труда по размѣрамъ вознагражденія. Рикардо пишетъ: „оцѣнка разнородныхъ качествъ труда приспособляется на рынкѣ скоро и достаточно точно для всѣхъ практическихъ цѣлей и въ сильной степени зависитъ отъ *сравнительной ловкости* работника и отъ *интенсивности его труда*. Разъ установившаяся сравнительная школа подвержена незначительнымъ измѣненіямъ. Если день труда ювелира болѣе цѣнится, чѣмъ день труда простого рабочаго, то къ этому обстоятельству отношенія уже давно приспособились и оно заняло надлежащее мѣсто въ шкалѣ (уровнѣ) цѣнностей“. Principles, изд. Gonner, l. c. 15. Еще въ 1895 году по поводу этихъ мѣстъ я писалъ въ своемъ трудѣ „Деньги“: „прежде всего количество затраченной энергіи для пріобрѣтенія навыка къ труду представляетъ величину крайне неопредѣленную и измѣнчивую, въ особенности если взять ее въ разныхъ странахъ. Чтоже касается до второго положенія, то оно представляется въ высшей степени спорнымъ и до сихъ поръ мы, повидимому, не въ состояніи разсчитать, гдѣ затрачивается больше энергіи въ простомъ или квалифицированномъ трудѣ. Въ дѣйствительности, всѣ представители классической экономіи знаютъ, что на рынкѣ сведеніе однихъ видовъ труда къ другимъ совершается при помощи сопоставленія платъ. Предположимъ даже съ Рикардо и Марксомъ, что стоимость содержанія рабочаго опредѣляется издержками его воспитанія и содержанія. При большей затратѣ времени и при большей нервно-мышечной напряженности труда содержаніе его должно быть выше, но количество затраченной энергіи можетъ быть вдвое выше, между тѣмъ потребное увеличеніе содержанія вовсе не должно стоять въ прямомъ математическомъ отношеніи къ затратѣ энергіи; оно можетъ возрасти въ полтора раза“; — „вопросъ о связи вознагражденія съ затрачиваемой мускульной и нервной энергіей слѣдуетъ пока въ наукѣ считать открытымъ.“ стр. 233—5.

Это мѣсто изъ сочиненія Маркса, однако, вовсе не доказываетъ, будто онъ приводилъ заработную плату въ связь съ цѣнностью. Нѣсколькими строками далѣе онъ поясняетъ, что для всѣхъ видовъ труда *прибавочная цѣнность* создается *прибавочнымъ трудомъ*. Все сочиненіе его проникнуто единой мыслью, что доходы не имѣютъ отношенія къ цѣнности, какъ ее образующіе факторы. Гильфердингъ совершенно правъ, возражая Бернштейну: „если дана норма эксплуатаціи простаго труда, то еще нѣтъ основаній прилагать ее къ квалифицированному; *она быть можетъ значительно меньше*. Ни прямо, ни косвенно плата квалифицированнаго работника не говоритъ относительно цѣнности, которую этотъ трудъ *вновь* создаетъ“. Что же касается до утвержденія этого писателя, что трата квалифицированнаго труда „bedeutet daher die Verausgabung all der verschiedenen einfachen Arbeiten die in ihr gleichsam condensiert erscheinen“, то оно не даетъ ничего новаго и послѣ отмѣченнаго выше замѣчанія безплодно l. c. Marx-Studien, стр. 19.

Въ этомъ мѣстѣ нѣтъ ничего новаго и интереснаго для того, кто хотъ разъ держалъ въ рукахъ труды Смита и Рикардо. Этотъ послѣдній писатель отрицалъ вліяніе заработной платы на цѣны только тогда, когда плата была величиной и единой, и всеобщей. Дифференціальная заработная плата, по его ученію, могла оказывать вліяніе на цѣны, если она не поглащала соотвѣтственную долю прибыли. Бернштейнъ придаетъ этому мѣсту совершенно иное толкованіе. Онъ ставитъ вопросъ: „является ли продуктъ, овеществившійся трудъ, или производитель, работникъ, центральнымъ пунктомъ движенія? Если первый, то это ведетъ, по его мнѣнію, необходимо къ потребительной цѣнности, къ полезности, какъ къ конечному и рѣшающему фактору опредѣленія цѣнности; если послѣдній, то тогда рѣшающимъ факторомъ является заработная плата и вся трудность лежитъ тогда только въ томъ, что лишь въ *рабочихъ платахъ*, а не въ *количествахъ труда*, должна лежать конечная тайна цѣнности товаровъ“. Другими словами, Бернштейнъ говоритъ о вліяніи на цѣны не дифференціаціи платъ, а платъ, какъ таковыхъ, какъ всеобщаго, хотя бы и единаго явленія по своимъ величинамъ.

Самъ Бернштейнъ не разрѣщаетъ этого вопроса. Онъ только стремится показать, что попытка Буха при посредствѣ заработной платы измѣрить сумму затраченной энергіи не выдерживаетъ критики и это дѣлаетъ мастерски.

Вотъ что пишетъ Бернштейнъ: „предѣльная интенсивность труда опредѣляется у г. Буха двумя факторами. Прежде всего рабочимъ временемъ. Это разумно и послѣдовательно. Чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ возможнѣе бо̀льшая интенсивность труда. Второй факторъ заработная плата или вѣрнѣе отношеніе ея къ цѣнности. Здѣсь отношеніе менѣе ясно. Бухъ полагаетъ, что интенсивность труда тѣмъ больше, чѣмъ большую долю своего продукта рабочій потребляетъ самъ. Это, однако, вовсе не такъ вѣрно. Безъ сомнѣнія, хорошо питаемый рабочій работаетъ лучше, чѣмъ худопитаемый и посколько питаніе зависитъ отъ платы хорошо оплачиваемый рабочій лучше сравнительно съ худо оплачиваемымъ. Однако, отношеніе между заработной платой и продуктомъ зависитъ не только отъ высоты заработной платы; оно въ высокой степени опредѣляется изъ отношенія между оборотнымъ, рабочихъ вознаграждающимъ капиталомъ, и тѣмъ, что Марксъ называетъ постояннымъ. Хорошо оплачиваемый работникъ можетъ получить гораздо меньшую долю въ цѣнности своего продукта, чѣмъ гораздо хуже оплачиваемый работникъ. Мы наталкиваемся здѣсь въ логическомъ развитіи на тоже предположеніе под-

лежащаго доказательству, съ которымъ мы встрѣчались и при вычисленіяхъ. Бухъ принималъ, постоянно въ наличности одну и туже норму эксплуатаціи и получалъ такимъ образомъ, великолѣпную гармонію результатовъ. Отъ него и непредупрежденнаго читателя ускользаетъ, что его положеніе имѣетъ внутреннее противорѣчіе. . . Другое сомнѣніе по части этого положенія заключается въ томъ, что оно ставитъ въ зависимость производительность рабочаго отъ заработной платы, которая въ дѣйствительности осуществляется „только въ извѣстныхъ предѣлахъ и при извѣстныхъ условіяхъ". Высшее вознагражденіе не значитъ необходимо потребленіе, которое ведетъ къ высшей интенсивности труда или просто высшую интенсивность. Выше оплачиваемый англійскій работникъ напр. отнюдь не работаетъ интенсивнѣе своего континентальнаго товарища. Далѣе, рабочій продуктъ строительнаго рабочаго не подверженъ иностранной конкуренціи и постолько зависитъ отъ другого образованія цѣнъ, чѣмъ цѣна продукта ткацкаго работника. . . Кромѣ того, при конкуренціи рѣшаетъ вопросъ не интенсивность, а производительность труда, которая въ высшей степени, но не исключительно опредѣляется интенсивностью. Измѣримость отношенія между платой и цѣнностью дѣло особое. Мы уже видѣли, что авторъ, чтобы вычислить соотвѣтствующія цыфры для ткацкаго дѣла, соединяетъ воедино ткача, который получаетъ втрое болѣе высокую плату, съ мотальщикомъ; трудно думать, чтобы онъ и могъ сдѣлать иначе. Цифра интенсивности, которая такъ получена, не годна ни для того, ни для другого. Кромѣ того, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что процессъ обработки сырого хлопка въ пряжу требуетъ больше работниковъ, а не однихъ ткачей и мотальщиковъ, такъ что отношеніе одной заработной платы ткачей для опредѣленія различій въ цѣнѣ хлопка и пряжи приводитъ къ совершенно ошибочному результату. Да, даже если бы онъ принялъ, какъ одну единую группу всѣхъ этихъ потребныхъ работниковъ, то и тогда его вычисленіе было бы ненадежнымъ, ибо работникъ въ бюро тоже принадлежитъ къ необходимымъ затратамъ производства, которыя входятъ въ цѣну издержекъ продукта. Математическое же вычисленіе долей участія всѣхъ работниковъ или отдѣльныхъ ихъ группъ въ отношеніи къ ихъ продукту, если различные роды труда безъ дальнѣйшихъ разговоровъ не признаются качественно одинаковыми, представляетъ собою фактическую невозможность. Если же ихъ признаютъ равными, то оно становится ненужнымъ при исчисленіи интенсивности. . . Если я знаю, что ткачъ получаетъ семь шиллинговъ въ день, а мотальшикъ два, то я знаю — при предположеніи

правильности теоріи — насколько интенсивнѣе трудъ перваго по сравненію со вторымъ. Ибо, если доля участія въ продуктѣ 30,40 или 70%, въ этомъ отношеніи не мѣняется ничего. . . Какое же значеніе можетъ имѣть привлеченіе доли вознагражденія въ вычисленіе трудовой цѣнности? Мы знаемъ, что относительно реальной физической интенсивности оно не говоритъ намъ ничего достовѣрнаго. Рабочій въ предпріятіи, которое употребляетъ дорогія машины, получаетъ въ заработной платѣ значительно меньшую долю разницы между цѣною сырого матеріала и фабриката, сравнительно съ работникомъ въ промыслѣ, гдѣ машины играютъ меньшую роль. Можно ли на этомъ основаніи сказать, что напр. хлопчатобумажный ткачъ Ланкашира, который наблюдаетъ за сельфакторомъ въ 2600 веретенъ, менѣе интенсивно работаетъ, чѣмъ какой нибудь сапожникъ или столяръ? Принятіе во вниманіе доли вознагражденія тѣмъ необходимѣе, чѣмъ оно въ конечномъ анализѣ просто сводится къ измѣренію интенсивности труда по масштабу фактическаго вознагражденія т. е. къ послѣдствію, что, такъ какъ опредѣленный трудъ вознаграждается въ опредѣленномъ отношеніи къ общему доходу, то этотъ трудъ — при принятіи во вниманіе различій во времени труда представляетъ опредѣленную интенсивность. Изъ экономическаго вознагражденія будетъ дѣлаться заключеніе къ количеству траты физіологической энергіи. Насколько можно защищать этотъ post hoc ergo propter hoc, можно съ полнымъ правомъ сдѣлать исходнымъ пунктомъ разсужденій высоту заработной платы“. . . Таковъ уничтожающій анализъ Бернштейна, къ которому пока мы не считаемъ нужнымъ прибавлять ни слова.

Бернштейнъ справедливо говоритъ, что безъ обращенія къ реальнымъ „рыночнымъ платамъ“ вся трудовая цѣнность Буха „виситъ въ воздухѣ“; другими словами „предѣльная производительность“ привела насъ къ рыночной цѣнѣ, туда же привелъ насъ и Бухъ своими тяжело составленными выкладками и разсужденіями! Другой писатель, задолго до Бернштейна свелъ цѣнность также къ заработной платѣ и къ теоріи Смита-Мальтуса. Я говорю о Штольцманѣ.

Штольцманъ принадлежитъ къ числу наиболѣе талантливыхъ противниковъ теоріи Бэмъ-Баверка и его ученіе особенно цѣнно, ибо онъ стремится сохранить связь новаго зданія теоретической экономіи съ прежними и нынѣ устарѣлыми доктринами классиковъ. Онъ полагаетъ, что только реформа, а не полное ниспроверженіе трудовой цѣнности „можетъ дать возможность и право политической экономіи вывести соціально-политическую реформу на ровную дорогу съ сохраненіемъ необходимаго научнаго аппарата“.

Штольцманъ настойчиво повторяетъ, что „единица пропитанія“ рабочаго, т. е. необходимое содержаніе по старой терминологіи Мальтуса, остается всегда первоначальнымъ моментомъ опредѣленія цѣнности. Внесеніе этой идеи представляется ему обоснованіемъ соціальной категоріи въ ученіи о цѣнности. Вотъ что пишетъ онъ [59]).

„Размѣръ этого необходимаго содержанія опредѣляется впервые борьбою соціальныхъ силъ между городомъ и деревней. Какимъ результатомъ закончится эта борьба? Каждый работникъ, какъ городской, такъ и сельскій получитъ необходимое содержаніе только такой величины, какая можетъ получиться при данныхъ классовыхъ отношеніяхъ: данный образъ жизни рабочихъ, ихъ сила, ихъ потребности и уваженіе, которое къ нимъ въ данное время питаютъ, какъ людямъ, по существующимъ представленіямъ о человѣческомъ достоинствѣ и согласно требованіямъ этики и религіи, опредѣлятъ этотъ размѣръ“.

„По какимъ же законамъ опредѣлится цѣнность составныхъ частей этого необходимаго содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность благъ вообще? Во всякомъ случаѣ и теперь чрезъ затраченное на ихъ доставленіе количество труда, но какого труда? Одну часть общаго совокупнаго продукта получаетъ теперь землевладѣлецъ въ видѣ своего рентнаго дохода и совокупный продуктъ, который содержитъ ренту и заработную плату, производится uno actu и въ томъ смыслѣ единъ (einmässig), что изъ него безъ дальнѣйшаго не можетъ быть выдѣлено ни одно количество, какъ часть. . . При помощи того метода мы не придемъ къ цѣли, если одну часть, слѣдуя Марксу, будемъ считать необходимымъ трудомъ т. е. тѣмъ, который требуется для изготовленія доли рабочаго, а другую часть разсматривать, какъ прибавочный трудъ, создающій ренту. Ибо, какъ я сказалъ, совокупный продуктъ производится трудомъ uno actu; нельзя утверждать, что первая часть труда или какъ примѣрно говоритъ Марксъ — первые шесть часовъ труда, производятъ необходимое содержаніе, остальные ренту, совершенно игнорируя при этомъ дальнѣйшее затрудненіе, что одинъ и тотъ же трудъ въ зависимости отъ плодородія и положенія земли приносятъ различное количество продуктовъ“.

„Изъ этой дилеммы имѣется только одинъ исходъ: должно окончательно оставить старое суевѣріе, что трудъ, какъ производи-

59) Die Sociale Kategorie, l. c. стр. 334, 335, 337 и слѣд., — § 40-законы цѣнности, единица пропитанія, цѣнность сырыхъ продуктовъ и рента въ не-капиталистическомъ обществѣ.

тельный факторъ, а priori, какъ послѣднее достаточное основаніе опредѣляетъ цѣнность. Утвержденіе, что затраченное количество труда опредѣляетъ цѣнность, прежде всего, должно быть надлежащимъ образомъ измѣнено и объяснено въ томъ смыслѣ, что подъ нимъ понимается не только трудъ, какъ двигающее матеріей обнаруженіе силы, но трудъ въ болѣе широкомъ, личномъ и соціальномъ значеніи, трудъ, какъ вознагражденіе работника, необходимо имѣющаго право на долю участія въ результатахъ производства, трудъ не потому, что онъ создаетъ извѣстные производительные результаты, но трудъ, посколько онъ требуетъ вознагражденія т. е. не трудъ самъ по себѣ, а то что ему дается въ видѣ необходимаго содержанія или заработная плата".

„Такимъ образомъ, продолжаетъ Штольцманъ, мы получаемъ какъ бы тавтологію: цѣнность массы продукта, которая во всемъ своемъ единствѣ составляетъ рабочее потребленіе, опредѣляется соціально-необходимымъ содержаніемъ; другими словами, чрезъ сложенную цѣнность тѣхъ же необходимыхъ предметовъ потребленія рабочихъ. Эта кажущаяся тавтологія не заключала бы въ себѣ, однако, ничего нелѣпаго; она была бы только констатированіемъ по существу давно признанной физіократами, Смитомъ и Мальтусомъ истины и только ея бо̀льшимъ разъясненіемъ, а именно, что цѣнность благъ рабочаго потребленія, взятая какъ цѣлое, имѣетъ „внутреннюю цѣнность", цѣнность, которую нельзя выводить изъ другихъ болѣе глубоко лежащихъ основаній, но которая, какъ суммированная единица цѣнности à priori, изъ самой себя, составляетъ само собой разумѣющееся интегральное мѣрило цѣнности всѣхъ благъ".

„Указанная единица цѣнности, продолжаетъ онъ, потому кажется недостаточной и неполной, ибо она стремится, прежде всего, опредѣлить цѣнность не всѣхъ продуктовъ производительныхъ операцій, а включаетъ въ себѣ только блага рабочаго потребленія, тогда какъ совокупный продуктъ почти въ каждомъ предпріятіи, кромѣ платы, включаетъ въ себѣ ренты въ натурѣ или по цѣнности т. е. разлагается на ренту, прибыль и заработную плату. . . Но я хотѣлъ бы утверждать, что этотъ упрекъ при ближайшемъ разсмотрѣніи обращается въ похвалу теоріи, въ ея преимущество. Это ограниченіе рабочимъ потребленіемъ является только разумнымъ отказомъ, умѣніемъ удовлетвориться теоретически возможнымъ. Совокупный, валовой доходъ производства, думается мнѣ, вовсе не является рѣшающимъ и исходнымъ пунктомъ оцѣнки благъ, онъ просто является механическою суммой другихъ à priori сопоставленныхъ цѣнностей

благъ и ихъ единицъ, изъ которыхъ онъ затѣмъ составляется à posteriori. Дѣло идетъ не о раздѣленіи дохода на его постигаемые элементы, но доходъ есть результатъ этихъ элементовъ. Доходъ, какъ таковой, оставляетъ людей холодными, онъ получаетъ своей необходимой смыслъ только какъ совокупность единицъ необходимаго содержанія т. е. рентъ и прибылей. . .“

Нѣтъ надобности излагать теорію Штольцмана далѣе. Смитъ торжествуетъ по всей линіи и Штольцманъ откровенно признается, что „соціальная категорія въ вопросѣ о цѣнности и выражается въ томъ, что цѣнность продуктовъ опредѣляется трудомъ, который можно вымѣнять за продуктъ и это положеніе должно быть удержано наукой несмотря на всю полемику Рикардо. Издержки въ практической жизни — есть сведеніе цѣнности къ тремъ основнымъ доходамъ и прибыль капиталистовъ, о необходимомъ содержаніи которыхъ онъ также съ оговорками считаетъ возможнымъ говорить, проистекаетъ не только изъ цѣнности-творящей силы труда, но въ значительной степени изъ цѣнности-покупающей силы работника! „Между заработной платой и прибылью существуетъ тѣсная аналогія. Она также имѣетъ свое „необходимое содержаніе“. Предприниматели также въ состояніи выполнять присущія имъ функціи только тогда, когда капиталъ даетъ двойную возможность, а именно, во первыхъ возможность технически изготовить болѣе единицъ пропитанія, чѣмъ сколько требуется для его воспроизводства, и во вторыхъ, это данное физической производительностью добавочное производство присвоить, какъ соціальную долю въ распредѣленіи, какъ единицу пропитанія класса капиталистовъ“ [60]).

Старики: Смитъ и Мальтусъ воскресли изъ мертвыхъ.

Припомнимъ, что Родбертусъ въ свое время писалъ: „теорія, которая приводитъ заработную плату въ связь съ цѣною, заставляетъ придти къ самымъ нелѣпымъ выводамъ, а именно что высокая заработная плата опасна для конкуренціи съ иностранцами, что расцвѣтъ ея и благосостояніе рабочихъ классовъ стоятъ въ противорѣчіи и, наконецъ, она дѣлаетъ невозможной теорію относительной высоты заработной платы и долей ренты“ [61]); примемся за анализъ изложенныхъ теорій.

60) см. Штольцманъ l. c. § 42, гдѣ Ш. говоритъ даже объ „eherne Kapitalgewinn“.

61) Rodbertus, 3. Brief, стр. 229, 241. Man hat auch deshalb die Höhe des Kapitalgewinns und der Grundrente aus dem Grade der Konkurrenz erklären wollen, ohne sich nun die Frage vorzulegen, woraus denn der Grad der Konkurrenz zu erklären?“

§ 4. Необходимое содержаніе и прибавочный продуктъ.

Итакъ, мы видѣли въ предшествовавшемъ параграфѣ, что проф. Бемъ-Баверкъ протестуетъ противъ трудовой теоріи за ея попытку свести разные виды трудовой энергіи къ единству. Защитникъ „абсолютной трудовой стоимости“ г. Бухъ, не найдя средствъ непосредственно измѣрить интенсивность затраченной энергіи, въ безсиліи, для опредѣленія мѣновой цѣнности обращается къ формулѣ Смита. Представитель критическаго соціализма г. Бернштейнъ начинаетъ безъ конца говорить о необходимости считать заработную плату главнымъ факторомъ въ процессѣ образованія цѣнностей, забывая, что за заработной платой столь же требовательно предъявятъ свои права рента и прибыль. Штольцманъ, а за нимъ и многіе другіе, дѣлаютъ и этотъ послѣдній выводъ и Смитъ торжествуетъ по всей линіи. Проф. Мануиловъ въ своей книгѣ: „Понятіе о цѣнности и т. д. пишетъ: „для разрѣшенія вопроса о реальномъ значеніи трудового начала необходимо было бы выяснить отношеніе между заработной платой и энергіей. Самъ онъ этого не дѣлаетъ, да мнѣ представляется это дѣлать и не слѣдуетъ, чему лучшее доказательство безуспѣшная попытка г. Буха. Пора перестать ставить этотъ вопросъ, на который при существующихъ экономическихъ условіяхъ никто не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта и по очень простымъ причинамъ. Вопросъ о заработной платѣ не только вопросъ физіологіи, нормальнаго питанія для поддержанія и развитія силъ организма рабочаго, его потенціальной энергіи во всѣхъ видахъ, тѣмъ минимальнымъ количествомъ средствъ пропитанія, который даетъ ему капиталистическое общество для полученія максимума полезной работы. Нѣтъ, это вопросъ всей совокупности экономическихъ и соціальныхъ условій въ ихъ историческомъ развитіи. Вся совокупность этихъ естественно-техническихъ и соціальныхъ условій и разрѣшается для каждаго даннаго періода рынкомъ его необходимой дифференціаціей платъ. Съ этой дифференціаціей мы должны считаться какъ съ фактомъ, ибо она зависитъ отъ сложныхъ условій производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія благъ. Сводить заработную плату къ одному обстоятельству — затратѣ энергіи — праздная задача. Проф. Мануиловъ и самъ справедливо говоритъ, что „цѣна труда или заработная плата опредѣляется не техническими условіями человѣческаго организма, какъ двигателя и рабочей машины, но съ одной стороны требованіями, которыя предъявляютъ сами рабочіе, а съ другой возможностью, которую они имѣютъ при данныхъ условіяхъ добиться ихъ удовлетворенія.“

Исторія для каждаго даннаго періода, для всякаго класса работниковъ, даже для всякой профессіи даетъ свою необходимую дифференціацію вознагражденія: сегодня оно одно, впослѣдствіи неумолимый процессъ исторіи, который все измѣняетъ медленно, но могущественно и закономѣрно, опредѣлитъ его иначе въ зависимости отъ вновь народившихся условій. Старая доктрина, которая смотрѣла на трудъ, какъ на товаръ, рухнула безвозвратно. Мы знаемъ теперь, что продажная цѣна труда опредѣляется по другимъ законамъ, чѣмъ цѣна продуктовъ, и задача политической экономіи заключается въ томъ, чтобы выяснить общія условія и причины образованія тѣхъ или другихъ заработныхъ платъ и ихъ дифференціаціи[62]).

Въ мою задачу, однако, вовсе не входитъ изученіе законовъ заработной платы. Мнѣ необходимо теоретически прослѣдить ту связь, которая существуетъ между заработной платой и цѣною товаровъ, и при томъ заработной платой не только, какъ дифференціальнымъ явленіемъ, но какъ общею, единою, и хотя бы равною величиной, въ предѣлахъ всякаго народнаго хозяйства, за изученіе котораго мы могли бы приняться. Вопросъ о связи вознагражденія съ цѣною, а впослѣдствіи и всѣхъ доходовъ, необходимо поставить и разрѣшить, но это слѣдуетъ сдѣлать осторожно, чтобы не считать наивно того, что является результатомъ, за дѣйствующую причину[63]).

Въ трудахъ Маркса, въ особенности въ первомъ томѣ, много разъ встрѣчается утвержденіе, что трудъ, рабочая сила, имѣетъ опредѣленную цѣнность. Въ третьемъ томѣ это утвержденіе исчезаетъ: Марксъ приходитъ къ убѣжденію, что цѣнность труда не можетъ

---

62) Изъ англійскихъ экономистовъ ранѣе всѣхъ другихъ Джевонсъ (см. его Th. of P. E., l. c. стр. 258) отвергнулъ это ученіе: „I altogether question, пишетъ онъ, the existence of any such natural rate of wages. The wages of working men in this kingdom vary from perhaps ten schillings a week up to fourty schillings or more, the minimum in one part of the country is not the minimum of another. It is utterly impossible, too, to define exactly what are the necessaries of life". Г. Бухъ (см. l. c., стр. 63 и слѣд.) очень удачно доказываетъ всю нелѣпость отождествленія рабочей силы съ товаромъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что гипотеза объ относительной прибавочной стоимости, основанная на предположеніи, будто съ удешевленіемъ продуктовъ, потребляемыхъ рабочими, заработная плата должна падать, а прибавочная стоимость возрастать, — прямо противорѣчитъ общеизвѣстнымъ фактамъ."

63) Въ новѣйшей литературѣ много попытокъ разрѣшить этотъ вопросъ. Мы анализируемъ, однако, главнымъ образомъ ученія представителей классической школы и марксизма; о другихъ писателяхъ по этому вопросу, см. Желѣзновъ Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы, Кіевъ, 1904 г.

быть выведена изъ одной стоимости его содержанія и воспроизведенія и, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть неизмѣнной. Только Мальтусъ пытался цѣпко держаться за ученіе о цѣнности труда и притомъ неизмѣнной. Вся теорія цѣнъ стала бы до-нельзя простой, если бы мы могли установить эту основную, исходную цѣнностьтруда. Не трудно, однако, показать, что аргументація Мальтуса совершенно ложна.

Мальтусъ старается почти во всѣхъ своихъ трудахъ доказать, что „основныя издержки, необходимыя для производства въ хлѣбѣ заработной платы опредѣленнаго количества людей и исчисляемыя по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ опредѣляются издержки производства сукна, полотна, желѣзныхъ вещей и всякихъ другихъ товаровъ, должны оставаться неизмѣнными, каково бы ни было плодородіе почвы". Другими словами, эту мысль онъ выражаетъ еще и такимъ образомъ: *цѣна всѣхъ товаровъ измѣняется, „цѣнность необходимаго содержанія остается величиной неизмѣнной"*. Какъ величина навсегда неизмѣнная, а потому опредѣленная, она и должна быть положена въ основу цѣнности. Мальтусъ, какъ мы увидимъ это еще въ послѣдующей главѣ, отлично знаетъ, что необходимое содержаніе отнюдь не состоитъ изъ одного хлѣба. Онъ безъ конца полемизируетъ съ Рикардо, что нельзя сводить цѣну заработной платы къ одиимъ видоизмѣненіямъ въ цѣнѣ хлѣба и въ тоже время настаиваетъ на своемъ положеніи.

Свою доктрину Мальтусъ основываетъ на двухъ положеніяхъ: 1. нѣтъ товаровъ, элементомъ въ цѣнности которыхъ не была бы прибыль, которая всегда является избыткомъ цѣнности продукта на авансы въ капиталѣ или на опредѣленное количество авансированнаго труда и 2. доходы, составляющіе основные элементы издержекъ производства, или что тоже заработная плата и прибыль, оплачиваемые извѣстнымъ количествомъ хлѣба, въ суммѣ всегда представляютъ неизмѣнную величину, ибо всякое повышеніе заработной платы въ такихъ же размѣрахъ уменьшаетъ прибыль и наоборотъ.

Въ слѣдующей главѣ мы, анализируя законъ паденія прибыли, разберемъ первое изъ этихъ положеній. Даже допустивъ его правильность, мы должны признать второе положеніе совершенно ложнымъ.

Мысль Мальтуса можно иллюстрировать слѣдующей таблицей:

Необходимое содержаніе 2 пуда хлѣба.

1 день труда покупаетъ 1 пудъ хлѣба и за другой пудъ 1 вещь фабрикаціи.

Издержки производства пуда хлѣба = 20 к., ренты нѣтъ. Издержки 1 вещи фабрикаціи = 20

10 к. или $^1/_2$ п. х. зар. пл. + 10 к. или $^1/_2$ п. х. — прибыль = 20 к.	10 к. или $^1/_2$ пуда х. — зар. п. + 10 к. или $^1/_2$ п. х. = 20.
Издержки производства пуда хлѣба = 20; рента 10.	Издержки производ. 1 вещи фабрикаціи.
15 к. или $^1/_2$ п. — зар. п. + 5 к. или $^1/_4$ п. прибыль = 20.	15 к. или $^1/_2$ п. х. — зар. п. + 5 к. или $^1/_4$ п. х. — прибыль = 20.

Мальтусъ разсуждаетъ такъ: если трудъ покупаетъ для своего необходимаго содержанія два пуда, это означаетъ, что такова норма его вознагражденія, ниже которой трудъ существовать не можетъ. Онъ долженъ всегда имѣть эти два пуда и потому цѣнность его въ хлѣбѣ неизмѣнна. Одинъ пудъ производится въ земледѣліи трудомъ, заработная плата котораго полъ пуда и на эти авансы идетъ въ качествѣ прибыли тоже полъ пуда. Издержки производства пуда хлѣба по денежной оцѣнкѣ 20 коп. Эти издержки опредѣляются на предѣльной землѣ. Предположимъ, цѣна хлѣба возвысилась; появилась рента въ 10 коп. Это не можетъ измѣнить издержекъ производства; трудъ долженъ получить свои полъ пуда заработной платы. При цѣнѣ за пудъ 30 коп., основной элементъ издержекъ заработная плата будетъ вмѣсто 10—15, прибыль упадетъ до пяти коп. или четверти пуда, но въ совокупности издержки производства одного пуда въ заработныхъ платахъ и прибыляхъ останутся безъ измѣненія и будутъ тѣже двадцать копѣекъ т. е. мѣновая цѣнность или покупательная сила труда въ хлѣбѣ останется безъ измѣненія. Тоже относится и къ производству предмета фабрикаціи, на который тратится второй пудъ необходимаго содержанія. Издержки производства одной веши были двадцать копѣекъ, полъ пуда шло на заработную плату или 10 коп. и полъ пуда на прибыль или 10 коп. Чтобы работникъ могъ получить снова полъ пуда, онъ долженъ при возвышеніи цѣны имѣть 15 коп. Фабриканту можетъ достаться только пять копѣекъ или $^1/_4$ пуда въ хлѣбѣ, издержки по прежнему 20. Ложность этого разсужденія бросается въ глаза, а между тѣмъ оно правильно истолковываетъ мысль Мальтуса. О причинахъ повышенія ренты, о томъ источникѣ, изъ котораго можетъ быть получено возвышеніе цѣны съ 20 на 30 коп. онъ какъ бы совершенно забываетъ. Покупательная сила труда въ хлѣбѣ остается для него навсегда неизмѣнной, несмотря на возвышеніе цѣны хлѣба. Онъ не видитъ, что съ такимъ же правомъ можно было бы доказать, исходя изъ его мысли, что покупательная сила желѣза въ хлѣбѣ остаетса столь же неизмѣнной, не-

смотря на повышеніе цѣны хлѣба. Ложность этого положенія Мальтуса обнаруживается при ближайшемъ же анализѣ.

Во первыхъ, очевидно, что хотя заработная плата и прибыль остаются неизмѣнными, но цѣна труда возрастаетъ, несмотря на то, что положеніе его отнюдь не улучшается. Онъ получаетъ тѣже полъ пуда, но они стоятъ на рынкѣ не 10, а 15 коп. Во вторыхъ, все доказательство вертится въ логическомъ кругѣ: измѣнившаяся цѣна труда должна доказывать неизмѣнность цѣнности необходимаго содержанія. Но какъ можетъ получать работникъ пудъ необходимаго содержанія, если работникъ, производящій его получаетъ неизмѣнно полъ пуда? Если при производствѣ этого пуда отчисляется нѣкоторая доля на прибыль, а вмѣстѣ и доля цѣнности необходимаго содержанія, то работникъ не можетъ и получать одного пуда. Цѣна труда можетъ состоять только изъ той доли, которая достается работнику. Изъ того положенія, что работникъ получаетъ вознагражденіе продуктами, при производствѣ которыхъ была пріобрѣтена прибыль и выдана заработная плата, не слѣдуетъ, что необходимое содержаніе работника состоитъ изъ прибыли и заработной платы. Работникъ получаетъ только плату; если пудъ хлѣба произведенъ однимъ работникомъ и капиталистъ получилъ изъ нихъ полъ пуда, то трудъ не можетъ и купить пуда хлѣба, какъ свое необходимое содержаніе. Ему дадутъ полъ пуда, а прибыль учтется другимъ. Въ третьихъ, движеніе заработной платы и прибыли всегда въ противоположныхъ направленіяхъ, какъ справедливо доказываетъ Рикардо, должно логически привести къ мысли, что прибыль и заработная плата сами по себѣ не оказываютъ вліянія на цѣнности при полномъ тождествѣ ихъ на протяженіи всего народнаго хозяйства, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ доказывать неизмѣнности ни цѣны труда, ни неизмѣнности цѣнности необходимаго содержанія. Въ рукахъ у общества можетъ быть продуктъ опредѣленной цѣнности. Какъ цѣнность будетъ подѣлена между работникомъ и капиталистомъ это безразлично. Одинъ возьметъ себѣ треть, другому достанутся двѣ трети, одинъ возьметъ три четверти, другому достанется четверть. Одна и таже цѣнность, какъ и одно и тоже яблоко, могутъ быть подѣлены сотней способовъ между двумя лицами, но цѣнность останется цѣнностью, яблоко — яблокомъ[64]).

---

64) Отсюда не слюдуетъ, что я считаю положеніе объ обратномъ движеніе прибыли и заработной платы рѣшающимъ для вопроса о цѣнности или о цѣнѣ. Тотъ же Джевонсъ справедливо говоритъ, что Рикардо стремится опредѣлить двѣ

Въ своемъ сочиненіи „Мѣра цѣнности“ Мальтусъ даетъ любопытную табличку, которой онъ старается подкрѣпить свои выводы. Мы воспроизведемъ только часть двухъ графъ ея, чтобы показать, какъ ошибочны разсужденія Мальтуса.

Колич. кварт. хлѣба, производимое 10 человѣками или измѣняющееся плодор. почвы.	Ежегодн. плата каждому рабочаго въ хлѣбѣ, опредѣляющ. спрос. и предложеніемъ труда.	Авансы въ хлѣбн. заработн. платѣ или измѣняющійся прод. покупающій трудъ 10 ч.	Уровень прибыли при указанныхъ предположеніяхъ.	Колич. труда, необходимое для производства зараб. платы 10 ч. при взятыхъ предпол.	Количество труда, требующееся для производства прибыли на авансы труда.	Неизмѣнная цѣнность заработной платы 10 челов.	
1	2	3	4	5	6	7	
150 кв.	12 кв.	120	25 %	8	2	10	По исчисл. Мальтуса
150	12	120	25	6,4	1,6	8	Исправл. исчисленіе
140	12	120	16,66	8,6	1,4	10	По исчисл. Мальтуса
140	12	120	16,66	7,38	1,2	8,58	Исправл. исчисленіе

Какъ показываетъ седьмая колонна первой и третьей графы таблицы, Мальтусъ утверждаетъ, что неизмѣнная цѣнность заработной платы 10 человѣкъ будетъ 10 дней, т. е. что цѣнность необходимаго содержанія даже при переходѣ къ худшей землѣ останется величиной постоянной. Работникъ всегда вырабатываетъ для себя одинаковую цѣнность и объясняется это обстоятельство паденіемъ нормы прибыли въ хлѣбѣ.

Въ этой таблицѣ все характерно для Мальтуса. Мальтусъ въ основу ея кладетъ положеніе, что заработная плата опредѣляется въ хлѣбѣ спросомъ и предложеніемъ. Это единственная правильная и полезная мысль, которая сводится къ тому, что на рынкѣ происходитъ раздѣлъ прибавочнаго продукта, что до обмѣна мы не имѣемъ права говорить о цѣнностяхъ, что раздѣлъ прибавочнаго продукта или что тоже процессъ образованія цѣны товаровъ, а, слѣдовательно, и труда, зависитъ отъ какихъ то соціальныхъ и экономическихъ условій. Все остальное ложно.

Наши исправленныя исчисленія ясно обнаруживаютъ это. Такъ,

неизвѣстныхъ величины изъ одного уравненія. Р. забываетъ, что теоретически возможно доказать совмѣстный ростъ зараб. платы и прибыли при повышеніи цѣнъ, совмѣстное паденіе — при пониженіи цѣнъ, а также и промежуточные случаи: неодинаковый для обоихъ видовъ дохода: ростъ и паденіе.

возьмемъ первую графу. Есла 10 работниковъ производятъ 150 квартеровъ хлѣба, а заработная плата 12 кв., то, безъ сомнѣнія, будетъ достаточно 8-ми дней, чтобы произвести необходимое содержаніе для десяти работниковъ; 15 помноженное на 8 даетъ, конечно, 120. Работникамъ, однако, не достанется 120 квартеровъ. За восемь дней труда будетъ заплачено 8.12 или 96 квартеровъ, остатокъ въ 24 квартера или 25% на 96 отойдетъ, какъ прибыль, въ другія руки. Стоимость этихъ 96 квартеровъ въ дняхъ труда будетъ 96 15 или 6,4 дня, таковая же стоимость прибыли 24 15 будетъ 1,4, а всего 8-мь дней, а не десять. При переходѣ къ худшей землѣ для производства необходимаго содержанія 10 работниковъ потребуется 8,6 дней т. е. имъ придется выплатить 103, 2 кв., на прибыль останется 16,6 т. е. заработная плата будетъ стоить въ дняхъ труда 7,38, прибыль 1,2, а въ общей сложности, 8,58, а не 10. Другими словами стоимость необходимаго содержанія съ переходомъ къ худшей землѣ возрастетъ.

Мальтусъ, такимъ образомъ, совершенно упустилъ изъ виду, что, если работникъ производитъ меньшее количество хлѣба, а получаетъ тоже самое количество хлѣба, то онъ дорожаетъ, хотя бы прибыль и уменьшалась. Продуктъ стало производить труднѣе, цѣнность необходимаго содержанія возрасла, прибыль понизилась, но лучшій участокъ захватитъ 10 продуктовъ у капиталиста въ свою пользу. Мальтусъ здѣсь забылъ, что рента есть такая же часть прибавочнаго продукта и оплачивается или въ продуктѣ, или въ цѣнѣ.

Разсмотрѣніе этой таблицы вскрываетъ и другую отмѣченную нами ошибку Мальтуса. Онъ опредѣляетъ авансы въ хлѣбной заработной платѣ въ 120 квартеровъ для данныхъ двухъ графъ. Для послѣдующихъ графъ, на ряду съ измѣненіемъ прибыли, онъ то увеличиваетъ, то уменьшаетъ эти авансы и озаглавливаетъ, поэтому, колонну 3-ю: „авансы или измѣняюшійся продуктъ, покупающій трудъ 10 человѣкъ“. Это обстоятельство отнюдь не измѣняетъ отмѣченнаго нами вывода, но указываетъ еще и на другое обстоятельство.

Авансы въ хлѣбной заработной платѣ подлежатъ видоизмѣненію въ зависимости отъ той доли прибыли, которая входитъ въ составъ этихъ авансовъ. Но, вѣдь, работники этой прибыли не получаютъ. Трудъ фактически получаетъ меньше 12 квартеровъ, такъ какъ въ первой графѣ отчисляется на прибыль 25%, во второй 16,6. Очевидно, что покупательная сила труда въ первомъ случаѣ будетъ 9,6, во второмъ 10,3 квартеровъ. Работникъ могъ бы получать 12 квартеровъ только въ томъ случаѣ, если бы въ его необходимомъ

содержаніи одновременно заключалось вознагражденіе ему за трудъ т. е. его заработная плата плюсъ ему же и прибыль на эту плату. Всѣ отлично знаютъ, что прибыль эта идетъ въ другія руки и работникъ получаетъ только вознагражденіе за трудъ по нормѣ необходимаго содержанія всѣхъ работниковъ.

Допустить, что работники получаютъ полностью всѣ 12 квартеровъ, мы могли бы только тогда, если бы мы имѣли основаніе предположить, что въ необходимомъ содержаніи имѣется и поступаетъ работнику вознагражденіе за трудъ и прибыль на это вознагражденіе, что, очевидно невѣрно.

Но это еще не все. Таже таблица Мальтуса, какъ мы указали, обнаруживаетъ, будто съ переходомъ къ худшимъ землямъ покупательная сила труда, возросшаго въ стоимости, увеличивается и именно благодаря тому, что прибыль падаетъ. Этотъ выводъ можно сдѣлать изъ нашихъ таблицъ въ исправленномъ видѣ. Такой выводъ былъ бы, однако, самообманомъ. Всякое пониженіе прибыли должно увеличивать количество продукта, достающееся работнику только въ томъ случаѣ, если прибавочный продуктъ не захватывается другими. Въ таблицахъ Мальтуса совершенно отсутствуетъ соображеніе о рентѣ. Куда дѣваются 30 квартеровъ хлѣба въ первомъ случаѣ и 20 во второмъ? Отходятъ ли они на ренту или на прибыль? Какова рента? Таблицы Мальтуса ясно обнаруживаютъ, что пониженіе прибыли увеличиваетъ размѣры прибавочнаго продукта, который можетъ быть раздѣленъ между рабочимъ и землевладѣльцемъ, но ничего не говорятъ о томъ, какъ совершится этотъ раздѣлъ. Они не говорятъ и о томъ, что происходитъ при повышеніи необходимаго содержанія. Къ этому вопросу мы вернемся въ главѣ о прибыли. Пока изъ всего сказаннаго можно сдѣлать неизбѣжный выводъ, что необходимое содержаніе не представляетъ величины неизмѣнной цѣнности-стоимости. Всѣ цѣнности колеблются и движутся вверхъ и внизъ. Законъ видоизмѣненія равно присущъ хлѣбу, труду, также какъ и всѣмъ товарамъ. Цѣна труда, какъ исходное экономическое положеніе, не можетъ дать закона цѣнности. Цѣна труда — влечетъ за собой существованіе только цѣнъ товаровъ.

Изъ того, что выше сказано, отнюдь не слѣдуетъ, что мы не имѣемъ права говорить о заработной платѣ, какъ о „необходимомъ содержаніи“, которое получаетъ рабочій.

Мы уже видѣли, что это „необходимое содержаніе“ представляетъ собою въ полномъ смыслѣ этого слова величину „абстрактную“.

Марксъ исходитъ изъ положенія, что „для опредѣленной страны и опредѣленнаго періода средній объемъ средствъ къ существованію представляетъ величину данную“. Небольшая справка въ его сочиненіяхъ показываетъ, что эта средняя одна изъ наиболѣе „абстрактныхъ“, какія только можетъ знать наука: размѣръ ея приводится въ связь съ среднимъ строеніемъ всего общественнаго капитала т. е. къ величинѣ, которую мы фактически еще менѣе имѣемъ возможность опредѣлить, чѣмъ среднюю интенсивность труда, среднюю производительность и т. п. Какъ съ совершенно абстрактною величиною мы и будемъ въ послѣдующемъ имѣть дѣло и должны заранѣе условиться съ читателемъ, что подъ „необходимымъ содержаніемъ“ мы будемъ понимать *тотъ теоретическій минимумъ (предѣльный или средній — безразлично), который можетъ получать производитель въ разныхъ продуктахъ, какъ земледѣлія, такъ фабрикаціи,* такъ *и другихъ необходимыхъ жизненныхъ удобствъ и культурныхъ благъ.* Реальный размѣръ этого необходимаго содержанія мы и не стремимся пока опредѣлить: мы знаемъ, что онъ выражается въ заработной платѣ всѣхъ участниковъ въ производительной дѣятельности, которая дифференцируется въ разной степени и можемъ предѣльное или среднее необходимое содержаніе принять за единицу, всякую дифференціацію вверхъ и внизъ выражать въ отклоненіяхъ отъ нея. Это положеніе мы и сдѣлаемъ исходнымъ пунктомъ нашего анализа. Это необходимое содержаніе, въ связи съ необходимыми тратами на возстановленіе производительныхъ силъ земли и капитала, сохраняетъ нашу экономическую машину въ состояніи равновѣсія — всякая часть дохода сверхъ этой есть прибавочный продуктъ — основа движенія нашей экономической машины [65]) [66]).

---

65) Марксъ вводитъ это ученіе о среднемъ объемѣ средствъ существованія и указываетъ его связь съ органическимъ строеніемъ капитала только въ болѣе позднихъ изданіяхъ своего труда. Вотъ что онъ пишетъ: „Судьба рабочаго класса, полагаетъ онъ, зависитъ отъ одного самаго важнаго фактора — строенія общественнаго капитала. Это строеніе капитала надо понимать въ двоякомъ смыслѣ. Со стороны цѣнности оно опредѣляется отношеніемъ, въ которомъ капиталъ подраздѣляется на постоянный или цѣнность средствъ производства и на перемѣнный т. е. цѣнность рабочей силы, общую сумму заработныхъ платъ. Со стороны матеріала, какъ онъ дѣйствуетъ въ процессѣ производства, каждый капиталъ подраздѣляется на средства производства и на живую рабочую силу. Это подраздѣленіе опредѣляется отношеніемъ между количествомъ употребляемыхъ средствъ производства, съ одной стороны, и количествомъ труда, необходимымъ для ихъ приложенія къ дѣлу, съ другой. Первое я называю строеніемъ по цѣнности, а второе техническимъ строеніемъ капитала. Между

б) Бернштейнъ оставилъ совершенно безъ вниманія то положеніе, на которомъ особенно настаиваетъ г. Бухъ, а именно различіе между обмѣномъ и куплей-продажей, при помощи котораго онъ приходитъ къ двухсторонней формулѣ Смита. Для г. Буха это подраздѣленіе необходимо для двухъ цѣлей; во первыхъ, онъ хочетъ доказать, что анализъ цѣнности не имѣетъ никакого отношенія къ процессу обмѣна товаровъ, что обмѣнъ, какъ замѣна одной стоимости другою — равною, существовалъ въ до — капиталистическую эпоху, и во вторыхъ, въ капиталистическомъ хозяйствѣ, которое зиждется на куплѣ-продажѣ, стоимость никогда не совпадаетъ съ цѣною; цѣна выше стоимости. Въ терминологическомъ отношеніи это подраздѣленіе неважно, ибо задача политической экономіи нашего времени заключается въ анализѣ существующихъ условій промѣна товаровъ; будемъ ли мы этотъ промѣнъ называть обмѣномъ въ собственномъ смыслѣ или куплей — продажей — это совершенно безразлично. Съ исторической же точки зрѣнія оно совершенно невѣрно. Мы не знаемъ такой эпохи, „единственная цѣль которой“, какъ выражается г. Бухъ, требовала „охраненія самостоятельности хозяина“. Та трудовая Робинзонада, изъ которой онъ исходитъ, была простительна въ устахъ Смита, жившаго въ эпоху господства ученій о естественномъ правѣ и бытѣ, но не въ наше время. Если теперь, при господствѣ систематическаго, уравнивающаго производства, трудовая цѣнность не осуществляется, если она не можетъ быть теоретическимъ идеаломъ будущаго, какъ мы видѣли, то для прошедшаго она была совершенной невозможностью и попытка Энгельса отнести ее къ прошедшему была отвер-

---

тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсное соотношеніе. Для выраженія этого, я называю строеніе по цѣнности капитала, насколько оно предѣляется техническимъ строеніемъ и насколько отражаетъ измѣненія, происходящія въ послѣднемъ, органическимъ строеніемъ . . . Многочисленные капиталы, затраченные въ опредѣленной отрасли промышленности, имѣютъ сравнительно разныя строенія. „Среднее“ изъ всѣхъ единичныхъ строеній даетъ намъ строеніе всего капитала данной отрасли промышленности. Наконецъ, „среднее изъ этихъ среднихъ“ всѣхъ отраслей промышленности даетъ намъ строеніе всего капитала страны“. Исходя изъ такого наиабстрактнѣйшаго построенія, съ которымъ мы еще будемъ имѣть дѣло въ слѣдующей главѣ, Марксъ дѣлаетъ выводъ: „что механизмъ капиталистическаго производства, видоизмѣняя строеніе капитала, дѣлаетъ то, что приростъ капитала не сопровождается въ конечномъ результатѣ общимъ повышеніемъ запроса на трудъ“. Т. I. глава 23-я. *Выводъ сомнительный!*

66) Къ такому же почти выводу приходитъ Alvin S. Jonhson. Rent in modern economic Theory: an essay in distribution, гл. I, стр. 9. Public. of Am. Econ. Ass., 1902, N. J.

гнута почти единодушно: она противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о начаткахъ обмѣна и о процессахъ его совершенія[67])[68]).

---

67) Мальтусъ и здѣсь, какъ оказывается, стоитъ на вполнѣ разумной точкѣ зрѣнія: „въ наиболѣе отдаленныя времена, пишетъ онъ, прибыли должны были весьма сильно вліять на мѣновую цѣнность, *составляя необходимое условіе предложенія*. . . Во всякомъ случаѣ, какъ при начаткахъ общественной жизни, такъ и въ стадіи упадка, этотъ элементъ имѣетъ важнѣйшее значеніе при образованія мѣновой цѣнности. l. c., гл. II, Sect. IV, стр. 78—9.

68) См. анализъ этого утвержденія у Лорія, l. c., стр. 165—7, Бемъ-Баверка. Теорія Карла Маркса, р. пер. 36—39, Франкъ, l. c., 77—82, мои „Деньги“ (1895 г.), стр. 182—190. Повторимъ наши аргументы въ нѣсколько дополненномъ и измѣненномъ видѣ. Что трудовая цѣнность не могла служить основой обмѣна въ эпохи, предшествовавшія капиталистическому строю, доказывается слѣдующими соображеніями: *во первыхъ*, первичный обмѣнъ, какъ съ большою вѣроятностью мы можемъ предполагать, возникъ не на почвѣ обмѣна обычныхъ и самыхъ распространенныхъ благъ т. е. тѣхъ, которыя производились въ каждой семьѣ и для ея потребностей, а, наоборотъ, на почвѣ благъ, которыя требовали особаго искусства, которыя были рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ въ предѣлахъ даннаго мѣста. Этотъ обмѣнъ, какъ придатокъ къ натуральному хозяйству, имѣлъ совершенно случайный характеръ, и цѣна, которую получали владѣльцы такихъ предметовъ, могла стоять внѣ зависимости отъ потраченнаго на нихъ труда. Правильная координація своихъ потребностей съ наличнымъ запасомъ силъ и средствъ, которая даетъ основаніе для представленій о трудѣ, какъ о хозяйственно ограниченной величинѣ, продуктъ долговременнаго историческаго развитія; *во вторыхъ*, обмѣнъ, какъ показываютъ всѣ современные изслѣдователи, возникъ, какъ явленіе междуплеменное и главными двигателями обмѣна въ первоначальныя эпохи были вовсе не самостоятельные производители. Родоначальниками обмѣна въ большинствѣ случаевъ были владѣльцы прибавочнаго продукта; тѣ отношенія зависимости, которыя напр. характерны для всего средневѣковья, давали возможность отчуждать продуктъ, вовсе не сообразуясь съ трудомъ, заключеннымъ въ продуктѣ. Представленіе о стоимости, при существованіи рабства и крѣпостного права, должны были существенно отличаться отъ нашихъ представленій о томъ же предметѣ; *въ третьихъ*, чтобы трудовой законъ цѣнности осуществлялся въ чистомъ видѣ необходимо, чтобы каждый производитель зналъ количество труда, которое затрачено на продуктъ, который онъ самъ создалъ и вымѣниваетъ. Если даже въ наши дни, въ предѣлахъ хозяйствъ нашего вѣка, мы часто не въ состояніи разсчитать, что стоитъ продуктъ, то еще труднѣе это было въ предшествовавшія эпохи, когда существовали также „сложныя“ условія труда, опутаннаго всякими стѣсненіями и прилагавшагося въ тоже время въ условіяхъ неравной производительности, если даже не по отношенію къ капиталу, то, внѣ сомнѣнія, по отношенію къ землѣ и труду. Существованіе ренты отрицать нельзя, а уже это одно дѣлаетъ все представленіе о трудовой робинзонадѣ шаткимъ; *въ четвертыхъ*, существованіе раздѣленія труда въ болѣе позднюю эпоху, напр. въ эпоху ремесленнаго быта, между городомъ и деревней, возникновеніе борьбы между землею и капиталомъ, неизбѣжно должно было координировать обмѣнъ въ столь же аналогичныхъ условіяхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло и въ настоящее время.

Я старался показать въ предшествовавшихъ главахъ, что представленіе о трудовой робинзонадѣ и о фетишитскомъ характерѣ то-

---

Утвержденіе Маркса, а за нимъ Энгельса и другихъ, что обмѣнъ по трудовой цѣнности составляетъ prius цѣнъ производства, что обмѣнъ товаровъ по цѣнности, или приблизительно къ ней, требуетъ болѣе низкой ступени хозяйственнаго развитія, чѣмъ по цѣнамъ производства, что такой обмѣнъ мы встрѣчаемъ, какъ въ древности, такъ и въ новое время у крестьянъ, работающихъ на собственной землѣ, у ремесленниковъ, при рабствѣ, крѣпостничествѣ, цеховомъ строѣ лишено достаточно прочнаго основанія. Аргументація Маркса построена на двухъ совершенно недоказательныхъ положеніяхъ: во первыхъ, по его мнѣнію, всѣ указанныя имъ формы хозяйствъ являются владѣльцами не капитала въ собственномъ смыслѣ этого слова, а „средствъ производства", которыя къ тому же въ такія эпохи трудно переносимы изъ однихъ отраслей въ другія. Во вторыхъ, при такихъ условіяхъ существованіе неравныхъ нормъ прибыли является для производителя „безразличнымъ", ибо если напр. „одинъ производитель произвелъ больше затратъ, то послѣднія возвращаются ему въ большей долѣ цѣнности его товара, которая возмѣщаетъ эту „постоянную" часть и ему приходится, поэтому, снова обращать большую долю общей цѣнности своего продукта въ вещественные элементы этой постоянной части, тогда какъ другому производителю, если онъ въ возмѣщеніе этихъ элементовъ получаетъ менѣе, то и менѣе придется ихъ превращать въ эту форму. Различіе нормъ прибыли будетъ для такихъ производителей столь же безразличнымъ, какъ и нынѣ мало значенія имѣетъ для наемнаго работника, какою нормою прибыли выразится выжатое у него количество добавочной цѣнности или какъ мало имѣетъ значенія въ международной торговлѣ различіе нормъ прибыли у различныхъ народовъ для ихъ товарнаго обмѣна" (Т . III, I. B., н. изд. стр. 155—6). Аргументація поразительно шаткая. Назвать средства производства мелкаго размѣра не капиталомъ, какъ мы уже разъ видѣли, это значитъ просто играть понятіями, въ особенности, если оно проявляется въ столь реальной формѣ, какъ неравенство нормъ прибыли. Признаніе такого неравенства нормъ прибыли или что тоже ихъ дифференціаціи уже само по себѣ является отрицаніемъ трудовой цѣнности и оно тѣмъ болѣе не безразлично для такихъ производителей, что во всѣ эпохи капиталъ имъ обходится дороже и ставитъ производителей съ большими затратами капитала въ значительно лучшія условія съ производителями, у которыхъ затраты меньше. Изъ такого положенія вытекаетъ, что производители съ меньшими затратами получаютъ „высшее дифференціальное вознагражденіе". Противорѣчіе вопіющее, которое должно было задерживать ростъ капиталистическаго развитія и не согласуется съ основнымъ фактомъ теоріи накопленія капитала, которое проистекаетъ всегда изъ наличности большей производительности предпріятій, гдѣ капиталъ помогаетъ труду. Отсутствіе соперничества въ такія эпохи скорѣе всего должно было содѣйствоать тому, что продукты обмѣнивались внѣ всякой зависимости съ затратами труда и капитала, а раздѣлъ прибавочнаго продукта долженъ былъ совершаться примѣнительно и согласно съ законами монополіи международной торговли т. е. быть выгоднѣе для той стороны, которая удовлетворяла болѣе настоятельнымъ потребностямъ лицъ, имѣвшимъ, какъ при феодальномъ строѣ, массу не заработаннаго собственнымъ трудомъ прибавочнаго продукта. Въ средніе вѣка не деревня эксплуатировала го-

вара было полезно, при предположеніи полнаго равенства въ производительныхъ условіяхъ, какъ методологическій пріемъ въ извѣстную эпоху развитія экономическихъ знаній. Но въ наше время оно и вредно и ненужно. Оно только приводитъ къ постоянной, ложной тенденціи искать условій образованія цѣнности въ самомъ товарѣ и внѣ обмѣна. *Остатки индивидуалистической доктрины еще тяготѣютъ надъ новой, соціальной экономіей.* Норденгольцъ въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи мѣтко формулируетъ эту тенденцію, считая ее вполнѣ правильной. „Мѣновая цѣнность товара, пишетъ онъ, есть односторонная, исходящая только изъ этого товара при обмѣнѣ, степень вліянія его на цѣну. Рѣшающими для мѣновой цѣнности являются всегда причины, заключенныя въ самомъ товарѣ при совершенномъ отвлеченіи отъ аналогичныхъ, но противоположно дѣйствующихъ причинъ ему противостоящаго товара“ [69]). Это положеніе столь же ошибочно, какъ и прямо противоположное ему, котораго придерживались нѣкоторые англійскіе экономисты [70]), утверждавшіе, что „цѣнность исключительно отношеніе между продуктами, что не можетъ быть такого представленія, какъ абсолютная или реальная цѣнность“. . . Реальная абсолютная цѣнность также мало существуетъ сама по себѣ, какъ невозможно и представленіе о мѣновой цѣнности, какъ о простомъ отношеніи. Цѣнность даннаго товара явленіе единичное и случайное. Въ немъ лежащія причины не рѣшаютъ еще вопроса о его цѣнности. Всякій товаръ является показателемъ: 1. производительности даннаго хозяйственнаго процесса, тогда какъ однородные съ

родъ, а какъ разъ наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ разцвѣта городской жизни. Утвержденіе Маркса, что въ международной торговлѣ норма прибыли не имѣетъ значенія также сомнительно. Это положеніе Рикардо, какъ мы видѣли и еще увидимъ въ шестой главѣ, было выведено при признаніи неравенствъ въ производительности труда; при равенствѣ его эта норма имѣетъ самое рѣшающее значеніе. Вѣрить, поэтому, Энгельсу, „что законъ цѣнности Маркса имѣлъ всеобщее дѣйствіе за время съ начала развитія обмѣна, превратившаго продукты въ товары, вплоть до 15 столѣтія“, было бы слишкомъ рискованно *безъ реальнаго историческаго анализа всей совокупности соціальныхъ условій того времени.* Такой исторической картины въ широкомъ маштабѣ мы еще не имѣемъ, а потому и давать обобщенія еще слишкомъ рано. Ср. также послѣднія примѣчанія § 2 и § 4 слѣд. главы.

69) см. Dr. A. Nordenholz. Allgemeine Theorie der gesellschaftlichen Production, München, 1902, стр. 208.

70) см. Мануиловъ, l. c., стр. 190 и слѣд. г. Е. Смирновъ въ своей любопытной брошюрѣ: „Цѣна и трудовая стоимость“ (Спб. 1902, стр. 25) справедливо пишетъ: „невозможно вывести цѣну какого либо товара изъ условій производства только этого товара.“

нимъ товары получаются часто въ другихъ условіяхъ производительности, 2. размѣра получаемаго прибавочнаго продукта или только прибавочной цѣны, какъ результата технической или соціальной (прибавочный трудъ!) производительности, въ данномъ предпріятіи, и, въ 3. въ немъ же заключена та или иная возможность сбыта въ зависимости отъ его изобилія или ограниченности по сравненію съ товарами другого рода. Всѣ эти условія не присущи въ одинаковой степени товарамъ даже одного рода. Тѣмъ менѣе они присущи въ равной степени товарамъ разныхъ родовъ, которыми обмѣнивается человѣчество. Поэтому, и степень воздѣйствія товара на цѣну лежитъ не въ немъ самомъ только, а лишь отчасти въ немъ, въ той только мѣрѣ, въ которой въ немъ заключаются въ большей или меньшей степени отмѣченныя выше условія. Но всѣ эти условія могутъ оказать свое воздѣйствіе на цѣну товара только въ томъ случаѣ, если въ свою очередь тѣже вліянія окажутъ въ томъ же направленіи свое воздѣйствіе и въ противоположномъ товарѣ. Мѣновая цѣнность есть, поэтому, результатъ не односторонняго вліянія одного товара, но вліянія разнообразныхъ товаровъ одного рода, которымъ противополагается съ противоположной стороны воздѣйствіе другихъ товаровъ. Она сложный результатъ двусторонняго вліянія многообразныхъ товарныхъ силъ, если такъ можно выразиться. Мѣновая цѣнность не простое отношеніе, а отношеніе, которое скрываетъ въ себѣ цѣлый рядъ сбалансировавшихся экономическихъ и соціальныхъ силъ. Вотъ почему, представляется мнѣ, политическая экономія и не должна давать, и построять теорію цѣнности, а должна дать только теорію обмѣна, которая должна разрѣшить загадку цѣны, ярко и выпукло выяснить дѣйствіе тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя создаютъ этотъ сложный общественный результатъ, который мы называемъ мѣновой цѣнностью или цѣною товара или благъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Предъ нами въ видѣ мѣновыхъ цѣнностей извѣстный историческій результатъ и мы должны объяснить, что этотъ результатъ произошелъ не случайно, а закономѣрно, выяснить ту объективную и необходимую почву, на которой онъ произошелъ, существуетъ и будетъ видоизмѣняться. Поэтому внѣ обмѣна мы и не можемъ понять явленія „цѣны“. Далѣе. Человѣчество не начинало своей исторической жизни съ никому и до сихъ поръ невѣдомаго исчисленія процесса овеществленія трудовой энергіи въ продуктахъ. Люди пришли въ столкновеніе при помощи обмѣна. Ихъ соединилъ и связалъ, и все связываетъ болѣе и болѣе, обмѣнъ. Въ этомъ обмѣнѣ, въ его историческомъ и неизбѣжномъ развитіи,

они пришли въ своихъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ результатамъ на чисто объективной почвѣ медленнаго исканія возможныхъ и необходимыхъ условій промѣна, въ кровавой борьбѣ и сутолокѣ жизни, на почвѣ предложенія своихъ разнокачественныхъ и произведенныхъ при разныхъ условіяхъ продуктовъ.

Въ обмѣнѣ люди нашли свои законы оцѣнки продуктовъ, поэтому, мы и должны, какъ я уже говорилъ, искать объясненія для мѣновой цѣнности не только въ производствѣ, не въ стоимости товаровъ вообще, а въ сложныхъ условіяхъ ихъ производства и обмѣна совмѣстно.

Приходится удивляться наивности многихъ, даже выдающихся представителей австрійской школы, когда читаешь напр. у Менгера. „Принципъ, приводящій людей къ обмѣну тотъ самый, который ими руководитъ вообще во всей экономической дѣятельности т. е. стремленіе къ возможно болѣе полному удовлетворенію своихъ потребностей. Удовольствіе же испытываемое людьми при экономическомъ обмѣнѣ благъ, есть общее чувство радости, которое овладѣваетъ людьми, когда, благодаря какому либо обстоятельству, удовлетвореніе ихъ потребности обезпечивается лучше, чѣмъ это было при отсутствіи его“ [71]). Общее чувство радости! Какая трогательная идиллія для кровавой исторіи человѣческой борьбы! Какъ было бы счастливо человѣчество, если бы только это чувство радости заставляло раба и крѣпостного трудиться, свободнаго крестьянина нести свои продукты на рынокъ для оплаты налоговъ, потребителя платить въ три — дорога за сахаръ и другіе продукты. Не чувство радости теперь руководитъ людьми въ обмѣнѣ, но, какъ и прежде, необходимость; возможность осуществленія хозяйственнаго принципа, пріобрѣтенія наибольшаго дохода — это только желаніе, тенденція, а не реальный фактъ для всѣхъ и всегда. Въ спокойной комнатѣ профессора все совершается по законамъ цѣлесообразности, но жизнь сложнѣе, она полита кровью и страданіями поколѣній [72]).

---

71) см. К. Менгеръ. Основанія политической экономіи, р. п. стр. 150.

72) „Что государству предшествовалъ общественный договоръ, это столь же невѣрно, какъ и то, что раздѣленіе труда могло возникнуть изъ свободнаго соглашенія. То раздѣленіе труда, которое заключается въ обмѣнѣ излишковъ, конечно, является продуктомъ индивидуальныхъ потребностей, которыя ведутъ къ соглашеніямъ въ обмѣнѣ. Но раздѣленіе труда, которое имѣетъ народнохозяйственное значеніе, которое лежитъ въ кооперації, которое одно является принципомъ прибавочнаго продукта (Mehrertrag) раздѣленнаго труда, могло основываться первоначально только на принужденіи и силѣ“. см. Zur Beleuchtung der socialen Frage, l. c. стр. 128.

Такими разсужденіями не замѣнить того анализа происхожденія обмѣна, который былъ сдѣланъ еще Родбертусомъ и согласуется со всѣмъ ходомъ міровой исторіи, былъ извѣстенъ уже меркантилистамъ и только игнорируется представителями австрійской, книжной школы абстракцій. Обмѣнъ, говоритъ Родбертусъ, есть своеобразный обмѣнъ излишковъ. Раздѣленіе труда и обмѣнъ не могли бы существовать, если бы кто либо не производилъ болѣе за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, не производилъ достаточно для удовлетворенія своихъ потребностей и потребностей другихъ. Первѣйшее и основное, къ нему затѣмъ присоединяется и рядъ другихъ, о которыхъ намъ нѣтъ надобности и говорить, основаніе раздѣленія труда и обмѣна заключается въ томъ, что въ какой бы то ни было отрасли производства должна быть наличность извѣстнаго излишка надъ собственными потребностями производителя т. е. наравнѣ съ необходимымъ содержаніемъ долженъ быть и прибавочный продуктъ.

Исторія человѣчества связана съ этой борьбой за прибавочный продуктъ. Вотъ почему распредѣленіе, исторически измѣнившаяся и слагавшаяся норма дохода, не можетъ не оказывать вліянія на цѣны. Она историческій prius этихъ цѣнъ, но эти послѣднія не простое слѣдствіе условій распредѣленія. Дифференціальная производительность труда, какъ главная причина, должна была опредѣлять возможные предѣлы въ различіяхъ необходимаго содержанія и прибавочнаго продукта. Размѣры этого прибавочнаго продукта всегда опредѣлялись естественными и соціальными условіями. Цѣна продукта не могла падать до уровня заработныхъ платъ и возстановленія капитала и по той причинѣ, которую безконечное число разъ указывалъ Мальтусъ: капиталъ и земля — также ограниченныя въ размѣрахъ производительныя силы. Доля дохода, которая доставалось и достается живымъ представителямъ этихъ силъ, исчезаетъ и потребляется, поддерживая то основное начало рѣдкости производительныхъ силъ, которое мы признали первѣйшимъ конститутивнымъ элементомъ сложнаго дифференціальнаго принципа. Не одна заработная плата, такимъ образомъ, нормируетъ это начало рѣдкости, а вся совокупность установившихся исторически и потребляемыхъ доходовъ, какъ частей продукта и прибавочнаго продукта, создаваемаго дѣйствіемъ основныхъ производительныхъ силъ. Возникновеніе обмѣна должно было создать своеобразныя условія раздѣла этого прибавочнаго продукта. Съ ростомъ экономической системы, распредѣленіе, какъ установившаяся норма доходовъ, можетъ оказывать вліяніе на цѣны лишь въ той мѣрѣ, въ какой она соотвѣтствуетъ установившимся условіямъ диф-

ференціальнаго раздѣла продукта, который, поступая на рынокъ, во всякій моментъ можетъ оказаться *количественно* въ другомъ отношеніи къ потребностямъ, а потому и упасть въ цѣнѣ. Когда мы замѣчаемъ, что извѣстныя силы стремятся *статически* удержать извѣстную систему въ равновѣсіи, отсюда не слѣдуетъ, что онѣ *причины* этого равновѣсія. Размѣръ доходовъ зависитъ отъ дифференціальной производительности труда, отъ количественнаго соотвѣтствія массы продукта съ потребностями, отъ дифференціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта между разными отраслями промышленности, дающаго однимъ большую долю, другимъ меньшую. Доходъ является, такимъ образомъ, слѣдствіемъ всѣхъ этихъ условій, которыя, какъ мы видѣли, ранѣе опредѣляютъ цѣну. На послѣднюю они начинаютъ дѣйствовать только тогда, когда установившееся равновѣсіе нарушено. Какъ *динамическая* сила, они становятся причиной, а потому имъ и можно отвести только могущественное значеніе *регулятора,* а не возвращаться, какъ это дѣлаетъ Штольцманъ, къ Смиту и Мальтусу, не истолковавъ ихъ яснѣе, правильнѣе, забывая, что одно желаніе удержать доходы на одной высотѣ, сохранить опредѣленную цѣну, парализуется зачастую совокупною силою и противорѣчіями дифференціальнаго принципа въ условіяхъ соперничества.

в) Уже изъ того, что мы говорили при анализѣ теоріи земельной ренты, видно, какъ неосновательно и недоказательно утвержденіе г. Буха, что при капиталистическомъ строѣ товары *„должны“* продаваться по цѣнамъ выше ихъ стоимости (т. е. цѣнности). Мы видѣли, что возможна ихъ продажа и выше, и ниже стоимости; самъ Марксъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ при детальномъ разборѣ его ученія о рыночной цѣнѣ, долженъ былъ придти къ этому выводу. Если же понимать теорію г. Буха такъ, какъ ее истолковываетъ г. Бернштейнъ, что цѣны выше заработныхъ платъ, то при помощи какихъ логическихъ звеньевъ мы должны придти къ его собственной теоріи, что заработныя платы составляютъ „рѣшающій“ факторъ въ образованіи цѣнъ. Логическій выводъ скорѣе будетъ вести насъ къ теоріи Штольцмана, которая остается въ высокой степени неясной, скорѣе утвержденіемъ, чѣмъ логически доказуемымъ положеніемъ. А между тѣмъ, если я не ошибаюсь, выходъ есть и на почвѣ тѣхъ же разсужденій, которыя мы пустили въ ходъ при анализѣ ренты и которыя намъ покажутъ, какое значеніе въ нашей капиталистической системѣ имѣютъ два масштаба, установленные Смитомъ-Мальтусомъ и употреблявшіеся и Рикардо въ его теоріи международной торговли.

Если бы классики, а въ особенности Рикардо, не увлеклись

стремленіемъ остановить „танецъ рыночной цѣны“ на нѣкоторомъ прочномъ предѣлѣ, который они назвали „цѣнностью“, если бы они поняли, что это была только ихъ методологическая фикція, построенная изъ одного анализа производства, то они могли бы дать простую формулу, которая, по моему мнѣнію, вполнѣ пригодна для объясненія процесса образованія цѣнъ и той роли, которую играютъ въ этомъ процессѣ доходы.

Я формулировалъ бы это положеніе такъ: *„если имѣется прибавочный продуктъ, то можетъ быть и прибавочная цѣна; прибавочная же цѣна можетъ быть и безъ наличности прибавочнаго продукта въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя готовятъ продукты для обмѣна съ предпріятіями, которыя имѣютъ прибавочный продуктъ. Всякая рыночная цѣна есть результатъ общественной производительности факторовъ производства — земли, труда и капитала-даннаго народнаго хозяйства и соціальнаго раздѣла неравнаго прибавочнаго продукта при помощи рыночныхъ процессовъ, для которыхъ мы можемъ найдти разумныя основанія. Цѣнность классиковъ естъ величина фиктивная, а потому ошибочная и не нужная“.*

Чтобы доказать это положеніе и соотвѣтствующимъ образомъ его развить, мы пойдемъ двоякимъ путемъ. Въ настоящей главѣ мы сдѣлаемъ предположеніе, что имѣются только два фактора производства — трудъ, которому содѣйствуетъ неизвѣстное количество капитала въ фабрикаціи, и земля, неравная по своей естественной производительности. Мы постараемся выяснить условія образованія цѣнъ при этихъ упрощенныхъ предположеніяхъ, чтобы имѣть возможность дать окончательную формулировку дифференціальнаго принципа въ нашемъ толкованіи. Затѣмъ, въ слѣдующей главѣ, введемъ въ обсужденіе послѣдній изъ наличныхъ факторовъ производства и, послѣ анализа теоріи цѣнъ Маркса, окончательно обоснуемъ свою теорію дифференціальныхъ доходовъ.

Чтобы понять процессъ образованія цѣнъ, я попрошу читателя обратить вниманіе на шесть составленныхъ таблицъ. Въ основѣ ихъ положено слѣдующее предположеніе. Мы имѣемъ общество, которое расчленилось на представителей земледѣлія и представителей фабрикаціи. Первые имѣютъ въ своемъ распоряженіи, какъ факторъ производства, неравную по производительности землю, къ которой и прилагаютъ свой трудъ и только трудъ, такъ какъ, согласно нашему предположенію мы пока элиминируемъ участіе капитала. Первое изъ земледѣльческихъ предпріятій вырабатываетъ только необходимое содержаніе работника, всѣ остальныя три предпріятія вырабатываютъ,

кромѣ необходимаго содержанія, еще и прибавочный продуктъ разныхъ размѣровъ. Но тѣже представители земледѣлія нуждаются въ предметахъ фабрикаціи: мы видѣли, что необходимое содержаніе неизбѣжно состоитъ, какъ изъ земледѣльческихъ продуктовъ, такъ и изъ продуктовъ фабрикаціи. Предположимъ, что наша абстрактная величина необходимаго содержанія состоитъ изъ одного продукта земледѣлія и одного продукта фабрикаціи, другими словами, *нашъ земледѣлецъ можетъ существовать только тогда, если онъ имѣетъ два этихъ продукта.*

Это наше первое и основное положеніе, какъ абстрактное теоретическое предположеніе, вполнѣ допустимо, ибо, вопервыхъ, оно основано на всѣмъ извѣстномъ эмпирическомъ фактѣ различій въ производительности земли въ продуктахъ. Количество получаемаго продукта съ худшей, средней, выше средней и наилучшей земли мы можемъ исчислить. Съ извѣстной степенью грубой приблизительности такія данныя намъ доставляетъ аграрная статистика [73]). Когда результаты производства являются результатомъ сложнаго процесса производства, опредѣленіе суммы затратъ для полученія результата, конечно, безконечно сложно, но для абстрактной схемы мы имѣемъ право отнести ихъ къ затратамъ равнаго по свойствамъ и качествамъ труда. Во вторыхъ, столь же реально мы можемъ раздѣлить получаемый результатъ производства на необходимое содержаніе или заработную плату и прибавочный продуктъ. Въ третьихъ, площади нашихъ участковъ одинаковы, продукты одинаковаго качества, разстояніе отъ рынковъ сбыта одинаково. Мы беремъ слѣдовательно предположенія Рикардо при выводѣ закона ренты въ самомъ чистомъ видѣ.

Создавъ теорію ренты, Рикардо, а за нимъ и всѣ другіе представители классической экономіи, признали неравенство въ производительности земли въ зависимости отъ ея естественныхъ свойствъ. При этомъ они совершенно разумно избѣгли ошибки отождествлять естественную, неравную производительность земли съ производительностью труда въ собственномъ смыслѣ этого слова. Они понимали, что производительность труда въ данномъ случаѣ есть выраженіе для силы его творческой энергіи на извѣстныхъ орудіяхъ производства

---

73) Починъ этому дѣлу положили изслѣдованія въ Германіи см. Dr. Drechsler. Die Production-Kosten der Hauptgetreide-Arten, Tüb. 1889; у насъ Стоимость производства главнѣйшихъ хлѣбовъ, изд. Деп. зем., 1890; объ американскомъ изслѣдованіи Бюро труда мы уже говорили.

т. е. землѣ и различали предѣльную производительность отъ всякой другой, которая была выше этого предѣла. Вторая сторона нашихъ таблицъ имѣетъ противоположный характеръ. Она состоитъ изъ предпріятій представителей фабрикаціи и въ основѣ исчисленій лежатъ слѣдующія предположенія. Представители фабрикаціи имѣютъ матеріалъ, на которомъ могутъ прилагать свой трудъ, но трудъ ихъ или неравенъ по интенсивности, ловкости и по качествамъ, или ему содѣйствуютъ разныя, но пока неизвѣстныя, единицы капитала, благодаря чему результаты производства, какъ и въ земледѣліи, оказываются неодинаковыми. Первое предпріятіе вырабатываетъ только свое необходимое содержаніе въ продуктахъ фабрикаціи, всѣ остальныя обнаруживаютъ разную производительность, которая выражается въ разныхъ количествахъ продукта фабрикаціи. Допустивъ существованіе абстрактнаго необходимаго содержанія въ продуктахъ фабрикаціи для земледѣльца, мы столь же абстрактно можемъ раздѣлить его на необходимое содержаніе и прибавочный продуктъ. Нереальное и несоотвѣтствующее дѣйствительности предположеніе объ отсутствіи матеріала и капитала, мы допускаемъ только временно, чтобы ввести его въ разсужденіе въ нашей слѣдующей главѣ. Наше предположеніе въ этомъ видѣ нужно только для того, чтобы противопоставить производительности земли, производительность, и притомъ неравную, труда, какъ фактора производства, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Въ такихъ предположеніяхъ мы и должны поставить вопросъ: взаимное существованіе всѣхъ этихъ предпріятій необходимо, какъ же тогда должно совершаться образованіе цѣнъ, чтобы общество могло существовать? Оно можетъ существовать только тогда, если начнетъ происходить такой раздѣлъ прибавочнаго продукта, который дастъ возможность земледѣльцу имѣть свое необходимое содержаніе въ продуктахъ земли и въ продуктахъ фабрикаціи, представителю фабрикаціи точно также. Другими словами, предъ нами въ совершенно исправленномъ видѣ, въ болѣе близкомъ дѣйствительности, идея, положенная въ основу всѣхъ робинзонадъ и товарныхъ фетишизмовъ. Она вовсе не исходитъ изъ предположенія объ установившемся равновѣсіи въ распредѣленіи труда. Дѣйствительность не знаетъ теперь, не знала при возникновеніи обмѣна такого заранѣе установленаго равновѣсія. Оно исторически вырабатывалось борьбой на рынкѣ, мѣнялось послѣдовательно и закономѣрно; и мы должны только поставить теоретическій вопросъ, который ставилъ безконечное число разъ и Мальтусъ, какъ можетъ дѣйствовать спросъ и предложеніе продуктовъ съ обѣихъ сторонъ, чтобы экономическая жизнь могла

идти и развиваться: при предположеніи, что оба вида производителей другъ для друга необходимы, но по наличности соціальныхъ силъ они неравны. Вѣдь, въ нашемъ случаѣ мы имѣемъ представителей земледѣлія съ ихъ прочной основой владѣнія землею, которая, какъ производительная сила, ограничена въ количествѣ и укрѣплена за ними исторіей и правомъ, и представителей труда, имѣющихъ на своей сторонѣ то обстоятельство, что трудовая энергія, воплощенная въ нихъ, какъ въ живыхъ существахъ и въ ихъ капиталѣ, также ограничена въ количествѣ и качествѣ, что они должны готовить продукты для удовлетворенія своихъ потребностей и таковыхъ же земледѣльцевъ, что ихъ взаимное существованіе возможно только при своеобразномъ раздѣлѣ добытаго продукта. Пока мы можемъ совершенно оставить въ сторонѣ значеніе потребителей т. е. той доли общества, которая не создаетъ непосредственно матеріальнаго продукта, а существуетъ за счетъ продукта и прибавочнаго продукта производителей. Къ анализу вліянія „этихъ потребителей“ мы вернемся въ главѣ о непроизводительномъ трудѣ и капиталѣ [74]).

Всѣ шесть нашихъ таблицъ и создаютъ различныя возможныя комбинаціи этого раздѣла прибавочнаго продукта, при чемъ я заранѣе долженъ устранить одно возраженіе. Мнѣ могутъ сказать, что никогда не обмѣнивался прибавочный продуктъ. На рынокъ поступаетъ вся масса производства. Такое возраженіе, правда, сильно грѣшило бы противъ первыхъ историческихъ начатковъ въ условіяхъ наполовину натуральнаго хозяйства, когда на рынокъ поступалъ именно только прибавочный продуктъ. Но даже допуская это возраженіе, я не могу признать его вѣскимъ для теоретической схемы, которая именно и стремится вскрыть тѣ таинственныя условія, которыя лежатъ въ основѣ всего рыночнаго обмѣна, во всей его массѣ. Скрытыя силы можно открыть предположительно, если онѣ въ состояніи намъ объяснить внѣшнимъ образомъ совершающійся незамѣтно результатъ. Штольцманъ, какъ мы ранѣе указали, вполнѣ правильно полагаетъ, что продуктъ и прибавочный продуктъ создаются ипо actu. Мы показали также, что цѣна продукта выясняется на основаніи количественнаго отношенія продукта къ потребностямъ. Наши таблицы помогутъ намъ раскрыть самый процессъ образованія этой цѣны, причемъ, какъ мы видѣли въ § 2 первой главы (см. стр. 115) и въ § 3 третьей главы, вліяніе количественнаго умноженія продуктовъ неизбѣжно чрезъ

74) Ср. главу 5-ю: § 4. „Теорія преобладанія; непроизводительный капиталъ и богатство, ищущее наслажденій“.

Таблица I.

Предпріятія	Производительность одного дня труда въ единицахъ продукта фабрикаціи при чемъ высшая производительность обусловливается прилож. капитала.					Цѣна, какъ результатъ раздѣла приб. продукта, при которомъ наименьшая производительность земли поглощаетъ наивысшую производительность фабрикаціи т. е. 3 продукта фабрикаціи за 1 продуктъ земледѣлія.	Производительность одного равнаго дня труда на разнокачественныхъ, но одинаковыхъ по площади участкахъ въ единицахъ продуктовъ земледѣлія				
	Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ земл. прод.	Чтобы получить 1 продуктъ земледѣлія, какъ свое необходимое содержаніе, представитель фабрикаціи долженъ дать:	Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ продукт. фабрик.
a	1	0	0	0	0	За 1 день земледѣльца = 3 дня фабрикаціи	1	0	0	0	0
b	1	1	1	0	$^1/_3$	„ 1 „ „ = $1^1/_2$ „ „	1	2	$^1/_3$	$1^2/_3$	1
c	1	2	2	0	$^2/_3$	„ 1 „ „ = 1 „ „	1	4	$^2/_3$	$3^1/_3$	2
d	1	3	3	0	1	„ 1 „ „ = $^3/_4$ „ „	1	7	1	6	3

Таблица II.

Предпріятія	Производительность одного дня труда въ единицахъ продукта фабрикаціи при чемъ высшая производительность обусловливается прилож. капитала.					Цѣна, какъ результатъ раздѣла прибавочнаго продукта, при которомъ высшая производительность земли поглощается наименьшей производительностью фабрикаціи т. е. 7 продуктовъ земледѣлія идетъ за 1 продуктъ фабрикаціи; чтобы получить 1 продуктъ земледѣлія представитель фабрикаціи долженъ дать:	Производительность одного равнаго дня труда на разнокачественныхъ, но одинаковыхъ по площади участкахъ въ единицахъ продуктовъ земледѣлія				
	Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ земл. прод.		Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ продукт. фабрик.
a	1	0	0	0	0	За 1 день земледѣльца = $^1/_7$ дня фабрикаціи	1	0	0	0	0
b	1	1	$^2/_7$	$^5/_7$	2	„ 1 „ „ = $^1/_{14}$ „ „	1	2	2	0	$^2/_7$
c	1	2	$^4/_7$	$^{10}/_7$	4	„ 1 „ „ = $^1/_{21}$ „ „	1	4	4	0	$^4/_7$
d	1	3	1	2	7	„ 1 „ „ = $^1/_{28}$ „ „	1	7	7	0	1

Таблица III.

Предпріятія	Производительность одного дня труда въ единицахъ продукта фабрикаціи при чемъ высшая производительность обусловливается прилож. капитала.					Цѣна средняго раздѣла прибавочнаго продукта; $^{11}/_{7}$ земледѣльческаго продукта за 1 продуктъ фабрикаціи; чтобы получить 1 продуктъ земледѣлія представитель фабрикаціи долженъ дать:	Производительность одного равнаго дня труда на разнокачественныхъ, но одинаковыхъ по площади участкахъ въ единицахъ продуктовъ земледѣлія				
	Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ земл. прод.		Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ продукт. фабрик.
a	1	0	0	0	0	За 1 день земледѣльца = $^{7}/_{11}$ дня фабрикаціи	1	0	0	0	0
b	1	1	1	0	$^{11}/_{7}$	„ 1 „ „ = $^{7}/_{22}$ „ „	1	2	$^{11}/_{7}$	$^{3}/_{7}$	1
c	1	2	2	0	$^{22}/_{7}$	„ 1 „ „ = $^{7}/_{33}$ „ „	1	4	$^{22}/_{7}$	$^{6}/_{7}$	2
d	1	3	3	0	$^{33}/_{7}$	„ 1 „ „ = $^{7}/_{44}$ „ „	1	7	$^{33}/_{7}$	$^{16}/_{7}$	3

Таблица IV.

Предпріятія	Производительность одного дня труда въ единицахъ продукта фабрикаціи при чемъ высшая производительность обусловливается прилож. капитала.					Цѣна предѣльнаго раздѣла; 1 продуктъ земледѣлія за 1 продуктъ фабрикаціи; чтобы получить 1 продуктъ земледѣлія представитель фабрикаціи долженъ дать:	Производительность одного равнаго дня труда на разнокачественныхъ, но одинаковыхъ по площади участкахъ въ единицахъ продуктовъ земледѣлія				
	Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ земл. прод.		Необходимое содержаніе	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось приб. прод.	Получено въ обмѣнъ продукт. фабрик.
		1×	1×	—	1×			1×	1×	—	1×
a	1	0	0	0	0	За 1 день земледѣльца = 1 день фабрикаціи	1	0	0	0	0
b	1	1	1	0	1	„ 1 „ „ = $^{1}/_{2}$ „ „	1	2	1	1	1
c	1	2	1	1	1	„ 1 „ „ = $^{1}/_{3}$ „ „	1	4	1	3	1
d	1	3	1	2	1	„ 1 „ „ = $^{1}/_{4}$ „ „	1	7	1	6	1

Таблица V.

Предпріятія	Фабрикація: Необходимое содержаніе въ продуктахъ фабрик.	Фабрикація: Прибавочный продуктъ	Фабрикація: Необходимое добавочн. производство въ прод. фабр.	Фабрикація: Отдано въ обмѣнъ	Фабрикація: Остал. приб. прод. или отъ добавочн. производства	Фабрикація: Получено въ обмѣнъ земледѣльч. продуктовъ	Цѣна рѣдкости; $^{5}/_{7}$ продукта земледѣлія за 1 продуктъ фабрикаціи. Необходимое содержаніе въ предметахъ фабрикаціи и земледѣлія по прежнему 1 продуктъ. Чтобы получить 1 продуктъ зем., какъ необходимое содержаніе, представитель фабрикаціи долженъ дать:	Земледѣліе: Необходимое содержаніе	Земледѣліе: Добавочное производство и прибавочный прод.	Земледѣліе: Отдано въ обмѣнъ	Земледѣліе: Осталось прибавочн. продукта	Земледѣліе: Получено въ обмѣнъ продуктовъ фабрик.
a	1	0	$^{7}/_{5}$	$^{7}/_{5}$	0	1	За 1 день земледѣльца = $^{7}/_{5}$ дня фабрикаціи	1	1	$^{5}/_{7}$	$^{1}/_{7}$	1
b	1	1	$^{2}/_{5}$	$^{7}/_{5}$	0	1	„ 1 „ „ = $^{7}/_{10}$ „ „	1	2	$^{5}/_{7}$	$^{9}/_{7}$	1
c	1	2	—	$^{7}/_{5}$	$^{3}/_{5}$	1	„ 1 „ „ = $^{7}/_{15}$ „ „	1	4	$^{5}/_{7}$	$^{23}/_{7}$	1
d	1	3	—	$^{7}/_{5}$	$^{8}/_{5}$	1	„ 1 „ „ = $^{7}/_{20}$ „ „	1	7	$^{5}/_{7}$	$^{44}/_{7}$	1

Таблица VI.

Предпріятія.	Фабрикація: Необходимое содержаніе въ продуктахъ фабрик.	Фабрикація: Прибавочный продуктъ	Фабрикація: Необходимое добавочн. производство въ прод. фабр.	Фабрикація: Отдано въ обмѣнъ	Фабрикація: Остал. приб. прод. или отъ добавочн. производства	Фабрикація: Получено въ обмѣнъ земледѣльч. продуктовъ	Цѣна рѣдкости продуктовъ фабрикаціи; 1 продуктъ фабрикаціи за 2 продукта земледѣлія. Чтобы получить 1 продуктъ фабрикаціи какъ необходимое содержаніе, представитель земледѣлія долженъ дать:	Земледѣліе: Необходимое содержаніе	Земледѣліе: Добавочное производство и прибавочный прод.	Земледѣліе: Отдано въ обмѣнъ	Земледѣліе: Осталось прибавочн. продукта	Земледѣліе: Получено въ обмѣнъ продуктовъ фабрик.
a	1	0	1	1	—	2	За 1 день фабрикаціи = 2 дня земледѣльца	1	1	2	—	1
b	1	1	—	1	—	2	„ 1 „ „ = $^{2}/_{3}$ „ „	1	2	2	—	1
c	1	2	—	1	1	2	„ 1 „ „ = $^{2}/_{5}$ „ „	1	4	2	2	1
d	1	3	—	1	2	2	„ 1 „ „ = $^{2}/_{8}$ „ „	1	7	2	5	1

пониженіе доходовъ должно выражаться въ пониженіи цѣны. Сколько бы ни поставилъ рабочей прибавочнаго или необходимаго труда, конечный результатъ всего производства въ продуктѣ и его обмѣнъ установитъ цѣну и только тогда мы получимъ возможность опредѣлить отношеніе между цѣной необходимаго содержанія и прибавочной цѣной.

г) Попробуемъ же анализировать наши таблицы шагъ за шагомъ, отмѣчая тѣ выводы, которые можно изъ нихъ сдѣлать. Средняя часть таблицы дѣлаетъ предположенія о возможныхъ условіяхъ при раздѣлѣ прибавочнаго продукта: 1. Первая таблица предполагаетъ захватъ наивысшей производительности труда фабрикаціи наименьшей производительностью земледѣльца. Одинъ продуктъ земледѣлія идетъ за три продукта фабрикаціи и вычислено, сколько за одинъ день земледѣльца долженъ дать при такихъ условіяхъ дней представитель фабрикаціи разной производительности. Это случай полнаго господства земледѣльца надъ представителемъ фабрикаціи. 2. Второй случай представляетъ полную противоположность первому. Одинъ продуктъ фабрикаціи идетъ за семь продуктовъ земледѣлія и соотвѣтственно сдѣланы тѣже исчисленія. 3. Третій случай есть раздѣлъ прибавочнаго продукта на началахъ среднихъ, при такой цѣнѣ, когда 11/7 земледѣльческаго продукта идутъ за одинъ продуктъ фабрикаціи; 4-ты случай, когда мы имѣемъ съ цѣною предѣльнаго раздѣла: одинъ продуктъ фабрикаціи идетъ за одинъ же продуктъ земледѣлія; 5 и 6-ой случаи даютъ намъ цѣну рѣдкости: пятый — для земледѣлія, когда за 5/7 земледѣльческаго продукта дается одинъ продуктъ фабрикаціи и 6 — для фабрикаціи, когда два продукта земледѣлія даются за одинъ продуктъ фабрикаціи. Анализъ этихъ таблицъ дастъ намъ желаемые отвѣты на поставленные вопросы.

Первый вопросъ, который требуетъ отвѣта, мы можемъ формулировать такъ: *какое отношеніе существуетъ между цѣною и производительными силами, которыя находятся въ распоряженіи общества?* Высказывая вполнѣ справедливую мысль, что у Маркса и у классиковъ вообще понятіе производительной силы труда слишкомъ обще и неопредѣленно, г. Бухъ стремится совершенно безъ основаній выбросить этотъ вопросъ при анализѣ цѣнности. Вопросъ этотъ первостепенной важности, нужно ясно и опредѣленно его поставить. Обыкновенно онъ представляется уму въ чрезвычайно элементарной формѣ, а именно такъ: одинъ день труда производитъ два продукта, чрезъ нѣкоторое время тотъ же трудъ начинаетъ производить четыре продукта. Очевидно, человѣкъ будетъ цѣнить эти четыре продукта

вдвое менѣе т. е. цѣнность и цѣна будетъ всегда обратно пропорціональна производительности затраченнаго труда. Такое разсужденіе было бы правильно, если бы оно точно формулировало проблему. Необходимо выяснить значеніе производительности, во первыхъ, не только въ движеніи, въ видоизмѣненіяхъ затратъ труда, но и статически и при томъ въ предположеніи, что одно и тоже количество труда выражается при приложеніи его къ тѣмъ или другимъ производительнымъ силамъ въ разныхъ количествахъ продукта или же одна и таже затрата трудовой энергіи даетъ совершенно разныя количества продукта. Наши таблицы такъ именно и ставятъ вопросъ. Рикардо и Марксъ поставили оба этотъ вопросъ о производительности именно въ двухъ этихъ формахъ: неясной и элементарной, и болѣе сложной и правильной; въ результатѣ первый пришелъ къ убѣжденію, что предѣльная производительность труда имѣетъ рѣшающее значеніе для цѣны, второй средняя производительность. И въ тоже время Марксъ сохраняетъ положеніе, что цѣна обратно пропорціональна производительности.

Анализируя законъ ренты, мы старались показать, что въ такомъ видѣ ни одно изъ этихъ положеній не можетъ быть принято и мы говорили, что вопросъ о технической производительности въ сложныхъ общественныхъ условіяхъ неизбѣжно связывается съ условіями соціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта. Техническій дифференціальный принципъ обращается въ сложный соціальный дифференціальный принципъ и подъ его вліяніемъ цѣна можетъ иногда не возрастать до цѣны предѣльной производительности, иногда падать подъ давленіемъ высшей производительности, иногда превосходить предѣльную производительность доходя до уровня цѣны рѣдкости. Другими словами возможны всѣ шесть предположеній, которыя дѣлаетъ наша таблица. При такихъ условіяхъ т. е. если цѣны опредѣляются не только въ зависимости отъ *естественной* и *неравной* производительности источниковъ производства, но и отъ соціальныхъ условій, въ которыхъ находятся производители, владѣльцы этихъ источниковъ производства, формула цѣна обратно пропорціональна производительности становится недостаточной.

Цѣна въ первой таблицѣ опредѣляется такимъ раздѣломъ прибавочнаго продукта, при которомъ наинизшая производительность въ земледѣліи захватываетъ наивысшую производительность въ фабрикаціи. При такомъ предположеніи, какъ это видно изъ таблицы, только одинъ видъ представителей фабрикаціи съ производительностью d. могъ бы существовать т. е. вырабатывать для себя потребное необходимое содержаніе. Всѣ остальные представители фабрикаціи

должны были бы исчезнуть съ рынка. Рента землевладѣльцевъ, напротивъ, была бы безконечно велика. При наличности такихъ производителей, какъ d. для полнаго удовлетворенія ихъ потребностей, они, отдавая въ обмѣнъ только $^1/_3$, $^2/_3$ и 1 продуктъ, могли бы получить дифференціальное необходимое содержаніе въ продуктахъ фабрикаціи и у нихъ осталась бы еще не отчужденная дифференціальная рента въ прибавочномъ продуктѣ земледѣлія. Минимальное необходимое содержаніе получалъ бы представитель фабрикаціи d. и представитель b. въ земледѣліи, но въ тоже время такая цѣна обнаруживающая перевѣсъ земледѣльческаго класса при большей его средней производительности [75]) давала бы ему возможность въ видѣ остатка прибавочнаго продукта получать еще какъ бы особую абсолютную, квазиренту; говоримъ такъ, ибо при взятыхъ предположеніяхъ вовсе бы не требовалось наличности земли не платящей ренты. Какъ на первомъ, такъ и на всѣхъ послѣднихъ участкахъ рента была бы результатомъ цѣны; она дифференцировалась съ математическою правильностью въ зависимости отъ производительности земли т. е. отъ размѣра прибавочнаго продукта, которымъ можетъ распоряжаться земледѣлецъ.

Вторая таблица прямо противоположна первой. Здѣсь цѣна является, какъ результатъ раздѣла прибавочнаго продукта, при которомъ наинизшая производительность фабрикаціи поглощаетъ наивысшую производительность въ земледѣліи. Всѣ выводы, которые мы сдѣлали, были бы въ переставленномъ видѣ. Минимальное необходимое содержаніе вырабатывалось бы въ земледѣліи въ предпріятіи d., минимальное содержаніе въ фабрикаціи въ предпріятіи b., но и здѣсь это необходимое содержаніе получало бы дифференціальную форму. Даже въ этомъ послѣднемъ предпріятіи по производительности, оно было бы на единицу больше въ продуктахъ земледѣлія и осталось бы собственнаго прибавочнаго продукта 5/7.

Ясно для всякаго, что такія условія раздѣла прибавочнаго продукта врядъ ли могутъ существовать. Они требуютъ 1. полнаго соціальнаго господства однихъ производителей надъ другими, 2. наличности въ обоихъ случаяхъ безграничнаго количества производителей наивысшей производительности, 3. отсутствія всякаго соперничества

---

75) Во взятыхъ примѣрахъ простая ариѳметическая средняя производительности въ продуктахъ фабрикаціи равняется $2^1/_2$, въ продуктахъ земледѣлія $^{17}/_4$ т. е. одинъ продуктъ фабрикаціи при среднемъ ариѳметическомъ разсчетѣ соотвѣтствуетъ 1,7 продуктамъ земледѣлія.

между производителями земледѣлія или фабрикаціи, когда они диктуютъ условія промѣна. 4. Это отсутствіе соперничества тѣмъ болѣе невѣроятно, что производители, преобладающіе въ соціальномъ раздѣлѣ прибавочнаго продукта, имѣютъ громадные избытки въ видѣ дифференціально полученнаго прибавочнаго продукта и въ видѣ собственнаго остатка. Естественно, поэтому, предположеніе, что они отдадутъ часть своего избытка для удовлетворенія своихъ другихъ потребностей, а это возможно будетъ сдѣлать только чрезъ новый потокъ ихъ товаровъ на рынокъ, что неизбѣжно должно понизить ихъ цѣну. Чѣмъ сильнѣе будутъ ихъ потребности, чѣмъ больше будутъ количественные избытки ихъ прибавочнаго продукта, тѣмъ сильнѣе должна будетъ понизиться цѣна. Другими словами, мы видимъ, что процессъ установленія цѣнъ будетъ совершаться въ полной аналогіи съ тѣмъ процессомъ, который Рикардо и другіе классики установили для международнаго обмѣна. Но такъ какъ процессъ пониженія цѣны можетъ совершаться въ капиталистическомъ хозяйствѣ только чрезъ процессъ пониженія доходовъ, то мы не имѣемъ никакого права говорить, что цѣна вообще обратно процорціональна производительности. Съ ростомъ производительности цѣна убываетъ, но законъ этого убыванія еще наукой не открытъ, такъ какъ теоретическаго минимума прибыли (и вообще прибавочнаго продукта) мы не знаемъ (см. § 3 слѣдующей главы).

Третья и четвертая таблица близки по существу къ предположеніямъ Маркса и Рикардо. Таблица третья представляетъ цѣну средняго раздѣла прибавочнаго продукта, когда цѣна вмѣсто того чтобы быть три продукта фабрикаціи за одинъ предметъ земледѣлія или 1/7 продукта фабрикаціи за тотъ же продуктъ, равна какъ разъ среднему раздѣлу 11/7. При такихъ условіяхъ всѣ предпріятія за исключеніемъ перваго въ состояніи существовать. Первое предпріятіе, какъ вырабатывающее свое необходимое содержаніе въ продуктахъ одного рода не можетъ участвовать въ обмѣнѣ и вообще не можетъ существовать никогда. Всѣ остальныя предпріятія при такомъ раздѣлѣ не только выручатъ свое необходимое содержаніе, но оно будетъ составлять величину дифференціальную ихъ производительности. Болѣе производительное земледѣліе получитъ еще и ренту въ остаткѣ собственнаго прибавочнаго продукта.

Четвертая таблица близка по предположеніямъ къ Рикардо. Она предполагаетъ предѣльный раздѣлъ, когда наинизшая производительность въ земледѣліи можетъ получить только наинизшую же норму продукта въ фабрикаціи. Этотъ примѣръ намъ особенно

важенъ, ибо дастъ намъ возможность вскрыть тѣ предположенія, изъ которыхъ исходитъ Рикардо. Первое предпріятіе при такихъ условіяхъ существовать по прежнему не можетъ. Мы обозначили цыфрами съ крестами то постоянное предположеніе Рикардо, которое дѣлаетъ возможнымъ существованіе этого предпріятіе. *Оно должно вырабатывать такое же количество прибавочнаго продукта, какъ въ земледѣліи и фабрикаціи т. е. необходимое содержаніе должно представлять въ своемъ двойственномъ видѣ комбинированный результатъ совершенно равной одинаковой производительности.* Тогда, и только тогда, мы будемъ имѣть предпріятіе, которое вырабатываетъ свое необходимое содержаніе и не даетъ никакихъ дифференціальныхъ рентъ. Всѣ предпріятія съ высшей производительностью, вопреки предположеніямъ Рикардо, должны будутъ давать при такихъ условіяхъ неравное, а также дифференціальное вознагражденіе. Таже таблица показываетъ, что разъ въ земледѣльческомъ производствѣ производительность труда выше, то первое предпріятіе должно исчезнуть, вмѣсто a, съ его отсутствіемъ прибавочнаго продукта, станетъ b. и всѣ остальныя предпріятія получатъ возможность существовать, но земледѣльческое цредпріятіе b. выработаетъ не только свое необходимое содержаніе, но и у него останется прибавочный продуктъ, какъ рента.

Таблицы пятая и шестая даютъ намъ совершенно иныя картины. Таблица шестая отлично дополняетъ таблицу четвертую. Мы имѣемъ дѣло *съ цѣною рѣдкости*, когда два продукта земледѣлія идутъ за одинъ продуктъ фабрикаціи. Это сразу мѣняетъ условія существованія. Представитель самаго непроизводительнаго предпріятія a. получаетъ возможность существовать. Онъ не производитъ однимъ днемъ ничего, кромѣ своего необходимаго содержанія въ продуктахъ фабрикаціи, но, отчудивъ его, онъ получаетъ два продукта земледѣлія, на которые можетъ существовать два дня; очевидно, ему только необходимо расширить свое производство, одинъ день работать на себя, другой для сбыта и онъ выработаетъ свое „минимальное необходимое содержаніе“. Доходы всѣхъ другихъ болѣе счастливыхъ представителей фабрикаціи будутъ дифференціальны ихъ производительности. Другими словами, мы имѣемъ здѣсь случай, когда при *отсутствіи прибавочнаго продукта* создается новое явленіе *прибавочная цѣна,* прямой результатъ наличности прибавочнаго продукта въ земледѣльческомъ предпріятіи b. и соціальнымъ условіямъ, которыя даютъ возможность представителю фабрикаціи ее захватить.

Таблица пятая дѣлаетъ такой же разсчетъ при цѣнѣ рѣдкости въ земледѣліи. Изъ него ясно видно, что такой подъемъ цѣны въ земледѣліи и возможность получать прибавочную цѣну можетъ быть только при наличности болѣе производительныхъ предпріятій въ фабрикаціи e и d. Только они могутъ платить эту цѣну безъ добавочнаго производства; даже предпріятіе b., имѣющее прибавочный продуктъ, не въ состояніи существовать, т. е. прибавочная цѣна въ земледѣліи возможна точно также только при наличности особой повышенной производительности въ трудѣ фабрикаціи, которую это земледѣліе захватываетъ.

д) Проанализировавъ такъ наши таблицы, мы теперь можемъ и поставить вопросъ, какое же изъ этихъ предположеній вѣроятнѣе, какіе мы можемъ сдѣлать общіе выводы для теоріи цѣны, правда только предварительные, ибо мы не изучили еще вліяніе капитала.

Выводы, которые можно сдѣлать изъ разсмотрѣнія этихъ таблицъ, напрашиваются сами собой и могутъ быть формулированы такимъ образомъ. Во первыхъ, Рикардо и всѣ классическіе экономисты были совершенно правы, утверждая, что доходы представляютъ результатъ извѣстныхъ цѣнъ, а не причину ихъ. Эти доходы стоятъ въ зависимости, однако, не отъ производительности труда или земли, какъ обособленныхъ факторовъ производства, а представляютъ собою результатъ раздѣла общей и неравной производительности при помощи рыночныхъ процессовъ. Поэтому и представленіе классиковъ о цѣнности, какъ о категоріи свидѣтельствующей о средней или предѣльной производительности въ данной отрасли промышленности, невѣрно. *Цѣна, а не цѣнность, и вѣроятнѣе всего цѣна средняго раздѣла прибавочнаго продукта, служитъ комбинированнымъ выраженіемъ производительности въ доходахъ всего общественнаго производства и обмѣна.* Поэтому и основная формула цѣны должна гласить, что она стоитъ въ зависимости не отъ средней производительности труда въ данной отрасли промышленности, а отъ средняго раздѣла прибавочнаго продукта и всего общественнаго продукта. Этотъ средній раздѣлъ вѣроятнѣе потому, что отношенія соціальныхъ классовъ производителей находятся въ процессѣ постояннаго движенія; средняя и является указателемъ болѣе или меньшаго равновѣсія силъ въ этомъ обмѣнѣ, но она не исключаетъ и всякихъ другихъ возможностей, принимая во вниманіе, что борьба силъ дѣло исторіи и послѣдовательно она можетъ клониться то въ одну, то въ другую сторону.

Этотъ средній раздѣлъ, такимъ образомъ, никогда не является господствующимъ и единымъ явленіемъ. При извѣстныхъ условіяхъ

онъ можетъ быть довольно типическимъ явленіемъ, при другихъ на оборотъ это только абстрактная средняя, отъ которой имѣется масса мелкихъ и крупныхъ отклоненій съ *дифференціаціей этого средняго раздѣла внизъ и вверхъ,* какъ это мы видѣли при анализѣ ренты.

Такъ какъ въ нашихъ примѣрахъ имѣется два основныхъ предположенія, что трудъ и земля, во первыхъ, составляютъ ограниченныя величины для удовлетворенія безграничнаго или, по крайней мѣрѣ, вѣчно разростающагося круга нашихъ потребностей и, во вторыхъ, что обѣ эти производительныя силы неравны по производительности, то не трудно объяснить, почему въ большинствѣ случаевъ цѣна не можетъ пасть до предѣловъ высшей производительности. Высшая производительность никогда не существуетъ, какъ единое и все поглощающее явленіе: такое положеніе вещей существуетъ рѣдко; поэтому, по общему правилу, цѣна почти никогда не падаетъ до уровня высшей производительности и предпріятія съ таковою получаютъ дифференціальное вознагражденіе, которое составляетъ результатъ цѣны, и тѣмъ выше, чѣмъ больше эта производительность и чѣмъ рѣже она встрѣчается въ общей массѣ производительныхъ предпріятій[76]). При нормальныхъ условіяхъ цѣна средняго раздѣла благодаря дѣйствію принципа рѣдкости даетъ и необходимое содержаніе, и прибавочный продуктъ. Цѣна, такимъ образомъ, зависитъ отъ количества производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, убываетъ съ возрастаніемъ ихъ производительной силы и отражаетъ всѣ условія дифференціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта[77]).

---

76) сравни ниже нашъ анализъ закона паденія прибыли.

77) Родбертусъ понимаетъ, что въ современномъ хозяйствѣ совершается это тяготѣніе къ среднему раздѣлу, но оно не можетъ устранить дифференціаціи вверхъ и внизъ. Родбертусъ пишетъ очень осторожно и не настаиваетъ на сдѣлавшейся, къ сожалѣнію, общепринятой формулѣ Маркса объ обратной пропорціональности цѣны и производительности. „Если рыночная цѣна въ самомъ себѣ предоставленномъ оборотѣ и стоитъ еще подъ измѣнчивымъ господствомъ всеобщаго спроса и предложенія, то, по крайней мѣрѣ, она уже и теперь тяготѣетъ къ затраченной на производство производительной силѣ, къ его стоимости. Рыночная цѣна имѣетъ, по крайней мѣрѣ, постоянное стремленіе давать *справедливое вознагражденіе.* Ибо интересъ при конкуренціи долженъ привести къ тому, что никто въ теченіе продолжительнаго времени за меньшее количество затраченной производительной силы не будетъ получать большее количество производительной силы, ибо каждый будетъ стремиться къ такой болѣе производительной отрасли, пока равновѣсіе снова не возстановится и въ каждомъ вымѣненномъ продуктѣ снова будетъ получаться одинаковое количество производительной силы, одинаковыя издержки, одинаковый трудъ. . . Этотъ

Во вторыхъ, категорія необходимаго содержанія имѣетъ важное теоретическое значеніе. Таблицы показываютъ, что необходимое содержаніе, какъ нѣкоторый абстракно представляемый нами минимумъ существованія, неизбѣжно должно состоять изъ продуктовъ фабрикаціи и земледѣлія и не можетъ пасть во всякое данное время ниже нѣкоторой нормы. Оно необходимо должно быть комбинированнымъ результатомъ условій производства, какъ цѣлаго, и соціальной борьбы силъ, какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабрикаціи. Поэтому всѣ теоріи заработной платы и вообще доходовъ, которыя считаютъ возможнымъ объяснить происхожденіе ихъ изъ одного анализа производства ложны. Только обмѣнъ, на почвѣ неравной производительности и при посредствѣ рыночной борьбы соціальныхъ силъ, въ состояніи установить предѣльно-минимальное или среднее необходимое содержаніе, которое можетъ быть результатомъ комбинаціи низшихъ условій въ земледѣліи и высшихъ въ фабрикаціи и наоборотъ, или среднихъ условій, предѣльныхъ и всякаго рода промежуточныхъ. Цѣна труда, также какъ и цѣна товаровъ, не только является выраженіемъ производительности общественнаго труда, но и условій соціальнаго раздѣла продукта. Опредѣленіе цѣны, какъ мы видимъ изъ взятыхъ примѣровъ, совершается чрезъ раздѣлъ прибавочнаго продукта, подъ которымъ мы отнюдь не разумѣемъ только ренту и прибыль въ противоположность заработной платѣ. Нѣтъ, прибавочный продуктъ, также какъ и прибавочная цѣна, есть теоретически представляемая величина для всего, что остается за наименьшимъ или безусловно необходимымъ въ данныхъ отрасляхъ промышленности вознагражденіемъ труда, какъ покупаемаго фактора производства по цѣнѣ, обусловливающейся всей совокупностью соціальныхъ и экономическихъ условій. Если заработная плата дифференцировалась свыше минимальнаго необходимаго содержанія, если этотъ избытокъ не обусловливается соціальною и экономическую необходимостью, заработная плата путемъ пониженія ея и соперничества можетъ также, какъ и дифференціальныя ренты, своимъ видозмѣненіемъ оказывать вліяніе на раздѣлъ прибавочнаго продукта, а слѣдовательно и на цѣны. Если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности эта плата неизбѣжно должна быть выше, она должна оказывать вліяніе на цѣны, какъ дифференціальная величина рѣдкости, какъ въ нашемъ послѣд-

---

законъ тяготѣнія сказывается нынѣ уже настолько, что *вообще рыночная цѣна стоитъ въ обратномъ отношеніи къ производительности.* см. Zur Beleuchtung, 2 письмо, стр. 68, изд. 1890 г.

немъ примѣрѣ. Такая плата понизитъ дифференціацію ренты, если размѣръ производительности останется тотъ же.

Въ третьихъ, необходимое содержаніе, какъ предѣльно минимальная или средняя величина всегда является результатомъ цѣны, но въ тоже время служитъ показателемъ тѣхъ низшихъ и среднихъ предѣловъ комбинированной производительности общественнаго труда, до которыхъ можетъ спуститься производство подъ вліяніемъ техническихъ условій и борьбы соціальныхъ силъ: интересовъ и потребностей. Эта минимальная или средняя величина при наличности высшихъ производительныхъ условій можетъ дифференцироваться вверхъ безъ всякаго видоизмѣненія цѣны, она можетъ дифференцироваться и внизъ чрезъ ухудшенія необходимаго содержанія производителей [78]).

Въ четвертыхъ, при наличности борьбы соціальныхъ силъ дифференціація необходимаго содержанія будетъ сильнѣе выражена для той стороны, которая опредѣляетъ условія промѣна. Цѣна можетъ дойти и до уровня цѣны рѣдкости, мы можемъ имѣть явленіе прибавочной цѣны и безъ прибавочнаго продукта, но это возможно только въ томъ случаѣ, если въ какой либо отрасли промышленности существуетъ прибавочный продуктъ.

Въ пятыхъ, наши предположенія раздѣла основаны на неравной производительности труда, благодаря наличности неравной по производительности земли, и на неравной производительности разнокачественнаго, но одинаковаго по затратѣ энергіи труда, которому содѣйствуетъ большій или меньшій капиталъ [79]). Если возможны тѣ комбинаціи въ обмѣнѣ, о которыхъ мы говорили, то ясно, что трудовой

---

78) Тюненъ ранѣе всѣхъ другихъ оцѣнилъ это значеніе необходимаго содержанія и отъ него ускользнула только соціальная сторона цѣны. Вотъ что пишетъ онъ: „между цѣною товара и издержками производства послѣдняго устанавливается равновѣсіе, когда промышленность, въ которой создается этотъ товаръ, не получаетъ ни потерь, ни слишкомъ необычныхъ барышей . . . Если установившейся цѣною трудъ равнаго качества во всѣхъ промыслахъ одинаково высоко вознаграждается, то устанавливается равновѣсіе и это среднее вознагражденіе есть масштабъ для издержекъ производства, для потерь и барышей. Что въ большинствѣ товаровъ имѣется еще плата за пользованіе капиталомъ и земельная рента, не мѣняетъ сколько нибудь существенно этого тезиса, ибо если вычесть ренту и прибыль, какъ издержки, то получится, насколько высоко вознаграждается работникъ. См. Der isolierte Staat, 2 Th., стр. 133—4, R. 1850.

79) Въ слѣдующей главѣ при оцѣнкѣ таблицъ III-го тома Маркса мы подойдемъ къ этому вопросу ближе и покажемъ, что вся теорія органическаго состава капитала, по существу дѣла, является констатированіемъ неравенствъ въ производительности капитала и не согласуется съ ученіемъ о прибавочной цѣнности.

цѣнности въ собственномъ смыслѣ этого слова не можетъ быть. Трудовая цѣнность могла бы существовать только при полномъ равенствѣ во всѣхъ производительныхъ условіяхъ въ земледѣліи и фабрикаціи, при полномъ однообразіи въ производительности труда разныхъ качествъ. При взятыхь предположеніяхъ цѣна является результатомъ соціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта и скрываетъ въ себѣ то дифференціальное вознагражденіе, которое, являясь результатомъ цѣны, представляетъ собою нѣкоторую долю прибавочнаго продукта, который можетъ и не быть произведеннымъ собственнымъ трудомъ даннаго предпріятія.

Взглянувъ на среднюю часть хотя бы таблицы четвертой, мы безъ затрудненія поймемъ, почему Мальтусъ предпочиталъ свой масштабъ измѣренія цѣнности сравнительно съ Рикардовскимъ. На рынкѣ установилась цѣна одинъ продуктъ земледѣлія за одинъ продуктъ фабрикаціи, но въ тоже время этотъ одинъ продуктъ фабрикаціи стоитъ фактически представителю фабрикаціи разной производительности одинъ день, полъ дня, треть и четверть дня. Ему представляется нелѣпымъ измѣрять цѣнность затраченнымъ трудомъ. На одинъ и тотъ же товаръ пошли разныя количества труда, но они покупаютъ совершенно одинаковое количество дней труда земледѣльца. Необходимое содержаніе труда предѣльнаго земледѣльца представляется ему совершенно неизмѣннымъ. Онъ не замѣчалъ, что допустивъ это предположеніе, онъ долженъ былъ логически признать и другое, что предѣльное необходимое содержаніе представителя фабрикаціи столь же неизмѣнно, а тогда предѣльная производительность въ земледѣліи должна была бы обмѣниваться на предѣльную производительность въ фабрикаціи, другими словами одинъ день въ земледѣліи равнялся бы одному дню труда въ фабрикаціи и эта предѣльная затрата труда опредѣляла бы цѣнности, какъ и училъ Рикардо. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы безъ труда можемъ преобразовать нашу таблицу на тотъ капиталистическій ладъ, въ которомъ представляютъ себѣ явленія и Мальтусъ, и Рикардо. Допустимъ, что наше необходимое содержаніе въ единицу составляетъ вознагражденіе работника, какъ въ продуктахъ фабрикаціи, такъ и земледѣлія; другая единица пусть изображаетъ прибыль, которая можетъ также тратиться на необходимое содержаніе капиталиста въ продуктахъ земледѣлія и фабрикаціи.

Пусть работникъ вырабатываетъ свое необходимое содержаніе въ фабрикаціи и оно составляетъ полъ продукта, другая половина продукта составляетъ его прибавочный продуктъ, который онъ можетъ

обмѣнять на предметы земледѣлія; необходимое содержаніе капиталиста также полъ продукта въ предметахъ фабрикаціи и другая половина можетъ быть имъ обмѣнена, какъ его прибавочный продуктъ на предметы земледѣлія. Тогда имѣемъ:

Таблица VII.

Фабрикація								Земледѣліе							
Предпріятія	Необходимое содержаніе работника	Необходимое содержаніе капиталиста	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось прибавочнаго продукта	Получено въ обмѣнъ	Цѣна предѣльнаго раздѣла Одинъ продуктъ земледѣлія идетъ за одинъ продуктъ фабрикаціи	Предпріятія	Необходимое содержаніе работника	Необходимое содержаніе капиталиста	Прибавочный продуктъ	Отдано въ обмѣнъ	Осталось прибавочнаго продукта	Получено въ обмѣнъ
a	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	1	1	0	1	За 1 д. землед. = 1 д. фаб.	a	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	1	1	0	1
b	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	1	1	0	1	„ 1 „ „ = 1 „ „	b	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	2	1	1	1
c	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	2	1	1	1	„ 1 „ „ = $^1/_2$ „ „	c	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	4	1	3	1
d	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	3	1	2	1	„ 1 „ „ = $^1/_4$ „ „	d	$^1/_2+^1/_2$	$^1/_2+^1/_2$	7	1	6	1

Другими словами, эта преобразованная таблица даетъ равенство платъ и прибылей. При такихъ условіяхъ мы видимъ, что предпріятія c. и d. въ фабрикаціи, которыя обмѣниваются согласно съ предположеніями Рикардо, должны неизбѣжно получить дифференціальныя прибыли. На ряду съ рентой будетъ существовать и дифференціальная прибыль; предпріятія съ высшей производительностью будутъ обмѣнивать свои продукты не согласно съ трудовою цѣнностью.

Но и положеніе Мальтуса, что „два товара равны по цѣнности, если они покупаютъ одинаковое количество труда“, также совершенно невѣрно. Простой примѣръ на нашей таблицѣ можетъ разъяснить это. Одинъ продуктъ фабрикаціи въ первомъ нашемъ предпріятіи покупаетъ одинъ продуктъ земледѣлія, во второмъ предпріятіи тотъ же одинъ продуктъ также купитъ одинъ продуктъ; оба продукта фабрикаціи будутъ, такимъ образомъ, покупать по одному предѣльному дню земледѣльца. Цѣна на рынкѣ будетъ одна и цѣна труда предѣльнаго земледѣльца будетъ измѣряться однимъ продуктомъ. Но по цѣнности эти продукты фабрикаціи равны не будутъ. Представитель перваго предпріятія долженъ будетъ отдать весь свой день, посвященный на выработку предметовъ фабрикаціи для обмѣна на земледѣльческіе продукты, представитель послѣдняго въ томъ же одномъ продуктѣ отдастъ только четвертую часть своего дня. Если мы

представимъ себѣ эту картину въ капиталистическомъ обществѣ, то легко поймемъ, что при одинаковой цѣнности труда въ первомъ предпріятіи придется оплатить одинъ рабочій день, въ послѣднемъ только одну четверть. Другими словами одинаковая цѣна товара въ покупаемомъ имъ трудѣ, это еще не означаетъ одинаковая его цѣнность, а еще менѣе равные доходы.

Утверждая, что трудъ, который покупается предметомъ, охватываетъ всѣ обстоятельства, вліяющія на цѣнность, Мальтусъ жестоко ошибался; онъ охватываетъ только одно обстоятельство: „положеніе работника“, которое въ данную минуту заставляетъ его за данный продуктъ отдавать то или другое количество труда, но оно не вскрываетъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ были произведены тѣ два товара, за которые онъ соглашается отдать одинаковое количество своего труда. Въ одномъ случаѣ онъ можетъ не давать капиталисту никакого профита, въ другомъ громадный при той же единой цѣнности труда.

Двусторонняя формула Мальтуса имѣетъ историческое значеніе несмотря на то, что она ложна и что въ дальнѣйшемъ ея развитіи Мальтусъ запутался въ противорѣчіяхъ, стараясь доказать неизмѣнность цѣнности труда. Сопоставленіе съ теоріей г. Буха дастъ намъ возможность показать, въ чемъ эта историческая заслуга.

Г. Бухъ, какъ мы видѣли, старается доказать, что въ капиталистическомъ обществѣ *цѣнность* всегда выше *стоимости* и, поэтому, цѣнность есть понятіе о количествѣ труда, необходимаго для пріобрѣтенія предмета данной стоимости. Это таже формула Мальтуса только въ измѣненномъ перевороченномъ видѣ; Мальтусъ говоритъ, чтобы опредѣлить цѣнность предмета, узнайте, какое количество труда онъ можетъ купить. Г. Бухъ своей формулой стремится опредѣлить происхожденіе прибыли, Мальтусъ показать, что одинъ трудъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться творцомъ цѣнности. Оба они видятъ, что стоимость, по терминологіи Буха: количество затраченной трудовой энергіи, не достаточно объясняетъ существованіе излишка, который мы называемъ прибылью. Оба видятъ, что надо обратиться къ „анализу обмѣна“ или „купли-продажи“ отъ „анализа производства“.

Формула г. Буха представляетъ собою очевидную несообразность. Если въ капиталистическомъ обществѣ всѣ товары продаются выше трудовой стоимости, то тогда трудовая цѣнность миѳъ, никому и ни для кого ненужный. Она не удовлетворительна еще и потому, что мало сказать, что товары продаются выше стоимости, надо объ-

яснить, въ какихъ предѣлахъ они продаются выше стоимости, всѣ ли товары продаются одинаково, на одну и туже величину выше стоимости. Мальтусъ гораздо осторожнѣе г. Буха. Онъ не говоритъ, что всѣ товары продаются выше стоимости. Онъ, какъ мы видѣли въ первомъ параграфѣ этой главы, ясно видитъ, что цѣнности создаются не до обмѣна, а въ процессѣ обмѣна и зависятъ отъ наличности прибавочнаго продукта. Его формула относительно „всей той суммы внутреннихъ причинъ, которыя ограничиваютъ количество товара сравнительно со спросомъ на него", въ качествѣ рѣшающей проблему цѣнности могла бы привести его къ ученію о цѣнѣ, какъ дифференціальномъ раздѣлѣ продукта, если бы онъ болѣе вникъ въ теорію капитала и не представлялъ бы себѣ вмѣстѣ съ Рикардо прибыль и заработную плату едиными и равными въ предѣлахъ всего народнаго хозяйства. Все же заслуга Мальтуса велика: какъ экономистъ — реалистъ онъ первый понялъ всю абстрактную схематичность, а потому и жизненную безплодность построенія Рикардо, ибо всякому понятно, что формула послѣдняго: „продукты обмѣниваются, какъ трудовые эквиваленты при полномъ равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей, при одинаковыхъ формахъ и количествахъ затраченнаго капитала" — математическая банальность, а не разъясненіе сложныхъ процессовъ распредѣленія народнаго богатства. Самому Рикардо, поэтому, и пришлось наполовину отказаться отъ своей формулы: говорить о значеніи капитала въ процессѣ образованія цѣнностей, но неясно и неудачно. Громадная историческая заслуга Мальтуса заключается именно въ томъ, что его неясная и запутанная формула была основана на вѣрномъ убѣжденіи, что проблему цѣны, а, слѣдовательно, и всѣхъ доходовъ, мы можемъ объяснить только изъ производства, обмѣна и распредѣленія, а не изъ одной изъ этихъ областей.

Въ шестыхъ, утвержденіе, что въ капиталистическомъ обществѣ всѣ товары продаются выше ихъ трудовой стоимости не имѣетъ никакого значенія; мы имѣемъ право только утверждать, что цѣны вообще не могутъ при нормальныхъ условіяхъ пасть *ниже нормы необходимаго содержанія.*

Но такъ какъ труду содѣйствуетъ неравная по производительности — земля и капиталъ, то норма этого необходимаго содержанія опредѣляется въ зависимости отъ дифференціальной производительности труда. Безъ наличности этого участія капитала и земли цѣна продукта стояла бы въ связи съ тѣмъ жалкимъ необходимымъ содержаніемъ, которое человѣкъ можетъ добыть собственнымъ трудомъ. Она не опредѣлялась бы согласно предположеніямъ г. Буха: она не

могла бы стоять выше трудовой стоимости, какъ мы видѣли выше (стр. 189—190), а скорѣе ниже. Капиталистическая цѣна, чрезъ увеличеніе производительности труда, имѣетъ возможность продавать ниже этой теоретической трудовой стоимости безъ пониженія, а скорѣе съ повышеніемъ необходимаго содержанія.

Установивъ эти положенія перейдемъ къ теоріи капитала и цѣнъ производства К. Маркса.

Глава 5-я.

Дифференціальная прибыль и ея отношеніе къ цѣнѣ.

§ 1. Двѣ самыя неудачныя главы въ сочиненіяхъ Рикардо и Маркса.

Мало извѣстный у насъ, нѣсколько пародоксальный, но остроумный писатель Эфферцъ вѣрно, по моему мнѣнію, понимаетъ классиковъ, когда говоритъ: „производить — это значитъ совершать рядъ дѣйствій, утверждающіе, что капиталъ производителенъ, стараются тщетно доказать, что существуютъ неодушевленные предметы, которые дѣйствуютъ. Мы пишемъ экономію людей, а не вещей или животныхъ, а потому съ нашей точки зрѣнія производить, совершать рядъ дѣйствій можетъ только человѣкъ“.

При такомъ взглядѣ на значеніе капитала легко понять, почему Рикардо и безконечный рядъ его продолжателей всегда настаивали на томъ, что изобиліе, большее количество или качество продуктовъ,

---

1) Otto Effertz, Arbeit und Boden, 1887, стр. 96—7, § 40. „Особенно ясно эта точка зрѣнія сказалась у Прудона, который пишетъ: „монополія вообразила, выставила въ качествѣ принципа, что капиталъ, также какъ земля, животныя и растенія, имѣетъ собственную дѣятельность, которая освобождаетъ капиталиста отъ необходимости вносить что либо въ обмѣнъ, принимать какое либо участіе въ работахъ мастерской“. Contr. Ec., t. I, стр. 246. Нельзя не отмѣтить, что такая постановка вопроса очень рано встрѣтила протестъ въ лицѣ напр. Тюнена, писавшаго слѣдующее: „капиталъ самъ по себѣ нѣчто мертвое, онъ не можетъ ничего создать безъ движущей силы человѣка. Но въ нашемъ европейскомъ климатѣ человѣкъ, не снабженный какимъ либо капиталомъ — одеждой, пищей, орудіями и проч., не можетъ чего либо создать. Продуктъ труда есть совмѣстный результатъ труда и капитала“. Der isol. St., l. c., t. I, стр. 190.

создаваемыхъ трудомъ при участіи капитала, не придаетъ имъ большей цѣнности. Изобиліе — не богатство въ мѣновыхъ цѣнностяхъ, твердитъ постоянно Рикардо: „цѣнность зависитъ не отъ изобилія, цѣнность богатства каждой страны зависитъ отъ сравнительной *легкости или трудности*, съ которой оно производится".

Это послѣднее положеніе Рикардо выставляетъ въ своей 20-й главѣ, которую мы считаемъ одной изъ самыхъ неудачныхъ главъ его сочиненія. Это неопредѣленное, требующее большихъ разъясненій, положеніе было вполнѣ воспринято въ столь же неудачной шестой главѣ перваго тома „Капитала" Маркса, гдѣ устанавливается важное для всей системы этого писателя различіе между „постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ". Въ третьемъ томѣ это неопредѣленное положеніе Рикардо Марксъ дѣлаетъ главной базой, при посредствѣ которой онъ стремится устранить существующее противорѣчіе между „цѣнностью и цѣной". Неопредѣленное положеніе Рикардо онъ истолковываетъ рѣшительно въ томъ смыслѣ, что „цѣнность всего національнаго продукта опредѣляется трудомъ, результатомъ котораго онъ является" [2]).

Выводъ изъ этого положенія ясенъ. Къ нему и приходило большинство теоретиковъ въ духѣ классической школы, хотя и рѣдко высказывало его открыто и съ достаточной точностью. Капиталъ, результатъ предшествовавшаго труда, въ процессѣ производства возстанавливается въ своей матеріальной сущности въ иной потребительной формѣ, но данное имъ въ соединеніи съ трудомъ то или другое количество разнокачественныхъ товаровъ человѣкъ цѣнитъ только въ соотвѣтствіи съ трудомъ, затраченнымъ на оживленіе и руководительство мертвой матеріи капитала или, какъ выражался нашъ народникъ Н. — онъ: „мѣновыя цѣнности могутъ производиться въ продолженіи самой работы", „только трудомъ".

Для изучающаго исторію экономическихъ ученій крайне любопытно, что это кардинальное положеніе было введено въ науку, какъ бы украдкой и безъ малѣйшей попытки сколько нибудь его аргументировать и формулировать. Рикардо этого не сдѣлалъ, Марксъ въ своей многорѣчивой главѣ о постоянномъ и перемѣнномъ капиталѣ

2) Въ третьемъ томѣ у Маркса оно принимаетъ всѣмъ нынѣ извѣстную замысловатую форму: „хотя между собою отдѣльные товары и продаются выше или ниже своей цѣнности, но эти отступленія съ обѣихъ сторонъ всетаки взаимно уничтожаются и въ обществѣ, въ его цѣломъ, разсматривая совокупность отраслей всего производства, сумма цѣнъ производства всетаки остается равной ихъ цѣнности. Т. III. стр. 138 и слѣд.

только рабски воспроизвелъ Рикардо, но не прибавилъ ни одного слова новаго.

Ученіе о капиталѣ Рикардо вообще очень неопредѣленно. Съ трудомъ можно усмотрѣть, что подъ „оборотнымъ капиталомъ“ онъ часто понимаетъ тоже, что и Марксъ подъ перемѣннымъ т. е. сумму выданныхъ заработныхъ платъ[3]). Въ 20-й главѣ неопредѣленность ученія о капиталѣ и его отношенія къ цѣнности достигаютъ у Рикардо наибольшей степени. Ему очень пріятно констатировать свое согласіе съ Дестютъ де Траси, который говоритъ, „что наши физическія и моральныя способности — наше первоначальное богатство и употребленіе этихъ способностей — разнороднаго труда — наше единственное первоначальное сокровище; употребленіемъ этого сокровища создаются всѣ вещи, которыя мы называемъ богатствомъ; всѣ вещи, его составляющія, представляютъ только трудъ, создавшій ихъ, и, если имѣютъ цѣнность, или даже двѣ различныхъ цѣнности, то онѣ могутъ только получать ихъ отъ труда, изъ котораго они проистекаютъ“. Капиталъ одно и тоже, что и трудъ, онъ помогаетъ труду, сохраняетъ его трату, уменьшаетъ „трудность производства“[4]).

Въ текстѣ этой главы онъ смѣшиваетъ въ одну кучу значеніе „естественныхъ дѣятелей и машинъ“, догматически утверждая, что, хотя они значительно увеличиваютъ количество богатства и его потребительную цѣнность, но ничего не прибавляютъ къ „мѣновой цѣнности“. Въ защиту своего положенія онъ приводитъ единственный аргументъ, прилагая его, при этомъ, уже только къ однимъ естественнымъ дѣятелямъ: „такъ какъ, пишетъ онъ въ заключительныхъ словахъ этой главы, они исполняютъ свое дѣло *даромъ*, ибо за употребленіе воздуха, теплоты или воды ничего не платится, то и

---

3) Неясность этихъ двухъ подраздѣленій: основнаго и оборотнаго капитала у Рикардо съ исчерпывающей полнотой доказана Марксомъ, см. т. II, гл. 11, р. пер. стр. 151 и слѣд.

4) Въ любопытной брошюрѣ г. Розенбергъ (см. его Ricardo und Marx als Werttheoretiker, Wien) приводитъ цѣлый рядъ разныхъ точекъ зрѣнія при истолкованіи ученій Рикардо. Мнѣ кажется, что все ихъ многообразіе лучше всего показываетъ, что Рикардо не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, отчего на предѣльной землѣ, гдѣ выясняется предѣльная цѣнность, имѣется прибыль? Наши многочисленныя выписки въ предшествовавшемъ даютъ намъ право утверждать только то, что онъ не былъ сторонникомъ теоріи издержекъ производства, въ духѣ Милля, Маршала и другихъ: онъ отождествлялъ капиталъ съ трудомъ. Розенбергъ слишкомъ легко раздѣлывается съ такъ называемой имъ „Seltenheits-interpretation“, которая вполнѣ правильно подчеркнута и проф. Мануиловымъ. Послѣ всего вышесказаннаго мы не считаемъ необходимымъ повторять нашей аргументаціи.

оказываемая ими помощь не прибавляетъ чего либо къ ихъ мѣновой цѣнности". Вотъ и вся аргументація. Что же прибавляетъ къ ней Марксъ?

Какъ я уже сказалъ ровно ничего. Въ одномъ изъ примѣчаній Марксъ одобрительно цитируетъ слова Бёрка который полагалъ, что трудъ фермера есть то его орудіе, на которое онъ долженъ полагаться „всего болѣе" при возстановленіи затраченнаго капитала и что „два остальныя орудія, состоящія изъ рабочаго скота и . . . повозокъ, плуговъ, заступовъ и т. д. безъ извѣстнаго количества перваго не значатъ ничего". Въ текстѣ послѣ пространныхъ разсужденій, что трудъ сохраняетъ или переноситъ, по частямъ, цѣликомъ или отчасти, цѣнность постояннаго капитала въ цѣнность продукта, разсужденій, въ которыхъ нѣтъ ничего, что могло бы доказывать отсутствіе возможности воздѣйствія постояннаго капитала на цѣнность продуктовъ, не приведено ни одного аргумента, кромѣ констатированія этого факта массою излишнихъ повтореній, Марксъ пишетъ: *отсюда слѣдуетъ* самымъ рѣшительнымъ образомъ, что средство производства не можетъ придать продукту бо̀льшей цѣнности, чѣмъ та, которую оно само потеряло въ теченіи процесса труда вслѣдствіе уничтоженія собственной потребительной цѣнности. Если бы оно не имѣло никакой мѣновой цѣнности, которую оно могло бы терять т. е. если бы оно не было само продуктомъ труда, то оно не могло бы придать мѣновой цѣнности и продукту. Оно участвовало бы въ этомъ случаѣ въ образованіи потребительной цѣнности продукта, не участвуя нисколько въ образованіи его мѣновой цѣнности. *Поэтому,* мы дѣйствительно наблюдаемъ такое явленіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда средства производства представляютъ естественныя произведенія природы, находящіяся въ природѣ готовыми и не требующими для своего производства содѣйствія человѣка, напр. земля, вѣтеръ, вода, желѣзо въ горной жилѣ, дерево въ первобытномъ лѣсу и т. д."

Другими словами почти буквальное воспроизведеніе туманной аргументаціи Рикардо; трудъ первоначальное сокровище человѣка, капиталъ результатъ труда, цѣнность его опредѣляется тѣмъ процессомъ, изъ котораго онъ выходитъ; „поэтому", которымъ заканчивается приведенная выше тирада, также относится къ естественнымъ дѣятелямъ, но перечисленіе ихъ еще болѣе возбуждаетъ недоумѣній. При такой аргументаціи приравниваніе постояннаго капитала 0, которое, какъ утверждаетъ Марксъ, совершается въ обыденной жизни очень часто (?) можетъ не только на первый взглядъ, но и надолго показаться страннымъ, тѣмъ болѣе, что оно ведетъ къ важнѣйшему утвержденію, что только трудъ (или перемѣнный капиталъ) создаетъ

исключительно прибавочную цѣнность. Разберемся же во всѣхъ аргументахъ, которые помогутъ намъ опредѣлить положеніе капитала въ производствѣ и его отношеніи къ цѣнности [5]).

Что капиталъ результатъ труда — это, конечно, вѣрно, если мы желаемъ этимъ положеніемъ устранить заблужденіе Смита, будто капиталъ результатъ сбереженія. Но въ этой формѣ оно врядъ ли точно. Уже Тюненъ [6]) правильно замѣчалъ, что капиталъ продуктъ человѣческаго труда, произведенный имъ „при содѣйствіи силъ природы", но его оговоркѣ слѣдуетъ придать болѣе распространенное значеніе, сказавъ, что капиталъ результатъ производительной силы труда, причемъ, какъ мы видѣли въ предшествовавшемъ, мы не имѣемъ никакого права приписывать эту производительную силу исключительно труду. Три фактора производства: земля, капиталъ и трудъ въ равной мѣрѣ увеличиваютъ производительность труда т. е. даютъ за тѣмъ, что мы назвали „необходимымъ содержаніемъ" — для труда въ видѣ заработной платы, для капитала въ видѣ возстановленія его матеріальной сущности, для земли въ видѣ элементовъ, нужныхъ для поддержанія ея производительности, еще нѣкоторый избытокъ въ продуктѣ или при современныхъ капиталистическихъ условіяхъ въ цѣнѣ, вырученной послѣ продажи изготовленнаго продукта. Признавъ въ этомъ ограниченномъ значеніи формулу Рикардо и Маркса, мы, однако, не имѣемъ ни малѣйшаго права утверждать, что капиталъ, какъ таковой, въ видѣ машинъ, орудій и средствъ производства, не имѣетъ никакого отношенія къ процессу образованія мѣновыхъ цѣнностей. Допуская, что трудъ первоначальное сокровище человѣка, мы не можемъ въ тоже время отрицать, что земля неравной производительности и капиталъ, содѣйствующій увеличенію количественной и качественной производительности труда, своею наличностью увеличиваютъ размѣры того прибавочнаго продукта, который остается за вычетомъ на необходимое содержаніе. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, падаетъ ли это возросшее качественное количество въ цѣнѣ въ точномъ обратномъ отношеніи къ возросшей производительности? Опредѣляется ли дѣйствительно цѣнность постояннаго капитала только въ процессѣ его созданія?

Мысль невольно начинаетъ искать тѣхъ пунктовъ различія, ко-

---

5) см. Марксъ, т. I., р. пер., гл. 6-я, стр. 160, 157, 159, гл. 7-я, стр. 167

6) l. c. стр. 79. „Unter Kapital verstehe ich das unter Mitwirkung der Naturkräfte durch die menschliche Arbeit hervorgebrachte Erzeugnis, welches zur Erhöhung der Wirksamkeit menschlicher Arbeit dienlich ist".

торые имѣются между капиталомъ и другими производительными силами, предполагая, что, быть можетъ, въ нихъ лежитъ разгадка этого своеобразнаго отношенія капитала къ цѣнности.

Мнѣ кажется, что слова классиковъ, Рикардо и Маркса, относительно труда, какъ первоначальнаго сокровища, на которое человѣкъ „всего болѣе“ долженъ возлагать надежды при возстановленіи затраченнаго капитала, слѣдовало бы истолковать такъ. Во всякую историческую эпоху только трудъ человѣка, извѣстная масса его во всемъ обществѣ, представляютъ *ограниченную въ количествѣ живую энергію*, потенцирующуюся въ матеріальныхъ предметахъ, которые необходимы для удовлетворенія *неограниченной массы потребностей*. Выражаясь обще, мы могли бы сказать: только трудъ составляетъ *ограниченное для неограниченнаго*. Капиталъ, напротивъ, всегда можетъ быть созданъ и соперничество не позволяетъ, чтобы онъ входилъ какъ бо̀льшая стоимость въ цѣну продуктовъ.

Если такова была мысль классиковъ, то она была кореннымъ образомъ ошибочна: Рикардо и другіе теоретики постоянно отмѣчали, что такимъ же ограниченнымъ для неограниченнаго была земля и вообще всѣ естественные дѣятели, обращенные въ собственность, которая, вѣдь, только и возможна по отношенію къ предметамъ, число которыхъ по тѣмъ или другимъ основаніямъ практически не безгранично. По отношенію къ труду ихъ общее ученіе было также не такъ абсолютно: ростъ заработной платы, по ихъ предположеніямъ, всегда обусловливалъ приростъ населенія, который могъ даже вызывать чрезмѣрное предложеніе рабочей силы, если не абсолютное, то относительное перенаселеніе: трудъ становился для капиталистовъ практически излишнимъ. Если это такъ, то и капиталъ, какъ производительная сила, для всякой исторической эпохи долженъ быть признанъ практически ограниченнымъ. Только подобно тому, какъ высокая заработная плата вызываетъ размноженіе населенія, такъ и высокая прибыль можетъ дѣлать капиталъ изъ практически ограниченной производительной силы практически излишнюю. Рикардо дѣлаетъ такой выводъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: „не можетъ быть, пишетъ онъ, въ странѣ накоплено такой значительной массы капитала, которая не могла бы быть употребленной производительно, если только заработная плата не возрастаетъ отъ вздорожанія предметовъ необходимости до такой степени, что вслѣдствіе громаднаго уменьшенія прибыли, прекращаются *мотивы къ накопленію*“ [7]). Или

7) См. Рикардо, Principles, гл. XXI., Дѣйствіе накопленія на прибыль и процентъ.

иначе, по его мнѣнію, практическая ограниченность земли дѣлаетъ практически ограниченнымъ и трудъ, и капиталъ, но въ тоже время, если самъ капиталъ, путемъ уменьшенія стимуловъ къ накопленію, обладаетъ извѣстной соціальной силой сопротивленія, то ясно, что положеніе о его безграничномъ запасѣ совершенно неосновательно. Мы имѣемъ такое же право говорить о его технической и соціальной рѣдкости, какъ и относительно другихъ производительныхъ силъ. Если же мы припомнимъ, что соперничество не безгранично, что превращеніе мелкихъ сбереженій въ крупные капиталы, превращеніе вообще однѣхъ формъ капитала въ другія, необходимыя въ данный моментъ, связано съ значительными потерями его, то положеніе Маркса, что человѣкъ „всего болѣе“ долженъ полагаться на трудъ при возстановленіи своего затраченнаго капитала, окажется не имѣющимъ значенія. Да, оно и противорѣчитъ всему духу „Капитала“, который именно и даетъ картину могущества и преобладанія организаціонной силы капитала надъ трудомъ и землею. Очевидно, не это положеніе можетъ обусловливать невозможность „выгодной“ дѣны при участіи въ производствѣ постояннаго капитала.

Рикардо говоритъ намъ, что капиталъ исполняетъ свое дѣло „даромъ“. Но это только явная несообразность; „Даромъ“ работаютъ только естественныя силы природы, имѣющіяся въ безграничномъ количествѣ; приложеніе этого положенія къ машинамъ и другимъ орудіямъ можетъ только вызвать улыбку въ условіяхъ частно-капиталистическаго хозяйства: за отсутствіемъ аргументовъ и Рикардо, и Марксу приходится убѣждать читателей смѣшеніемъ совсѣмъ неподходяшихъ примѣровъ.

Все ученіе объ основныхъ формулахъ капитала, впервые разработанное Д. С. Миллемъ, нуждается въ полнѣйшей переработкѣ. Въ теоретической разработкѣ этихъ формулъ особенно неясно и невѣрно были формулированы тѣ выводы, которые вытекали изъ наиболѣе общепринятаго въ настоящее время положенія, что „капиталъ — результатъ предшествовавшаго труда“. Эти неправильные выводы могутъ быть изложены въ трехъ пунктахъ.

Во первыхъ, какъ мы видѣли, изъ того положенія, что при созданіи капитала неизбѣжно принимаетъ участіе трудъ, не слѣдуетъ, будто капиталъ является однимъ результатомъ труда. Въ созданіи его принимаютъ участіе и неравныя по своей производительности силы земли. Если это такъ, то, прежде всего, становится яснымъ, что законъ уменьшающейся производительности земли одинаково приложимъ, какъ для созданія продуктовъ пропитанія, такъ и нѣкоторыхъ видовъ капитала напр. золота, желѣза и т. п. Во вторыхъ, что капиталъ является

прежде всего продуктомъ, который служитъ средствомъ для созданія другихъ продуктовъ. Установивъ, что капиталъ является продуктомъ, мы еще не имѣемъ права считать его опредѣленной цѣнностью и сводить ее къ труду. Общій законъ количествъ или относительной рѣдкости, очевидно, одинаково приложимъ, какъ къ самому капиталу, такъ и къ продуктамъ, которые являются результатами его производительнаго употребленія. Отсюда слѣдуетъ, что утвержденіе, будто капиталъ содѣйствуетъ производству „даромъ", не говоритъ ровно ничего. Цѣна въ первую голову создается не тѣми или другими производительными силами, а ихъ изобиліемъ или недостаткомъ сравнительно съ потребностями. Капиталъ могъ бы содѣйствовать *даромъ* (т. е. вѣрнѣе только возстанавливаться въ производительномъ процессѣ) созданію продуктовъ, если бы онъ какъ производительная сила былъ въ безграничномъ количествѣ, не былъ технически и соціально ограниченной величиной.

Во вторыхъ, самая проблема о созданіи капиталомъ цѣнности поставлена совершенно ложно и невѣрно. Въ наукѣ укоренилось признаніе, что въ процессѣ производства совершается „цѣнностное возстановленіе" затраченнаго постояннаго капитала и спорамъ подлежалъ только вопросъ, создаетъ ли капиталъ *новую* цѣнность? Постановка вопроса совершенно ложная.

Если капиталъ составляетъ собою прежде всего продуктъ, а не цѣнность, то ясно, что мы не можемъ заранѣе утверждать, будто въпроцессѣ производства уже совершается неизбѣжно его цѣнностное возстановленіе. Въ процессѣ производства одна форма матеріи переходитъ въ другую форму матеріи. Въ тоже время, одновременно чрезъ посредство рыночныхъ процессовъ совершается опредѣленіе цѣны капитала, какъ продукта, такъ и цѣны продуктовъ этого продукта-капитала. Цѣнностное возстановленіе капитала предполагаетъ уже вполнѣ доказанной, что цѣнность капитала опредѣляется только однимъ трудомъ, что стоимость производства капитала возстанавливаются неизбѣжно въ полной мѣрѣ, и не болѣе. Эти предположенія, какъ мы видѣли уже много разъ, недоказаны.

Но что особенно важно, это то, что слѣдующій вопросъ ставится ложно: создаетъ ли капиталъ цѣнность? Ни земля, ни капиталъ, ни трудъ, какъ мы видѣли, не создаютъ никакой цѣнности. Всѣ производительныя силы создаютъ только продуктъ. Остается ли послѣ процесса производства еще прибавочный продуктъ, какова будетъ цѣна всего продукта и въ частности прибавочнаго продукта, это, какъ мы видѣли въ четвертой главѣ, будетъ зависѣть отъ закона

цѣны, который гласитъ, что цѣна зависитъ отъ количества производительныхъ силъ, убываетъ съ возрастаніемъ ихъ производительности и отражаетъ всѣ условія соціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта. Самый вопросъ, слѣдовательно, въ корнѣ ложенъ. Капиталъ вовсе не создаетъ цѣнности, цѣнностное его возстановленіе возмножно только чрезъ соотвѣтствующіе процессы образованія цѣнъ. Вся теорія издержекъ производства есть только буржуазное стремленіе разсматривать соціальныя условія въ ихъ статическомъ состояніи, а не въ процессѣ ихъ возможнаго, динамическаго видоизмѣненія [8]).

---

8) Какъ важно сохранить въ наукѣ идею Родбертуса о дифференціальной производительности труда, лучше всего можно видѣть изъ тѣхъ замѣчаній, которыя имѣются у г. г. Франка и Туганъ-Барановскаго по поводу прибавочнаго труда. По мнѣнію г. Франка „теорія прибавочнаго труда, если она не сводится на простой трюизмъ, предполагаетъ уже доказанной трудовую теорію цѣнности". Г. Франкъ старается разрушить ученіе о прибавочномъ трудѣ двумя аргументами: a) опредѣлить, по его мнѣнію, какой слой общества даетъ больше труда, чѣмъ получаетъ, можно вообще только имѣя прочное мѣрило количества труда, имѣя возможность свести разные виды труда на одинъ и тотъ же трудъ и b) если одна часть общества даетъ другой больше труда, чѣмъ получаетъ, то, вѣдь, вторая даетъ больше капитала и земли; мы могли бы сказать, что рабочіе пользуются, „прибавочнымъ капиталомъ" или „прибавочной землей" тѣхъ классовъ общества, которымъ они отдаютъ „прибавочный трудъ". Послѣдній аргументъ г. Туганъ-Барановскій находитъ „остроумнымъ", но самъ полагаетъ, что категорія прибавочнаго труда, слѣд. прибавочнаго страданія, есть глубочайшая реальность; понятія же приб. капитала и приб. земли „не лишены логическаго смысла, но совершенно безполезны экономическому мышленію, а потому отсутствуютъ въ немъ (??). Тотъ же г. Туганъ-Барановскій пишетъ: „изъ факта прибавочнаго труда мы не имѣемъ права заключать, что прибыль создается неоплаченнымъ трудомъ, ибо прибыль есть цѣнность (??), многія блага не заключаютъ въ себѣ труда. Онъ не считаетъ прибавочный трудъ фикціей только по двумъ аргументамъ: a) производительная сила капитала не есть производительная сила капиталиста и b) наемъ рабочаго заключаетъ въ себѣ величайшее неравенство, ибо рабочій отдаетъ часть самого себя, капиталистъ внѣшнюю вещь, отнюдь не составляющую части собственной личности капиталиста" см. Франкъ l. c. 151—2, Барановскій, Очерки, стр. 375—9. Вотъ до чего договорились нащи неомарксисты! Въ изложенныхъ ученіяхъ есть все что хотите, но не „остроуміе". Аргументы Барановскаго ничего не доказываютъ по вопросу о прибавочномъ трудѣ: это только всѣмъ давно извѣстная соціальная политика, аргументы г. Франка прямо ложны. Вмѣсто того чтобы сказать, Марксъ ошибался, утверждая, что прибавочная цѣнность создается однимъ трудомъ, ибо производительность труда зависитъ отъ участія земли и капитала, цѣна не падаетъ до уровня необходимаго содержанія, г. Франкъ выдумываетъ свои странные аргументы съ чисто индивидуалистической точки зрѣнія. Идея дифференціальной производительности труда говоритъ: необходимое содержаніе производителей — необходимый трудъ; все остальное прибавочный продуктъ, который создается прибавочнымъ трудомъ и дѣйствіемъ другихъ факторовъ производства. Прибыль не цѣнность, а

Въ третьихъ, безконечная масса теоретиковъ стремилась доказать ложность положенія классиковъ, и Милля-Кернса въ особенности, будто капиталъ, главнѣйше капиталъ перемѣнный, есть величина неподвижная. Въ наукѣ въ особенности въ наше время установилось положеніе, что капиталъ величина не постоянная, а подвижная [9]), что капиталистическое производство представляетъ собою процессъ все возрастающаго увеличенія капитала. Въ какой формѣ онъ возрастаетъ: исключительно ли въ формѣ постояннаго капитала или же отчасти и въ формѣ перемѣннаго капитала, это пока мы оставимъ въ сторонѣ до второй части нашего изслѣдованія, гдѣ мы прибѣгнемъ къ помощи фактовъ реальной дѣйствительности [10]). Намъ важно, однако, укрѣпить мысль, что процессъ возможнаго возрастанія отнюдь не означаетъ въ нашихъ соціальныхъ условіяхъ факта безграничнаго наростанія капитала. Какъ бы велики не были процессы наростанія капитала, но какъ мы знаемъ изъ житейскаго опыта, какъ постоянно, настойчиво и съ полной справедливостью повторяетъ большинство экономистовъ — средства производства не находятся въ безграничномъ количествѣ у всѣхъ

доходъ, прибавочный продуктъ, который не обезцѣнивается до уровня возврата только необходимаго содержанія, и распредѣляется въ предѣлахъ хозяйства, попадая въ руки и такихъ предпріятій, которыя не создаютъ продукта или прибавочнаго продукта. Маркса погубило стремленіе найдти въ прибавочномъ трудѣ отдѣльнаго предпріятія источникъ цѣнности. Неомарксисты не могутъ понять, что явленія общественной экономіи надо изучать, какъ это дѣлалъ Родбертусъ, исходя изъ „всего общественно-созданнаго продукта“. ср. § 2.

9) Мы не считаемъ необходимымъ останавливаться на разборѣ пресловутой теоріи заработнаго фонда. Прекрасныя замѣчанія по поводу этой теоріи см. у Бернштейна: Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма, р. пер., стр. 21—62. Я совершенно согласенъ съ нимъ, когда онъ говоритъ: „Всѣ эти крики о „недостаточномъ потребленіи“ и о необходимости картелей свидѣтельствуютъ только о томъ, что современное общество знаетъ только одинъ предѣлъ для расширенія своихъ производительныхъ органовъ и слѣд. фонда заработной платы — это интересъ капиталистовъ. Капиталистическая организація промышленности и ея управленіе, монополія на средства производства въ рукахъ капиталистовъ, зависимость рабочаго отъ законовъ мірового рынка — вотъ настоящій секретъ, единственное реальное основаніе знаменитой теоріи фонда заработной платы.“

10) Тамъ на почвѣ фактовъ мы постараемся доказать, какъ важно положеніе, которое утверждаетъ, что какъ бы въ общественномъ хозяйствѣ не видоизмѣнялось отношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ, оно не уничтожаетъ значенія замѣчанія сдѣланнаго еще А. Смитомъ, что всякая затрата на капиталъ проходитъ стадію затратъ и на необходимое содержаніе рабочихъ. Процессъ капитализаціи промышленности съ его увеличеніемъ производительности труда даже въ капиталистическихъ условіяхъ не можетъ не быть основой благосостоянія общества: онъ служитъ основою новаго и лучшаго процесса образованія доходовъ.

членовъ общества и капиталъ въ процессѣ своего накопленія не уничтожаетъ ренты рѣдкости ни въ соціальномъ отношеніи, ни во времени. Капиталъ остается ограниченнымъ количествомъ для теоретически безграничнаго круга потребностей. Эта рента рѣдкости можетъ падать, но она неуничтожима; существованіе процента на капиталъ, его крайне медленное видоизмѣненіе доказываетъ это неопровержимо. На примѣрѣ ренты непроизводительнаго капитала мы покажемъ въ четвертомъ параграфѣ этой главы, какое значеніе имѣетъ эта рента въ условіяхъ соціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта [11]).

При нашихъ общественныхъ условіяхъ говорить, поэтому, о томъ, что капиталъ „даромъ“ содѣйствуетъ труду въ созданіи продукта, это значитъ просто играть словами. Процессъ образованія капитала совершается за счетъ ренты вообще. Условія же раздѣла общественно-произведеннаго продукта на необходимое содержаніе и ренты въ широкомъ смыслѣ этого слова совершается не только подъ дѣйствіемъ экономическихъ, но и соціальныхъ условій, разорвать которыя на части, какъ мы видѣли, мы не имѣемъ никакой возможности.

Что постоянный капиталъ самъ по себѣ оказываетъ „сильное воздѣйствіе“ на количество и качество потребительныхъ цѣнностей, это всѣмъ хорошо извѣстно изъ элементарныхъ учебниковъ [12]). Мы часто повторяемъ истину, что *производительность труда* зависитъ

---

11) См. также нашъ анализъ закона паденія прибыли въ § 3 слѣд. гл.

12) Въ отдѣлѣ о производствѣ мы безъ конца читаемъ: всѣ машины, орудія и средства производства увеличиваютъ производительность труда и далѣе идетъ безконечный рядъ иллюстрацій „этого сильнаго дѣйствія“ капиталовъ, которыя могутъ быть сформулированы такъ: 1) они облегчаютъ трудъ и увеличиваютъ его силу, сокращая при этомъ трату физической и нервной энергіи человѣка, 2) увеличиваютъ количество и содѣйствуютъ улучшенію качества продукта, 3) даютъ возможность пріобрѣтать такіе продукты и совершать такія сооруженія, созданіе которыхъ силою ручного труда было бы невозможно, 4) ускоряютъ процессъ производства, 5) во многихъ отрасляхъ промышленности освобождаютъ человѣка отъ выполненія самыхъ тяжкихъ и вредно дѣйствующихъ на здоровье операцій, 6) даютъ возможность пользоваться даже самыми слабыми силами человѣка, напр. трудомъ дѣтей и женщинъ, 7) сокращаютъ издержки производства въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ чрезъ лучшее использованіе матеріала, времени и т. п. 8) даютъ возможность особой системой общественной организаціи труда сдѣлать продуктъ труда результатомъ сложнаго общественнаго цѣлаго, при которомъ исчисленіе труда каждаго отдѣльнаго работника становится безконечно труднымъ, 9) раздѣляютъ процессъ производства на двѣ стадіи во времени: изготовленіе орудій и процессъ изготовленія продукта въ собственномъ смыслѣ этого слова, 10) расширяютъ сферу обмѣна и сношеній и тѣмъ соединяютъ интересы не только отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ, но и всего міра.

отъ содѣйствія капитала, при чемъ ясно сознаемъ, что это содѣйствіе зависитъ, во первыхъ, отъ размѣра капитала на единицу труда, во вторыхъ, отъ той качественной формы, которую исторически и технически принимаетъ капиталъ одинаковой матеріальной сущности или данной продажной цѣны и, въ третьихъ, отъ времени затраты капитала на совершеніе тѣхъ или другихъ процессовъ производства или обращенія товара [13]).

Исходя изъ всѣхъ отмѣченныхъ выше положеній, предполагая далѣе, что постоянный капиталъ имѣетъ совершенно одинаковую способность увеличивать количественную и качественную производительность труда или что тоже, что всякая единица капитала увеличиваетъ производительность труда одинаково во всѣхъ отрасляхъ промышленности прямо пропорціонально своей матеріальной сущности или продажной цѣнѣ, мы еще не могли бы отвергнуть вліяніе затратъ постояннаго капитала на цѣну продуктовъ. Неизбѣжный процессъ паденія цѣны до уровня издержекъ въ капиталѣ и трудѣ, какъ мы видѣли, еще оставался бы не обоснованнымъ. Но мало того, самое предположеніе о такомъ равенствѣ въ содѣйствіи капитала труду оставалась бы недоказаннымъ.

Чтобы укрѣпить это положеніе мы должны были бы доказать, въ сущности, три положенія: *во первыхъ*, что наиболѣе производительная форма капитала, по размѣрамъ, по качеству, по техническому сочетанію, получаетъ господство на рынкѣ немедленно или въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ внѣ всякой зависимости отъ данныхъ соціальныхъ условій существованія людей, *во вторыхъ*, что всякая единица капитала одинаковой матеріальной сущности или одинаковой продажной цѣны напр. тонна желѣза, будучи обращена одинаковой суммой труда въ орудія производства, будетъ пропорціонально во всѣхъ отрасляхъ производства содѣйствовать умноженію потребнаго намъ продукта и въ третьихъ, что, если даже капиталъ одной и той же производственной стоимости и видоизмѣнитъ въ неравной степени производительность труда, то это не окажетъ видоизмѣненія на мѣновыя пропорціи обмѣна: онѣ по прежнему будутъ регулироваться трудовою цѣнностью. Ни одно изъ этихъ положеній, какъ мы уви-

13) Производительность капитала оцѣниваетея соотвѣтственно съ временемъ его затраты, но отсюда нельзя сдѣлать вывода: чѣмъ короче періодъ затраты, тѣмъ капиталъ производительнѣе. Совершенно наоборотъ, иногда наиболѣе продолжительная затрата даетъ большіе результаты. Производительность по времени также многообразна и дифференціальна.

димъ ниже при анализѣ теоріи Маркса, не можетъ быть признано доказуемымъ. Такимъ образомъ, очевидно, что и въ этомъ отношеніи капиталъ раздѣляетъ судьбу другихъ производительныхъ силъ. Производительность капитала, на который затрачено одинаковое количество общественнаго труда, можетъ быть различна. 10 дней труда воплощенныхъ въ плугахъ могутъ увеличить производительность десятины земли въ два раза, 10 дней того же труда въ ткацкой машинѣ увеличатъ производительность, быть можетъ, въ пять разъ. Условія производительности разныхъ видовъ и сочетаній капитала въ земледѣліи и фабрикаціи еще очень плохо изучены. Совершенно абстрактный гипотетическій примѣръ поясниттъ мою мысль. Допустимъ одинъ день труда въ земледѣліи создаетъ 5 пудовъ хлѣба, такой же продуктъ въ фабрикаціи 5 аршинъ холста; прибавленіе одного плуга, стоившаго день труда, увеличиваетъ производительность до 10 п., прибавленіе ткацкой машины, тоже стоившей день труда, увеличиваетъ производительность до 20. Тогда имѣемъ такую табличку:

$$\left.\begin{array}{l} 1 \text{ день } 5 \text{ пудовъ хлѣба цѣнность } X \\ 1 \text{ день } — \text{ 5 аршинъ холста } \quad „ \quad X \end{array}\right\} \text{ одинъ пудъ } = 1 \text{ аршину.}$$

$$\left.\begin{array}{l} 1 \text{ д.} + 1 \text{ д. (плугъ)} — 10 \text{ п. хлѣба цѣнность } \frac{X}{2} \\ 1 \text{ д.} + 1 \text{ д. (ткац. м.)} — 20 \text{ арш. холста цѣн. } \frac{X}{4} \end{array}\right\} \text{ одинъ пудъ } = 2 \text{ аршин.}$$

Классическая теорія предполагаетъ, что цѣнность обратно пропорціональна производительности и произойдетъ простой размѣнъ, но что если потребность въ холстѣ возрастетъ только до 15 аршинъ? Относительная рѣдкость холста уменьшилась въ четыре раза; возможно паденіе цѣны и ниже $\frac{X}{4}$. До какихъ предѣловъ? это можетъ зависѣть только отъ размѣровъ капитала въ фабрикаціи и возможныхъ предѣловъ пониженія прибыли.

Если эти соображенія имѣютъ рѣшающее значеніе, то приходится признать, что легкость или трудность производства, какъ маштабъ для опредѣленія цѣнности продуктовъ, о которомъ говоритъ Рикардо, въ сущности сводится къ тому, что національный продуктъ есть результатъ дѣйствія трехъ основныхъ производительныхъ силъ въ обществѣ: земли, труда и капитала. Чѣмъ производительнѣе эти силы въ данной странѣ, тѣмъ большее качественное количество продуктовъ она можетъ имѣть. Но для теоріи цѣнности въ собственномъ смыслѣ этого слова это положеніе еще не даетъ ничего ровно.

Теорія цѣнности ставитъ своей задачей опредѣлить не цѣнность національнаго продукта, какъ нѣкотораго цѣлаго, а только относительную цѣнность каждаго отдѣльнаго продукта, какъ въ предѣлахъ страны, такъ и при обмѣнѣ его съ другими странами. Рикардо въ своей 20-й главѣ былъ еще остороженъ. Онъ не говорилъ о цѣнности національнаго продукта, какъ о какой то самостоятельной величинѣ, онъ стремился сопоставить относительную цѣнность національнаго продукта съ таковымъ же у другой страны. При приложеніи этого принципа къ международному обмѣну онъ, какъ мы показали, разрушалъ стройность всей своей теоріи. Марксъ пожелалъ быть послѣдовательнѣе; его формула уже прилагается безотносительно къ данному народному хозяйству: „національный продуктъ имѣетъ одну стоимость-цѣнность въ трудѣ [14]).

Его формула: „сумма цѣнъ производства равняется суммѣ цѣнностей“ представляетъ собою возрожденіе абсолютной трудовой цѣнности въ самой смѣлой формѣ. Профессоръ Бемъ Баверкъ [15]) назвалъ формулу Маркса „тавтологіей“. „Но это, пишетъ онъ, не отвѣтъ на какой нибудь вопросъ, да и вообще совсѣмъ не отвѣтъ, а просто тавтологія. Вѣдь, какъ всякій экономистъ знаетъ, продукты всетаки окончательно обмѣниваются на продукты, если смотрѣть сквозь форму денежнаго обращенія, скрывающаго реальныя отношенія. Всякій, поступающій въ обмѣнъ товаръ является съ одной стороны товаромъ, но съ другой стороны и цѣною того товара, на который мѣняется. Сумма товаровъ, такимъ образомъ, идентична съ суммою уплоченныхъ за нихъ цѣнъ. Или, цѣна всего національнаго продукта въ цѣломъ представляетъ ничто иное какъ самъ національный продуктъ. При такихъ условіяхъ, конечно, вполнѣ вѣрно утвержденіе, что сумма цѣнъ, уплаченныхъ въ общей сложности за весь національный продуктъ, вполнѣ совпадаетъ съ кристализованной въ немъ въ самомъ дѣлѣ суммою цѣнности или труда“. Затѣмъ проф. Бемъ Баверкъ вполнѣ правильно замѣчаетъ, что это „тавтологическое утвержденіе „не даетъ приращенія къ истинному познанію,

14) Уже и въ первомъ томѣ Марксъ пытался отнести цѣнность ко всему національному продукту. „Съ кооперативнымъ характеромъ самаго процесса труда, пишетъ онъ (т. I., гл. 14. р. п. Струве, стр. 420—21) необходимо расширяется и понятіе о производительномъ трудѣ. . . Выше приведенное опредѣленіе производительнаго труда (трудъ — производитъ товары — цѣнности) остается всегда вѣрнымъ для совокупнаго рабочаго, разсматриваемаго, какъ собирательная единица, но оно не приложимо къ каждому изъ его членовъ взятому въ отдѣльности“.

15) см. I. с., стр. 30—31, р. пер.

ибо такимъ образомъ можно было бы свести цѣнность національнаго продукта къ любой величинѣ напр. вѣсу. Я вполнѣ согласенъ съ проф. Бемомъ, что разсуждая о цѣнности, какъ о чемъ то абсолютномъ, какъ о цѣнности въ себѣ, мы имѣемъ дѣло съ призракомъ. Еще Тюрго справедливо писалъ: „нѣтъ никакой возможности выразить цѣнность въ самой себѣ“ [16]). Цѣнность всего національнаго продукта, если мы представимъ себѣ одну націю во всемъ мірѣ или цѣнность всего міроваго продукта, не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваема. Тогда и трудъ, какъ мѣрило цѣнности, теряетъ всякое значеніе. Безъ относительная цѣнность не есть цѣнность, а абсолютъ и, какъ справедливо выразился Струве [17]), не есть, такимъ образомъ, цѣнность. Постичь эту цѣнность мы можемъ реально только тогда, когда мы сравниваемъ ее, какъ это дѣлаетъ Рикардо, съ другой цѣнностью, съ другой національною цѣнностью, но, какъ мы видѣли, и это безплодно, ибо задача теоріи цѣнности и распредѣленія выяснить не сумму цѣнъ или цѣнностей, а цѣны каждаго индивидуальнаго товара, условія ихъ обычнаго промѣна.

Я совершенно, однако, не согласенъ съ проф. Бемъ-Баверкомъ, будто бы это положеніе Маркса было тавтологіей. Оно представляетъ собою не только тавтологію, но и неправильность. Оно предполагаетъ, что сумма цѣнности — равна суммѣ цѣнъ и труда, заранѣе, такимъ образомъ, утверждаетъ, что другіе факторы производства не играютъ роли въ процессѣ образованія цѣнъ. Мы видѣли уже во второй главѣ, что трудъ не можетъ быть абсолютною стоимостью, а потому это тавтологическое якобы совпаденіе, какъ я сейчасъ покажу, является невозможностью. Созданіе опредѣленной массы цѣнъ зависитъ отъ всѣхъ орудій производства, а потому и совпаденіе цѣнностей и цѣнъ, это еще не значитъ совпаденіе цѣнностей съ трудовыми цѣнностями. Чтобы показать это и пойдти далѣе въ анализѣ ученія о прибыли мы должны ближе подойти къ теоріи цѣнъ Маркса.

§ 2. Роковая ошибка Карла Маркса.

Я вовсе не собираюсь въ томъ анализѣ теоріи цѣны Маркса, который ниже слѣдуетъ, доказывать что въ третьемъ томѣ какъ абсолютная, такъ и мѣновая теорія трудовой цѣнности потерпѣли

16) см. Valeur et Monnaie, Ouevres, ed. Daire, p. 87—88.

17) см. Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности. Жизнь, февраль, 1900 г., стр. 297.

крушеніе. Это значило бы послѣ всего, что написано по этому предмету, ломиться въ открытую дверь. Для того, чтобы доказать это крушеніе, достаточно было показать ложность исходной точки зрѣнія, что національный продуктъ совпадаетъ съ понятіемъ трудовой цѣнности, бросить хотя бы бѣглый взглядъ на приведенную Марксомъ схему, въ которой нѣтъ трудовой цѣнности, какъ реальнаго явленіяна мѣновомъ рынкѣ, и она только функціонируетъ, какъ предположительное теоретическое начало, якобы подчиняющее себѣ движеніе цѣнъ.

Теорія цѣны Маркса интересна совсѣмъ съ другой стороны. Изъ нея можно извлечь, какъ мнѣ представляется, много полезнаго для построенія правильной теоріи прибыли. Вся схема Маркса построена на вѣрномъ положеніи, что существуетъ „прибавочная цѣна“ (не цѣнность!) и что она результатъ своеобразнаго распредѣленія прибавочнаго продукта и продукта вообще между разными „промышленными организмами въ народномъ хозяйствѣ“. Роковая ошибка Маркса и заключается въ томъ, что онъ не объяснилъ происхожденіе этого продукта и прибавочнаго продукта, процессовъ ихъ распредѣленія безъ фикціи трудовой цѣнности и безъ нелѣпаго и необоснованнаго ученія, отрицающаго вліяніе постояннаго капитала на цѣнность [18]).

Моя задача въ настоящемъ изслѣдованіи сводится къ тому, чтобы показать, какъ совершается реальный процессъ образованія цѣнъ и

18) „Чтобы правильно понять теорію прибавочной цѣнности, нужно помнить, пишетъ Туганъ-Барановскій (Очерки, стр. 357), что она имѣетъ въ виду объяснить распредѣленіе народнаго дохода не между отдѣльными индивидуальными лицами, а между общественными классами. Когда мы говоримъ о рабочемъ, промышленномъ капиталистѣ, торговцѣ и проч., то всегда нужно подразумѣвать не отдѣльнаго рабочаго промышленника, торговца, но классъ рабочихъ, промышленниковъ, торговцевъ и пр. Именно въ этомъ смыслѣ теорія прибавочной цѣнности утверждаетъ, что прибыль капиталиста создается не всѣмъ его капиталомъ, а только перемѣнной частью послѣдняго, рабочей силой занятой въ производствѣ. Это (??) можетъ быть вѣрно только въ примѣненіи ко всему классу капиталистовъ, но отнюдь не къ отдѣльному представителю капиталистическаго класса“. Это якобы правильное пониманіе теоріи прибавочной цѣнности представляетъ собою вопіющую неправильность, ибо, во первыхъ, теорія прибавочной цѣнности вовсе не стремится показать распредѣленіе народнаго дохода, а объяснить „созданіе цѣнности“. Изъ этого ученія вытекаетъ, лишь какъ выводъ ученіе о раздѣлѣ произведенной цѣнности, во вторыхъ, теорія прибавочной цѣнности ничего не можетъ утверждать, относительно прибыли кромѣ того, что прибыль и прибавочная цѣнность не одно и тоже. Она утверждаетъ, какъ универсальное положеніе, что прибавочная цѣнность создается живымъ человѣческимъ трудомъ, купленнымъ за перемѣнный капиталъ. Это положеніе универсально, а потому совершенно одинаково примѣнимо, какъ къ классамъ, такъ и индивидуальнымъ лицамъ. Процессъ образованія

доходовъ. Анализъ теоріи цѣны третьяго тома особенно интересенъ для меня потому, что, отмѣчая ошибки Маркса въ анализѣ процесса образованія цѣнъ и доходовъ, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность усмотрѣть истинныя основы правильной теоріи прибыли. Поэтому я остановлюсь на анализѣ теоріи цѣны Маркса сравнительно съ большею подробностью, но затрону главнѣйше ту ея сторону, которая касается цроцесса образованія доходовъ.

Сущность теоріи Маркса въ третьемъ томѣ сводится къ слѣдующему.

Чтобы объяснить процессъ образованія цѣнъ необходимо устранить противорѣчіе, которое существуетъ между нормой прибавочной цѣнности и нормой прибыли [19]).

Марксъ беретъ пять паръ затраченнаго перемѣннаго и постояннаго капитала [20]). Норма прибавочной цѣнности, т. е. приростъ въ цѣнности въ зависимости отъ затраты труда за опредѣленную заработную плату въ теченіи необходимаго и прибавочнаго времени, равна 100 %. Отсюда при продажѣ товара по трудовой цѣнности получаются неравныя нормы прибыли т. е. нормы, исчисляемыя не на перемѣнный, а на весь затраченный капиталъ. Цѣна издержекъ, по Марксу, равняется потребленному постоянному капиталу плюсъ перемѣнный, трудовая цѣнность равняется всему потребленному перемѣнному и постоянному капиталу плюсъ вновь произведенная прибавочная цѣнность. Тогда имѣемъ слѣдующую таблицу Маркса:

прибыли имѣетъ дѣйствительно своей задачей объяснить распредѣленіе народнаго дохода между классами, но то, что относится къ прибыли не имѣетъ никакого отношенія къ прибавочной цѣнности. Самъ Туганъ-Барановскій правильно формулируетъ мысль Маркса, что источникъ прибавочной цѣнности надо искать въ производствѣ. Классоваго производства мы не имѣемъ, а только производство индивидуальныхъ предпріятій. Въ приведенной цитатѣ г. Туганъ спутываетъ въ одно цѣлое то, что такъ различно въ системѣ Маркса. „Это“ (?) можетъ быть вѣрно по отношенію къ прибыли и составлять нелѣпость по отношенію къ прибавочной цѣнности. — Гораздо интереснѣе и правильнѣе изложилъ г. Т.-Б. свою теорію прибыли въ статьѣ „Трудовая цѣнность и прибыль“, въ которой онъ исходитъ изъ прибавочнаго продукта, считаетъ тр. цѣнность методологическимъ пріемомъ, не прибѣгаетъ еще къ своей абсолютной трудовой стоимости. Къ сожалѣнію, онъ въ этой статьѣ слишкомъ подчеркиваетъ зависимость прибыли только отъ распредѣленія и отодвигаетъ на задній планъ условія обмѣна и дифференціальной производительности.

19) По словамъ Энгельса глава 10-я (III, I, н. п., стр. 156, 27), въ которой Марксъ даетъ это рѣшеніе вопроса, написана въ 1865 г. т. е. до изданія перваго тома.

20) c— постоянный капиталъ — орудія, матеріалы и средства производства, v— перемѣнный т. е. заработная плата.

	Капиталы.	Прибав. цѣнность.	Норма прибыли въ %	Потреб. пос. кап.	Цѣна издерж.	Труд. цѣнность.
I.	80c + 20v	20	20 %	50	70	90
II.	70c + 30v	30	30 „	51	81	111
III.	60c + 40v	40	40 „	51	91	131
IV.	85c + 15v	15	15 „	40	55	70
V.	95c + 5v	5	5 „	10	15	20
Всего	390c + 110v	Въ средн. 22 %				
Въ средн.	78c + 22v	„ „ 22 %				

Если, пишетъ Марксъ, мы будемъ смотрѣть на капиталы 1—5, какъ на единичный капиталъ одного сложнаго предпріятія, напр. хлопчато-бумажной фабрики, то увидимъ, что въ этомъ случаѣ строеніе пяти капиталовъ или 390c + 110v или среднее органическое строеніе будетъ 78c + 22v. Средняя прибавочная цѣнность будетъ равна средней же прибыли. Если эта средняя прибавочная цѣнность равномѣрно распредѣлится на капиталы 1—5-й, то товарныя цѣны, какими онѣ и могутъ только быть на рынкѣ стремящемся путемъ соперничества къ установленію средней прибыли, отступятъ отъ трудовой цѣнности и окажутся слѣдующими:

	Капиталы.	Трудов. цѣнность.	Цѣна издержекъ.	Рыночная цѣна.	Отклоненіе отъ труд. цѣнности.	Норма прибыли.
I.	80c + 20v	90	70	92	+ 2	22 %
II.	70c + 30v	111	81	103	— 8	„
III.	60c + 40v	131	91	113	— 18	„
IV.	85c + 15v	70	55	77	+ 7	„
V.	95c + 5v	20	15	37	+ 17	„
Всего	390c + 110v	422	312	422	+ 26 — 26	

Разсматривая эту таблицу, Марксъ приходитъ къ убѣжденію, что „въ общей сложности товары одного сочетанія капиталовъ будутъ продаваться на 26 единицъ выше трудовой стоимости-цѣнности другого — на 26 единицъ ниже. Такимъ образомъ отклоненія цѣнъ вслѣдствіе равномѣрнаго распредѣленія прибавочной цѣнности или вслѣдствіе надбавки въ 22 % средней прибыли на сотню затраченнаго капитала къ соотвѣтственнымъ издержкамъ производства товара капиталовъ 1—5, взаимно уничтожаются; на сколько одна часть будетъ продаваться выше своей стоимости, настолько же другая будетъ продаваться ниже ея. И только продажа по такимъ цѣнамъ даетъ

возможность нормѣ прибыли капиталовъ 1—5 стать равномѣрной — 22% независимо отъ органическаго строенія каждаго изъ этихъ капиталовъ."

Это элементарное построеніе Марксъ считаетъ возможнымъ сохранить для объясненія всѣхъ сложныхъ отступленій „цѣнъ производства" отъ „цѣнности" для каждаго конкретнаго товара. Какой то средній общественный трудъ создающій среднюю прибавочную цѣнность-прибыль имѣетъ и капиталъ средняго состава. Отклоненія отъ этой цѣнности вообще обусловливаются: а) отношеніемъ органическаго состава капитала даннаго предпріятія къ среднему составу всего вложеннаго въ данную отрасль промышленности капитала, часть котораго составляетъ данное предпріятіе; б) отношеніемъ средняго состава капитала данной отрасли промышленности къ среднему составу всего капитала страны и в) отношеніемъ, въ какомъ стоитъ быстрота во времени производительнаго и торговаго оборота капитала даннаго предпріятія къ быстротѣ оборота его въ данной отрасли промышленности и странѣ. „Ясность и точность" подобной средней, конечно, не уменьшится, если мы смѣло допустимъ и міровой „средній органическій составъ" капитала. Повидимому, рѣшеніе найдено простое и на первый поверхностный взглядъ даже убѣдительное. Но ближайшій же анализъ показываетъ, что все построеніе по цѣлому ряду основаній совершенно не пригодно для выясненія проблемы прибыли, а, слѣдовательно, и для процесса образованія цѣнъ.

Во первыхъ, остается совершенно невыясненнымъ, что такое „органическое строеніе" капитала. Мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, что понимаетъ Марксъ подъ этимъ органическимъ строеніемъ. Терминологически, мы имѣемъ, конечно, право устанавливать всяческія подраздѣленія, но отсюда не слѣдуетъ, что они имѣютъ какое либо реальное значеніе. Само собою разумѣется, что всякая промышленная дѣятельность, производство и обращеніе товаровъ, требуютъ той или другой доли постояннаго и перемѣннаго капитала, но называть всякое такое сочетаніе органическимъ нельзя. Отношеніе между этими долями капиталовъ, какъ показываетъ наблюденіе, если брать его для народнаго хозяйства во всемъ цѣломъ, для каждой данной эпохи въ производствѣ даже одного и того же товара разнообразно, подвижно и находится, отъ эпохи къ эпохѣ, въ процессѣ вѣчнаго видоизмѣненія. Для разныхъ товаровъ сочетаніе также многообразно. Это выраженіе „органическое строеніе капиталовъ" для теоріи доходовъ имѣло бы смыслъ только тогда, если бы для каждаго отдѣльнаго промысла были найдены чисто техническія, природныя основы,

которыя принуждаютъ всегда и повсемѣстно сочетать капиталы въ извѣстныхъ соотношеніяхъ. Ничего подобнаго Марксъ не сдѣлалъ и своимъ подраздѣленіемъ только лишній разъ доказалъ, что всегда, когда мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ бы то ни было, чего мы объяснить не можемъ, что является недоказанной фикціей, мы любимъ употреблять громкія слова, какъ органическій, естественный и т. п.

Не имѣетъ это подраздѣленіе никакого теоретическаго значенія и потому, что среднее органическое сочетаніе капиталовъ мы не имѣемъ права считать типической средней для даннаго народнаго хозяйства. Вывести такую среднюю невозможно, а какъ абстракція, она не говоритъ ничего кромѣ того, что существуютъ разнообразія въ производительности въ разныхъ предпріятіяхъ, но отъ чего они зависятъ это еще требуется доказать. Къ тому же самъ Марксъ въ томъ же третьемъ томѣ признаетъ, что то или другое сочетаніе капиталовъ вовсе не связано съ производствомъ прибавочной цѣнности непосредственно. Относительно купеческаго капитала онъ опредѣлительно пишетъ: „купеческій капиталъ входитъ факторомъ при выравниваніи прибавочной цѣнности къ средней прибыли, хотя и не принимаетъ участія въ производствѣ прибавочной цѣнности“ [21]). Спекулятивный купеческій капиталъ можетъ состоять изъ одного постояннаго капитала, слѣдовательно, органическое строеніе капитала вовсе не является рѣшающимъ факторомъ для пріобрѣтенія той или другой доли прибавочной цѣнности. Эти основанія даютъ полное право утверждать, что установленное Марксомъ подраздѣленіе для теоріи прибыли ненужно и только можетъ сбивать съ толку изслѣдователей своими претензіями на глубокомысліе. Это не болѣе, какъ возвратъ къ идеѣ дифференціальной производительности труда Родбертуса. Схема Маркса констатируетъ вліяніе измѣненій въ количественномъ сочетаніи капитала на производительность труда, но безъ всякихъ основаній различія въ цѣнности и цѣнѣ этой производительности относитъ къ труду, забывая при этомъ, что дифференціальная производительность зависитъ не только отъ матеріальнаго существа факторовъ производства, но и отъ соціальныхъ отношеній, которыми обусловливается дифференціальный раздѣлъ продукта. Другими словами, какъ выяснено выше, что метафорическое выраженіе производительность труда обусловливается всей совокупностью, какъ чисто физическихъ, такъ и соціальныхъ условій [22]).

21) см. т. III, гл. 17, р. п., стр. 226.

22) Въ настоящее время собрано уже очень много эмпирическаго матеріала

Во вторыхъ, все объясненіе Маркса въ сущности построено на любопытномъ смѣшеніи, которое, однако, очень мало разрѣшаетъ проблему. Схема прилагается первоначально къ единому сложному предпріятію, но обособленному, а затѣмъ прилагается къ обмѣну среди разнородныхъ предпріятій въ народномъ хозяйствѣ. Не трудно доказать, что это предположеніе не имѣетъ одинаковаго значенія. Капиталистъ одного сложнаго предпріятія, по предположенію Маркса, выработалъ 110 единицъ прибавочной цѣнности и распредѣлилъ ихъ

относительно издержекъ производства въ заработной платѣ и ихъ отношенія къ доходамъ предпріятій. Для образчика приведемъ нижеслѣдующую таблицу одного американскаго отчета отъ 1895 г. по цѣлой массѣ промысловъ.

Labor cost and manufacturers' earnings with reference to cost of production in 31 leading industries for the five years ending june 1, 1895.

Industries.	Establishments reporting.	Total cost of production. in Doll.	Wages paid.		Manufacturers' earnings.	
			Amount.	Per cent of total cost of production.	Amount.	Per cent of total cost of production.
Boots and shoes.	49	42,962,508.28	12,621,645.61	29.37	3.269,784.61	7.61
Building	123	68,172,647.96	17,810,058.67	26.12	1,161,133.00	1.70
Carpets, oilcloths, etc. . .	11	50,251,165.52	12,070,851.06	24.02	6,316,659.37	12.57
Carriages, wagons, etc. . .	36	22,439,119.33	7,564,485.99	33.71	1,788,231.22	7.96
Chemicals, acids, etc. . . .	14	23,331,136.60	3,522,326.91	15.09	2,399,094.59	10.28
Cigars, cigarettes, and tobacco	46	46,675,479.20	15,596,084,67	33.41	6,629,148.06	14.20
Clocks, watches, jewelry etc.	10	20,848,083.75	4,934,063.63	23.66	2,391,110.59	11.46
Clothing	123	162,544,584.22	45,477,782.94	27.97	22,756,739.22	14.00
Cooking, heating, and sanitary apparatus	25	24,237,930.61	10,36[illegible],960.44	42.74	2,759.432.19	11.38
Cotton goods	22	36,337,850.73	10,967,985.36	36.18	2,392,048.76	6.58
Earthen and stone ware . .	8	27,236,114.45	6,677,769.47	24.51	394,192.14	1.44
Food products	46	91,079,094.48	9,602,144.37	10.54	3,515,920.26	3.83
Furniture.	74	36,290,236.88	12,000,342.33	33.06	3,400,203.33	9 36
Glass and glass goods . .	22	13,764 902.84	5,268,538.88	38.27	1,265,253.55	9.19
Gloves and mittens	18	10,679,592.90	3,578,911.96	33.51	1,810,683 47	16.95
Knit goods	61	50,194,407.27	13,897,549.92	27.68	4,145,196.34	8.25
Leather and leather goods .	36	31,251,369.69	5,932.972.57	18.98	2,697,618.20	8.63
Liquors (malt and distilled)	27	37,785,236.54	4,712,211.63	12.47	5,167,010.26	13.67
Machines, machinery etc. .	76	58,618.944.35	23,601,458.71	40.26	7,875,132.78	13.43
Metals and metallic goods .	176	117,174,981 06	40,612,947.60	34.66	12,371,782.17	10.56
Musical instruments and materials	21	10,512,036.59	4.682,599.69	44.55	1,249,483 52	11.89
Oils and illuminating fluids	12	85,523 374.05	4,755,557.96	5.56	3,791,081.75	4.43
Paints and colors	16	19.362,889.15	2,209,364.07	11.41	3,314,279.62	17.12
Paper and paper goods . .	69	61.868,795.46	11,150,417.63	18.01	6,656,218.67	10.76
Printing, publishing, bookbinding, etc.	42	22,854,284.70	10,657,023.70	46 59	4,900,135.19	21.44
Railroad construction, repairing, etc.	16	44,087,213.25	14,894,745.17	33.78	1,262,472.10	2.86
Rubber goods	9	11,306,027 81	2,792,613.86	24.70	771,049.65	6 82
Silk goods	20	17.429,904.94	4,639,820.81	26.62	1,054,763.56	6.05
Soap, candles, and grease .	12	44,547,439.72	3,245,364.48	7.28	4,378,420.30	9.83
Wooden goods	53	24,676,646.79	6,304,648.18	25.55	1,738,135 85	7.04
Woolen and worsted goods	17	25.226,176.15	6,490,915.28	25.73	1,254,835.76	4.97

См. 4-th Annual Report of the Bureau of Statistics of Labour of the State of New-York, 1896 г.

на разные виды затраченнаго имъ капитала въ видѣ равной прибыли на каждую сотню затраченнаго капитала въ 22%. Но вопросъ вовсе не въ этихъ проблематическихъ разсчетахъ капиталиста, а въ указаніи тѣхъ причинъ, которыя заставили его продать часть товаровъ выше ихъ трудовой стоимости, а часть ниже, другими словами въ одномъ случаѣ отдать часть произведенной будто бы прибавочной цѣнности, въ другомъ потерять. Стоитъ только предположить, что капиталы перваго, четвертаго и пятаго сочетанія капиталовъ составляютъ одно сложное предпріятіе, капиталы второго и третьяго другое, чтобы нелѣпость этихъ разсчетовъ стала очевидной. Имѣетъ ли тогда какой нибудь смыслъ равенство уклоненій отъ трудовой цѣнности? Оно могло бы имѣть значеніе только тогда, если бы товары перваго предпріятія безъ остатка обмѣнивались по цѣнности или по рыночной цѣнѣ на товары другого предпріятія. Одно пріобрѣло бы добавочныя 26 единицъ на свои затраты, другое потеряло бы ихъ; они подѣлились бы прибавочной цѣнностью и прибыль была бы одинаковой. Ничего подобнаго въ схемѣ Маркса нѣтъ, что видно изъ нижеслѣдующаго сопоставленія, которое показываетъ, что ни рыночная, ни трудовая цѣна товаровъ, произведенныхъ въ такихъ условіяхъ, не совпадаютъ.

	Трудовая цѣнность всей совокупности.	Рыночная цѣна товаровъ обоихъ предпріятій.
I, IV, V соч. кап. . .	180	206
II, III „ „ . .	242	216

Рыночная цѣна въ первомъ предпріятіи на 26 единицъ выше, во второмъ на 26 единицъ ниже, но все же предпріятія произвели неравныя цѣнности и взаимообмѣнъ между ними невозможенъ. Чѣмъ же объясняется такое различіе въ произведенныхъ единицахъ цѣнностей? Сослаться на разное количество потребленныхъ единицъ капитала недостаточно, ибо въ первомъ, четвертомъ и пятомъ сочетаніи потреблено 100 единицъ, въ двухъ остальныхъ 102. Отбросивъ 2 единицы во второмъ случаѣ, мы не устранимъ различія. Нельзя прибѣгнуть и къ помощи перемѣннаго капитала, ибо въ 1, 4 и 5-омъ сочетаніяхъ затрачено 40 единицъ капитала, во второмъ и третьемъ — 70, т. е. именно тамъ, гдѣ перемѣнный капиталъ меньше, выручено больше единицъ цѣнности сравнительно съ трудовою нормой. Отсюда, какъ мнѣ кажется, ясно, что равенство отклоненій отъ трудовой цѣнности еще ровно ничего не доказываетъ и является простымъ интерполированіемъ, которое обнаружится во всей своей грубости,

если читатель предположитъ, что всѣ затраченные капиталы потреблены въ одномъ процессѣ производства. Невозможность взаимообмѣна станетъ ясной до очевидности. Далѣе, по какому праву и на какомъ основаніи Марксъ на ряду съ представленіемъ объ органическомъ составѣ капитала вноситъ еще предположеніе о столь своеобразномъ потребленіи постоянныхъ капиталовъ въ процессѣ производства, нельзя ли говорить и объ органическомъ потребленіи капиталовъ? И на этотъ вопросъ мы не найдемъ у Маркса отвѣта.

Отсюда очевидно, что утвержденіе Маркса, что сумма трудовыхъ цѣнностей равна суммѣ цѣнъ, не только тавтологія, но и абсурдъ потому, что равномѣрное отклоненіе цѣнъ отъ трудовой цѣнности не дѣлаетъ еще возможнымъ правильный размѣнъ продуктовъ по рыночнымъ цѣнамъ. *Рыночныя цѣны Маркса не уравниваютъ доходы настолько, чтобы возможно было желанное равновѣсіе въ обмѣнѣ.* Процессъ образованія доходовъ совершается иначе и врядъ ли чрезъ установленіе единой, равной прибыли.

Въ третьихъ, схема Маркса, повидимому, предполагаетъ, что капиталистъ-производитель чрезъ посредство какихъ то невѣдомыхъ процессовъ долженъ узнать, что существуетъ какой то капиталъ средняго органическаго сочетанія, при которомъ на 78 единицъ постояннаго капитала требуется 22 единицы перемѣннаго и, будто бы, благодаря этому, прибыль должна быть въ 22 %. Этого требуетъ невѣдомая никому трудовая цѣнность! Такой средній органическій капиталъ является простой фикціей, о немъ никто изъ капиталистовъ не знаетъ, также какъ и о трудовой цѣнности. Всякому капиталисту, напротивъ, хорошо извѣстны рыночныя цѣны предшествовавшаго времени. Ему извѣстно то, что Марксъ называетъ цѣною производства и предположительная норма прибыли соотвѣтственно съ предшествовавшими условіями промѣна товаровъ и покупки труда т. е. необходимаго или дифференціальнаго содержанія рабочихъ. О прибавочной цѣнности капиталистъ никогда и не говоритъ: онъ постоянно имѣетъ дѣло съ прибавочной рыночной цѣною, всегда расчисляя ее на всю массу затраченнаго капитала безъ подраздѣленія его на постоянный и перемѣнный капиталъ. Ни о собственной прибавочной цѣнности, ни о суммѣ ея во всемъ обществѣ капиталистъ не знаетъ, пока рыночная цѣна не укажетъ ему его нормы прибыли. Очевидно, обычная рыночная цѣна и избытокъ ея надъ издержками — вотъ что руководитъ капиталистомъ въ его затратахъ и передвиженіяхъ капиталовъ. Сама схема Маркса показываетъ, что, руководствуясь нормой прибавочной цѣнности, капиталистъ могъ бы сильно ошибиться въ своихъ разсче-

тахъ. Такъ въ первомъ, четвертомъ и пятомъ сочетаніи капиталовъ, или какъ мы сказали ранѣе въ первомъ предпріятіи, капиталистъ, продавая свой товаръ, не только вернулъ норму прибавочной цѣнности въ 100 %, но еще и пріобрѣлъ 26 единицъ цѣнности; во второмъ и третьемъ сочетаніи, или во второмъ предпріятіи, напротивъ, капиталистъ затратилъ бо̀льшій перемѣнный капиталъ въ 70 единицъ и не добралъ 26 единицъ.

Даже допуская, что въ соперничествѣ мы имѣемъ силу, которая стремится уравнять выгоды капиталистовъ, что въ дѣйствительности встрѣчаетъ массу ограниченій техническаго и соціальнаго характера, мы должны задать себѣ вопросъ, можно ли путемъ такого механическаго процесса распредѣленія прибыли, какъ это дѣлаетъ Марксъ при взятыхъ имъ предположеніяхъ, на самомъ дѣлѣ правильно сбалансировать интересы капиталистовъ, поставить ихъ въ одинако̀вое положеніе? Если да, тогда еще до нѣкоторой степени допустимо предположеніе о прибавочной цѣнности т. е. какъ о цѣнности добавленной исключительно трудомъ, если нѣтъ, вся схема теряетъ послѣдній смыслъ и на мѣсто прибавочной цѣнности мы должны поставить прибавочную цѣну т. е. результатъ дифференціальнаго раздѣла между разными капиталистами прибавочнаго продукта и объяснить источникъ ея инымъ образомъ, не считая прибавочную цѣну исключительнымъ созданіемъ труда, не допуская нелѣпаго представленія о равенствѣ платъ и прибылей въ народныхъ хозяйствахъ.

Профессора Лоріа и Бемъ[23]) дали, по моему мнѣнію, съ полнымъ основаніемъ отрицательный отвѣтъ относительно сушествованія прибавочной цѣнности, какъ явленія, изъ котораго мы могли бы объяснить процессъ образованія и уравненія доходовъ. Я позволю себѣ формулировать нѣсколько иначе ихъ отвѣтъ и сдѣлаю изъ него нѣсколько иные выводы примѣнительно къ той задачѣ, которую я преслѣдую въ настоящей главѣ.

Теорію прибыли Маркса, а съ нею вмѣстѣ, конечно, и теорію цѣнности, разрушаютъ три положенія: во первыхъ, предполагаемое схемой равенство средней прибыли ни въ какомъ случаѣ не можетъ поставить капиталистовъ въ равное положеніе. Механически исчисленная равная прибыль фактически оказывается дифференціальной, во вторыхъ, общая сумма прибавочной цѣнности не равна общей суммѣ прибыли или что тоже размѣръ прибыли, а потому и степень воз-

23) См. Loria. Marx e la sua doctrina, стр. 107 и 115, Б. Баверкъ, l. c. 49—62

можнаго воздѣйствія соперничества чрезъ тотъ или иной размѣръ ея на цѣны, зависитъ не только отъ количества труда, но и отъ его необходимаго содержанія или дифференціаціи послѣдняго. Отсюда не слѣдуетъ, что заработная плата и ея повышеніе опредѣляютъ цѣну, а только то, что и представители труда участвуютъ въ раздѣлѣ прибавочнаго продукта, прибавочной цѣны или такъ называемой Марксомъ прибавочной цѣнности, въ третьихъ, размѣръ прибыли зависитъ отъ количества затраченныхъ капиталовъ и согласно схемѣ Маркса увеличеніе постояннаго капитала должно вызывать тяготѣніе прибыли къ паденію. Этотъ выводъ не объясняетъ того, что реально происходитъ: паденіе прибыли въ историческомъ процессѣ.

Первое положеніе намъ не трудно будетъ иллюстрировать примѣромъ Лоріа, къ которому мы вполнѣ примыкаемъ. При анализѣ второго и третьяго намъ придется войти въ подробности и отмѣтить недостаточность анализа проф. Бема.

Къ 1. Лорія беретъ простѣйшій и удобопонятный примѣръ. Предположимъ, говоритъ онъ, 100 дней труда оплачиваются 50 мѣрами хлѣба и производятъ 100 мѣръ хлѣба. Допустимъ далѣе, что 100 дней труда, при помощи машины, которая произведена также 100 днями труда и *совершенно не потребляется въ данномъ производительномъ процессѣ,* производятъ 100 аршинъ ткани. Цѣнность 100 мѣръ хлѣба и 100 аршинъ ткани опредѣлится, согласно теоріи Маркса, 100 днями. Норма прибыли производителя хлѣба будетъ 50/50 или 100%, норма прибыли производителя тканей 50/150 или 33 1/3%, что, согласно схемѣ Маркса, недопустимо. Такъ какъ согласно предположеніямъ Маркса цѣна производства должна дать среднюю прибыль, которая получается чрезъ отнесеніе всей прибавочной цѣнности ко всему затраченному капиталу, то средняя прибыль будетъ 100/200 или 50%. Чтобы такая равная прибыль могла установиться, нужно, чтобы производитель хлѣба продавалъ свои 100 мѣръ за 75 дней труда, а производитель тканей за 125. Одинъ изъ нихъ, такимъ образомъ, будетъ продавать ниже своей трудовой цѣнности, другой выше, сумма же цѣнъ будетъ по прежнему равна 200 днямъ. Примѣръ взятъ, слѣдовательно, вполнѣ въ духѣ системы Маркса [24]).

24) Отсутствіе потребленія машины нельзя считать противорѣчащимъ предположеніямъ Маркса: всѣ знаютъ, что въ одномъ производительномъ процессѣ машина можетъ совершенно не испытать никакого уничтоженія. Далѣе, и самъ Марксъ неоднократно замѣчаетъ, что необходимыя средства существованія рабочихъ могутъ продаваться по цѣнамъ производства, которыя расходятся съ необходимымъ рабочимъ временемъ. Т. III. глава 12, нѣм. текстъ, стр. 186, р. п. 156.

Но достигнутое равенство прибыли является самообманомъ. Если 100 мѣръ хлѣба имѣютъ цѣнность 75 дней труда, то 50 мѣръ хлѣба, которыя получаетъ, какъ плату, рабочій, имѣютъ цѣнность 37,5 дней. Откуда слѣдуетъ, что производитель хлѣба затрачиваетъ капиталъ не въ 50, а 37,5 дней и получая цѣнность 75 дней, получаетъ норму прибыли въ 100 %. Наоборотъ, если всякій продуктъ 100 дней труда равняется 75 днямъ, то машина производителя тканей стоитъ ему 75 дней труда, другими словами производитель тканей затрачиваетъ капиталъ: въ 37,5 на заработную плату и 75 дней на машину; имѣя стоимость всего капитала въ 112,5 дней, свой продуктъ онъ продаетъ за 125 дней т. е. получаетъ прибыль въ 87,5 дней (125 д. — 37,5): если отнести ее къ 112,5 днямъ затраченнаго капитала, то прибыль опредѣлится въ 77,7 %. Другими словами, прибыль производителей всетаки будетъ различна и это съ неумолимой ясностью показываетъ, что механически исчисленная прибыль, какъ нѣкоторая средняя величина, отнюдь не уравниваетъ положенія единичныхъ капиталистовъ. Марксъ долженъ былъ бы, слѣдовательно, на основаніи своей схемы придти къ ученію не о равенствѣ, а о дифференціаціи прибыли[25]).

Къ 2. Профессоръ Бемъ, анализируя схему Маркса, не отрицаетъ того, что за измѣненіемъ въ количествѣ труда, необходимомъ для производства товара, слѣдуетъ и соотвѣтствующее видоизмѣненіе цѣны товара. Никто, по его мнѣнію и не отрицаетъ, что количество затраченнаго труда есть одинъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ цѣну товаровъ. Количество потраченнаго труда гармонируетъ съ закономъ цѣнности, но трудъ получаетъ то или иное вознагражденіе, капиталъ ту или другую прибыль и, если эти элементы оказываютъ вліяніе на цѣну производства, то, значитъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чуждыми закону цѣнности основаніями. Онъ старается пояснить примѣромъ свое положеніе относительно заработной платы. Предполагая, что заработная плата равна пяти маркамъ и прибавочная цѣнность 100%, онъ вычисляетъ цѣны производства при предположеніи равной прибыли

25) Дальнѣйшее развитіе этого примѣра у Лоріа (l. c., стр. 107, 117) мы опускаемъ. Разсуждая въ духѣ Рикардо, онъ принимаетъ, что, если производитель хлѣба получаетъ 100 процентовъ прибыли, то такая норма становится общей для всего народнаго хозяйства и тогда сто аршинъ ткани могутъ продаваться только за 150 дней труда. Тогда получается желанное равенство прибыли, но при этомъ норма прибыли опредѣляется вовсе не какъ средняя единичныхъ прибылей, а непосредственно является результатомъ раздѣла продукта-заработной платы.

въ 10 %. Затѣмъ предполагаетъ уменьшеніе степени эксплуатаціи и новый раздѣлъ добавочной цѣнности, при которомъ рабочіе получаютъ вмѣсто 150 марокъ 180, капиталисты вмѣсто 150 всего 120 и вновь вычисляетъ цѣны производства. Приведенная ниже таблица даетъ результаты исчисленій Бема.

Товаръ.	Рабочіе дни.	Заработная плата. 5 м. 1 случ.	Заработная плата. 6 м. 2 случ.	Затраченный капит.	Причитающаяся средн. прибыль изъ 10%.	Причитающаяся средн. прибыль изъ 8%.	Цѣна производства. 1 случ.	Цѣна производства. 2 случ.	Цѣна рын. безъ измѣненій.	Диф. прибыли въ аб. циф.	Дифференціація въ %	Возм. цѣна при той же 10 % пр.
Гр: 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
A	10	50	60	500	50	40	100	100	100	40	8	110
B	6	30	36	700	70	56	100	92	100	64	$9^1/_7$	106
C	14	70	84	300	30	24	100	108	100	16	$5^1/_3$	114
Сумма	30	150	180	1500	150	120	300	300	300	120		330

Къ этой таблицѣ онъ даетъ слѣдующее поясненіе. „Изъ этого явствуетъ, пишетъ онъ, что возвышеніе заработной платы, при томъ же количествѣ труда, произвело чувствительное измѣненіе въ равныхъ сначала цѣнахъ производства и въ мѣновыхъ отношеніяхъ. Это измѣненіе отчасти, но, очевидно, не вполнѣ можно объяснить одновременно послѣдовавшимъ необходимымъ, вслѣдствіе видоизмѣненія заработной платы, уменьшеніемъ средней прибыли. Я говорю, конечно, не вполнѣ, такъ какъ напр. цѣна производства товара С., несмотря на пониженіе заключающагося въ ней количества прибыли, повысилась, такъ что, очевидно, эта перемѣна въ цѣнѣ не можетъ быть только вызвана однимъ видоизмѣненіемъ прибыли. Я только потому въ особенности настаиваю на этомъ, впрочемъ, само собою разумѣющемся фактѣ, чтобы исключить всякое сомнѣніе, что въ высотѣ заработной платы мы имѣемъ одну изъ опредѣляющихъ причинъ, дѣйствіе которой не исчерпывается однимъ вліяніемъ на высоту прибыли, напротивъ того, которая имѣетъ и собственное непосредственное вліяніе“. Такъ Бемъ [26]).

Въ таблицѣ и въ связанныхъ съ нею разсужденіяхъ проф. Бема поражаютъ двѣ особенности. Во первыхъ, одна неясность и несоотвѣтствіе системѣ Маркса. Проф. Бемъ исчисляетъ среднюю прибыль

26) Проф. Бему принадлежатъ 10 графъ этой таблицы. Остальныя три добавлены мною см. Бемъ, l. c. p. пер, стр. 49 и слѣд.

на затраченный капиталъ, но не указываетъ, входитъ ли въ этотъ затраченный капиталъ и заработная плата или только онъ состоитъ изъ „постояннаго капитала“. Для системы Маркса цѣна производства является, при предположеніи отсутствія потребленнаго постояннаго капитала, результатомъ двухъ слагаемыхъ: заработной платы плюсъ средняя прибыль на весь затраченный капиталъ. Если бы проф. Бемъ это не упустилъ изъ виду, его вычисленія сложились бы нѣсколько сложнѣе и правильнѣе. Но оставимъ это. Такой недосмотръ еще простителенъ. Вторая особенность этой таблицы, однако, показываетъ, что въ своемъ критическомъ порывѣ проф. Бемъ ложное доказываетъ ложнымъ же и изъ ложнаго присваиваетъ себѣ право сдѣлать выводъ, который считаетъ истиннымъ. Онъ справедливо оспариваетъ утвержденіе Маркса, что „общая цѣнность опредѣляетъ заключающуюся въ ней общую прибавочную цѣнность, а эта опредѣляетъ путемъ распредѣленія на весь общественный капиталъ среднюю норму прибыли; послѣдняя же отнесенная къ капиталу, употребленному при производствѣ отдѣльнаго товара даетъ конкретную среднюю прибыль, которая входитъ элементомъ въ цѣну производства“.

Прибавочная цѣнность, какъ онъ правильно замѣчаетъ, не представляетъ собою неизмѣнной и постоянной доли общаго народнаго продукта, а составляетъ разность общей цѣнности этого продукта и суммъ платъ, выданныхъ рабочимъ. Отсюда слѣдуетъ, что рабочіе могутъ получить не только необходимое содержаніе, но и дифференціальную заработную плату. Представленіе Маркса, положенное въ основу схемы, о равенствѣ заработныхъ платъ, слѣдовательно, ложно: рабочіе могутъ получить часть добавочной цѣнности, а потому и расчисленіе всей добавочной цѣнности на сумму даже всего затраченнаго капитала не будетъ давать средней нормы прибыли. При такомъ исчисленіи мы включаемъ въ прибыль и дифференціальную заработную плату. Все это совершенно вѣрно, но что же дѣлаетъ самъ проф. Бемъ. Онъ предполагаетъ равномѣрное возвышеніе платы и расчисляетъ оставшуюся добавочную цѣнность столь же механически на затраченный капиталъ т. е. нисколько не видоизмѣняетъ ложной схемы Маркса и дѣлаетъ отсюда выводъ, что заработная плата элементъ, „самостоятельно опредѣляющій цѣну“. Выводъ изъ ложнаго совершенно ошибочный, опровергнуть который ничего не стоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, должны ли мы теоретически предполагать, что повышеніе заработной платы необходимо должно повысить цѣну? Конечно нѣтъ. Жизнь даетъ намъ массу указаній, что повышеніе

платъ не повышаетъ цѣнъ. Повышеніе платъ при тѣхъ же условіяхъ спроса и предложенія товаровъ можетъ оставить цѣны безъ видоизмѣненія и отразиться только на прибыляхъ, какъ это и изображаютъ наши графы 11 и 12. Одна и таже цѣна производства дастъ тогда разныя нормы прибыли, которая будетъ дифференціальной и будетъ колебаться въ предѣлахъ отъ пяти до 9 %. Другими словами, получится снова дифференціальная прибыль. Можно было бы въ духѣ схемы Маркса сказать, что это обстоятельство не можетъ остаться безъ вліянія на условіяхъ производства и предложенія товаровъ. Если подъ вліяніемъ тяготѣнія прибыли къ равенству она неизбѣжно должна механически спуститься приблизительно до средней въ семь процентовъ, то цѣна производства должна была бы быть не та, которую исчисляетъ Бемъ, а для взятыхъ трехъ товаровъ нижеслѣдующая:

A 60 + 35 = 95
B 36 + 49 = 85
C 84 + 21 = 105. т. е.

при общемъ повышеніи заработной платы и при общемъ пониженіи прибыли всѣ товары съ большимъ постояннымъ капиталомъ упали бы въ цѣнѣ, всѣ товары съ большимъ перемѣннымъ возрасли бы или по крайней мѣрѣ упали бы въ меньшей степени, что всегда и утверждалъ Рикардо и что нисколько не разъяснилъ лучше Бемъ. Весь вопросъ сводится къ тому, правъ ли былъ Рикардо, что неизбѣжно *должна исчезнуть дифференціація* прибылей? Этого ни Рикардо, ни Марксъ не доказали и въ этомъ ихъ основная ошибка.

Возможно и другое предположеніе въ духѣ Рикардо. Пребположимъ, что это возвышеніе платъ представляетъ явленіе существующее только въ трехъ означенныхъ отрасляхъ производства, что дифференціальная заработная плата здѣсь должна быть непремѣнно выдаваема въ повышенномъ размѣрѣ и количество живого труда должно быть во всѣхъ этихъ отрасляхъ, какъ оно указано проф. Бемомъ. Тогда прибыль можетъ оставаться въ прежнемъ размѣрѣ на 10 %, а цѣна товара подняться, какъ это указано въ графѣ 13-й; дифференціальная заработная плата будетъ „самостоятельнымъ элементомъ“ цѣны и общая масса добавочной цѣнности, захватываемая тремя производителями товаровъ А., В., С. поднимется до 330. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ мы не имѣемъ права говорить о прибавочной цѣнности, а только о прибавочной цѣнѣ; производители могутъ извлечь это добавочное вознагражденіе

только изъ какихъ либо другихъ предпріятій, что, какъ мы видѣли въ предшествовавшемъ, вполнѣ возможно при наличности прибавочнаго продукта и притомъ неравнаго, дифференціальнаго въ разныхъ производительныхъ организмахъ.

Отсюда, какъ мнѣ представляется, съ очевидностью слѣдуетъ, что *механическое вычисленіе равной прибыли не имѣетъ никакого значенія.* Цѣна всегда представляетъ собою результатъ раздѣла произведеннаго прибавочнаго продукта и дифференціальный принципъ не есть принципъ установленія равной прибыли, а принципъ приблизительнаго, можетъ быть и колеблющагося около нѣкоторой средней, раздѣла продукта и прибавочнаго продукта на рынкѣ, который можетъ давать дифференціальное вознагражденіе болѣе производительнымъ предпріятіямъ, ихъ капиталистамъ и рабочимъ, сверхъ обычной приблизительно средней нормы и такое же вознагражденіе въ видѣ прибавочной цѣны предпріятіямъ, которыя даже не могутъ создать прибавочнаго продукта, но готовятъ продукты необходимые для владѣльцевъ неравнаго, дифференціальнаго, прибавочнаго продукта.

Перемѣны въ цѣнѣ вызываются не одними видоизмѣненіями въ движеніяхъ заработныхъ платъ и прибылей, а видоизмѣненіями въ производительности труда и въ общихъ условіяхъ дифференціальнаго раздѣла этой производительности, въ созданіи и раздѣлѣ которой учавсвуютъ, какъ факторы производства, трудъ, земля и капиталъ и какъ ихъ представители землевладѣлецъ, капиталистъ и рабочій.

Весь вопросъ сводится слѣдовательно къ тому, принимаетъ ли капиталъ участіе въ производствѣ неравнаго дифференціальнаго продукта, имѣетъ ли и капиталъ свое необходимое содержаніе и дифференціальное вознагражденіе, отчего зависитъ первое и въ какихъ предѣлахъ допустимо второе. Что капиталъ неизбѣжно принимаетъ участіе въ созданіи прибавочной цѣны — это можно доказать даже однимъ анализомъ самой схемы Маркса. Тотъ же выводъ, къ которому Марксъ пришелъ при объясненіи паденія нормы прибыли, дастъ намъ возможность окончательно доказать это положеніе и подвести общіе итоги теоріи прибыли. Анализъ этого вывода мы пока оставимъ до слѣдующаго параграфа и проанализируемъ схему Маркса, какъ бы игнорируя всѣ доселѣ отмѣченныя ея противорѣчія. Преобразуемъ ее, однако, для этого такъ, чтобы она болѣе удовлетворяла нашему представленію о взаимообмѣнѣ товаровъ въ народномъ хозяйствѣ.

Допустимъ, что мы имѣемъ четыре сложныхъ предпріятія: два земледѣльческихъ, притомъ такихъ, которыя выручаютъ только заработныя платы и прибыль, не давая дифференціальной ренты, и

два фабричныхъ. Въ общей сложности каждыя два предпріятія занимаютъ по 25 рабочихъ съ одинаковой заработной платой, норма прибавочной цѣнности равна 100%, потребленные капиталы равны, но постоянные различны. Вмѣстѣ съ Родбертусомъ, слѣдовательно, предположимъ, что постоянный капиталъ въ фабрикаціи неизбѣжно выше.

Тогда мы имѣемъ двѣ слѣдующихъ таблицы, составленныя въ строгомъ соотвѣтствіи со схемой Маркса. Среднее строеніе нашихъ капиталовъ будетъ 70 C + 12½ v или средняя прибыль на каждую сотню затраченнаго капитала опредѣлится изъ отношенія: на 82½ приходится 12½ или на сотню $15^{5}/_{33}$. Тогда получимъ:

Земледѣліе.

	Капиталы.	Приб. цѣн.	Потр. кап.	Труд. цѣн.	Вал. приб.	% приб.
I	85 c + 15 v	15	40	70	15	15
II	20 c + 10 v	10	20	40	10	$33^{1}/_{3}$
			60	110		

Фабрикація.

I_2	80 c + 20 v	20	50	90	20	20
II_2	95 c + 5 v	5	10	20	5	5
			60	110		

Сдѣлавъ дальнѣйшее преобразованіе въ духѣ схемы, имѣемъ:

	Трудов. цѣнн.		Цѣна рыночная.		Орклон. отъ труд. цѣны.	Выручennая средн. приб.
I	70	110	$40 + 15 + 15\,^{5}/_{33} = 70\,^{5}/_{33}$	$104\,^{23}/_{33}$	$+\,^{5}/_{33}$	$15\,^{5}/_{33}\%$
II	40		$20 + 10 + 4\,^{18}/_{33} = 34\,^{8}/_{33}$		$-\,5\,^{15}/_{33}$	—
I_2	90	110	$50 + 20 + 15\,^{5}/_{33} = 85\,^{5}/_{33}$	$115\,^{10}/_{33}$	$-\,4\,^{28}/_{33}$	—
II_2	20		$10 + 5 + 15\,^{5}/_{33} = 30\,^{5}/_{33}$		$+\,10\,^{5}/_{33}$	—

Въ этой схемѣ отклоненія отъ трудовой цѣнности тоже балансируются. Число занятыхъ рабочихъ одинаково, число единицъ потребленнаго капитала также равно; неодинаковы только затраты постояннаго капитала, благодаря чему получается такой курьезъ; по трудовой цѣнности, общія массы продукта должны обмѣниваться между собой и могутъ, по цѣнамъ рыночнымъ Маркса этого произойти не можетъ. Другими словами, наша схема приводитъ какъ бы прямо къ отрицанію схемы Маркса и его теоріи рыночныхъ цѣнъ. Не проще ли сказать вмѣстѣ съ Родбертусомъ, что капиталъ въ

земледѣліи всегда меньше, а потому и приноситъ большее количество прибыли? Въ самомъ дѣлѣ, въ двухъ нашихъ предполагаемыхъ земледѣльческихъ предпріятіяхъ капиталъ приноситъ на 130 единицъ 25 единицъ прибавочной цѣнности; тоже количество въ фабрикаціи приноситъ капиталъ въ 200 т. е. прибыль держится въ земледѣліи на $19^3/_{13}$, въ фабрикаціи на $12^1/_2$.

Бѣда въ томъ, что сдѣлать нѣчто подобное мы не имѣемъ права. Родбертусъ говоритъ о земельной рентѣ. Онъ думаетъ, что всякая земля даетъ равную прибыль и еще избытокъ, ренту въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ренту вообще, и дифференціальную ренту, мы устранили [27]). Мы имѣемъ дѣло съ Рикардовскими участками, которыя приносятъ только заработную плату и прибыль. Но если такъ, то онѣ, эти два элемента дохода, должны быть пре-

---

27) Въ предшествовавшемъ я не останавливался на самой теоріи ренты Родбертуса. А. Вагнеръ (см. Einiges von und über Rodbertus, Tübing. Zeitschrift, 1878, B. 34-й) разсказываетъ, что въ одно изъ его посѣщеній къ Родбертусу послѣдній передалъ ему листокъ, озаглавленный: „неопровержимый примѣръ земельной ренты". „Пусть pc — производительный капиталъ въ видѣ непосредственной и ранѣе произведенной работы, какъ въ изготовленіи сырья, такъ и фабрикаціи; пусть pw равная для обѣихъ отраслей цѣнность продукта. Въ фабрикаціи норма прибыли опредѣлилась бы изъ отношенія $\frac{pw}{pc+pv}$, т. е. изъ отношенія цѣнности къ капиталу предпріятія pc плюсъ стоимость сырого матеріала pv; допустимъ — эта норма равна x; въ земледѣліи норма всего дохода будетъ $\frac{pw}{pc}$, ибо въ стоимость капитала не включается матеріалъ; если pc=pv, весь доходъ землевладѣльца будетъ равняться 2 x. По закону равенства прибылей второй x и составитъ ренту. „Мы не считали нужнымъ останавливаться на этой теоріи въ виду ея очевидной метафизичности; для всякаго ясно, что земледѣльческое производство также имѣетъ цѣнные и покупные матеріалы; слѣдуетъ еще доказать, что цѣнность продукта фабрикаціи будетъ pw, а не pw+pv; предположеніе о равенствѣ pv и pc — также проблема — тично. Мы видѣли также, что цѣна продукта вовсе не зависитъ исключительно отъ одной затраты труда, а отъ относительной рѣдкости производительныхъ и неравныхъ силъ, отъ своеобразнаго ихъ сочетанія, а также и отъ условій раздѣла прибавочнаго продукта. Существованіе ренты, какъ мнѣ кажется, мы не имѣемъ права объяснять только бо́льшимъ количествомъ живого труда для производства одной и той же цѣнности въ земледѣліи сравнительно съ фабрикаціей. Бо́льшая затрата труда, т. е. меньшая производительность, могла бы поглотить весь прибавочный продуктъ и на ренту ничего не осталось бы; необходимое содержаніе рабочаго въ земледѣліи могло бы поглотить не только прибыль, но и земельную ренту, что въ капиталистическихъ условіяхъ невозможно. Земельная рента — результатъ особой рѣдкости этой производительной силы — земли и всѣхъ условій соціальнаго раздѣла и производства продукта въ этой отрасли промышленности и въ фабрикаціи.

дѣльными низшими, а онѣ оказываются высшими. Мы знаемъ далѣе, что предположеніе, будто земледѣліе даетъ высшую норму прибыли, нелѣпо и противорѣчитъ всѣмъ даннымъ эмпирической дѣйствительности. Наконецъ, куда же дѣвается въ такомъ случаѣ пресловутый законъ тяготѣнія прибыли къ равенству, не вѣрнѣе ли предположеніе, что соперничество равномѣрно дифференцируетъ прибыли, а не сводитъ ихъ къ единой нормѣ? Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что вся совокупность условій работы промышленнаго и земледѣльческаго капитала еще далеко не изучена.

Начнемъ же анализъ нашей схемы, быть можетъ, она приведетъ насъ къ другимъ результатамъ.

Что означаетъ равенство прибавочной цѣнности въ двухъ группахъ взятыхъ нами предпріятій. Очевидно, ничто иное, какъ одинаковую общую производительную неравнаго сочетанія труда съ капиталомъ. Число единицъ прибавочной цѣнности на единицу всего затраченнаго, всего потребленнаго постояннаго и перемѣннаго капитала выразится въ слѣдующей таблицѣ:

Земледѣліе.

	На единицу всего затраченнаго капитала.	На единицу всего потребленн. кап.	На един. всего потреб. постоян. кап.	При равной прибыли на един. затрач. капитала.	отклоненія отъ трудовой цѣн.
I	$^{15}/_{100}$ или $^{9}/_{60}$ или 0,15	0,27	0,37	0,1517	$+ \ ^{5}/_{33}$
II	$^{10}/_{30}$ „ $^{20}/_{60}$ „ 0,33	0,33	0,5	0,1517	$- \ 5^{15}/_{33}$

Фабрикація.

I_2	$^{20}/_{100}$ или $^{12}/_{60}$ или 0,20	0,28	0,4	0,1517	$- \ 4^{8}/_{33}$
II_2	$^{5}/_{100}$ „ $^{3}/_{60}$ „ 0,05	0,33	0,5	0,1517	$+ 10^{5}/_{33}$

Эта табличка показываетъ, что самымъ *производительнымъ* т. е. добывающимъ наибольшее количество цѣнности на единицу затраченнаго капитала оказывается второй капиталъ земледѣлія. Онъ же продаетъ по схемѣ Маркса съ наибольшимъ отступленіемъ отъ трудовой цѣнности т. е. отказывается отъ части своей прибавочной цѣнности въ пользу другихъ предпріятій. Самымъ не производительнымъ будетъ второй капиталъ фабрикаціи и онъ же продаетъ выше всего сравнительно съ трудовой цѣнностью т. е. пріобрѣтаетъ ее за счетъ другихъ. Другіе капиталы занимаютъ какъ бы средину, говорю „какъ бы“, ибо какой нибудь раціональной причины этого порядка схема не даетъ. Она искусственно вычисляетъ равныя нормы прибыли, не объясняя, подъ вліяніемъ какихъ причинъ происходитъ этотъ неоднообразный раздѣлъ прибавочной цѣнности, кромѣ ссылки на невѣдомые

законы соперничества. Сомнѣніе все болѣе и болѣе начинаетъ закрадываться въ смыслъ этой схемы, если мы обратимъ вниманіе на три вывода, которые можно изъ нея сдѣлать. Во первыхъ, наиболѣе производительныя сочетанія капиталовъ продаютъ свой товаръ ниже трудовой цѣнности, хотя — согласно теоріи средняго общественно — необходимаго труда, они скорѣе могли продавать выше своей индивидуальной цѣнности; наименѣе производительныя выше. Во вторыхъ существуютъ громадные, медленно потребляющіеся постоянные капиталы съ ничтожнымъ перемѣннымъ, которые создаютъ малыя доли цѣнности, хотя мы знаемъ, что именно крупныя концентраціи капитала съ ничтожнымъ и уменьшающимся перемѣннымъ выручаютъ наиболѣе прибыли, создаютъ наибольшія количества цѣнностей. Въ третьихъ, количество единицъ прибавочной цѣнности на единицу потребленнаго и постояннаго капитала у самаго производительнаго и непроизводительнаго равны, у другихъ на единицу всего потребленнаго капитала почти равны, на единицу потребленнаго капитала мало разнятся. Они, слѣдовательно, реализуя по трудовой цѣнности свой товаръ на рынкѣ, могли спокойно возстанавливать затраченный капиталъ и получать совершенно одинаковое вознагражденіе, получать совершенно одинаковое количество или почти одинаковое единицъ цѣнности. Наша схема даетъ желанное равенство дохода на потребленный капиталъ, а между тѣмъ дѣйствительность заставляетъ присчитывать и отсчитывать извѣстныя суммы единицъ цѣнности на капиталъ, который только затраченъ, но остался неприкосновеннымъ[28]) т. е. сохранилъ свою работоспособность и не нуждается въ возобновленіи. Изъ всего сказаннаго не можетъ быть другого вывода: перемѣнный капиталъ не одинъ создаетъ прибавочную цѣнность: это основная ложь, которую теорія прибыли должна устранить. Она должна показать и объяснить, какую роль играетъ постоянный капиталъ въ процессѣ образованія цѣнъ. Это и составитъ задачу слѣдующаго параграфа[29]).

---

28) Въ первомъ капиталѣ земледѣлія приходится присчитать, такъ же какъ и во второмъ капиталѣ фабрикаціи; отсчитать въ двухъ другихъ; сравни графу гдѣ указана равная прибыль на единицу затраченнаго капитала.

29) Гильфердингъ слѣдующимъ образомъ представляетъ себѣ переходъ отъ до — капиталистическаго хозяйства, гдѣ трудовая цѣнность была господствующимъ явленіемъ, къ капиталистическому. Зомбартъ, по его мнѣнію (ср. прим. къ § 4 пред. гл.), оспариваетъ, что „равенство прибыли установилось, при переходѣ средневѣкового къ капиталистическому хозяйству, чрезъ нивеллированіе неравныхъ первоначальныхъ нормъ прибавочной цѣнности. Онъ полагаетъ, что „торговая прибыль была исходнымъ пунктомъ капиталистической конкуренціи. Если исходнымъ пунктомъ

§ 3. Законъ паденія прибыли у Рикардо, Мальтуса и Маркса.

а) Для провѣрки теоріи обмѣна Рикардо и Маркса лучшимъ средствомъ является критическое изученіе эмпирически подмѣченнаго ими факта паденія прибыли съ ходомъ экономическаго развитія. Оба указанныхъ писателя дали этому эмпирически подмѣченному, но преу-

---

была прибавочная цѣнность, то капитализмъ захватилъ бы прежде всего области, гдѣ преобладаетъ живой трудъ, и только постепенно могъ бы захватить и другія области, по мѣрѣ развитія которыхъ должно было бы обнаружиться паденіе цѣнъ. Капитализмъ, напротивъ, развивается въ отрасляхъ съ преобладаніемъ постояннаго капитала. Ошибочность этого положенія можетъ быть доказана и другимъ образомъ. Если бы въ областяхъ съ преобладаніемъ перемѣннаго капитала можно было при началѣ капиталистическаго хозяйства получать чрезмѣрныя прибыли, то это предполагало бы, что капиталъ сразу сталъ давать работу прежде самостоятельнымъ производителямъ, какъ рабочимъ, и всю разницу цѣнности съ товарными цѣнами класть себѣ въ карманъ. Капиталистическое же производство начало свое дѣло во вновь созданныхъ отрасляхъ промышленности съ разбитыми жизнью существами и при установленіи цѣнъ исходило изъ понятія о затратѣ капитала“. . . На это Гильфердингъ возражаетъ: уравненіе различныхъ нормъ прибавочной цѣнности было длительнымъ процессомъ. Зомбартъ забываетъ, что торговецъ, становившійся капиталистомъ, не переставалъ быть торговцемъ. Главный доходъ ему давалъ его капиталъ, вложенный въ экспортное дѣло. Затрачивая первоначально небольшой постоянный капиталъ на выработку товаровъ за свой счетъ, онъ, во первыхъ, пріобрѣталъ возможность получать въ большемъ числѣ и болѣе равномѣрно нужные товары, что было важно при быстро растущемъ рынкѣ, и во вторыхъ, присваивая прибавочный трудъ занятыхъ ремесленниковъ, онъ получалъ добавочную прибыль. Если промышленная прибыль была даже меньше, то общая масса прибыли больше. Его промышленная прибыль росла, однако, быстро, когда при помощи новой техники (кооперація, мануфактура) онъ пріобрѣталъ возможность производить дешевле, чѣмъ его конкуренты. Соперничество заставляло и его конкурентовъ принимать новые методы производства и оставлять простое ремесленничество. Когда капиталисту пришлось ограничиваться внутреннимъ рынкомъ, онъ сталъ производить дешевле ремесленника. Рыночная цѣна опредѣлялась продуктами послѣдняго, капиталистъ получалъ экстра-прибавочную цѣнность, экстра-прибыль, и тѣмъ большую, чѣмъ было выше его техническое превосходство. Правовыя привиллегіи дѣлали это техническое превосходство монополіей отдѣльныхъ капиталистовъ. Только послѣ крушенія этихъ монополій, когда исчезли ограниченія въ передвиженіи капитала и прикрѣпленіе работника, стало возможнымъ уравненіе первоначально неравныхъ прибылей. Только тамъ, гдѣ фактически средства производства имѣли большое значеніе, какъ напр. въ горномъ дѣлѣ, сильное преобладаніе основного капитала даетъ основаніе капитализаціи, чему товарищеское производство служитъ первою ступенью. Такія отрасли промышленности составляютъ въ большинствѣ случаевъ монопольныя предпріятія, которыхъ доходъ надобно опредѣлять по особымъ законамъ. Marx-Studien I. с. стр. 40—42.

Просто не вѣрится, что все это написано для укрѣпленія трудовой цѣн-

величенному, факту своеобразныя теоретическія объясненія, которыя какъ нельзя лучше обнаруживаютъ, что, обосновывая свою теорію обмѣна на почвѣ такъ или иначе формулированной теоріи трудовой цѣнности, они не только стремились къ реальному познанію экономическихъ явленій, но и пытались достигнуть тѣхъ или иныхъ практическихъ результатовъ, проповѣдывали практическіе политическіе и соціальные идеалы. Для Рикардо законъ паденія прибыли служилъ могучимъ средствомъ борьбы противъ аграрнаго интереса и для обоснованія системы свободной торговли. Для Маркса онъ служилъ лучшимъ средствомъ прогноза экономическаго будущаго капиталистическаго строя и блестящимъ доказательствомъ неизбѣжнаго его крушенія чрезъ развивающееся въ его предѣлахъ противорѣчіе экономическихъ силъ и интересовъ[30]). Поставленный этими писателями вопросъ: „производитъ ли капиталъ цѣнность“ долженъ былъ найдти въ этомъ ученіи о тенденціи паденія прибыли свое подтвержденіе. Послѣдующее развитіе теоріи, однако, показало, что практическія цѣли этихъ писателей нарушили объективное значеніе ихъ анализа, а поставленный вопросъ объ отношеніи капитала къ цѣнности при разъясненіи вопроса о паденіи прибыли, обратилъ трудовую цѣнность въ схоластическую схему, изъ которой исходъ можетъ быть только въ отвѣтѣ, что ни трудъ, ни капиталъ, ни земля не имѣютъ никакого отношенія „къ производству цѣнностей“, что экономическій анализъ можетъ и долженъ имѣть дѣло только съ теоріей „цѣнъ“ или что тоже съ условіями дифференціальнаго раздѣла продукта и прибавочнаго продукта. Въ настоящемъ параграфѣ мы и должны тщательно проанализировать этотъ эмпирическій фактъ паденія прибыли, какъ онъ объясненъ былъ Рикардо и Марксомъ, и прежде всего первымъ.

ности. Автору приходится самому констатировать, что условія дифференціальной, технической и соціальной, производительности труда фактически лежатъ въ основѣ всего процесса. Отсюда, казалось бы, слѣдовало, что необходимо оставить не нужное догматическое стремленіе все объяснять трудовой цѣнностью, а прослѣдить *историческій* процессъ образованія ренты вообще. Историки и поработаютъ еще современемъ надъ этимъ вопросомъ и да не сбиваетъ ихъ съ пути теорія цѣнности; пусть помнятъ, что и экономисты ближе къ правдѣ, когда они говорятъ о цѣнѣ и о тѣхъ дифференціальныхъ условіяхъ, среди которыхъ она созидалась.

30) см. т. III, ч. 1, гл. 15 § 2. „Средство — неизбѣжное развитіе общественной производительной силы (подразумѣвается: накопленіе капитала) постоянно вступаетъ въ столкновеніе съ ограниченною цѣлью пріобрѣтеніемъ цѣнности (Verwertung) для наличнаго капитала. . . Капиталистическое производство оказывается въ постоянномъ противорѣчіи между такой его исторической задачей и соотвѣтствующими ей общественными условіями производства“.

Какъ я уже сказалъ, для Рикардо законъ паденія прибыли былъ могучимъ средствомъ борьбы противъ аграрнаго интереса и потому, чтобы опредѣлить значеніе этого ученія для теоріи обмѣна вообще, мнѣ необходимо обратиться къ его полемикѣ со Смитомъ и Мальтусомъ по вопросу объ аграрныхъ преміяхъ и пошлинахъ. При этомъ, однако, въ настоящей части моего труда я сознательно долженъ отстраниться отъ обсужденія вопроса о свободѣ или объ ограниченіяхъ въ обмѣнѣ народовъ во всей широтѣ этой проблемы. Я постараюсь, пользуясь аргументами только одной стороны этой полемики, вскрыть лишь тѣ теоретическія основы этого спора, которыя связываются съ теоріей обмѣна и образованія цѣнъ. Въ сторонѣ я совершенно оставлю другіе соціально-политическіе моменты доктрины фритредерства и протекціонизма.

Объясненіе, которое даетъ Рикардо закону паденія прибыли, общеизвѣстно [31]), скажу даже опредѣленно, въ его положеніи заключается крупная теоретическая истина, но процессъ его аргументаціи врядъ ли доселѣ былъ прослѣженъ сколько нибудь внимательно, а между тѣмъ разборъ этой аргументаціи съ полной очевидностью показываетъ, что можно признавать доказаннымъ законъ паденія прибыли подъ вліяніемъ возрастанія земельной ренты, не признавая теоретически правильнымъ всего ученія о рентѣ Рикардо, о процессѣ образованія хлѣбныхъ цѣнъ и ихъ отношенія къ цѣнамъ другихъ товаровъ. Ученіе Рикардо формулировано имъ такъ. Выгода землевладѣльца всегда находится въ противоположности съ выгодами каждаго другого класса общества. Обыкновенная прибыль съ капитала *всецѣло* обусловливается прибылью съ *послѣдней части капитала* затраченнаго въ почву. Прибыль зависитъ отъ *цѣны* или вѣрнѣе отъ *цѣнности* пищи. Легкость добыванія пищи благодѣтельна для владѣльцевъ капитала въ двоякомъ отношеніи: она одновременно повышаетъ прибыль и увеличиваетъ количество потребляемыхъ товаровъ. Легкость добыванія всѣхъ прочихъ вещей только увеличиваетъ количество товаровъ.

Обыкновенная прибыль съ капитала можетъ, поэтому, возвышаться только отъ упадка цѣнности пищи, а этотъ упадокъ можетъ происходить только отъ слѣдующихъ причинъ: а) отъ паденія дѣйствительной заработной платы, который можетъ дать фермеру возможность доставить на рынокъ бо̀льшее количество произведеній, б) отъ улуч-

31) см. Соч. Рикардо, пер. Зибера. Опытъ о вліяніи низкой цѣны на хлѣбъ, стр. 413—7.

шеній въ земледѣліи или въ хозяйственныхъ инструментахъ, которые также увеличиваютъ излишекъ произведеній, в) отъ открытія новыхъ рынковъ, откуда хлѣбъ можетъ ввозиться по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ та, по которой онъ производится дома.

Первой причинѣ Рикардо не придаетъ никакого значенія. Относительно прибыли, насколько она зависитъ отъ заработной платы, нельзя, по его мнѣнію, утверждать что либо положительное. Капиталъ и населеніе попеременно занимаютъ первое мѣсто и заработная плата бываетъ то скупа, то щедра, но въ конечномъ результатѣ она приближается къ тому вознагражденію, которое необходимо для дѣйствительнаго существованія рабочаго. Никакое паденіе заработной платы, однако, не касается землевладѣльца. Всякое пониженіе заработной платы повыситъ прибыль, прибыль же неизбѣжно падетъ, когда цѣнность пищи, потребной для содержанія рабочаго, т. е. рента, возрастетъ. Такъ Рикардо.

Доказательная сила этой аргументаціи покоится на двухъ характерныхъ для всей системы Рикардо положеніяхъ: а) онъ всегда отрицаетъ, что необходимое содержаніе рабочаго вообще, а въ частности и цѣна хлѣба, которая оказываетъ такое могущественное вліяніе на прибыль, имѣетъ какое либо отношеніе къ цѣнности товаровъ и б) полагаетъ, что никакое накопленіе капитала не можетъ понизить прибыли, при томъ величины всегда единой на протяженіи всего народнаго хозяйства, если нѣтъ условій, естественныхъ или искусственныхъ въ видѣ запретительныхъ пошлинъ, которыя увеличиваютъ цѣну пищи. Какъ мы уже видѣли при анализѣ теоріи ренты, послѣдовательно доказать этихъ двухъ положеній онъ не могъ; теперь мы еще разъ должны возвратиться къ нимъ, чтобы опредѣлить значеніе этихъ положеній для теоріи паденія прибыли въ связи съ теоріей обмѣна вообще.

Чтобы отвергнуть всякое значенія необходимаго содержаніе въ дѣлѣ образованія цѣнностей Рикардо пришлось обратиться къ критикѣ Смита и онъ съ наибольшею ясностью обнаружилъ свою точку зрѣнія, обсуждая ученіе Смита объ аграрныхъ преміяхъ.

Смитъ первый опредѣлительно и ясно поставилъ вопросъ о значеніи внутренняго и внѣшняго рынка, о разницѣ существующей между предметами обрабатывающей промышленности и произведеніями земли, о значеніи высокихъ или низкихъ цѣнъ для земледѣлія и рабочаго класса. Онъ первый бросилъ въ міръ идею, что аграрнаго протекціонизма быть не можетъ, что онъ представляетъ собою безсмыслицу съ точки зрѣнія правильной теоріи обмѣна. Анализируя

теорію Смита и полемизируя одновременно съ Мальтусомъ, Рикардо незамѣтно для самого себя въ значительной мѣрѣ разрушилъ свою собственную теорію.

Войдемъ же въ детали этого спора трехъ выдающихся столповъ теоретической экономіи и посмотримъ, почему долженъ былъ неизбѣжно возродиться аграрный протекціонизмъ на почвѣ теоріи же обмѣна, не смотря на всѣ тѣ жестокія пораженія, которыя онъ, повидимому, испыталъ въ началѣ и срединѣ прошлаго вѣка.

Теорія Смита чрезвычайно проста. Она построена на опроверженіи вывозныхъ премій на хлѣбъ и на указаніи благъ свободнаго вывоза хлѣба, *который имѣетъ всегда одну и туже „реальную" цѣнность.*

Читая Адама Смита, можно думать, что его сердцу въ отличіе отъ Рикардо, защитника капиталиста, чрезвычайно близки интересы земледѣльческаго класса. Въ дѣйствительности же онъ всецѣло жертвуетъ интересами этого класса для цѣлей развивающагося капитализма. Смитъ много разъ указываетъ, что торговцы и мануфактуристы т. е. промышленный классъ, только и думаютъ о томъ, чтобы создать себѣ какую нибудь монополію за счетъ всего общества. Жадность, стремленіе ко всякаго рода монополіямъ, желаніе задержать развитіе производительности труда, вообще „заинтересованная софистика" промышленнаго класса, по его мнѣнію, доказываются всѣмъ ходомъ исторіи и показываютъ, что они не должны быть правителями человѣчества. Земледѣльческій классъ научился обирать общество всякаго рода привеллегіями у промышленнаго класса; онъ какъ бы забылъ о благородствѣ, присущемъ ему, какъ классу. Онъ дѣйствовалъ такъ подъ вреднымъ вліяніемъ примѣра и не съ полнымъ пониманіемъ своего интереса, не съ тѣмъ пониманіемъ, которое обыкновенно такъ характерно для дѣятельности двухъ другихъ великихъ классовъ общества [32]). Благородство класса, такимъ образомъ, было погублено его неразумѣемъ. По мнѣнію Смита земледѣльческій классъ не понялъ, что его интересы должны требовать полной свободы обмѣна: онъ схватился за установленіе премій на ввозъ и вывозъ хлѣба, не постигая, что защиты аграрныхъ интересовъ таможенной политикой быть не можетъ. Вступивъ на такой путь, земледѣльцы „обременили казну весьма значительными расходами: они установили весьма тяжелый налогъ на весь народъ, но они не „увеличили въ сколько нибудь

32) см. по изд. Никольсона W. of. N., книга 4-я, глава II-я, стр. 186, 187, 189, 191, глава III-я, стр. 201 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

значительной мѣрѣ“ реальную цѣнность своего товара; понизивъ „нѣсколько“ реальную цѣнность серебра, они „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ“ создали неблагопріятныя условія для промышленности вообще, и вмѣсто развитія „болѣе или менѣе“ задержали прогрессъ улучшеній на своихъ земляхъ, который „необходимо“ зависитъ отъ общаго положенія промышленности въ странѣ“ [33]).

Обращаю вниманіе читателей на слова, взятыя въ ковычки. Адамъ Смитъ, какъ видно, не желаетъ выразиться вполнѣ рѣшительно. Онъ прибѣгаетъ къ обычному пріему многихъ послѣдующихъ теоретиковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда что нибудь неясно и не убѣдительно злоупотреблять выраженіями „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ“, „нѣсколько“, и доходитъ послѣдовательно до пресловутыхъ выраженій „въ послѣдней инстанціи“ и „въ долгій срокъ“, къ которымъ любила прибѣгать теоретическая экономія въ своихъ спорахъ очень часто, какъ мы это сейчасъ увидимъ ниже. Эта нерѣшительность Смита тѣмъ болѣе удивительна, что въ концѣ приведенной цитаты онъ ставитъ свое опредѣленное утвержденіе, что „развитіе земледѣлія“ *необходимо* зависитъ отъ развитія промышленности;“ утвержденіе, которое имѣетъ тѣмъ большее значеніе, ибо, какъ извѣстно, Смитъ пониженіе прибыли объяснялъ соперничествомъ и считалъ особенно полезнымъ для развитія земледѣлія. Земледѣльцы, по его мнѣнію, пошли по ложному пути, ибо не поняли той громадной разницы, которая существуетъ между ихъ товаромъ — хлѣбомъ — и всѣми другими товарами.

Высокая премія на вывозъ хлѣба, полагаетъ Смитъ, удорожаетъ его цѣну, но это обстоятельство не ведетъ къ повышенію *реальной, а только номинальной цѣны хлѣба,* и не выгодно ни для земледѣльцевъ, ни для всего общества.

Въ годы урожая вывозная премія не даетъ возможность упасть цѣнѣ хлѣба до предѣловъ, въ которыхъ она должна была бы упасть. Въ годы неурожая, хотя премія и уничтожается, но цѣна не падаетъ, ибо вывозъ въ предшествовавшіе годы при преміи не оставляетъ въ странѣ запасовъ, которые могли бы явиться на рынокъ и понизить цѣны.

Самое крупное заблужденіе, на которомъ основаны эти преміи, заключается въ утвержденіи, что онѣ содѣйствуютъ расширенію культуры земель и притомъ двумя способами: *во первыхъ*, расширеніе рынка увеличиваетъ спросъ, а, слѣдовательно, и количество произ-

33) l. c. Книга 4-я, гл. V., стр. 210.

водимыхъ продуктовъ; *во вторыхъ*, давая болѣе высокую цѣну, эти преміи содѣйствуютъ улучшенію способовъ обработки: „въ долгій срокъ лѣтъ — существованіе премій съ ихъ двумя способами поощренія можетъ понизить цѣну на внутреннемъ рынкѣ значительнѣе, чѣмъ насколько она поднимается преміей при томъ положеніи культуры земли, въ которомъ окажется земледѣліе въ концѣ періода".

Не трудно видѣть, что это положеніе представляетъ собой ничто иное, какъ излюбленную формулировку протекціонистской промышленной платформы Ф. Листа.

Смитъ возражаетъ противъ этого положенія слѣдующими четырьмя аргументами: 1. расширеніе рынка вывозомъ т. е. созданіе иностраннаго рынка, уменьшаетъ количество потребляемаго хлѣба на внутреннемъ рынкѣ и не даетъ цѣнѣ хлѣба понижаться. Народъ, такимъ образомъ, платитъ два налога: одинъ на уплату преміи, другой на повышенной цѣнѣ хлѣба. Такой тяжелый налогъ или a. *сокращаетъ населеніе*, затрудняя содержаніе дѣтей и т. п. или b. *повышаетъ заработную плату* въ размѣрѣ повышенія цѣны хлѣба, а это обстоятельство сокращаетъ возможность расширенія промышленности.

Чрезвычайный вывозъ хлѣбовъ, вызываемый преміей, не только въ каждый данный годъ настолько же сокращаетъ внутренній рынокъ и потребленіе, насколько расширяетъ иностранный рынокъ и иностранное потребленіе, но сокращая населеніе и промышленность страны, его *„конечная тенденція"* задерживать и сокращать развитіе внутренняго рынка, а, слѣдовательно, *„въ долгій срокъ"* скорѣе уменьшать, чѣмъ увеличивать весь рынокъ и потребленіе страны.

2. Возвышеніе цѣны только номинально и не можетъ, поэтому, содѣйствовать развитію производительности земледѣльческаго труда.

Такое возвышеніе цѣны хлѣба, вызванное преміей, приведетъ къ пониженію реальной цѣны серебра. Серебро т. е. деньги будетъ обмѣниваться не только на меньшее количество хлѣба, но и на меньшее количество всѣхъ другихъ продуктовъ и по той простой причинѣ, что денежная цѣна хлѣба регулируетъ цѣны всѣхъ другихъ предметовъ. Денежная цѣна хлѣба регулируетъ цѣну заработной платы, всѣхъ другихъ сырыхъ продуктовъ земли: травы, сѣна, мяса, лошадей, содержанія лошадей, перевозки сухимъ путемъ и. т. п. Регулируя цѣны другихъ частей сырого продукта, она опредѣляетъ цѣны матеріаловъ для мануфактуръ. Опредѣляя заработную плату, денежная цѣна хлѣба тѣмъ самымъ опредѣляетъ и стоимость мануфактурнаго искусства и промышленности, а регулируя стоимость матеріаловъ и труда, она опредѣляетъ и стоимость готовыхъ мануфактурныхъ произ-

веденій. Другими словами, денежная цѣна труда и всякой другой вещи имъ производимой въ земледѣліи или въ другихъ отрасляхъ труда должна необходимо возрастать или падать въ зависимости отъ денежной цѣны хлѣба.

Общее повышеніе цѣнъ не принесется выгодъ ни землевладѣльцу, ни фермеру. Землевладѣлецъ получитъ болѣе высокую денежную ренту, но благодаря всеобщему повышенію цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ не въ состояніи будетъ жить лучше и только „покупка нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ“ будетъ ему выгодна. Фермеръ не въ состоянін вести обработку лучше, ибо всѣ его расходы соотвѣтственно возрастутъ.

3. Преміи на вывозъ хлѣба выгодны только торговцамъ: онѣ увеличиваютъ ихъ операціи въ годы урожая и неурожая, увеличеніемъ вывоза въ годы урожая и увеличеніемъ цѣнъ въ годы неурожая.

4. Свобода ввоза хлѣба всегда благо для страны. Она понижаетъ денежную цѣну хлѣба, но не его „реальную цѣнность“ т. е. количество труда, которое можно содержать на данное количество хлѣба. Землевладѣльцы получатъ меньшее количество денегъ, но деньги будутъ большей стоимости и богатство землевладѣльцевъ останется въ прежнемъ размѣрѣ. Низкая денежная цѣна хлѣба будетъ содѣйствовать развитію внутренней промышленности и внутренняго рынка.

Итакъ, вотъ простая и уничтожающая всѣ меркантильныя стѣсненія промышленно-аграрная платформа Смита; естественныя хлѣбныя цѣны и развитіе внутренняго рынка т. е. другими словами ростъ обрабатывающей промышленности безъ защиты ея таможенными пошлинами. Смитъ не говоритъ ни о высокихъ, ни о низкихъ реальныхъ цѣнахъ хлѣба. Онъ хочетъ увѣрить землевладѣльцевъ, что ихъ продуктъ-хлѣбъ никогда не измѣняется въ своей цѣнности, и имъ нечего бояться того, что ихъ интересы будутъ отданы въ жертву промышленнымъ.

Раздѣленіе труда, связывающее людей, умѣніе каждой націи приспособиться съ наибольшимъ искусствомъ къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ она живетъ, и такимъ образомъ достигнуть наивысшей степени возможной для нея производительности труда — вотъ открытый Смитомъ идеалъ того вѣчнаго мира среди народовъ, котораго такъ тщетно добивались фритредеры всего міра.

Я не стану спорить со Смитомъ относительно того, что не только отдѣльныя личности, но и цѣлые классы могутъ ошибочно понимать свои интересы. У насъ у всѣхъ на глазахъ совершалась нелѣпая погоня аграріевъ за фантомомъ серебра, они стремились

упразднить биржу и т. п. Создать разумную платформу для защиты своихъ интересовъ не легко. Но въ вопросѣ о пошлинахъ и премiяхъ Смитъ былъ просто доктринеромъ; творецъ идеи мiровой гармонiи былъ по существу дѣла нацiоналистомъ и защитникомъ развитiя, главнымъ образомъ, внутренняго рынка. (См. пер. главу.) Теорiя обмѣна Смита, на которой онъ основывалъ столь привлекательный и жизненно необходимый для его времени выводъ о полной свободѣ обмѣна, былъ не болѣе, какъ миражемъ и самообманомъ съ его стороны. Аграрiи хорошо и правильно понимали и понимаютъ, что защита ихъ интересовъ пошлинами и премiями возможна и что въ цѣнѣ хлѣба ихъ счастье.

Нѣкоторые изъ аргументовъ Мальтуса и Рикардо противъ Смита вращаются какъ бы на одной и той же почвѣ, но ужъ въ самой формулировкѣ ихъ чувствуется, что въ теоретическихъ воззрѣнiяхъ авторовъ лежитъ глубокая пропасть. Эти аргументы относятся къ самой теорiи обмѣна Смита и мы укажемъ ихъ прежде всего. Они введутъ насъ въ кругъ разсужденiй разбираемыхъ писателей и укажутъ ту точку зрѣнiя, съ которой они считали возможнымъ рѣшить вопросъ о премiяхъ.

Мальтусъ и Рикардо даютъ пять сильныхъ аргументовъ, которые, по ихъ мнѣнiю, окончательно разрушаютъ теорiю обмѣна Смита, а, слѣдовательно, и его теорiю торговой политики.

I. Рикардо возражаетъ Смиту, что отрицать значенiе вывозныхъ премiй на хлѣбъ, указывая на производимое ими частичное, въ предѣлахъ одной страны, обезцѣненiе денегъ, или по терминологiи Смита — серебра, нелѣпо. Всякое обезцѣненiе или вздорожанiе денегъ, равно касающееся земледѣльческихъ или мануфактурныхъ продуктовъ, можетъ быть только временнымъ, но не постояннымъ. Обезцѣненiе денегъ вызоветъ отливъ ихъ для продажи на тотъ рынокъ, гдѣ они дороги, количество денегъ уменьшится и все придетъ къ прежнему положенiю. Если бы премiи не вызывали измѣненiй въ относительной, а только въ номинальной стоимости хлѣба, то единственное неудобство заключалось бы въ необходимости ихъ платить [34]).

Мальтусъ гораздо осторожнѣе. Онъ вѣрно замѣчаетъ, что думать, будто естественныя или искусственныя причины, которыя понижаютъ или повышаютъ цѣну хлѣба или серебра, дѣло совершенно безразличное, большая ошибка. Практически говоря, замѣчаетъ онъ, никакое значительное видоизмѣненiе въ ихъ цѣнѣ не можетъ произойти,

34) Principles, l. c., гл. 22, стр. 295—296.

не вызвавъ прочнаго или временнаго воздѣйствія, которое окажетъ вліяніе „на распредѣленіе имущества“, на спросъ и предложеніе товаровъ. Постоянная премія въ пользу опредѣленнаго класса, накопленіе денегъ въ его рукахъ, дѣло не безразличное[35]).

По существу дѣла эти аргументы Рикардо и Мальтуса имѣютъ мало значенія и мы можемъ оставить ихъ въ сторонѣ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ о „Деньгахъ“ я съ достаточной полнотой разсмотрѣлъ вопросы объ значеніи измѣненій въ цѣнности денегъ и могу отослать читателей къ этимъ трудамъ. Смитъ не доказалъ, да и не могъ доказать, что преміи производятъ обезцѣненіе денегъ. Онъ самъ выражается очень неопредѣленно, говоря, что преміи понизили „нѣсколько“ цѣну серебра и „болѣе или менѣе“ задержали развитіе промышленности. Это вліяніе было, значитъ, слишкомъ слабо, чтобы о немъ стоило спорить. Намъ важно помнить, что передача денегъ отъ одного класса къ другому, которая совершается путемъ передачи собранныхъ налогами рессурсовъ, оказываетъ вліяніе только на распредѣленіе имущества и народнаго труда[36]).

2. Оба писателя настойчиво отмѣчаютъ, что Смитъ ошибся, считая невозможнымъ какое бы то ни было видоизмѣненіе въ относительной цѣнности хлѣба, но оба аргументируютъ своеобразно.

„Цѣнность хлѣба, говоритъ Мальтусъ, подвержена такимъ же законамъ, какъ и цѣнность другихъ товаровъ и различіе между процессомъ образованія цѣны хлѣба вовсе не такъ велико, какъ думаетъ Смитъ. Никто не отрицаетъ того, что однимъ бушелемъ хлѣба всегда можно прокормить одинаковое количество людей, но при оцѣнкѣ значенія премій вопросъ вовсе не въ „физической цѣнности“ хлѣба. Вопросъ въ томъ, можетъ ли возросшій вывозъ и спросъ на

35) Bemerkungen über die Wirkungen der Getreide-Gesetze, изд. Лезера, стр. 11.

36) Мальтусъ возражаетъ Смиту, что налогъ, вызываемый премiей, не можетъ, какъ думаетъ Смитъ, одновременно сокращать населеніе и задерживать „расширеніе“ промышленности. Онъ видитъ въ этомъ аргументѣ явное противорѣчіе, ибо, если заработная плата возрастетъ, то, очевидно, средства работниковъ для содержанія себя и семьи не уменьшатся; если заработная плата не повысится въ размѣрѣ увеличенія цѣны хлѣба, то ничто не помѣшаетъ землевладѣльцамъ увеличить число употребляемыхъ ими работниковъ для удовлетворенія своихъ потребностей, на что средства имъ даетъ премія. Мальтусъ забываетъ, что премія есть перенесеніе наличной уже въ обществѣ покупательной силы отъ одного класса къ другому и, слѣдовательно, не является созданіемъ новаго спроса, за чей бы счетъ она ни собиралась за счетъ капиталистовъ или рабочихъ. См. l. c. Essay on Population, изд. 1890 г., книга 3-я, гл. XI, стр. 392.

хлѣбъ, явившійся благодаря вывозной преміи, повысить цѣну хлѣба и какъ это произойдетъ [37]).

Рикардо [38]) столь же рѣшительно указываетъ, что вопросъ не о „потребительной цѣнности“ хлѣба, а объ относительной, которая всегда видоизмѣняется при всякой необходимости затратить пропорціонально большее или меньшее количество труда и капитала на добываніе опредѣленной массы хлѣба. Онъ въ тоже время рѣзко подчеркиваетъ, что „естественная цѣна хлѣба вовсе не устанавливается такъ, какъ цѣна другихъ товаровъ.“

3. Столь же рѣшительно возражаютъ они Смиту и противъ того положенія, будто цѣна хлѣба оказываетъ непосредственное вліяніе на цѣну труда, а чрезъ нее и на цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ.

Мальтусъ говоритъ [39]), что онъ не отрицаетъ могущественнаго вліянія „обыкновенныхъ денежныхъ цѣнъ“ на цѣну труда „на протяженіи значительнаго числа лѣтъ“, при чемъ подъ обыкновенными цѣнами онъ не считаетъ „среднія цѣны“, выводимыя съ включеніемъ слишкомъ высокихъ или низкихъ цѣнъ. Однако, эти обыкновенныя цѣны не могутъ, по его мнѣнію, непосредственно и исключительно опредѣлять цѣну труда, а отсюда и прибыль, ибо издержки рабочаго не состоятъ только изъ средствъ питанія; продукты потребленія рабочихъ состоятъ изъ разныхъ мануфактурныхъ произведеній и другихъ предметовъ, которые съ одной стороны ввозятся изъ заграницы, а, съ другой, производятся съ большимъ участіемъ основного капитала и потому не возвышаются пропорціонально цѣнѣ хлѣба.

Рикардо, въ полномъ согласіи съ Мальтусомъ, утверждаетъ, что денежная заработная плата иногда не возвышается совсѣмъ и никогда не возвышается пропорціонально денежной цѣнѣ хлѣба, ибо этотъ продуктъ, хотя и составляетъ важнѣйшую, но только часть потребленія рабочаго.

Рикардо предполагаетъ, что половина платы можетъ расходоваться на хлѣбъ, другая половина на мыло, свѣчи, сахаръ, чай и т. п. Цѣны на хлѣбъ возрасли на 100%, всѣ другіе продукты потребленія рабочаго не измѣнились въ цѣнѣ. „При такихъ условіяхъ, пишетъ

37) Malthus, l. c. Essay, стр. 394, Bemerkungen, стр. 10.

38) Ricardo, Principles, глава XXII, стр. 288, 296—7 и passim.

39) Тоже неоднократно говоритъ и Марксъ, т. III., ч. 2. гл. 50., р. п. 720 стр., нѣм. т. 404: „норма прибыли можетъ опредѣляться колебаніями въ цѣнности постояннаго капитала; рабочая плата и норма прибыли могутъ двигаться въ одномъ и томъ же направленіи вмѣсто того, чтобы идти въ противоположномъ. . . .

Рикардо, плата рабочаго была бы совершенно одинакова, получаетъ ли онъ полтора бушеля муки при цѣнѣ въ 16 шил. за бушель или же 2 бушеля при цѣнѣ 8 шил. за бушель, 24 ш. или 16. Заработокъ его возросъ бы на 50%, между тѣмъ цѣна хлѣба на 100% и, слѣдовательно, явился бы достаточный поводъ къ обращенію капитала въ земледѣліе, если бы прибыль въ другихъ отрасляхъ продолжала бы оставаться прежней. Но подобное возвышеніе заработной платы навело бы также и мануфактуристовъ на мысль извлечь свой капиталы изъ мануфактуръ и посвятить ихъ земледѣлію, ибо въ то время какъ фермеръ увеличилъ бы цѣну своего товара на 100%, а заработную плату только на 50%, мануфактуристъ былъ бы также принужденъ увеличить задѣльную плату на 50%, но за подобное увеличеніе издержекъ производства не имѣлъ бы никакого вознагражденія въ видѣ увеличенія цѣны своихъ товаровъ. Капиталъ притекалъ бы къ земледѣлію до тѣхъ поръ, пока предложеніе снова не понизило бы цѣну хлѣба до 8 шиллинговъ, а заработную плату до 16 ш. Тогда мануфактуристъ получалъ бы одинаковую прибыль съ фермеромъ и теченіе капитала прекратилось бы во всѣхъ направленіяхъ. Таковъ, добавляетъ Рикардо, въ дѣйствительности способъ, посредствомъ котораго расширяется производство хлѣба и удовлетворяется прибавочный спросъ рынка. Фонды на содержаніе труда увеличиваются и задѣльная плата рабочаго возрастаетъ. Достаточное состояніе влечетъ его къ женитьбѣ и населеніе возрастаетъ; спросъ на хлѣбъ увеличиваетъ его цѣну въ отношеніи къ другимъ вещамъ; больше капитала употребляется въ земледѣліи и продолжаетъ притекать въ него до тѣхъ поръ, пока предложеніе не поравняется со спросомъ, цѣны снова упадутъ и снова не возстановится равенство между земледѣльческой и мануфактурной прибылью".

Какъ бы, однако, заработная плата не видоизмѣнялась послѣ возвышенія цѣны хлѣба, умѣренно или чрезмѣрно, или если бы даже она оставалась безъ измѣненія, но, въ конечномъ результатѣ, фермеръ и капиталистъ, оба плательщики платы, будутъ затронуты этимъ обстоятельствомъ одинаково. Если же премія возвыситъ рыночную цѣну хлѣба и оставитъ безъ измѣненія предметы мануфактуры, то фермеръ будетъ продавать свой продуктъ по повышенной цѣнѣ, получать большую прибыль. Неравенство прибылей вызоветъ наплывъ капиталовъ въ земледѣліе, будетъ произведено больше хлѣба и менѣе мануфактурныхъ товаровъ. *„Повышенія мануфактурныхъ товаровъ не произошло бы оттого, что производство ихъ уменьшилось бы, такъ какъ они получались бы за вывозимый хлѣбъ".*

4. Самый сильный аргументъ Рикардо заключается въ томъ, что, по его мнѣнію, Смитъ совершенно упустилъ изъ виду то обстоятельство, что существуетъ фондъ, изъ котораго можетъ быть оплачено возвышеніе цѣны хлѣба безъ повышенія цѣны мануфактурныхъ товаровъ. *Этотъ фондъ прибыль.* Если мы примемъ мнѣніе Смита, что цѣна хлѣба опредѣляетъ цѣну всѣхъ другихъ товаровъ чрезъ видоизмѣненіе заработной платы, то мы логически должны придти къ слѣдующимъ нелѣпымъ выводамъ: во первыхъ, что прибыль никогда бы не падала, какъ бы велико не было накопленіе капитала, во вторыхъ, что относительная цѣнность хлѣба всегда остается безъ измѣненія внѣ всякой зависимости отъ того, производится ли этотъ хлѣбъ на хорошей или дурной землѣ, большимъ ли количествомъ труда или меньшимъ, съ помощью ли машинъ или безъ нихъ; въ третьихъ, если бы при возвышеніи задѣльной платы фермеръ могъ повысить свою цѣну хлѣба, а фабриканты суконъ, шляпъ, башмаковъ и всѣ прочія цѣны своихъ товаровъ въ пропорціи увеличенія, то хотя денежная цѣна ихъ всѣхъ и возрасла, но они продолжали бы сохранять одну и туже цѣнность, одни и тѣже отношенія къ другимъ.

Высокая цѣна на хлѣбъ, поэтому, всегда является захватомъ части прибыли. Если Мальтусъ и утверждаетъ, исходя изъ того положенія, что заработная плата состоитъ не только изъ хлѣба, но и другихъ предметовъ, что низкая цѣна хлѣба не можетъ быть благопріятной для низшихъ классовъ общества потому, что дѣйствительная мѣновая цѣнность труда т. е. возможность для него располагать предметами необходимости, удобства и роскоши не увеличилась бы, а уменьшилась, то онъ не правъ. Низкая цѣна на хлѣбъ была бы благодѣтельна для рабочаго класса потому, что тотъ же капиталъ давалъ бы занятіе большему числу рукъ. Кромѣ того потому, что большая прибыль повлекла бы за собой дальнѣйшее накопленіе и, такимъ образомъ, народонаселенію было бы оказано поощреніе высокою платой, которая улучшила бы на продолжительное время положеніе рабочихъ классовъ. Вліяніе на положеніе ихъ было бы почти такое же, какъ и вліяніе улучшеній въ машинахъ, которое, какъ въ настоящее время не можетъ быть болѣе сомнѣнія, имѣетъ рѣшительное стремленіе къ возвышенію заработной платы.

5. Мальтусъ чистокровный аграрій. Онъ смотритъ на преміи для вывоза хлѣбовъ, какъ на средство совершенно недостаточное и нецѣлесообразное для защиты аграрныхъ интересовъ. По его мнѣнію вывозная пошлина равно нецѣлесообразна, какъ при благопріятныхъ условіяхъ, когда народъ въ состояніи производить весь хлѣбъ, необ-

ходимый для его прогитанія, такъ и при неблагопріятныхъ, когда страна съ трудомъ производитъ нужный ей хлѣбъ. Въ первомъ случаѣ, премія будетъ создавать постоянную *дешевизну* хлѣба, а это будетъ побуждать землевладѣльцевъ сокращать производство, а населеніе увеличивать свое размноженіе. Въ результатѣ эти противоборствующія начала сведутъ премію и даваемое ей покровительство на нѣтъ. Во второмъ случаѣ, премія должна быть слишкомъ высока; иначе собственный спросъ страны будетъ задерживать хлѣбъ въ странѣ. Слишкомъ высокая премія будетъ, однако, вредна для существованія населенія и производимый ею избытокъ хлѣба будетъ покупаться слишкомъ дорогой цѣной. Наилучшая защита аграрныхъ интересовъ заключается, поэтому, въ пошлинахъ на ввозъ, которыя поддерживаютъ высокую цѣну хлѣба, замыкаютъ внутренній рынокъ въ единое національное цѣлое и устанавливаютъ равновѣсіе между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью, отнюдь не сокращая спроса на трудъ, а напротивъ увеличивая его и дѣлая болѣе устойчивымъ. Такимъ образомъ, Мальтусъ является истиннымъ родоначальникомъ той теоріи солидарности протежируемыхъ интересовъ, которая народилась въ наши дни, въ концѣ 19-го вѣка, и даже начинаетъ проникать въ Англію, гдѣ Чемберленъ и его консорты начали дѣятельную борьбу противъ свободной торговли.

„Союзъ этихъ силъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шефле, пытается сгладить противорѣчіе между рентой земельной и фабричной, между доходомъ съ земли и капитала, посредствомъ общаго давленія на заработную плату и установленія монополистическихъ цѣнъ т. е. посредствомъ переложенія убытковъ промышленности отъ вздорожанія продовольствія, на рабочіе классы и на потребителей. Оба слоя крупныхъ собственниковъ соединяютъ, если не сознательно выработанный планъ, то инстинктъ общаго интереса.“

Рикардо никогда не могъ теоретически раздѣлаться съ Мальтусомъ, ибо его теорія прибыли и законъ ея паденія заключала въ себѣ очень темныя мѣста. Мальтусъ, какъ истинный аграрій, отлично понялъ эту слабую сторону Рикардо и безъ конца, поэтому, полемизировалъ противъ его теоріи прибыли.

Теорія Мальтуса о прибыли и о причинахъ ея прогрессивнаго паденія заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Изученіе этой по существу невѣрной теоріи прибыли Мальтуса дастъ намъ возможность вскрыть основную ошибку теоріи прибыли не только Рикардо, но и Маркса.

Ученіе Рикардо о тенденціи прибыли къ паденію Мальтусъ счи-

таетъ совершенно ошибочнымъ [40]). Мальтусъ формулируетъ ученіе Рикардо о прибыли въ двухъ положеніяхъ. Рикардо утверждаетъ, во первыхъ, что товары, которые производятся однимъ и тѣмъ же количествомъ труда, имѣютъ, въ среднемъ, одну и туже цѣнность и во вторыхъ, что цѣнность одного и того же количества труда измѣняется соотвѣтственно съ тѣмъ количествомъ продукта, которое идетъ на вознагражденіе работника. За вычетомъ этой измѣнчивой цѣнности изъ предполагаемой неизмѣнной цѣнности продукта получается остатокъ, который опредѣляетъ норму прибыли.

Это ученіе онъ считаетъ ложнымъ по двумъ основаніямъ. Онъ старается доказать, что товары, на производство которыхъ затрачено одинаковое количество труда и капитала, измѣняются въ цѣнности въ зависимости отъ колебаній, которыя проистекаютъ отъ различій въ нормѣ и размѣрахъ прибылей, которыя должны быть присчитаны на трудъ и капиталъ, затраченный на ихъ производство, во вторыхъ въ какой бы мѣрѣ мы не предполагали измѣнчивымъ количество или отношеніе продукта, получаемое работникомъ, цѣнность этого отношенія и количества всегда остается одной и той же.

Основной принципъ, которымъ опредѣляется прибылъ, заключаетъ Мальтусъ изъ этихъ положеній, совершенно иной. Вмѣсто того, чтобы опредѣляться измѣнчивой мѣновою цѣнностью труда сравнительно съ опредѣленной цѣнностью продукта, прибыль, напротивъ будетъ опредѣляться въ соотвѣтствіи съ „измѣнчивою цѣнностью“ продукта сравнительно съ опредѣленной цѣнностью опредѣленнаго количества труда.

Отсюда слѣдуетъ, что великій принципъ, ограничивающій размѣры прибыли, а именно возрастающая трудность производства средствъ пропитанія, опредѣляетъ только размѣры возможныхъ прибылей т. е. указываетъ предѣлы, до которыхъ они могутъ возрасти или упасть. Причины, благодаря которымъ при послѣдовательномъ истощеніи земель прибыль падаетъ, состоятъ въ томъ, что по *самой природѣ предметовъ первой необходимости и почвы, которая ихъ произвела, ихъ цѣна и ихъ полезность никогда не можетъ возрасти также быстро, какъ возрастаютъ издержки, необходимыя для ихъ производства.*

Предѣльная норма цѣнъ на хлѣбъ можетъ дойти до того, что цѣна можетъ возстановлять только капиталъ и давать необходимое содержаніе работника. Постоянное накопленіе капиталовъ будетъ

40) см. Principes d'E. P., изд. 1846, гл. 5, сек. V., стр. 258 и слѣд.

стремиться довести прибыль до послѣдняго предѣла и она никогда не въ состояніи подняться выше, чѣмъ это позволяетъ положеніе земли. Большее предложеніе и изобиліе капитала, превышающее значеніе спроса, можетъ понизить прибыли еще ниже даже въ плодородной странѣ. Въ дѣйствительности прибыли бываютъ рѣдко такъ высоки, какъ онѣ могли бы быть по состоянію почвы въ данное время въ связи съ количествомъ пищи, даваемой работнику по наименьшей изъ возможныхъ нормъ; съ другой стороны они рѣдко достаточно низки, чтобы остановить накопленіе капитала.

Всякая теорія прибыли, заканчиваетъ Мальтусъ, построенная внѣ спроса, предложенія и соперничества, неизбѣжно неполна и неточна. Къ этимъ принципамъ надо обратиться, чтобы опредѣлить, можетъ ли возрастаніе цѣны хлѣба имѣть своимъ послѣдствіемъ переложеніе почти всѣхъ новыхъ издержекъ производства на работника, или на капиталиста, или же потери распредѣлятся болѣе справедливо между тѣмъ и другимъ, какъ это чаще всего бываетъ. Такъ Мальтусъ.

Теперь попробуемъ подвести первые итоги этому спору.

Этотъ споръ трехъ основателей политической экономіи имѣлъ громадныя практическія послѣдствія, содѣйствовалъ выясненію многихъ теоретическихъ положеній абстрактной экономіи, но менѣе всего отвѣчалъ удовлетворительно на тотъ вопросъ, который составлялъ основу всего спора: отчего падаетъ въ историческомъ процессѣ норма прибыли? Марксъ былъ совершенно правъ, утверждая, что „законъ паденія прибыли составлялъ ту тайну, надъ которой тщетно билась классическая школа послѣ А. Смита“. Въ этомъ спорѣ твердо были установлены только двѣ истины: во первыхъ, что Смитъ былъ совершенно неправъ, полагая, что хлѣбъ имѣетъ какую то неизмѣнную, реальную цѣнность; если тремя фунтами хлѣба можно прокормить работника, отсюда не слѣдуетъ, что хлѣбъ одинаково цѣненъ и что работникъ за свой трудъ не потребуетъ пяти; во вторыхъ, что необходимое содержаніе рабочаго, какъ думалъ Мальтусъ, представляетъ величину неизмѣнную, ту устойчивую цѣнность, которая благодаря своему постоянству и можетъ быть основой всякаго опредѣленія цѣнностей. Въ предшествовавшей главѣ мы старались показать, какъ ложно это ученіе Мальтуса и въ тоже время указали, что самое ученіе о цѣнности труда, о цѣнѣ или стоимости производства труда представляютъ собою архаизмъ, который, какъ остатокъ старой классической школы, находитъ только немногихъ защитниковъ. Теперь для всѣхъ стало ясно, что цѣна труда зависитъ отъ условій общественной борьбы между трудомъ и капиталомъ и

что, поэтому, вліяніе этого фактора — возможность постепеннаго повышенія нормы заработной платы — должно быть учтено при анализѣ паденія нормы всякаго рода прибавочнаго продукта, а чрезъ него нормы ренты и прибыли. Если даже можно было бы доказать, это весьма вѣроятно, что повышеніе нормы заработной платы не было весьма значительно, что участіе рабочаго сословія въ прибавочномъ продуктѣ въ концѣ 19-го вѣка даже въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ было относительно невелико, то установленіе этого положенія имѣетъ всетаки безконечно важное теоретическое значеніе, ибо оно сводитъ ученіе о прибыли къ ея истинной основѣ къ соперничеству, подъ вліяніемъ роста производительныхъ силъ, и къ дифференціаціи соціальныхъ силъ[41]).

---

41) Для Рикардо перенакопленіе капитала казалось чѣмъ то ужаснымъ. Оно повышало цѣнность земледѣльческаго продукта, ставило потребителя въ тяжелое положеніе, оставляло рабочаго въ столь же тягостномъ положеніи, ухудшало положеніе капиталиста и все для улучшенія положенія одного рентьера! Какъ мало боятся представители демократіи этого накопленія капитала, какъ хорошо они понимаютъ, что только въ накопленіи капитала и въ соперничествѣ его отдѣльныхъ представителей рабочее сословіе найдетъ почву для улучшенія своего положенія, ясно видно изъ слѣдующей цитаты изъ книги Шиппеля: „конечно, въ буржуазномъ обществѣ имѣются широкіе пласты населенія, тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ народа, доходъ которыхъ даже въ продолжительные промежутки времени неподвиженъ. Для нихъ движеніе цѣнъ составляетъ первую заботу; сюда относятся маленькіе владѣльцы всякаго рода процентныхъ рентъ, чиновники и служащіе въ частныхъ предпріятіяхъ съ постояннымъ жалованіемъ: техники, прокуристы, кассиры, бухгалтеры и представители высшаго торговаго прикащичества, мелочные торговцы и проч. Въ этихъ классахъ мы найдемъ прирожденныхъ защитниковъ точки зрѣнія „потребителей“. Здѣсь жизненный интересъ говоритъ: дешевизна, дешевизна! Здѣсь настоящее гнѣздо крикуновъ относительно всякой надбавки въ цѣнѣ, чѣмъ бы она не вызывалась: повышеніемъ заработной платы, сокращеніемъ рабочаго дня, вытѣсненіемъ дешеваго дѣтскаго труда или другихъ мѣръ, которыя принимаются для пользы производителей или производства. . . *Рѣшающимъ же вопросомъ для рабочаго сословія является накопленіе капитала.* Если рабочее сословіе выскажется для данной страны за свободную торговлю, то принятое имъ положеніе будетъ только тогда правильно и его можно будетъ удержать продолжительное время, если оно занято съ принятіемъ во вниманіе условій производства и рабочаго рынка, а не поверхностныхъ мечтаній „потребителей“ о низкихъ цѣнахъ. И наоборотъ, несмотря на болѣе высокій уровень цѣнъ слѣдовало бы высказаться за протекціонизмъ, если бы можно было ожидать всеобщаго, продолжительнаго увеличенія и оживленія производительныхъ силъ народа или его части и оно не было бы достижимо при посредствѣ свободной торговли. И даже если раздѣляютъ мнѣніе, что самое капиталистическое развитіе производительныхъ силъ въ своемъ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи снова сводитъ

Представители теоретической экономіи, однако, и до сихъ поръ обыкновенно полагаютъ, что главная заслуга Рикардо въ этомъ спорѣ заключается въ установленіи двухъ положеній, что а) всякая рента есть результатъ цѣны, а не причина цѣны и б) что прибыль опредѣляется въ земледѣліи на предѣльно возможномъ при данныхъ общественныхъ условіяхъ участкѣ.

Выдвигая на первый планъ въ теоріи Рикардо первое положеніе, экономисты забывали, что несмотря на всю его правильность нѣтъ никакихъ основаній придавать ему чрезмѣрное значеніе. Вся система Рикардо построена на томъ положеніи, что „доходы“ составляютъ результатъ цѣнъ. Слѣдовательно, это положеніе примѣнительно къ зем. рентѣ есть не болѣе какъ частный выводъ изъ общаго положенія, а не общее положеніе, имѣющее кардинальное значеніе. Оно пріобрѣло такое общее значеніе, какъ увидимъ ниже, только потому, что казалось неправильнымъ говорить о „рентѣ капитала“.

Что же касается до второго положенія, то оно совершенно ложно и Рикардо не могъ послѣдовательно показать, какая сила заставляетъ переходить къ этимъ предѣльнымъ землямъ.

Въ возраженіяхъ противъ Смита (см. п. 4) онъ пользуется аргументомъ для доказательства своей мысли весьма скользкимъ. Онъ говоритъ, что „при неизмѣнной цѣнности хлѣба никакое накопленіе капитала не могло бы понизить прибыль“. Полемизируя съ Мальтусомъ, онъ допускаетъ, что необходимое содержаніе рабочаго состоитъ изъ двухъ частей: изъ предметовъ земледѣлія (хлѣба) и предметовъ фабрикаціи. Всякое развитіе производительности труда въ послѣдней отрасли промышленности, слѣдовательно, понижаетъ стоимость необходимаго содержанія и увеличиваетъ размѣры прибыли[42]); что же заставляетъ прибыль понижаться? Какъ въ первомъ, такъ и во

на ничто успѣхи рабочихъ чрезъ постоянное усовершенствованіе вещественнаго аппарата производства и чрезъ столь же постоянное вытѣсненіе живого производительнаго фактора т. е. самого рабочаго, даже тогда далеко глядящая чрезъ опасенія и затрудненія дня классовая политика рабочихъ должна была бы желать этого развитія, ибо развитіе этихъ производительныхъ силъ является необходимой переходной стадіей къ высшей организаціи производства, къ которой какъ идеалу будущаго стремилось рабочее движеніе послѣдняго поколѣнія. *Поэтому всегда, и именно въ надеждѣ на будущую эманципацію, наиболѣе благопріятнымъ* условіемъ для рабочихъ является — *накопленіе капитала*“. См. Schippel, Grundzüge der Handelspolitik, Berlin, 1902, стр. 335—343.

42) При такихъ условіяхъ утвержденіе, что увеличеніе производительности труда въ фабрикаціи только увеличиветъ количество товаровъ, очевидно, невѣрно.

второмъ случаѣ очевидно болѣе быстрое возвышеніе стоимости первой, земледѣльческой части необходимаго содержанія. Но какъ оно можетъ быть вызвано, какъ можетъ повысившаяся прибыль подъ вліяніемъ удешевленно-необходимаго содержанія пасть, какъ можетъ накопленіе капитала понизить прибыль? Единственный путь: расширеніе спроса на трудъ, увеличеніе количества производимыхъ товаровъ, умноженіе соперничества среди существующихъ фабричныхъ и земледѣльческихъ предпріятій. Движеніе нашей экономической машины зависитъ всецѣло отъ той доли прибавочнаго продукта, которая можетъ быть посвящена на новое развитіе производительной дѣятельности съ увеличеніемъ спроса на трудъ, или безъ него.

Такимъ образомъ, самый переходъ къ худшимъ землямъ является неизбѣжнымъ результатомъ накопленія, расширенія той доли прибавочнаго продукта, которая посвящается на увеличеніе промышленной дѣятельности, на соперничество между существующими предпріятіями въ возросшемъ размѣрѣ. Отсюда очевидно, что *земля предѣльной производительности не можетъ опредѣлять нормы прибыли. Самое существованіе той или иной предѣльной земли въ обработкѣ зависитъ отъ нормы прибыли, которая, установившись въ извѣстныхъ размѣрахъ, опредѣляетъ предѣлъ возможныхъ для обработки земель, какъ это давнымъ давно уже указывалъ Тюрго*[43]). Пониженіе нормы прибыли, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самого Рикардо должно было бы объясняться исключительно соперничествомъ накопившагося капитала, его стремленіемъ безконечно развивать свою дѣятельность. Если бы цѣнность хлѣба даже оставалась неизмѣнной, какъ это предполагаетъ Смитъ, паденіе нормы прибыли должно было бы обнаружиться и благодаря двумъ обстоятельствамъ: а) или возрасла бы цѣна труда подъ вліяніемъ расширенія спроса на него или б) соперничество накопившагося капитала, множество бросаемыхъ на рынокъ продуктовъ было бы такъ велико, что прибыль пала бы до возможно низкаго предѣла. Ростъ производительности труда въ фабрикаціи чрезъ временное пониженіе нормы необходимаго содержанія повышалъ бы прибыль, облегчалъ и ускорялъ бы процессъ накопленія, а это обстоятельство снова содѣйствовало бы пониженію нормы прибыли чрезъ соперничество.

Оно сначала повышаетъ прибыль и только дальнѣйшее накопленіе прибыли: рента и ростъ производительности труда въ связи съ нимъ усиленіе соперничества, можетъ понизить прибыль.

43) см. Réflexions sur la formation et distribution des richesses, § 88 и 89.

Причина, благодаря которой Рикардо полагаетъ, что „естественная цѣна хлѣба“ опредѣляется на своеобразныхъ началахъ, любопытна. Онъ утверждаетъ, что всякое увеличеніе спроса, чѣмъ бы оно ни вызывалось преміей или пошлиной, заставляетъ переходить къ худшей землѣ т. е. увеличиваетъ ренту[44]). Земледѣльцы (country gentlemen) имѣютъ *постоянный* интересъ въ пошлинахъ на ввозъ и вывозъ, мануфактуристы только *временно* въ нихъ заинтересованы. Мы видѣли уже, что первое положеніе Рикардо шатко. Спросъ на хлѣбъ можетъ также *капитализировать* земледѣліе и задержать переходъ къ худшимъ землямъ. Второе же утвержденіе снова приводитъ насъ къ вопросу о „накопленіи капитала“. Если капиталисты, подъ защитой пошлины, будутъ держать производство въ томъ же размѣрѣ, при тѣхъ же условіяхъ производительности труда, никакого видоизмѣненія цѣнностей и цѣнъ не произойдетъ. Пошлины столь же *постоянно* будутъ въ ихъ интересахъ и исторія промышленнаго протекціонизма это ясно доказываетъ: пошлины держатся безконечно долго, безъ надежды на ихъ пониженіе! Разрушить это монопольное положеніе можетъ только накопленіе капитала, которое увеличитъ потокъ продуктовъ на рынокъ т. е. другими словами опять таки соперничество, которое дѣйствуетъ или чрезъ простое количественное умноженіе продукта или чрезъ увеличеніе производительности труда. А развѣ Рикардо доказалъ, что процессъ накопленія не дѣйствуетъ на всѣ отрасли промышленности? Нѣтъ. Немудрено, что протекціонный аргументъ „развитія промышленности“ и „улучшенія способовъ обработки“ одинаково процвѣтаетъ теперь въ промышленныхъ и аграрныхъ кругахъ, начинающихъ говорить „о солидарности интересовъ“.

Но не только эти первыя, элементарныя соображенія заставляютъ признать, что прибыль не опредѣляется въ земледѣліи или, по крайней мѣрѣ, не на предѣльной землѣ. Рикардо доказалъ нелѣпость теоріи прибыли Мальтуса, справедливо разрушивъ ея исходную точку зрѣнія: неизмѣнность въ цѣнности необходимаго содержанія. Но это было только половиннымъ рѣшеніемъ вопроса, оставляло открытой почву, на которой можно было съ успѣхомъ защищать аграрный ин-

44) Громадная заслуга Родбертуса въ томъ, что *признавая законъ уменьшающейся производительности почвы,* допуская даже безконечный ростъ земельной ренты, онъ былъ далекъ отъ преувеличенія его значенія, ясно видѣлъ, что Рикардо аргументируетъ, какъ своекорыстный представитель капиталистическаго класса. см. 3 Brief, стр. 197, 278—9, 325—327. Земельная рента, пишетъ Р., kann daher so lange steigen, als überhaupt noch vermehrte Arbeit zur Rohproduction auf einen Morgen verwandt werden kann. Hiervon ist die Grenze aber unabsehbar“.

тересъ, какъ это и дѣлается нынѣ, привлекая при этомъ, хотя отчасти, и рабочіе классы къ борьбѣ за „необходимое содержаніе“ (напр. аграризмъ Шиппеля, Гертца и ихъ друзей).

Возраженія Мальтуса, сдѣланныя имъ Рикардо, тѣмъ важнѣе, что въ нихъ, быть можетъ, въ крайне запутанной и неясной формѣ, онъ ранѣе многихъ другихъ поставилъ тѣ вопросы теоріи прибыли, которые попытался разрѣшить и Карлъ Марксъ.

Само собою разумѣется, что, какъ истинный аграрій, Мальтусъ еще болѣе физіократическій капиталистъ, чѣмъ Рикардо. Но первое возраженіе, которое онъ дѣлаетъ противъ Рикардо, обнаруживаетъ въ немъ очень внимательнаго теоретика. Его странное и неуклюжее заявленіе, что „предметы необходимости не растутъ въ цѣнѣ такъ быстро, какъ издержки“ и что „возрастающая трудность добыванія пищи только указываетъ предѣлы возможныхъ прибылей“, какъ мы уже видѣли въ предшествовавшей главѣ, показываетъ, что Мальтусъ ясно видѣлъ, что возможенъ на рынкѣ раздѣлъ ренты т. е. прибыль отнюдь не должна неизбѣжно опредѣляться на худшихъ земляхъ[45]). Землевладѣльцы лучшихъ участковъ будутъ „своимъ спросомъ на продукты“ фабрикаціи замедлять ростъ хлѣбныхъ цѣнъ. Мальтусъ смѣло могъ бы отвѣтить Рикардо: рента — фондъ для задержки паденія прибыли. Прибыль можетъ захватить часть прибавочнаго продукта, который по теоріи Рикардо неизбѣжно долженъ идти землевладѣльцу. Въ тоже время прибыль можетъ упасть и ниже предѣльной прибыли Рикардо. Единственная сила, которая можетъ вызвать такой результатъ — соперничество. Мальтусъ не задается вопросомъ: правильно ли утвержденіе, что земледѣліе опредѣляетъ предѣлы возможныхъ прибылей. Это для него непреложная истина, но чрезвычайно важно, что онъ сталъ впервые отрицать, что прибыль опредѣляется на предѣльныхъ земляхъ.

Этимъ самымъ онъ положилъ начало разрушенію теоріи предѣльныхъ цѣнностей. Его теорія „измѣнчивой цѣнности продукта сравнительно съ опредѣленной цѣнностью количества труда“ была столь же ложна въ второй ея части, какъ правильна въ первой. Рикардо хотѣлъ остановить танецъ цѣнности съ одной стороны, Мальтусъ съ другой, а цѣна продолжала оставаться столь же подвижной, какъ и сама жизнь. Утверждать заранѣе неизбѣжность

45) Этимъ онъ положилъ начало воззрѣнію, что освобожденіе рабочихъ классовъ совершится не чрезъ уничтоженіе капиталистическаго класса торжествомъ землевладѣльческаго интереса, что процессъ улучшенія судьбы рабочаго класса, исторически происходившій въ теченіи всего 19-го вѣка, совершался вовсе не за счетъ владѣющихъ классовъ, а чрезъ увеличеніе производительности труда. ср. § 4.

предѣльнаго раздѣла прибавочнаго продукта могъ только Рикардо, который игнорировалъ неизбѣжность соперничества между землевладѣльцами и возможность ограниченій въ соперничествѣ капиталистовъ.

Особенно важно и то, что въ процессѣ этого спора было выяснено, что необходимое содержаніе работника состоитъ изъ предметовъ фабрикаціи и земледѣлія. Другими словами, нельзя полагать, что мы можемъ легко выяснить даже на предѣльной землѣ размѣръ прибыли. Для это надо знать цѣну обоихъ видовъ продукта т. е. съ одинаковымъ успѣхомъ и неуспѣхомъ мы можемъ исходить и изъ предѣльнаго, если можно такъ выразиться, земледѣльца или мануфактуриста. Физіократическій капитализмъ не даетъ намъ возможности ясно опредѣлить размѣры прибавочнаго продукта: это только пережитокъ эпохи, когда земледѣліе было господствующей основой жизни. Вопросъ о прибыли рѣшаетъ цѣна произведеннаго продукта и цѣна необходимаго содержанія, а не одна цѣна этого послѣдняго въ земледѣльческомъ продуктѣ, хотя бы онъ и составлялъ значительную долю содержанія.

Второе возраженіе Мальтуса не менѣе важно. Онъ несомнѣнно неправъ, считая Рикардо безусловнымъ защитникомъ трудовой теоріи цѣнности. Рикардо много разъ говоритъ объ этомъ, указывая что и капиталъ играетъ роль въ образованіи цѣнностей. Что отвѣтъ его о причинахъ этого явленія неясенъ, это мы уже видѣли. Въ теоріи своей экономической политики, какъ защитникъ опредѣленнаго класса, Рикардо совершенно опускаетъ свою важную „поправку“. Прибыль зависитъ отъ цѣны хлѣба, другими словами онъ предполагаетъ, что затраты капиталиста состоятъ всецѣло изъ заработной платы. Въ самомъ дѣлѣ, если затраты капиталиста состоятъ изъ основного капитала и оборотнаго, идущаго на заработную плату, то утверждать, что прибыль опредѣляется исключительно цѣною хлѣба, совершенно неосновательно. Цѣнность основного капитала оплачена, но пока онъ находится въ процессѣ работы, *если онъ создаетъ прибыль,* какъ это допускаетъ и самъ Рикардо, цѣна хлѣба не оказываетъ на него вліянія. Доходъ отъ оборотнаго капитала можетъ съ ростомъ хлѣбныхъ цѣнъ уменьшиться. Доходъ отъ постояннаго капитала, если онъ даже будетъ произведенъ, какъ новая возросшая цѣнность при иной стоимости содержанія рабочаго, останется и для опредѣленія размѣровъ этого дохода, возможности его существованія, будетъ рѣшающей не цѣна хлѣба, а какія то другія условія? Вѣдь возросшая цѣнность, развѣ не явится и возросшимъ притязаніемъ на доходъ? Возможность уменьшенія этихъ притязаній на доходъ Смитъ объяснялъ накопленіемъ и

соперничествомъ капиталовъ. Это нисколько не противорѣчило его положенію, что возрастаніе цѣны хлѣба равномѣрно распространяется по всему міру товарныхъ цѣнъ. Уменьшеніе притязаній капитала на доходъ мы неизбѣжно должны объяснять внѣ всякой зависимости съ цѣною хлѣба, разъ мы только допустимъ, что основной капиталъ оказываетъ вліяніе на цѣнности товаровъ, а Рикардо это дѣлаетъ и только временами хочетъ придать этому положенію маловажное значеніе, что и позволяетъ его ближайшему современнику Мальтусу истолковывать теорію Рикардо въ томъ же крайнемъ смыслѣ, какъ это у насъ дѣлалъ Николай Зиберъ.

Яснаго анализа, почему основной капиталъ оказываетъ или не оказываетъ на цѣнность, Рикардо и Мальтусъ не дали. Заслуга Мальтуса и здѣсь, однако, въ томъ, что онъ снова стремился найдти рѣшеніе вопроса въ обмѣнѣ и въ соперничествѣ. Все его несчастіе заключалось только въ томъ, что предразсудки времени и среды не дали ему возможности пойдти далѣе, объяснить глубже тѣ теоріи перенаселенія и перекапитализаціи, которыя онъ выставилъ, объяснить ихъ не только экономически, но и со стороны соціальныхъ условій ихъ порождающихъ.

Третье возраженіе Мальтуса противъ Рикардо сводится къ тому, что возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ перелагается отчасти на работника, отчасти на капиталиста, представляетъ простой выводъ изъ предъидущихъ.

Самъ аграрій Мальтусъ признаетъ, что возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, а, слѣдовательно, и ренты, конечно не можетъ совершаться иначе, какъ за счетъ какихъ нибудь другихъ классовъ. Чтобы оправдать свой аграризмъ, онъ прибѣгаетъ къ цѣлому ряду доводовъ соціально-политическаго характера, которые мы оставляемъ въ сторонѣ [46]).

б) Такимъ образомъ Мальтусъ поставилъ тяжкіе вопросные пункты для Рикардо и надо признать, что онъ не могъ отвѣтить на нихъ. За него это попытался сдѣлать Марксъ. Онъ окончательно порываетъ связь съ физіократическимъ капитализмомъ.

1) Марксъ опредѣлительно заявляетъ: „не слѣдуетъ забывать, что общая норма прибыли не опредѣляется равномѣрно во всѣхъ отрасляхъ промышленности прибавочною цѣнностью. Не земледѣльческая прибыль опредѣляетъ промышленную, а наоборотъ“.

46) Во второй части нашего изслѣдованія на почвѣ фактовъ русской исторіи и Америки мы разберемъ вопросъ, былъ ли правъ Мальтусъ, утверждая, что замкнутое въ самомъ себѣ государство создаетъ наибольшій и болѣе устойчивый спросъ на рабочія руки, хотя бы чрезъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ.

2) Онъ считаетъ совершенно нелѣпымъ утвержденіе, что можно что либо объяснять соперничествомъ. При предположеніи равенства запроса и предложенія товаровъ, труда и всего, что продается на рынкѣ, вліяніе соперничества прекращается „вслѣдствіе равновѣсія обѣихъ противодѣйствующихъ силъ“. Паденіе прибыли не результатъ конкуренціи; эта послѣдняя вызывается паденіемъ прибыли.

3) Обращеніе или обмѣнъ не можетъ дать ничего такого, что не было дано ему раньше. Пусть пишетъ онъ, въ концѣ третьяго тома, повторяя сказанное въ первомъ, цѣна товара, опредѣляемая заработной платой, равна 100, норма прибыли пусть будетъ 10%, а рента 15% — на рабочую плату. Въ такомъ случаѣ цѣна товара, опредѣляемая суммой рабочей платы, прибыли и ренты равна 125. Такая надбавка въ 25 не можетъ произойти отъ продажи товара, такъ какъ всѣ продающіе другъ другу продаютъ по 125 то, что каждому обошлось по 100 въ видѣ заработной платы; было бы все равно, если бы товары продавались по 100“. . .

4) Законъ паденія прибыли присущъ самому капиталистическому производству. Прогрессивное стремленіе общей нормы прибыли къ паденію есть выраженіе прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда, выраженіе свойственное капиталистическому производству. Это паденіе обусловливается прогрессивнымъ возрастаніемъ постояннаго капитала, какъ это видно изъ прилагаемой Марксомъ таблички паденія нормы прибыли при неизмѣнной нормѣ прибавочной цѣнности:

Постоянный капиталъ c, перемѣнный v, прибыль p.

$$c = 50;\ v = 100;\ p = \frac{100}{150} = 66\,{}^1/_3\,\%$$

$$c = 100;\ v = 100;\ p = \frac{100}{200} = 50\,\%$$

$$c = 400;\ v = 100;\ p = \frac{100}{500} = 20\,\%$$

Таковъ законъ Маркса, дополнилъ ли онъ Рикардо и опровергъ ли Мальтуса? Врядъ ли [47]).

47) см. т. III_1., гл. 13, стр. 191, т. III_2., гл. 38, стр. 194, гл. 50, стр. 384 и слѣд. по нѣм. изд. Въ главѣ 14-й третьяго тома Марксъ указываетъ также и тѣ причины, которыя, по его мнѣнію, задерживаютъ паденіе нормы прибыли, но, кромѣ того, онъ даетъ еще и своеобразное опредѣленіе нормы прибыли. Онъ настойчиво повторяетъ, что *норма прибыли понижается не потому, что трудъ становится менѣе производительнымъ, а потому, что трудъ становится болѣе производи-*

Покойный Фридрихъ Энгельсъ съ необычайной яростью набросился на несчастнаго профессора Лоріа, который въ числѣ первыхъ заявилъ, что вся вышеизложенная теорія представляетъ собою „теоретическое банкротство“ [48]). Въ указанной статьѣ Энгельса, увы, мы скорѣе находимъ не укрѣпленіе положеній Маркса, а ихъ окончательное разрушеніе.

Если мы взглянемъ на теорію паденія прибыли просто какъ на нѣчто присущее капиталистическому производству, не заботясь объ объясненіи причинъ этого явленія, то мы можемъ указать безъ особыхъ трудностей рядъ основаній, почему капитализмъ развивается, главнымъ образомъ, чрезъ увеличеніе затратъ на постоянный капиталъ и при наличности понижающейся прибыли. Въ этомъ отношеніи въ первомъ и послѣдующемъ томахъ Марксомъ была высказана масса

тельнымъ и при этомъ добавляетъ, что при оцѣнкѣ значенія высоты общей нормы прибыли надо помнить, „что для нея прибыль равна проценту плюсъ прибыль всякаго рода, плюсъ земельная рента, распредѣленіе которой на эти особенныя категоріи безразлично“. Факторы задерживающія паденіе прибыли онъ исчисляетъ такъ: 1. увеличеніе степени эксплуатаціи труда — паденіе рабочей платы ниже ея стоимости; анализъ этого обстоятельства всецѣло относится по его мнѣнію къ ученію о конкуренціи; онъ добавляетъ, однако, что объяснять пониженіе нормы прибыли повышеніемъ нормы рабочей платы нелѣпо, хотя въ исключительныхъ случаяхъ можетъ произойти и это; 2. Относительное перенаселеніе, возникающее по мѣрѣ возростанія постояннаго капитала вызываетъ существованіе отраслей промышленности напр., производство предметовъ роскоши, съ преобладаніемъ элемента живого труда. Относительное перенаселеніе держитъ заработную плату на нормѣ ниже средней и норма прибавочной цѣнности въ этихъ отрасляхъ чрезвычайно высока. 3. удешевленіе цѣнности постояннаго капитала, что ведетъ къ тому, что *цѣнность постояннаго капитала возрастаетъ не пропорціонально* росту *его матеріальнаго размѣра*, такъ напр. цѣнность перерабатываемаго хлопка возрасла не въ такомъ размѣрѣ, какъ количество его; тоже относится къ машинамъ и другому основному капиталу. 4. Внѣшняя торговля также на краткій срокъ можетъ задерживать или ослаблять дѣйствіе закона, не устраняя его въ конечномъ результатѣ; чрезъ уменьшеніе цѣнности постояннаго капитала, уменьшеніе цѣнности необходимыхъ средствъ существованія, чрезъ эксплуатацію колоніальныхъ или менѣе производительныхъ странъ, когда болѣе благопріятствуемая страна получаетъ въ обмѣнъ на меньшее бо́льшее количество труда и этотъ избытокъ присваивается и распредѣляется между собою классомъ капиталистовъ. 5. увеличеніе акціонерныхъ капиталовъ, которые даютъ нормы прибыли менѣе средней и это обстоятельство не входитъ въ разсчетъ при выравненіи общей нормы прибыли.

48) См. Loria. Marx e la sua doctrina, 1902, стр. 96—123; р. пер. статьи Энгельса: законъ цѣнности и уровень прибыли, послѣсловіе къ III т. Капитала, Новое слово, 1897 г., сентябрь.

интереснѣйшихъ замѣчаній. Въ первомъ томѣ Марксъ прямо говоритъ, что „механизмъ капиталистическаго производства заботится о томъ, чтобы абсолютный приростъ капитала не сопровождался увеличеніемъ запроса на трудъ“ [49]). Расширеніе постоянной части капитала обнаруживаетъ поэтому тенденцію, присущую капиталистическому производству, сокращать спросъ на живой трудъ т. е. является средствомъ повысить или, по крайней мѣрѣ, задержать паденіе прибыли.

Не трудно далѣе допустить, что при наличномъ въ капиталистическомъ обществѣ противорѣчіи интересовъ всякое увеличеніе производительности труда чрезъ расширеніе постоянной части капитала временно можетъ создавать возможность продавать товаръ выше его индивидуальной стоимости, создавать особую прибыль и потому, въ скачкѣ соперничества, эти дифференціальныя выгоды могутъ быть сильнѣйшимъ побудительнымъ средствомъ для спекуляціи въ производствѣ, которая такъ характерна для нашего экономическаго строя. Никто лучше Маркса не показалъ, что разъ промышленность силою спекуляціи и накопленія поднялась на высшую стадію развитія, то возвратъ къ прошлому невозможенъ и, если бы даже былъ возможенъ, не соотвѣтствовалъ бы общественнымъ интересамъ въ многихъ случаяхъ. Этотъ возвратъ къ болѣе рутиннымъ способамъ производства съ употребленіемъ бо́льшаго количества живого труда, въ концѣ концовъ, могъ бы только временно задержать накопленіе и соперничество; онъ не соотвѣтствовалъ бы интересамъ народнаго хозяйства, ибо только настоящіе капиталистическіе способы производства часто даютъ возможность поставить обществу нужное количество товаровъ и при томъ надлежащаго качества; онъ не могъ бы соотвѣтствовать и желаніямъ капиталистическаго класса, который, расширяя свою производящую дѣятельность, расширяетъ сферу своего капиталистическаго господства, увеличиваетъ массу своей прибыли и потребленія.

Возражая Лоріа, одинъ изъ самыхъ большихъ защитниковъ Маркса, италіанскій экономистъ Лабріола [50]) утверждаетъ, что, если бы капиталисты и сознали невыгодность затратъ на постоянный капиталъ, то возвратъ къ прежней системѣ производства былъ бы „невозможенъ потому, что онъ былъ бы для нихъ безполезенъ“. Онъ пишетъ: „техническое усовершенствованіе понижаетъ прибыль, ибо оно понижаетъ цѣны. По данной опредѣлившейся цѣнѣ рынокъ находитъ свое удовлетвореніе. Возвратиться къ прежней системѣ произ-

49) Т. I., гл. 23, общій законъ капиталистическаго накопленія.

50) См. A. Labriola. La teoria del valore di C. Marx, 1899, стр. 235—6.

водства — это значитъ возвысить цѣны, но всякому извѣстно, что цѣны и количества, которыя могутъ быть проданы, движутся въ обратномъ направленіи. По цѣнѣ въ одну лиру продается сто шапокъ, по 1 л. 20 сант. только 80. Допустимъ, что при продажной цѣнѣ въ лиру прибыль 5 %, при повысившейся — 6 %. Продавая меньше шапокъ, капиталистъ уменьшитъ массу своей прибыли[51]), а при тѣхъ же затратахъ его норма прибыли и еще понизится . . . надо и еще допустить, что возвратъ къ прежней системѣ приводитъ къ уменьшенію массы производимаго продукта — вмѣсто 100 шапокъ стали бы производить 80. Цѣны должны были бы подняться значительно выше тѣхъ, которыя были при прежней системѣ. Производители получили бы чрезвычайные барыши. Это побудило бы ихъ увеличивать производство, а такъ какъ, согласно предположенію, это невозможно безъ измѣненія системы производства, отброшенныя техническія улучшенія должны были бы вновь быть пущены въ ходъ и норма прибыли понизилась бы. Est-ce clair, спрашиваетъ Лабріола?

Да, все это ясно, но не имѣетъ никакого отношенія къ реальному анализу самого закона, какъ онъ установленъ Марксомъ. Всѣ такія толкованія допустимы внѣ всякаго ученія о цѣнности и только тогда, когда соперничество будетъ нами признано за главную производящую силу и безконечное колебаніе пропорцій обмѣна за то средство, которое направляетъ движеніе цѣнъ. Ничего подобнаго Марксъ не допускаетъ и потому его теорія должна быть обсуждаема совсѣмъ съ иной точки зрѣнія.

Энгельсъ самъ указалъ намъ дорогу, на которой можетъ быть доказана неправильность всего построенія Маркса отъ перваго положенія и до послѣдняго. Вся суть вопроса въ томъ, можетъ ли „прибыль“ и процессъ ея послѣдовательнаго паденія быть присущимъ капиталистическому производству выраженіемъ производительности общественнаго труда и его роста?

Энгельсъ говоритъ въ указанной выше статьѣ, что „впервые“ нѣмецкому профессору въ лицѣ Зомбарта удалось прочесть въ сочиненіяхъ Маркса въ главныхъ чертахъ дѣйствительно то, что онъ говоритъ. Энгельсъ полагаетъ, что формулировка Зомбарта „слишкомъ обща, нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи и большей точности, но о ней нельзя сказать, чтобы она была невѣрна“. Зомбартъ, пишетъ Энгельсъ, изслѣдуетъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ цѣнность въ

51) Общая масса прибыли была бы въ первомъ случаѣ 5 лиръ, во второмъ 4 л. 80 с.

системѣ Маркса и приходитъ къ слѣдующему заключенію: цѣнность капиталистически произведенныхъ товаровъ не проявляется въ обмѣнѣ; она не находится въ сферѣ сознанія участниковъ капиталистическаго производства; цѣнность есть *не эмпирическій*, а *логическій фактъ*; конкретно понятіе цѣнности Маркса представляетъ ничто иное, какъ *„экономическое“* выраженіе факта общественной производительности труда, являющейся основой хозяйственной дѣятельности при капиталистической формѣ хозяйства; законъ цѣнности вліяетъ на экономическія явленія въ послѣднемъ счетѣ и по отношенію къ этому порядку хозяйства въ самомъ общемъ видѣ формулируется слѣдующимъ образомъ: цѣнность товаровъ представляетъ специфически историческую форму, въ которой проявляется опредѣляющее дѣйствіе производительной силы труда, въ послѣднемъ счетѣ господствующее надъ всѣми экономическими явленіями“. Это признаніе поверхностной точки зрѣнія Зомбарта за истину — есть дѣйствительно крушеніе системы Маркса „въ послѣднемъ счетѣ“.

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы уже съ достаточной ясностью доказали, что трудовая цѣнность не можетъ быть признана необходимымъ логическимъ фактомъ, постулатомъ нашего экономическаго мышленія въ попыткахъ объяснить народное хозяйство въ его существѣ и единствѣ. Мы показали также, къ какой нелѣпой средневѣковой схоластикѣ пришлось придти при признаніи подобной точки зрѣнія. Проф. Бемъ-Баверкъ[53]) далъ также достаточно подробную критику этого построенія Зомбарта и мы не станемъ останавливаться вновь на общемъ анализѣ его точки зрѣнія. По моему мнѣнію Энгельсъ отклонился отъ рѣшенія вопроса о тенденціи прибыли къ паденію, перенеся споръ на общіе вопросы. Гораздо легче показать, что построеніе Зомбарта совершенно неприложимо къ объясненію закона паденія прибыли и эта неприложимость блестяще доказываетъ и ложность той теоріи, которую объясненіе Зомбарта пытается спасти.

Первый выводъ, который мы должны сдѣлать при приложеніи точки зрѣнія Зомбарта, заключается въ томъ, что если цѣнность только логическій фактъ, то и обнаруживаемая этимъ закономъ тенденція прибыли къ минимуму есть также нѣчто „мнимое, фиктивное“. Въ дѣйствительности въ самореальности этого явленія никто почти не

52) Статья Зомбарта была напечатана въ Archiv für sociale Gesetzgebung Брауна, годъ 7-й, вып. 4-й.

53) см. Б.-Баверкъ, l. c. р. пер. стр. 107—127, апологія В. Зомбарта, нашу главу о производительности труда.

сомнѣвается; вѣрно только то, что тенденція паденія прибыли къ минимуму, объясненіе этого явленія въ системѣ Маркса, фиктивно, мнимо, не реально и по слѣдующимъ соображеніямъ.

Во первыхъ, утвержденіе Маркса, что „паденіе общей нормы прибыли служитъ присущимъ капиталистическому производству выраженіемъ прогрессивнаго развитія производительности труда“ является послѣдней, и, пожалуй, самой неудачной попыткой найдти въ доходахъ маштабъ для измѣренія движеній производительности труда. Даже если мы признаемъ правильность и равное значеніе двухсторонней основной формулы, объясняющей прибыль, а именно, что „трудъ производитъ больше продукта или цѣнности“, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе (какъ мы видѣли эта формула должна быть истолкована далеко не такъ, какъ это дѣлаетъ Марксъ), то и въ такомъ даже случаѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній считать прибыль маштабомъ для выраженія общественной производительной силы труда.

Мы знаемъ, что существуетъ три основныхъ общественныхъ дохода: заработная плата, прибыль и рента. Если мы останавливаемся на выборѣ какого либо изъ этихъ доходовъ для сужденія о движеніяхъ въ производительности труда, то мы должны имѣть для того какія либо вѣскія основанія. Мы уже видѣли, что попытка Мальтуса сдѣлать необходимое содержаніе работника т. е. его заработную плату „неизмѣнною цѣнностью“ окончилась теоретическимъ крахомъ. Необходимое содержаніе работника признается теперь чѣмъ то подвижнымъ, могущимъ при извѣстныхъ условіяхъ двигаться вверхъ и внизъ въ зависимости отъ производительности труда и соціальныхъ условій, по стоимости его производства и какъ вознагражденіе работника. Движеніе необходимаго содержанія одновременно дѣлаетъ его и не неизмѣнной цѣнностью, и не даетъ въ немъ никакого маштаба для сужденія о производительности общественнаго труда. Столь же неудачна была и попытка Рикардо найдти предѣльную цѣнность на предѣльной землѣ, сложивъ ее изъ двухъ доходовъ, и сдѣлать ее выраженіемъ „конечной“ производительности общественнаго труда.

Марксъ порываетъ съ точкой зрѣнія Рикардо. Онъ полагаетъ, что промышленный капиталъ, — какъ увидимъ ниже и это утвержденіе подлежитъ критикѣ, опредѣляетъ земледѣльческую прибыль. Онъ дѣлаетъ не два дохода, заработную плату и прибыль, а одинъ доходъ — прибыль — маштабомъ для измѣренія движеній производительности труда. Для человѣка, который въ „капиталѣ видѣлъ пре-

дѣлъ для развитія капиталистическаго производства" это вполнѣ послѣдовательно, но и губительно для всей его системы.

Въ противоположность съ Рикардо, Марксъ полагаетъ, что прибыль падаетъ не отъ *уменьшенія*, а отъ *увеличенія* производительности труда. Возвышеніе производительности труда, какъ въ фабрикаціи, такъ и въ земледѣліи, равно понижаетъ цѣнности, трудъ создаетъ *вновь* меньше цѣнности, а при неизмѣнности необходимаго содержанія, но, конечно, только въ этомъ случаѣ, общая масса прибавочной цѣнности т. е. прибыли и ренты должна понизиться. Въ данномъ случаѣ прибыль раздѣляетъ судьбу ренты. Ростъ производительности труда губителенъ для ихъ обоихъ, а не только для рентьеровъ, какъ думалъ Рикардо.

Даже допустивъ вмѣстѣ съ Марксомъ, что повышеніе производительности труда понижаетъ цѣнности до новой нормы труда, котораго они стоили, мы всетаки не должны забывать, что ни рента, ни вознагражденіе работника свыше необходимаго содержанія при такихъ условіяхъ не исчезнутъ. Прибыль есть всегда остатокъ за вычетомъ изъ общей массы произведеннаго общественнаго продукта ренты и той доли необходимаго содержанія, которую мы относимъ къ необходимымъ издержкамъ производства. Прибыль есть чистый доходъ капитала въ продуктѣ или цѣнности — пока въ чемъ — это для насъ безразлично — и не можетъ считаться выраженіемъ общественной производительной силы труда, если намъ заранѣе теоретически извѣстно, что двѣ значительныя доли общей производительности уже поглощены двумя другими доходами. Всѣ причины, которыя указывалъ Рикардо: ухудшеніе производственныхъ условій, возвышеніе уровня необходимаго содержанія и его стоимости, однимъ словомъ эти и всѣ другія условія, повышающія ренту и заработную плату, остаются въ качествѣ причинъ, оказывающихъ вліяніе на норму прибыли. Прибыль, другими словами, можетъ понижаться не только отъ *увеличенія*, но и отъ *уменьшенія* производительности труда и отъ захвата ея доли другими видами доходовъ. Движеніе ее зависитъ отъ противорѣчивыхъ началъ, а потому она и не можетъ служить вѣрнымъ показателемъ прогрессивнаго развитія производительности труда.

Марксъ, однако, не только не привелъ сколько нибудь убѣдительныхъ данныхъ для признанія прибыли вѣрнымъ маштабомъ движеній производительности труда, но и извратилъ собственное ученіе о нормѣ прибыли. Подъ общей нормой прибыли онъ считаетъ въ третьемъ томѣ: „процентъ, прибыль всякаго рода и земельную ренту". Такая точка зрѣнія противорѣчитъ всей системѣ Маркса. Онъ также

мало имѣетъ права при вычисленіи общей нормы прибыли включать въ ея сумму ренту, какъ и утверждать, что акціонерные капиталы не участвуютъ въ процессѣ выработки средней прибыли. Если прибыль результатъ прибавочной цѣнности, созданной трудомъ, если тенденція ея паденія зависитъ отъ уменьшенія затратъ живого труда, то, очевидно, включеніе ренты, какъ дифференціальнаго дохода, получаемаго внѣ затратъ труда, въ норму прибыли дѣлаетъ все построеніе какой то „странной“ хитрой механикой. Если мы припомнимъ еще и то обстоятельство, что Марксъ знаетъ абсолютную ренту, которая въ состояніи завладѣть значительной долей прибавочной цѣнности капитала, его прибыли, то такое соединеніе обнаружится во всей своей противоестественности и еще болѣе должно укрѣпить всякаго въ мысли, что прибыль не мѣра для измѣренія движеній производительности труда[54]). Мальтусъ постоянно настаивалъ на томъ, что въ прибыли есть часть ренты, что капиталъ завладѣваетъ при извѣстныхъ условіяхъ долею ренты, но онъ не былъ сторонникомъ трудовой теоріи цѣнности, настаивалъ на возможности дифференціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта между рентой и прибылью, чего не допускаетъ система Маркса. Для Мальтуса только необходимое содержаніе представляетъ собою нѣчто неизмѣнное, всѣ остальные доходы своими колебаніями служатъ регуляторами цѣнъ, постоянно измѣняющихся въ своихъ движеніяхъ. . . Очевидно въ этой мысли Мальтуса есть что то разумное, если и Марксу пришлось схватиться за нее, какъ за якорь спасенія. Каждый отдѣльный доходъ и всѣ доходы вмѣстѣ, не могутъ служить выраженіемъ производительности народнаго труда, но регуляторами распредѣленія общей и неравной производительности они служить могутъ, а потому не входя непосредственно въ качествѣ составныхъ частей цѣны, они тѣмъ не менѣе отлично регулируютъ ихъ движеніе въ ту или другую сторону. Регуляторъ въ паровой машинѣ не свидѣтельствуетъ о силѣ пара, онъ только направляетъ работу пара въ ту или другую сторону. Допустимо и другое сравненіе. Доходы служатъ индикаторами давленія въ народномъ хозяйствѣ. При той или иной производительности труда и при той или иной возможности

54) Если же признать, что трудъ средней производительности, средняго органическаго состава въ земледѣліи и фабрикаціи даютъ только заработныя платы и прибыли, не давая ренты, то система Маркса мало отличается отъ таковой же Рикардо и дифференціальное богатство владѣльцевъ лучшихъ земель исключается, какъ факторъ общественной производительности? Мы уже видѣли, что въ системѣ Маркса цѣна производства земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ, однако, ниже трудовой цѣнности.

соціальнаго раздѣла продукта они своими движеніями показываютъ, куда должно направить работу соціальныхъ и экономическихъ силъ.

Совершенно послѣдовательно исходя изъ закона трудовой цѣнности, Марксъ полагаетъ, что „цѣна единичныхъ товаровъ“, сумма которыхъ составляетъ валовой продуктъ капитала, падаетъ, если въ нихъ содержится меньше живого труда, чѣмъ прежде“. Законъ паденія прибыли является, поэтому, неизбѣжнымъ результатомъ самаго развитія капиталистической системы. Эксплуатація живого труда сокращается, мертвый капиталъ цѣнности не создаетъ, сумма прибавочной цѣнности сокращается, самъ капиталъ себя отрицаетъ, если не являются противоборствующія причины.

Въ русской литературѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ выводъ изъ теоріи Маркса обратилъ на себя особенное вниманіе. Одинъ изъ русскихъ экономистовъ, П. Струве[55]) попытался формулировать тѣ недоумѣнія, которыя вызываетъ этотъ выводъ Маркса по отношенію ко всей его теоріи цѣнности. Законъ паденія прибыли въ формулировкѣ Маркса, по его мнѣнію, является основной „антиноміей трудовой теоріи цѣнности“ и наиболѣе рѣшительнымъ доказательствомъ, что „прибавочная цѣнность не естъ функція одного перемѣннаго капитала“. Струве разсуждаетъ такъ: „изъ формулы Маркса вытекаетъ, что свободный продуктъ или чистый доходъ общества, величиною котораго измѣряется производительность общественнаго труда, прогрессивно падаетъ по отношенію къ совокупному общественному капиталу. Нельзя думать, что для характеристики производительности труда характеренъ абсолютный размѣръ прибавочной цѣнности. Производительность труда измѣряется цѣнностнымъ отношеніемъ продукта къ затратамъ на его производство и если это отношеніе падаетъ, то, значитъ, производство свободнаго продукта становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе . . . Капитализмъ потому одерживаетъ верхъ, пишетъ онъ, и машины потому побѣдоносно распространяются по всей вселенной, что при этой системѣ, сравнительно съ предшествующими, дѣйствительно растетъ производительность общественнаго труда и растетъ ея показатель M/C_1 т. е. отношеніе прибавочнаго продукта или чистаго дохода общества къ его капиталу. Другими словами, уровень прибыли въ смыслѣ Маркса долженъ не падать съ развитіемъ производительности общественнаго труда, а расти, потому что этотъ уровень прибыли есть ничто иное

55) См. Жизнь, февраль, 1900 г. „Основная антиномія трудовой теоріи цѣнности“, стр. 301 и слѣд.

какъ показатель роста производительности общественнаго труда совершенно независимо отъ общественныхъ условій производства“ . . . Изъ этого разсужденія вытекаетъ, по его мнѣнію, ошибочность механической трудовой цѣнности. „Прибавочная цѣнность создается не только живымъ трудомъ, но *исторически* прибавочный продуктъ или прибавочная цѣнность является по преимуществу функціей основного капитала“.

Я совершенно согласенъ съ г. Струве, что законъ паденія прибыли въ истолкованіи Маркса является „основной антиноміей трудовой теоріи цѣнности“; какъ уже было указано во второмъ параграфѣ настоящей главы, я также думаю, что утвержденіе Маркса, будто только перемѣнный капиталъ создаетъ „цѣпность“, недостаточно и ошибочно, но въ тоже время я долженъ сознаться, что истолкованіе теоріи Маркса, какъ это дѣлаетъ указанный писатель, мнѣ представляется еще болѣе ошибочнымъ.

Давая свою формулу, Марксъ вовсе не рѣшаетъ вопроса въ столь общей формѣ, уменьшается ли свободный общественный продуктъ по отношенію къ совокупному общественному капиталу. Чтобы отвѣтить на эту проблему, надо было бы изучить не законъ прибыли, а законъ уменьшающейся производительности почвы и труда вообще. Марксъ предполагаетъ, что въ фабрикаціи этотъ законъ уменьшающейся производительности не дѣйствуетъ и къ нему менѣе, чѣмъ къ кому либо, можетъ быть приложенъ упрекъ г. Струве. Онъ не говоритъ о свободномъ продуктѣ, ни объ абсолютномъ размѣрѣ прибавочнаго продукта, а о „цѣнности“ того и другого. Онъ вовсе не говоритъ о наличности возрастающей затруднительности производства прибавочнаго продукта, а о возрастающей трудности придавать „цѣнность“ этому продукту. Струве отождествляетъ прибавочный продуктъ и продуктъ съ „цѣнностью“ этого продукта, что, очевидно, не одно и тоже. Отношеніе прибавочнаго продукта къ совокупному капиталу можетъ расти, отношеніе цѣнности прибавочнаго продукта къ цѣнности совокупнаго капитала можетъ падать. Струве не только не замѣчаетъ того, что Марксъ не имѣетъ права брать прибыль показателемъ общественной производительной силы труда „внѣ общественныхъ условій ея производства“ (рента и обмѣнъ), но еще и усугубляетъ ошибку Маркса отождествленіемъ „цѣнности“ свободнаго продукта съ его „массой“.

Теорія Маркса говоритъ, что масса прибавочнаго продукта растетъ, но что „цѣнность“ ея падаетъ и это губительно для капитала. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, правильно ли утвер-

жденіе Маркса, что цѣнность эта прогрессивно падаетъ, губительно ли это для капитала и можетъ ли задерживать расширеніе его затратъ, наконецъ каковы причины этого явленія?

Теоретически не трудно понять, что увеличеніе массы прибыли при паденіи ея нормы можетъ имѣть мѣсто только до извѣстныхъ предѣловъ, что ясно видно изъ нижеслѣдующей таблички:

Норма прибыли.	Сумма капитала.	Масса прибыли.
5 %	500	25
3 „	1000	30
1 „	1500	15

Фактически не трудно въ общихъ чертахъ констатировать коллосальное увеличеніе затратъ въ капиталистическихъ странахъ нашего времени и несоотвѣтствіе роста капитала съ ростомъ цѣнности продукта.

Данныя промышленной статистики при всей ихъ современной неточности, къ сожалѣнію, рѣдко привлекаются къ провѣркѣ теоретическихъ законовъ экономіи. Во второй части нашего изслѣдованія мы сдѣлаемъ опытъ въ этомъ отношеніи. Теперь же позволимъ себѣ только маленькую иллюстрацію того положенія, что Марксъ, повидимому, правъ, утверждая, что ростъ капитала и ростъ цѣны готоваго продукта идутъ далеко не одинаково. Кое какія данныя мы нашли въ книгѣ Кароля Райта относительно исторіи развитія американскаго народнаго хозяйства [56]). На основаніи данныхъ цензовъ 1860 и 1890 г. онъ исчисляетъ капиталъ, затраченный на механическое и мануфактурное дѣло и цѣнность продукта этой отрасли промышленности. Цензъ 1860 г. исчисляетъ цѣну капитала, затраченнаго на механическое и мануфактурное дѣло въ 1.009.855.715 дол., и цѣну продукта — 1.885.861.676 долларовъ, цензъ 1890 г. цѣну капитала — 6.525.156.486 и цѣну продукта 9.372.437.283 дол. или 546 процентовъ роста въ капиталѣ и 397 % въ цѣнѣ продукта. По отдѣльнымъ отраслямъ промышленности Райтъ даетъ такія исчисленія:

	Капиталъ.	Ростъ въ %.	Продуктъ.	Ростъ въ %.
Волокнистыя вещества				
1860	150.080.852		214.740.614	
1890	739.973.661	393	721.949.262	236

56) См. C. D. Wright. The Industrial Evolution of the United States, London, 1896, стр. 159—188.

	Капиталъ.	Ростъ въ %.	Продуктъ.	Ростъ въ %.
1) хлопокъ въ обр.				
1860	98.585.269		115.181.774	
1890	354.020.843	259	267.981.724	132
2) шерсть				
1860	38.814.422		73.454.000	
1890	245.886.743	533	270.527.511	268
3) шелкъ				
1860	2.926.980		6.607.771	
1890	51.007.537	175	87.248.454	132
желѣзо и сталь				
1860	48.372.897		57.160.243	
1890	414.044.844	855	478.687.519	837
кирпичъ и черепица				
1860	7.994.428		11.263.147	
1890	82.578.566	104	67.770.695	602
печатное дѣло				
1860	19.622.318		31.063.898	
1890	195.307.445	910	275.452.515	880

Такихъ и имъ подобныхъ данныхъ мы могли бы привести достаточное количество, но весь вопросъ въ томъ, могутъ ли они служить подтвержденіемъ закона Маркса или же, напротивъ, они ничего не говорятъ въ его пользу? Чистый продуктъ общества подъ вліяніемъ расширяющагося употребленія постояннаго капитала возрастаетъ, полагаетъ справедливо г. Струве, но имѣетъ ли онъ право отсюда заключить, что „прибавочная цѣнность“ есть функція главнымъ образомъ постояннаго капитала? Дѣлая этотъ выводъ, онъ не разрѣшаетъ проблемы, а только приводитъ ее къ тому исходному пункту, отъ котораго начинаются всѣ затрудненія. Анализируя теоріи производительности капитала, Бемъ-Баверкъ вѣрно ставитъ вопросъ: капиталъ производитъ больше продуктовъ, большую массу товаровъ, но производитъ ли онъ цѣнность и прибавочную цѣнность, участіе его въ производительномъ процессѣ вмѣстѣ съ трудомъ имѣетъ ли одинаковое значеніе въ процессѣ созданія цѣнностей? Законъ паденія прибыли является ли закономъ обезцѣненія массы продукта до нормы опредѣляющейся затратами труда? Законъ ея паденія, вызывающійся господствомъ закона трудовой цѣнности, вызываетъ ли соперничество капиталистовъ?

в). Мнѣ представляется, что объясненіе тенденціи прибыли къ

паденію станетъ возможнымъ только тогда, когда мы надлежащимъ образомъ съумѣемъ вполнѣ объективно объяснить законъ образованія не цѣнностей, а цѣнъ въ нашемъ сложномъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Для этого надо окончательно отбросить не только теорію прибавочной цѣнности Маркса, не только невѣрное и недоказанное четвертое положеніе теоріи этого писателя, какъ мы проформулировали его выше, но и первыя три[57]).

Старая теорія разорвала экономію на части, совершенно обособивъ теорію прибыли отъ теоріи ренты и придавъ дифференціальному принципу послѣдней ограниченное, производственное значеніе. Она не могла понять, что различіе въ степени вліяніе тѣхъ или другихъ факторовъ: земли, труда и капитала и ихъ живыхъ представителей общественныхъ классовъ на характеръ производства, обмѣна и распредѣленія можетъ быть очень велико по степени, въ особенности въ разныя историческія эпохи, но по существу аналогично по принципу. Теорія же дифференціальной ренты и дифференціальныхъ доходовъ вообще не знаетъ закона цѣнности, а имѣетъ дѣло только съ закономъ цѣнъ. Для нея важны: законъ рѣдкости или количествъ, законъ неравной производительности, законъ накопленія и размѣра доходовъ. Только примѣнивъ эти законы къ прибыли, мы можемъ постигнуть ея собственный законъ и причины ея паденія.

Рѣшающее мѣсто у Маркса, пишетъ Энгельсъ[58]), гласитъ: „вся трудность происходитъ отъ того, что товары обмѣниваются не просто какъ товары, а какъ продукты капиталовъ, претендующихъ на участіе въ общей массѣ прибавочной цѣнности въ соотвѣтствіи съ своею величиною, а при равенствѣ послѣдней на равное участіе“. Да, это дѣйствительно рѣшающее мѣсто, но только вмѣсто участія въ прибавочной цѣнности здѣсь слѣдовало бы поставить въ прибавочномъ продуктѣ, и притомъ неравномъ въ разныхъ производительныхъ организмахъ на протяженіи всего народнаго хозяйства.

Только такъ формулировавъ проблему можно было бы обратиться къ изученію тѣхъ регуляторовъ, которые направляютъ движеніе цѣнъ.

Отъ старой классической школы намъ остался довольно схоластическій споръ, гдѣ опредѣляется прибыль? Рикардо утверждалъ, что земледѣльческая прибыль опредѣляетъ промышленную, Марксъ вывелъ прямо противоположное заключеніе. Оба писателя были по

57) О третьемъ положеніи мы уже говорили слишкомъ много и не станемъ къ нему возвращаться.

58) l. c. Законъ цѣнности и уровень прибыли, стр. 117.

своему правы и неправы. Стараясь формулировать нѣчто объяснявшее реальную дѣйствительность, находившуюся передъ ихъ глазами, они были правы, ибо въ каждую историческую эпоху болѣе или менѣе благопріятныя условія раздѣла прибавочнаго продукта могли быть на сторонѣ того или другого класса, болѣе благопріятны землевладѣльцамъ или капиталистамъ. Рикардо жилъ въ переходную эпоху, когда господство земледѣльческаго класса надо было сломить: онъ и пустилъ въ ходъ свою теорію. Марксъ жилъ въ эпоху господства промышленнаго капитала, въ ростѣ его видѣлъ эманципацію рабочаго сословія. Естественно, что ему казалось, что промышленный капиталъ опредѣляетъ прибыль. Но не правы ли были съ исторической точки зрѣнія и меркантилисты, которые полагали, что торговая прибыль опредѣляетъ всѣ другіе виды прибыли? Энгельсъ самъ признаетъ, что въ долгій періодъ съ средневѣковья и до начала господства эпохи капитализма, интернаціональная торговля была основана не на продажѣ по цѣнностямъ и вообще давала значительныя прибыли. Какъ же могъ не пѣть хвалебнаго гимна этой торговлѣ реалистъ-меркантилистъ, знающій значеніе и силу къ тому же государственной нормирующей и захватывающей власти. Исторически мы можемъ изучать, какіе виды капитала въ данную историческую эпоху создаютъ наибольшее количество прибавочнаго продукта для даннаго народа, но спорить и стараться теоретически вырѣшить, гдѣ опредѣляется прибыль, въ какой отрасли промышленности, совершенно нелѣпо. Прибыль одновременно опредѣляется во всѣхъ производительныхъ организмахъ народнаго хозяйства. Тамъ, гдѣ есть прибавочный продуктъ, будетъ и прибыль, также какъ и рента и дифференціальная заработная плата. На вопросъ, гдѣ создается прибыль, экономистъ можетъ отвѣтить только: въ народномъ хозяйствѣ. На вопросъ, гдѣ она держится въ наибольшемъ размѣрѣ и какъ дифференцируется, онъ можетъ сказать: обратитесь къ изученію реальной дѣйствительности.

Въ системѣ Маркса есть любопытная сторона, которую мы должны отмѣтить въ связи съ только что сказаннымъ. Средняя норма процента, по его мнѣнію, не можетъ быть опредѣлена рѣшительно никакимъ закономъ [59]). „Если при этомъ конкуренція, какъ конкуренція, что либо и опредѣляетъ, то такое опредѣленіе само по себѣ случайно, основано вполнѣ на опытѣ и только педантство или фантазія могутъ такую случайность изображать, какъ нѣчто необходимое. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, почему среднія отно-

59) см. т. III., гл. 21.

шенія конкуренціи должны дать заимодавцу на его капиталъ 3,4 или 5 %". Въ слѣдующей главѣ, анализируя условія работы непроизводительнаго капитала и его средства самозащиты, мы покажемъ, какъ неправъ былъ Марксъ, считая денежный процентъ чѣмъ то случайнымъ, незакономѣрнымъ. Теперь намъ важно только подчеркнуть ту мысль его, что денежный процентъ зависитъ отъ промышленной прибыли и можетъ быть въ высокой степени различенъ при разной высотѣ послѣдней. Противъ такого положенія врядъ ли кто споритъ. Денежный процентъ и прибыли могутъ и должны стоять въ соотвѣтствіи. Мы могли бы пойдти даже далѣе и сказать, что въ нашей хозяйственной системѣ замѣтно стремленіе къ установленію зависимости между рентою и прибылью. Но вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, какія же силы создаютъ это равновѣсіе и вѣрно ли утвержденіе, что наличность установившагося равновѣсія свидѣтельствуетъ о томъ, что долженъ быть найденъ законъ доходовъ изъ состоянія устойчиваго ихъ равновѣсія.

Обсуждая второе положеніе теоріи прибыли Маркса не слѣдуетъ впадать въ ошибку тѣхъ писателей, которые, отвергая утвержденіе Маркса, что „конкуренція результатъ паденія прибыли", сами впадаютъ въ ошибку, считая правильнымъ, будто конкуренція вызываетъ паденіе прибыли, будто паденіе прибыли есть результатъ конкуренціи. Конкуренція есть только орудіе, при помощи котораго обнаруживается дѣйствіе наличныхъ экономическихъ силъ. Уравновѣсившіяся условія конкуренціи, также какъ и равенство спроса и предложенія товаровъ, во всякій данный моментъ ничего ровно не объясняютъ. За этимъ установившимся равновѣсіемъ можетъ скрываться не равенство, а дифференціація доходовъ, не эквивалентность въ размѣнѣ товаровъ, а грубѣйшія отклоненія отъ нея. Уже изъ одного того факта, что въ одну и туже историческую эпоху возможна норма процента въ 3,4 и 5 % и т. п. ясно, что существуютъ силы, которыя уравновѣшиваются въ разныхъ условіяхъ. Очевидно, значеніе этихъ силъ и направленіе въ ихъ дѣйствіи не затрагивается непосредственно внѣшними формами, въ которыхъ ихъ дѣйствіе обнаруживается.

Но для всякаго понятно, что для того, чтобы обнаружить дѣйствіе и значеніе этихъ силъ, невозможно смотрѣть на нихъ лишь въ состояніи устойчиваго равновѣсія. Силы эти не лежатъ, какъ грузы на чашкѣ вѣсовъ въ моменты равновѣсія, у насъ нѣтъ вѣсовой шкалы, мы можемъ опредѣлить значеніе этихъ силъ въ моменты обнаруженія наибольшаго дѣйствія то той, то другой изъ этихъ силъ т. е. въ моменты именно неустойчиваго равновѣсія.

Энгельсъ признаетъ, что въ проблемѣ выработки пропорцій обмѣна люди шли путемъ труднаго, безсознательнаго, совершавшагося ощушью процесса, причемъ люди всему научались путемъ горькаго опыта... Да, это такъ и не трудно показать, какое значеніе имѣли отмѣченныя нами силы именно благодаря своей постоянной неустойчивости.

Теорія Маркса говоритъ намъ: при взятомъ сочетаніи капиталовъ, какъ это указано ниже, нормы прибыли будутъ различны:

40 пост. кап. + 60 пер., норма приб. цѣн. 100 %, нор. пр. $\frac{60}{100}$

60 „ + 40 „ 100 %, „ $\frac{40}{100}$

Видоизмѣнимъ нѣсколько этотъ примѣръ и допустимъ, что новыя сочетанія капиталовъ по составу производятъ въ разныхъ промыслахъ разное количество продукта и онъ обходится по цѣнѣ уравненныхъ прибылей въ одинаковую сумму 150 рублей. Мѣновыя отношенія этихъ продуктовъ остаются неизмѣнными въ обоихъ случаяхъ. Цѣна затратъ таже; спрашивается, какая сила можетъ понизить ихъ цѣнность по отношенію къ той покупательной силѣ, которая была 150 рублей и осталась неизмѣнной по своей цѣнности вслѣдствіе незыблемости условій ея производства. Если новыя 150 и 300 продуктовъ по прежнему будутъ продаваться за 150 рублей, то никакого

40 п. к + 60 пер. к. 100 прод. ц. 150 р. 150 пр. — 50 пер. + 50 п.; нор. пр. 50 %
60 „ + 40 „ 200 „ 300 „ — 40 „ + 60 „ „ 50 „

Отношеніе мѣновыхъ цѣнностей въ продуктахъ:

1 : 2.

Цѣна 150 и 300 продуктовъ . . 150 р.
Норма прибыли . . . . . 50 %.

паденія нормы прибыли не произойдетъ. Цѣна всей массы этихъ продуктовъ должна упасть; только тогда обнаружится этотъ результатъ, а это можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если произведенное количество продукта по отношенію къ неизмѣнной покупательной силѣ окажется чрезмѣрнымъ и если будетъ на лицо сила, которая будетъ расширять производительность, жертвуя отчасти своимъ интересомъ. Для всякаго очевидно, что должны возникнуть, слѣдовательно, „количественныя пертурбаціи“ ранѣе установившихся пропорцій обмѣна подъ дѣйствіемъ накопленія прибыли и капитала, которое побуждаетъ расширять производительную дѣятельность.

Само собою разумѣется, что и эти „количественныя пертурбаціи“ являются только внѣшнимъ выраженіемъ дѣйствующихъ силъ, а не ими самими. Странно было бы внѣшній результатъ обнаруженія силъ считать силами. Это значило бы впадать въ ошибку тѣхъ статистиковъ, которые цифру массоваго наблюденія, обнаруживающую правильность теченія явленій, считаютъ за законъ ихъ теченія, а не за норму, которая только обнаруживаетъ дѣйствіе скрытыхъ силъ. Для всякаго ясно, что образовавшаяся количественная пертурбація въ условіяхъ промѣна или что тоже непропорціональность въ различныхъ отрасляхъ промышленности въ долгій срокъ должна была бы устраниться. Даже при полной пропорціональности въ производимыхъ продуктахъ съ увеличеніемъ массы продукта обезцѣненіе его могло бы сказаться. Снова установилось бы устойчивое равновѣсіе, но другого характера. Допустимъ, что производительность труда возрасла впятеро и установилась новая система равновѣсія при той же относительной мощи разныхъ общественныхъ классовъ; возрасла ли бы прибыль или она понизилась бы, гдѣ та сила въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ, которая могла бы склонить чашку вѣсовъ въ одну или другую сторону?

Эти силы уже нами указаны. Въ хозяйствѣ, гдѣ оцѣнка продукта совершается не столько чрезъ опредѣляющее воздѣйствіе индивидуальныхъ представленій о потребительномъ значеніи продукта, сколько чрезъ дифференціальный раздѣлъ его при посредствѣ регулирующаго воздѣйствія доходовъ, паденіе нормы прибыли является сложнымъ результатомъ трехъ основныхъ причинъ: 1) уменьшенія ренты рѣдкости, 2) уменьшенія ренты производительности и 3) уменьшенія ренты дифференціальнаго раздѣла[60]).

а) Законъ паденія прибыли является прежде всего результатомъ обезцѣненія массы продукта *благодаря тому процессу, при посредствѣ котораго совершается оцѣнка продуктовъ въ нашемъ хозяйствѣ.* Мы уже неоднократно говорили, что земля, трудъ и капиталъ содѣйствуютъ созданію продукта, необходимаго для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. По мѣрѣ умноженія массы этого продукта, подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, необходимое содержаніе работника, если условія соціальнаго раздѣла этому не противодѣйствуютъ, уменьшается, какъ доля продукта. Такимъ образомъ въ предѣлахъ хозяйствъ, будь то земледѣльческія или фабричныя, увели-

60) При теоретическомъ анализѣ мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ вліяніе государства и повышенія налоговъ, которымъ оно захватываетъ значительную долю прибавочнаго продукта.

чивается масса прибавочнаго продукта. Это обстоятельство ускоряетъ процессъ накопленія. Производство расширяется, усовершенствуется, масса продукта растетъ въ количествѣ. Другими словами, рѣдкость какъ капитала, такъ и продукта, уменьшается. Исчезновеніе рѣдкости въ предѣлѣ обозначаетъ собою полное отсутствіе какой нибудь цѣны. Если бы мы могли представить себѣ теоретически такое умноженіе производства, что продуктовъ всѣхъ видовъ и качествъ было бы столь же достаточно для всѣхъ, какъ и воздуха, наступилъ бы моментъ полнаго отсутствія борьбы за продуктъ. Онъ былъ бы доступенъ всѣмъ. Имъ пользовались бы, его потребляли бы, но цѣны въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ онъ не имѣлъ бы.

Въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ этотъ процессъ обезцѣненія протекаетъ при своеобразныхъ условіяхъ. Изъ среды экономистовъ-оптимистовъ неоднократно раздавались голоса, что должно наступить скорое совершенное исчезновеніе процента и прибыли на капиталъ, что возможно даже такое положеніе вещей, когда владѣльцы капитала будутъ сами платить опредѣленный процентъ за сохраненіе или за поддержаніе капитала! Такое воззрѣніе, однако, не болѣе, какъ утопія. Капиталъ въ борьбѣ за свое существованіе можетъ отказываться отъ части своихъ выгодъ, но допустить возможность полнаго самоуничтоженія мы не имѣемъ никакихъ основаній. Вся исторія показываетъ, что процессъ обезцѣненія массы произведеннаго трудомъ, капиталомъ и землей продукта не доходитъ никогда до нормы оплаты труда. Капиталъ, какъ производительная сила, пока онъ въ рукахъ собственниковъ, никогда не можетъ умножиться въ такихъ предѣлахъ, чтобы исчезла „рента рѣдкости“. Поэтому и процессъ образованія цѣнъ не можетъ допустить обезцѣненія массы продукта до уровня оплаты труда. Капиталъ только по ошибкѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ и спорадически, въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности доводитъ массу продукта до такого „безпредѣльнаго количества“. Вся его цѣль созданіе выгодной цѣны т. е. такой, которая совпадаетъ съ понятіемъ прибавочной цѣны. Онъ поэтому вѣчно заботится о такомъ движеніи капиталовъ въ производительной дѣятельности, при которомъ обезцѣненіе массы продукта не достигало бы той степени, чтобы исчезла эта прибавочная цѣна.

Для правильнаго пониманія проблемы прибыли, такимъ образомъ, вовсе не нужно представленія, что постоянный капиталъ создаетъ цѣнность. Онъ создаетъ только продуктъ. Но созданіе это совершается всегда въ такихъ количествахъ, что рента рѣдкости не исчезаетъ. Собственное потребленіе капиталистовъ, необычайное увели-

ченіе роскоши вовсе не потому задерживаетъ паденіе нормы прибыли, что въ этихъ отрасляхъ промышленности, какъ думаетъ Марксъ, употребляется болѣе живого труда, а потому, что расширеніе поля употребленія капитала увеличиваетъ рѣдкость капитала. Девизомъ капиталистическаго хозяйства, поэтому, является не только накопляйте, но потребляйте, потребляйте, старайтесь увеличить этимъ ренту рѣдкости [61]).

Капиталистическая эксплуатація, поэтому, совершенно неотдѣлима ни отъ капиталистическаго потребленія, ни отъ капиталистическихъ способовъ умноженія продукта.

Рента рѣдкости есть сложный результатъ трехъ основныхъ факторовъ: во первыхъ, соціальнаго господства, которое даетъ возможность захватывать прибавочную цѣну и употреблять ее по своему усмотрѣнію, въ предѣлѣ даже допуская умышленное уничтоженіе продукта, во вторыхъ, неизбѣжный чисто экономическій результатъ необходимости оставлять часть продукта внѣ траты его на вознагражденіе работника, такъ какъ иначе невозможно и самое расширеніе производства. Капитализація возможна только чрезъ несоотвѣтствіе продажной цѣны съ цѣною содержанія рабочихъ; и въ третьихъ, прямой результатъ потребленія капиталистовъ, которое создаетъ вѣчно возрастающія потребности или вознаграждаетъ по повышенной дифференціальной нормѣ тѣ отрасли промышленности, куда надо направить новый потокъ рѣдкихъ силъ или могущественнѣйшихъ сочетаній капиталовъ. Тамъ, гдѣ эта рента рѣдкости падаетъ, понижается прибыль [62]).

2. Вторая причина паденія нормы прибыли заключается въ уменьшеніи ренты производительности. Анализируя законъ ренты, мы старались доказать, что въ нашемъ народномъ хозяйствѣ цѣна продукта никогда не опредѣляется предѣльной производительностью, какъ училъ Рикардо, ни производительностью высшаго размѣра. Борьба экономическихъ силъ, которая создаетъ такое положеніе, совершается опять таки чрезъ воздѣйствіе неравныхъ доходовъ, чрезъ раздѣлъ прибавочнаго продукта на особыхъ дифференціальныхъ началахъ. Мы не имѣемъ никакого права теоретически устанавливать, какъ мы старались доказать, и доктрину тенденціи доходовъ къ равенству. Эквализація доходовъ, какъ мы старались доказать, есть не болѣе какъ двусторонній

61) ср. выше стр. 189 и слѣд., стр. 305—310, стр. 158, 195.

62) Воздѣйствіе процента, какъ ренты рѣдкости непроизводительнаго капитала, мы проанализируемъ въ слѣдующемъ параграфѣ.

процессъ дифференціаціи доходовъ, который, во первыхъ, болѣе производительнымъ сочетаніямъ капиталовъ сохраняетъ нѣкоторую ренту производительности, а при наличности таковой, во вторыхъ, вполнѣ объяснима и дифференціація другого рода: дифференціація соціальнаго раздѣла, которая даетъ возможность собственникамъ орудій производства отвоевывать себѣ при извѣстныхъ условіяхъ чрезъ процессъ образованія цѣнъ относительно бо̀льшую долю продукта и оплачивать затѣмъ по повышенной нормѣ тѣ отрасли промышленности, которыя работаютъ и создаютъ „виды богадства“ для наслажденія экономически сильнѣйшихъ.

Въ одной изъ моихъ статей: „Трудовая цѣнность и дифференціальная прибыль“ (Народное Хозяйство, 1900 г.)[63]) я попытался въ рядѣ таблицъ показать, что въ такихъ нашихъ предположеніяхъ не можетъ быть чего либо несоотвѣтствующаго дѣйствительности. Напротивъ, всѣ разсужденія Маркса объ органическомъ сочетаніи капиталовъ, какъ мы видѣли, доказываютъ только то, что производительность разныхъ видовъ капитала различна, что маштабомъ для измѣренія этой производительности должно взять прибавочный продуктъ и прибавочную цѣну; тогда безъ всякой фикціи трудовой цѣнности мы отлично объяснимъ весь сложный процессъ образованія цѣнъ.

Основная ошибка Маркса тогда окончательно исчезнетъ. Онъ полагалъ, что возможно и должно объяснять процессъ образованія прибылей *внѣ обмѣна*. Если бы онъ болѣе оцѣнилъ универсальное значеніе различій въ производительности, этого вывода онъ не могъ бы сдѣлать. Тамъ, гдѣ существуютъ такія различія, а они существуютъ повсемѣстно и могутъ уменьшаться только въ извѣстныхъ предѣлахъ, обмѣнъ играетъ основную роль въ дѣлѣ раздѣла прибавочнаго продукта, и притомъ неравнаго. Если экономическій процессъ уравниваетъ эти различія, создается новая дифференціація прибылей, которая можетъ чувствоваться, какъ пониженіе нормы прибыли, но, какъ общее правило, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что рента производительности исчезаетъ въ нашемъ хозяйствѣ неизбѣжно.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что капиталъ средней физической производительность даетъ и среднюю прибыль; капиталъ высшей производительности — высшую, низшей — низшую. Отсюда ясно, что предположеніе классическихъ экономистовъ о тенденціи

---

63) Въ этой статьѣ я старался показать, что трудовая цѣнность классиковъ только методологическій пріемъ, *абстракція*, какъ я выразился ранѣе въ своемъ сочиненіи о „Деньгахъ“ (1895 г.).

прибыли къ равенству надо принимать съ осторожностью. Эта тенденція возможна только при полномъ равенствѣ въ производительности каждой единицы капитала. До тѣхъ поръ, пока эти различія существуютъ, прибыль можетъ быть только явленіемъ дифференціальнымъ. Различія же эти никогда не могутъ исчезнуть, пока остается въ силѣ процессъ капиталистическаго накопленія и пока онъ, къ выгодѣ капиталистовъ, совершается, несмотря на кажущуюся быстроту, столь относительно медленно, что и теперь еще во всѣхъ странахъ, на ряду съ высокопроизводительными сочетаніями капиталовъ для снабженія рынка, работаетъ масса малопроизводительныхъ капиталовъ и по своимъ размѣрамъ, и по технической формѣ. Капиталы низшей производительности, получая меньшую сравнительно прибыль, стараются выжимать всѣ соки изъ своихъ рабочихъ, но все же живутъ. Если дифференціальныя различія между прибылями становятся слишкомъ велики, процессъ капиталистическаго накопленія начинаетъ дѣйствовать быстро, обнаруживается усиленная концентрація капиталовъ; разрушеніе менѣе производительныхъ предпріятій идетъ усиленнымъ темпомъ. Съ нѣкоторымъ подъемомъ средней производительности капитала этотъ процессъ снова затихаетъ на время, и капиталисты начинаютъ предпочитать потреблять свою прибыль, не улучшая технически и капиталистически своего производства. Это ясно понимали и классики, когда говорили о дѣятельномъ стремленіи къ накопленію и о неизбѣжномъ существованіи минимума прибыли, безъ котораго капиталисты потеряли бы выгоду двигать далѣе экономическую машину. До нѣкоторой степени, слѣдовательно, отъ сознательной или безсознательной воли капиталистовъ, стремящихся къ своей выгодѣ, зависитъ и то, что не только трудъ, какъ мы сказали въ первомъ параграфѣ, является „ограниченнымъ для неограниченнаго“, но таковымъ становится и капиталъ.

Изученію третьей причины: условій дифференціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта подъ вліяніемъ классовой организаціи современнаго общества, мы намѣрены посвятить слѣдующій параграфъ въ связи съ анализомъ такъ называемаго непроизводительнаго капитала.

§ 4. Теорія преобладанія.

а) Мнѣ кажется, что въ своей литературной справкѣ я не безъ достаточныхъ основаній противопоставилъ ученіе о торговлѣ Шарля Фурье и Карла Маркса. Эти два ученія представляютъ замѣчательное противорѣчіе при единствѣ исторической точки зрѣнія. Для Фурье

современный порядокъ представляется господствомъ торговаго капитала. Для Маркса господство торговаго капитала дѣло прошлаго. Въ предшествовавшія стадіи развитія, по его мнѣнію, когда продажа по цѣнности не была общимъ правиломъ, когда была значительная масса „богатствъ, желавшихъ наслажденій", торговый капиталъ могъ присваивать себѣ значительную долю прибавочнаго продукта. Съ ростомъ капиталической системы положеніе мѣняется: торговый капиталъ становится въ подчиненное положеніе, норма прибыли его становится величиной данной въ зависимости отъ прибыли промышленнаго капитала, который обращается въ верховнаго организатора всей нашей промышленной системы, и, какъ мы уже видѣли въ предшествовавшемъ, какъ бы послѣдовательно самъ себя отрицаетъ; а именно постепенное расширеніе размѣровъ постояннаго капитала, его количественнаго и качественнаго преобладанія, понижаетъ норму прибыли и „условія распредѣленія оказываются такимъ образомъ существенно тождественными съ условіями производства, представляютъ только ихъ обратную сторону, такъ что тѣ и другія обладаютъ тѣмъ же исторически преходящимъ характеромъ" [64]).

Вопросъ о господствѣ или преобладаніи, однако, вовсе не такъ простъ, какъ это представляется по первому впечатлѣнію. Не такъ ясно можетъ быть начертана и та связь, которая существуетъ между условіями производства и распредѣленія. Не слѣдуетъ думать, что точка зрѣнія Фурье исчезла въ литературныхъ спорахъ и что анализъ условій распредѣленія и обмѣна въ ихъ вліяніи на производство представляетъ одинъ изъ разработанныхъ отдѣловъ экономіи. Только безпримѣрное господство надъ умами системы Маркса могло на нѣкоторое время, въ особенности у насъ, снять эти вопросы съ очереди.

Громадное вліяніе всѣхъ ученій Маркса еще лишній разъ подтверждаетъ справедливость французской поговорки: „il ne suffit pas d'être grand homme, il faut venir à propos". Марксъ жилъ и дѣйствовалъ въ ту эпоху, когда великій промышленный переворотъ, пережитый Европой въ 19-мъ вѣкѣ, могущественно видоизмѣнялъ всѣ устои европейской цивилизаціи. Въ эту эпоху, при необыкновенномъ ростѣ промышленнаго капитала, при значительномъ освѣженіи всей политической и соціальной атмосферы съ ростомъ культуры и просвѣщенія, рѣзче чѣмъ когда либо сказалось вѣчное противорѣчіе между представителями труда и капитала, орудій производства.

64) см. Marx, т. III, гл. 51-я, стр. 415, р. пер. стр. 728.

Благородный защитникъ пролетаріата и былъ, главнымъ образомъ, аналитикомъ отношеній между классами, возникавшими въ производительномъ процессѣ. Судьбѣ было угодно, чтобы при жизни своей онъ не опубликовалъ окончанія своего труда. И къ лучшему для успѣха своей доктрины. Въ той формѣ, какъ она изложена въ первомъ томѣ, она болѣе всего удовлетворяла потребностямъ времени и сильно способствовала сплоченію сторонниковъ пролетаріата во всемъ свѣтѣ.

Мы уже видѣли, что теоретическое изученіе экономическихъ явленій въ первую очередь, если можно такъ выразиться, поставило вопросъ о значеніи производительнаго труда и капитала. Мы не разъ указывали, что экономическая доктрина безконечное число разъ повторяла, что работа производительнаго труда и капитала выражается въ созданіи разнокачественнаго продукта, въ организаціи матеріальныхъ условій нашей цивилизаціи. Временно можно было игнорировать или придавать сравнительно малое значеніе тому обстоятельству, что работа этого труда и капитала совершается въ безконечно разнообразныхъ условіяхъ, которые получаютъ свое обнаруженіе въ явленіяхъ обмѣна и распредѣленія, что на ряду съ этимъ производительнымъ трудомъ и капиталомъ живетъ и дѣйствуетъ такъ называемый непроизводительный капиталъ, который имѣетъ также своеобразную исторически создавшуюся организацію, и что наличность этого непроизводительнаго капитала не является только результатомъ необходимаго процесса обращенія товара, но и исторически данныхъ условій распредѣленія. Другими словами, теоретическая экономія должна была впослѣдствіи ближе подойти къ анализу условій обмѣна и распредѣленія въ ихъ вліяніи на весь ходъ производительнаго процесса.

Я позволилъ бы себѣ дать нѣкоторую обобщающую формулу, которая можетъ, какъ мнѣ кажется, дать нѣкоторую возможность подвинуться въ рѣшеніи этихъ новыхъ и сложныхъ вопросовъ. Я предложилъ бы называть подъ *„непроизводительнымъ трудомъ* и *капиталомъ (вѣрнѣе непроизводящимъ), вполнѣ оставаясь на почвѣ ученій классической школы, тотъ трудъ и капиталъ, который не производитъ съ орудіями производства и продуктами, какъ частями вещества, никакихъ преобразованій, а служитъ, выполняя ту или другую общественную функцію, средствомъ для извлеченія дохода въ продуктѣ.* Этотъ сфинксъ непроизводительнаго капитала въ нашей сложной капиталистической системѣ всегда имѣется въ двухъ формахъ: въ видѣ многообразныхъ формъ капитала обращенія въ собственномъ смыслѣ этого слова и въ видѣ юридическихъ правъ на матеріальное богат-

ство — продукты и орудія производства, которыя служатъ основаніемъ для наслажденій и для выполненія разныхъ общественныхъ функцій безъ непосредственнаго участія въ производительномъ процессѣ.

Вещественная собственность можетъ при посредствѣ этого труда и капитала переходить изъ рукъ въ руки, можетъ пріобрѣтать въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время бо̀льшую или меньшую полезность и привлекательность; онъ можетъ быть необходимъ для сохраненія вещества и вообще для обезпеченія матеріальныхъ и соціальныхъ условій существованія, какъ общества, такъ и индивидовъ; онъ можетъ создавать всякіе бумажные и другіе знаки цѣнности, которые такъ или иначе регулируютъ отношенія между людьми и служатъ основаніемъ для пріобрѣтенія матеріальнаго богатства не только за счетъ свободнаго дохода, но и чрезъ раздѣлъ наличнаго капитала и имущества вообще; онъ можетъ воплощаться въ исторически создавшихся правахъ на доли общественнаго имущества и продукта.

Теоретически мы, слѣдовательно, можемъ выдѣлить этотъ трудъ и капиталъ, не затрагивая его общественнаго значенія, какъ такой, который не производитъ съ веществомъ и имуществомъ непосредственно никакихъ физическихъ перемѣнъ. Это капиталъ обращенія и возможности распоряженія матеріальными условіями нашей цивилизаціи [65]).

Съ этой точки зрѣнія нетрудно выдѣлить главнѣйшія формы этого непроизводительнаго труда и капитала, какъ ниже слѣдуетъ [66]):

1. Банковый, въ двухъ его видахъ: капиталъ денежнаго обращенія и капиталъ ссудный. Наиболѣе вредной его разновидностью является капиталъ ростовщическій.

2. Торговый капиталъ; денежный и товарный въ двухъ его формахъ: оптовый и розничный.

3. Спекулятивный капиталъ въ двухъ его основныхъ видахъ: во первыхъ, капиталъ, затрачиваемый теперь въ громадныхъ размѣрахъ только на организацію и первоначальное финансированіе предпріятій и затѣмъ тотчасъ по организаціи дѣла стремящійся уйдти изъ него съ передачей предпріятія въ другія руки, и во вторыхъ, собственно

---

65) Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, что въ процессѣ работы и въ жизненномъ ходѣ исторіи этотъ капиталъ не потребляется, какъ часть вещества, не исчезаетъ и не видоизмѣняется, какъ права.

66) Съ этими формами капитала связывается и жизнь разнообразныхъ видовъ труда. Въ нашей классификаціи мы можемъ предполагать виды этого труда само собой понятными для всякого.

спекулятивный капиталъ, затрачиваемый на абстрактную торговлю товарами, деньгами, бумажными цѣнностями и рентами во всѣхъ ихъ видахъ.

4. Страховой капиталъ во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ.

5. Капиталъ передвиженія факторовъ производства, продуктовъ, капитала и людей.

6. Капиталъ потребленія т. е. совокупность матеріальныхъ благъ и правъ на имущество и продукты, дающій возможность потреблять безъ непосредственнаго участія въ производительномъ процессѣ собственнымъ трудомъ.

7. Капиталъ, употребляемый на охрану промысловой дѣятельности, какъ въ предѣлахъ даннаго хозяйственнаго цѣлаго, такъ и внѣ его, и на развитіе или, чаще всего, на поддержаніе политическаго и соціальнаго порядка.

Уже одного этого чисто теоретическаго выдѣленія непроизводительнаго капитала достаточно, чтобы видѣть, что на анализѣ исключительно производительнаго капитала полная экономическая доктрина построена быть не можетъ. Представитель историко-этическаго направленія проф. Шмоллеръ, котораго врядъ ли кто рѣшится назвать плохимъ историкомъ, пишетъ: „время эксплуататорскаго преобладанія торговли прошло, но могущество и вліяніе торговаго сословія находится еще въ періодѣ роста. Крупныя ярмарки характерны для періода съ 1500 по 1800 г., крупныя биржи для времени съ 1800 по 1900 г. Вся частно — хозяйственная, спекулятивная сторона народнаго хозяйства зависитъ отъ торговли, находится въ рукахъ торговцевъ, зависитъ отъ организованной на началахъ раздѣленія труда торговли и отъ всѣхъ способовъ обращенія, которые въ наше время становились все сложнѣе. Торговля господствуетъ надъ промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, надъ значительнѣйшей частью хозяйственной дѣятельности — надъ распредѣлительными процессами“.

---

67) См. Шмоллеръ, Grundriss der Alg. Volkswirtschaftslehre, B. I, стр. 336. Само собою разумѣется, что въ современномъ промышленномъ европейскомъ обществѣ, вообще въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства, не можетъ быть такихъ колоссальныхъ прибылей, какъ въ былое время, но это нисколько не опредѣляетъ положенія торговаго капитала. Въ 16-мъ вѣкѣ испанцы въ сношеніяхъ съ Америкой пріобрѣтали прибыль въ 100—300 и даже 400 %. Голландско-остиндская компанія продавала пряности, пріобрѣтенныя у Молукковъ, въ Малаккѣ же съ 1000 % прибыли. Англійская Остиндская компанія въ первыя восемь своихъ экспедицій въ среднемъ выручала 171 %. Англійская Гудсонова компанія, согласно Рошеру, даже въ началѣ 18-го вѣка, продавала дикарямъ свой продукты съ 2000 % прибыли.

Если даже современный историкъ при анализѣ торговаго капитала близокъ къ точкѣ зрѣнія Фурье, то это показываетъ и заставляетъ думать, что вопросъ о „преобладаніи“ промышленнаго капитала еще требуетъ большихъ изслѣдованій. Безъ сомнѣнія, производство представляетъ первѣйшую общественную базу. Оно, конечно, важнѣе торговли и обращенія, но это элементарное установленіе факта еще не опредѣляетъ той доли, которую можетъ отвоевать себѣ и промышленному капиталу непроизводительный капиталъ во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ изъ прибавочнаго продукта и вообще богатства, обладаемаго обществомъ. Производство опредѣляетъ власть человѣка надъ природой, но мѣновая цѣнность, какъ мы старались доказать, которая является основой при распредѣлительныхъ процессахъ, является выраженіемъ не только господства человѣка надъ природой, но и стоитъ въ зависимости отъ общественныхъ отношеній [68]).

Эксплуатація странъ Востока и теперь предметъ страстныхъ желаній европейскаго міра и прибыль его въ сношеніяхъ съ Востокомъ не мала. См. также Van der Borght, Handel und Handelspolitik, стр. 130. Впрочемъ, какъ полагаетъ Зомбартъ, не слѣдуетъ думать, что торговая прибыль, какъ общее правило, была такъ колоссальна въ средніе вѣка и при переходѣ къ новому времени. На ряду съ исключительно высокими, рѣдко встрѣчавшимися прибылями преобладало значительное количество среднихъ, небольшихъ прибылей; см. Sombart, Der Moderne Kapitalismus, т. I, гл. 9 и прилож.

68) Исторія представляетъ собой постоянную группировку и столкновеніе великихъ общественныхъ интересовъ. Не забѣгая даже вглубь исторіи, оставаясь на почвѣ экономической исторіи Европы въ 19-мъ вѣкѣ, мы можемъ сразу натолкнуться на цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ комбинацій этихъ интересовъ. Въ концѣ прошлаго вѣка торговый капиталъ напр. Соединенныхъ Штатовъ является на всемъ протяженіи страны борцомъ за свободную торговлю, за дешевую цѣну фабрикатовъ; зарожденіе капиталистической системы мануфактуръ на сѣверѣ послѣ континентальныхъ войнъ обращаетъ часть его въ капиталъ промышленный и эта часть его борется въ союзѣ съ промышленнымъ капиталомъ за протекціонизмъ, за повышеніе цѣнъ на продукты обрабатывающей промышленности и за дешевизну хлѣба, но главнѣйшая масса торговаго капитала съ 1832 г. и вплоть до братоубійственной войны въ союзѣ съ южанами, представителями земледѣльческаго интереса, борется за свободу торговли продуктами обрабатывающей промышленности, за дешевизну этихъ продуктовъ и за хорошую цѣну на сырье: хлопокъ, табакъ, хлѣба. Въ Англіи тотъ же торговый капиталъ въ рѣшительномъ союзѣ съ промышленнымъ капиталомъ побѣждаетъ представителей аграрнаго интереса и провозглашаетъ свободу торговли. Въ Германіи торговый капиталъ послѣ 1848 г. идетъ въ союзѣ съ земледѣльческимъ востокомъ, политически возрождающимся подъ знаменемъ Пруссіи, во главѣ сторонниковъ свободной торговли, которая даетъ хорошую цѣну хлѣбу и увеличиваетъ импортъ фабрикатовъ. Во Франціи съ уста-

Теорія преобладанія имѣетъ свою долгую и поучительную исторію. Она выступаетъ въ трехъ главныхъ формахъ, но для нашихъ цѣлей необходимо остановиться нынѣ только на одной изъ нихъ.

Въ первой своей формѣ она выступаетъ, какъ теорія, которая стремится показать, какой изъ общественныхъ классовъ наиболѣе содѣйствуетъ созданію и развитію народнаго богатства и потому, *долженъ*, естественно, имѣть преобладающее значеніе въ общественной жизни. Первые меркантилисты поютъ гимнъ торговому капиталу. Ихъ продолжатели физіократы и классики, какъ мы видѣли, возвеличиваютъ капиталиста-производителя въ земледѣліи и фабрикаціи[69]). Физіократы утверждаютъ, что только земледѣлецъ-капиталистъ создаетъ чистый продуктъ, который даетъ движеніе всему ходу экономической машины. Смитъ, Рикардо и безконечное число ихъ продолжателей до настоящаго времени доказываютъ, что ни одинъ изъ производительныхъ общественныхъ классовъ не можетъ имѣть особой привеллегіи считать себя исключительнымъ творцомъ богатства. Богатство создается производительнымъ трудомъ съ помощью земли и капитала. Рикардо и его сторонники, какъ мы видѣли, остаются, однако, „физіократическими капиталистами“, такъ какъ предѣльная производительность земли служитъ для нихъ маштабомъ возможнаго вознагражденія труда и капитала. Въ концѣ концовъ, на почвѣ созданной Рикардо, создается ученіе объ общественно-необходимымъ трудѣ, какъ единомъ создателѣ цѣнности и о промышленномъ капиталѣ, какъ организаторѣ и владыкѣ всей хозяйственной системы, основанной на присвоеніи прибавочнаго продукта и прибавочной цѣнности.

Во второй формѣ ученіе о преобладаніи создается въ теоріи

новленіемъ режима Наполеона III-го торговый капиталъ въ союзѣ съ денежной аристократіей биржи ломаетъ прежде долго существовавшую солидарность протекціонистскихъ интересовъ земледѣлія и промышленности, влечетъ не только свою страну, но и Европу въ періодъ торговыхъ договоровъ.

Во второмъ томѣ нашего изслѣдованія мы будемъ имѣть дѣло съ самой исторіей группировки этихъ интересовъ. Теперь мы можемъ оставить ее въ сторонѣ. Намъ важно выяснить только теоретическія основы ученія о преобладаніи, тѣ главнѣйшія формы, которыя она имѣла, посколько онѣ важны для теоріи обмѣна.

69) Тюрго (см. Reflexions, § V) писалъ: „ce n'est pas ici une primauté d'honneur ou de dignité; elle est de nécessité physique ... Dans cette circulation qui, par l'échange réciproque des besoins, rend les hommes nécessaires les uns aux autres et forme le lien de la société, c'est donc le travail du laboureur qui donne le premier mouvement ... Le laboureur peut, absolument parlant, se passer du travail des autres ouvriers, mais aucun ouvrier ne peut travailler si le laboureur ne le fait vivre“.

распредѣленія. Теоретики ставятъ своей задачей изслѣдовать вопросъ, какой классъ и по какимъ экономическимъ основаніямъ преобладаетъ надъ другими т. е. имѣетъ возможность и, при данныхъ юридическихъ условіяхъ, право получать „наибольшую долю“ изъ всей массы прибавочнаго продукта, произведеннаго обществомъ.

Въ третьей формѣ теорія преобладанія является, какъ ученіе, которое стремится исторически объяснить причины классоваго господства. Эта теорія принимаетъ самыя разнообразныя экономическія и неэкономическія формы. Достаточно отмѣтить одну изъ самыхъ типическихъ формъ этой исторической теоріи, которая была создана Марксомъ и такъ рѣзко, опредѣленно сказалась въ спорѣ Энгельса противъ Дюринга. Съ точки зрѣнія этой послѣдней теоріи, которая получила наименованіе доктрины экономическаго матеріализма, „теорія равенства“ есть все, что угодно, но только не „вѣчная истина“. Представленіе о равенствѣ представляетъ собою только историческій продуктъ, для подготовленія котораго были необходимы опредѣленныя историческія отношенія, которыя сами предполагаютъ за собой продолжительную предварительную исторію. Исторія представляетъ собою послѣдовательныя стадіи въ развитіи классоваго преобладанія и каждая форма этого преобладанія зависитъ отъ опредѣленной стадіи развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ и обмѣна, которыя заставляютъ людей вступать въ опредѣленныя, отъ ихъ воли независящія отношенія — производственныя отношенія. Путемъ противорѣчій производительныхъ силъ съ производственными отношеніями измѣняются и отношенія классоваго преобладанія. Энгельсъ жестоко смѣется надъ Дюрингомъ за его теорію политическаго преобладанія, а царство свободы и отсутствіе преобладанія для Энгельса наступаетъ тогда, когда люди поставятъ подъ свой сознательный контроль объективныя, чуждыя силы (т. е. производство и обмѣнъ), которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей.

Какъ я уже сказалъ, я могу оставить безъ разсмотрѣнія, какъ первую, такъ и послѣднюю форму этой теоріи. О первой изъ нихъ мы достаточно говорили на предшествовавшихъ страницахъ, стараясь опредѣлить роль труда въ созданіи прибавочнаго продукта и цѣнности. Въ заключительной главѣ мы отчасти еще разъ коснемся этого вопроса. Послѣдняя форма этой теоріи выходитъ изъ плана нашей работы, которая имѣетъ пока исключительно теоретическій характеръ и касается лишь анализа современныхъ условій капиталическаго хозяйства. Я изучаю не историческія причины классоваго господства, а условія обмѣна въ классовомъ обществѣ. Не скрою, однако, что

мнѣ представляется, что этотъ теоретическій анализъ можетъ бросить извѣстный свѣтъ и на самую теорію преобладанія въ ея исторической формѣ.

Теорія преобладанія во второй формѣ выразилась во внѣ въ ученіи о предѣльныхъ величинахъ доходовъ общественныхъ классовъ, а въ наше время въ теоріи предѣльной полезности, какъ ученіи о цѣнности. Пессимисты-объективисты ищутъ базы для обоснованія теоріи преобладанія въ теоріи предѣльной производительности, оптимисты-субъективисты, для которыхъ потребности владѣющихъ классовъ являются исходной точкой всѣхъ разсужденій, все сводятъ къ предѣльной полезности.

Теорія преобладанія въ этой формѣ или что тоже теорія предѣльныхъ величинъ дохода общественныхъ классовъ стара и зачатки ея мы найдемъ у многихъ писателей 18-го вѣка даже задолго до періода классическихъ экономистовъ.

Прежде всего эта теорія прилагается къ рабочему классу. Уже Тюрго[70]) опредѣленно высказывается, что классъ работниковъ находится въ такомъ подчиненномъ положеніи, что заработная плата даетъ лишь возможность сохранять его жизнь. Стьюартъ[71]) рѣшительно пишетъ: „при существованіи рабства люди были принуждены работать потому, что считались собственностью другихъ, теперь они принуждены работать потому, что являются рабами собственныхъ потребностей. Это *„рабство потребностей“* держитъ заработную плату на минимумѣ. У Смита, Рикардо и ихъ послѣдователей вырабатывается теорія необходимаго минимума заработной платы, которой Лассаль даетъ наименованіе „желѣзнаго закона“, въ которой цѣнность труда сводится къ издержкамъ воспроизводства работника. Тюрго еще колеблется въ ученіи о другихъ предѣльныхъ величинахъ дохода; иногда у него процентъ опредѣляетъ предѣлъ обработки земель, разныя виды дохода на капиталъ своеобразно дифференцируются.

Въ трудахъ Рикардо и его послѣдователей теорія предѣльныхъ величинъ дохода получаетъ свою наиболѣе законченную форму. Надъ подавленнымъ работникомъ стоитъ капиталистъ, но и надъ капиталистомъ стоитъ другой могущественный владыка: землевладѣлецъ. Заработная плата и прибыль въ системѣ соперничества неизбѣжно тяготѣютъ къ минимуму и землевладѣлецъ завладѣваетъ всѣми благами возрастающей культуры. Вездѣ, гдѣ производство зависитъ отъ естественныхъ дѣятелей, ограниченныхъ въ количествѣ

70) см. Reflexions, § VI.

71) см. J. Steuart, An Inquiry V, I, стр. 47.

и разнообразныхъ по производительной силѣ, подверженныхъ закону уменьшающейся производительности съ увеличеніемъ затратъ труда и капитала, гдѣ монополизирована вещь, даваемая природой и не требующая ни труда, ни издержекъ для своего существованія — тамъ возникаетъ естественная монополія, а съ нею и рента, которая захватываетъ все бо̀льшую долю общественнаго богатства [72]).

У Прудона ученіе Рикардо принимаетъ наиболѣе рѣзкую форму и онъ иллюстрируетъ его своимъ извѣстнымъ противоположеніемъ *монополіи — собственности* [73]).

Монополія, согласно Прудону, есть исключительное пользованіе данной вещью, монополія есть ничто иное, какъ самоопредѣленіе человѣка надъ самимъ собою: это диктаторіальное право, дарованное природой всякому производителю пользоваться своими способностями, какъ она желаетъ, давать движеніе своей мысли въ томъ направленіи, въ которомъ онъ желаетъ спекулировать, какъ и надъ чѣмъ онъ хочетъ всей суммой своихъ средствъ, суверенно распоряжаться орудіями, которыя онъ создаетъ и капиталами, собранными его сбереженіями для того предпріятія, рискъ котораго онъ предпочитаетъ взять на себя и подъ непремѣннымъ условіемъ пользоваться единолично плодами своихъ открытій и трудовъ. По его мнѣнію все дѣло не въ *устраненіи монополіи,* а въ *соглашеніи всѣхъ монополій".*

Совсѣмъ другое говоритъ онъ объ „основной" предѣльной величинѣ Рикардо. Рента, по его мнѣнію, есть процентъ платимый за капиталъ, *который никогда не погибаетъ* т. е. за землю. И такъ какъ этотъ капиталъ не подлежитъ *увеличенію* по своему матеріальному существу, а только *безконечному улучшенію,* какъ потребительная стоимость, то получается, что тогда какъ процентъ на капиталъ стремится постоянно уменьшиться отъ обилія капиталовъ, рента стремится увеличиться отъ усовершенствованія промышленности, отъ котораго проистекаютъ улучшенія въ пользованіи земли.

Одинъ изъ русскихъ писателей Н. Г. Чернышевскій [74]) довелъ точку зрѣнія Рикардо до ея послѣднихъ выводовъ, стараясь начертать основы системы такъ называемаго имъ „трехчленнаго дѣленія продукта". „Рента, пишетъ онъ, идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы т. е. къ низверженію трехчленнаго дѣленія продукта,

72) Senior, Political Economy, 105, Mill. Principles, кн. II, гл. 16-я.

73) см. Système des contradictions économiques, nouv. ed., t. I, p. 221, 229, t. II, p. 207.

74) см. Очерки изъ пол. экон., распредѣленіе, полн. изд., стр. 203—204.

къ замѣнѣ его формою устройства еще менѣе удовлетворительной; формою устройства, при которой и предприниматель и работникъ потеряли бы свою самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собою разумѣется, продолжаетъ онъ, что такая ретроградная тенденція отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности т. е. рента при трехчленномъ дѣленіи продукта идетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта т. е. ведетъ къ уменьшенію населенія, а при уменьшеніи населенія конечно *прекращается надобность воздѣлывать послѣдній изъ воздѣлывавшихся прежде сортовъ земли и отъ этого рента подрываетъ сама себя*".

Кто не знаетъ, сколько разъ эти ученія были использованы въ самой разнообразной формѣ. Тщетно первый послѣдовательный аграрій Мальтусъ пытался доказать, какъ увидимъ ниже, что землевладѣлецъ имѣетъ только „относительную монополію", онъ услышанъ не былъ. Изъ этихъ ученій Рикардо выросло ученіе о націонализаціи земли и ренты, теорія прибыли Лоріа, исходящаго изъ ученія о свободной землѣ и проч. И тѣмъ грознѣе становились эти ученія, чѣмъ болѣе давалъ себя знать законъ уменьшающейся производительности земли, чѣмъ болѣе разростались города, чѣмъ болѣе возставалъ предъ человѣчествомъ призракъ перенаселенія. Промышленный капиталъ долгое время гордо поднималъ голову въ борьбѣ съ земледѣліемъ, сражаясь якобы во имя всенародныхъ и всечеловѣческихъ интересовъ. Нашелся, однако, и соціалистическій защитникъ аграрнаго интереса.

Никто иной, какъ Родбертусъ въ 1868—9 г. писалъ:[75]) „капиталу предстоитъ блестящая будущность. Капиталы представляютъ парцеллы національнаго продукта, по сколько они служатъ для дальнѣйшаго производства. *Ихъ природа „подвижность"* . . . Какъ въ послѣднее время Рима не избирался ни одинъ консулъ, если онъ не шелъ предварительно нищенствовать предъ откупщиками государственныхъ земель, да, это именно послѣдніе подорвали и свели въ могилу государственное устройство Рима; такъ и современныя ассоціаціи капитала не менѣе ихъ будутъ пытаться подмазать нашу политическую машину собственнымъ масломъ, ибо, какъ учитъ Смитъ, деньги — сила. Про-

75) см. Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, т. II, введеніе, V, VII, X, XI, XIII стр.

тивъ соціальныхъ силъ имѣются только соціальныя же противосилы. Таковыми могутъ быть рабочіе союзы и ассосіаціи земледѣльцевъ. „Капиталъ и прибыль создали свое законодательство, но отъ этого только стало хуже землевладѣнію и рентѣ, точно также какъ труду и заработной платѣ. Трудъ и заработная плата не имѣютъ еще нужнаго имъ законодательства, а противоестественность государственнаго строя еще хуже, чѣмъ полное его отсутствіе. Нынѣ землевладѣніе и рента страдаютъ отъ законодательства, прямо противорѣчащаго ихъ природѣ". „Благодаря старому недовѣрію и новой борьбѣ честолюбій, пишетъ онъ далѣе, мы землевладѣльцы не имѣемъ единства и раздроблены. Намъ не хватаетъ единства матеріальнаго интереса, которымъ съ такой силой обладаетъ капиталъ. Намъ не достаетъ классоваго интереса, подъ знаменемъ котораго трудъ поднимается, какъ одинъ человѣкъ. Связанные ложнымъ законодательствомъ, мы лежимъ тяжко разбитые и, что всего хуже, мы еще сами вѣримъ въ ложные идолы этого законодательства". Аграріи нашего времени начинаютъ гордо поднимать голову во всѣхъ странахъ и теперь напр. въ Германіи уже раздаются даже крики о терроризмѣ аграрнаго интереса [76]). Совмѣстно съ капиталистами аграріи начинаютъ кричать о преобладаніи рабочаго сословія, о поглощеніи ренты и прибыли заработной платой, пользуясь при этомъ якобы уже общепринятой даже среди соціалистовъ истиной, что желѣзный законъ заработной платы для свободныхъ, сознательныхъ и организованныхъ рабочихъ оказался миѳомъ. . . .

Но и этого мало. Ученіе о преобладаніи начинаетъ по мѣрѣ роста нашей промышленной системы сказываться и еще въ одной своеобразной формѣ. Техническія изобрѣтенія, улучшенія путей сообщенія, ростъ крупной промышленности, провозглашеніе свободы промысла въ современной Европѣ вызвало къ жизни и появленіе могущественныхъ организацій торговаго и промышленнаго капитала въ акціонерной и синдикатной формѣ. Наряду съ этимъ совершался послѣ великихъ наполеоновскихъ войнъ и колоссальный ростъ потребностей и задолженности государствъ и общественныхъ учрежденій. Создалась своеобразная организація денежнаго и бумажнаго непроизводительнаго капитала, расцвѣла биржевая спекуляція во всѣхъ ея формахъ.

Хотя денежный процентъ втеченіе всего 19-го вѣка и обнаруживалъ, быть можетъ, нѣкоторую тенденцію къ пониженію, но это

76) см. характерную книгу извѣстнаго знатока денежнаго дѣла Карла Гельфериха: Handelspolitik (Leipzig, 1901 г.).

нисколько не мѣшало тому, что съ самаго начала вѣка и по настоящее время начинаются и становятся все сильнѣе вопли противъ торговаго, спекулятивнаго и вообще непроизводительнаго капитала. Его обвиняютъ въ томъ, что, при общемъ пониженіи свободныхъ доходовъ, онъ присваиваетъ слишкомъ большую долю прибавочнаго продукта, какъ у земледѣлія, такъ и у промышленности, и даже изъ государственныхъ доходовъ.

Представители аграрнаго интереса жалуются на тяжесть процента и на слишкомъ „продолжительное“ вымогательство заемнаго капитала, на искусственное образованіе цѣнъ спекуляціей, а въ послѣднее время въ особенности организація денежнаго обращенія была безконечной основой ихъ нареканій. Представители промышленнаго интереса недовольны вымогательствами кредита, указываютъ, что непроизводительный капиталъ беретъ слишкомъ много за организацію и финансированіе предпріятій, а игрой акціями на биржѣ потрясаетъ нерѣдко и солидныя предпріятія. Представители государственной власти въ своихъ поискахъ за займами вступили въ тѣсныя отношенія съ банкократіей, но и имъ приходится жаловаться на всемогущество „золотой интернаціоналки“ и бороться съ потрясеніями кредита, которыя создаются новой міровой силой — биржей.

Исторія непроизводительнаго капитала въ 19-мъ вѣкѣ еще не написана [77]), создавшаяся денежная аристократія еще ждетъ своего историка и аналитика. Я и не собираюсь на этихъ страницахъ давать даже частицу этой исторіи. Мнѣ важно отмѣтить только то обстоятельство, что наряду съ ростомъ нашей капиталистической системы нерасположеніе къ денежной аристократіи не уменьшалось, а все болѣе росло и на нее сыпалась масса обвиненій. Даже такой защитникъ биржи и непроизводительнаго капитала, какъ проф. Леруа-Болье [78]) откровенно признается, что денежная аристократія болѣе всякой другой порождаетъ революціонный духъ. Мечта Сэнъ-Симона [79]), что „банкиры“ организуютъ наше капиталистическое хозяйство, умерла

77) Лучшіе труды по этой темной исторіи принадлежатъ: a) Capefigue Histoires des grandes operations financières, 3 тома, Paris, 1855—1858. b) R. Ehrenberg. Die Fondspeculation und die Gesetzgebung, его же труды о Фуггерахъ; c) C. Jannet. Le capital, la speculation et la finance au XIX s. Paris, 1892. Этотъ трудъ, впрочемъ, весьма тенденціозенъ, написанъ съ „католической точки зрѣнія“ и мѣстами весьма поверхностенъ.

78) см. Анатоль Леруа-Болье. Власть денегъ, пер. Р. И. Сементковскаго Спб. 1900 г.

79) см. Exposition par Bazard, l. c., 7-me séance, стр. 184 и слѣд.

подъ ударами жизни съ той поры, какъ появились всякія „Credits Mobiliers“, поставившія своей задачей вмѣстѣ съ биржевой кликой основной девизъ:

Get money, still get money, boys,
No matter by what means!

Чрезвычайно характерно для представителей „высокой финансовой знати“ то обстоятельство, что, когда на конгрессѣ движимыхъ цѣнностей въ Парижѣ былъ поставленъ вопросъ о ея отношеніяхъ къ публикѣ, то обсужденіе его немедленно допущено не было. Въ наше время создалась даже специфическая литература морализирующихъ обвиненій или защиты этой „высокой финансовой знати“ (Haute Finance), этой торговой феодалки, какъ и предсказывалъ Фурье, а между тѣмъ теоретическій анализъ работы и значенія почти всѣхъ видовъ непроизводительнаго капитала почти не начатъ. Мнѣ удалось пересмотрѣть значительную долю этой литературы о непроизводительномъ капиталѣ. Непосредственные ученики Фурье, Консидеранъ и Туссенель, даютъ толчекъ этой литературѣ и она мало по малу становится все болѣе и болѣе обширной. Вотъ въ исторической послѣдовательности нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ трудовъ, которые заняты изслѣдованіемъ вліянія денежной аристократіи, ея связями съ политикой страны и ея чрезмѣрными посягательствами на долю прибавочнаго продукта [80]).

Я нарочно отмѣчаю труды этихъ восьми писателей и думаю, что наравнѣ съ указаннымъ выше трудомъ Леруа-Болье, ихъ произведенія слѣдуетъ назвать „специфической литературой“. Двѣ особенности этой литературы бросаются въ глаза даже при первомъ бѣгломъ просмотрѣ. Въ ней почти нѣтъ теоретическаго анализа фактовъ, но приводится множество случаевъ поразительной безчестности и грабежа. Это литература или слащаваго оправданія дѣйстви-

80) 1) W. Considerant. Destinée sociale, Paris 1835—44 г., 2) A. Toussenel. Histoire de la feodalité financière, 2 t. Paris, 1847, 3) Oscar Vallée. Les Manieurs d'Argent, Paris, 1858, 4) Deloume. Les Manieurs d'Argent à Rome, Paris, 5) Безконечный рядъ трудовъ г. *Auguste Chirac*: a) Les Mystères du Credit, Paris, 1876, b) La Haute Banque et les Révolutions, Paris, 1876, 2 изд. 1888, c) L'agiotage de 1870 à 1884, Paris, 1888, d) Les brigandages historiques (agiotage sous la troisième République) и тоже, новое изданіе e) Les Rois de la République, Histoire des Juiveries, Paris, 1888, 5) B. Malon. L'agiotage de 1715 à 1870, Paris 1885, 6) Rudolf Meyer. Der Capitalismus fin de siècle, Wien, 1894, 7) Alfred Offermann. Das fictive Capital, als die Ursache des niedrigen Arbeitslohnes, Wien, 1896 г. 9) Camillo Supino. La bursa e il capitale improduttivo, Milano, 1898 г.

тельности, въ родѣ работы Леруа-Болье, или страстный вопль противъ вымогательствъ и преобладанія денежнаго капитала, какъ у Ширака; заключительный аккордъ всѣхъ трудовъ этого своеобразнаго соціалиста всегда такой: „благотворительность, филантропія, достоинство — всѣ хорошія чувства убиты господствомъ финансовой знати. Трудъ подчиненъ, артистъ вассализированъ, писатель на содержаніи, промышленникъ ограбленъ, торговецъ задавленъ, народъ обобранъ. Униженіе, униженіе!“ [81]) Даже Леруа-Болье, хотя и утверждаетъ слащаво, что денежный вопросъ, какъ и вопросъ соціальный, въ сущности вопросъ морали, но предсказываетъ, что въ 20-мъ вѣкѣ во всѣхъ богатыхъ странахъ „движимая собственность будетъ преобладать надъ землей“ [82]).

Если вѣрить Шираку и его друзьямъ, то мы должны считать наше время эпохой преобладанія денежной аристократіи и непроизводительнаго капитала. Изъ перечисленныхъ писателей два: Супино и Оффермапъ попытались теоретически объяснить основанія этого преобладанія непроизводительнаго капитала и мы должны остановиться на изложеніи ихъ точки зрѣнія.

Книга Оффермана представляетъ собой изрядный томъ въ 235 страницъ и авторъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ любопытное явненіе. Онъ сторонникъ теоріи „предѣльной полезности“, даже, если хотите, человѣкъ склонный уважать дѣятельность Маркса и зачислять себя въ число защитниковъ пролетаріата. Онъ полагаетъ, однако, что мысль Маркса была направлена въ ложную сторону. Ученіе Маркса возбуждаетъ совершенно неосновательно ненависть пролетаріата къ производительному капиталу. Оффермапъ откровенно признается, что онъ ненавидитъ „непроизводительный капиталъ“ и его представителей. Этотъ капиталъ, по его мнѣнію, главный виновникъ низкаго уровня заработной платы. Все несчастіе современнаго промышленнаго общества заключается въ невѣроятномъ накопленіи „бумажныхъ цѣнностей“ и въ наличности всякаго рода операцій, которыя связаны съ ихъ существованіемъ.

Умноженіе реальнаго капитала, по его мнѣнію, связано съ неизбѣжнымъ явленіемъ: „увеличеніемъ производительности труда“. Это обстоятельство въ свою очередь вызываетъ: 1. умноженіе благъ, а, слѣдовательно, и пониженіе ихъ предѣльной полезности и цѣнности,

81) См. La Haute Banque, стр. 163.

82) l. c. стр. 51 и 59. Въ приложеніи мы даемъ не большую характеристику непроизводительнаго капитала и его размѣровъ.

2. увеличеніе капиталовъ т. е. пониженіе цѣнности постояннаго капитала и неизбѣжное повышеніе цѣнности рабочей силы и 3. реальное повышеніе заработной платы труда, этой основной производительной силы настоящаго, чрезъ пониженіе стоимости наличныхъ и будущихъ благъ.

При наличности бумажнаго богатства — цѣнныхъ бумагъ всякаго рода, увеличеніе капитала и дохода вовсе не заставляетъ капиталиста расширять производство и увеличивать производительность труда. Онъ помѣщаетъ свои избытки въ бумаги, спекулируетъ ими и это отражается на положеніи работника двоякимъ образомъ. Во первыхъ, всѣ сбереженія не направляются на производство и поле занятія труда не расширяется. Результатъ — пониженіе заработныхъ платъ и повышеніе цѣнностей благъ. Во вторыхъ, владѣльцы бумагъ и спекулянты, получающіе только незначительную часть своего дохода изъ увеличенія производства[83]), главнымъ же образомъ черпающіе свой доходъ изъ рентъ, закладныхъ листовъ, процентныхъ бумагъ, изъ спекуляціи на приростѣ ихъ курса, репортныхъ и ломбардныхъ сдѣлокъ являются вреднѣйшими потребителями народнаго богатства. Доходъ не стоитъ ни въ какой связи съ производствомъ, но даетъ имъ возможность увеличивать спросъ на продукты, а, слѣдовательно, повышать ихъ цѣнность безъ соотвѣтствующаго повышенія заработныхъ платъ[84]); а, кромѣ того, направляетъ производство на приготовленіе предметовъ, нужныхъ этому классу, а не работникамъ. Такимъ образомъ предѣльная полезность и цѣнность благъ увеличивается отъ сокращенія предложенія благъ и расширенія потребленія, отъ производства ненужныхъ работникамъ благъ и отъ естественнаго возрастанія предѣльной полезности оставшагося безъ увеличенія количества нужныхъ имъ благъ, отъ сокращенія размѣровъ производительнаго капитала. Авторъ предвидитъ одно существенное возраженіе. Могутъ сослаться на обнаруживающееся втеченіе этого

83) Какъ получатели отъ дивиденда желѣзныхъ дорогъ и промышленныхъ обществъ, замѣчаетъ авторъ.

84) Любопытно отмѣтить, что лица, склонныя болѣе стоять на сторонѣ защитниковъ промышленнаго капитала, жалуются при этомъ на слѣдующее. „Высокій биржевый курсъ бумагъ, говоритъ напр. Бахманъ (Effektenspekulation, Zürich, 1898, стр. 102) по общему правилу ведетъ къ повышеннымъ требованіямъ по части заработной платы. Во всякомъ случаѣ преходящее и неосновательное повышеніе цѣнностей, продаваемыхъ на срокъ (Terminwerthe), можетъ служить причиной для прочно установившихся и не обоснованныхъ притязаній на повышеніе заработной платы“.

вѣка пониженіе цѣнности благъ при возрастаніи фиктивнаго, непроизводительнаго капитала. Отрицать повышающее значеніе фиктивнаго капитала на этомъ основаніи нельзя: надо еще доказать, что пониженіе не было гораздо сильнѣе, если бы не было непроизводительнаго капитала. Этотъ-то капиталъ и создался для поддержанія эксплуататорскихъ тенденцій нашей экономической системы.

Другой авторъ, италіанецъ Супино, повторяя во многихъ отношеніяхъ аргументы Оффермана, полагаетъ, что непроизводительный капиталъ, хотя самъ и не создаетъ ничего, но получаетъ большій доходъ по четыремъ основаніямъ:

Во первыхъ, именно въ силу своей производительности, этотъ капиталъ создаетъ для своей дѣятельности особый барьеръ, который защищаетъ его отъ конкуренціи другихъ капиталовъ. Въ самомъ дѣлѣ, увеличеніе производительнаго капитала не можетъ, само по себѣ, понизить размѣръ процента, ибо увеличеніе такого капитала пропорціонально умножаетъ размѣръ прибыли на капиталъ; увеличеніе непроизводительнаго капитала неизбѣжно понижаетъ процентъ, ибо оно увеличиваетъ только размѣръ участниковъ въ прибыли, оставляя сумму ея безъ измѣненія. Поэтому, если два капитала получаютъ неравную прибыль и оба производительны, то тотъ, который получаетъ меньшую прибыль, можетъ оказать первому конкуренцію, передвинувшись въ его отрасль промышленности и, такимъ образомъ добиться уравненія прибыли; напротивъ, если капиталъ, получающій высшую прибыль, непроизводителенъ, то другой производительный капиталъ не можетъ обратиться въ первый, ибо онъ уменьшилъ бы общую массу прибыли и ту часть ея, которую онъ самъ надѣется получить.

Во вторыхъ, производительно затрачиваемый капиталъ возстанавливается изъ того богатства, которое онъ приноситъ кредитору. Непроизводительный капиталъ, не создавая никакого реальнаго продукта, не можетъ возстановиться. Поэтому, капиталистъ, дѣлающій ссуду такого рода, рискуетъ и требуетъ, пользуясь положеніемъ заемщика, бо̀льшій процентъ.

Въ третьихъ, заемщикъ, берущій капиталъ для непроизводительной спекуляціи, долженъ платить бо̀льшій процентъ и потому, что люди, обращаясь къ такимъ займамъ, дѣйствуютъ не на началахъ экономическаго принципа, а какъ бы въ отрицаніе его. Берущій ссуду для производительнаго потребленія знаетъ, напротивъ, что согласно экономическому принципу онъ не можетъ дать процента болѣе того, который можетъ выручить.

Въ четвертыхъ, слѣдуя за Лоріа, Супино полагаетъ, что ростъ производительнаго капитала имѣетъ „технической предѣлъ“. Его ростъ сопровождается неизбѣжно ростомъ капитала, идущаго на покупку труда. Если накопленіе капитала будетъ идти быстрѣе роста населенія, заработная плата возрастетъ, прибыли начнутъ сокращаться гораздо болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ тотъ, который соотвѣтствуетъ естественному закону, ограничивающему производство, и капиталистическій строй приблизится къ крушенію. Никакихъ техническихъ предѣловъ для роста непроизводительнаго капитала нѣтъ и возрастаніе его не сопровождается ростомъ фонда заработной платы. Эта послѣдняя, такимъ образомъ, не растетъ и ея ростъ не разрушаетъ капиталистической организаціи пониженіемъ прибыли и процента. Именно благодаря этому непроизводительный капиталъ биржъ принимаетъ все бо̀льшіе размѣры. Онъ является въ нашей экономической системѣ лучшимъ средствомъ „гарантировать“ капиталу прибыль. Когда же, вслѣдствіе неизбѣжнаго перехода къ худшимъ землямъ, прибыль понижается, то ростъ непроизводительнаго капитала становится не только средствомъ „гарантировать прибыль“, но и лучшимъ средствомъ обезпечить себѣ такой размѣръ дохода, который недостижимъ въ сферѣ производства [85]).

Изъ приведеннаго очерка читатель, надѣюсь, убѣдился, что теорія преобладанія разныхъ видовъ производительныхъ силъ и капиталовъ жива доселѣ въ экономической литературѣ. Невольно приходится поставить и посильно разрѣшить вопросъ, какое значеніе имѣетъ эта теорія и ея результатъ „теорія предѣльныхъ доходовъ“?

б) Если бы экономическая теорія при рѣшеніи вопроса о преобладаніи стремилась только уяснить, при какихъ условіяхъ и когда однѣ производительныя силы могутъ господствовать надъ другими, если бы

85) Позволю себѣ еще маленькую справку изъ нашего народническаго органа. Извѣстный авторъ исторіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи г. Головачевъ въ одной изъ своихъ статей (Мысли вслухъ, Отечественныя Записки, 1876 г., книга 6-я) яростно борется противъ биржевой игры, ссудъ подъ процентныя бумаги и противъ выигрышныхъ займовъ. Онъ старается доказать, что никакіе тарифы не привлекутъ къ намъ капиталовъ, пока будетъ процвѣтать биржевая игра и высказывается при этомъ такъ: „въ западныхъ государствахъ биржевая игра и ажіотажъ поглощаютъ громадное количество сбереженій народнаго труда и, если бы не эта язва новѣйшихъ обществъ, то неистощимыя средства такой страны, какъ Франція, предпріимчивый и практическій умъ населенія Англіи, давно дали бы возможность развязаться съ вопросомъ о пролетаріатѣ, который представляетъ собою печальное-наслѣдіе, полученное этими странами вслѣдствіе косности ихъ историческаго развитія въ теченіи предшествующихъ вѣковъ“. Счастливые Утописты!

она стремилась раскрыть, какими особенностями въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ отличается каждый изъ дѣйствующихъ въ народномъ хозяйствѣ капиталовъ и производительныхъ силъ, она была бы права и ея путь могъ бы быть очень плодотворенъ.

Всякому ясно, однако, что въ теоріяхъ Оффермана и Супино экономическая наука немного подвинулась впередъ. Въ нихъ, съ одной стороны, есть что то наивное, съ другой стороны ясно замѣтно, что они навѣяны скорѣе страстью и ненавистью, чѣмъ серьезнымъ воззрѣніемъ. Они, какъ мы видѣли, полагаютъ, что непроизводительный капиталъ въ нашей экономической системѣ служитъ средствомъ гарантировать прибыль капиталу вообще и задержать переходъ къ высшимъ формамъ экономическаго быта. Наивная увѣренность, что безъ наличности Биржи и спекуляціи мы могли бы давно разрѣшить соціальный вопросъ, врядъ ли можетъ казаться достойной даже обсужденія для всякого, кто привыкъ разсматривать явленія въ ихъ историческомъ происхожденіи и глубже проникать въ причины, двигающія нашимъ экономическимъ механизмомъ.

Тѣмъ не менѣе мы остановились на этихъ теоріяхъ не изъ простого литературнаго любопытства и не изъ желанія подчеркнуть ихъ очевидную наивность. Эти теоріи являются отголоскомъ той борьбы, которая съ конца восьмидесятыхъ годовъ повсемѣстно велась между аграріями и представителями движимаго капитала. Аграріи всѣхъ странъ, представители того земельнаго интереса, который по мнѣнію Рикардо и его продолжателей господствуетъ надъ всѣми, вопятъ, что спекуляція искусственно понижаетъ имъ цѣны, захватываетъ значительнѣйшую часть ренты и въ обузданіи Биржи, какъ мѣтко выражались одно дѣсятилѣтіе тому назадъ, они видѣли „тѣ малыя средства, при помощи которыхъ ожидали достигнуть великихъ цѣлей“. Невольно является вопросъ, нельзя ли теоретически показать, какъ можетъ непроизводительный капиталъ защищать свои интересы и не является ли теорія преобладанія земельнаго интереса въ той формѣ, какъ она формулирована у Рикардо столь же недоказательной, какъ и теоріи Оффермана и ему подобныхъ?

Что тотъ путь, по которому шли Оффермань и Супино, ненадеженъ, лучше всего показываетъ курьезнѣйшее противорѣчіе въ ихъ доктринахъ.

Оффермань, главнымъ образомъ, напираетъ на потребительную силу непроизводительнаго капитала. Весь вредъ его онъ видитъ въ томъ, что этотъ капиталъ потребляетъ, не создавая и направляя производство къ отраслямъ промышленности несоотвѣтствующимъ потребностямъ

массъ, къ роскоши и проч. Супино совершенно справедливо замѣчаетъ, что не слѣдуетъ придавать никакого значенія этому потребительному значенію непроизводительнаго капитала, такъ какъ существованіе этого вида капитала вовсе не создаетъ новой потребительной силы, а только переноситъ потребительную силу одного класса въ руки другого класса. Въ этомъ отношеніи теорія Оффермана близка къ воззрѣніямъ нашего г. В. В. Для поддержанія своей прибыли капиталъ долженъ-де создавать потребленіе, какъ простое расточеніе богатства, не останавливаясь даже передъ самопожертвованіемъ: передачей потребленія въ другія руки! Оффермань наивно негодуетъ противъ вредныхъ потребителей непроизводительнаго капитала, не замѣчая, что такихъ же вредныхъ потребителей производительнаго капитала гораздо болѣе по той простой причинѣ, что производительный капиталъ и его потребляемый доходъ не можетъ быть меньше потребляемаго дохода и капитала непроизводительнаго. Потребленіе, т. е. уничтоженіе части созданнаго богатства, имѣетъ совершенно одинаковое значеніе для всѣхъ видовъ доходовъ: „это ограничительный принципъ для роста богатства, производительныхъ силъ и накопленія“. Только то увеличеніе потребленія каждаго лица или даже класса, занятаго въ любой отрасли промышленности или исполняющаго любую общественную функцію, можетъ считаться не ограничительнымъ началомъ, которое съ повышеніемъ потребленія въ нѣкоторомъ размѣрѣ увеличиваетъ болѣе, чѣмъ пропорціонально общественную производительность даннаго лица или класса. Во всѣхъ другихъ случаяхъ потребленіе, кто бы его не совершалъ, ограничиваетъ наличный запасъ благъ, а, слѣдовательно, и заставляетъ цѣнить блага и производительныя силы въ мѣрѣ ихъ стоимости, даетъ возможность извлекать ренту „рѣдкости“.

Но и самъ Супино не замѣчаетъ, что разъ это такъ, то падаетъ и собственное его положеніе, что непроизводительный капиталъ не создаетъ „спроса на трудъ“. Существованіе двухъ видовъ капитала, производительнаго и непроизводительнаго, очевидно, вызываетъ только раздѣлъ продукта и прибавочнаго продукта, какъ доходовъ, а употребленіе этихъ доходовъ на производство или потребленіе, снова вызываетъ то или другое дѣйствіе на экономическій механизмъ. Утвержденіе Супино, что доходъ, нажитый непроизводительнымъ капиталомъ, неизбѣжно направляется на новую спекуляцію, если не потребляется, а отнюдь не на производство, было высказано еще Кене и ни теоретически, ни эмпирически съ безусловностью доказано быть не можетъ; столь же трудно доказать и то, что доходъ

производительнаго капитала не отчисляется при случаѣ въ значительныхъ размѣрахъ и на спекуляцію.

Такое же странное противорѣчіе мы видимъ и въ дальнѣйшемъ развитіи мыслей этихъ авторовъ. Оффермапъ не видитъ техническихъ предѣловъ для роста производительнаго капитала. Супино не видитъ техническихъ предѣловъ для роста непроизводительнаго капитала. Оффермапу представляется, что увеличеніе производительнаго капитала неизбѣжно понижаетъ цѣну продуктовъ, процентъ, Супино, напротивъ, полагаетъ, что увеличеніе производительнаго капитала, даже если и уменьшаетъ процентъ, но за то увеличиваетъ массу прибыли. Умноженіе непроизводительнаго капитала только понижаетъ процентъ, ибо увеличиваетъ количество участниковъ въ массѣ прибыли.

Ошибка обоихъ авторовъ бросается въ глаза и мы отчасти уже отвѣтили имъ, анализируя законъ паденія прибыли. Безъ всякаго сомнѣнія, если имѣются какіе либо техническіе предѣлы для роста капиталистической системы и накопленія, то эти предѣлы имѣются для обоихъ видовъ капитала. Утвержденіе относительно техническихъ предѣловъ для того или другого вида капитала также истинно и одновременно нелѣпо, какъ, извиняюсь за парадоксъ, утвержденіе, что нѣтъ техническихъ предѣловъ для размноженія рода человѣческаго.

Основною цѣлью капиталистической дѣятельности всякаго рода является, конечно, въ первую голову извлеченіе дохода; въ этомъ отношеніи до извѣстной степени вѣрно замѣчаніе проф. Зомбарта, что „цѣли всякаго капиталистическаго предпріятія абстрактны, а потому и безграничны“. Но отсюда не слѣдуетъ, что возможенъ безграничный ростъ производительнаго и непроизводительнаго капитала. Ростъ производительнаго капитала, какъ это ясно само собою, ограничивается, во первыхъ, потребительными нуждами общества и его классовъ, а во вторыхъ, самими техническими предѣлами возможности замѣны работы живаго труда мертвыми орудіями производства: безъ человѣки, вѣдь, капиталъ работать не можетъ и производство ведется только для удовлетворенія потребительныхъ нуждъ. Полученіе дохода, какъ мы не разъ уже указывали, только средство для послѣдующаго удовлетворенія цотребностей. Въ третьихъ, съ пониженіемъ ренты рѣдкости прибыль начнетъ обнаруживать тенденцію къ пониженію; паденіе дохода будетъ ограничивать капитализацію въ предѣлахъ, которыя теоретически выяснить мы не можемъ.

Предположеніе Супино о возможности безграничнаго роста непроизводительнаго капитала представляетъ собою доведеніе до аб-

сурда теоріи безконечнаго „самовозрастанія капитала“. Нельзя же не понимать, что ростъ непроизводительнаго капитала и его дохода, „въ конечномъ результатѣ“ долженъ будетъ привести чрезъ неизбѣжное потребленіе дохода этого капитала къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и ростъ производительнаго капитала съ его техническими предѣлами по Супино. Въ этой формѣ ученіе Супино представляетъ очевидную ошибку еще и потому, что техническій предѣлъ роста непроизводительнаго капитала даже при безконечномъ сохраненіи его внѣ потребительнаго процесса совершенно ясенъ: полное исчезновеніе производительнаго капитала и переходъ его въ непроизводительный было бы смертью для всякаго процесса производства и извлеченія дохода. Захватывая часть прибыли производительнаго капитала, расширяя свое потребленіе и увеличивая спросъ на трудъ, тѣмъ самимъ непроизводительный капиталъ существуетъ, очевидно, вовсе не для гарантированія прибыли. Въ этомъ отношеніи его дѣйствіе не отличается отъ вліянія потребленія вообще, а что онъ удачно борется за свое существованіе, этого я отрицать не стану и Супино поступилъ бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы болѣе внимательно изучилъ тѣ средства, которыя даютъ возможность отстаивать непроизводительному капиталу свою прибыль. Аргументы Супино и здѣсь крайне недостаточны, но разбирая ихъ мы подвинемся впередъ и въ общей оцѣнкѣ теоріи преобладанія.

Три соображенія заставляютъ Супино думать, что непроизводительный капиталъ получаетъ наивысшую изъ возможныхъ прибылей.

Первое соображеніе сводится къ тому, что въ силу своей непроизводительности этотъ видъ капитала защищенъ отъ конкуренціи производительнаго капитала. Это соображеніе болѣе хитроумно, чѣмъ правильно. Супино, во первыхъ, забываетъ, что чрезмѣрная прибыль непроизводительнаго капитала можетъ привлекать въ сферу его дѣятельности не непосредственно работающіе производительные капиталы, а тѣ новые капиталы, которые создаются за счетъ чистаго дохода производительнаго капитала. Увеличеніе соперничества въ сферѣ дѣятельности непроизводительнаго капитала, слѣдовательно, возможно и безъ всякаго уменьшенія общей массы капитала. Соображеніе Супино невѣрно, однако, и само по себѣ. Если возможно извлеченіе производительныхъ капиталовъ и перенесеніе ихъ въ сферу дѣятельности непроизводительнаго капитала, то такой переходъ отнюдь не можетъ быть задержанъ уменьшеніемъ массы прибыли. Соперничество усилится въ сферѣ дѣятельности непроизводительнаго капитала, онъ будетъ захватывать меньшую долю прибыли и такое по-

ложеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока прибыль въ сферѣ дѣятельности непроизводительнаго капитала не понизится насколько, что долженъ будетъ начаться обратный потокъ капиталовъ. Ясно, что соперничество между обоими этими видами капиталовъ возможно. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ того, что прибыль обоихъ капиталовъ должна быть абсолютно равна. Мы уже много разъ говорили, что что нѣкоторое различіе или дифференціація прибылей дѣло вполнѣ возможное и не противорѣчащее законамъ соперничества.

Два слѣдующихъ аргумента, приводимыхъ Супино, прежде всего показываютъ, что онъ неясно различаетъ всѣ виды непроизводительнаго капитала. Во всей своей книгѣ онъ имѣетъ дѣло только съ ростовщическимъ и спекулятивнымъ капиталомъ, оставляя въ сторонѣ всѣ другіе.

Относительно ростовщическаго капитала мы говорить не станемъ. Образованіе дохода этого вида капитала всецѣло покоится на соціальной и экономической власти имущаго надъ неимущимъ. Само собою разумѣется, что и до настоящаго времени этотъ видъ капитала не потерялъ своего значенія, но сравнительно съ прежнимъ временемъ сила его значительно ослабилась, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ капиталистическаго развитія. Нынѣ онъ выжимаетъ послѣдніе соки изъ пролетаризированныхъ до послѣдней степени массъ, и часто, кромѣ того, живетъ за счетъ разныхъ по экономическому обезпеченію классовъ, падающихъ въ экономической борьбѣ и постепенно вымирающихъ чрезъ поглощеніе ростовщическимъ капиталомъ не только ихъ дохода, но и имущества. Только эмпирическое изученіе условій этого соціальнаго и экономическаго преобладанія можетъ дать намъ картину дѣятельности и доходовъ этого вида капитала въ разныя эпохи капиталистическаго развитія[86]). Теорія здѣсь можетъ дать не много. Что касается до аргумента Супино, будто доходъ непроизводительнаго капитала выше потому, что рискъ его въ данномъ случаѣ выше, такъ какъ нѣтъ новаго созданнаго продукта, изъ котораго капиталъ могъ бы возстановиться, то онъ, очевидно, также не вполнѣ вѣренъ. Непроизводительный капиталъ легко можетъ возстановиться, поглотивъ имущество должника, что онъ очень часто и дѣлаетъ. Рисковая премія, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ остается не безъ вліянія.

Гораздо важнѣе тотъ аргументъ, который Супино дѣлаетъ про-

86) Любопытную картину изъ дѣятельности русскаго ростовщическаго капитала можно найдти напр. въ книгѣ покойнаго Р. Э. Циммермана (Р. Гвоздевъ) — Кулачество-ростовщичество, Спб. 1899 г.

тивъ спекулятивнаго капитала. Болѣе высокая прибыль этого капитала представляется ему результатомъ „антиэкономическихъ принциповъ“, на которыхъ онъ дѣйствуетъ.

Супино старается доказать свое положеніе, анализируя, главнымъ образомъ, спекуляцію фондами, другіе писатели доказываютъ тоже по отношенію къ товарной спекуляціи. Особенно сильны эти обвиненія при анализѣ всѣхъ видовъ такъ называемой „срочной торговли или срочной спекуляціи“. Безконечное количество изслѣдованій и оффиціальныхъ анкетъ, и въ частности послѣдняя биржевая комиссія въ Германіи, потратили множество труда, чтобы показать, что спекуляція и ея разновидность срочная торговля представляетъ необходимѣйшее экономическое звено въ нашей системѣ хозяйства. Отрицать экономическое значеніе капитала, работающаго въ этой сферѣ, несомнѣнно невозможно. Этотъ фондовый и товарный спекулятивный капиталъ исполняетъ цѣлый рядъ важныхъ и необходимыхъ функцій и умѣетъ пріобрѣсти въ качествѣ вознагражденія себя опредѣленный доходъ. Онъ дѣйствуетъ, слѣдовательно, вовсе не въ противорѣчіи съ экономическими принципами, а въ согласіи съ ними, и аргументъ Супино самъ по себѣ, какъ основанный на недоразумѣніи, не можетъ доказать повышенныхъ прибылей этого вида капитала, который къ тому же работаетъ въ условіяхъ наисильнѣйшаго соперничества. Супино сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы вмѣсто этого парадоксальнаго утвержденія, постарался изучить болѣе тщательно тѣ причины, которыя вызвали появленіе срочной спекуляціи и то значеніе, которое она имѣетъ для представителей непроизводительнаго капитала и производительнаго капитала.

Можно спорить, насколько можно судить „о причинахъ возникновенія спекуляціи“ по ея наличнымъ или предполагаемымъ „полезнымъ“ общественнымъ результатамъ [87]). Можно сомнѣваться, оказываетъ ли она правильное уравнительное вліяніе на движеніе цѣнъ, чрезъ опредѣленіе настоящихъ и будущихъ условій спроса и предложенія продуктовъ на организованныхъ рынкахъ почти въ міровомъ маштабѣ, можно не вполнѣ довѣрять утвержденію сторонниковъ спеку-

87) Исторію споровъ о значеніи спекуляціи для аграрныхъ интересовъ въ Германіи читатель можетъ найдти въ прекрасной книгѣ André Sayous Etude économique et juridique sur les Bourses Allemandes de Valeurs et de Commerce, Paris, 1898. Изучая эту книгу можно убѣдиться только въ томъ, что вопли аграріевъ о вымогательствахъ непроизводительнаго капитала были чрезмѣрно преувеличены; что же касается до размѣровъ дохода непроизводительнаго капитала, то вопросъ этотъ германской биржевой коммисіей изученъ совершенно не былъ

ляціи, будто при посредствѣ установленія для всѣхъ извѣстной высшей, низшей и средней цѣны она вполнѣ точно регулируетъ потребленіе и производство, но врядъ ли можно отрицать основной фактъ, признаваемый всѣми изслѣдователями спекуляціи. По выраженію одного изъ большихъ знатоковъ спекуляціи американца Эмери Биржа одно изъ самихъ капиталистическихъ учрежденій нашего общества и срочная торговля есть ничто иное, какъ особая форма общественной организаціи непроизводительнаго капитала, при помощи которой онъ стремится путемъ цѣлаго ряда пріемовъ за выполненіе своей функціи регулятора товарнаго и цѣнностнаго обращенія *обезпечить себѣ прибыль чрезъ застрахованіе своихъ рисковъ*. Постоянная количественная пертурбація пропорцій обмѣна, вѣчное колебательное положеніе рынка, хотя и въ ничтожныхъ сравнительно предѣлахъ, привлеченіе на центральный организованный, спекулятивный рынокъ большихъ массъ капитала самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія, организація ликвидаціонныхъ классъ и „системы марджинсъ“, организація всѣхъ условій установленія курса бумагъ, закупки и опредѣленія достоинствъ товара, все это показываетъ, что спекулятивный капиталъ съумѣлъ создать себѣ организацію, которая обезпечиваетъ ему возможностьи извлеченія дохода въ условіяхъ, которыя не могутъ насъ побудить признать сферу его дѣйствія „антиэкономическою“ [88]). О другихъ видахъ непроизводительнаго капитала мы можемъ сказать тоже еще съ большимъ правомъ.

88) см. въ особенности Pfleger. Börsenreform in D., глава 6-я, хозяйственная польза срочной торговли и H. Emery, Speculation on the Stock and Produce Exchanges in U. S. A., глава IV, стр. 96—171, въ особенности стр. 159 и слѣд.

Знаменитый мечтатель Фурье, какъ мы видѣли въ первой главѣ, негодовалъ, что современный порядокъ вещей предоставляетъ торговцамъ и спекулянтамъ полную свободу, не требуя отъ нихъ никакихъ гарантій въ честности, благоразуміи и платежной способности. Реальная жизнь сама нашла средства для устраненія вредныхъ сторонъ этой свободы, быть можетъ, отчасти и къ выгодѣ самаго торгующаго общества, и несомнѣнно во имя интересовъ самихъ торговцевъ и спекулянтовъ. Благоразуміе и честность въ спекулятивномъ мірѣ понятія особаго рода. О нихъ мы не станемъ говорить, но платежная способность дѣло слишкомъ важное, слишкомъ связанное съ интересами спекулятивной публики и она стала ловко заботиться о себѣ. Съ ростомъ и развитіемъ срочной торговли во всей Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ стали появляться такъ называемыя ликвидаціонныя кассы и вырабатываться особая система марджинъ или денежныхъ вкладовъ, обезпечивающая платежную способность спекулирующаго лица. Первая такая ликвидаціонная касса возникла въ Гаврѣ въ 1882 г. и система этихъ кассъ распространилась затѣмъ въ Бельгіи, Голландіи, Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Система марджинъ

Я не имѣю возможности останавливаться подробно на организаціи и способахъ дѣйствія непроизводительнаго спекулятивнаго капитала, но на анализѣ его исторіи, экономическихъ функцій и значенія можно было бы отлично доказать, что сущность нашего капиталистическаго хозяйства вовсе не заключается въ безграничномъ соперничествѣ абсолютно уравнивающемъ доходы, а и въ организаціи силъ, соотвѣтственно дифференцирующихъ доходъ и вознагражденіе [89]).

Предъ нами стоитъ еще болѣе важная теоретическая проблема: каковы тѣ доводы, путемъ которыхъ писателямъ-экономистамъ удалось укрѣпить въ умахъ мысль о неизбѣжномъ экономическомъ преобладаніи землевладѣльца надъ всѣми другими представителями капиталистическаго общества.

в) Физіократы были первыми, которые высказали мысль, что преобладаніе владѣльца земли дѣло „естественной необходимости". Онъ даетъ „первое движеніе" производительному механизму и, въ сущности, земледѣлецъ могъ бы обходиться безъ труда другихъ представителей промышленности. Въ этомъ положеніи не только скрывается два грубѣйшихъ обобщенія, но въ болѣе или менѣе замаскированной формѣ оно продолжаетъ служить основаніемъ для множества ложныхъ выводовъ.

Заслуга Родбертуса, которую рѣдко подчеркиваютъ, заключается въ томъ, что онъ постоянно повторялъ одну изъ важнѣйшихъ своихъ мыслей. Наиболѣе важная особенность раздѣленія труда, по его мнѣнію, состоитъ именно въ томъ, что во всѣхъ отрасляхъ производства работа идетъ одновременно. Въ то время какъ на самой низшей ступени постоянно изъ земли добывается матеріалъ, на послѣдующей — матеріалъ обращается въ полуфабрикатъ, на самой высшей постоянно заканчивается обработанное окончательно изготовленіе товаровъ. Сказать, что земля и земледѣлецъ даютъ первое движеніе

особенно процвѣтаетъ въ Америкѣ и Англіи. Экономическое значеніе всѣхъ этихъ учрежденій и разновидностей системы вкладовъ одинаково. Путемъ созданія особаго денежнаго фонда, въ рукахъ ли биржи или особаго акціонернаго общества — ликвидаціонной кассы — спекулянты обезпечиваютъ свое положеніе. При наличности такого взноса со стороны каждаго спекулирующаго лица участники этого оборота знаютъ, что во всякій данный моментъ имъ противостоятъ платежно-способныя лица, они освобождены отъ обязанности провѣрять каждый разъ эту платежно-способность и увѣрены, что въ теченіе того продолжительнаго сравнительно времени, на который совершаются срочныя сдѣлки, экономическое положеніе спекулирующаго лица даетъ гарантіи въ его платежно-способности.

89) см. небольшее приложеніе къ настоящей главѣ.

производству — это въ первую голову означаетъ только высказать банальную мысль, что земля является основой всего нашего существованія, какъ совокупность матеріи и силъ, которыя приводятся въ движеніе человѣкомъ для удовлетворенія своихъ потребностей.

Также невѣрно и второе утвержденіе, что земледѣлецъ могъ бы существовать безъ помощи другихъ представителей промышленности. Мы старались въ предшествовавшемъ изложеніи съ особой подробностью укрѣпить мысль, что „необходимое содержаніе“ работника, творца всего нашего богатства, неизбѣжно состоитъ изъ средствъ пропитанія и всѣхъ другихъ потребныхъ для жизни продуктовъ, смотря по состоянію культуры даннаго общества. Всѣ продукты, производимые человѣкомъ, для него одинаково нужны и для полученія ихъ онъ одинаково принужденъ пользоваться силами земли, своего капитала и труда. Мы старались также доказать, что существованіе всего трудящагося и нетрудящагося общества зависитъ отъ наличности продукта и прибавочнаго продукта, что наличность прибавочнаго продукта не представляетъ собою особую характеристику земли. Если необходимое содержаніе работника состоитъ изъ средствъ существованія и продуктовъ обрабатывающей промышленности, то мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній опредѣлять размѣръ прибавочнаго продукта производительностью одного земледѣльческаго труда. Прибавочный продуктъ создается, какъ въ земледѣліи, такъ и во всѣхъ видахъ фабрикаціи, и единственная возможность судить о его наличности связана съ опредѣленіемъ нормы необходимаго содержанія въ обоихъ видахъ продуктовъ.

Приписывать землѣ въ отличіе отъ капитала преобладающее значеніе въ производительной дѣятельности, а потому и въ смыслѣ возможности извлеченія дохода, на томъ основаніи, что земля, какъ естественный факторъ, не заимствуетъ своей производительной силы отъ дѣйствія труда это значитъ дѣлать старую и грубѣйшую ошибку. Капиталъ такой же продуктъ труда и земли, какъ и все, что создается нами изъ матеріи для удовлетворенія нашихъ потребностей. Созданіе капитала невозможно безъ содѣйствія все тѣхъ же и однѣхъ и тѣхъ же силъ природы. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права разсматривать землю, какъ производителя только одной пищи: она является общимъ источникомъ всѣхъ средствъ существованія и удовлетворенія потребностей и въ каждомъ атомѣ капитала есть частица продуктовъ земли, ея естественныхъ силъ и матеріи.

Вторая группа аргументовъ, при помощи которыхъ обыкновенно обосновывается теорія преобладанія земледѣльческаго класса, стоитъ

въ тѣсной связи съ исторіей разработки самой экономической теоріи въ извѣстныхъ условіяхъ соціальной среды.

Теоретики ясно сознавали, что два основныхъ общественныхъ дохода рента земли и прибыль, борьба за которыя велась такъ интенсивно въ началѣ 19-го вѣка, не могутъ быть изучаемы, какъ явленія вполнѣ совпадающія. Въ самомъ процессѣ образованія этихъ доходовъ бросались въ глаза крупныя различія; теорія не могла и теперь не можетъ оставить ихъ безъ вниманія.

Изученіе этихъ различій подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ извѣстной экономической обстановки неизбѣжно должно было привести и къ выводу, который ставилъ землевладѣльца въ положеніе преобладающее надъ всѣми другими классами общества. Теорія преобладанія принималась за нѣчто неизбѣжное и доказанное, тогда какъ ее еще надо было изучить въ разныхъ условіяхъ времени и общественной среды. Она выставлялась какъ нѣчто абсолютное, тогда какъ всѣ наши теоріи неизбѣжно имѣютъ только относительное, временное значеніе.

Великій реалистъ А. Смитъ [90]), быть можетъ, и не безъ вліянія тѣхъ жизненныхъ связей, въ которыхъ онъ стоялъ, не безъ

---

90) Земельные собственники (contry gentlemen!) и фермеры, какъ къ чести ихъ надо сказать, писалъ онъ, менѣе всего подвержены вредному духу монополіи. Крупный мануфактуристъ иногда приходитъ въ тревогу, когда въ разстояніи двадцати миль отъ него открывается другая такая же мануфактура. . . Землевладѣльцы и фермеры, напротивъ того, вообще скорѣе готовы содѣйствовать, чѣмъ противиться, воздѣлыванію и улучшенію сосѣднихъ фермъ и имѣній. Они не обладаютъ, какъ большинство мануфактуристовъ, секретами и скорѣе стремятся сообщить сосѣдямъ и возможно больше распространить какой нибудь новый пріемъ, который онн нашли выгоднымъ. . . Собственники и фермеры, разбросанные по различнымъ частямъ страны, не могутъ такъ легко образовывать союзы, какъ торговцы и мануфактуристы, которые сосредоточены въ городахъ и привыкли къ преобладающему среди нихъ исключительному корпоративному духу. Они, естественно, стремятся къ такимъ же исключительнымъ привиллегіямъ надъ всѣми гражданами, каковыя они имѣютъ въ своихъ городахъ. Они, вѣроятно, были первыми изобрѣтателями тѣхъ стѣсненій ввоза иностранныхъ произведеній, которыя обезпечиваютъ имъ монополію внутренняго рынка. Должно быть, въ подражаніе имъ и изъ стремленія поставить себя въ одно положеніе съ людьми, которые постоянно стремились къ ихъ угнетенію, земельные собственники и фермеры Великобританіи настолько забыли о благородствѣ, присущемъ ихъ состоянію, что стали требовать исключительной привиллегіи снабжать своихъ согражданъ хлѣбомъ и мясомъ. Они, быть можетъ, не имѣли время разсмотрѣть, до какой степени невыгодно имъ стѣснять свободу сравнительно съ тѣми, примѣру которыхъ они слѣдовали. Wealth of Nations, книга IV, гл. II-я.

сомнѣній относился къ теоріи преобладанія землевладѣльцевъ. Силу мануфактуристовъ онъ чувствовалъ. Послѣ побѣды Рикардо надъ аграріями и Мальтусомъ, какъ теоретикомъ, для теоріи преобладанія наступило время полнаго торжества.

Я далекъ отъ мысли впадать въ оптимизмъ Смита. Въ наше время, когда такъ хорошо извѣстна исторія крѣпостного права, когда на нашихъ глазахъ происходитъ новое возрожденіе аграрнаго протекціонизма, съ улыбкой можно читать цитату Смита изъ Катона, въ которой послѣдній утверждаетъ, что „земледѣліе самое миролюбивое, менѣе всего завистливое занятіе, что земледѣльцы всего менѣе склонны къ дурнымъ мыслямъ“ [91]). Но въ тоже время не могу раздѣлять и пессимизма Рикардовой школы. Дѣло вовсе не въ оптимизмѣ или пессимизма во взглядахъ на тотъ или иной общественный классъ, а въ изученіи реальныхъ условій, которые опредѣляютъ ихъ положеніе. Рикардіанскій аграрный пессимизмъ стремился найдти экономическія основанія этому преобладанію. Не трудно показать, какъ шатки были эти основанія и какъ необходимо при теоретическомъ анализѣ считаться съ реальными, историческими условіями окружающей, соціальной среды.

Для того, чтобы теорію земельной ренты свести къ теоріи преобладанія, Рикардіанцамъ постоянно приходилось прибѣгать къ утвержденіямъ, какъ это дѣлаетъ напр. Д. С. Милль, что „истины политической экономіи — истины только въ общихъ чертахъ“, и соединять свою аргументацію въ одинъ какъ бы хаосъ аргументовъ, не разбираясь въ относительномъ значеніи каждаго изъ нихъ. Такая неясность аргументаціи не давала возможности теоретически разрѣшить

91) Столь же неточны въ историческомъ и теоретическомъ отношеніи обратныя утвержденія Листа: „земледѣліе, пишетъ онъ, можетъ улучшаться, рента и цѣна земли возрастать только въ той мѣрѣ, въ какой процвѣтаютъ мануфактуры и торговля, а мануфактуры не могутъ развиваться, если *ограниченъ привозъ* сырыхъ матеріаловъ и средствъ продовольствія. Мануфактуристы чувствовали это повсемѣстно. Если землевладѣльцы во всѣхъ странахъ добились протекціонной защиты, то это объясняется двумя обстоятельствами. Во первыхъ, въ *представительныхъ* государствахъ ихъ вліяніе на законодательство господствующе и мануфактуристы не рѣшались противодѣйствовать ихъ нелѣпымъ притязаніямъ изъ боязни, что землевладѣльцы склонятся къ принципу свободной торговли. Они предпочли вступить съ землевладѣльцами въ компромисъ“. List. Das N. Syst., изд. 1883 г. гл. 20, стр. 215. Всякій хоть сколько нибудь знакомый съ исторіей протекціонизма въ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи и Соединенныхъ Штатахъ, безъ дальнѣйшихъ поясненій, замѣтитъ, какъ неточно обобщеніе Листа, какъ общая формула для всей исторіи протекціонизма.

вопросъ, земельная ли рента или прибыль капиталиста служатъ основой развитія капиталистическаго хозяйства.

Мы видѣли, что главнѣйшіе аргументы, на которыхъ Рикардіанцы базируютъ преобладающее значеніе землевладѣльцевъ, сводятся къ слѣдующимъ: земля капиталъ, который никогда не погибаетъ, не требуетъ ни труда, ни издержекъ для своего существованія, земля ограничена по своему пространственному протяженію и владѣльцы ея имѣютъ чисто естественную монополію, которая все сильнѣе возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ обнаруживается законъ уменьшающейся производительности почвы; хозяйственный принципъ даетъ возможность владѣльцу земли завладѣть всей *высшей* производительностью; земля является основою прибавочнаго продукта, только она даетъ всегда нѣчто свыше издержекъ, только въ ней сказывается законъ неравенствъ въ производительности.

Мы слишкомъ много уже говорили о томъ, что мы не имѣемъ никакихъ основаній считать землю единой основой прибавочнаго продукта, что не она одна съ соціально-экономической точки зрѣнія обнаруживаетъ различія въ производительности, что дѣйствіе хозяйственнаго принципа вовсе не даетъ намъ права утверждать, будто землевладѣлецъ всегда можетъ захватить наибольшую долю прибавочнаго продукта. Мы старались доказать, что всѣ доходы представляютъ собою величины дифференціальныя т. е. они зависятъ отъ такого процесса образованія цѣнъ, который всегда даетъ возможность получать для многихъ производительныхъ силъ нѣчто большее, свыше издержекъ. Работникъ получаетъ иногда нѣсколько больше, чѣмъ сколько нужно для его существованія, капиталъ возстанавливаетъ свое матеріальное существо и захватываетъ себѣ опредѣленную долю прибавочнаго продукта или цѣны, которая создается *прибавочнымъ трудомъ и постояннымъ капиталомъ*. Капиталъ и земля въ этомъ отношеніи, какъ показалъ нашъ анализъ, не представляютъ собою какихъ нибудь рѣзкихъ различій. Въ извѣстныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ каждая изъ этихъ производительныхъ силъ можетъ, кромѣ того, отвоевать себѣ дифференціальную долю прибавочнаго продукта.

Стоя на нашей точкѣ зрѣнія, легко понять, какъ по существу дѣла былъ неразрѣшимъ тотъ споръ, который былъ поднятъ еще Листомъ и продолжается въ наши дни, что болѣе содѣйствуетъ развитію народнаго хозяйства: разцвѣтъ ли земледѣлія или ростъ мануфактуръ?

Листъ, какъ извѣстно, энергично полемизируетъ противъ Смита.

Онъ утверждаетъ, что Смитъ объяснялъ ростъ ренты: размноженіемъ населенія, увеличеніемъ количества скота, улучшеніями въ земледѣльческой культурѣ и т. п. Это были, по его мнѣнію, прямыя вліянія. Развитіе же мануфактуръ только *косвенно* содѣйствуетъ увеличенію ренты. Листъ, напротивъ, настойчиво утверждаетъ, что мануфактуры являются главною и прямою причиной роста населенія, скота, улучшенныхъ орудій передвиженія и проч. Но вѣрно ли это утвержденіе?[92])

Исторія, какъ мы много разъ старались показать, представляетъ собою великую борьбу за прибавочный продуктъ. За этотъ продуктъ борятся націи, классы, группы ихъ и единичныя хозяйства. Только организаціей они достигаютъ относительной монополизаціи своихъ интересовъ; исторія даетъ намъ вѣчныя картины перевѣса однихъ организацій надъ другими и полнаго равновѣсія экономическихъ силъ исторія ищетъ, но идетъ къ нему чрезъ постоянныя нарушенія этого равновѣсія. Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, не совсѣмъ неправъ профессоръ Паттенъ, утверждающій, что, если общество приспосабливается такъ или иначе къ условіямъ окружающей среды, то всѣ доходы становятся какъ бы монопольными доходами. Движеніе экономическаго механизма въ классовомъ обществѣ дается наличностью прибавочнаго продукта, гдѣ бы онъ не создавался. Если въ земледѣліи создается большая масса этого прибавочнаго продукта — оно становится основой развитія мануфактуръ, если мануфактуры захватываютъ себѣ въ данныхъ условіяхъ общественной среды большую долю прибавочнаго продукта, они начинаютъ толкать впередъ развитіе земледѣльческой промышленности. Вся загадка объясненія экономической исторіи, слѣдовательно, сводится къ изученію условій созданія прибавочнаго продукта и способовъ его употребленія и по-

92) Историческая миссія промышленнаго протекціонизма, по Листу, захватить сначала долю ренты землевладѣльца, чтобы затѣмъ чрезъ развитіе обрабатывающей промышленности количественно умножить ренты, уменьшивъ ихъ квотативно. Въ менѣе развитой и менѣе населенной земледѣльческой странѣ напр. Польшѣ, пишетъ онъ, доля ренты составляетъ половину или треть валового дохода; въ болѣе развитой и населенной напр. Англіи она составляетъ четвертую или пятую часть. Въ тоже время количество этой меньшей доли или квоты значительно важнѣе, чѣмъ количество этой большей квоты, въ особенности въ деньгахъ и еще болѣе въ мануфактурныхъ товарахъ, ибо пятая часть 25 бушельнаго урожая въ Англіи составляетъ пять бушелей, третья часть 9 бушельнаго урожая Польши только 3, ибо далѣе эти пять бушелей въ Англи стоятъ 25—30 шил., въ Польшѣ они стоятъ только 8—9 ш., наконецъ, такъ какъ мануфактурные товары въ Англіи гораздо дошевле, чѣмъ въ Польшѣ, то, слѣдовательно, за свои 30 шил. денежной ренты англичанинъ покупаетъ 10 аршинъ матеріи, полякъ за свои 10 ш. ренты только 2 арш.

требленія. Не столько теоретическій, сколько историческій анализъ можетъ вскрыть намъ условія этого созданія и потребленія прибавочнаго продукта, вѣчно видоизмѣняющіяся въ разныя эпохи человѣческой жизни. Только тѣ экономическія силы оказываютъ прямое вліяніе на процессъ развитія экономической жизни, въ рукахъ которыхъ оказывается наибольшая масса прибавочнаго продукта.

Рикардіанцы думали, что они нашли экономическія основанія, которыя доказывали, что наибольшая масса прибавочнаго продукта всегда скопляется у владѣльцевъ земли и въ этомъ ихъ основная ошибка.

Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы могли отрицать существованіе всякихъ различій между землею и капиталомъ въ экономическомъ смыслѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія земля по пространству, по тѣмъ физическимъ свойствамъ, которыя ей присущи, по удобству расположенія къ центрамъ людскихъ поселеній, представляетъ собою величину ограниченную. Земля, или вообще природа, полагаетъ предѣлы расширенію нашей производительной дѣятельности. Владѣлецъ земли можетъ получать доходъ безъ всякаго труда, исключительно за право пользованія принадлежащей ему производительной силой. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что земля не требуетъ ни труда, ни издержекъ для своего экономическаго существованія т. е. для возможности давать прибавочный продуктъ, и владѣніе ею даетъ „естественную монополію“.

Оставимъ въ сторонѣ землю подъ жилыми строеніями, какъ источникъ пріобрѣтенія ренты, также какъ и тотъ капиталъ въ строеніяхъ, который на ней стоитъ. Насъ интересуетъ земля только, какъ производительная сила для созданія товаровъ, въ каковомъ качествѣ мы и должны сравнивать ее съ другой производительной силой: капиталомъ.

Какъ таковая, производительная сила земля требуетъ и труда, и издержекъ, возможность полученія прибавочнаго продукта немыслима безъ этого труда и издержекъ. Что землевладѣлецъ получаетъ свой доходъ безъ личнаго труда и издержекъ, это въ нашей сложной экономической системѣ не можетъ имѣть значенія, ибо и капиталъ можетъ давать доходъ безъ личнаго труда и издержекъ для поддержанія своего экономическаго существованія. Существуютъ для капитала и земли въ этомъ отношеніи какія то общія соціальныя условія, фактъ большей производительности сверхъ необходимаго существованія работника служитъ имъ общей почвой и основой. Пока существуетъ это условіе капиталъ можетъ погибать только спорадически: онъ можетъ быть возстановленъ скорѣе, чѣмъ разрушенныя естественныя

свойства земли[93]). Естественная монополія землевладѣльца обосновывается, очевидно, не на этомъ фактѣ, а на какомъ либо другомъ.

Простой фактъ ограниченности пространственнаго протяженія земли также не можетъ имѣть абсолютнаго значенія. Нѣтъ и не можетъ быть производительной силы, которая находилась бы при существующихъ условіяхъ экономическаго быта въ безграничномъ количествѣ. Трудъ и капиталъ также ограничены въ своемъ количествѣ сравнительно съ потребностями и самое представленіе объ ограниченности земли должно быть принимаемо съ осторожностью. Процессъ расширенія пространства обрабатываемыхъ земель, какъ это постоянно отмѣчаютъ Рикардо, Милль и ихъ послѣдователи, ограничивается соціальными условіями: или размѣрами необходимаго содержанія работника, или размѣрами содержанія работника и прибылями капиталиста, абсолютной рентой землевладѣльца. Условія естественной монополіи обусловливаются, слѣдовательно, самой возможностью наростанія этихъ пространственно ограниченныхъ единицъ земли и количественно и качественно ограниченныхъ количествъ капитала. Все дѣло, слѣдовательно, сводится къ условіямъ соціальнаго наростанія этихъ производительныхъ силъ, а развѣ процессъ наростанія капитала не зависитъ также отъ соціальныхъ условій?

Еще Родбертусъ, однако, справедливо утверждалъ, что, хотя количество земли находящейся въ обработкѣ и не увеличивается, но по мѣрѣ своего развитія раціональное сельское хозяйство дѣлаетъ изъ земли не только лучшее сельскохозяйственное орудіе, но и увеличиваетъ количество этихъ орудій — машинъ. „Естественно, пишетъ онъ, что мнѣ не приходитъ въ голову мысль настаивать на безконечномъ усовершенствованіи этихъ машинъ. Весьма возможно, что плодороднѣйшая почва, изъ обрабатываемыхъ въ настоящее время, не сдѣлается во столько же разъ плодородной, но еще возможнѣе, что вся неплодородная почва будетъ сдѣлана столь же плодородной, какъ теперь плодороднѣйшая, ибо необходимые сосуды, въ которыхъ можетъ содержаться богатый запасъ сельскохозяйственныхъ сырыхъ матеріаловъ, характеризующій плодородныя почвы, уже данъ и раціональное сельское хозяйство должно ихъ заполнить. Столѣтія, которыя

93) Возможность экономической гибели „капитала-земли“ (истощенія, разрушенія и т. п.) и „соціальнаго обезцѣненія“ (открытіе новыхъ пространствъ для культуры съ улучшеніемъ сообщеній, увеличеніе производительности на наличныхъ земляхъ, открытіе новыхъ способовъ производства полезныхъ продуктовъ питанія и для другихъ нуждъ химическимъ путемъ и проч.) нерѣдко также можетъ имѣть мѣсто.

должны для этого пройти, могутъ успокоить насъ относительно ужасовъ системы Рикардо. Но и здѣсь мнѣ мерещится исходъ. Вѣдь, дѣло идетъ о производствѣ средствъ пропитанія вообще, а не о тѣхъ или иныхъ средствахъ пропитанія. На одной и той же почвѣ новый плодъ можетъ дать безконечно большее количество средствъ пропитанія. Это доказываетъ картофель. Кромѣ того, также трудно доказать безграничное размноженіе рода человѣческаго, какъ и безконечную улучшаемость сельскохозяйственныхъ машинъ“ [94]). Современная экономическая доктрина убѣдилась въ томъ, что капиталъ въ состояніи расширять и улучшать сельскохозяйственную культуру въ громадной степени. Но мало того, она подмѣтила другой гораздо болѣе важный фактъ.

Она подмѣтила, что процессы наростанія капитала и этого увеличенія-усовершенствованія сельскохозяйственныхъ машинъ-почвъ далеко не совпадаютъ. Процессы наростанія идутъ зачастую разнымъ темпомъ и это зависитъ не столько отъ однихъ экономическихъ, сколько отъ соціальныхъ условій, въ которыя поставлено сельскохозяйственное и промышленное капиталистическое производство. Въ этихъ соціальныхъ условіяхъ и лежатъ главнѣйше тѣ условія раздѣла прибавочнаго продукта, анализъ которыхъ и долженъ стать предметомъ исторической политической экономіи.

Экономическая наука обособленно изучала законы ренты и прибыли, настаивая на томъ, что землевладѣлецъ имѣетъ „естественную монополію“, но позаботилась ли она о томъ, чтобы выяснить самое понятіе монополіи и правъ ли Прудонъ въ своемъ извѣстномъ противоположеніи монополіи — собственности?

Въ самомъ опредѣленіи понятія монополіи экономическая наука немного подвинулась впередъ. Еще Мальтусъ справедливо писалъ: „при всѣхъ дѣйствительныхъ монополіяхъ, естественныя ли они или искусственныя, спросъ совершенно чуждъ условіямъ производства и независимъ отъ нихъ, а потому и цѣна монопольныхъ продуктовъ не

---

94) см. Zur Beleuchtung der S. T., 3. Brief, 1890, стр. 278—9. Очень характерно, что теоретики изъ Америки подхватили этотъ старый аргументъ Родбертуса и считаютъ его какимъ то великимъ открытіемъ новой американской науки. Большая внимательность къ классикамъ спасла бы ихъ отъ преувеличенія своихъ заслугъ. Это замѣчаніе относится къ Кларку, сочиненіе котораго мы цитировали выше, и въ особенности къ его послѣдователю Джонсону, см. его Rent in modern Economic Theory, 1902 г., стр. 19—45. Я не отрицаю этимъ, что въ указанномъ сочиненіи много очень интересныхъ замѣчаній, которыми я отчасти и воспользовался.

имѣетъ другой границы, кромѣ той, которая опредѣляется числомъ покупателей, ихъ средствами и наклонностями“ [95]). Основной признакъ совершенно вѣрно выбранъ: процессъ образованія цѣны опредѣляется внѣ условій производства и соперничества. Большинство экономистовъ послѣ Мальтуса ясно понимали, что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ не опредѣляется внѣ зависимости отъ условій производства и соперничества. Мальтусъ назвалъ монополію землевладѣльца „частичной или относительной“. Д. С. Милль, хотя и сохранилъ за монополіей землевладѣльца названіе естественной, но призналъ, что цѣна опредѣляется въ условіяхъ соперничества, ибо, какъ онъ пишетъ: „землевладѣльцы по своей многочисленности не могутъ составлять коалиціи“. Для Милля монополія землевладѣльца — естественна такимъ образомъ, только потому, что онъ является владѣльцемъ или собственникомъ естественной силы природы. Это традиціонное ученіе о естественной монополіи переходитъ изъ учебника въ учебникъ и мало кто задумываетса надъ нимъ. Между тѣмъ самое подраздѣленіе монополій на естественныя и искусственныя является въ высокой степени натянутымъ и практически безполезнымъ.

Для всякаго ясно, что всѣ монополіи возможны только въ извѣстной экономической и общественной средѣ. Они являются созданіемъ хозяйствующаго общества. Основой ихъ является владѣніе какой либо необходимой для жизни даннаго общества силой. Всякое такое исключительное владѣніе является неизбѣжно монополіей, ибо нѣтъ такой силы, которая была бы безгранична въ количествѣ и качествѣ, какъ воздухъ и свѣтъ. Прудонъ совершенно неправъ, противополагая монополію капитала — собственности. Собственность одинаково распространяется на всѣ экономическія силы и подраздѣленіе это могло бы быть практически полезно только тогда, если бы не было силъ, которыя могли бы себя противопоставить, какъ противосилы, „естественной“ монополіи земли. Монополія заключается въ возможности захвата въ свою пользу чрезъ процессы образованія цѣнъ относительно бо̀льшей доли продукта или прибавочной цѣны. Сила монополіи зависитъ отъ размѣровъ этого захвата, какъ бы она не достигалась, подъ дѣйствіемъ ли владѣнія частицей природы или подъ давленіемъ той или иной организаціи тѣхъ или иныхъ условій владѣнія и распоряженія экономическими силами. Собственность обращаетъ всѣ монополіи, естественныя или искусственныя, въ одно цѣлое монополіи соціальнаго характера и не трудно доказать, что всѣ они,

95) см. l. c. Bodenrente, стр. 46.

какъ таковыя, относительны по своему характеру. Мы видѣли уже, что земля, какъ производительная сила, также какъ и капиталъ, имѣетъ свою ренту рѣдкости и производительности, весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, кто доминируетъ въ условіяхъ соціальнаго раздѣла ренты.

Мы сказали уже, что процессы наростанія капитала и сельскохозяйственныхъ машинъ-почвъ далеко не совпадаютъ. Чтобы понять, какая изъ экономическихъ силъ преобладаетъ одна надъ другой, недостаточно констатировать, что одна имѣетъ на своей сторонѣ естественныя преимущества ограниченности въ количествѣ этой силы, а другая подвижна и можетъ увеличиваться въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Надо проникнуть въ самую глубину организаціи хозяйства и посмотрѣть, не можетъ ли это „естественное преимущество“ быть совершенно или въ значительной мѣрѣ устранено „соціальными условіями организаціи хозяйства?“

Мы старались доказать въ предшествовавшемъ, что развитіе производительности труда является главнѣйшимъ закономъ въ нашихъ условіяхъ капиталистическаго хозяйства для всѣхъ отраслей промышленности. Соперничество дѣлаетъ это стремленіе неизбѣжнымъ. Если это вѣрно, то неизбѣжно приходится поставить вопросъ такъ: какія изъ отраслей промышленности въ нашемъ хозяйствѣ поставлены въ лучшія условія соперничества и можетъ ли въ нихъ землевладѣлецъ сохранить свою естественную монополію и довести человѣчество до полнаго уничтоженія монополіи капитала т. е. можетъ ли рента подорвать самую себя, какъ предполагалъ Чернышевскій. Предположеніе такое, конечно, невѣроятно. Экономическая наука можетъ гордиться тѣмъ, что, наблюдая за реальнымъ ходомъ развивающейся экономической жизни, она нынѣ ясно подмѣтила тѣ условія, которыя увеличиваютъ интенсивность соперничества и тѣ условія, когда наиболѣе всего возможна защита своихъ интересовъ чрезъ относительную ихъ монополизацію т. е. фактически къ установленію такого дифференціальнаго раздѣла продукта, при которомъ промышленность можетъ существовать, не опасаясь поглощенія своихъ интересовъ другими.

Мы знаемъ теперь, что интенсивность конкуренціи увеличивается: 1. по мѣрѣ умноженія количества конкурирующихъ предпріятій, 2. по мѣрѣ увеличенія капитала, приходящагося на каждое отдѣльное предпріятіе, 3. со всякимъ расширеніемъ качественно-количественной производительности труда въ продуктѣ, 4. по мѣрѣ умноженія размѣровъ прибавочнаго продукта въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности 5. въ зависимости отъ необходимости для удовлетворенія своихъ

потребностей помѣстить па рынкѣ свой продуктъ массоваго производства. Соперничество уменьшается, напротивъ: 1. по мѣрѣ уменьшенія количества конкурирующихъ предпріятій, 2. по мѣрѣ увеличенія размѣровъ организованнаго въ одно цѣлое капитала, какъ для производства, такъ и для сбыта товаровъ массоваго производства съ однохарактерными качествами товаровъ и издержками ихъ изготовленія, 3. по мѣрѣ роста и развитія новыхъ отраслей промышленности, удовлетворяющихъ какимъ нибудь спеціальнымъ потребностямъ, 4. по мѣрѣ соціально-политической организаціи интересовъ производителей для защиты своего положенія.

Бросивъ бѣглый взглядъ на положеніе землевладѣльца, мы тотчасъ поймемъ, что могутъ быть такія условія соціальной среды, гдѣ его „естественная монополія“ обратится въ фикцію.

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что положеніе землевладѣльца всегда имѣетъ болѣе или менѣе подчиненный характеръ. . Я хочу только доказать, что страшное ученіе о преобладаніи экономическихъ силъ одна надъ другою въ видѣ ли земли надъ капиталомъ, въ видѣ ли непроизводительнаго капитала надъ всѣми другими видами экономическихъ силъ теоретически безплодно внѣ реальнаго анализа данныхъ историческихъ условій. Дѣтски наивно доказывать, что землевладѣльцы только потому не могутъ всецѣло воспользоваться своей монополіей, что „они не могутъ составлять коалицій“, какъ это скромно замѣчаетъ Милль. Вся соціально-правовая атмосфера, условія рабочаго контракта и та или иная государственно-политическая конфигурація силъ могутъ дѣйствовать въ ихъ пользу съ гораздо большей силой даже внѣ всякой возможности составлять коалиціи.

Экономически и соціально политически мы можемъ бѣгло намѣтить слѣдующія особенности соціальнаго положенія землевладѣльца.

а) Самый характеръ земледѣльческихъ предпріятій, вырабатывающихъ ренту землевладѣльцу, по размѣрамъ, характеру и системѣ производства безконечно разнообразенъ. Отношенія между землевладѣльцемъ и реальнымъ воздѣлывателемъ земли также своеобразны и разнообразны, что обусловливаетъ собою особенности въ самомъ характерѣ овладѣнія большей или меньшей долею прибавочнаго продукта-ренты и въ условіяхъ отчужденія послѣдняго.

б) Тенденція къ окрупнѣнію предпріятій, хотя и замѣчается, но сравнительно въ слабой степени. Окрупнѣніе скорѣе совершается снизу въ видѣ увеличенія предпріятій среднихъ размѣровъ и то не какъ постоянная тенденція. Цѣлый рядъ изслѣдователей доказываетъ, что во многихъ странахъ затѣмъ вновь начинается и новое разложеніе

окрупнѣвшихъ предпріятій. Возможность веденія колоссальныхъ земледѣльческихъ предпріятій на союзныхъ акціонерныхъ или картельныхъ началахъ еще не замѣтна.

в) Земледѣльческія предпріятія разбросаны на громадныхъ пространствахъ; внѣшнія условія производства безконечно разнообразны и возможность соглашеній для ослабленія соперничества не устранена, но сильно затрудняется этимъ многоразличіемъ условій внѣшнихъ и разнообразіемъ соціально-политическихъ условій производителей.

г) Организація сбыта менѣе всего находится въ рукахъ землевладѣльцевъ и конкуренція земледѣльческихъ предпріятій не сконцентрировывается на одномъ рынкѣ, ведется не между сколько нибудь сконцентрированными предпріятіями и постоянно видоизмѣняется въ зависимости отъ урожаевъ и притокомъ капитала въ своихъ интересахъ расширяющаго качественно и количественно земледѣльческую культуру на протяженіи всего міра.

д) Внѣшняя соціально-политическая организація землевладѣльческихъ интересовъ въ началѣ и срединѣ этого вѣка была въ значительной мѣрѣ разбита восторжествовавшимъ капитализмомъ и только въ настоящее время замѣчается обратная тенденція. Результаты борьбы этихъ силъ въ разныхъ странахъ въ высокой степени многоразличны.

Мнѣ кажется, что достаточно и приведенныхъ соображеній, чтобы понять, что наукѣ давно пора выбросить теорію преобладанія какой нибудь одной экономической силы, основываясь только на чисто естественныхъ основаніяхъ ограниченности этой силы. Соціальныя условія экономическаго быта гораздо могущественнѣе чисто естественныхъ. Исторія создаетъ ту организацію общественныхъ силъ, которая никогда не даетъ возможности одной экономической силѣ преобладать окончательно надъ другой. Историческая борьба между городомъ и деревней [96]), весь современный протекціонизмъ, всѣ особенности пра-

96) Отголосокъ этого ученія о неизбѣжномъ преобладаніи земельной ренты сказался въ гипотезѣ Зомбарта, согласно которой большія состоянія буржуазіи, послужившія основой новаго капиталистическаго порядка и получившія господство въ нѣмецкихъ городахъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, возникли не изъ промышленно-купеческой дѣятельности, но изъ капитализаціи городскихъ земельныхъ рентъ. Блестящее опроверженіе этой гипотезы далъ, по моему мнѣнію, J. Striedter (см. его Zur Genesis des modernen Kapitalismus, Leipzig, 1904 г.). По его взгляду были всѣ условія для перевѣса накопленія на сторонѣ торговли и ремесла. „По моему мнѣнію, пишетъ онъ, современный капитализмъ развился въ теченіе долгаго, долгаго періода времени изъ соединенія стараго промышленнаго предпріятія (ремесла) и старой торговли (если хотите ремесленной торговли)“.

вового быта, нормирующія условія завладѣнія прибавочнымъ продуктомъ въ земледѣліи и фабрикаціи, все это ничто иное, какъ картины классовой борьбы за дифференціальный раздѣлъ прибавочнаго продукта, борьба экономическихъ силъ за преобладаніе въ той или иной степени.

Но если это такъ, то куда же должна направить движеніе нащего хозяйства реальная экономическая политика?

Мнѣ кажется не слѣдовало бы забывать и того, что земельная рента въ городахъ сложный результатъ раздѣла прибавочнаго продуктъ равно создаваемаго и земледѣліемъ, и фабрикаціей данной страны. Значительную долю этой ренты захватываетъ и капиталъ въ строеніяхъ.

Глава 6-я.

Экономическая политика и ея руководящее начало.

19-й вѣкъ представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ періодовъ человѣческой исторіи. Это вѣкъ колоссальнаго разцвѣта европейскихъ силъ и громадныхъ внутреннихъ противорѣчій. Человѣчество попыталось было въ эту эпоху приблизиться къ осуществленію либеральнаго плана свободы, равенства, соперничества и космополитизма, но вскорѣ же попятилось назадъ. Конечно, историческій процессъ движется не безслѣдно. Жизнь приняла совершенно новыя формы и два благопріятнѣйшихъ послѣдствія остались: повсемѣстно пало крѣпостное право, увлекая за собою главнѣйшіе устои аграрнаго феодализма, а восторжествовавшая буржуазія создала своеобразное политическое представительство интересовъ.

Въ международныхъ экономическихъ связяхъ въ этотъ вѣкъ произошли также громадныя видоизмѣненія. Въ этотъ вѣкъ съ большою интенсивностью создавалось то, что мы называемъ „міровымъ хозяйствомъ“, всесвѣтнымъ экономическимъ общеніемъ народовъ. Но и тутъ 19-й вѣкъ какъ бы испугался собственнаго дѣла и къ концу его обнаружилось рѣшительное стремленіе отдѣльныхъ европейскихъ государствъ превратиться въ „замкнутыя государства“ съ закрытыми дверями для другихъ ищущихъ общенія странъ.

По характеру международнаго экономическаго общенія народовъ мы можемъ подраздѣлить 19-й вѣкъ на три основныхъ эпохи.

Въ концѣ 18-го вѣка, приблизительно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ его, въ Европѣ обнаруживалось замѣтное стремленіе отказаться отъ старой меркантильной политики. Но это освободительное направленіе, сказавшееся въ особенности на тарифахъ

Англіи и Франціи, продолжалось недолго. Послѣ долгаго періода кровавыхъ войнъ съ 1793—1815 г. Англія, Франція, а за ними и всѣ другія европейскія государства, снова замкнулись въ самихъ себя и съ 1815 г. и почти до сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка они огородились таможенными преградами съ такими тарифными ставками, съ такимъ множествомъ и разнообразіемъ ихъ, о которомъ не могли и мечтать меркантилисты 18-го вѣка [1]).

---

1) Наше русское народное хозяйство не характеризуется пока сильнымъ развитіемъ международнаго обмѣна, сравнительно съ другими государствами, напр., Англіей и Германіей, но и у насъ ростъ этого обмѣна въ 19-мъ вѣкѣ уже видоизмѣнилъ весь характеръ экономической жизни. Въ нашей литературѣ есть одна замѣчательная попытка оцѣнить значеніе нашего международнаго обмѣна. Къ сожалѣнію, она мало извѣстна, ибо представляетъ изданіе, не имѣвшее возможности получить широкаго распространенія въ публикѣ. Мы имѣемъ въ виду записку В. И. Покровскаго: „Къ вопросу объ устойчивости активнаго баланса русской внѣшней торговли". (См. I. с. стр. XI. XXIII и XXXIX.) Покровскій, по самому своему положенію, можетъ считаться лучшимъ знатокомъ нашего международнаго торговаго оборота; мы воспользуемся нѣсколькими изъ любопытныхъ его данныхъ, такъ какъ для теоретическихъ цѣлей, которыя преслѣдуемъ, намъ нѣтъ надобности прибѣгать пока къ самостоятельнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ. Вотъ, прежде всего, какъ онъ характеризуетъ ростъ нашего международнаго обмѣна по вывозу и привозу товаровъ.

Вывозъ, привозъ и кратное между ними отношеніе съ 1802 по 1807 и съ 1812 по 1895 г., по періодамъ, характеризуемымъ перемѣнами въ русской торговой политикѣ.

Годы.	На одного жителя въ рубляхъ золотомъ.		Кратное отношеніе вывоза къ привозу.
	Вывозъ.	Привозъ.	
1802— 7.	1,17	0,96	1,22
1812—15.	0,95	0,59	1,61
1816—19.	1,45	0,97	1,47
1820—21.	1,24	1,33	0,93
1822—39.	1,31	1,10	1,19
1840—50.	1,63	1,44	1,13
1851—56.	1,49	1,37	1,09
1857—68.	2,23	2,12	1,05
1869—76.	3,46	4,08	0,85
1877—84.	3,75	3,49	1,07
1885—93.	3,52	2,31	1,52
1894—95.	3,89	2,87	1,26

Изъ этой таблички видно, что международный обмѣнъ пріобрѣлъ для насъ сравнительно съ началомъ вѣка, втрое большее значеніе. Въ той же работѣ для 1894 года мы находимъ такое любопытное вычисленіе. „Въ этомъ году вывезено,

Ранѣе всего въ Англіи, а затѣмъ почти повсемѣстно послѣ революцій 1848 г. и на всемъ континентѣ Европы, замѣчается иное теченіе.

Въ періодъ съ 1842 по 1870 г. Англія обратилась въ страну свободной торговли. Для континента въ эпоху съ 1860 по 1875 г. наступило время торговыхъ договоровъ. Во Франціи, въ Германіи, въ Италіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Испаніи замѣчается послѣдовательное ослабленіе протекціонизма. Даже въ Россіи тарифъ 1868 г. нѣсколько ослабилъ нашу всегда жестокую протекціонную систему.

Но и эта эпоха продолжалась недолго. Съ 1875 г. замѣчается столь же рѣшительный поворотъ въ обратную сторону. По почину Германіи, которая въ 1879 г. создала своеобразный автономный тарифъ, защищавшій высокими ввозными пошлинами не только ея промышленность, но и земледѣліе и въ тоже время стремившійся имѣть и фискальное значеніе, вся Европа вновь огородилась таможенными пошлинами. Къ концу вѣка только и можно было слышать о боевыхъ пошлинахъ, таможенныхъ войнахъ, автономныхъ тарифахъ, о попыткахъ народовъ соединиться во враждебныя группы. На континентѣ Европы усердно проповѣдуется идея среднеевропейскаго союза для борьбы съ Россіей и Америкой, Англія переживаетъ время тяжелой политической борьбы. Въ ея предѣлахъ возникла мысль покинуть свободную торговлю и замкнуться съ своими колоніями въ одинъ промышленный союзъ. Какими кровавыми опасностями грозитъ намъ

по исчисленіямъ Покровскаго, изъ Россіи 961.797,000 пудовъ на сумму 668.753,000 р., а привезено 315.645,000 пудовъ на сумму 559.572,000 р., т. е. пудъ отпускного товара цѣнился въ 69 коп., а привозного въ 1 р. 77 к. За исключеніемъ хлѣба, средняя цѣна пуда въ вывозѣ составляла 1 р. 20 к.; за исключеніемъ же каменнаго угля и кокса, пудъ въ привозѣ оцѣнивался въ 3 р. 07 коп. . ., и въ другомъ мѣстѣ — „по вычисленію проф. Менделѣева, стоимость пуда зернового хлѣба въ Россіи соотвѣтствуетъ одному трудовому дню земледѣльца; средній отпускъ остального русскаго отпуска представляетъ собой, во всякомъ случаѣ, трудъ не меньше одного дня. Такимъ образомъ, полагаетъ Покровскій, цѣнность милліарда дней труда въ нашемъ вывозѣ обмѣнивается на заграничные товары, цѣнность которыхъ не превышаетъ 500 милліоновъ рублей кредитныхъ, т. е. не достигаетъ стоимости полумилліарда дней труда населенія заграничныхъ странъ“. Оставляемъ точность этихъ вычисленій на отвѣтственности ихъ автора. Для насъ важно только отмѣтить, что опытный статистикъ натолкнулся на фактъ чрезвычайной важности, хотя, конечно, подлежащій провѣркѣ. *Статистикъ пришелъ къ убѣжденію, что въ международномъ обмѣнѣ одинъ день русскаго труда цѣнился за полдня чужеземнаго и, къ сожалѣнію, конкуренція не видоизмѣняла этого отношенія.*

это новое направленіе европейской политики? Не нарождается ли на нашихъ глазахъ новый, дикій, жестокій, вооруженный всѣми чудесами современной техники и вооруженія меркантилизмъ, въ кровавыхъ потокахъ борьбы котораго можетъ быть будетъ суждено заглохнуть и европейской цивилизаціи? Въ такой моментъ невольно приходится задать вопросъ, куда же человѣчество идетъ, не вступило ли оно на ложный и опасный путь, нельзя ли во время направить силы его въ другую сторону или вѣрнѣе не должно ли оно въ ближайшемъ же будущемъ само вступить на иной и болѣе спасительный путь? Возможенъ ли такой поворотъ назадъ къ замкнутости и, если нѣтъ, то какое руководящее начало, и притомъ единое, можетъ дать наука для политика, какъ въ предѣлахъ экономическаго государства, такъ и внѣ его.

Одинъ изъ опытнѣйшихъ знатоковъ европейской торговопромышленной политики Александръ Матлековичъ[2]) убѣжденъ, что поворотъ назадъ невозможенъ. Онъ пишетъ: „общій ходъ развитія, тенденція научнаго знанія, прогрессъ физическихъ знаній — все это требуетъ свободнаго движенія. Эти факторы не знаютъ національныхъ принциповъ, они не удовлетворяются узкими границами государства. Тщетно поднимаютъ таможенныя пошлины, международный обмѣнъ товаровъ требуетъ своей міровой области и, если онъ не получитъ его добровольно, онъ воспользуется силой, онъ разрушитъ тѣ существа и ожиданія, которыя могли бы процвѣтать и развиваться при свободномъ обмѣнѣ . . . Если бы стремленіе отгородиться отъ мірового хозяйства таможенными пошлинами было присуще только одному государству, если бы примѣръ его не былъ заразителенъ, тогда, быть можетъ, это стремленіе не было бы такъ вредно, даже для изолирующаго себя государства. Крупный механизмъ мірового хозяйства, быть можетъ, могъ бы при столь маломъ нарушеніи работать безпрепятственно. Но система всеобщихъ таможенныхъ пошлинъ, постоянная взаимная конкуренція въ изобрѣтеніи средствъ защиты себя отъ внѣшнихъ силъ, это неизбѣжно должно привести къ бѣдствіямъ“.

Немудрено, поэтому, что человѣчество жадно ищетъ отвѣта на вопросъ, куда насъ влечетъ невѣдомый потокъ исторіи? Со всѣхъ сторонъ обращаются къ экономистамъ и требуютъ указаній или, по крайней мѣрѣ, проясненія того пути, по которому идетъ и должно

2) A. v. Matlekovits. Die Zollpolitik der Oes.-Ung. Monarchie und des deutschen Reiches seit 1868, Leipzig, 1891. стр. 812—816.

идти экономическое развитіе. И этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе необходимъ, что новая политическая экономія, которая со средины прошлаго вѣка старательно заботилась похоронить и предать забвенію ученія классиковъ начала прошлаго вѣка, должна же была дать новое „крылатое слово“, которое могло бы служить лозунгомъ для новыхъ поколѣній. И она дала его, но, увы, какъ увидимъ, крылатое слово этой школы оказывается хотя и многообѣщающимъ, но очень неопредѣленнымъ и неяснымъ.

Много лѣтъ тому назадъ, а именно еще въ 1887 г. А. Вагнеръ [3]) заявилъ: „мнѣ кажется по цѣлому ряду ярко выраженныхъ симптомовъ, по наличности насущнѣйшихъ потребностей, что начинается новая „соціальная эпоха“. Мы живемъ въ началѣ этой эпохи. . . Эту новую эпоху именно и слѣдуетъ назвать соціальной, ибо въ этотъ періодъ пріобрѣтаютъ господство „опредѣленныя соціальныя идеи“ относительно производства и распредѣленія и связанныя съ ними представленія объ экономическомъ и соціальномъ положеніи населенія“.

Для Вагнера даже современный протекціонизмъ является выраженіемъ этой „соціальной идеи“ и онъ вмѣстѣ съ Родбертусомъ охотно назвалъ бы „свободную торговлю“, если подъ послѣдней понимать систему полнаго и свободнаго соперничества во всѣхъ областяхъ экономической жизни, шагомъ назадъ, „къ варварству“. Но такъ ли? можно ли сказать, что слово новой исторической школы такъ „опредѣленно“, нашла ли она тотъ единый принципъ, который можетъ руководить политикомъ, который онъ обязанъ имѣть въ виду при регулированіи обмѣна матеріальныхъ благъ, этого основного фактора нашей современной промышленной жизни.

Другой выдающійся экономистъ той же исторической школы, десять лѣтъ спустя, а именно А. Шефле [4]), поставилъ тотъ же вопросъ: „что же въ самомъ дѣлѣ такое политика, политика въ научномъ смыслѣ этого слова? По первому впечатлѣнію, пишетъ онъ, этотъ вопросъ кажется банальнымъ. Но подобно старому вопросу священной исторіи: что есть истина? этотъ вопросъ можетъ показаться глупымъ только для глупыхъ“.

Исторія по образному выраженію этого писателя „conservatio continua creatio“ и для каждаго періода человѣческой исторіи политикъ долженъ указать, „какъ достигнуть, создать, сохранить и при

3) см. его брошюру — Finanzwissenschaft und Staatssocialismus, стр. 67—9.

4) Über den wissenschaftlichen Begriff der Politik, Zeitschrift für die gesam. Staatswiss., B. 53, 1897.

случаѣ вновь приспособить и преобразовать то единство и сочетаніе государственныхъ силъ и воль, при посредствѣ котораго можно достигнуть развитія цѣлаго въ единичномъ, единичнаго въ цѣломъ, вырваться вонъ изъ предѣловъ существующаго для проникновенія въ будущее, дать возникнуть новому изъ наличнаго, настоящаго, памятуя при этомъ, что научная политика можетъ представлять собою развитіе только въ предѣлахъ государственнаго". . . Вонъ изъ предѣловъ существующаго! Это смѣло и хорошо сказано, но весь вопросъ въ томъ, куда и какъ?

Идею соціальнаго — государственнаго, національстическаго протекціонизма или, если хотите проще, соціальнаго меркантилизма, германская наука наслѣдовала отъ своего знаменитаго идеалиста Іоганна Готлиба Фихте, который изложилъ ее въ самомъ началѣ прошлаго вѣка въ своемъ сочиненіи „Замкнутое Государство" [5]).

„Юридическое государство, писалъ онъ, образуется замкнутымъ количествомъ людей, которые повинуются однимъ и тѣмъ же законамъ, стоятъ подъ властью одной высшей принуждающей силы. Это количество людей должно затѣмъ ограничиться въ своей торговлѣ и промыслахъ такъ, чтобы вести ихъ только для себя и между собою. Всякій, кто не стоитъ подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же законовъ и одной и той же принуждающей власти, долженъ быть устраненъ изъ торговаго общенія этого общества. Тогда создастся экономическое государство и притомъ замкнутое, подобное тому, какое имѣется теперь въ юридическомъ государствѣ".

Великій идеалистъ былъ глубоко и искренно увѣренъ, что можно построить идеалъ экономическаго государства и указать политику путь, по которому онъ долженъ идти для достиженія этой великой цѣли. Фихте вѣритъ, что всякое идеальное построеніе не есть „нѣчто неосуществимое". Все, что теперь стало старымъ, полагаетъ онъ, было когда то новымъ и нельзя предполагать, чтобы въ послѣднее время родъ человѣческій такъ упалъ, что у него осталась только память и подражательность. Если политика можетъ разрабатываться основательно только при условіи истиннаго познанія современнаго положенія, то такая политика можетъ казаться ненужной только простому эмпирику, который вообще не признаетъ никакихъ понятій и разсчетовъ, а вѣритъ только подтвержденіямъ непосредственнаго опыта. Эмпирикъ отвергаетъ политику, ибо она не даетъ фактовъ, а только понятія и

5) см. Der geschlossene Handelsstaat, т. III сочиненій, изд. 1845 г. Сочиненіе это появилось въ концѣ 1800 г., стр. 391, 397, 8 и слѣд.

разсужденія о фактахъ, другими словами потому, что политика — не исторія".

„Научная политика должна изслѣдовать, что въ разумномъ экономическомъ государствѣ „правомѣрно" (Rechtens sey), затѣмъ разсмотрѣть, что въ дѣйствительно существующемъ государствѣ обычно (Sitte ist) и, наконецъ, указать путь, по которому современное государство *постепенно* должно перейдти къ разумному. Она должна отвѣтить на вопросъ, сколько изъ того, что „правомѣрно", можетъ быть выполнено при существующихъ условіяхъ".

„Ложное положеніе, по мнѣнію Фихте, обыкновенно замѣняется такимъ же ложнымъ и только позднѣе находятъ правду, лежащую по срединѣ. Ранѣе государство считалось всѣмъ — Богомъ, теперь его задачей считаютъ охрану собственности". Фихте думаетъ, что задача государства прежде всего „дать каждому его собственность", а потомъ уже защищать ее. Право собственности есть исключительное право каждаго на дѣйствія, но не на вещи. Пока всѣ спокойно живутъ другъ возлѣ друга, они не вступаютъ въ борьбу, только послѣ того какъ они начинаютъ шевелиться и двигаться, они наталкиваются другъ на друга. Свободная дѣятельность есть мѣсторожденіе борьбы силъ. Она, поэтому, должна быть истиннымъ предметомъ, относительно котораго спорящія стороны должны договориться и договоръ этотъ можетъ сводиться только къ тому, чтобы каждый согласился такъ ограничить свою свободу, чтобы другіе могли жить также свободно. Цѣль человѣческой дѣятельности возможность жить, которая дана природой, и всѣ имѣютъ равное право на жизнь, а слѣдовательно каждый имѣетъ слѣдующія три неотъемлемыя права, о которыхъ долженъ помнить политикъ: право на свободное распоряженіе своимъ тѣломъ, какъ орудіемъ его воли, право на собственность т. е. на исключительное подчиненіе опредѣленныхъ вещей своимъ цѣлямъ, право на существованіе, какъ необходимое условіе цѣлесообразной дѣятельности. Исходя изъ такихъ положеній, Фихте въ своемъ замкнутомъ государствѣ и пытается нарисовать идеальное экономическое государство, гдѣ все, что потребляется и продается, добыто и переработано въ странѣ и все, что добыто и переработано въ той же странѣ и потребляется и продается тамъ же. Государство Фихте заботится въ своихъ предѣлахъ о пропорціональномъ распредѣленіи народнаго труда, о наибольшей его производительности, о наиболѣе разумномъ и справедливомъ его распредѣленіи и, что особенно важно, даже о „формахъ производимаго богатства".

Я не имѣю ни малѣйшаго желанія, ни надобности входить въ

подробности предполагаемаго утопическаго государства Фихте. Онъ рисуетъ намъ картину этой организаціи въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ, не желая, какъ онъ выражается, „развлекать читателя ненужными частностями“. Его анализъ существующихъ экономическихъ отношеній слишкомъ элементаренъ, а потому и переходный путь къ идеальному экономическому государству нарисованъ поверхностно, блѣдно. Въ новѣйшее время мы имѣемъ гораздо болѣе яркія и умѣло нарисованныя картины утопій. Намъ важны эти утопіи не сами по себѣ, а какъ свидѣтельство и увѣренность множества людей, что возможно и желательно искать на поприщѣ практической политики идеаловъ для усовершенствованія и видоизмѣненія тѣхъ условій, среди которыхъ мы живемъ. Историческая школа въ Германіи считаетъ своей главной заслугой то, что она укоренила въ умахъ эту увѣренность въ историческомъ видоизмѣненіи сущаго и въ особенности въ томъ, что историческое общество само творецъ своей исторіи.

Не всѣ въ предѣлахъ исторической школы являются такими государственниками, какъ Шефле. Почти всѣ или по крайней мѣрѣ большинство сторонниковъ этой школы признаютъ, что прогрессъ и развитіе могутъ быть только въ предѣлахъ государственнаго и междугосударственнаго общенія, но они знаютъ, что и государство не все можетъ, что его политика не является только результатомъ ему присущихъ силъ, но и тѣхъ, которыя воплощаются въ обществѣ, въ его организованныхъ силахъ: исторически сложившихся классахъ.

Возникаетъ вопросъ, воспринявъ эту идею о возможности государственно-общественнаго видоизмѣненія и улучшенія сущаго, дала ли историческая школа какой либо принципіальный отвѣтъ, который вытекалъ бы изъ анализа обмѣна, какъ это было съ классиками?

Еще въ 1878 г. Гансъ фонъ Шеель писалъ[6]), что „экономическая политика исторической школы разбивается обыкновенно на разсмотрѣніе частныхъ вопросовъ и ограничивается указаніемъ отдѣльныхъ практическихъ мѣропріятій“. А. Вагнеръ[7]), разумно признавая за Британской догматикой и теоріей великое и вѣчное значеніе, откровенно и много разъ признается, что та школа, къ которой отчасти и онъ принадлежитъ, „слишкомъ квіетистична и ограничивается только симптоматическимъ лѣченіемъ“. Въ 1891 г. онъ прямо признается, что обыкновенно бываетъ очень неясно, что понимаютъ подъ „соціально-

6) см. Unsere socialpolitische Parteien, 1878, стр. 178.

7) см. Grundlegung d. P. Oe., 3-е изд., I B., стр. 50, также Über sociale Finanz- und Steuerpolitik, Archiv für Soz. Ges. und Stat., B. IV, 1891 г.

политической точкой" зрѣнія, взглядами и соображеніями и это зависитъ „отъ присущей практикамъ, законодателямъ, а также и ученымъ кругамъ, въ особенности въ предѣлахъ исторической школы, неспособности или боязни разсматривать хозяйственные и соціально политическіе вопросы *принципіально*". Онъ сознаетъ необходимость такого принципіальнаго рѣшенія вопросовъ теоріи и политики, ибо безъ него мы получаемъ только „оппортунистическое колебаніе въ ту или другую сторону".

Зомбартъ[8]), одинъ изъ способныхъ учениковъ Шмоллера, бросаетъ еще болѣе тяжкое, но справедливое обвиненіе своему учителю и въ особенности всему правому крылу исторической школы: этическому направленію, утверждая, что „вся роль этого направленія заключается въ задерживаніи естественнаго процесса развитія", а самой историко-этической школѣ „присуща тенденція разрозненности, безсистемности, казуистики, политики сегодняшняго дня, эклектики". Онъ справедливо замѣчаетъ, что и Вагнеръ своей магической формулой для соціальной политики вовсе не внесъ въ нее много свѣта, не положилъ въ основу ея какое нибудь реальное принципіальное начало. Вагнеръ *„подъ соціальной политикой" понимаетъ ту политику государства, которая средствами законодательства и управленія стремится устранить неправильности въ области распредѣлительнаго процесса, или, выражаясь другими его словами, это „корректура результатовъ распредѣлительнаго процесса въ частнохозяйственной системѣ"*. Вся жизнь и дѣятельность Вагнера блестяще показываетъ, какъ скользка и неопредѣленна эта формула: „корректура неправильностей распредѣлительнаго процесса". Самъ Вагнеръ представляетъ любопытную фигуру яраго націоналиста и милитариста, аграрія и биметалиста, защитника среднеевропейскаго таможеннаго союза[9]). Его выдающемуся товарищу по Берлинскому Университету Шмоллеру ставятъ еще болѣе тяжкіе упреки: онъ хотѣлъ отсрочить введеніе государственнаго страхованія рабочихъ, былъ противъ распространенія защиты рабочаго законодательства на земледѣльческихъ и ремесленныхъ рабочихъ, рисуя розовыми красками якобы патріархальность отношеній въ этихъ отрасляхъ промышленности, для земледѣльческихъ рабочихъ онъ считалъ возможнымъ примѣненіе уголовнаго закона при нарушеніи договора, былъ противъ признанія правомъ про-

8) Ideale der Socialpolitik. тотъ же Archiv, B. 7, 1897 г.

9) Аграрныя тенденціи Вагнера ярко сказались въ его политической брошюрѣ — Agrar- und Industrie-Staat (Jena, 1901).

фессіональныхъ и рабочихъ союзовъ, высказывался за законъ противъ соціалистовъ, который былъ отмѣненъ въ 1878 г. Рейхстагомъ 221 голосомъ противъ 149. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что Вагнеръ правъ: для корригирующей руки нужно „принципіальное“ руководительство [10]).

Въ самое послѣднее время одинъ изъ выдающихся представителей нѣмецкой исторической школы проф. Филипповичъ попытался обработать въ систематическомъ видѣ ученіе объ экономической политикѣ и въ небольшомъ осторожномъ введеніи къ этому курсу сказалъ въ сущности то, что безконечное число разъ повторялось его единомышленниками въ ихъ многочисленныхъ трудахъ по отдѣльнымъ вопросамъ.

Раскрывъ отмѣченный курсъ Филипповича, не трудно убѣдиться, что Зомбартъ правъ. Сопоставивъ, однако, съ этимъ ученіемъ взгляды самого Зомбарта, мы также убѣдимся и въ томъ, что якобы „новое слово“, сказанное суровымъ критикомъ историко-этической школы, столь же старо и неопредѣленно, чтобы служить руководящимъ началомъ соціальной политики. Недаромъ и самъ Филипповичъ, въ примѣчаніи, замѣчаетъ, что по существу дѣла онъ согласенъ съ Зомбартомъ. Сопоставимъ же ученія этихъ двухъ и посмотримъ, не дастъ ли намъ это сопоставленіе какихъ либо полезныхъ результатовъ.

„Подъ народнохозяйственной политикой Филипповичъ [11]) понимаетъ совокупность тѣхъ дѣйствій, мѣръ и учрежденій, при посредствѣ которыхъ люди, какъ единичныя личности или какъ организованыя группы *сознательно* стремятся къ развитію народнаго хозяйства. Народное хозяйство составляетъ закономѣрно связанное цѣлое во всѣхъ своихъ частяхъ и экономическая политика неизбѣжно должна дѣйствовать въ трехъ направленіяхъ. Она должна заботиться о развитіи производства, объ усовершенствованіи хозяйственной организаціи, споспѣшествовать (fördern) образованію и потребленію доходовъ. Мало имѣется мѣръ экономической политики, которыя одновременно не распространялись на три эти области. Это относится и

10) см. бѣглую, но интересную брошюру R. Schüller'a. — Die Wirtschaftspolitik der Historischen Schule (Berlin, 1899), стр. 99 и друг.

11) Philippovich, Volkswirtschaftspolitik, Freiburg, 1899 г., стр. 1, 8, 15, 16, 17, 18. Нельзя, полагаетъ онъ, установить формальнаго единства экономической политики. Это единство можетъ быть установлено только тѣмъ, что переходъ къ лучшему болѣе совершенному снабженію матеріальными благами всегда будетъ сохраняться съ возможно большимъ сохраненіемъ существующемъ интересовъ“ — другими словами единство политика въ постоянствѣ компромиса.

къ политикѣ доходовъ, такъ какъ оно оказываетъ вліяніе на возвышеніе производительности, на увеличеніе работоспособности населенія чрезъ сохраненіе и развитіе его жизненныхъ силъ, а также и на правильный ходъ производства чрезъ созданіе возможности равномѣрно протекающаго потребленія".

Филипповичъ полагаетъ, что *„единая цѣль народнохозяйственной политики заключается въ преслѣдованіи общаго блага"* [12]), но въ тоже время заявляетъ, что „о единствѣ экономической политики и всѣхъ составляющихъ государство группъ въ смыслѣ согласія ихъ непосредственныхъ цѣлей и интересовъ не можетъ быть и рѣчи". Остается поэтому одинъ путь — политика компромиса, а, слѣдовательно, и вѣчныхъ шатаній. „Государственная экономическая политика, пишетъ Филипповичъ, должна тамъ, гдѣ обнаруживается полное противорѣчіе интересовъ, заботиться о смягченіи (Milderung) дѣйствія экономическихъ силъ по отношенію къ подавляемому интересу. Гдѣ онѣ находятся во взаимной зависимости, она должна стремиться сохранить относительное равновѣсіе (d. Verhältnißmäßigkeit zu wahren), гдѣ противорѣчія совершенно неразрѣшимы, она будетъ стараться такъ сопоставить эти интересы, чтобы произошло наименьшее количество вредныхъ послѣдствій. И государство не имѣетъ возможности дѣлать всѣмъ благое; *оно выбираетъ и взвѣшиваетъ*, но въ его задачу всегда входитъ облегченіе судьбы тѣхъ, которые являются жертвами прогрессирующаго развитія."

Всякому ясно, что проф. Филипповичъ сознательно отказывается найти какое нибудь принципіальное рѣшеніе вопроса. Его политика есть политика разнородныхъ совмѣстно существующихъ классовъ, противорѣчивыхъ въ своихъ интересахъ, подъ руководительствомъ государства, на знамени котораго написано навсегда неопредѣленное начало „общее благо". Немного же подвинулась историческая школа сравнительно съ началомъ 18-го и 19-го вѣка! Вѣдь и Ахенваль училъ, что государственный интересъ, внутренній и внѣшній, т. е. экономическая политика есть „совокупность мѣръ, которыя государство принимаетъ для поддержанія порядка и благосостоянія внутри государства и безопасности внѣ его". Мальтусъ писалъ: „богатство страны, ея могущество, обильное населеніе, все это существуетъ для

12) Dr. J. Conrad (см. Grundriss, II Theil, Volkswirtschaftspolitik, стр. 1) еще неопредѣленнѣе намѣчаетъ идеалъ соціальной политики: „das Endziel, говоритъ онъ, muss für Staat und Gesellschaft dahin gerichtet sein, bei einer so grossen Zahl von Staatsangehörigen als möglich das Gefühl der Zufriedenheit (εὐδαιμονία) herbeizuführen.

единой законной и великой цѣли счастія наибольшаго количества человѣческихъ существъ, для увеличенія, обезпеченія счастія и добродѣтели человѣческихъ существъ".

Счастье, добродѣтель, естественное право, „культурныя цѣнности и много другихъ хорошихъ словъ можно услышать въ устахъ практическихъ политиковъ и философовъ, но отъ словъ до дѣла всегда непроходимая пропасть. Не всякое хорошее слово становится реальнымъ принципомъ, основой дѣйствій въ практической дѣйствительности; философы только обѣщаютъ намъ найдти „абсолютныя начала" разумной, счастливой, полной и красивой человѣческой жизни; объективный же голосъ исторіи говоритъ намъ, что эти обѣщанія останутся обѣщаніями, что всякая историческая эпоха имѣетъ свои цѣли и идеалы, свои средства къ ихъ достиженію, что на прошлое мы часто смотримъ только съ точки зрѣнія цѣлей непосредственнаго — настоящаго!

Экономія должна остаться положительной наукой, а потому ея цѣли и средства должны быть реальны, жизненны, осязаемы, какъ и тотъ металлъ, который способствуетъ круговращенію реальныхъ богатствъ. Построеніе Зомбарта въ этомъ отношеніи гораздо свѣжѣе и искреннѣе.

Во первыхъ, Зомбартъ признаетъ за каждымъ право имѣть особое общественное міровоззрѣніе и свой философскій идеалъ. И въ этомъ отношеніи онъ, конечно, правъ: человѣку должно быть предоставлена свобода выбора въ томъ, что человѣчно и касается его одного. Этотъ идеалъ можетъ и долженъ стоять внѣ всякой зависимости отъ идеала экономической и соціальной политики, который долженъ быть выработанъ на почвѣ научнаго, объективнаго изученія экономической дѣйствительности и условій ея развитія.

Во вторыхъ, подъ хозяйственной политикой Зомбартъ понимаетъ такую политику, которая оказываетъ вліяніе на хозяйственную жизнь и регулируетъ ее; подъ хозяйственной жизнью — совокупность тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя вытекаютъ изъ производства, распредѣленія и потребленія матеріальныхъ вещей.

Подъ соціальной политикой онъ понимаетъ ту совокупность мѣръ хозяйственной политики, которыя имѣютъ своею цѣлью или своимъ послѣдствіемъ сохраненіе, развитіе или видоизмѣненіе опредѣленныхъ хозяйственныхъ системъ или составныхъ ея частей [13]).

13) Такъ мы можемъ, согласно Бюхеру, поясняетъ Зомбартъ, различать домашнее хозяйство, городское мѣновое хозяйство, капиталистическое мѣновое хо-

Въ третьихъ, самостоятельный идеалъ соціальной политики сводится къ единому, всеобщему, охватывающему всѣ стороны хозяйственной жизни, стремленію — установить такую хозяйственную систему, при которой достигается наивысшая производительность общественнаго труда т. е. для общества получается возможность или мало работать, или много производить. Идеаломъ соціальной политики является не *наивысшій размѣръ производства по количеству продукта или чистаго дохода напр. прибыли, не употребленіе наилучшихъ техническихъ пріемовъ производства или перевозки, а „наилучшая организація общественнаго труда съ наилучшими техническими орудіями“.* Идеалъ соціальной политики — „производственный идеалъ“.

Въ четвертыхъ, по мнѣнію Зомбарта „совокупные интересы“ отдѣльнаго сообщества, скажемъ государства, имѣются только по отношенію къ другимъ такимъ же сообществамъ. Состояніе, уваженіе и могущество государства могутъ быть равномѣрно представлены для всѣхъ подданныхъ даннаго государства во внѣшней политикѣ, хотя это и не должно происходить необходимо: національная и классовая политика могутъ совпадать. Внутренняя же жизнь государства характеризуется различіемъ интересовъ, которые неизбѣжно въ извѣстный моментъ приходятъ въ противорѣчіе и для нихъ невозможно соглашеніе. Это противорѣчіе интересовъ основывается на несогласуемости другъ съ другомъ различныхъ хозяйственныхъ системъ, реальными представителями которыхъ являются разные общественные классы.

Поэтому разумная соціальная политика должна быть направлена на дѣятельное покровительство тому соціальному классу, который представляетъ „хозяйственный прогрессъ“. Только такимъ образомъ можетъ быть достигнутъ идеалъ соціальной политики: наивысшее раз-

---

зяйство и еще четвертое соціалистическое „Eigenwirtschaft“, самодовлѣющее хозяйство. Всѣ эти системы существуютъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ рядомъ. Къ нимъ примыкаютъ соціальные классы: юнкерство и крестьянство, какъ представители различныхъ формъ первобытнаго домашняго хозяйства; мѣщанство, какъ представитель городского мѣнового хозяйства, буржуазія, какъ выразительница классоваго господства въ капиталистическомъ хозяйствѣ съ ея монархически-консервативнымъ настроеніемъ и, наконецъ, пролетаріатъ съ его тенденціей къ соціализаціи и демократизаціи. Составныя части хозяйственной системы — это ничто иное какъ обособленныя сферы однохарактерной хозяйственной жизни, вмѣстѣ съ заинтересованными въ ней группами лицъ: части соціальныхъ классовъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будучи частями одного тѣла, могутъ вступать между собою въ противорѣчіе, напр. аграрная, промышленная и торговая буржуазія.

витіе производительныхъ силъ, наступленіе котораго желательно въ цѣляхъ культурнаго прогресса.

Зомбартъ сознается, что его формулировка примыкаетъ къ „старымъ традиціямъ“, но только въ томъ смыслѣ, что она направляетъ соціальную политику на усовершенствованіе производства, не исключая какимъ бы то ни было способомъ „воздѣйствія на распредѣленіе“. Эта связь соціальной политики съ успѣшностью производства необходима потому, что только такимъ образомъ можетъ получиться въ хозяйственной политикѣ какое нибудь единство и опредѣленность цѣли. Очень часто соціальная политика можетъ быть и является политикой распредѣленія, но сама по себѣ „политика распредѣленія“ есть всегда совокупность безсистемныхъ мѣропріятій разнаго рода. Такъ Зомбартъ [14]).

Я совершенно согласенъ съ первымъ положеніемъ Зомбарта, согласно которому, стараясь выработать идеалъ соціально-экономической политики, объективная экономическая наука не должна принимать въ качествѣ руководящихъ, чуждые идеалы, навязываемые ей другими общественными дисциплинами и въ частности многочисленными толками „идеалистической философіи“. У насъ часто и безплодно спорятъ о причинахъ происхожденія общественно-философскихъ идеаловъ тѣхъ или другихъ „столповъ науки или общественныхъ классовъ“. Объективная наука не можетъ не знать, что возникновеніе и обоснованіе этихъ идеаловъ можетъ совершаться также и на почвѣ всякаго рода метафизическихъ построеній или вѣрованій, съ которыми наука считается, всегда разсматривая ихъ, однако, въ извѣстной исторической перспективѣ. . Если мы признаемъ, что политическая экономія занимается спеціально лишь той областью общественныхъ явленій и отношеній, которая связана съ созданіемъ матеріальной основы нашей цивилизаціи, если мы допустимъ, что въ области этихъ соціально-экономическихъ явленій и отношеній возможна постановка опредѣленныхъ идеаловъ, какъ осуществимыхъ цѣлей при помощи тѣхъ или иныхъ средствъ, то, несомнѣнно, мы должны постараться найдти также объективно эти средства и цѣли, какъ объективенъ и реаленъ тотъ предметъ, которымъ занимается экономическая наука.

Я также понимаю, почему Зомбартъ борется противъ „политики распредѣленія“ исторической школы. Она дѣйствительно является безпринципной политикой полумѣръ и по тремъ главнѣйшимъ основаніямъ. Во первыхъ, она часто сознательно жертвуетъ высшими

14) Sombart l. c., 6, 7, 10, 25 и слѣд., 43, 44, 46, 47 и passim.

формами производительной организаціи, уступая давленіямъ распредѣлительнаго процесса. Она стремится поддержать напр. мелкаго кустаря и крестьянина, сидящаго на ничтожномъ клочкѣ земли, которому приходится много работать, въ тяжкихъ условіяхъ и получать ничтожнѣйшее вознагражденіе за свой трудъ. Она боится, повторяя только Мальтуса, обратить его въ безпокойный пролетаріатъ, отославъ его на фабрику, гдѣ онъ получитъ лучшее вознагражденіе. Во вторыхъ, она не любитъ касаться самихъ формъ производимаго богатства. Она боится утопизма Фихте и ему подобныхъ. Она охотно гремитъ иногда противъ роскоши, противъ нелѣпаго расточенія источниковъ богатства; она заботится путемъ налога взять въ пользу государства нѣкоторую долю избыточнаго богатства, но она считаетъ утопіей думать о приспособленіи всей производительной дѣятельности къ нуждамъ наибольшей массы человѣческихъ существъ. Регулированіе производства формъ богатства есть уже регулированіе потребностей. Она охотно отстаиваетъ попытки регулированія количества производимаго богатства; она привѣтствуетъ синдикаты и картели, но не касается самихъ формъ богатства. Въ третьихъ, она, какъ мы видѣли на примѣрѣ Филипповича, зачастую стремится примирить непримиримое. Зомбартъ вѣрно опредѣлилъ соціальную политику, какъ совокупность мѣръ хозяйственной политики, которыя имѣютъ своею цѣлью или послѣдствіемъ сохраненіе, развитіе или уничтоженіе опредѣленныхъ хозяйственныхъ системъ. Исходя изъ этого положенія, онъ съ гораздо большимъ правомъ могъ бы упрекать представителей исторической школы не въ непослѣдовательности, а въ принципіальномъ „консерватизмѣ“. Шмоллеръ болѣе всѣхъ другихъ является консерваторомъ; ему дорого существующее; онъ болѣе всего стремится къ сохраненію и развитію и не представляетъ себѣ возможности полной трансформаціи людей и ихъ общественныхъ отношеній [15]).

---

15) Въ своемъ учебникѣ Шмоллеръ опредѣленно формулировалъ свое міровоззрѣніе. Онъ пишетъ: „не можетъ быть высокой культуры безъ классовъ и ихъ взаимодѣйствія; классовый порядокъ нормаленъ, когда онъ соотвѣтствуетъ среднимъ способностямъ и дѣяніямъ каждаго. Это чаще встрѣчается при новомъ образованіи классовъ, чѣмъ въ классахъ старыхъ, окаменѣвшихъ. Каждый односторонне развившійся классъ стремится преобразовать право и учрежденія въ эгоистическомъ смыслѣ. Злоупотребленія достигшей господства аристократіи иныя, чѣмъ злоупотребленія демократіи; но спрашивается, какія злоупотребленія больше и болѣе вредятъ общему благу? Чѣмъ болѣе господствующій классъ неправильно распредѣляетъ владѣніе и силу, вліяніе и почести сравнительно съ средними спо-

Правда, среди представителей этой исторической школы мы найдемъ безконечное разнообразіе оттѣнковъ. Вѣдь, и самъ Зомбартъ принадлежитъ къ ней. Мы видѣли, что и Филипповичъ выдаетъ себя за единомышленника Зомбарта и одобряетъ его стремленіе къ высшимъ формамъ производительной организаціи. Достаточно напомнить также о школѣ Брентано, о работахъ Шульце-Геверница, Шенгова, Дитцеля [16]) и другихъ, чтобы убѣдиться, что необходимость заботиться объ успѣшности, высшей матеріальной производительности труда не чужда этой школѣ и только у нѣкоторыхъ представителей или, вѣрнѣе, у огромнаго большинства, она отступаетъ на задній планъ подъ давленіемъ существующихъ формъ хозяйственнаго быта и злободневныхъ нуждъ распредѣлительнаго процесса. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Это доказываетъ только, что то противорѣчіе, которое сказалось уже въ доктринахъ Рикардо и Мальтуса, сохранилось и до нашихъ дней.

Самъ Зомбартъ замѣчаетъ, что его идеалъ примыкаетъ къ старымъ традиціямъ.

собностями людей, тѣмъ болѣе невыносимымъ становится положеніе. Всякій достигающій господства классъ, пока онъ достигаетъ высшей силы своего вліянія, стоитъ на службѣ общаго развитія. Удерживается ли классъ на этой высокой степени развитія и сколько времени такое положеніе продолжается, зависитъ отъ того, остаются ли его способности и добродѣтели тѣми же самыми, не вырождается ли классъ, не включаетъ ли онъ въ себя значительное количество неспособныхъ элементовъ, не пренебрегаетъ ли онъ своими обязанностями, не ведетъ ли онъ только жизнь наслажденій, не обогащается ли онъ гнуснымъ образомъ, не стоитъ ли его собственность и доходъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его дѣятельностью. Средніе и низшіе классы не такъ часто и легко попадаютъ въ положеніе, которымъ они могли бы злоупотреблять. Однако великія политическія побѣды демократіи, которыя совершались въ Греціи и въ Римѣ, въ средніе вѣка и въ новое время, показываютъ намъ, что эти классы или немедленно попадаютъ подъ господство диктаторовъ или разрушаютъ могущество и финансы народа, не способны къ здоровымъ реформамъ и созданію новыхъ учрежденій и въ болѣе продолжительное или короткое время, послѣ неудачныхъ или безумныхъ экспериментовъ, снова лишаются своего господства. Вся проблема съ одной стороны нравственно-психологическаго характера, съ другой стороны дѣло хозяйственныхъ и политическихъ учрежденій. Попытка изъ одной техники и распредѣленія собственности объяснить процессъ образованія классовъ и его послѣдствія также ошибочна, какъ и стремленіе изъ этихъ же причинъ доказать для будущаго полное исчезновеніе классовъ". см. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1900, стр. 411.

16) см. напр. двѣ работы Дитцеля чисто полемико-политическаго характера: — Weltwirtschaft und Volkswirtschaft (Dresden, 1900) и Das Produzenteninteresse der Arbeiter und die Handelsfreiheit, Jena, 1903; такая же брошюра Брентано: Die Schrecken des überwigenden Industriestaates (Berlin, 1901).

Если читатель заглянетъ еще разъ въ нашу первую главу, то онъ увидитъ, что меркантилисты, а въ частности и Мелонъ, выставляли на своемъ знамени „производственный идеалъ“ Зомбарта. Если этотъ писатель выдвигаетъ его вновь въ конпѣ 19-го вѣка, то онъ долженъ былъ его обновить настолько, чтобы онъ былъ дѣйствительно опредѣленнымъ. Онъ могъ это сдѣлать двоякимъ образомъ, во первыхъ, дѣйствительно остаться на почвѣ существующаго и, во вторыхъ, *изъ предѣловъ этого существующаго* намѣтить то единственное средство, которое можетъ исправить нецѣлесообразный ходъ нашей экономической машины, то, что является, по моему мнѣнію, главною цѣлью и задачей грядущаго 20-го вѣка. Зомбартъ, по моему мнѣнію, исполнилъ эту задачу только отчасти и это стоитъ въ связи съ переживаніями у него марксистскаго настроенія и убѣжденій[17]). Вся бѣда въ томъ, что „производственный идеалъ“, внѣ извѣстныхъ условій не только распредѣленія, но и обмѣна нѣчто совершенно непонятное и непостижимое. Читателю нетрудно замѣтить, что въ производственный идеалъ Зомбарта не только прокрадывается распредѣлительный идеалъ, съ которымъ онъ пытается бороться, но въ немъ виденъ и „пруссакъ“, который ненавидитъ Востокъ и хочетъ обезпечить могущество Германіи для борьбы съ восточноевропейскими и азіатскими народами т. е. въ частности и съ Россіей. Идеалъ его экономической политики общественный, а не индивидуалистическій. Какъ экономистъ новаго времени онъ не вѣритъ въ тождество индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ. Онъ требуетъ согласованія этихъ интересовъ. Онъ отлично при этомъ понимаетъ, что только путемъ совмѣстной, организованной, общественной, культурной борьбы съ природою возможно полученіе наибольшей массы продукта для удовлетворенія все наростающей массы, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ потребностей. Идея Фурье на историческій процессъ, какъ на постепенное ослабленіе личной и прямой зависимости человѣка отъ человѣка и какъ постепенное увеличеніе зависимости общей или косвенной, мысль Родбертуса, что исторія — великій процессъ соединенія людей въ ихъ борьбѣ за существованіе, представляютъ одно изъ самыхъ прочныхъ обобщеній современной общественной науки. Но Зомбартъ въ тоже время

17) Это сказывается, какъ у него, такъ и у другихъ марксистовъ даже въ подражаніи въ языкѣ и въ манерѣ излагать свои взгляды; въ этомъ отношеніи особенно характерна другая книга Зомбарта: Организація труда и трудящихся, р. пер. Спб., 1901 г.

не вѣритъ ни въ тождество интересовъ классовъ, ни въ тождество интересовъ человѣчества и въ борьбѣ націй склоненъ видѣть экономическую необходимость. Зомбартъ высказываетъ свои опасенія относительно Востока робко, Вагнеръ, Ольденбургъ и другіе говорятъ о борьбѣ съ Востокомъ открыто . . .

„Производственный идеалъ Зомбарта“ не такъ просто постижимъ, какъ ему кажется, но въ немъ имѣется одна очень реальная сторона, которая подкупаетъ и заставляетъ не замѣчать внутренняго противорѣчія и неясности всего построенія.

Политика Зомбарта стремится не быть политикой замедляющаго компромиса. Она разумно желаетъ быть классовой политикой или, по крайней мѣрѣ, идти подъ принципіальнымъ знаменемъ классовой платформы. Она рѣшительно и безъ колебаній становится на сторону того общественнаго класса, который представляетъ въ данное время „хозяйственный прогрессъ“.

Какъ же, однако, узнать, какой общественный классъ представляетъ хозяйственный прогресъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ Зомбартъ незамѣтно, но ловко облегчаетъ свою задачу.

Онъ вдвигаетъ въ свое построеніе идею о несогласуемости различныхъ по производительности хозяйственныхъ системъ, представляющихъ какъ бы разныя стадіи общественнаго развитія. Интересы развивающагося общежитія не могутъ сохранить въ равновѣсіи всѣ эти болѣе или менѣе производительныя системы, они должны неизбѣжно требовать перехода къ высшимъ формамъ развитія [18]).

При такой постановкѣ вопроса ему становится нетрудно указать практическому политику, на сторону какого общественнаго класса онъ долженъ стать. Мелкій ремесленникъ, жалкій мелочной торговецъ, разоряющійся и неумѣлый баринъ-хозяинъ и крестьянинъ, ковыряющій козулей свою несчастную единую десятину для собственнаго прокормленія и своихъ домашнихъ впроголодь, не заслужатъ поддержки у такого соціалъ-политика, какъ Зомбартъ.

Онъ будетъ видѣть хозяйственный прогрессъ въ крупномъ земледѣльческомъ и фабричномъ предпріятіи, если они возвышаютъ до наибольшихъ предѣловъ производительность труда, въ крупномъ торговомъ предпріятіи, которое уменьшаетъ напрасную растрату силъ и

18) Печальная необходимость обращаться къ худшимъ землямъ, насколько это неизбѣжно подчиняться дѣйствію закона уменьшающейся производительности почвы, конечно, нисколько не противорѣчитъ стремленію къ наилучшей организаціи формы и системы хозяйства.

лучше удовлетворяетъ многообразіемъ своихъ товаровъ многочисленныхъ потребителей и т. п.

Построеніе Зомбарта, съ одной стороны, забѣгаетъ въ привлекательную даль „царства свободы“, закономѣрное движеніе къ которому идеалъ нашей исторической жизни, съ другой стороны, оставаясь или, по крайней мѣрѣ, стараясь дать чисто реалистическое, жизненное построеніе, всецѣло придерживающееся современной экономической почвы, оно оставляетъ безъ отвѣта цѣлую массу вопросовъ. „Производственный идеалъ“ формулированъ Зомбартомъ такъ неясно, обратился въ такую туманную фразу, что подъ нею могутъ подписаться люди самыхъ разнообразныхъ направленій. Если же единство экономической политики достигается ея неясностью, то, конечно, она нисколько не выше той политики, которую Зомбартъ пытается замѣнить. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ представить себѣ для настоящаго переживаемаго періода человѣческой исторіи пять основныхъ формъ производственнаго идеала.

Въ первой формѣ, и притомъ самаго общаго характера, онъ былъ созданъ еще классиками и крупнѣйшимъ изъ нихъ Рикардо. Этотъ производственный идеалъ указывалъ на необходимость заботиться о томъ, чтобы съ наименьшей затратой труда и капитала получалось наибольшее количество богатства т. е. по англійской терминологіи наибольшее количество матеріальныхъ благъ. Другими словами, онъ требовалъ наиболѣе цѣлесообразной борьбы человѣка съ природой и за свое существованіе. Этотъ идеалъ требовалъ, чтобы богатство доставалось по наименьшей предѣльной цѣнности, по предѣльно наименьшимъ издержкамъ производства. Однимъ словомъ онъ желалъ: много, безконечно много продуктовъ, наинизшія цѣнности. Онъ не боялся кризисовъ и устами Сэ провозгласилъ, что „продукты обмѣниваются на продукты“ и что при пропорціональномъ развитіи всѣхъ производствъ для роста потока продукціи мы не можемъ, да это и не желательно, знать предѣловъ. Очень часто полагаютъ, что этотъ производственный идеалъ совпадаетъ съ интересами потребителей.

Тотъ же идеалъ неоднократно формулировался и въ болѣе реальной классовой формѣ. Это былъ, если можно выразиться, производственный идеалъ въ доходахъ. При этомъ защитники его желали высокаго размѣра или роста одного вида этихъ доходовъ или даже всѣхъ ихъ одновременно. Такой производственный идеалъ мы впервые встрѣчаемъ ясно формулированнымъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Англіи, во время той знаменитой борьбы аграрнаго и про-

мышленнаго интереса, литературными представителями которой были Мальтусъ и Рикардо. Мальтусу была дороже всего высокая рента, Рикардо защищалъ интересы прибыли.

Въ третьей формѣ производственный идеалъ принимаетъ характеръ политико-промышленной теоріи. Разработка его почти со всѣми деталями уже сдѣлана Мальтусомъ, но пріобрѣтаетъ всесвѣтную извѣстность въ односторонней, неполной и, по сравненію съ Мальтусомъ, въ жалкой формѣ у Листа. Этотъ идеалъ сводится къ желанію развить „экономическое государство“ до наивысшей степени аграрно-промышленно-торговаго государства, и указываетъ средства, при помощи которыхъ можно достигнуть „наивысшаго развитія производительныхъ силъ“, техническихъ, соціальныхъ и моральныхъ, для содержанія на данной территоріи наибольшей массы населенія. Этотъ гораздо болѣе политическій, чѣмъ историческій идеалъ, связывающійся, само собою разумѣется, съ многочисленными интересами, живетъ и теперь въ сердцахъ протекціонистовъ, проповѣдывающихъ солидарность протежируемыхъ интересовъ и требующихъ защиты нарождающейся, зрѣющей, но никогда не созрѣвающей промышленности.

Въ четвертыхъ, производственный идеалъ принимаетъ историческую форму. Изучая ходъ историческаго развитія, писатели этого направленія приходятъ къ убѣжденію, что самопроизвольное и неизбѣжное развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ совершается чрезъ противорѣчіе въ созданныхъ ими производственныхъ отношеніяхъ и, въ концѣ концевъ, не можетъ не привести къ гармонической организаціи производства на началахъ общественнной собственности. Къ этому направленію, но только отчасти, принадлежитъ и Зомбартъ, идеалъ котораго мы формулировали выше[19]).

Въ пятыхъ, мы имѣемъ еще одну своеобразную форму производственнаго идеала, дорогого сердцу финансовымъ политикамъ. Этотъ идеалъ требуетъ: наибольшее количество свободнаго „чистаго дохода“, за покрытіемъ издержекъ производства и вознагражденіемъ непосредственно участвующихъ въ производствѣ въ качествѣ производителей и руководителей — предпринимателей, съ освоеніемъ значительной доли этого чистаго дохода государствомъ для тѣхъ цѣлей, которыя оно, какъ особая организація, преслѣдуетъ въ каждую данную историческую

19) Какъ разнообразно формулируется этотъ идеалъ въ области практической торговой политики можно видѣть изъ сопоставленія ранѣе указанной книги Шиппеля и брошюры Kautsky — Handelspolitik (Berlin, 1901). Изъ практическихъ политиковъ попытался нарисовать картину этого идеала будущаго — A. Bebel въ книгѣ: „Die Frau und der Socialismus“, 1891, стр. 261 и слѣд.

эпоху. Этотъ производственный идеалъ вызвалъ къ жизни особую финансовую политику, которая не только выработала необычную по тонкости технику организаціи обложенія, но и стремится расширить размѣры и ростъ самихъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій.

Какъ это ни трудно, но на протяженіи всего настоящаго изслѣдованія я старался исключительно держаться теоретической почвы и не входилъ въ обсужденіе историческихъ условій разныхъ эпохъ, кромѣ современной эпохи развивающагося капитализма . . Я не считаю себя въ правѣ-да это увекло бы меня далеко въ другую сторону-разбирать историческую форму производственнаго идеала. Я не буду входить также и въ разсмотрѣніе производственнаго идеала финансиста. Какъ должно тратить государство чужой чистый доходъ и для какихъ цѣлей — это дѣло государствовѣда и соціолога. По сколько же государство является капиталистической силой и самостоятельнымъ источникомъ созданія дохода путемъ предпріятій и раздатчикомъ дохода при организаціи разныхъ общественно-необходимыхъ службъ, оно составляетъ часть промысловой организаціи страны и то руководящее начало экономической политики, которое относится къ промысловой жизни страны, равно относится и къ нему. Нѣтъ надобности и повторять общеизвѣстную истину, что чѣмъ совершеннѣе становится правовая организація государства, тѣмъ сильнѣе подчиняется оно въ своей дѣятельности наличнымъ и организованнымъ общественнымъ силамъ.

Я хочу вырѣшить вопросъ о руководящемъ началѣ экономической политики, оставаясь на почвѣ современности и предполагая доказаннымъ, что возможно, какъ выражается Шефле, „пріобрѣтеніе всей совокупности наличныхъ воль и силъ для достиженія желаемыхъ цѣлей“, созданіе того общественнаго „Machtmensch“, той компликаціи общественныхъ силъ, которыя необходимы и въ состояніи привести нашъ народнохозяйственный механизмъ въ состояніе наилучшей работы для наиболѣе плодотворныхъ результатовъ.

Мнѣ представляется, что возможно найдти это руководящее начало для экономической и соціальной политики только исходя изъ анализа условій не только производства, но обмѣна. Если теорія обмѣна можетъ показать, что процессъ образованія цѣнъ въ нашемъ капиталистическомъ хозяйствѣ не зависитъ отъ однихъ условій производства, если она можетъ доказать, что созданіе тѣхъ или другихъ формъ цѣннаго богатства зависитъ отъ условій раздѣла путемъ обмѣна продукта и неравнаго прибавочнаго продукта, тогда „производственный идеалъ“ для практическаго политика будетъ только туманнымъ исканіемъ невѣдомаго и неяснаго. Тогда формула: „воз-

вратите работнику продуктъ его труда, созданную имъ цѣнность" будетъ слишкомъ элементарна и неясна. По справедливому выраженію Бернштейна требованіе всего продукта труда будетъ „явною нелѣпостью въ хозяйственномъ и соціальномъ отношеніи".

Я упрекнулъ Зомбарта въ неопредѣленности его идеала экономической политики и долженъ признать, что идеалъ Рикардо гораздо яснѣе и даетъ возможность лучше, правильнѣе намѣтить путь, по которому можетъ и, по моему убѣжденію, уже и начало идти человѣчество.

Зомбартъ правильно замѣчаетъ, что его идеалъ примыкаетъ „къ традиціямъ классической школы". Безъ сомнѣнія, никто не станетъ спорить, что для человѣчества желательно обезпечить матеріальную основу своей цивилизаціи съ меньшими затратами живыхъ и мертвыхъ силъ. Человѣчеству, какъ цѣлому, каждому отдѣльному классу работниковъ, желательно, конечно, имѣть не много труда, не вѣчно гнуть спину за матеріальными заботами. Работнику дорого не количество труда, а хорошее вознагражденіе, которое даетъ ему возможность жить, какъ человѣческому существу, наслаждаясь всѣми благами культурной жизни. Вся трудность заключается въ томъ, какъ найдти пути и средства для достиженія этой всѣми желаемой цѣли.

Зомбартъ также, какъ и всѣ классики, указываетъ намъ производственный идеалъ, но, какъ мы видѣли, сильно облегчаетъ свою задачу. Онъ предсказываетъ гибель историческихъ архаизмовъ и не рекумендуетъ политику принимать мѣръ для ихъ поддержанія. Бѣда въ томъ, во первыхъ, что мы далеко не выяснили себѣ тѣхъ формъ организаціи хозяйства, которыя мы можемъ назвать экономически лучшими съ точки зрѣнія количества и вознагражденія труда. До настоящаго времени кипитъ живой споръ о преимуществахъ мелкаго и крупнаго сельскаго хозяйства, о необходимомъ сочетаніи разныхъ формъ этого хозяйства и въ земледѣліи, и въ промышленности для нормальной эксплуатаціи даровъ природы. Я не спорю, что та система и форма хозяйства, которая требуетъ много труда и даетъ работнику малое вознагражденіе должна исчезнуть и исчезнетъ въ экономической борьбѣ, но какія формы хозяйства займутъ ее мѣсто, это рѣшитъ исторія, законы необходимости и цѣлесообразности, которыя въ ней проявляются. Неясность основной формулы Зомбарта также и въ томъ, что она не даетъ возможности судить на основаніи какого либо опредѣленнаго признака, какой общественный классъ представляетъ въ каждую данную эпоху хозяйственный прогрессъ?

Историку, когда предъ его глазами лежитъ пройденный наро-

домъ путь, легче опредѣлить, какой классъ или вѣрнѣе, какіе классы, съ ихъ развѣтвленіями и служебными элементами, представляли хозяйственный прогрессъ, но не такъ это доступно практическому политику. Да развѣ мы такъ легко можемъ разорвать интересы отдѣльныхъ классовъ на части, развѣ „хозяйственный прогрессъ“ не является частью „соціальнаго прогресса“ вообще? Развѣ при ретроспективномъ взглядѣ система рабскаго или крѣпостного хозяйства не была печальною, жестокою историческою необходимостью, не была системой „общественной организаціи труда съ наилучшими для того времени соціальными и техническими орудіями и какіе классы въ эти періоды представляли „хозяйственный прогрессъ“?

Какъ сложится отвѣтъ Зомбарта, когда передъ его глазами будетъ, если это только возможно, что болѣе чѣмъ сомнительно, вполнѣ развитая система капитализма съ почти полнымъ исчезновеніемъ историческихъ пережитковъ? Политикъ построяетъ свои идеалы, конечно, не для всѣхъ вѣковъ. Онъ отлично знаетъ, что идеалы относительны т. е. обусловлены всѣми данными исторической среды. Чтобы быть вполнѣ яснымъ, надо возможно реальнѣе намѣтить этотъ идеалъ, а не удовлетворяться фразой, которая какъ боевая формула или крылатое слово выражаетъ скорѣе марксистское настроеніе, чѣмъ служитъ путеводной звѣздой для политика, который всегда въ предѣлахъ существующаго, общественно-государственнаго, ищетъ силъ, могущихъ передвинуть данное народное цѣлое къ лучшему будущему.

Классики разсуждали отвлеченнѣе, а потому и глубже Зомбарта. Они искали началъ для экономической политики въ производствѣ и въ условіяхъ междуклассового обмѣна. У Рикардо вы не найдете разсужденій о мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ. . . Это незначительный вопросъ для того, кто построяетъ „механику мірового обмѣна“. Онъ имѣетъ дѣло только съ общественными классами и ихъ доходами. Въ анализѣ этой міровой механики обмѣна, какъ мы знаемъ, Рикардо ошибся, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы именно на той почвѣ, на которой онъ стоялъ, нельзя было опредѣлить руководящаго начала экономической политики. Рикардо отлично понималъ, что въ предѣлахъ классоваго общества — единственная реальная политика — *политика доходовъ*.

На протяженіи всего настоящаго изслѣдованія я старался показать, что впервые построенная Рикардо и окончательно, но односторонне развитая Марксомъ, теорія цѣнности пошатнулась. Теперь мало кто вѣритъ, что цѣнность исключительно производственная категорія и создается только трудомъ. Мы знаемъ, что цѣнность со всѣми формами нынѣ существующаго цѣннаго богатства

сложный результатъ соціальнаго раздѣла неравнаго прибавочнаго продукта. Никто теперь не вѣритъ, что цѣнности *эквивалентны* по затраченному на ихъ производство общественно-необходимому труду. Мало кто понимаетъ такъ элементарно, какъ это дѣлалось ранѣе, идею Родбертуса о конституированіи цѣнности. Все болѣе и болѣе, однако, слышны голоса не о конституированіи цѣнности согласно труду, а о конституированіи доходовъ работающихъ, творческихъ элементовъ общества, доходовъ, за которые идетъ борьба при всѣхъ формахъ общественнаго быта[20]).

Безжизненная идея производственнаго идеала экономистовъ-индивидуалистовъ, которые увѣряли, что продукты обмѣниваются на продукты и что въ системѣ свободнаго соперничества не можетъ быть перепроизводства и кризисовъ, опровергнута самою жизнью. Точно также убѣжденіе, будто прибыль можетъ падать только отъ роста ренты оказалось ошибкой. Опытъ жизни и теорія показали, что, какъ прибыль, такъ и другіе виды доходовъ могутъ падать отъ того способа, согласно которому въ нашемъ обществѣ совершается процессъ образованія цѣнъ.

Въ результатѣ въ началѣ 20-го вѣка мы присутствуемъ при любопытной картинѣ. Всемогущій капиталъ понялъ, что соперничество и борьба есть расточеніе силъ, что важно не безграничное бросаніе продуктовъ на рынокъ, что даже если это бросаніе продуктовъ на рынокъ будетъ совершаться всѣми отраслями промышленности пропорціонально и одновременно, что, конечно, невозможно, то и тогда можетъ наступить при возрастающей производительности труда такое обезцѣненіе продукта, которое сведетъ доходы до минимума. Повсемѣстно во всемъ культурномъ мірѣ начались организація и сочетаніе

20) Идеалистъ-государственникъ Родбертусъ, разумно отрицавшій теорію „Zusammenbruch'a“ (крушенія) капиталистическаго строя, писалъ (21 апр. 1872 г.): „Niemand wird mich je überzeugen können, dass auf die heutigen socialen Grundlagen — nämlich auf der Basis des Grund- und Kapitaleigenthums — die Lösung (wollen wir sagen, die relative Lösung) der socialen Frage in etwas Anderem zu suchen sei, als in den beiden Wörtchen: *Mehr Lohn!* Auch jedes Streben nach Gewinnantheil ist ein Abweg. — Hat die Vorsehung es im Sinn, dass die heutigen socialen Grundlagen dereinst durch andre und gerechtere ersetzt werden, (dass, wie auf eine Staatenperiode des Menscheneigenthums eine Staatenperiode des Grund- und Kapitaleigenthums folge, so auf die Staatenperiode des Grund- und Kapitaleigenthums eine Staatenperiode eines blossen Einkommenseigenthums folgen soll), so lebe ich abermals der felsenfesten Ueberzeugung, dass in dem „Mehr Lohn“ steckende relative Lösung der sozialen Frage *auf diesem Wege der geschichtlichen Vorsehung liegt*“. Briefe und Aufsätze, herausg. von Dr. R. Meyer, стр. 190.

промышленныхъ силъ въ своеобразныя боевыя соединенія. Нарождается какое то новое промышленное и групповое самоуправленіе. На смѣну аристократіи хлѣба и овса пришла новая аристократія шерсти, хлопка, сахара и желѣза и пытается нынѣ организоваться на новыхъ началахъ, провозглашая групповую, а изрѣдка даже и личную, диктатуру магнатовъ капитала. Само государство чувствуетъ эту силу. Въ Европѣ, расширяя свои предпріятія, оно становится на ряду съ общественными и муниципальными учрежденіями, которыя не отстаютъ отъ него въ этомъ дѣлѣ, „крупной капиталистической силой“. Государство и общины начинаютъ борьбу за захватъ и монополизацію многихъ общественно — необходимыхъ отраслей промышленности въ своихъ рукахъ. Натуральное хозяйство съ его *„дисперсіей“*, если можно такъ выразиться, доходовъ уступило мѣсто денежному съ своеобразной *„концентраціей“* доходовъ. Нарождается какъ бы новый промышленный феодализмъ и человѣчеству приходится искать новой контръ-силы, на которую могло бы опереться и государство, чтобы противостоять этому новому, опасному явленію и въ тоже время неизбѣжному и необходимому.

Не очевидно ли, что экономическая политика настоящаго времени должна дать такое конституированіе доходовъ, при которомъ вѣрнѣе всего достигался бы производственный идеалъ: „получать наибольшее количество продуктовъ для наибольшаго количества людей съ наименьшимъ количествомъ живыхъ и мертвыхъ издержекъ?“

Мнѣ кажется, что въ послѣднее время все опредѣленнѣе намѣчается тотъ путь, по которому для этого должна пойти экономическая политика.

Еще физіократы ясно стали различать двѣ экономическихъ политики: во первыхъ, политику чистаго дохода т. е. рентъ и прибылей и, во вторыхъ, политику валового дохода. При послѣдней формѣ дохода, учили физіократы, чистый доходъ можетъ быть незначителенъ, поглощаясь содержаніемъ „людей и животныхъ“. Они относились, и не безъ основаній, съ отрицаніемъ къ политикѣ валового дохода, указывая, что эта политика, по общему правилу, въ высокой степени непроизводительна. Она заставляетъ человѣка много трудиться, даетъ занятія множеству людей, но кормитъ ихъ впроголодь. Они видѣли, что такая политика валового дохода есть политика замкнутаго, натуральнаго хозяйства съ его дисперсіей незначительныхъ доходовъ. 19-й вѣкъ можетъ гордиться своимъ дѣломъ, онъ въ совершенствѣ развилъ политику „чистаго дохода“, капитализировавъ хозяйство; само государство научилось создавать его

своими могучими предпріятіями и пользоваться долями чужого чистаго дохода для своихъ цѣлей. Весь вопросъ въ томъ, можемъ ли мы остаться при этой политикѣ чистаго дохода или въ ней должно произойти коренное видоизмѣненіе?

Безъ всякаго сомнѣнія, вернуться назадъ къ элементарной политикѣ валового дохода — мы не можемъ. Колесо исторіи движется и должно двигаться только впередъ. Какая же политика чистаго дохода возможна при современныхъ условіяхъ?

Мы видѣли уже, что европейскія государства въ началѣ 20-го вѣка стараются замкнуться, отгородиться другъ отъ друга. Когда то вѣрили, что это самоограниченіе временно и совершается для гармоническаго развитія производительныхъ силъ промышленности. Всякому понятно, что самоограниченіе т. е. стремленіе пользоваться своими наличными силами разумно только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Самоограниченіе всегда является сокращеніемъ производительности, ибо лишь при многообразномъ использованіи всѣхъ даровъ природы и всѣхъ силъ человѣка возможно доведеніе производительности до наивысшаго предѣла. Раздробленіе мірового хозяйства, обособленіе націй есть несомнѣнно шагъ назадъ и не ради воспитанія промышленности теперь гордо поднимаетъ голову аграрный и промышленный протекціонизмъ. Несомнѣнно, долгое время эта политика попытокъ разрыва, если можно такъ выразиться, мірового хозяйства существовать не можетъ. Уже и теперь среди промышленниковъ слышатся голоса о необходимости торговыхъ соглашеній и уступокъ и, къ счастью, солидарность протежируемыхъ интересовъ во многихъ отношеніяхъ есть нѣчто мнимое. Въ предѣлахъ солидарности имѣются и крупныя противорѣчія. Да, развѣ мы можемъ серьезно говорить, что передовыя европейскія страны — Англія, Германія, Франція, Соединенные Штаты, не воспитали до сихъ поръ своей промышленности и когда же кончится этотъ періодъ воспитанія для нихъ, да и для насъ? Очевидно, въ аргументѣ Листа и въ его производственномъ идеалѣ есть какая то неправда. Воспитаніе промышленности часто не воспитываетъ или перевоспитываетъ своихъ питомцевъ, а самоограниченіе, къ которому это воспитаніе приводитъ, въ конечномъ результатѣ, означаетъ не развитіе, а ослабленіе производительныхъ силъ.

Если мы спросимъ себя, отчего въ настоящее время весь европейскій міръ находится въ трепетѣ и въ волненіи отъ такъ называемаго грядущаго нашествія Соединенныхъ Штатовъ на Европу, то поймемъ, въ чемъ заключается секретъ ея экономической политики и отчего она опасна старой Европѣ. Америка та страна, гдѣ болѣе

всего заработная плата возвысилась при общемъ ростѣ общественнаго богатства. Всѣми условіями своей промышленной жизни она показываетъ, что въ 20-мъ вѣкѣ промышленный успѣхъ можетъ принадлежать только той странѣ, которая держится политики высокой заработной платы, политики „нормальной платы въ нормальныхъ условіяхъ организованнаго труда, который только и можетъ служить „контръ-силой“ для нарождающагося промышленнаго феодализма“.

Этимъ я не хочу сказать, чтобы въ этой странѣ послѣдовательно проводилась политика заработной платы. Политика труда и заработной платы еще для всѣхъ культурныхъ странъ дѣло будущаго, но она неизбѣжна и по двумъ основаніямъ.

Во первыхъ, 19-й вѣкъ заботился о развитіи промышленности, забывая, что надо гораздо болѣе заботиться о развитіи самаго человѣка, производящаго работника. 20-й вѣкъ долженъ понять, что заработная плата т. е. вознагражденіе за трудъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, — это центральный пунктъ жизненнаго процесса народа: отъ него все зависитъ. Заработная плата съ ея многообразіемъ формъ представляетъ соціальную ренту — вознагражденіе творческаго элемента производства. Безъ нормальной ренты этому фактору производства никакія стремленія развить промышленность и поставить ее на прочную почву не могутъ имѣть продолжительнаго успѣха. Все — промышленный успѣхъ въ борьбѣ, въ соглашеніи, въ развитіи производительныхъ силъ до наивысшаго предѣла, возможность существованія и дальнѣйшаго развитія капитализированныхъ, высшихъ формъ хозяйства — все связано съ положеніемъ этого живого и творческаго фактора производства и общественной жизни. Высокія формы хозяйства, къ которымъ насъ неизбѣжно влечетъ потокъ исторіи, невозможны, теряютъ свою устойчивость безъ надлежащаго высокаго вознагражденія труда, безъ котораго экономическая машина перестаетъ двигаться.

Во вторыхъ, самое преобразованіе формъ производимаго богатства и постепенное усовершенствованіе культуры демократическаго общества невозможно безъ медленнаго, но неуклоннаго стремленія къ „конституированію рабочаго дохода и нормальныхъ условій труда вообще“, а это возможно только въ условіяхъ правовой борьбы классовъ до момента полной и совершенной организаціи общественной жизни и труда, къ которой никогда не перестанетъ стремиться человѣчество.

Приложеніе, исправленія и опечатки.

Къ характеристикѣ непроизводительнаго капитала.

По исчисленіямъ Лавелэ эмиссіонная дѣятельность всѣхъ культурныхъ государствъ можетъ быть опредѣлена для періода съ 1872-по 1892 г. слѣдующимъ образомъ[21]):

Годы.	Въ милліонахъ марокъ.			
	Займы госуд. и городовъ.	Обязательства и акціи финансов. институт. и банковъ.	Бумаги желѣзнодор. обществъ и промыш. комп.	Общая сумма.
1887	1.327	165	2.504	3.996
1888	2.332	316	3.631	6.280
1889	2.869	823	6.450	10.142
1890	1.407	490	3.169	6.517
1891	2.620	1.054	1.920	6.126
1892	734	54	1.147	2.008
1872—1892	46.689	12.485	46.842	108.072

Для періода съ 1892 мы имѣемъ такія данныя для Англіи и Германіи:

Годы.	Согласно „Экономисту“ эмиссіи въ Лондонѣ въ мил. фунт. стерлинг.	Согласно „Нѣмецкому экономисту“ эмис. Германіи по кур. ст. въ мил. мар.
1892	81,14	949,38
1893	49,14	—
1894	91,83	1420
1895	104,69	1374,62
1896	152,81	1895,13
1897	157,29	1944,70
1898	150,14	2407,15

21) см. Börsen-Enquete Kommission, Statistische Anlagen, введеніе проф. Шмоллера, стр. XXII.

Громадную массу матеріала для биржи, а также и для всѣхъ операцій непроизводительнаго капитала, доставляетъ государственный долгъ всего міра. По исчисленіямъ американской казначейской статистики возрастаніе государственнаго долга всѣхъ странъ міра изображается въ американской валютѣ съ 1793 г. слѣдующими цифрами:

Годы.	Общая сумма государствен. долга въ долларахъ.	Политическая характеристика періода.
1793	2.433.250.000	
1820	7.299.750.000	Эпоха міра и разцвѣта капиталистическаго хозяйства до 1848 г. послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ.
1848	8.419.045.000	Начало приготовленій къ новой борьбѣ: Франція, Австрія, Германія, Россія и Америка.
1862	13.382.875.000	
1872	22.410.232.500	Начало приготовленій къ балканской борьбѣ.
1882	26.249 901.000	Послѣдствія балканской борьбы и вооруженный міръ.
1900	31.201 759.000	

Эти цифры государственной задолженности не вполнѣ выражаютъ сумму денегъ, которая была выдана въ заемъ націямъ и сумму обязательствъ, принятыхъ ими на себя въ тотъ періодъ, когда эта задолженность накопилась. Было сравнительно мало случаевъ, когда государства совершали банкротства или конверсіи, путемъ которыхъ сумма долга или уничтожалась, или уменьшалась, хотя и съ повышеніемъ платимаго процента, иногда даже до половины сдѣланнаго долга. Во многихъ случаяхъ государства продавали свои обязательства ниже ихъ номинальной стоимости и, такимъ образомъ, возлагали на послѣдующія поколѣнія не только тяжесть процента, но и принимали обязательства выплачивать больше, чѣмъ сами получили. Во многихъ случаяхъ до самаго послѣдняго времени государства принуждены были продавать свои 100 обязательства по курсу 95, 90, 85, 80 и даже 55. Анализъ французскаго національнаго долга съ 1816 по 1884 г. показываетъ, что только три займа изъ 50-ти были выпущены пари, а курсъ выпуска колебался въ широкихъ предѣлахъ, доходя до 55—60; громадные займы 1871 и 1872 г. были реализованы по курсу $82^1/_2$ и $84^1/_2$. Анализъ государственныхъ обязательствъ, котировавшихся на Лондонской биржѣ въ декабрѣ 1900 г., показываетъ, что

22) см. National Debts of the World, Treasury Depart. of U. S. A., Monthly Summ. of Commer. and Fin, March 1901 г. Долларъ равняется приблизительно 2-мъ рублямъ.

$^2/_3$ тѣхъ обязательствъ, выпускной курсъ которыхъ отмѣченъ, были выпущены ниже пари; исключеніемъ изъ этого общаго правила служатъ почти исключительно обязательства Англіи, ея колоній и Соедин. Шт. Статистики американскаго казначейства приходятъ къ выводу, что въ общей суммѣ государственныхъ обязательствъ къ 1900 г. подлежитъ оплатѣ на полный билліонъ долларовъ болѣе, чѣмъ сколько было реализовано въ дѣйствительности. Общая сумма приблизительно уплачиваемыхъ государствами процентовъ и погашенія за годъ исчисляется для 1900 г. 1.300.000.000 долл. или немного болѣе четырехъ процентовъ на всю сумму долга.

По мнѣнію тѣхъ же статистиковъ процентъ на всю сумму національной задолженности міра колеблется въ предѣлахъ $2—3^1/_2$ т. е. вѣроятно онъ въ половину меньше того размѣра, который платили великія націи въ началѣ этого вѣка.

По исчисленіямъ проф. Шмоллера для 1892 сумма англійскаго богатства, которое приняло бумажную форму и потому оцѣнивается на биржѣ, достигла 3666 мил. фун. стер. т. е. равна 36% или даже 40% всего богатства этой страны[23]). Для Германіи тотъ же Шмоллеръ приводитъ также любопытныя данныя. Покойный министръ финансовъ Микель оцѣнивалъ въ 1892 г. капиталъ прусскаго частнаго богатства въ 73,8 милліардовъ марокъ, изъ нихъ выпадало на долю эффектовъ и другихъ долговыхъ знаковъ 29,731 м. мар., а именно какъ ниже слѣдуетъ:

1.	Прусскій госуд. долгъ.	6061	милліон. мар.
2.	Половина имперскаго долга	620	„
3.	Займы общинъ	1200	„
4.	Иностранныя процен. бумаги. . . .	1500	„
5.	Акціи прусскихъ промыш. товариществъ	3350	„
6.	Долговыя обязательства по гипотекамъ и закладнымъ листамъ.	17000	„

Изъ долговыхъ обязательствъ по гипотекамъ значительная доля, конечно, имѣла форму частныхъ закладныхъ. Если даже принять сумму такихъ закладныхъ въ 10 милл., что слишкомъ много, такъ какъ количество закладныхъ листовъ все болѣе возрастаетъ, то и тогда окажется, что около 16—20 милліардовъ прусскаго богатства т. е. около четверти всего богатства приняло подвижную бумажную форму, оцѣниваемую биржей.

23) ib. стр. IX и слѣд.

Шмоллеръ оцѣниваетъ всю сумму богатства Германіи въ 175 милліардовъ марокъ, изъ него, по его мнѣнію, около 30 мил. или около 17% имѣетъ уже форму эффектовъ, тогда какъ одно поколѣніе тому назадъ сумма этого богатства составляла не болѣе 4—5%.

По болѣе современной оцѣнкѣ „Нѣмецкаго Экономиста“ для 1897 г. нѣмецкій движимый капиталъ составляетъ сумму въ 74 милліарда марокъ. Изъ этой суммы бумаги, имѣющія биржевой курсъ въ странѣ составляютъ 27 м. мар., безъ такового курса 3 м., иностранныя процентныя бумаги 10 м. т. е. въ общей суммѣ около 35 милліардовъ марокъ богатства состояло изъ цѣнностей, имѣющихъ биржевой курсъ.

По вполнѣ разумному предположенію одного изъ изслѣдователей спекуляціи цѣнностями Бахмана [24]), нѣтъ ни малѣйшей возможности предполагать, чтобы ежегодно весь этотъ громадный капиталъ переходилъ изъ рукъ въ руки чрезъ перепродажу. Значительнѣйшая доля этого капитала, прежде всего, состоитъ изъ цѣнностей, приносящихъ постоянный доходъ и потому цѣпко удерживаемый, какъ постоянное помѣщеніе капитала; если предположить, что весь этотъ капиталъ мѣняетъ владѣльцевъ одинъ разъ въ шесть лѣтъ, то окажется, что необходимый годичный оборотъ цѣнностями будетъ не менѣе шести милліардовъ. Данныя биржеваго налога показываютъ намъ, на какую сумму ежегодно совершается оборотовъ на биржахъ Германіи. Какъ извѣстно, всѣ обороты ниже 600 марокъ освобождены отъ обложенія, если далѣе предположить, что обороты товарами на большинствѣ биржъ составляютъ около 10%, то тогда мы будемъ имѣть:

Бюд. годы	Сумма всѣхъ совершен. оборот. товарами и цѣн.	Приблиз. сумма оборот. бумажными цѣнностями.
1889—90	151	136
1890—91	135	122
1891— 2	110	99
1892— 3	93	83
1894	83	75
1895	105	95
1896	68½	62

другими словами для реальнаго передвиженія цѣнностей въ годъ на 6 милліардовъ совершается въ годъ оборотовъ не менѣе, какъ на 96 мил. Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и при товарной спекуляціи.

24) см. H. Bachmann. Die Effectenspeculation, Zürich, 1898, стр. 125—128.

Въ матеріалахъ Германской биржевой комиссіи имѣются любопытныя вычисленія доктора Христіана, редактора „Нѣмецкаго Экономиста“, относительно возвышенія курсовой стоимости акцій банкирскихъ и промышленныхъ предпріятій сравнительно съ ихъ номинальной стоимостью. Среднее возвышеніе курса для всѣхъ исчисленныхъ имъ предпріятій было

Съ 1878—1883	въ пять лѣтъ	36,4 %	или въ годъ	7,3 %
„ 1883—1888	„	21,1	„	4,2
„ 1888—1889		30,9	„	30,9
„ 1889—190	„	16,6	„	16,6

т. е. въ среднемъ за 12 лѣтъ почти 28 %.

Какія колебанія испытывало это движеніе курсовыхъ цѣнъ акцій по предпріятіямъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

	Среднее повышеніе (+) или (—) пониженіе сравнительно съ предшествовавшимъ моментомъ наблюденія					
	8 Янв. 1888 г.	26 Янв. 1889 г.	28 Янв. 1890 г.	3 Іюля 1891 г.	31 Дек. 1891 г.	9 Мая 1892 г.
Bergwerke und Hütten . .	+ 37,89	+ 32,82	— 30,00	— 9,11	— 12,51	— 6,80
Brauerein	+ 6,60	— 6,03	— 18,64	— 7,35	— 14,90	+ 13,18
Maschinenfabriken	+ 49,14	— 15,41	— 24,08	— 5,31	— 9,14	+ 2,84
Transport-Unternehmungen	+ 17,75	+ 1,38	— 29,34	— 20,62	— 5,65	+ 7,99
Bau-, Terrain-Gesellsch. . .	+ 23,09	+ 9,61	— 17,24	+ 2,16	+ 3,63	+ 2,69
Textil-Industrie	+ 27,51	+ 11,67	— 20,41	— 17,99	— 3,89	— 2,67
Gummiwarenfabriken . . .	+ 11,52	+ 30,28	— 6,08	+ 1,36	— 23,43	+ 8,73
Papierfabriken	+ 7,25	+ 1,06	— 11,27	— 14,57	+ 00,98	— 4,70
Chemische Fabriken . . .	+ 41,57	+ 18,71	— 12,14	— 19,23	+ 6,60	— 2,87
Zuckerfabriken	+ 19,36	— 4,95	— 14,40	— 9,76	— 1,74	— 11,00
Gas-, Wasserwerke . . .	+ 4,38	+ 11,15	— 0,18	— 5,56	— 8,05	+ 3,82
Diverse	+ 29,75	+ 17,56	— 6,33	— 12,49	— 12,86	— 0,11
Summe	+ 30,93	+ 16,69	— 21,06	— 10,44	— 9,40	— 1,45
Banken	—	+ 8,65	— 10,54	— 8,48	— 4,93	+ 6,89

Номинальный капиталъ всѣхъ исчисленныхъ имъ предпріятій былъ 273003, курсовая его цѣнность 329060 милл. марокъ т. е. средній курсъ въ процентахъ 120,53.

Какъ велики запасы банковъ во всякаго рода процентныхъ бумагахъ, показываетъ слѣдующая таблица состоянія счетовъ главнѣйшихъ банковъ Германіи (исключая билетныхъ и гипотечныхъ банковъ) къ концу года:

25) см. Landmann. System der Discontopolitik, стр. 64, Значительная доля ломбардовъ, несомнѣнно, состоитъ изъ эффектовъ.

	Годы	1890	1893	1895	1897	1898	1899	
Обязательства	Кредиторы	883	934	1276	1464	1795	2024	мил. марокъ
	Депозиты	403	387	493	604	712	813	„
	Акцепты	423	531	706	825	984	1153	„
	Чистый доходъ	98	71	111	134	162	195	„
Сумма обязательствъ		1907	1924	2587	3029	3654	4186	„
Свободн. средства	Касса	190	213	224	257	269	294	„
	Векселя	691	705	764	957	1055	1327	„
	Ломбарды	427	342	450	563	668	736	„
	Эффекты и проч.	355	375	434	506	640	714	„

Какъ видно изъ любопытнаго изслѣдованія Туркана [26]), процессъ наростанія движимаго богатства въ цѣнностяхъ во Франціи совершался также въ колоссальныхъ размѣрахъ. Вотъ картина въ измѣненіяхъ движимыхъ цѣнностей, какъ она дается во Франціи констатированнымъ переходомъ наслѣдствъ.

Годы.	Госуд. процентн. бумаги, фран. и иностр.	Цѣнныя бум., фран. и иностр.	Другая движимая собственность.	Общая сумма движим. цѣнностей.	Общая стоимость недвижим. имущ.
	Милліоны франковъ.				
1873	164,9	257,5	1.308,6	1.731,1	1.980,5
1883	319,4	610,0	1.618,1	2.547,5	2,695,1
1893	424,5	999,2	1.472,5	2.896,3	2 844,9
1898	679,3	1.402,8	2.082,1	3.531,1	3.090,2

Въ 1823 г. по котиворочному курсу Франція обладала капиталомъ движимыхъ цѣнностей не болѣе какъ въ 700—800 милліоновъ, теперь ея населеніе обладаетъ капиталомъ въ государственныхъ бумагахъ на 12—15 милліардовъ франковъ, въ иностранныхъ бумагахъ на 8—10 и около 60 милліардовъ въ другихъ бумажныхъ цѣнностяхъ, а всего капиталомъ не менѣе 80 милл. франковъ изъ общей массы всего частнаго богатства Франціи въ 1898 г. въ 212,8 милліардовъ франковъ.

Этихъ данныхъ достаточно, чтобы показать, какое громадное значеніе имѣетъ этотъ движимый капиталъ. Мы имѣемъ, кромѣ того, въ настоящее время рядъ изслѣдованій относительно того, какъ работаетъ спекуляція этимъ капиталомъ и какіе доходы умѣетъ извле-

26) см. V. Turquan. Evolution de la fortune privée en France, Revue d'Economie Politique, t. XIV, 1900 г., стр. 246—251, 241. Количество котирующихся цѣнностей на Парижской биржѣ въ 1800 г. — было только 10-ть въ 1830 г. — 30, въ 1898 г. — 1100.

кать. Особенно интересны труды Айкара, Моделя, Садлера, Эберстадта и Керези [27]).

Пользуясь данными германскаго рынка, Эберстадтъ пытается изслѣдовать ту сумму капитала, которую акціонерныя компаніи извлекаютъ съ рынка; при этомъ онъ старается строго различать сумму капитала, которую компаніи получили въ свою собственность для дѣйствительнаго веденія дѣлъ отъ той, которая была дѣйствительно извлечена съ рынка благодаря повышенной продажной цѣнѣ акцій, этимъ послѣднимъ (т. е. компаніямъ) не досталась и, слѣдовательно, представляетъ собой экономически безплодную растрату капитала, части народнаго богатства на спекулятивныя цѣли и на увеличеніе размѣровъ капитала, имѣющаго право на долю чистой прибыли предпріятій. По разсчету Эберстадта оказывается, что къ I-му января 1895 г. биржевая цѣнность акцій напр. горнозаводческихъ и рудниковыхъ предпріятій, котировавшихся на берлинской биржѣ, равнялась 777,763,163 марокъ. Къ первому апрѣля 1900 г. стоимость тѣхъ же акцій дошла до 1,475,328,463 марокъ, другими словами въ пять лѣтъ съ небольшимъ для оборота этими акціями спекуляція должна была приводить въ движеніе капиталъ возросшій почти вдвое и чистый доходъ предпріятій долженъ былъ распредѣляться на вдвое же возросшій номинальный капиталъ. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ авторъ спеціализируетъ свои данныя и даетъ намъ дѣйствительно замѣчательные факты. Такъ для горнозаводческихъ и рудниковыхъ предпріятій, которые эмиттировали свои новыя акціи въ 1899 г. онъ производитъ детальный подсчетъ того капитала, который эти предпріятія потребовали съ рынка, величину того излишка, который они сами пріобрѣли въ силу повышенія курса акцій къ I-му апрѣля 1900 г. и сумму того капитала, который должна была приводить въ движеніе спекуляція, чтобы доставить промышленности этотъ капиталъ. Оказывается, что номинальная стоимость акцій этихъ предпріятій была 108 мил. марокъ, предпріятія продали ихъ за 120 т. е. воспользовались возможностью извлечь съ рынка только на 9,6% больше. Курсовая стоимость акцій въ 1900 г. дошла до 227 мил. мар. т. е. 90,3% повышенія номинальной стоимости акцій выпадали на долю спекуляціи.

---

27) см. M. Aycard. Histoire du Crédit Mobilier, 1852—1867 Paris, 1867; Paul Model. Die grossen Berliner Effekten-Banken, Jena, 1896; H. Sadler. — Die Effektenbanken, L. 1890 г.; R. Eberstadt. Der Deutsche Kapitalmarkt, L. 1901; J. von Körösy. Die finanziellen Ergebnisse der Actiengesellschaften während des letzten Vierteljahrhunderts (1874—1898), Berlin, 1901.

Производя подсчетъ капитала, полученнаго всѣми предпріятіями горнаго и рудниковаго дѣла на германскомъ рынкѣ съ 1. Янв. 1895 по 1 апрѣля 1900 г. Эберстадтъ приходитъ къ заключенію, что предпріятія получили сами только 419 мил. марокъ, тогда какъ спекуляція увеличила стоимость этихъ акцій на 979 мил. мар. т. е. отношеніе между реально извлеченнымъ для предпріятій капиталомъ и спекулятивнымъ было, какъ 4,3 : 10.

Эберстадтъ пересматриваетъ цѣлый рядъ предпріятій по группамъ и у большинства изъ нихъ получается тоже явленіе. Ниже мы прилагаемъ табличку, въ которой сгруппированы выводы автора:

Предпріятія.	Отъ повышенія номинальной стоимости акцій выпадаетъ, какъ запросъ на общественный капиталъ.	
	на долю предпріятій.	на долю спекуляціи.
	%	%
Машиностроеніе и желѣзн. дор.	28,14	71,86
Промышленности:		
желѣзная.	19,75	80,25
электрическая.	24,58	75,42
химическая.	55,20	44,80
текстильная.	25,88	74,12
бумажная	35,00	65,00
Производства питат. прод. . . .	4,75	95,25
Въ среднемъ	27,6 %	72,4

Еще любопытнѣе для нашихъ цѣлей изслѣдованіе директора Будапештскаго статистическаго бюро Керези, разработанное по программѣ, которую авторъ защищалъ съ большимъ успѣхомъ на конгрессѣ движимыхъ цѣнностей въ Парижѣ. Керези ставитъ своей задачей изслѣдовать финансовые результаты акціонерныхъ обществъ въ Венгріи въ совокупности, какъ дававшихъ, такъ и недававшихъ доходъ. Не смотря на одинъ существенный недостатокъ этого изслѣдованія, который прямо бросается въ глаза, выводы автора имѣютъ глубокій интересъ. Авторъ слишкомъ увлекся общими результатами доходности акціонерныхъ предпріятій и, къ сожалѣнію, не прибѣгъ къ необходимой статистической спеціализаціи. Весьма важно, конечно, быть знакомымъ съ общими результатами, но столь же полезно было бы выдѣленіе въ особую группу всѣхъ только доходныхъ пред-

28) Конечно, эта средняя имѣетъ только иллюстраціонное значеніе, такъ какъ я не принимаю во вниманіе ни количества предпріятій, ни ихъ капиталовъ.

пріятій и противопоставленіе имъ всѣхъ обществъ обанкротившихся, ликвидировавшихъ дѣла и не получавшихъ дохода. При сліяніи всѣхъ обществъ воедино картина работы акціонерныхъ обществъ нѣсколько ослабляется. Впрочемъ, приведенныхъ авторомъ данныхъ достаточно для нашихъ цѣлей.

Авторъ даетъ намъ картину чистаго дохода предпріятій въ процентахъ къ акціонерному капиталу, средній дивидентъ относительнаго вѣса акціонерныхъ обществъ[29]), чистую ренту акціонера, получаемую изъ исчисленія всѣхъ полученій, какъ доходовъ, и всѣхъ расходовъ, какъ убытковъ, и сопоставляемую въ процентахъ со всей суммой капиталовъ, имѣющихъ право на дивидентъ и, наконецъ, рентабельность акціи по курсовой ея цѣнности къ 31-му декабря каждаго года. Вотъ его общіе результаты. Чистый доходъ *банковъ* за весь 25-ти лѣтній періодъ времени наблюденія съ 1874 — 1898 г. опредѣляется въ 8,3 % на номинальный капиталъ, дивидентъ на тотъ же капиталъ 7,3 % и акціонерная рента 5,4 % ; акціонерная рента на весь вложенный капиталъ 4,8 и рентабельность акціи по курсовой цѣнности къ 31-му декабря 4,9 %. Кромѣ того на каждую сотню акціонерной ренты тантьемы управленія равнялись 12 гульденамъ.

Еще болѣе внушительны результаты дѣятельности сберегательныхъ банковъ, которые не давали убытковъ. Общая сумма ихъ капиталовъ достигла къ 1898 г. 246 мил. гульд. ; чистый доходъ на номинальный капиталъ 23,6 %, на дѣйствительно вложенный — 18,6, дивидентъ 18,3, чистая рента на номинальный капиталъ 24,4 и на фактически внесенный 19,3 %, по теперешнему курсу рентабельность акціи опредѣляется въ 5,1 %, по курсамъ съ 1873—1879 г. между 9—7 %, съ 1888 г. между 6,5 и 5,5 и къ концу наблюдаемаго періода отъ 5 до 4,3 %. На 100 гульд. акціонерной ренты тантьемы управленія составляли 9,26 %.

Посмотримъ же теперь, каковъ былъ доходъ промышленныхъ товариществъ и затѣмъ проглядимъ для всѣхъ предпріятій рентабельность акціи.

Чистый доходъ за тотъ же періодъ промышленныхъ предпріятій (за годъ) былъ въ среднемъ 8,3 процента ; только одинъ разъ въ

29) Авторъ находитъ совершенно ошибочнымъ практикуемый обыкновенно пріемъ исчисленія средняго ариѳметическаго дивидента, такъ какъ значеніе отдѣльныхъ обществъ, какъ единицъ капитала, неодинаковое. Такъ, если одно общество съ капиталомъ въ 10 м. гул. приноситъ въ годъ 5 %, другое съ капиталомъ въ 1 м. гул. 10 %, то согласно исчисленіямъ автора средній дивидентъ будетъ не $7^1/_2$, а только $5^1/_2$ %.

1874 г. онъ упалъ до 3,9, одинъ разъ въ 1875 г. онъ былъ 5,2, 12 разъ былъ отъ 5,8 до 9 и 10 разъ отъ 9 до 13,2 %; средній дивидентъ 6,8; рентабельность акціи капитализировалась въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ въ 10—12 %, затѣмъ началось пониженіе съ 1891 г. до 6-ти, а съ 1898 г. даже до 4,7 %; чистая рента на номинальный капиталъ, считая всѣ потери и растраты капитала обанкротившимися предпріятіями 4,9 %. Кромѣ того на каждую сотню акціонерной ренты тантьемы управленія составляли 22,29 гульденовъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ группамъ предпріятій; они давали въ среднемъ за 25 лѣтъ[30]):

	Чистый доходъ.	Средній дивидентъ.
Mühlenindustrie	12,9 %	9,6 %
Eisen- und Maschinenindustrie	9,9	7,3
Montanindustrie	8	8
Versicherungsgesellschaften[31])	10,4	9,3
Verkehrsgesellschaften	9,8	7,7
Всѣ другія общества[32])	—	5,7
	1874 г.	1898 г.
Общая масса акц. опер. предпріятій	64	242
Капиталъ ихъ	96 Mill. fr.	366 Mill. fl.

Средній дивидентъ за 25 лѣтъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, промышленныхъ предпріятій, страхового и перевозочнаго дѣла и вообще всѣхъ другихъ особенно не поименованныхъ обществъ равнялся 8 %, номинальная чистая рента 7,1, а за исключеніемъ сберегательныхъ кассъ 5,8 %.

Рентабельность акціи выразилась для разнообразныхъ группъ предпріятій въ слѣдующихъ процентахъ:

	Банки.	Сберег. кассы.	Денежн. институты вообще.	Промышл	Страх. общ	Verkehr anst.	Друг. акц. общ.	Всѣ акц. общества.
1874—78	6,0	8,8	6,8	10,6	12,0	9,6	7,9	8,6
1879—83	6,5	6,6	6,5	7,4	5,6	7,1	7,5	6,7
1884—88	6,5	5,7	6,2	6,1	5,8	6,1	5,9	6,1
1889—93	5,8	4,7	5,4	5,0	4,8	5,8	4,9	5,2
1894—98	5,1	5,0	5,0	4,6	4,5	4,0	3,3	4,8
1874—96	6,0	6,2	6,0	6,7	6,5	6,5	5,9	6,3

30) см. стр. 121, 123, 124, 125, 126, 127, 131. 132.

31) Тантьемы управленія 20,55 % акціонерной ренты, стр. 137.

32) Промышленность спиртныхъ напитковъ — дивидентъ 7,6, промышленность по переработкѣ сельско-хозяйств. продуктовъ 3,4, строительное дѣло 6,3, типографское дѣло 9,1 %.

Распредѣленіе чистаго дохода совершалось такъ:

Акціонеры получили изъ него . . . . . 74,52 %
Въ резервные фонды отчислено . . . . 9,43 %
Тантьемы въ среднемъ составляли . . . 8,32 %

Сдѣлаемъ еще немного дополнительныхъ замѣчаній и у насъ будетъ достаточно матеріала, чтобы получилась маленькая картинка изъ жизни непроизводительнаго капитала.

Ростъ движимаго капитала и преобразованіе промышленныхъ предпріятій на акціонерныхъ началахъ породилъ и новое явленіе въ нашей промышленной жизни, такъ называемые банки движимаго кредита (Crédit Mobilier) или, какъ гораздо правильнѣе выражаются нѣмцы, банки „процентныхъ бумагъ“ (Effeckten-Banken).

Первымъ такимъ банкомъ, который сталъ торговать процентными бумагами и сдѣлалъ эту операцію чисто банковымъ дѣломъ, былъ извѣстный „Crédit Mobilier“, созданный послѣдователями Сэнъ Симона, извѣстными евреями братьями Перейра. Крахъ этого банка не повелъ къ исчезновенію подобныхъ же другихъ банковъ. Нѣтъ, онъ послужилъ первымъ опытомъ, который принесъ роскошные плоды. Всѣ крупнѣйшіе банки всего міра занимаются теперь подобными операціями. Цѣль всѣхъ этихъ банковъ грюндерство и финансированіе промышленныхъ предпріятій, трансформація частныхъ предпріятій въ акціонерныя, сліяніе акціонерныхъ предпріятій воедино или раздѣленіе ихъ на разныя предпріятія, посредничество при заключеніи займовъ и конверсіи ихъ, выпуски всякихъ бумагъ, созданіе синдикатовъ для веденія подобныхъ дѣлъ на общихъ началахъ, ссуды подъ процентныя бумаги всякаго рода и репортныя операціи.

Главная ихъ цѣль собираніе разницъ по продажѣ бумагъ, которыя еще не получили прочнаго помѣщенія.

Двухъ примѣровъ достаточно, чтобы судить о доходахъ подобныхъ предпріятій. Я привожу подсчетъ того дохода, который давалъ банкъ братьевъ Перейра по изслѣдованію Айкара и четыре выдающихся нѣмецкихъ процентныхъ банковъ по изслѣдованію Моделя.

Банкъ Перейровъ давалъ процентовъ на акцію въ 500 ф. и дивидента: въ первый же годъ послѣ своего созданія 1 іюля 1853 — 6,25 фр. на акцію процентовъ и дивидента, 1 января 1854 — 9, 1 іюля 1854 —24 фр., всего 40,25 фр., взносъ на акцію за это время былъ всего 300 франковъ, значитъ 13,4% [33]).

33) см. Aycard, стр. 82. 121, 216, 288, 321, 345, 380, 405, 406. Дивидентъ 1857 г. былъ исчисленъ въ 23% и въ 1858 — 44,04, но не былъ уплаченъ бла-

Годы.	Процента и дивидента.	Годы.	Процента и дивидента.	Годы.	Процента и дивидента.
1855	около 12 %	1859	около 7_{50} %	1863	около 25 %
1856	„ $40_{,74}$ „	1860	„ 10 „	1864	„ 15 „
1857	„ 5 „	1861	„ 10 „	1865	„ 5 „
1858	„ 5 „	1862	„ 25 „		

Другими словами, за 12 лѣтъ своего существованія Банкъ давалъ въ среднемъ 14,4 % на акцію. Въ 1866 г. Банкъ потерпѣлъ крушеніе и понесъ потерь болѣе 16 мил. франковъ.

Нынѣ, конечно, процентные банки не имѣютъ такого монопольнаго положенія, какъ Банкъ Перейровъ, но все же результаты дѣятельности четырехъ германскихъ банковъ характерны [34]).

Смотри таблицу на стр. 489.

Такимъ образомъ результаты дѣятельности были:

	Доходъ отъ обыкн. опер.	Доходъ отъ оборотовъ бумагами.	Дивидентъ въ %.
Дармштадскій Банкъ	$5_{,5}$	$1_{,86}$	$7_{,5}$
Дисконтное общество	$7_{,6}$	$4_{,17}$ м. м.	$8_{,5}$ %
Нѣмецкій Банкъ	10	$2_{,4}$	9
Дрезденскій Банкъ	$7_{,5}$	$2_{,4}$	$8_{,8}$

Изъ этихъ данныхъ видно, что отъ одной трети до половины дохода эти банки получили изъ операцій бумажными цѣнностями.

годаря пониженію акцій, вызванному политическими событіями (покушеніе на Наполеона и италіанская война).

34) см. Model, l. c., стр. 179 и приложенія; подъ обычными банков. операціями Модель понимаетъ: Sorten, Koupons, Wechsel, Zinsen, Provisionen, Kommanditen.

	Дисконтное общество.						Дармштадтскій банкъ.						Нѣмецкій банкъ.						Дрезденскій банкъ.					
	Доходы отъ обычныхъ банковыхъ операцій.	Доходы отъ операцій бумагами, отъ консортіал. д.	Доходъ отъ перенесенія на новыя счета.	Валовой доходъ.	Доходъ отъ обыкн. банк. опер. въ % на акц. капит.	Дивидентъ въ % на акц. капиталъ.	Доходы отъ обычныхъ банковыхъ операцій.	Доходы отъ операцій бумагами, отъ консортіал. д.	Доходъ отъ перенесенія на новыя счета.	Валовой доходъ.	Доходъ отъ обыкн. банк. опер. въ % на акц. капит.	Дивидентъ въ % на акц. капиталъ.	Доходы отъ обычныхъ банковыхъ операцій.	Доходы отъ операцій бумагами, отъ консортіал. д.	Доходъ отъ перенесенія на новыя счета.	Валовой доходъ.	Доходъ отъ обыкн. банк. опер. въ % на акц. капит.	Дивидентъ въ % на акц. капиталъ.	Доходы отъ обычныхъ банковыхъ операцій.	Доходы отъ операцій бумагами, отъ консортіал. д.	Доходъ отъ перенесенія на новыя счета.	Валовой доходъ.	Доходъ отъ обыкн. банк. опер. въ % на акц. капит.	Дивидентъ въ % на акц. капиталъ.
	Въ милліонахъ марокъ.				Въ процентахъ.		Въ милліонахъ марокъ.				Въ процентахъ.		Въ милліонахъ марокъ.				Въ процентахъ.		Въ милліонахъ марокъ.				Въ процентахъ.	
1889	8,1	7,5	0,1	15,7	13,3	14	6,3	3,5	0,1	9,9	8	10,5	10,8	3,5	0,5	14,8	14,5	10	7,1	4,5	0,1	11,7	12	11
1890	8,4	7,2	0,1	15,8	14	11	6,6	3,1	0,1	9,8	8,5	9	11,6	2,9	0,5	15	15,3	10	8,2	2,1	0,1	10,5	13,5	10
1891	8,6	2,7	0,2	11,4	14,5	8	5,4	0,4	0,1	5,9	7	5,25	10,7	2,5	0,5	13,7	14	9	6,6	0,1	0,1	6,9	11	7
1892	6,7	2,1	0,1	8,9	11	6	4,9	1	0,1	6	6	5,25	9,3	2,5	0,4	12 2	12,5	8	6,8	3,1	0,1	10	10	7
1893	7,2	3,6	0,1	10,9	12	6	5,1	0,7	0,1	5,9	6,5	5,25	10,7	1,1	0,4	12,2	14	8	7	1,2	0,1	8,3	10	5,5
1894	6,9	5,1	0,1	12,3	11,5	8	5	2,5	0,0	7,6	6,5	7	10,1	3,4	0,3	13,8	13,5	9	6,6	3,4	0,1	10,1	9,5	8
Въ средн. за 6 лѣтъ	7,6	4,7	0,15	12,5	12,6	8,5	5,5	1,86	0,1	7,5	7,8	7,5	10,5	2,4	0,43	13,6	13,9	9	7,5	2,4	0,1	9,6	11	8,8

Исправленія.

1) Къ стр. 7, къ примѣчанію. Мелонъ, этотъ послѣдній представитель умиравшей доктрины меркантилизма, имѣлъ значительное количество послѣдователей во всѣхъ странахъ Европы. Во Франціи его послѣдователями были Дюто, Вольтеръ и Форбоннэ, въ Италіи — Броджіа, Беллони, Дженовези, Верри, въ Англіи — Стьюартъ (сравни любопытную книгу: A. Dubois. Précis de l'Histoire des doctrines économiques dans leurs rapports avec les faits et avec les institutions, т. I., L'époque antérieure aux Physiocrates, Paris, 1903).

2) Къ стр. 330, стр. 17. Еще въ своемъ изслѣдованіи о „Деньгахъ“ (стр. 208—209) я писалъ: „основное положеніе всего ученія Рикардо можетъ быть выражено такъ: „при предположеніи нѣкоторой однообразной для всего народнаго хозяйства нормы заработной платы и прибыли цѣнности произведенныхъ продуктовъ относятся между собой, какъ количества затраченнаго на ихъ производство труда.“ Не трудно эту „математическую банальность“ иллюстрировать числовымъ примѣромъ. Предположимъ, что продуктъ А производится въ 300 дней, при рабочей платѣ 2 и прибыли на затраченный капиталъ 5%; продуктъ Б производится въ 500 дней при той же платѣ и прибыли; тогда стоимость продукта $А = 300 \times 2 + 5\%$ на 300×2 или $\frac{300 \times 2}{20}$; стоимость $Б = 500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20}$; отношеніе цѣнностей-стоимостей $А : В = 300 \times \frac{300 + 2}{20} : 500 + \frac{500 \times 2}{20}$ или $А : В = 300 (2 + \frac{2}{20})$; $500 (2 + \frac{2}{20})$; сокращая равные члены получимъ $\frac{А}{В} = \frac{300}{500}$. Всѣ стремленія Рикардо сводятся къ тому, чтобы доказать, что при сравненіи цѣнностей продуктовъ равныя рабочія платы и прибыли, такъ сказать, взаимно сокращаются, безъ большой ошибки могутъ быть приняты за единицу и тогда получается выводъ о трудовой цѣнности, какъ о законѣ относительныхъ количествъ труда, разумѣется на предѣльной землѣ или по предѣльной его производительности, который гласитъ, что между количествомъ затраченнаго труда и мѣновой цѣнностью продукта имѣется постоянное и необходимое соотношеніе. Это положеніе отрицать нельзя, но оно слишкомъ элементарно и недостаточно.

3) Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ въ моей и университетской Библіотекѣ нѣкоторыхъ сочиненій Мальтуса на англійскомъ языкѣ, мнѣ пришлось цитировать этого писателя по французскому и нѣмецкому переводу.

4) Къ стр. 238, примѣч. 10 и къ стр. 257, прим. 26.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Марксу (отъ 12 Мая 1851 г.) Лассаль привѣтствуетъ появленіе брошюры противъ Прудона и выражаетъ надежду скоро получить три тома сочиненій самого Маркса — „das dreibändige Ungeheuer des Socialist gewordenen Ricardo". „Miſsverstehe mich nicht, пишетъ Лассаль, wenn ich sage Socialist gewordener Ricardo. Aber ich halte in der That Ricardo für unsern gemeinsamen Vater. Ich halte seine Definition der Grundrente für die gewaltigste kommunistische That . . . Rodbertus hat „Socialistische Briefe" geschrieben, worin er, wie man mir sagt, jede zinstragende Kraft des Kapitals verbannt wissen will . . . Hast du sie gelesen? Zwar heiſst es wohl billig: was kann von dorther Gutes kommen". (Aus dem literarischen Nachlaſs von K. Marx, B 4, стр. 30—31). Это письмо — весьма интересный документъ. Прочтя „Нищету философіи", Лассаль убѣдился, что Марксъ чистокровный Рикардіанецъ. Основа всей системы Маркса въ этой брошюрѣ рента съ ея предѣльнымъ принципомъ (сравни также у насъ стр 176). Къ теоріямъ Родбертуса Лассаль относится съ пренебреженіемъ, хотя уже и до появленія этихъ писемъ („Zur Erkenntnis" — появилосъ въ 1842) Родбертусъ ясно видѣлъ, что предположеніе о наличности на предѣльной землѣ двухъ доходовъ (плата — прибыль) теоретически доказано быть не можетъ. Я старался доказать на протяженіи всего своего изслѣдованія, что, допустивъ вообще реальный фактъ существованія дифференціаціи доходовъ, мы съ равной убѣдительностью можемъ признать наличность на предѣльной землѣ всѣхъ трехъ видовъ доходовъ, которые на землѣ высшей производительности могутъ по величинѣ равняться только двумъ доходамъ (плата — прибыль) при наличности и третьяго дохода: ренты. Устраненіе „ренты" путемъ предѣльной земли еще не доказываетъ правильности „трудовой цѣнности". (ср. у насъ стр. 181—191). Что же касается до земельной ренты, то я много разъ повторялъ, что она рента рѣдкости, производительности и соціальнаго раздѣла особой производительной силы — земли, ренты, которая также естественна и соціальна, какъ таковая же рента капитала т. е. зависитъ отъ прибавочнаго труда, отъ содѣйствія оказываемаго человѣку другими производительными силами, отъ прибавочной цѣны.

5) На стр. 365 непріятный недосмотръ: стр. 4, снизу, — написано *ложь* — надо читать *ошибка*.

Замѣченныя опечатки.

			Напечатано.	Слѣдуетъ читать:
Стр.	13	строка 8 сн.	miex	mieux
„	19	„ 16 сн.	появляетъ	поясняетъ
„	22	„ 12 св.	замѣчаетъ намъ	замѣчаетъ
„	25	„ 3 сн.	какъ	какъ бы
„	29	„ 12 св.	казцистической	казуистической
„	31	„ 20 сн.	исскуствъ	искусствъ
„	32	„ 10 св.	пониженію	пониженія
„	40	„ 21 св.	ассоціаціей	ассоціацій
„	52	„ 11 св.	увидимъ насколько	увидимъ впослѣдствіи,
„	68	„ 11 св.	пайдти	найдти
„	68	„ 1 сн.	Bodrignes	Rodrigues
„	69	„ 12 св.	міровозрѣнія	міровоззрѣнія
„	79	„ 9 сн.	Сэя	Сэ.
„	80	„ 7 сн.	1	14
„	84	„ 11 сн.	scilled	skilled
„	85	„ 4 сн.	страданіи	страданій
„	89	„ 6 сн.	utilité	l' utilité
„	90	„ 6 сн.	исскуства	искусства
„	107	„ 7 сн.	т. е.	т. е. по
„	112	„ 10 сн.	условіи	условій
„	112	„ 9 сн.	разной силы	разнаго знанія
„	128	„ 6 сн.	какъ результатъ ея	какъ результатъ
„	144	„ 1 св.	подъ понятіемъ	въ понятіе
„	200	„ 6 сн.	стр. 132	стр. 132, 420—21.
„	210	„ 20 св.	Щенкина	М. П. Щепкина
„	215	„ 7 св.	обмѣнивающіяся	обмѣнивающіеся
„	228	„ 12 сн.	и проф.	у проф.
„	250	„ 2 сн.	nnd	und
„	250	„ 16 сн.	ветеринаркомъ	ветеринарномъ
„	255	„ 11 сн.	участоъ	участокъ
„	256	„ 2 сн.	предѣльныхъ,	предѣльныхъ
„	291	„ 6 сн.	приносятъ	приноситъ
„	298	„ 3 сн.	слюдуетъ	слѣдуетъ
„	333	„ 18 сн.	произродства	производства
„	348	„ 13 сн.	г. Туганъ	г. Туганъ-Барановскій
„	362	„ 14 сн.	оркл. отъ цѣны	отклон. отъ цѣнн.
„	380	„ 21 сн.	прибылъ	прибыль
„	383	„ 1 сн.	увеличиветъ	увеличиваетъ
„	384	„ 3 сн.	накопленіе прибыли: рента	накопленіе прибыли, капитализація
„	400	„ 11 св.	602	62.
„	408	„ 9 св.	богадства	богатства.

Другіе труды того же автора.

1. Объ исправительныхъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ, Черниговъ, 1889 г.
2. Обязательное обученіе въ сельской начальной школѣ, Черниговъ, 1890 г.
3. Деньги, опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса, Москва, 1895 г.
4. Ингрэмъ. Исторія политической экономіи, переводъ съ англійскаго, два изданія: 1891 года и 1897 г., значительно дополненное и снабженное примѣчаніями переводчика.
5. Д. С. Милль. Основанія политической экономіи, сокращенный переводъ со вступительной статьей о жизни и дѣятельности Д. С. Милля, Москва, 1895 г.
6. Машины и народное благосостояніе, Міръ Божій, 1895 г.
7. Рабочій вопросъ и соціальное законодательство въ Германіи, Сборникъ Правовѣдѣнія, 1895 г. и второе изданіе отдѣльной брошюрой, С.-Петербургъ, 1896 г.
8. Денежный вопросъ въ литературѣ и въ явленіяхъ дѣйствительной жизни, пять статей въ Вѣстникѣ Финансовъ 1895 г. и отдѣльной книгой, С.-Петербургъ, 1896 г.
9. Какъ и на какихъ началахъ достигла Англія всеобщаго обученія своего населенія, Русская Мысль, 1896 г.
10. Жизнь и произведенія Франсуа Кене, введеніе къ первому русскому переводу сочиненій Кене въ выдержкахъ, намѣченныхъ А. Миклашевскимъ, Москва, 1896 г.
11. Реализмъ и идеализмъ въ политической экономіи, вступительная лекція въ Юрьевскомъ университетѣ, Юрьевъ, Извѣстія Университета, 1896 г. и отдѣльной брошюрой.
12. Разсчетныя Палаты и ихъ организація, С.-Петербургъ, 1898 г.
13. Денежное дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, шесть статей и отдѣльными оттисками; результаты изслѣдованія, произведеннаго при поѣздкѣ въ Америку, Экономическое Обозрѣніе, 1898—1900 г.
14. Трудовая цѣнность и теорія дифференціальной прибыли, Народное хозяйство, 1900 г.
15. О роскоши или кѣмъ лучше быть, стоикомъ или эпикурейцемъ, публичная лекція, Образованіе, 1900 г.
16. Monetary Reform in Russia, Econ. Journal, 1896 г.
17. Въ Большой Энциклопедіи статьи: валюта, биметализмъ, деньги; въ Энциклопедіи Брокгауза статьи: Воскресный отдыхъ, Галіани, Гомстедъ, Джевонсъ, Золото, Кене, Оуэнъ, Международное общество рабочихъ, Серебро. Кромѣ того разныя рецензіи, статьи и замѣтки въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, Юридическомъ Вѣстникѣ, въ Экономическомъ журналѣ, въ Вѣстникѣ Финансовъ, въ Экономическомъ Обозрѣніи и друг. изд.

1.50
15
491
Est.
B-1381
2926

Цѣна 3 р. 50 к.